



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80

272

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1879

№ 11 НОЯБРЬ



САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. КРАВСКАГО (Басейная, № 2).

I. — У ПРИСТАНИ. Романъ въ трехъ частяхъ. С. Смирновой.	5
II. — ТЕМЗА. (Изъ Барбье). (Стихотвореніе). И. П. Иванова.	109
III. — КРАПИВНИКИ. (Разсказъ). И. Салова.	113
IV. — ЛИВЕРПУЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ФИНАНСОВЫХЪ РЕФОРМЪ. Ивана Яннула.	161
V. — КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II. В. И. Семеновскаго.	201
VI. — ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ. (Посвящается кабатчикамъ, мѣняламъ, подрядчикамъ, желѣзнодорожникамъ и прочимъ міровѣдскихъ дѣлъ мастерамъ). Н. Щедрина.	261
VII. — ИСПЫТАНІЕ. Романъ Джеси Фотертиль Часть вторая. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 107—186).	

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

VIII. — НОВЫЕ ПРОЕКТЫ ЗЕМЕЛЬНАГО УСТРОЙСТВА КРЕСТЬЯНЪ. А. Сиворцова.	1
IX. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Затрапезныя инсуррекціи.—Банкеты легитимистовъ въ Парижѣ и провинціяхъ.—Письмо Эрве и рѣчь Бараньона.—Вандейская демонстрація.—Сдержанность графа Шамбора.—Выборъ Эмбера.—«La République Française» и полная амнистія.—Циркуляръ Ле-Ройэ.—Отставка роялистскихъ мѣровъ.—Оправданіе судомъ Кассанья и осужденіе «Марсельезы».—Возвращеніе Ферри.—Повѣдка Луи Блана.—Образъ дѣйствій Гамбетты.—Разногласія въ центральныхъ группахъ палаты.—II. Театральныя новости: недостатокъ хорошихъ новыхъ пьесъ и изобиліе посредственныхъ.—«Жонатанъ», комедія гг. Гондина, Освальда и Жиффара.—«Кукушечки», Адольфа Бело и Эмиля Нюса.—«Страданія матери», Альфонса де-Лонэ.—«Лолотта» и «Аббатикъ» на сценѣ театра Водевилья.—«Мельница Рупейрака», Фалье.—«Винценториксъ», историческая хроника Анри Мартена.—«Крошка», Мориса Драке.—«Les Raques fleuries», оперетка Лаконба.—Концертъ Патти въ Троядерскомъ Дворѣ.	

(См. страницу 3-ю).

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ“

въ 1880 году.

„Отечественныя записки“ въ 1880 году будутъ издаваться подъ редакціей М. Е. Салтыкова (Щедрина) при постоянномъ участіи Г. З. Елисеева и Н. К. Михайловскаго. Сотрудники журнала, а равнымъ образомъ, срокъ выхода книжекъ, объемъ и форматъ журнала останутся прежніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, безъ доставки . . .	15 р. 50 к.
Съ доставкою (въ С.-Петербургѣ)	16 > — >
Съ пересылкою	17 > — >

За границу:

Въ Германію и Австрію	} 19 руб.
> Бельгію и Нидерланды, Придунайскія Княжества.	
> Данію	
> Англію, Швецію, Испанію, Португалію	
> Турцію и Грецію	
> Швейцарію	
> Италію	
> Америку	
> Францію	

Подписка на «Отечественныя Записки» 1880 г. принимается попрежнему только въ мѣстахъ нижеозначенныхъ, за которыя редакція вполне отвѣтственна; экземпляры «Отечественныхъ Записокъ» въ 1880 году будутъ попрежнему сдаваться въ газетную экспедицію въ бандероляхъ, съ адресомъ получателя и съ обозначеніемъ числа, когда № сданъ на почту. Подписка въ почтовыхъ конторахъ не принимается.

Вслѣдствіе заявленія Почтоваго Департамента, редакція доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что жалобы на неполученіе №№ журнала должны быть доставляемы своевременно, то-есть не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ: Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

Въ Москвѣ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» въ Петербургѣ, присылая свои адреса, четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, такъ какъ Газетная Экспедиція Спб. Почтамта отвѣчаетъ за аккуратную доставку только чрезъ свои отдѣленія и конторы; относительно же экземпляровъ, адресуемыхъ на станціи желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ не имѣется почтовыхъ отдѣленій, никакихъ справокъ не дѣлаетъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССXLVII.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейная, № 2).

1879.



У ПРИСТАНИ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жизнь есть комедія для человека мыслящаго
трагедія для того, кто живетъ чувствомъ.

Горасъ Валлонъ.

I.

Въ небольшомъ женскомъ будуарѣ, принадлежавшемъ, судя по кокетливой палевой обивкѣ, какой-нибудь хорошенькой брюнеткѣ, неслышными шагами ходилъ по ковру Левицкій. Онъ ходилъ такъ уже съ полчаса, замѣтно начиная терять терпѣніе, поглядывая то на дверь, откуда никто не показывался, то на зеркальныя стекла оконъ, откуда былъ прекрасный видъ на Неву, старательно, впрочемъ, закрытый кружевомъ занавѣсокъ и желтымъ штофомъ драпировокъ. Изъ всѣхъ зеркалъ сбоку и сверху глядѣло на него его собственное угрюмо-сосредоточенное выраженіе. Куда бы онъ ни повернулся, вездѣ шель ему навстрѣчу его двойникъ съ озабоченнымъ взглядомъ свѣтившихся изъ глубины сѣроватыхъ глазъ и съ острой морщиной на лбу. Сначала прогулка эта какъ будто даже и занимала его: онъ заглянулъ въ альбомы, разложенныя по столамъ съ видами Рима, Неаполя, Парижа и другихъ городовъ Европы, нѣсколько разсѣяннѣе перелистывалъ альбомы съ портретами разныхъ фрейлинъ и дипломатовъ, посмотрѣлъ въ рабочую корзину, гдѣ нашель только два мотка шерсти и узоръ, опустилъ руку на столикъ съ визитными карточками; вынулъ наудачу одну, прочелъ *«ambassadeur*

de France», задумался и возобновилъ свою прогулку. Отъ скуки, онъ взялъ-было нѣсколько книгъ съ этажерки, одна оказалась Токвиля «Le vieux régime et la Révolution», другая какой-то «Voyage en Turquie», третью онъ и смотрѣть не сталъ.

Широкіе листья пальмъ, толстые мясистые кактусы и мелкая зелень какихъ-то ползучихъ растеній пріятно ласкали глазъ; въ воздухѣ чувствовалась та крѣпкая ароматная свѣжесть, которая напоминаетъ оранжерею—и все же нашъ герой замѣтно скучалъ. Любитель изящнаго, онъ даже не обратилъ вниманія на старинный фарфоръ, украшавшій каминъ, и только мелькомъ, какъ на слишкомъ знакомыя вещи, взглянулъ на прекрасныя картины. Рѣдкія эмали, камни и страшно дорогая, по своей рѣдкости, группа розъ съ зелеными экземплярами, все, чтó возбудило бы любопытство всякаго посторонняго посѣтителя, ему, уже какъ видно дежурившему тутъ не первый и не послѣдній разъ, замѣтно приглядѣлось.

Чья-то рука невидимо приподняла портьеру, быстро и неслышно раздвинула ее и тотчасъ же скрылась. Левицкѣй въ одну минуту переиѣнилъ свое угрюмое выраженіе на почтительно-выжидающее, невольнымъ движеніемъ выправилъ маншеты, принялъ нѣсколько печальную позу и такъ остановился. Прошло еще минуты двѣ.

Послышался шелестъ чего-то тяжелаго, бархатнаго или атласнаго, голосъ, отдававшій какія-то приказанія, и въ дверяхъ показалась, продолжая отдавать приказанія, высокая, полная дама, черзчуръ бѣлая и розовая для своихъ лѣтъ, которыхъ было ей не меньше пятидесяти, съ старательно нарисованными бровями, съ горбинкой на носу и синеватыми кругами около глазъ. На ней было тяжелое, бархатное платье, обшитое какими-то мѣхами, толстый золотой лорнетъ на тяжелой цѣпи и очень пышная высокая прическа съ иголкой изъ вишневыхъ лентъ. Мѣха на ея мощной груди замѣтно поднимались и опускались, на ея мягкомъ, двойномъ подбородкѣ лежала пріятная бѣлизна, возобновлявшаяся каждое утро и слегка освѣжавшаяся передъ обѣдомъ.

Дама эта была очень важная особа, княгиня М.

— А, мой дорогой! вы ужь здѣсь! встрѣтила она его. — Я, кажется, заставила васъ ждать.

Кажется! Онъ ждалъ ее около часу. Онъ молча и почтительно поклонился.

— Вы не можете себѣ представить. Меня нынче все утро сердать.

Она плавнымъ и величественнымъ движеніемъ опустила на кресло и пригласила его сдѣлать то же. Чрезвычайно представи-

тельный мужчина съ длинными, красиво расчесанными черными, какъ смоль, бакенбардами, стоялъ въ дверяхъ, видимо ожидая распоряженій.

— Больше ничего не прикажете? спросилъ онъ звучнымъ, приятнымъ баритономъ.

— Ахъ, ничего! идите, пожалуйста. Это скучно, наконецъ.

Брюнетъ неслышнô сѣрнулся. Это былъ старшій дворецкій княгини, котораго она держала главнымъ образомъ за его бакенбарды и баритонъ, хотя и знала, что онъ обкрадываетъ ее жестоко.

— Какъ я рада, голубчикъ, что вижу васъ. Садитесь поближе! что вы такъ далеко сѣли! А вы что-то какъ будто похудѣли. (Она отодвинулась и посмотрѣла на него издали). Vous travaillez comme quatre, n'est ce pas?

«Comme quatre! подумалъ Левмицкій со злобой. — Если взять такихъ, какъ ты, такъ я работаю за десятерыхъ».

— Вы со мной позавтракаете? не правда ли? Или нѣтъ, вотъ что! я велю подать сюда чаю.

И, не дожидаясь отвѣта, она пришла на столъ пуговку звонка. Такихъ звонковъ было у нея нѣсколько, и она какъ на клавишахъ играла на нихъ, заставляя выскакивать то одного, то другого лакея. Левицкій увѣрялъ потомъ, что когда сидишь съ ней такимъ образомъ, то отъ этихъ лакеевъ дѣлается, наконецъ, мельканіе въ глазахъ. Цѣлый день то тотъ, то другой беззвучно показывались въ дверяхъ, выслушивая самыя разнообразныя приказанія.

— У меня до васъ большая, очень большая просьба! начала она, когда ея гость, ничего еще въ этотъ день не ѣвшій, чтобы сдѣлать ей приятно, вливалъ въ себя чашку горячаго и крѣпкаго, какъ пиво, чаю.—Но прежде вотъ что, скажите мнѣ откровенно: вы желали бы отдохнуть отъ вашихъ занятій?

«Куда это она клонить?» подумалъ Левицкій.

— Nos désirs, madame, началъ онъ по-французски, нарочно прибѣгая къ этому языку, чтобы словомъ «madame» замѣнить неловкое «ваше сіятельство»:—sont si rarement satisfaits, que nous finissons par ne plus en avoir. Я, право, не знаю, продолжалъ онъ по-французски же:—есть ли у меня какія-нибудь желанія. Намъ, простымъ работникамъ, сказать себѣ: хочу! или: не хочу странно какъ-то, даже я скажу болѣе: невозможно.

— Но, однакоже, перебила она его такимъ тономъ, какъ бы желала сказать ему: Finissons, mon cher! что ты мнѣ рассказываешь! — Однакожъ!.. Человѣкъ живетъ тѣмъ, что чего-нибудь желаетъ. Желанія его могутъ быть разнообразны, я не спорю,

но на всѣхъ ступеняхъ общества, отъ двorca и до хижины, мы всѣ чего-нибудь желаемъ.

Онъ склонилъ голову.

— Отдыхъ имѣлъ бы для меня цѣну только тогда, когда бы я зналъ, что онъ дастъ мнѣ новыя силы. Но я знаю, что этого не будетъ: мой приговоръ подписанъ.

— О! зачѣмъ такое уныніе! Il ne faut pas se décourager. Jamais, mon ami, jamais! Avec de la bonne volonté on parvient à tout...

И она долго еще говорила въ томъ же духѣ. «Куда она клонить?» думалъ все Левицкій, который слишкомъ хорошо зналъ ее, чтобы повѣрить въ искренность ея словъ.

— Видите ли въ чемъ дѣло, мой другъ, высказалась она, наконецъ.—Мой мужъ, какъ вы знаете, теперь въ Штутгартѣ.

«Что такое еще?» со страхомъ думалъ Левицкій.

— Я уже второе письмо отъ него получаю, въ которомъ онъ проситъ меня настоятельно привести къ нему дѣтей—младшихъ, вы знаете, Павла и Евгенія. Но я рѣшительно не могу ѣхать. Un tas d'affaires! J'en ai jusqu'ici. (Она показала на свой мягкій подбородокъ). Pas un moment de répos! Я не знаю, какъ я еще не свалилась.

«Ну, ты не скоро свалишься!» подумалъ Левицкій, принимувъ на глазомѣръ ширину ея корпуса.

— Впрочемъ, я это объясню тѣмъ, что дѣятельная жизнь для меня полезна. Иначе меня давно бы ужъ не хватило. Я встаю въ шесть часовъ, вы знаете, ложусь въ двѣнадцать—et me voilà! Я крѣпче всѣхъ васъ. Но мой мужъ... онъ сидитъ тамъ въ своей Германіи... Я ея не люблю, этой Германіи, я ея терпѣть не могу... и думаетъ тамъ, что это все такъ... само собою... что я здѣсь живу, веселюсь и все это такъ...

Она сдѣлала неопредѣленное движеніе лорнетомъ.

— Однимъ словомъ, я не могу ѣхать. Объ этомъ нечего и думать. Но послать дѣтей съ кѣмъ-нибудь, съ какимъ-нибудь тамъ педагогомъ, котораго мои мальчики—вы знаете, они большіе шалуны — не станутъ даже и слушать, я тоже не могу. Я никогда на это не рѣшусь. Въ эти года свобода такъ опасна!

Она сняла висѣвшій у нея на поясѣ флаконъ, открыла его и поднесла на минуту къ лицу. Левицкому показалось, что это онъ долженъ былъ бы сдѣлать, а не она. Онъ начиналъ уже ощущать легкій ознобъ при мысли о томъ, какое порученіе его ожидаетъ. Такъ вотъ зачѣмъ прислали за нимъ два раза расшитаго галунами лакея! Сомнѣваться долѣе было невозможно. Княгиня просила его отвезти ея дѣтей въ Штутгартъ. Отвезать

онъ не могъ. Если пріятно было имѣть ее своимъ другомъ, т. е., другими словами, быть принятымъ у нея въ домъ, о чемъ онъ долго и неуспѣшно хлопоталъ, то имѣть ее своимъ врагомъ значило надѣлать себѣ пропасть хлопотъ. Доступъ къ ней отъ крывалъ ему двери во всѣ великосвѣтскіе салоны, а онъ, хотя и чувствовалъ къ аристократамъ ненависть плебея, хорошо, однакожь, понималъ, что разъ условія службы втолкнули его въ этотъ кругъ, надо или стать тамъ прочно, или уходить вонъ. Последняго онъ не хотѣлъ, а первое требовало отъ него многихъ и тяжелыхъ жертвъ. Но глупѣй и смѣшнѣй этого педагогическаго посольства въ Германію онъ не могъ представить себѣ ничего. Брать съ молодыми князьями въ Штутгардъ, взять милыхъ шамуновъ къ нимъ панашѣ, который, какъ извѣстно, за нять былъ въ Германіи тѣмъ, что копилъ деньги и строилъ себѣ домъ, куда тащилъ все, что можно изъ Россіи. «Чортъ знаетъ, какъ глупо!» думалъ онъ. Но помимо того, что это было глупо — съ этимъ онъ, какъ умный человѣкъ, еще могъ бы помириться — это было очень не встаети. Нѣсколько важныхъ соображеній говорило рѣшительно противъ этой поѣздки. Одно изъ нихъ онъ рѣшилъ высказать теперь же: а именно, что въ министерствѣ ожидаются перемены и что въ управленіе имъ вступаетъ лицо, которое, онъ боится, можетъ посмотреть неблагопріятно на его несвоевременный отъѣздъ. Княгиня засмѣялась.

— Oh, le cher comte! Кто бы это подумалъ! его боится. Mais c'est le meilleur homme du monde. Онъ мухи не тронетъ.

— Ce qui ne me rassure pas du tout, madame, возразилъ Левицкій кочтительно. — Я самъ не трону мухи, но когда нужно жого-нибудь прогнать, я прогнаю.

— Я завтра же поѣду къ графу сама просить вашего отпущена, сказала она серьёзно и такимъ тономъ, какъ будто ему же дѣлала величайшее одолженіе. — Я прямо ему скажу, что это услуга, которую вы мнѣ оказываете, что это все равно, какъ бы вы оказали ее ему. Мы съ нимъ такіе старые друзья, что... enfin c'est dit! Я очень рада, что могу, въ свою очередь, сдѣлать что-нибудь для васъ. Что бы ни случилось, идите прямо ко мнѣ. Графъ никогда ни въ чемъ мнѣ не откажетъ. Il est bon enfant. Одно лѣто, я помню, мы жили въ Карлсбадѣ, я, мои дѣти и одна очень милая дама, вы ее не знаете. Графъ тоже былъ тамъ... Ахъ, это такой милый шутникъ! Онъ goumand, вы знаете, и неподобно дѣлаетъ салаты! Какъ никто! положительно, какъ никто. Вотъ эта дама — elle est morte la pauvre! (княгиня вздохнула) — просила ее научить, какъ онъ это дѣлаетъ. И онъ общалъ. И вдругъ они поссорились. Ce n'était pas sérieux, vous comprenez... А! онъ

говорить, если такъ, я никогда не покажу вамъ, какъ надо дѣлать салатъ. И что вы думаете? Уѣхалъ изъ Карлсбада и увезъ свой секретъ. Вотъ это самая страшная месть, на какую онъ способенъ!

Княгиня думала этимъ маленькимъ анекдотомъ разогнать то облако печали, которое она замѣтила на лицѣ своего гостя.

— Если графъ такой *gourmand*, сказалъ онъ, слабо улыбаясь:— я боюсь, что тотъ салатъ, который готовится у насъ въ министерствѣ, придется ему не по вкусу и онъ захочетъ перемѣнить поваровъ.

Фраза эта, которая въ другомъ мѣстѣ могла бы показаться вычурной, понравилась княгинѣ. Она улыбнулась ему, какъ бы желая сказать: А ты иногда бываешь не глупъ! Левицкій вообще пользовался въ свѣтѣ репутаціей остроумнаго человѣка: — *d'un homme très éloquent*.

— А вы должны благодарить меня, замѣтила она, какъ бы въ шутку, но въ сущности очень серьезно.—Признайтесь, что безъ меня вы ни за что не взяли бы отпуска! (Она хотѣла сказать: вамъ его не дали бы!). А между тѣмъ, помните, вы мнѣ говорили, что вамъ ужасно хочется все это бросить и уѣхать хоть на мѣсяцъ за-границу.

«Да, только не въ Штутгардъ! докончилъ онъ мысленно.—И не съ твоими пенцами!»

— Вы, я увѣрена, проѣдете потомъ въ Швейцарію, продолжала она: — и будете отдыхать среди ея снѣговъ. Ахъ, какъ я вамъ завидую! Другъ мой, какъ я вамъ завидую!..

На этомъ потокѣ ея словъ остановился, потому что звонокъ снизу возвѣстилъ о прибытіи двухъ дамъ. Приѣхали двѣ старныя фрейлины Поповы, *Sophie* и *Annette*, не говорившія ни на какомъ языкѣ, кромѣ французскаго, чопорныя, строгія, затянутыя въ корсетъ, съ таліей ниже пояса и съ фальшивыми накладками на головѣ.

Кромѣ своей чопорности, онѣ были извѣстны въ свѣтѣ своей страстишкой къ картамъ и тѣмъ, что одна изъ нихъ въ картахъ плутовала. Аннетъ, какъ младшая, очень уважала Софи и во всемъ ей уступала; Софи, какъ старшая, во всемъ первенствовала, и, вынимая карту для виста, говорила сестрѣ, которой не меньше ей хотѣлось поиграть:

— А ты сядь около меня и поучись!

И Аннетъ училась такъ уже дѣтъ тридцать.

Всѣ были съ ними очень почтительны въ глаза и смѣялись надъ ними за глаза.

Когда доложили о Поповыхъ, Левицкій всталъ.

— Ахъ, какъ онѣ мнѣ надоѣли поморщилась княгиня.—И какъ невстати... Ну, дѣлать нечего. Завтра я буду у графа. Вы можете положиться на то, que je ne lui dirai pas beaucoup de mal de vous, прибавила она, заигрывая.—А propos! Вы знакомы съ моими дѣтьми? Они теперь наверху! Не пройдетъ ли вы къ нимъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ Левицкій, у котораго составлялись уже кой-какіе планы, совершенно измѣнявшіе ходъ его мыслей.

II.

Отъ княгини онъ заѣхалъ на минуту въ министерство, сдѣлалъ замѣчаніе, почему не составлена какая-то вѣдомость, просмотрѣлъ разсѣянно сводъ статистическихъ свѣдѣній, которые велѣлъ прислать къ себѣ на домъ, и спросилъ, готова ли справка, о которой онъ распорядился наканунѣ. Ему подали составленную на атласной бумагѣ и прекрасно разграфленную вѣдомость. Одинъ изъ чиновниковъ, въ удивительно спитомъ сюртукѣ, съ аристократическимъ проборомъ на затылкѣ и въ стоцѣмъ воротничкѣ, подпиравшимъ его гладко выбритый, но сильно поблекшій подбородокъ, почтительно сталъ ему на дорогѣ съ толстой тетрадью въ синей оберткѣ и, указывая длиннымъ, острымъ ногтемъ на ея заголовокъ, что-то тихо говорилъ.

— А, да! Послѣ!.. Извините! отвѣтилъ Левицкій отрывисто.— Я теперь тороплюсь. Да не забудьте, пожалуйста, обернулся онъ уходя:— что записка составляется для князя.

— Я знаю, ваше превосходительство.

— Да, пожалуйста. Позаботьтесь о редакціи. Вы мнѣ, впрочемъ, пришлете черновую.

Изъ министерства онъ пошелъ пѣшкомъ въ одну изъ недалнихъ улицъ, поднялся въ третій этажъ большого каменнаго дома съ балконами и позвонилъ у двери, на которой была прибита дощечка «Петръ Петровичъ Аристовъ». Чистенькая горничная въ передничкѣ отворила ему.

— Дома Марья Михайловна?

— Я не знаю-съ. Я пойду посмотрю.

Левицкій опустилъ руку въ карманъ.

— Отдайте ей мою карточку. Впрочемъ, нѣтъ! сказалъ онъ, какъ бы вдругъ что-то сообразивши.— Нѣтъ! Скажите просто, что пришелъ Левицкій.

И онъ опустилъ карточку опять въ карманъ.

— Я еще не знаю-сь, дома ли онѣ, сказала плутовато горничная и скрылась за дверью.

Левицкій снялъ, однако, пальто и поправилъ передъ зеркаломъ волосы. Квартирка отличалась совершенно буржуазной чистотой. Въ передней лежалъ бѣлый половикъ, изъ дверей залы видѣлась блестящій паркетъ, уголь роая и тюлевыя занавѣсы на окнахъ.

Горничная вернулась.

— Приказали просить-сь.

Левицкій, какъ бы и не ожидавшій ничего другого, прошелъ спокойно въ залу и оттуда дальше въ гостиную. Альбомы, лампы, ковры, мягкія кресла, зеркала въ простѣвкахъ, цвѣты, никогда не выдавшіе солнца, все было по тому извѣстному шаблону петербургскихъ гостинныхъ, который не заставлялъ предполагать въ хозяйкѣ ничего оригинальнаго. На одномъ изъ угловыхъ столиковъ стоялъ большой портретъ мужчины пожилыхъ лѣтъ во фракѣ со звѣздою, на которой почему-то тотчасъ же остановилось вниманіе Левицкаго. Гладко выбритое лицо этого господина, смотрѣвшее изъ рамки рыжеватыхъ и довольно рѣдкихъ бакенбардъ, и совершенно открытый, почти голый черепъ, замѣчательно красивой формы, были, вѣроятно, очень знакомы Левицкому, который глядѣлъ ему прямо въ его апатичные глаза и вдругъ улыбнулся ему, какъ старому знакомому. Что это не былъ самъ хозяинъ дома, можно было догадаться потому, что Петръ Петровичъ Аристовъ, извѣстный фельетонистъ и публицистъ, отъ роду нигдѣ не служившій, никогда не носилъ звѣзды.

— Очень мило! воскликнула появившаяся изъ внутреннихъ комнатъ молодая дама.— Очень мило съ вашей стороны. Я даже и не думала, что вы такой любезный.

Левицкій пожалъ ея маленькую ручку и, по свойственной ему привычкѣ, окинулъ пытливымъ взглядомъ ея нарядъ. На ней было темное, очень ловко сшитое платье; довольно скромныя, но дорогія серьги блестѣли въ ухахъ. Она была не высока ростомъ, но стройна и какъ-то аппетитно полна. Во всѣхъ ея движеніяхъ была томная грація; ея большіе, каріе глаза смотрѣли не то задумчиво, не то печально. Когда она заговорила, ея металлическій, необыкновенно пріятный голосокъ звонко раздался въ гостинной.

— Ахъ, какой вы добрый! повторила она, лаская гостя своими темными бархатными глазами.—А я такъ и думала, что вы забудете свое обѣщаніе и не придете.

— Вы меня конфузите, возразилъ Левицкій, нисколько, впрочемъ, не сконфуженный.—Я не шелъ къ вамъ потому, что не зналъ, будетъ ли вамъ это пріятно. Я и теперь пришелъ не

какъ гость, прибавилъ онъ съ тонкимъ упрекомъ:—меня въ гости не звали, я пришелъ съ исполненнымъ порученіемъ.

Онъ положилъ передъ ней взятую изъ министерства бумагу. Она, не развертывая, бросила ее около себя на диванъ, и очень извинялась, что такъ его обезпекнула.

— Я просила объ этомъ графа, сказала она, какъ бы мелькомъ: — но онъ такой скучный, вѣчно все перезабудетъ.

— Я вижу, у васъ новый портретъ! графа, сказалъ онъ, вставая и направляясь къ угловому столику.

— Да, это онъ нынѣшнимъ лѣтомъ снимался. Похожъ, не правда ли?

Левницкій еще разъ взглянулъ на холодные, нѣсколько стеклянныя глаза вельможи, которые онъ не разъ видалъ въ натурѣ и о которомъ отозвался однажды въ пріятельскомъ кружкѣ, что еслибы можно было ихъ вынуть и положить на руку, то на задней сторонѣ оказалась бы надпись: Корниловъ. С.-Петербургъ.

— Чрезвычайно похожъ, сказалъ онъ серьезно.— И что очень важно: вѣрно схвачено выраженіе.

— Ахъ, кстати, послушайте! когда же вы мнѣ дадите свой портретъ?

Левницкій нѣсколько опѣшилъ.

— Какъ мой портретъ? На что вамъ мой портретъ?

— Вѣдь вы мнѣ обѣщали.

«Никогда!» подумалъ онъ. Просьба эта рѣшительно озадачила его.

— Позвольте мнѣ на это отвѣтить вамъ двѣ вещи, сказалъ онъ, смѣясь.—Первое то, что вамъ мой портретъ вовсе не нуженъ...

— Не нуженъ! вотъ это мнѣ нравится. Если я васъ прошу!

— А второе, продолжалъ онъ, не слушая: — что я даю свои портреты только людямъ мнѣ близкимъ и вообще своимъ друзьямъ.

Марья Михайловна покраснѣла.

— Изъ этого я должна заключить, что вы никогда не сдѣлаете мнѣ чести быть моимъ хорошимъ знакомымъ.

— До сихъ поръ вы этого не желали сами.

— То есть какъ это я не жалаал? Вы не хотѣли бывать у меня. Я и теперь не знаю, чему я обязана тѣмъ, что вы, наконецъ, вспомнили обо мнѣ.

Въ голосѣ ея зазвучала тонкая, но для опытнаго уха замѣтная иронія.

— Я очень нерѣшительный и неувѣренный въ себя человекъ, возразилъ онъ спокойно.—Вамъ, можетъ быть, это странно покажется, но это такъ. Я никогда не дѣлаю перваго шага самъ, я жду всегда, чтобы его сдѣлали другіе.

— Ну, вотъ я его и дѣлаю, воскликнула она шутиливо.—Я прошу вашего портрета.

— Oh, madame, vous... Съ этого не начинаютъ. Кто же строить домъ съ крыши. Крыша послѣ всего.

Было замѣтно, что онъ отыгрывается словами.

Она съ минуту молчала.

— Хорошо, вымолвила она, наконецъ:—я согласна ждать вашего портрета еще хоть годъ, пока вы, словомъ, сами захотите дать мнѣ его. Но пока.. я хотѣла бы имѣть хоть какое-нибудь воспоминаніе о васъ. Вы мнѣ дадите что-нибудь? да?

«Э, нѣтъ, извини! подумаль Левицкій.— Это что-то подозрительно».

— Но что же я могу вамъ оставить? спросилъ онъ смѣясь.— Мою шляпу? Вы, я надѣюсь, сами не захотите, чтобы я ушелъ отъ васъ безъ шляпы.

— Ну, напишите мнѣ что-нибудь! перебила она горячо, взяла со стола альбомъ и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ ее остановить, вырвала оттуда листъ.—Напишите мнѣ какой-нибудь эпиграфъ, стихи, все равно... Вы видите, я вырвала нарочно. Я не хочу оставить этого здѣсь, на виду у всѣхъ. Я сохраню это для себя.

«Это ничего, что ты вырвала, рѣшилъ онъ про себя.— Это вѣдь можно потомъ и велѣть и всѣмъ потомъ показывать, что Левицкій пишетъ стихи въ альбомъ любовницѣ графа Т. Нѣтъ, слуга покорный.»

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ любезно:—позвольте отложить это до другого раза. Я теперь не помню ничего такого, что было бы достойно... (онъ взялъ бумагу) этого прекраснаго листа. Вы испортили вашъ альбомъ. Это жалко.

— Все равно! просила она.—Мнѣ все равно. Хоть что-нибудь.

— Что-нибудь вамъ напишетъ и другой.

— Но я отъ васъ не отстану, повторила она съ кокетливымъ упрямствомъ.—Какъ хотите, а я отъ васъ не отстану. *Что-нибудь* вы мнѣ дадите! Ну, вотъ что... Въ этомъ уже вы мнѣ не откажете. Съ вами есть, конечно, визитныя карточки. Оставьте мнѣ одну!

— Но позвольте! зачѣмъ же я вамъ оставлю свою карточку? Развѣ я васъ дома не засталъ?

— Но если я васъ прошу!..

Левицкій опустилъ руку въ карманъ.

— Къ сожалѣнію, и этого не могу исполнить. Карточекъ со мной нѣтъ.

Марья Михайловна вспыхнула. Въ ея задумчивыхъ глазахъ зажегся вдругъ злой огонекъ.

— Какъ хотите! вымолвила она сухо.—Я больше не прошу.

Левицкій поспѣшилъ загладить свою неловкость, сказалъ ей нѣсколько любезностей, такъ, какъ онъ умѣлъ ихъ говорить, т. е. съ видомъ совершенной искренности и прибавилъ, что она рѣдкая, если не единственная изъ русскихъ женщинъ по складу своего ума и по какому-то поэтическому оттѣнку характера.

Марья Михайловна слушала съ неопредѣленной улыбкой, такъ что нельзя было сказать, вѣрнѣе ли она ему или нѣтъ. Она сдѣлалась, однако, мягче и, мало-по-малу увлекаясь, заговорила сама. Она стала жаловаться на свое одиночество, на то, что у нея нѣтъ почти женскаго знакомства, а она такъ любитъ женщинъ и такъ желаетъ сойтись хоть съ одной.

— Петербургъ такой большой городъ, продолжала она грустно:—а между тѣмъ, рѣшительно не знаешь, съ кѣмъ познакомиться и какъ, наконецъ, познакомиться. Пріѣхать самой какъ-то неловко. Конечно, лучше всего было бы, еслибы можно было встрѣтиться въ какомъ-нибудь знакомомъ домѣ. Знаете что, заключила она неожиданно:—вотъ вы знакомы съ Яковлевыми. Познакомьте меня съ ними!

— Съ Яковлевыми? повторилъ онъ машинально...

— А чтобы это не было замѣтно, вы еще кого-нибудь пригласите.

Ея печальные глаза вдругъ быстро забѣгали и нервная улыбка передергивала губы.

Левицкаго ужаснула эта мысль. Пригласить къ себѣ содержанку. Въ крайнемъ случаѣ онъ могъ бы ее, пожалуй, принять, но только утромъ, когда принималъ просителей, и то съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей. Но принять ее вечеромъ, какъ гостью, да еще въ присутствіи другихъ, отъ одной этой мысли его поворобило. Тутъ было, кромѣ того, еще одно обстоятельство, о которомъ госпожа Аристова даже и не подозрѣвала. Левицкій зналъ о ея бывшихъ близкихъ когда-то отношеніяхъ къ Яковлеву и въ свое время не мало постарался, чтобы открыть ему глаза насчетъ этой особы. Ея желаніе возобновить теперь это знакомство показалось ему подозрительнымъ. Но онъ и виду не показалъ, что такъ удивленъ.

— Яковлевы теперь за границей, сказалъ онъ, вставая и начиная ходить по комнатѣ.—Они уѣхали, если я не ошибаюсь, въ самый день свадьбы.

— Но они скоро вернуться, на-дняхъ, кажется.

— Да? (онъ остановился). Развѣ они такъ скоро возвращаются?

— Мнѣ мужъ вчера говорилъ. Въ редакціи получено письмо. Они писали, кажется, вашему брату.

— Да? Вотъ видите! Вы больше знаете объ нихъ, чѣмъ я. Мнѣ ничего неизвѣстно,

Наступило минутное молчаніе.

— Это очень жаль, вымолвилъ онъ.—Очень жаль! Я, слѣдовательно, съ ними не увижусь.

— Вы развѣ ѣдете куда-нибудь?

— Я ѣду за-границу.

Марья Михайловна удивилась. Не можетъ быть! какъ это жалко! А она такъ надѣялась, что онъ будетъ бывать у нея!

Онъ своими мѣрными, тихими шагами ходилъ по вомчатѣ, раздумывая о томъ, въ какихъ бы словахъ наметнуть ей, чтобы она, въ случаѣ надобности, поддержала его у графа и что, съ своей стороны, обѣщать ей за это? Ему было не безызвѣстно, что Марья Михайловна очень расчетлива и что графъ, который точно также, если еще не болѣе ея расчетливъ, не балуетъ ее и, несмотря на свое богатство, дѣлаетъ ей очень умѣренные подарки. Но вступать съ ней въ какія-нибудь денежныя отношенія, Левицкому положительно не хотѣлось; вригласить ее къ себѣ въ домъ еще того менѣе.

«Чѣмъ бы такое я могъ быть ей полезенъ?» думалъ онъ, останавливаясь машинально передъ портретомъ графа, который смотрѣлъ на него своими холодными глазами и точно хотѣлъ ему сказать:

«Да! это не такъ легко, какъ кажется.»

Въ передней кто-то позвонилъ. Левицкій вздрогнулъ и вопросительно обернулся. Ему, видимо, хотѣлось, чтобы гостя отвезли.

— Кто еще такое? спросила Марья Михайловна протяжно.

Дѣвушка вошла и что-то тихо доложила.

— Ахъ, я, право, не знаю. Ну, проси... Это Бобиковъ, объяснила она — Вы, кажется, знакомы?

Левицкій даже въ лицѣ измѣнился. Онъ внутренно проклиналъ себя за то, что не ушелъ раньше. Встрѣча съ Бобиковымъ у такой двусмысленной особы, какъ г-жа Аристова, особенно теперь, когда всѣмъ было извѣстно, что ея патронъ вступаетъ въ управленіе тѣмъ министерствомъ, гдѣ служить Левицкій—застала его совсѣмъ врасплохъ. Онъ невольнымъ инстинктивнымъ движеніемъ оглянулся на дверь. Марья Михайловна замѣтила это и тонкая улыбка искривила ея губы. Ее можно было, впрочемъ, отнести на счетъ входившаго гостя, которому она съ видомъ скорѣе снисходительнымъ, чѣмъ любезнымъ, протянула свою полную ручку.

Въ первую минуту Бобиковъ не видалъ Левицкаго, стоявшаго въ отдаленіи.

— Если я не въ-зремя, вы меня гоните! объявилъ онъ прямо.

— Вы лучше посмотрите, кто у меня.

Она обернула его въ сторону Левицкаго. Бобиковъ на минуту остолбенѣлъ; потомъ самымъ невиннымъ образомъ воскликнулъ:

— А! Ну, вотъ я радъ, что хоть здѣсь васъ встрѣтишь, а то васъ нигдѣ не видать.

— Т. е. гдѣ же это нигдѣ? спросилъ Левицкій, прищурившись.—Я бываю во многихъ мѣстахъ.

— Да вотъ у насъ, наиримѣръ.

— У васъ-то я именно и былъ! и даже не разъ. Но это, кажется, единственное мѣсто, гдѣ васъ никогда не встрѣтишь.

«Ну, ладно, погоди же! подумалъ про себя Бобиковъ. — Эго мы примемъ къ свѣдѣнію.»

III.

Отъ Аристовой Левицкій зашелъ къ брату, который жилъ въ томъ же домѣ. Онъ занималъ временно квартиру Яковлева, который уѣхалъ съ женой за-границу, и вступилъ на это время въ управленіе газетой, о чемъ скоро стало извѣстно по упорному, печатавшемуся жирнымъ прифтомъ объявленію о томъ, что въ такомъ-то мѣстѣ, на такой то верстѣ продается дача Левицкаго. Объявленіе это печаталось уже цѣлый мѣсяцъ и на самомъ видномъ мѣстѣ, подъ словами: газета «ежедневная, литературная и политическая».

Въ приемной у брата Левицкій засталъ какого-то господина въ кумачной рубашкѣ, съ такой сильной растительностью на лицѣ, что еслибы онъ ее время отъ времени не подстригалъ, то неизвѣстно, гдѣ бы она остановилась. Господинъ этотъ ему не поклонился, а только посмотрѣлъ на него и продолжалъ что-то прибирать на столѣ. Левицкій сначала подумалъ, не лакей ли это, но брнетъ въ красной рубашкѣ легъ на диванъ и тѣмъ окончательно подтвердилъ, что онъ не лакей. Самъ Дмитрій вышелъ въ халатъ и въ ночной рубашкѣ, но, увидѣвъ брата, сталъ поспѣшно запакиваться и извиняться.

— Что ты передо мной-то извиняешься! сказалъ Павелъ сухо.

— Позвольте васъ познакомиться, началъ Дмитрій торопливо:— Тирасевичъ! инженеръ-технологъ. Мой братъ!

Господинъ въ красной рубашкѣ приподнялся съ дивана и поклонился, послѣ чего уже не легъ, а остался сидѣть.

— А это вотъ, продолжалъ Дмитрій, указывая на другого только что входившаго господина: — позволь тебѣ представить, мой хорошій знакомый, господинъ...

— Ермолаевъ! подсказалъ знакомый.

— Большой любитель живописи и самъ хорошій живописецъ.

— Юрист! поправилъ его знакомый.

— Ну, извини, пожалуйста, я тебя всегда съ Лебедевымъ смѣшиваю.

Ермолаевъ сълъ и съ большимъ вниманіемъ сталъ разсматривать какое-то пятно у себя на панталонахъ. Панель, рассчитывавшій застать брата одного и желавшій разспросить его о приѣздѣ Яковлевыхъ, былъ неприятно удивленъ этимъ сборищемъ. Изъ какого-то угла вышелъ незамѣченный до сихъ поръ тощій господинъ, который самъ себя представилъ и назвалъ Шварцемъ. Онъ очень бойко рассказывалъ анекдоты, представлялъ, какъ нѣмка поетъ съ шарманкой, и служилъ репортеромъ въ нѣсколькихъ газетахъ, куда поставлялъ извѣстія о кражахъ, пожарахъ и разбирательствахъ у мировыхъ судей. Дмитрій говорилъ про него въ его же присутствіи, что онъ готовъ самъ себя обокрасть, чтобы написать объ этомъ въ газету. На всѣхъ публичныхъ сборищахъ, уличныхъ по преимуществу, его можно было видѣть впереди, размахивающаго руками и непремѣнно съ кѣмъ-нибудь громко разговаривающаго. Дмитрій два раза прогналъ его изъ газеты за сообщеніе ложныхъ извѣстій, но никакъ не могъ прогнать изъ своей квартиры, куда онъ являлся, какъ къ себѣ въ домъ, обѣдалъ, ужиналъ, ночевалъ и даже жилъ по нѣскольку дней. Иногда Дмитрій прямо спрашивалъ его:

— Послушай, ты когда же уйдешь отъ меня?

— Да куда же мнѣ уйти? спрашивалъ тотъ, въ свою очередь.

Собственнаго жилища онъ не имѣлъ. Всѣ его пожитки заключались въ старенькомъ чемоданчикѣ, который онъ вездѣ таскалъ за собой. Разъ Дмитрій засталъ его роющимся у себя въ комодѣ, гдѣ онъ искалъ чистую рубашку, чтобы ѣхать куда-то на балъ. Это Дмитрія взорвало, и онъ сказалъ ему, что онъ можетъ убираться.

— Послушай, чтожь такое? Мнѣ вѣдь рубашку было нужно, у меня рубашки нѣтъ. Ну, дай мнѣ на одинъ разъ надѣть. Я послѣ, пожалуй, на свой счетъ ее вымыть отдамъ.

Встрѣчая гдѣ-нибудь новое лицо, Шварцъ тотчасъ же вступалъ съ нимъ въ разговоръ.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе, подошелъ онъ къ Левицкому:—говорить съ однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ государственныхъ людей...

Левицкій отъ него посторонился.

— Весьма мало извѣстныхъ, милостивый государь, сказалъ онъ сухо.

— Ваши труды хотя и не сдѣлались достояніемъ всей читающей публики, но, однакожь, настолько извѣстны, продолжалъ Шварцъ, не смущаясь:— что даже и я, профанъ въ этомъ дѣлѣ, смѣю выразить вамъ свое глубочайшее удивленіе. Я, впрочемъ, тоже немножко литераторъ. (Слово «немножко» онъ прибавилъ только потому, что тутъ былъ Дмитрій, который зналъ хорошо, какой онъ литераторъ). Тернистый путь, знаете ли! весьма тернистый! Левицкій молчалъ.

— Ну, что ты пристаешь! оборвалъ его Дмитрій. — Ну, почему ты знаешь, какой это путь? Твой путь одинъ—въ острогъ, куда ты современемъ и попадешь.

Шварцъ обидѣлся.

— Но позволь, однакожь... Всему есть мѣра.

Онъ взялъ шляпу и сдѣлалъ видъ, что хочетъ уйти, но никто его не остановилъ, и онъ остался.

Дмитрій поспѣшилъ провести брата къ себѣ въ ту комнату, гдѣ стоялъ у него шкафъ съ книгами, большой глиняный умиральникъ, и тутъ же валялось нечищенное платье и сапоги. Хотя въ публикѣ и ходили слухи, что, кромѣ Лечебника для собакъ и романа Армеделъ, въ библиотекѣ его въ послѣдніе два года ничего не было, но въ дѣйствительности это было не такъ. Со времени своего редакторства онъ очень серьезно сталъ обзаводиться книгами: купилъ себѣ 22 тома энциклопедическаго словаря, Фауста на нѣмецкомъ языкѣ, котораго до тѣхъ поръ не понималъ, и отдалъ въ переплетъ всѣ разрозненные журналы, найденные имъ въ редакціи за прошлые годы. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ этотъ хламъ собираетъ, онъ обиженно говорилъ:

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! Мало ли... Для справки можетъ понадобиться.

Послѣ онъ ужъ и самъ видѣлъ, что это хламъ, но ему жалко было переплетовъ.

— Послушай! что это такое? спросилъ Павелъ, когда они остались одни.—Что такое эти литераторы? сотрудники?

— Да нѣтъ, это такъ... Они вотъ ходятъ ко мнѣ. Такое положеніе, знаешь—неудово не принять.

Съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій сдѣлался редакторомъ и пришелъ въ столкновеніе съ массой пишущаго и голоднаго люда, домъ его обратился въ какой-то трактиръ. Всѣ его пріатели ходили къ нему, какъ въ клубъ, никогда не справляясь о томъ,

*

дома онъ или нѣтъ. Съ утра до ночи толелись у него разные господа безъ опредѣленной профессіи, приходили, уходили, обѣдали, пили водку, уносили книги, газеты, ночевали на диванахъ, на стульяхъ и даже на столахъ въ редакціи. Дмитрій, извѣстный и прежде своимъ гостепріимствомъ, не имѣлъ духу отказать никому.

— Ты къ мамашѣ не пройдешь? спросилъ онъ брата съ тѣмъ сконфуженнымъ видомъ, съ какимъ онъ обыкновенно просилъ у кого-нибудь денегъ взаймы.

Онъ боялся, чтобы братъ не вздумалъ заговорить съ нимъ о газетѣ.

— Я сегодня у васъ обѣдаю; и долженъ тебѣ сказать, что я очень голоденъ.

Дмитрій вскочилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сиди, пожалуйста! Я еще могу подождать.

— Такъ я одѣнусь пока.

Дмитрій скрылся за ширмами, гдѣ, слышно было, сердился на кого-то, не находя нужныхъ ему принадлежностей туалета. Павелъ развернулъ какую-то книгу и сталъ читать.

— Тебѣ надо, однако, подумать о квартирѣ, замѣтилъ онъ какъ бы вскользь.— Яковлевы должны скоро вернуться, а думаю?

— Въ началѣ той недѣли, должно быть; они мнѣ телеграмму дадутъ. Чего вамъ? спросилъ онъ высунувшагося изъ двери брэнета.

— Васъ тамъ спрашиваютъ...

Дмитрій поспѣшно натянулъ на себя сюртукъ и, застегивая его на ходу, извинился передъ братомъ, сказавъ, что онъ сейчасъ.

Въ пріемной ждала его высокая, полная дама, пѣвица русской оперы, собиравшаяся заключать съ дирекціей новый контрактъ, и потому находившая нужнымъ напомнить о себѣ черезъ газеты. Нужна была замѣтка, начинавшаяся словами: наша уважаемая, высокоталантливая и всѣми любимая артистка, и кончавшаяся сожалѣніемъ о томъ, что скудное содержаніе и немѣнье дирекціи привлекать къ себѣ истинные таланты грозитъ лишитъ Петербургъ и этого высокаго дарованія.

Пѣвица сидѣла въ мѣхахъ и время отъ времени, закрываясь муфтой, зѣвала. Дмитрій, любившій всѣхъ полныхъ женщинъ, тотчасъ же подсѣлъ къ ней.

— Анна Михайловна! Васъ ли я вижу?

— Здравствуйте, голубчикъ.

— Что это вы, какъ-будто похудѣли?

— Больна была, чуть не умерла. А вы вотъ и не навѣстите никогда.

— Не зналъ, ей-Богу, не зналъ, солгалъ Дмитрій.

Объяснивши, что ей было нужно и получивши клятвенное обѣщаніе, что все будетъ исполнено, она стала опять рассказывать, какъ она была больна.

— Совсѣмъ умирала! совсѣмъ! заключила она и вдругъ неожиданно вѣвнула.—Ахъ, голубчикъ, нѣтъ ли какой-нибудь книжки почитать?

— Что же вы хотите?

Анна Михайловна затруднилась.

— Да что лучше, поинтересіе...

Дмитрій всталъ и поискалъ на столѣ.

— Вотъ тутъ есть «Преступленіе и Наказаніе». Хотите, я вамъ дамъ? Вы читали?

— Кого?.. Преступленіе?.. Нѣтъ, не читала. Дайте, голубчикъ! А то вечера очень длинные, не знаешь, что дѣлать.

Анна Михайловна, кромѣ своихъ ролей и репертуара, никогда ничего не читала. Разъ только въ жизни, и то неизвѣстно почему, она прочла Подводный камень Авдѣева. Онъ ей такъ понравился, что она потомъ цѣлый годъ о немъ съ удовольствіемъ вспоминала; но когда ей предлагали еще что-нибудь прочесть, она говорила:

— Э, голубчикъ! и свое то надоѣло. Что тутъ еще чужое-то читать.

Въ газетѣхъ она смотрѣла только, нѣтъ ли чего о ней. Если ей говорили:

— Да помиуйте, Анна Михайловна, вѣдь вотъ на свѣтѣ то и то дѣлается...

Она замѣчала:

— Ну, чтожь, голубчикъ, пускай ихъ!..

Закулисныя декорации загородили ей весь міръ.

Проводивъ пѣвицу, Дмитрій вздохнулъ и съ озабоченнымъ видомъ потеръ себѣ лобъ. Ему очень не хотѣлось обѣдать въ этотъ день съ братомъ въ своей семьѣ, безъ постороннихъ, потому что онъ каждую минуту ожидалъ, что братъ заговоритъ съ нимъ о газетѣхъ и вообще о его дѣятельности, къ которой, какъ было извѣстно, онъ относился весьма недоброжелательно. Одинъ видъ пытливо-холодныхъ глазъ Павла приводилъ его въ уныніе.

«Развѣ еще кого-нибудь пригласить? подумалъ онъ, вспоминая о предстоящемъ обѣдѣ. — Э, да вотъ, отлично!»

Изъ передней входитъ Аристовъ.

— Петръ Петрович! отецъ родной! обѣдали сегодня? Нѣтъ? Пойдемте обѣдать ко мнѣ.

«Этого только не доставало! подумалъ Павелъ, когда братъ привелъ гостя и объявилъ, что Петръ Петровичъ будетъ съ ними обѣдать. Было ясно, что для Левицкаго это былъ день неудачъ. Онъ терпѣть не могъ Аристова, котораго считалъ нахаломъ. Но у этого нахала было очень острое перо и значительная доля таланта. Левицкій зналъ, что его общественная дѣятельность, насколько она была доступна для печати, виситъ на кончикѣ этого пера и что, не называя его по имени, Аристовъ можетъ смѣшать его съ грязью и сдѣлать то, что статья будетъ читаться на расхватъ. Передъ людьми, подобными ему, онъ чувствовалъ всегда какой-то неопредѣленный страхъ. Отъ этого въ его отношеніяхъ къ Аристову проявлялась какая-то странная смѣсь презрѣнія и заигрыванья.

Взбѣшенный тѣмъ, что братъ пригласилъ его, онъ, однакожъ, не показалъ виду и не принялъ того холоднаго, сдержанно-суроваго выраженія, которое онъ принималъ, когда былъ въ обществѣ людей непріятныхъ. Онъ, напротивъ, очень любезно поклонился Аристову и съ подавленнымъ чувствомъ отвращенія подалъ ему руку.

Аристовъ былъ господинъ среднихъ лѣтъ, имѣлъ жидковатую русую бородку, которая, лѣтъ 15 тому назадъ, перестала расти, и довольно нахальный взглядъ, въ которомъ постоянно свѣтилась какая-то двусмысленная иронія. Сложенія онъ былъ хилаго, волочилъ на ходу ноги и вообще казался разслабленнымъ.

Левицкій сказалъ за обѣдомъ, что думаетъ скоро ѣхать за-границу.

— По дѣламъ службы? спросилъ Аристовъ, прищуриваясь.

— О нѣтъ, напротивъ! Я ѣду отдыхать отъ службы.

— Ты одинъ ѣдешь? спросилъ Дмитрій.

— Да. Т. е. я можетъ быть примкну къ маленькому обществу, которое тоже отправляется въ Германію, сыновья княгини М. (Левицкій назвалъ ихъ фамилію). Мы, доѣдемъ вмѣстѣ такъ, я думаю до границы Швейцаріи и тамъ я ихъ покину.

— Что тебѣ за охота, удивился Дмитрій: — ѣхать съ этими важными особами? Вмѣсто отдыха, только хуже устанешь.

— А! нѣтъ. Это вѣдь молодежь, которую все еще занимаетъ. Это не то, что какой-нибудь тайный совѣтникъ, который обыкновенно, кромѣ своей подагры и Парижа, ничѣмъ не интересуется. Нѣтъ! это все свѣжія, молодая натура... Я, ты знаешь, люблю молодежь. Я чѣмъ старѣй становлюсь, тѣмъ больше чувствую потребность быть съ тѣмъ, кто молодъ. Мнѣ кажется, еще лѣтъ

черезъ десять для меня самое пріятное общество будетъ—общество пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ.

— И дѣвочекъ! прибавилъ Аристовъ невозмутимо.

Левицкій принужденно засмѣялся.

— Пожалуй, если хотите, и дѣвочекъ. Я въ этомъ случаѣ разницы не дѣлаю.

— Гмъ! да... Нѣтъ, я дѣлаю! Я, странная вещь, дѣвочекъ въ 15 лѣтъ очень люблю, а мальчишекъ терпѣть не могу.

Левицкій на это отвѣтилъ плуткой и перемѣнилъ разговоръ.

— Ахъ, да! обратился онъ брату.—Я слышалъ, на васъ жалуются. У меня былъ недавно одинъ изъ вашихъ сотрудниковъ, говорить, что у васъ совсѣмъ нельзя писать объ экономическихъ вопросахъ.

— Это все Петръ Петровичъ, оправдывался Дмитрій. Всѣмъ было извѣстно, что собственно литературной частью газеты завѣдывалъ Аристовъ, а Дмитрій былъ только для вида.

— Помилуйте! я чѣмъ виноватъ? воскликнулъ Аристовъ театрално.—Эти экономисты—ужасный народъ. Я имъ отдалъ весь задъ газеты. Чего имъ еще?

Левицкій протестовалъ, говорилъ, что пора намъ, наконецъ, приняться за наши внутренніе вопросы, но какъ только обѣдъ кончился, тотчасъ же всталъ и, ссылаясь на какія-то спѣшныя дѣла, уѣхалъ.

IV.

Въ концѣ декабря Яковлевы вернулись изъ-за границы. Они пріѣхали нѣсколькими днями раньше, чѣмъ ихъ ожидали. Квартира ихъ была еще занята. Въ одной половинѣ жили Левицкіе—Дмитрій съ матерью, а въ большой пріемной, среди сдвинутой въ кучу мебели, отчего комната имѣла такой видъ, какъ будто изъ нея сейчасъ только ушли полотеры—расположился одинъ знакомый Дмитрія, провинціальный актеръ и куплетистъ, пріѣхавшій по дѣламъ въ Петербургъ. Хотя онъ почти не жилъ дома и цѣлые дни гдѣ-то пропадалъ, но, уходя, всегла запиралъ комнату на ключъ, такъ что не было возможности попасть туда до его возвращенія. Яковлевъ былъ всѣмъ этимъ непріятно удивленъ. Уѣзжая, онъ предложилъ Дмитрію свою квартиру, но никакъ не думалъ, что тотъ переѣдетъ туда съ матерью, сундуками и даже съ пріятелями. Усталый съ дороги, онъ спросилъ себѣ умыться, но его человекъ, который оставался въ Петербургѣ, ушелъ куда-то на имянины и не было надежды, чтобы

онъ раньше ночи вернулся. Левицкіе прислали ему свою кухарку, толстую, глупую бабу, постоянно съ подоткнутымъ платьемъ, какъ бы сухо въ комнатѣ ни было, и въ ситцевомъ платкѣ съ зелеными арбузами, пускавшими изъ себя во всѣ стороны огуречные листы. Она поставила передъ нимъ на полъ умывальникъ и принесла въ грязныхъ рукавъ полотенце. Онъ ее отослалъ и связалъ, что ему ничего не нужно.

Дмитрій пришелъ извиняться и говорилъ, что они уже наняли квартиру, но не успѣли только переѣхать. Они дѣйствительно наняли на дворѣ четыре комнаты и ждали, пока ихъ ослѣятъ. Сама старуха Левицкая суетливо укладывалась, разсовывая по мробкамъ разныя тряпочки, одну и ту же вещь втискивая и вытаскивая по нѣскольку разъ, завязывала огромные узлы и вдругъ, вспомнивъ, что забыла положить кусокъ мыла или донышко отъ горшка, все развязывала вновь. Ей было досадно и на сына, который ее не предупредилъ, и на Яковлевыхъ, которые пріѣхали не въ время, и она все что то бормотала про себя. Съ досады на хозяевъ, она вынула всѣ гвозди изъ стѣны, чтобъ ничего имъ не доставалось. Въ печкѣ лежали положенныя на завтра дрова, она и дрова вынула—самимъ пригодятся! Но когда сынъ прислалъ спросить, нѣтъ ли чего-нибудь закусить—можетъ быть, съ дороги ѣсть закатать—она, вся красная еще отъ огромныхъ усилий, которыхъ стояли ей вытасканные изъ стѣны гвозди, пошла разводить плиту, не переставая ворчать, на этотъ разъ ужъ на кухарку, зачѣмъ ничего сдѣлать не умѣть.

Сынъ на минуту было забѣжалъ, но испуганный видомъ разоренной квартиры и облаками пыли, которые поднимались отъ всего, въ чему не притронешься, тотчасъ же сердлся.

Какъ и всѣ мужчины, онъ ненавидѣлъ переѣзды съ квартиры на квартиру. Въ такіе дни онъ обыкновенно или сбѣгалъ куда-нибудь, или, оставаясь дома, дѣлался невнимосимъ, ко всѣмъ придирался, кричалъ, что никто ничего не умѣетъ сдѣлать, ругалъ носильщиковъ и извозчиковъ, прислугу, помогать нести что-нибудь, ронялъ, ломалъ, выходилъ изъ себя и, наконецъ, уѣзжалъ куда-нибудь. Потомъ, дня черезъ два, когда все было уже сдѣлаано, онъ вдругъ находилъ, что все сдѣлано не такъ, передвигалъ мебель, перебивалъ занавѣски, царапалъ полъ, таская изъ угла въ уголь тяжелые шкафы, поднималъ пыль столбомъ, провозводилъ полнѣйшій беспорядокъ и, едва переводя духъ, ложился на диванъ отдыхать. На другой день, все это опять передвигалось на прежнее мѣсто, только что вымытые полы мылись снова, чинились поломанныя вещи, заклеивались разорванные обои.

Дмитрій уже ни въ чемъ не принималъ участія, жаловался на головную боль и уходилъ изъ дому.

Теперь ему было совѣстно передъ Яковлевыми, что они нашли у себя такой безпорядокъ. Онъ безпрестанно забѣгалъ въ переднюю узнать, не вернулся ли актеръ Ивановъ, ушедшій съ собою вмочи отъ гостинной. «Вѣдь эдакая свинья! думалъ онъ:—уйдетъ и невремѣнно комнату запереть. Сколько разъ я ему говорилъ!»

Яковлевъ возвращался въ Россію неохотно, съ предубѣжденіемъ, ожидая всякихъ гадостей. «Вотъ не ошибся! подумалъ онъ съ злорадствомъ. — Шагу не успѣлъ ступить — ужъ неприятность!»

И онъ тотчасъ же поставилъ ее на счетъ Россіи, полагая, что это будетъ не послѣдняя. Въ этомъ онъ тоже не ошибся. Среди вораха писемъ, накопившихся за его отсутствіе, одно было отъ его прежлаго тестя Полѣнова и въ самыхъ высокомѣрныхъ выраженіяхъ напоминало ему, что срокъ его векселямъ истекаетъ и что онъ, Полѣновъ, самъ нуждаясь въ настоящую минуту въ деньгахъ, надѣется получить ихъ своевременно. Письмо это возбудило въ немъ что-то похожее на чувство злорадства.

Къ этому присоединилась еще досада на то, что квартира была занята и нельзя было умыться, и на то, что Павелъ Левицкій, которого онъ хотѣлъ видѣть непременно, уѣхалъ на дняхъ за границу, разѣхавшись на дорогѣ. Чувствуя надъ собой это сплетеніе неприятностей, Яковлевъ понялъ, что не будетъ спать эту ночь. Это разстроило его окончательно. Онъ не могъ спать въ дорогѣ и двое сутокъ провелъ безъ сна, изрѣдка только забываясь тяжелымъ неприятнымъ забытѣемъ, и каждый разъ чувствуя, что его убиваютъ, бросаютъ въ пропасть, душатъ, тащатъ куда то... По его расчетамъ, онъ умеръ и воскресъ въ дорогѣ разъ пятьдесятъ, чувствуя весь ужасъ уничтоженія и въ то же время перешивая самого себя. Просыпаясь, онъ чувствовалъ какую-то смутную тоску. Это было сознаніе чего-то сквернаго, но чего именно—онъ не могъ опредѣлить. Онъ не зналъ даже, случилось ли это или только еще должно случиться. Онъ страшно много передумалъ за это время. Мысли его то шли въ тактъ вагону, то забѣгали впередъ, то медленно ползли, тяжелыя, неподвижныя, огромныя... Минутами ему казалась, что на плечахъ у него не его собственная голова, а большіе башенные часы, которые стали вдругъ отставать и ужъ послали куда-то за мастеромъ, чтобы ихъ починить.

Всѣ пассажиры, храпѣвшіе въ вагонахъ, были ему противны. Когда на одной станціи пришла нѣмеца въ тирольской шляпѣ

съ цвѣтущимъ, улыбающимся лицомъ, сняла съ лавки на полъ вещи Яковлева и, пріятно ему улыбаясь, сѣла противъ него, а на колѣни положила свой вышитый по канвѣ мѣшочекъ, Яковлевъ сразу возненавидѣлъ ее и не столько за то, что она сѣла противъ него и стѣснила его, сколько за ея красныя, здоровыя щеки. Все его стало сердить. Съ половины дороги пришелъ къ нимъ въ купе господинъ въ дубленкѣ, богатырскаго сложенія, необыкновенно широкій въ спинѣ и съ здоровой грудью, которую можно было видѣть изъ подъ растегнутой дубленки. Онъ видимо не боялся никакой простуды, сидѣлъ у раскаленной печки и на каждой станціи выходилъ прохладиться. Яковлевъ все время оглядывался на него.

«Вѣдь вотъ какая грудь у подлеца! подумалъ онъ съ завистью. — Вѣдь съ эдакой грудью сто лѣтъ жить!»

Но во всемъ поѣздѣ никто такъ не спалъ, какъ его жена. Ей все равно было, какъ ни спать: сидя, лежа, согнувшись, положивъ голову на колѣни или на деревянную ручку сидѣнья. Нѣсколько разъ онъ будилъ ее подъ разными предлогами, въ тайной надеждѣ, что ужъ теперь она не заснетъ. Она севозь сонъ отвѣчала ему и на послѣднемъ словѣ засыпала тѣмъ крѣпкимъ, мертвымъ сномъ, котораго не прощаетъ здоровому человѣку больной.

Перечитывая теперь письмо тестя, онъ съ досадой подумалъ о томъ, что ужъ 10 часовъ, а жены его, прямо съ вокзала проѣхавшей къ роднымъ, до сихъ поръ еще нѣтъ. Въ ожиданіи ея, онъ сѣлъ къ столу, чтобы написать Левицкому. Но видъ ненужныхъ бумагъ и вообще того безпорядка, который онъ нашелъ у себя послѣ своего отсутствія, раздражалъ его. Онъ не могъ заниматься, если видѣлъ, что его вещи лежатъ не такъ, какъ онъ ихъ положилъ. Когда ему долго не удавалась какая-нибудь глава въ его сочиненіи, и онъ не находилъ причины этого въ себѣ самомъ, онъ искалъ ее во внѣшнемъ мірѣ и почти всегда находилъ, что причиной была не на мѣстѣ повѣшенная и криво висѣвшая картина, гвоздь, замѣченный имъ въ стѣнѣ на такомъ мѣстѣ, гдѣ его прежде не было, ключъ, забытый въ ящикѣ...

Разъ онъ положительно открылъ, что ему не давала работать видная ему изъ окна и приставленная къ стѣнѣ лѣстница, которую накануне оставили тутъ маляры.

Когда книги были переставлены и все на столѣ приведено въ порядокъ, онъ могъ настолько собрать свои мысли, чтобы приняться, наконецъ, за письмо. Онъ ни слова не говорилъ въ немъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ, но сорокъ тысячъ долгу и двѣ ночи, проведенныя безъ сна въ вагонѣ, говорили за себя. Онъ бранилъ

Россію, ея климатъ, печать, финансы, особенно печать и особен-но петербургскую; говорилъ, что скоро самая мысль сдѣлается для нея ненужною: съ помощью лексикона, грамматики и двух-сотъ лошадиныхъ силъ, газета будетъ наполняться въ нѣсколько минутъ. Онъ не могъ безъ ужаса подумать о томъ, какъ начнется опять для него вся эта до тошноты прискучившая проза, какъ пойдутъ опять приходять съ повѣстями, съ музыкальными критиками, съ оскорбленными самолюбіями, съ просьбами о пособіи на гробъ, на акушерство, на роля... «Я самъ теперь начинаю смотрѣть на свое издательство, писалъ онъ:—какъ на что-то въ родѣ кражи или литературнаго разбоя, каждую минуту ожидая, что меня въ чемъ-то уличатъ»...

Онъ писалъ долго и съ удовольствіемъ, но на послѣдней страницѣ вдругъ остановился. Ему показалось, какъ это съ нимъ стало случаться послѣднее время, что все это не то, что нужно было сказать. Онъ бросилъ перо и заложилъ неконченное письмо въ книгу.

Левицкій, удивлявшійся тому, что не получаетъ отвѣтовъ на свои письма, только впоследствии узналъ настоящую причину этого. Яковлевъ, со времени своей женитьбы, писалъ къ нему не разъ, но никогда не отсылалъ письма. Дѣло въ томъ, что онъ считалъ необходимымъ сказать что-нибудь о женѣ, тѣмъ болѣе, что Левицкій всякій разъ спрашивалъ о ней. А между, тѣмъ выходило такъ, что ни въ одномъ письмѣ его не было о ней ни слова. Отъ этого тонъ его писемъ былъ какой-то неловкій, не естественный—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему. Все удовольствіе бесѣды съ Левицкіемъ пропадало для него, когда онъ наткнулся на эту необходимость говорить о женѣ.

Къ тому же его давнишняя болѣзнь, мнительность, съ годами принимала все болѣе острый характеръ, заставляя его относиться подозрительно не только къ своимъ письмамъ, но и ко всему вообще, что выходило изъ подъ его пера. Прошло уже три года съ тѣхъ поръ, какъ онъ кончилъ свой послѣдній большой трудъ, а онъ и не думалъ издавать его. Едва только его дѣтище увидѣло свѣтъ, какъ онъ уже подошелъ къ нему съ ножомъ хирурга. Злой духъ сомнѣнія вселился въ него. Невидимыя прежде ошибки рѣзали ему глазъ. Нужно было многое передѣлывать, дополнять, собирать матеріалы вновь, уже собранные группировать. И сколько онъ ни коптѣлъ надъ этой черной, кропотливой работой, ему все казалось, что сдѣлано мало, что надо еще и еще... Имъ овладѣвала какая-то ненасытность собиранія. Работа подвигалась медленно; ни на минуту не умолкавшій въ немъ голосъ критики вносилъ въ нее какую-то двойственность, съ ко-

торой онъ тщетно боролся. Последнее время — онъ съ ужасомъ замѣчалъ это — злой духъ посѣщалъ его все чаще.

Разъ Левицкій спросилъ его, отчего онъ не попробуетъ заняться критикой.

— Не находишь ли ты, что слишкомъ острая критическая способность убиваетъ въ тебѣ творчество?

Яковлеву было неприятно это замѣчаніе. Онъ сказалъ, что всегда чувствовалъ отвращеніе къ критикѣ. Съ этихъ поръ онъ сталъ избѣгать разговоръ о своемъ новомъ трудѣ. Та искра надежды, которую онъ подмѣтилъ въ выраженіи своего друга, задѣла его за живое. Совѣтъ заняться критикой показался ему намеркомъ на то, что пора оставить совсѣмъ литературные труды. «Это вещь обыкновенная! думалъ онъ:—когда считаютъ человека ни къ чему неспособнымъ, то и пойдутъ къ нему съ этими совѣтами. Одинъ говорить: отчего вы не пишете стихи? Другой: отчего вы критики не попробуете? Третій: вы бы попробовали драму написать».

Яковлевъ зналъ этотъ печальный признакъ. Онъ видѣлъ, что отъ него не ждутъ уже ничего. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ молчанія, о немъ стали забывать. Его газета напомнила о немъ только для того, чтобъ заставить всѣхъ говорить: какъ жаль, что онъ взялся не за свое дѣло!

Этотъ разрывъ между нимъ и обществомъ провелъ ту глубокую черту, которая отрѣзала его ото всѣхъ, даже отъ близкихъ ему когда-то людей.

Онъ никогда не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ въ этотъ годъ своей женитьбы.

V.

Нина вернулась отъ своихъ поздно, часу во второмъ. Яковлевъ не спалъ, но сдѣлалъ видъ, что спитъ, чтобы не вступать съ ней въ разговоръ. Она стала бы непремѣнно говорить о своихъ родныхъ, а его это нисколько не занимало. Онъ не переставалъ думать о письмѣ Полѣнова. Ночью оно принимало совсѣмъ другіе размѣры. Этотъ долгъ въ 30 тысячъ, не считая другихъ мелкихъ долговъ его, которые тоже составляли въ общей сложности тысячъ до 15, выросла передъ нимъ высокой, грозной стѣной, заслоня надежду на всякую возможность лучшаго будущаго. Долгъ этотъ былъ тѣмъ неприятнѣе, что послѣднее время онъ совсѣмъ почти не думалъ о немъ. Онъ такъ былъ поглощенъ обдумываніемъ одной новой главы въ своемъ

последнемъ произведеніи и своими новыми все усложнявшимися отношеніями къ женѣ, что все, не касавшееся до этого, откладывалъ до пріѣзда въ Россію. Отношенія къ женѣ еще не опредѣлились, задуманная глава не была написана, а онъ уже сидѣлъ въ своемъ Петербургскомъ кабинетѣ. Теперь все это нужно было оставить и заняться распутываніемъ своихъ дѣлъ.

Прежде всего и немедленно нужно было расплатиться съ Полѣновымъ. Всего неприятіе было ему то, что его дѣти во время его отсутствія находились у Полѣнова. Они еще съ начала лѣта гостили у дѣдушки. Яковлевъ рѣшилъ, что завтра же возьметъ ихъ, но самъ къ нему не поѣдетъ, а попроситъ объ этомъ Вѣру Бобикову.

На слѣдующее утро часу въ 11-мъ, чтобы не дать никому задержать себя, онъ отправился къ Бобиковымъ. Самого хозяина онъ, по обыкновенію, не засталъ. Тотъ наканунѣ еще уѣхалъ по дѣлу въ сенатъ и дома не ночевалъ. Его встрѣтила Вѣра.

— Откуда? какими судьбами? говорила она, увлекая его въ свой кабинетъ, гдѣ по утрамъ она принимала литераторовъ и разныхъ знаменитыхъ людей, а по вечерамъ скучала одна, думая, что вотъ въ этомъ городѣ 700 тысячъ жителей и никому до нея нѣтъ дѣла. Всѣ ея знакомые посѣщали ее по утрамъ, пользуясь тѣмъ, что утромъ скорѣй можно отдѣлаться, а вечеромъ попадешь, такъ и сиди часовъ до 12, а то и до часу.

— Ты женатъ? это не секретъ? сказала она послѣ первыхъ разспросовъ и привѣтствій.

— Отчего это можетъ быть секретомъ. Конечно, нѣтъ.

Вѣра помолчала.

— Ахъ, да, ты слышалъ? Левицкій уѣхалъ за границу.

— Да, я знаю. Мнѣ братъ его сказалъ.

— Онъ очень жалѣлъ, что не могъ тебя дожидаться. Ты его совсѣмъ забылъ, ничего ему не писалъ.

— Нечего было писать.

— Ты знаешь, онъ много говорилъ мнѣ о твоей женѣ.

Яковлевъ всталъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!

Онъ нагнулся и сталъ разсматривать обертки новыхъ журналовъ на столѣ.

Вѣра съ любопытствомъ слѣдила за нимъ. Въ его глазахъ, его позѣ, въ отрывистыхъ звукахъ его голоса чувствовалось безпокойное ожиданіе чего-то, можетъ быть, того, что станутъ спрашивать его еще. Есть вопросы, которые, попадая въ болное мѣсто, входятъ туда какъ гвоздь, и гвоздь не новый, а тупой, заржавленный, который и вытащить потомъ трудно. Вѣра замѣ-

тила это и переи́менила разговоръ. Она стала ему говорить о себѣ, о дѣлахъ своего мужа, жалуясь на то, что онъ разстроилъ свое здоровье. Яковлевъ увидалъ въ этомъ страхъ за то, что онъ не въ состояніи будетъ работать по прежнему и что средства къ жизни должны будутъ уменьшаться. Онъ зналъ, что Бобиковъ служилъ для своей жены чѣмъ-то въ родѣ казеннаго сундука съ деньгами, изъ котораго она каждый мѣсяцъ брала чтò ей нужно, и что смерть этого человѣка произвела бы на нее совершенно такое же впечатлѣніе, какъ извѣстіе о томъ, что сундукъ украли и воры не отысканы. Съ другой стороны, Бобиковъ работалъ какъ волъ, чтобы заработать какъ можно больше и, отлеуаясь отъ жены деньгами, получить ту долю свободы, безъ которой онъ жить не могъ. Лично на себя онъ тратилъ немного; но онъ любилъ деньги за то, что онѣ сила, и говорилъ, что его мечта нажить 300 тысячъ, чтобы наплевать на всѣхъ и показать, что даже въ Россіи можно жить, никому не кланяясь.

— Самые несчастные люди, говорилъ онъ:—это мы, средней руки буржуа, которые всю свою жизнь бьемся лбомъ въ стѣну, чтобы сколотить себѣ какія-нибудь 50 тышенокъ на старость. А кому нечего терять, такъ тому чорта съ два!.. У насъ всякій дворникъ и городской гораздо независимѣй любого директора департамента, потому что на дворниковъ спросъ большой, а на директоровъ очень ограниченный. Наконецъ, изъ дворниковъ я куда хочешь пойду, въ извозчики, въ разсылные, въ сторожа на желѣзной дорогѣ, а изъ директоровъ вылетишь, такъ насыдишься и безъ хлѣба.

Задавшись несчастной мыслью нажить себѣ 300 тысячъ, Бобиковъ, дѣйствительно, пошелъ пробивать лбомъ стѣну, но стѣна стояла еще крѣпко, а лобъ ужъ затрещалъ. Отъ этого въ словахъ Вѣры все чаще стала чувствоваться горечь и на лбу ея появились двѣ острия морщинки.

— Я собственно приѣхалъ къ тебѣ, началъ Яковлевъ:—попросить тебя, нельзя ли сегодня привести ко мнѣ дѣтей.

Она вопросительно взглянула на него. Получилъ онъ или еще не получилъ письмо ея отца? Она знала, что письмо было написано, потому что отецъ показывалъ его ея мужу, съ которымъ совѣтовался во всѣхъ вопросахъ, казавшихся ему юридическими, но не знала, было ли оно послано.

— Привести къ тебѣ дѣтей? съ довольствіемъ. Но только вотъ сегодня... я не знаю... Нѣтъ! сегодня не общаю. У меня хотѣлъ быть одинъ господинъ... одинъ изъ нашихъ молодыхъ педагоговъ. Ахъ, вотъ встаетъ! Мнѣ бы ужасно хотѣлось, чтобы

ты съ нимъ познакомился. Очень милая личность. Вотъ ты увидишь! Знаешь что? если ты останешься у меня сегодня обѣдать...

Яковлевъ поспѣшилъ предупредить, что обѣдать сегодня онъ не можетъ.

— Такъ вотъ что! До 5 часовъ я не могу уѣхать. Онъ назначилъ мнѣ время отъ часу до пяти. Но послѣ обѣда, часу въ седьмомъ я съѣзжу за дѣтьми и сама ихъ къ тебѣ привезу. Ты ничего не будешь имѣть противъ того, чтобы я познакомилась съ твоей женой?

Онъ подозрительно посмотрѣлъ на нее.

— У насъ съ ней правило другъ друга не стѣснять, сказалъ онъ холодно.— Она знакомится съ кѣмъ хочетъ.

— Можетъ быть, она не любитъ новыхъ знакомствъ?

— Нѣтъ, я этого не замѣтилъ.

«Что такое у нихъ вышло? думала Вѣра, осторожно и незамѣтно вглядываясь въ него.— Неужели онъ до такой степени скрытенъ, что даже въ тонѣ своего голоса не хочетъ показать нѣжности къ ней? Или и тутъ уже что-нибудь накипѣло!»

— Такъ я сегодня же буду у тебя. А то я вѣдь васъ знаю, вы дикій народъ! Къ вамъ если самъ не пріѣдешь, такъ никогда васъ не дождешься.

Вѣра слышала отъ Левицкаго, что Нина очень умна и богато одарена отъ природы. Всегда восторженный въ похвалахъ своимъ друзьямъ, Левицкій не жалѣлъ красокъ и нарисовалъ ей нѣсколько идеальную, сильно польщенную картину семейной жизни Огневыхъ, въ которой Нина выступала въ лучахъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ совершенствъ. Вѣра, невыносившая, чтобы при ней говорили хорошо о другой женщинѣ, рѣшила непременно съ ней познакомиться. Она была очень расположена къ Яковлеву, но чувствовала заранѣе, что терпѣть не можетъ его жены. Съ мужчинами она сходилась скоро и легко, съ женщинами только тогда, когда онѣ были во всѣхъ отношеніяхъ ниже ея. У нея были двѣ или три барыньки изъ недалекихъ, которыми она всегда восхищалась, украшала ими свою гостинную и кромѣ нихъ не находила умныхъ женщинъ въ Петербургѣ.

Въ душѣ ея кипѣли разныя неудовлетворенныя страсти, вмѣстѣ съ горькимъ сознаніемъ, что красота и талантъ не достались ей на жизненномъ пиру. Это придавало ея характеру что-то жесткое, сухое, порывистое... По мѣрѣ того, какъ уходили года, она все чаще стала собирать у себя мужское общество и все сильнѣе добивалась знакомства съ умными людьми, чтобы отъ

нихъ получить дипломъ на званіе самой умной и самой образованной русской женщины.

VI.

— Расскажи же мнѣ что-нибудь о себѣ! говорила она, отодвигая книгу Спенсера о воспитаніи, которую читала въ ожиданіи педагога.

Она еще съ вечера готовилась къ этому свиданію, пробѣгая наскоро главныя положенія Спенсера, и уже сложила въ умѣ нѣсколько возраженій, которыя сдѣлаетъ своему гостю. Въ разговорахъ съ людьми, почему-нибудь замѣчательными, она старалась не во всемъ и не всегда съ ними соглашаться, зная, что ничто не выставляетъ въ такомъ выгодномъ свѣтѣ знанія человека, какъ легкій споръ, то, что французы называютъ *la discussion*. Къ тому же оспаривать что-нибудь можно и безъ особенныхъ знаній; ея опытность научила ее этому и она, наскоро перелистовавши какую-нибудь брошюру, спорила съ финансистомъ о финансахъ, съ медикомъ о медицинѣ. Она съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминала о томъ, какъ поспорила разъ съ извѣстнымъ русскимъ историкомъ о значеніи Пугачевского бунта и какъ историкъ серьезно возражалъ ей, видимо признавая въ ней равнаго себѣ противника. Она и не подозрѣвала, что, выходя отъ нея, онъ сказалъ:

— Нѣтъ никакой возможности спорить съ женщинами. Легче ходить по канату, чѣмъ говорить съ ними объ исторіи.

— Ну, вы счастливѣ меня, замѣтилъ другой гость, вмѣстѣ съ нимъ выходявшій. — Вы, по крайней мѣрѣ, знаете, о чемъ вы съ ней говорили. А я вотъ сколько ни говорю съ ней, хоть убей не знаю, о чемъ мы говорили.

На просьбу ея рассказать что-нибудь о себѣ, Яковлевъ неохотно отозвался, что ему рассказывать нечего.

— Ты плохо что-то поправляешься. Это не хорошо; когда я видѣла тебя послѣдній разъ, ты выглядѣлъ лучше.

Она съ нѣжнымъ упрекомъ взглянула въ его все еще прекрасные голубые глаза. Было что-то въ выраженіи этихъ глазъ, что она особенно любила и чего не находила у другихъ. Внезапная нѣжность, какъ неожиданный приливъ крови, на минуту закружила ей голову.

— Ты долженъ быть счастливъ, Алексѣй. Ты переживаешь теперь лучшія минуты своей жизни.

Лицо его приняло вдругъ сухое, неприязненное выраженіе.

— Почему это ты думаешь, что я долженъ быть счастливъ? Вѣра смѣшалась и не нашлась, что сказать. Но она тотчасъ же своимъ женскимъ инстинктомъ поняла, что онъ, дѣйствительно, не былъ счастливъ.

— Ну, что твоя работа? спросила она поспѣшно.

— Да ничего, отвѣтилъ онъ неохотно:— все такъ же.

— Ею очень интересуется одинъ мой новый знакомый. (Она назвала довольно громкое въ научномъ мѣрѣ имя). Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ меня о тебѣ, просилъ, нельзя ли васъ познакомить.

Яковлевъ ничего на это не сказалъ. Ему показалось, что она упомянула объ этомъ съ умысломъ: во-первыхъ, для того, чтобы напомнить ему, какіе люди у нея бывають, а потомъ, чтобы доставить ему удовольствіе отзывомъ знаменитости: если даже такіе люди интересовались его трудомъ, значить, не все еще было потеряно. Последнее было ему особенно неприятно.

— Ну, а у тебя попрежнему базаръ житейской суеты? сказалъ онъ. — Кто это мнѣ говорилъ, что ты хочешь путешествовать.

— Я, можетъ быть, весной поѣду за-границу.

— Зачѣмъ?

— Такъ. Мнѣ нужно непременно уѣхать отсюда. Тутъ много разныхъ обстоятельствъ. Мнѣ необходимо уѣхать. (Она вдругъ заволновалась). Этотъ годъ для меня очень тяжелъ. Я столько вынесла...

— Твой мужъ, ты говоришь, былъ боленъ?

— Всю осень! Въ прошломъ мѣсяцѣ, онъ чуть не умеръ. Дѣла у насъ запутались. Долговъ оказалось втрое больше, чѣмъ я думала. Приходилось къ отцу ѣздить, у отца просить денегъ. Такъ это все неприятно! Чего мнѣ все это стоило, я тебѣ сказать не могу. Столько лгать приходилось, унижаться, изъ-за чего? Боже мой, изъ-за чего? Для того, чтобы эти деньги, которыя добыты такимъ путемъ, кидались потомъ на вѣтеръ, проживались чортъ знаетъ на что. Я устала, наконецъ, отъ этой жизни. Всему есть конецъ. Пусть мнѣ дадутъ опредѣленную сумму, мнѣ нужно немного—и я уѣду отсюда.

— Отчего ты ему этого не скажешь?

— Я ему говорила. Онъ противъ этого, потому что у него денегъ, видите ли, нѣтъ. На любовницъ есть, а на...

Она вдругъ загнулась, чувствуя, что зашла слишкомъ далеко. Всегда осторожная въ своихъ выраженіяхъ, она только въ спорахъ съ мужемъ прибѣгала къ тѣмъ тривіальнымъ, иногда бессмысленнымъ словамъ, которыхъ никогда не простила бы дру-

гому. Она тогда не выбирала ихъ, они сами сыпались съ языка и чѣмъ она больше разгорячалась, тѣмъ они становились оскорбительнѣе и бессмысленнѣе. Какъ только слово любовница сорвалось у ней, лицо ея, помимо ея желанія, выразило вдругъ злобу.

— Ты знаешь, продолжала она, чувствуя, что теперь поздно уже поправляться:— что у насъ этотъ бюджетъ, который... я не знаю, какъ это тебѣ сказать!.. ну, да однимъ словомъ тотъ, который ни въ какія книги не вносится, доходить до нѣсколькихъ тысячъ въ годъ. Говорать, что камелии дороги... Боже мой! да эти, такъ-называемыя честныя женщины въ тысячу разъ дороже! Какъ это дѣлается, я не умѣю тебѣ объяснить, но я могу тебя завѣрять, что каждое ухаживанье моего супруга обходится намъ въ 2—3 тысячи. Ахъ, да! ты знаешь, онъ теперь живетъ у васъ въ домѣ?

— У кого это?

— Такъ. Тамъ есть одна особа.

Она вдругъ замолчала, какъ бы чувствуя, что дальнѣйшій разговоръ объ этомъ будетъ нескромностью. Но по всему было видно, что она горитъ желаніемъ продолжать его. Она ждала только, чтобы Яковлевъ самъ вызвалъ ее на это. Но Яковлевъ молчалъ. Онъ чувствовалъ себя неловко отъ этого внезапнаго открытія передъ нимъ семейныхъ тайнъ. Онъ какъ самъ терпѣть не могъ, чтобы вмѣшивались въ его дѣла, такъ не любилъ мѣшаться и въ дѣла другихъ. Совѣтовъ онъ подавать не умѣлъ, а сочувствовать Вѣрѣ не могъ.

Въ жизни Вѣры была одна печальная черта: она никому никогда не внушала участія. Всѣ ея горести считались почему-то выдуманнми. Даже измѣна мужа — этотъ тяжелый ударъ въ жизни женщины — относительно ея представлялась чѣмъ-то неважнымъ, какъ будто это такъ и должно было быть.

— Впрочемъ, вѣтъ! начала она, вынимая изъ кармана кршечный, пахнувшій жасминомъ батистовый платокъ.— Что же я буду скрывать отъ тебя! Это вѣдь ни для кого не секретъ. Когда Петръ Ильичъ за кѣмъ-нибудь ухаживаетъ, объ этомъ обыкновенно весь городъ знаетъ. Да и ты, кажется, знаешь эту особу; ты одно время былъ съ ней знакомъ. Я не знаю, выдаешься ли ты съ ней теперь...

— Кто такое? спросилъ онъ съ чуть замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Г-жа Аристова. Жена вашего газетнаго сотрудника...

Вѣра остановилась, замѣтивъ, какъ задрожала у него лѣвая щека. Лицо его вдругъ какъ-то потемнѣло. Онъ вынулъ носовой

платокъ и сталь имъ вытирать усы. Она знала у него этотъ признакъ сильнаго волненія и перебирала въ умѣ все, что могло бы его вызвать.

— Я знаю Аристову, сказалъ онъ, овладѣвъ собой. — Развѣ она живетъ у насъ въ домѣ?

— Какъ же!

— Давно ли?

— Право, не знаю. Я этимъ мало интересуюсь. Мнѣ сказалъ объ этомъ одинъ нашъ общій знакомый, Шаншинъ. Оказывается, что они съ Петромъ Ильичемъ ухаживаютъ за ней вмѣстѣ и такъ ужъ тамъ и живутъ. Это-то, кажется, больше всего и разжигаетъ моего супруга. Онъ можетъ даже совсѣмъ не любить женщину, это все равно, ему стѣитъ только замѣтить, что кто-нибудь другой отбиваетъ ее, и конечно дѣло...

— Тутъ дѣло, значитъ, не въ любви, а въ самолюбіи, замѣтилъ Яковлевъ, развертывая Спенсера.

— Да. Только оно намъ немножко дорого обходится. Что такое? обратилась она съ нетерпѣніемъ къ выглянувшей изъ двери горничной.

— Баринъ пріѣхали. Вы приказали доложить.

Вѣра еще наканунѣ отдала приказаніе, чтобы, какъ только пріѣдетъ мужъ, ей дали знать объ этомъ. Но ее разсердила глупость горничной, которая сдѣлала это при постороннихъ.

— Во-первыхъ, пожалуйста, когда у меня кто-нибудь сидитъ, оставьте вашу привычку входить, когда васъ не зовутъ...

Она остановилась, чувствуя, что теперь должно быть во-вторыхъ, и, съ минуту подумавъ, обернулась къ Яковлеву. — Ты хочешь его видѣть? Я его позову?

— Сдѣлай одолженіе! сказалъ онъ, вспомнивъ, что ему надо еще поговорить съ Бобиковымъ насчетъ своихъ денежныхъ дѣлъ.

VII.

— А мы объ васъ ужъ объявленіе хотѣли подавать! говорилъ Бобиковъ, входя. — Пропалъ человѣкъ, да и только!

— Петръ Ильичъ! остановила его жена. — Что это такое?

— А что?

— Да вы хоть бы почистились.

Онъ удивленно осмотрѣлся. Смятая крахмальная рубашка застегнута была на рукавахъ двумя разными запонками, при чемъ на одной изображены были трефовые тузы, а на другой женская головка. Всѣ карманы отъ долгаго употребленія приняли видъ

*

нѣсколько оттопыренный. Одна пола и одинъ рукавъ у сюртука были выпачканы чѣмъ-то бѣлымъ.

— Я, ей богу, не знаю. Давеча все, кажется, было въ порядкѣ, оправдывался онъ.—Я все утро въ правленіи сидѣлъ.

— Вы тамъ и ночевали?

— Гдѣ?

— Въ правленіи.

— Нѣтъ, видишь ли... Я вчера у Казанцевыхъ засидѣлся. Поздно было, не хотѣлъ тебя будить. Звонить надо, весь домъ будить. Я въ гостинницѣ ночевалъ.

У него былъ тотъ виноватый видъ, который бывалъ у него, когда на сторонѣ заводилась любовь.

— А мы вчера только объ васъ говорили. У Казанцевыхъ о васъ спрашивали, началъ онъ, обращаясь къ Яковлеву и подтверждая этимъ еще разъ, что онъ дѣйствительно былъ у Казанцевыхъ, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. — Вы совсѣмъ пропали. А я-то тутъ, батюшка, безъ васъ... чуть не умеръ!

— Да, я слышалъ.

Онъ скользнулъ взглядомъ по его оживленному лицу и блѣстѣвшему изъ подъ бровей радостно лукавому взгляду. «Да, ты вотъ чуть не умеръ, а теперь опять здоровехонекъ!» подумалъ онъ съ завистью.

— Я тоже былъ боленъ: воды все пилъ.

— Помогли? спросила Вѣра съ участіемъ.

— Да, какъ же! помогли. Дня два совсѣмъ былъ здоровъ.

— Нѣтъ, вотъ я разъ на воды-то попалъ! вспомнилъ Бобиковъ.—У нѣмцевъ въ какомъ-то городишкѣ, какъ его? чортъ... забылъ! Ну, да все равно. Поѣхали мы туда съ однимъ господиномъ... (Не съ госпожей ли? подумала Вѣра). Ну-съ, хорошо! Приѣхали. Лечимся. Пьемъ мы эту самую воду отчаянно. Каждый день по 15-ти кружекъ зудимъ. Просто даже распирать начало. Ничего, думаемъ, хорошо! полезно! Кружку-то возьмешь, такъ ее оттуда назадъ и преть. А дѣлать нечего; деньги нѣмцамъ заплатили, надо пить. Вода, говорятъ, желѣзная, сѣрная, чортъ знаетъ, чего въ ней нѣтъ. Только эдакъ ужъ къ концу, должно быть, сезона, передъ самымъ отѣздомъ, чтожь вы думаете узнаемъ? — никакихъ водъ въ этомъ городишкѣ нѣтъ, да и не было никогда, а просто обыкновенная рѣчная вода, а нѣмцы сами ее фабрикуютъ. Сѣры тутъ припустать, да желѣза, да соли какой-то...

— Какія глупости! перебила его жена.

— Ну, вотъ глупости! Ты спроси у Шаншина, онъ тебѣ ска-

жетъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ были. Ну, что ваша работа? обернулся онъ къ Яковлеву.—Подвигается?

Всѣ почему-то считали нужнымъ спросить его о работѣ, иные прибавляя, что очень ею интересуются, ждутъ ее съ нетерпѣніемъ. Яковлевъ зналъ, что это вздоръ, что никто и не думаетъ о его работѣ, пока не видятъ его, но что это ужъ такъ принято, вмѣсто того, чтобы говорить ему при встрѣчѣ: какъ ваше здоровье? ему говорили: какъ ваша работа? Онъ даже сталъ отвѣчать: ничего, благодарю васъ! И пересталъ бывать въ тѣхъ домахъ, гдѣ его объ этомъ спрашивали.

Въ передней кто-то позвонилъ.

Вѣра безпокойно обернулась и, замѣтивъ мужа, вопросительно оглянулась на него, какъ бы спрашивая: неужели вы въ этомъ видѣ останетесь?

— А что, не пойти ли намъ въ кабинетъ? предложилъ онъ.

Яковлевъ всталъ.

— Ты уходишь? остановила его Вѣра.—Я думала, что ты съ нами посидишь.

— Нѣтъ, мнѣ пора. Я вотъ только нѣсколько словъ скажу Петру Ильичу и потомъ домой.

Уходя, онъ еще разъ напомнилъ ей о своей просьбѣ привести дѣтей.

Онъ былъ довольно нѣжный, хотя и безтолковый отецъ, и Аристовъ былъ правъ, говоря, что нѣтъ болѣе несчастныхъ дѣтей, какъ дѣти умныхъ родителей.

Еще его первый ребенокъ не родился, какъ онъ уже обдумывалъ, въ какія отношенія онъ съ нимъ станетъ, въ отношенія ли отца или просто друга. Первые годы, т. е. именно тогда, когда дѣти всего менѣе нуждаются въ отцовскихъ попеченіяхъ, онъ вмѣшивался рѣшительно во все. Особенно безпокоили его няньки: онъ искалъ такую, которая была бы не суевѣрна, весело права, привлекательной наружности, чтобы ребенокъ съ раннихъ лѣтъ привыкалъ къ чувству изящнаго, твердаго характера, чтобы подавать ему хорошій примѣръ, и притомъ настолько образованная, что могла бы, напримѣръ, читать газеты и интересоваться тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ. Желаніе его было исполнено. У дѣтей была нянька, читавшая каждое утро газеты, пріятной наружности, цѣлый день не отходившая отъ огня, вѣроятно, потому, что изъ него открывался видъ на одно высшее учебное заведеніе, и два раза уронившая ребенка, о чемъ никто не зналъ. Яковлевъ засталъ ее однажды курящею папиросу и, объяснивъ ей весьма пространно, что табакъ есть ядъ и отрав-

лаетъ воздухъ, которымъ дышать его дѣти, заплатилъ ей за два мѣсяца впередъ и отказалъ отъ мѣста.

За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ нянекъ привлекательной и непривлекательной наружности, твердаго и не совсѣмъ твердаго характера. Дѣти росли. Яковлевъ занимался педагогіей съ какимъ-то бѣшенствомъ и нарочно сошелся съ однимъ старымъ товарищемъ своего отца, придававшимъ большое значеніе педагогій, можетъ быть, потому, что въ его времена она была мало извѣстна. Старики этотъ какъ-то особенно воспитывалъ своего сына, стараясь воспитать изъ него, какъ онъ самъ говорилъ, нормальнаго человѣка. Но къ дѣвочкамъ онъ относился съ пренебреженіемъ.

— Что такое дѣвчонка? говорилъ онъ: — Пустой пакетъ, въ который можно вложить что угодно.

У Яковлева были только дѣвочки, но онъ скоро увидалъ, что и въ эти пустые пакеты вложить что-нибудь не легко.

Онъ сталъ постепенно приходить къ убѣжденію, что не можетъ быть хорошимъ воспитателемъ. Какъ прежде онъ преувеличивалъ свои родительскія обязанности, такъ теперь, напротивъ, сталъ думать, что родители должны добровольно устранять себя, если видятъ, что своимъ дурнымъ характеромъ могутъ повліять на дѣтей. Развивая все дальше эту мысль, онъ пришелъ, наконецъ, къ тому, что воспитывать дѣтей непременно въ *своихъ* убѣжденіяхъ, навязывать имъ *свои* взгляды, *свои* привычки — просто преступленіе. Дѣти, по его мнѣнію, должны были до всего додуматься сами.

Дѣтская мысль, говорилъ онъ, и безъ того уже была достаточно скована разными учебниками и программами, а, сковывая дѣтскую мысль, готовятъ изъ человѣка раба.

— Очень немногіе, прибавлялъ онъ: — могутъ сбросить съ себя тѣ цѣпи, которыми связаны ихъ нѣжные родители, а если и сбѣгаютъ это, то, чертъ знаетъ, сколько силъ на это потратятъ!.. иногда все, что вложила въ нихъ природа.

Подъѣзжая къ дому вмѣстѣ съ Бобиковымъ, который самъ вызвался съѣздить къ нему, чтобы разсмотрѣть его дѣло Яковлевъ наткнулся у подъезда на маленькую двумѣстную каретку, которая, видимо, кого-то дежидаясь, стояла у самага тротуара.

Когда они поднимались по лѣстницѣ, на встрѣчу имъ сходила какая-то дама въ черномъ. При видѣ ея Яковлевъ, какъ-то странно вдругъ посторонился и, не отвѣчая на ея вѣжливый поклонъ, ускорилъ шагъ.

— Вы развѣ не узнали? говорил Бобиковъ, нагоняя его.—
Марья Михайловна вамъ кланялась.

— Кто? спросилъ онъ стрывисто.

— Марья Михайловна Аристова. Она сейчасъ на встрѣчу
намъ попалась.

— А, да! (Онъ дернулъ звонокъ). Я ея не узналъ.

— Она вѣдь тутъ живетъ, вы знаете, надъ вами.

— Да, я слышалъ. Чтò, въ редакціи есть, кто-нибудь? спро-
силъ онъ поспѣшно отворившую имъ дверь горничную.

— Я не знаю-съ.

— Поди узнай. Ахъ, да... хотите я васъ съ женой позна-
комлю?

— Барыни мѣтъ! поспѣшила предупредить горничная.

— Гдѣ же она?

— Отвѣкъ къ своему папашѣ поѣхали. Велѣли сказать, чтобы
кушать ихъ не дожидать.

— Хорошо! ступай...

Бобиковъ высматривалъ своими узенькими, плутоватыми глаз-
ками, стараясь придать имъ невинное выраженіе.

— Можно васъ поздравить? Вы дѣйствительно женаты? Это
не мнѣ?

— Дѣйствительно женатъ. Я не знаю, отчего это всё думаютъ,
что я дѣлаю изъ этого тайну. Что за необыкновенная вещь та-
кая! Каждый день люди женатся.

«Да, рассказывай! подумалъ Бобиковъ. — Видно поймали го-
лубчика!»

VIII.

Вѣра сдержала свое обѣщаніе и вечеромъ привезла дѣтей.

Дѣти робко смотрѣли на отца, который подалъ имъ руку,
какъ большимъ. Его убѣжденіе, что надо обращаться съ ними,
какъ съ равными, не позволяло ему приласкать ихъ. Онъ спро-
силъ ихъ, что они дѣлали безъ него. Дѣти съ видимымъ стѣ-
сненіемъ, какъ заданный и не выученный урокъ, отвѣтили, что
они не знаютъ, что они дѣлали.

— Что же вы не забыли меня?

— Нѣтъ! отвѣтила шепотомъ старшая дѣвочка.

Яковлевъ понять не могъ, почему они такъ боялись его. Онъ
никогда ихъ не наказывалъ и не дѣлалъ имъ замѣчаній. Одно,
чего онъ имъ не позволялъ—это входить къ нему въ кабинетъ,,
когда ихъ не звали, и шумѣть, когда онъ былъ занятъ...

Онъ еще съ утра распорядился, чтобы была приготовлена дѣтская и послалъ купить какихъ-то ненужныхъ, но, по его мнѣнію, необходимыхъ вещей. Онъ самъ теперь привелъ ихъ туда и, не зная, что имъ сказать, остановился посреди комнаты. Дѣвочки тоже стояли, нерѣшительно оглядываясь.

— Ну, такъ вотъ пока побудьте тутъ. Я потомъ приду къ вамъ, сказалъ онъ, удивленный тѣмъ, что такъ мало общаго между нимъ и его дѣтьми.

Онъ вернулся къ Вѣрѣ, которую оставилъ одну въ кабинетѣ. Вѣра думала, что онъ повелъ дѣтей къ жемъ и терпѣливо ждала конца этихъ родственныхъ представленій.

— Ну, что? встрѣтила она его улыбаясь.—Все благополучно?

Онъ не понялъ ее и сказалъ, что оставилъ ихъ пока однихъ.

— Однихъ? Развѣ ты былъ не у жены?

— Нѣтъ. У нея, кажется, гости. Впрочемъ, если хочешь пойдемъ къ ней.

И онъ, не дожидаясь отвѣта, пошелъ впередъ. Если ужъ нельзя этого избѣжать, говорило его выраженіе, такъ, пожалуйста, поскорѣе!

— Подожди здѣсь минутку! сказалъ онъ, оставляя ее въ темной гостиной и отворяя дверь въ другую комнату, откуда, вмѣстѣ съ полосой свѣта, вырывался смѣхъ и шумъ голосовъ. Послѣ минутнаго перерыва, родственниковъ восклицаній, стука отодвигаемыхъ стульевъ и недовольнаго вопроса: кто такое? Яковлевъ вернулся назадъ.

— Ты найдешь у насъ беспорядокъ. Тамъ не все убрано... и жена не одѣта.

Вѣра поняла, что время для знакомства было выбрано неудачно и что лучше было бы подождать до другого раза, но дѣлать было нечего... нужно было войти.

Въ большой разоренной комнатѣ, гдѣ у одной стѣны стояла кровать съ непокрытымъ тиковымъ матрацомъ, а у другой на половину разобранная дорожная важа, на полу валялось сѣно, веревки, оберточная бумага, въ углу стояли обернутые лицомъ къ стѣнѣ чьи-то портреты, за длиннымъ столомъ, покрытымъ цвѣтной чайной скатертью, хватавшей только до половины стола, сидѣло нѣсколько человекъ.

Отъ нихъ тотчасъ же отдѣлилась высокая блондинка съ распущенными косами, въ какой-то темной блузѣ, какъ Вѣрѣ показалось, совсѣмъ безъ юбокъ, и съ вязанымъ краснымъ платкомъ на шеѣ. Она вынула изъ подъ платка одну руку и молча подала ее Вѣрѣ.

— Моя жена! отрекомендовалъ ее Яковлевъ.

— Я такъ давно хотѣла съ вами познакомиться, начала Вѣра и почувствовала, что краснѣетъ.

Блондинка какъ-то бокомъ, келовко подалась и, ни слова не говоря, подвинула ей стулъ.

— Мы такіе друзья съ вашимъ мужемъ, продолжала Вѣра:— что я позволила себѣ запросто, безъ всякихъ церемоній... (Да сважи же хоть что-нибудь? думала она, оглядываясь на нее). Я такой врагъ всякихъ церемоній... (Кто бы это могъ быть? соображала она, посматривая черезъ столъ на старика, съ бѣлыми косматыми бровями, и высокую, худощавую даму, почти не видную изъ-за самовара, откуда мелькала только бахрома ея широкихъ рукавовъ, давно уже вышедшихъ изъ моды, и шиньонъ изъ желтоватыхъ крепированныхъ волосъ).

— Позвольте васъ познакомиться! сказала Нина, замѣтивъ ея взгляды.—Мой отецъ! моя сестра! мой братъ...

Старикъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто хотѣлъ встать, но этимъ только и ограничился. Лиза за то совсѣмъ растерялась: она попробовала сначала протануть руку черезъ столъ, не достала, покраснѣла до самыхъ волосъ, обошла кругомъ и чуть что не присѣла. Одинъ Николай поклонился съ достоинствомъ. Вѣра замѣтила при этомъ, что у него красивые глаза.

— Я кажется имѣла удовольствіе васъ видѣть, сказала она, хватаясь за эту послѣднюю надежду поддержать неклеившійся разговоръ.—Вы играли въ концертъ въ пользу... не помню ужъ въ пользу кого.

— Ахъ, да... Маленькую вещичку, Мендельсона, кажется, отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто это былъ одинъ изъ его многочисленныхъ концертвъ, въ которыхъ онъ уже не помнилъ что и когда игралъ. Но это былъ его первый и пока единственный въ жизни концертъ. Вѣра помнила, какъ онъ смутился при выходѣ, не зналъ, куда ему кланяться и чуть не оступился, уходя съ эстрады. Игралъ онъ такъ себѣ, но онъ былъ начинающій, и ему хлопали и вызывали, и Вѣра сказала ему, что онъ игралъ прекрасно.

— Маленькая вещица! повторилъ онъ.

— Маленькую иногда труднѣе исполнить, чѣмъ большую. Не правда ли? обратилась она къ Нинѣ.

— Не знаю. Я въ музыкѣ ничего не понимаю.

Еще за минуту до этого она была въ хорошемъ расположеніи духа, но теперь ее разсердилъ приходъ Вѣры. «Что ей нужно?» думала она съ досадой. Всѣ чувствовали себя стѣсненными. Старикъ Огневъ все время упорно молчалъ. Въ постороннемъ обществѣ онъ всегда смотрѣлъ одинокимъ и даже кажимъ-то жал-

кимъ. Онъ такъ привыкъ къ своему грязному пальто и къ мрачной тѣснотѣ своего кабинета, что въ гостяхъ чувствовалъ себя связаннымъ. Онъ сидѣлъ тамъ усталый, скучающій, молчаливый... Ему и платью было тѣсно, и сапоги ему жали, и зеленныя перчатки, которыя онъ надѣвалъ всегда въ такихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, или не влѣзали, или не слѣзали съ рукъ.

Яковлеву хотѣлось спать. Чтобы не заснуть, онъ спросилъ себѣ чашку чаю. Лиза, разливавшая за хозяйку, подала ему чернаго, какъ пиво чаю, замѣтивъ, что на ночь это не хорошо. Но онъ, какимъ-то страннымъ, непонятнымъ для себя образомъ, въ эту минуту именно и заснулъ. Это продолжалось только одно мгновение, такъ что звукъ ея голоса уже разбудилъ его, но онъ по-нять, что спалъ и спалъ крѣпко.

«Что такое она сказала мнѣ? думалъ онъ, вглядываясь тревожно въ ея лицо.—Вѣрно, что-нибудь на счетъ чаю. Нужно ли отвѣчать?»

Онъ взялъ у нея изъ рукъ чашку и вдругъ громко и рѣшительно заговорилъ о томъ, что надо послать чаю дѣтямъ, но не нужно приводить ихъ сюда, потому что они боятся общества, и при этомъ подозрительно оглянулся на всѣхъ, какъ бы желая знать, не замѣтили ли чего-нибудь.

Нина удивленно обернулась.

— Развѣ дѣти здѣсь?

— Я ихъ сейчасъ привезла, объяснила Вѣра.—Но я не знаю (она оглянулась на Яковлева), отчего ты не хочешь, чтобы они пришли сюда? Что же они тамъ одни сидятъ.

Было рѣшено, что привести ихъ сюда. Нина сама пошла за ними. Дѣвочки вошли, еще въ дверяхъ присѣли и, не поднимая глазъ, сѣли на то мѣсто, которое имъ указали. Старшая сейчасъ же покорно стала пить поставленный передъ ней горячій, противный чай, отпивая его маленькими глотками, и со страхомъ думая о томъ, неужели дадутъ еще. Младшая была посмѣлѣе и сказала простодушно, что чай не хорошъ. Ей дали молока и кусокъ бѣлаго хлѣба. Но она только немножко пощипала хлѣбъ и отодвинула стулъ, собираясь вставать.

— Куда ты? спросилъ отецъ.

— Лиза, пойдемъ! сказала она сестрѣ, не отвѣчая.

— Маша! что-жъ ты не благодаришь? замѣтила ей Вѣра.

— Я такъ мало ѣла, отвѣтила дѣвочка наивно.

Всѣ засмѣялись. Старшая сестра, ободренная этимъ, тоже встала и, къ великому удовольствію обѣихъ, ихъ отпустили опять въ дѣтскую.

IX.

Послѣ ухода дѣтей наступило минутное молчаніе. Вѣра раскаявалась, что пріѣхала. Она не могла не видѣть, что была тутъ чужая. Но едва ли еще не больше ея чужой былъ тутъ Яковлевъ. Его приходъ точно такъ же разорвалъ бы ихъ родственную бесѣду. Имъ нечего было сказать ему такого, что вмѣстѣ съ ними заставило бы его радоваться или удивляться. Никакой внутренней связи между имъ и этой семьей не было. Онъ оставался такъ же чуждъ Огневымъ, какъ былъ когда-то чуждъ Полѣновымъ. Вѣрѣ даже показалось, что у него было больше общаго съ ихъ семьей, чѣмъ съ этимъ волчьимъ гнѣздомъ, какъ она мысленно назвала семью Огневыхъ, взглянувъ на отца и на дочь. Отецъ особенно показался ей чѣмъ-то дикимъ, первобытнымъ. Онъ такъ невѣжливо молчалъ и такъ неопозволительно много курилъ и такой скверный табакъ, что она тотчасъ же упала въ немъ одного изъ тѣхъ высохшихъ, бѣдныхъ, угрюмыхъ литераторовъ, которые всю свою жизнь остаются никому неизвѣстными и умираютъ гдѣ-нибудь на чердакѣ, оставивъ послѣ себя кучу дѣтей и 25 томовъ своихъ трудовъ. Одно время у нея бывали такіе литераторы, но съ тѣхъ поръ, какъ у нея стали бывать знаменитости, они скрылись сами собой.

— Чтò это Николай Платонычъ не идетъ? удивилась Лиза.— Онъ вѣдь хотѣлъ быть. Онъ, должно быть, ужъ не придетъ.

— Онъ ужъ пришелъ, сказалъ кто-то, отворяя дверь. Яковлевъ, вздрогнувъ, обернулся. Это былъ Козловъ. Онъ поочередно, ни на кого не глядя, пожалъ всѣмъ руку, не исключая и Вѣры, которую не зналъ, но сразу не рассмотрѣлъ. Замѣтивъ свою ошибку, онъ извинился. Яковлеву онъ поклонился издали.

Съ его приходомъ все оживилось. Видно было, что это свой человѣкъ. Старикъ Огневъ, до сихъ поръ молчавшій, вдругъ что-то сталъ рассказывать. Вѣра, не знавшая Козлова по фамиліи, узнала его въ лицо. Она видѣла его у одного знакомаго литератора. Теперь она любезно напомнила ему объ этомъ, и назвала себя по фамиліи. Она думала, кажется, что онъ будетъ этимъ пріятно удивленъ, но онъ ничего особеннаго не выразилъ на своемъ лицѣ и сказалъ только:

— Да-съ, я помню, я васъ видѣлъ.

— Вы много будете чаю пить? спросила Лиза съ раскраснѣвшимся лицомъ, подставляя чайникъ подъ кранъ, въ которомъ не было больше воды.

— Что ты его спрашиваешь! замѣтилъ Николай.—Онъ меньше ведра не пьетъ.

— Постоите, я вамъ помогу, предложилъ Козловъ и, взявшись обѣими руками за самоваръ, нагнулъ его надъ чайникомъ.

Плохо надѣтая камфорка полетѣла и, загремѣвъ по столу, разбила чашку. Никто не нашелъ въ этомъ ничего страннаго. Всѣ смѣялись. Одинъ Яковлевъ, котораго съ первой минуты покорило присутствіе этого мало знакомаго ему человѣка, почти не обращавшаго на него вниманія и державшаго себя, какъ дома, съ горечью сознавалъ, что онъ не можетъ раздѣлять этого общаго веселья. Напротивъ, чѣмъ веселѣе было другимъ, тѣмъ скучнѣй становилось ему.

— А мы съ Лизой нынче къ вамъ собирались, начала Нина, обращаясь къ Козлову.—Ну, что сестра?

— Все такъ же. Все въ одномъ положеніи.

Вѣра спросила, чѣмъ больна жена Козлова и назвала доктора, котораго слѣдуетъ пригласить.

— Что же у него особенная наука какая-нибудь? спросилъ Яковлевъ, лечившійся у всѣхъ петербургскихъ докторовъ и всѣхъ ихъ одинаково считавшій невѣждами.—Тотъ же мышьякъ даетъ, ту же хину.

— Онъ замѣчательный діагностъ, возразила Вѣра. — У него по 30, по 40 человѣкъ больныхъ на дому бываетъ.

— Да. Ну, да конечно... если у него 40 человѣкъ бываетъ, такъ сорокъ первый непременно пойдетъ... Вонъ на Пескахъ какіе-то греки водой лечатъ, такъ у нихъ отъ больныхъ отбою нѣтъ. По вашему, докторъ, который принялъ въ нѣсколько часовъ сорокъ человѣкъ больныхъ, есть верхъ совершенства, знаменитость, чуть не богъ... А по моему, это не докторъ, а шарлатанъ. Ни одной болѣзни, кромѣ насморка, въ 10 минутъ опредѣлить нельзя.

— Зачѣмъ же ты тогда самъ ѣздишь къ знаменитостямъ? спросила жена, не оборачиваясь.

— Ну, это долго объяснять.

Она пожала плечами.

— Это непоследовательно.

— Я, во-первыхъ, не къ однимъ знаменитостямъ ѣзжу, а ко всѣмъ безразлично. Для меня вличва ничего не значить. Я ищу такого, который бы зналъ самую суть дѣла, а не одни его внѣшніе приемы. А что такое ваши знаменитости? Наука для всѣхъ одна. Я знаю, что они всѣ съ одной скамейки ее слушали, по однимъ лекціямъ готовили...

— А личное дарованіе? перебила Вѣра.—Ты его ставишь ни

во что? Наука, конечно, для всѣхъ одна, но выдающіеся таланты вездѣ есть.

— Талантъ прикидываться, что я все знаю, когда я ничего не знаю! Когда мнѣ самая наука моя говорить, что она ничему научить меня не можетъ. Потому что—что такое наука медика? Что она ему даетъ? Она констатируетъ факты. Больше ничего! Если я боленъ, она говоритъ мнѣ: да, ты, дѣйствительно, боленъ, у тебя вотъ то и то...

— Зачѣмъ же ты тогда ѣздишь къ докторамъ? повторила Нина.—Я не понимаю.

— Ты многого не понимаешь! отвѣтилъ онъ раздражительно.— Совершенно такъ же, какъ мой отецъ, у котораго никогда не болѣли зубы и который, поэтому, говорить, что рѣшительно не понимаетъ, какъ это могутъ болѣть зубы.

— Это не отвѣтъ, сказала она сухо и тотчасъ же обратилась къ Вѣрѣ, прося ее сообщить адресъ того доктора, о которомъ она говорила.

Вѣра написала его на своей визитной карточкѣ, прибавивъ, что это человѣкъ, который, несмотря на свою огромную практику, слѣдитъ за наукой и выписываетъ всѣ рѣшительно медицинскія книги.

— Всѣ рѣшительно выписать ихъ нѣтъ возможности, возразилъ Яковлевъ:—а читать и подавно, когда объ одной какой-нибудь болѣзни уха составилась цѣлая литература. Но можно нѣкоторые изъ нихъ получать и потомъ на досугѣ перелистывать—что они и дѣлаютъ. А не читать ихъ и не выписывать нельзя, какъ нельзя модистѣй не выписывать модныхъ журналовъ. Каждый годъ фасонъ мѣняется. На все есть мода. Такъ и тутъ! Прежде изъ васъ выпускали кровь, потомъ нашли, что нужно ее вливать въ васъ. Прежде васъ лечили горячими припарками, теперь вамъ прикладываютъ пузырь со льдомъ. Докторъ, который будетъ выпускать кровь, когда другіе вливаютъ, не будетъ знаменитымъ докторомъ; онъ на десять лѣтъ опоздалъ, но очень можетъ быть, что лѣтъ черезъ двадцать, когда опять въ модѣ будетъ выпускать кровь, онъ опять войдетъ въ славу. Если вмѣсто горячей воды принято прикладывать пузырь со льдомъ, то хотя бы дѣйствіе ихъ было совершенно одинаково, ни одинъ модный докторъ не пропишетъ горячей воды, а непременно пузырь со льдомъ.

— А вы не думаете, вмѣшался Козловъ:—что самъ организмъ человѣка съ теченіемъ вѣковъ измѣняется, что кровь выпускали прежде не потому, что на это была мода, а потому, что ея было слишкомъ много, такъ же, какъ теперь ея стало мало.

Яковлевъ ничего на это не сказалъ. Неизвѣстно было, согласился ли онъ съ этимъ или не находилъ нужнымъ отвѣчать.

Вѣра вступилась за докторовъ и сослалась на примѣръ своего мужа, котораго, по ея мнѣнію, доктора спасли отъ смерти.

— Да почему ты знаешь, что у него не было такого запаса силъ, котораго бы ему на полтора ста лѣтъ хватило, веди онъ только другую жизнь! Я знаю, у меня былъ кучеръ: его и лошади били, и тонулъ онъ, и съ крыши падалъ, и бревномъ его разъ ушибло, и битъ былъ такъ за свои любовныя похождения, что чуть Богу душу не отдалъ, и пилъ-то онъ такъ, что его изъ кабака замертво вытаскивали — и чтожь? жилъ себѣ и до сихъ поръ живетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. И ни одного доктора въ глаза не видалъ. Только къ фельдшеру ходилъ зубы дергать. Я не знаю, чѣмъ мы въ этомъ случаѣ разсуждаемъ лучше простого народа: тотъ думаетъ, что не потому человѣкъ выздоравлилъ, что у него натура крѣпкая, а потому, что ему какая-нибудь баба съ семи могилъ земли прикесла. А мы думаемъ потому, что къ нему ѣздилъ докторъ, который въ университетѣ учился и знаетъ, какъ его болѣзнь по-латыни называется. Очень мнѣ нужно знать, отчего я умираю, отъ гипереміи, отъ анеміи, отъ плеврита или отъ бронхита!..

— А все-таки, когда ты заболѣешь, ты пошлешь за докторомъ, сказала Вѣра, улыбаясь.

— Пошлю, потому что мнѣ доставляетъ удовольствіе говорить съ нимъ о своей болѣзни. Другимъ я этимъ надобѣть не хочу, съ какой стати! а докторъ обязанъ это слушать. Онъ за это деньги получаетъ.

Отъ докторовъ разговоръ перешелъ къ тому, куда идетъ человечество: къ улучшенію или къ вырожденію. Всѣ согласились, что прежде люди были крупнѣй и физически здоровѣй, но о томъ, какъ это повліяло на его духовную натуру, произошло нѣкоторое разногласіе. Нина говорила, что человѣкъ сталъ развитѣе и общій уровень образованія повысился. Вѣра была того мнѣнія, что уровень толпы повышается, но зато уровень отдѣльных, выдающихся лицъ понижается.

— Забудьте, у насъ есть таланты, говорила она: — геніевъ больше нѣтъ. А главное чего нѣтъ теперь — нѣтъ совсѣмъ характеровъ! Нѣтъ той желѣзной воли, которая поражала насъ въ прежнихъ дѣятеляхъ. Вы возьмите, гдѣ у насъ теперь такіе люди, какъ Петръ Великій, на примѣръ, или возьмемъ западную исторію: Гуссъ, Кромвель, Савонаролла...

— Ну, Кромвели-то всегда будутъ, замѣтилъ старикъ Огневъ.

Вѣра на минуту остановилась и посмотрѣла на него.

— А что у насъ теперь? продолжала она. — Какой-нибудь Наполеонъ, этотъ ограниченный честолюбецъ, который входитъ на престоль, поливая кровью улицы Парижа, и уже всё кричать отъ удивленія, всё хотять видѣть въ немъ что-то необыкновенное!

Она съ видимымъ удовольствіемъ стала развивать свою мысль, что геніевъ больше нѣтъ, и что это такъ и должно быть: если человѣкъ вырождается физически, онъ вырождается и духовно.

— Да что такое геніальность? отозвался вдругъ Яковлевъ. — Можетъ быть, это именно и есть болѣзнь! Можетъ быть, это воспалительное состояніе какихъ-нибудь клѣточекъ въ мозгу. Также точно и характеръ. Что такое сильный характеръ? Ненормально развитая, односторонняя способность души. Эта способность сильна, такъ другая какая-нибудь слаба. Кто же изъ насъ этого не знаетъ? Впрочемъ, это мое личное наблюденіе, можетъ быть, другіе съ этимъ не согласятся, что всё большіе характеры отличаются какой-то тупостью, односторонностью... Это все ровно, что силачи, атлеты, люди необычайной физической силы, всегда почти люди ограниченные. Тоже и фанатики— эти колоссы воли! У нихъ вся сила въ тупости ихъ нервовъ, въ ихъ необыкновенно малой воспримчивости. Да оно такъ и должно быть. Фанатикъ тѣмъ и силенъ, что на него внѣшній міръ совсѣмъ не вліяетъ; отъ него всё ощущенія, какъ пробки, отскакиваютъ; онъ весь живетъ внутри себя, съ тѣми двумя-тремя идеями, которыя въ него случайно засѣли. Ихъ немного, да зато сидятъ снѣ вѣрно!

— И слава Богу! замѣтилъ Козловъ.

— Какъ? спросилъ Яковлевъ, не разслышавъ.

— Я говорю: и слава Богу.

— Слава Богу, что ихъ немного?

— Нѣтъ, что онѣ сидятъ вѣрно.

Онъ подвинулся и далъ дорогу человѣку, который принесъ новый самоваръ. Лиза, сидѣвшая до сихъ поръ безъ дѣла и съ тоской смотрѣвшая по сторонамъ, оживилась и загремѣла посудой. Николай закурилъ папиросу и съ маслѣшливой улыбкой, ни къ кому въ особенности не относившейся, но показывавшей, что все это его очень забавляетъ, прислушивался къ разговору.

— Это еще вопросъ, кто намъ нужнѣе, сказала вдругъ Нина:— великіе умы, или люди, хотя бы и ограниченные, которые дѣло дѣлаютъ.

Она выговорила это какъ-то особенно твердо и отчетливо, какъ будто ожидая и собираясь отразить нападеніе. Въ ея блеснувшихъ глазахъ вдругъ прорвалось то внутреннее, давно по-

давяемое волненіе, которое не оставляло ее съ самаго прихода мужа.

Разговоръ, на минуту выбившійся изъ колеи, уже болѣе въ нее не возвращался. Вѣра объясняла Козлову, къ которому она почему-то преимущественно передъ другими обращалась, что ихъ общій знакомый, литераторъ NN, человѣкъ съ больной душой, совершенно надломленный жизнью, но необыкновенно какой симпатичный. Козловъ ничего на это не сказалъ. «Пустая барыня! думаль онъ.— Не стоить разговаривать». Вѣра не отставала. Козловъ все молчалъ; наконецъ, замѣтилъ:

— Да-съ. У насъ это еще, лѣтъ 50 тому назадъ, завели обычай — и престранный, по моему, обычай — говорить всѣмъ про себя, что вотъ, молъ, я натура больная, изломанная, искалѣченная, душа у меня темная, мрачная, истерзанная, сердце окаменѣлое, равнодушное, любить я не могу, ненавиждѣть тоже; могу только презирать. Чѣмъ бы тутъ, кажется, хвалиться? Нѣтъ, хвалятся. Конечно, это больше потому, я думаю, что за это и въ прежнія даже строгія времена никого не сѣкли и въ солдаты не отдавали. Но еслибы, я полагаю, были тогда же приняты мѣры и отдавали бы этихъ черствыхъ людей хоть, напримѣръ, въ солдаты, то исправились бы они очень скоро.

Вѣра послѣ этого сейчасъ же пережѣвила разговоръ и, посидѣвъ еще минутъ пять, стала прощаться. Нина молча поклонилась. Лиза опять присѣла, старикъ Огневъ опять показадъ видѣ, что хочетъ встать и не всталъ. Зато Николай такъ многозначительно и съ такимъ чувствомъ пожалъ ей руку, которую долго держалъ въ своей, что Вѣра смутилась и не знала, чѣмъ это объяснить. Но у Николая была привычка пожимать такъ руку всѣмъ, не только женщинамъ, но даже и мужчинамъ.

Когда гостя ушла, Нина спросила, ни къ кому въ особенности не обращаясь:

— Зачѣмъ эта барыня приходила?

Х.

Проводивъ ее, Яковлевъ не вернулся къ гостямъ, а остался у себя. Тамъ онъ заставилъ человѣка перестлатъ не такъ посланную постель, велѣлъ отодвинуть кровать отъ стѣны, которая ему показалась почему-то холодна, и убрать лишнія подушки. Когда онъ страдалъ бессонницей, то каждую ночь придумывалъ новыя комбинаціи, чтобы посмотрѣть, что именно мѣшаетъ ему спать. Онъ былъ увѣренъ, что такъ же, какъ работа не шла

иногда оттого, что криво висѣла картина на стѣнѣ, сонъ бѣжить оттого, что слишкомъ мало или много подушекъ на кровати.

Человѣкъ поставилъ на столъ графинъ съ водою, которую Яковлевъ тотчасъ же подозрительно посмотрѣлъ на свѣтъ, зажегъ лампаду, горѣвшую передъ образомъ, досталъ чистое полотенце, зная, что баринъ по ночамъ иногда умывается, и попробовалъ ногой педадь умывальника. Яковлевъ слѣдилъ за нимъ глазами, ожидая, скоро ли онъ уйдетъ. Присутствіе человѣка въ его комнатѣ, хотя бы и на одну лишнюю минуту, было ему неприятно. То, что онъ не можетъ обойтись безъ прислуги и въ то же время не можетъ выносить ея, каждый день отравляло ему нѣсколько минутъ жизни. Эта зависимость отъ людей, нетолько ему постороннихъ, но даже прямо ему враждебныхъ, казалась ему ужасной несообразностью. Онъ до того чувствовалъ себя во власти своего лакея, который могъ каждую минуту нагрубить ему, подать ему нечищенные сапоги, произвести беспорядокъ на его столѣ, принести нужное письмо черезъ пять дней послѣ того, какъ оно было получено, и лишить его того спокойствія, которое было ему необходимо, чтобы работать, что всякій разъ, когда этотъ человѣкъ входилъ, онъ уже подозрительно оглядывался, выжидая, какую еще неприятность онъ ему сдѣлаеть.

Оставшись одинъ, онъ хотѣлъ лечь, но, примѣрившись глазами къ кровати и, вспоминая прошлую ночь, почувствовалъ легкую дрожь. Видъ оправленной постели съ холодными подушками и бѣлыми, какъ снѣгъ, простынями внушалъ ему чувство содроганія. Онъ не легъ, а сѣлъ къ столу. Тяжелая въ нѣсколько пудовъ голова, которую онъ чувствовалъ на своихъ плечахъ, была полна такими же тяжелыми, неясными мыслями. Гдѣ это играютъ? думалъ онъ, прислушиваясь. Играли наверху въ въ третьемъ этажѣ. Но шумъ шаговъ не далъ ему этого слышать. Въ комнату вошла жена.

Она поставила на комодъ свѣчу и съ тѣмъ особеннымъ, неестественнымъ выраженіемъ, которое у нея бывало, когда она была чѣмъ-нибудь взволнована, принялась выбирать бѣлье изъ большого кожанаго мѣшка на полу. Она вынимала одну вещь за другой и кое-какъ, видимо не думая о томъ, что дѣлаеть, перекладывала ихъ въ широко раздвинутый ящикъ стариннаго комода. Яковлевъ нѣсколько времени молча смотрѣлъ на нее.

— Ты собираешься куда-нибудь? спросилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ!.. отвѣтилъ она коротко.

Онъ понялъ, что она дѣлала это вовсе не потому, что необходимо было тотчасъ же, не откладывая, разобрать всѣ вещи,

которыя со вчерашняго дня стоятъ неразобранныя. Онъ видѣлъ въ этомъ только желаніе сдѣлать неприятное ему. Она знала, что онъ не любитъ суматохи, разбросанныхъ вещей, веревокъ, огарковъ, слѣдовъ стеарина на полу, и нарочно вносила эту бурю, чтобъ досадить ему. Онъ не зналъ, что эта буря была въ ней самой, что это было только средствомъ укротить расхолодившіеся нервы и хотъ чѣмъ-нибудь, хотъ механическимъ занятіемъ успокоить свой гнѣвъ.

— Мнѣ кажется, что на это есть день, сказалъ онъ.—Ночью не время разбираться.

Она молча продолжала свое дѣло. Ему видно было только быстрое движеніе ея локтей, но не видно гордаго, почти злого выраженія ея лица.

— Я прошу тебя потушить свѣчку! сказалъ онъ рѣшительно.

Она обернулась къ нему. И онъ теперь только, по ея глазамъ, понялъ, что было что-то еще, кромѣ простаго желанія досадить ему.

— Тебѣ это неприятно? Что дѣлать! Мнѣ тоже многое неприятно. Но я ничего не говорю.

«Это онъ называютъ ничего не говорить!» подумалъ онъ.

— Что же наиримѣрь? Сдѣлай одолженіе, скажи.

Она молчала. Въ мѣшкѣ ничего уже не оставалось; но она, нагнувшись, все что-то перебирала. Онъ ждалъ. Онъ зналъ теперь, что гроза неизбежна, и какъ нельзя уйти отъ дождя, который застучалъ уже крупными каплями по деревьямъ, такъ нельзя было уйти отъ объясненія съ этой разсерженной женщиной.

Два мѣсяца, проведенные имъ съ ней за-границей, достаточно ихъ сблизили, чтобы онъ могъ, не ошибаясь, опредѣлять эти признаки сдержаннаго, подавленнаго гнѣва. Какъ только онъ замѣчалъ у нея это выраженіе, онъ спѣшилъ принять необходимыя мѣры обороны, состоявшія въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не раздражаться самому, по крайней мѣрѣ, видимымъ для нея образомъ. И чѣмъ больше онъ бывалъ внутренно взбѣшенъ, тѣмъ онъ тише и хладнокровнѣе говорилъ.

Было половина перваго. Бронзовые часы въ гостинной звонко пробили эту половину. Яковлевъ всталъ.

— Однако, пора! сказалъ онъ.—Я три ночи не спалъ.

Нина усмѣхнулась. Зная по себѣ, что нельзя не спать три ночи, она не вѣрила ему. Она была убѣждена, что по привычкѣ всѣхъ больныхъ людей преувеличивать, онъ увѣряетъ, что не спалъ всю ночь, если съ вечера не могъ долго заснуть. Это недозвѣріе ея во всему, чего она не испытала сама, удивляло и оскорбляло его. Недостатокъ чуткости, этотъ огромный въ его

глазахъ недостатокъ для женщины, эта деревянность, какъ онъ его называлъ, былъ одной изъ первыхъ причинъ его охлажденія въ ней. вмѣстѣ съ ней врывалась въ его жизнь какая то новая холодная струя и вихремъ проносилась надъ нимъ, не оставя ничего, кромѣ этого ощущенія холода.

— Странно! вымолвила она.— Ты такъ хочешь спать, что даже ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись, и не нашелъ даже нужнымъ сказать два слова моему отцу.

«Вотъ оно! подумалъ онъ.— Начинается!»

— Я думала, что ты, по крайней мѣрѣ, это время употребилъ съ пользой. Съ 10 до 12 часовъ можно было выспаться.

— Наверху кто то игралъ; мнѣ не дали спать, объяснилъ онъ, оставляя безъ отвѣта намекъ на отца.

— Это ужасно! проговорила она съ насмѣшкой.— Есть еще люди, которые думаютъ о своихъ удобствахъ и не думаютъ о твоихъ.

Она нашла тотъ настоящій тонъ, которымъ слѣдовало говорить съ нимъ—тонъ холодной ироніи. Злое выраженіе исчезло съ ея лица и замѣнилось другимъ, еще болѣе ему неприятнымъ—выраженіемъ презрѣнія.

— О моихъ удобствахъ, кромѣ моей прислуги, которой я за это плачу, не думаетъ никто.

— Еслибы можно было, ты, я думаю, всѣхъ взялъ бы къ себѣ на жалованье, чтобы заставить служить себѣ.

— У меня нѣтъ на это столько денегъ, возразилъ онъ спокойно.

Нина чувствовала, что начинаетъ терять самообладаніе.

— Ты именно въ тѣхъ людей, которые думаютъ, что все можно купить за деньги. Ты всю и обстановку то себѣ подобралъ въ этомъ родѣ. Ты потому и окружаешь себя ничтожествомъ, что его можно купить... что ему можно заплатить и заставить его молчать.

Этотъ намекъ поразилъ его болѣе, чѣмъ она могла думать, судя по его лицу.

— Кто же это ничтожество, которымъ я себя окружаю?

— Кто? Твои Аристовы, Левицкіе, Ивановы, Петровы... Дѣло не въ именахъ. Ты самъ знаешь хорошо, кто твои помощники. И ты не только это знаешь, но ты именно этого и хочешь. Тебѣ надо видѣть кругомъ себя покорныя, подобострастныя, во всемъ и всегда согласныя съ тобой бездарности. Ты совершенно такъ же разсуждаешь, какъ сейчасъ о прислугѣ: я ей плачу, она должна мнѣ служить.

*

Яковлевъ скрестилъ руки на груди и, прислонившись къ спинкѣ кресла, слушалъ ее съ полузакрытыми глазами.

— Но среди того ничтожества, которое меня окружаетъ, есть такіе великіе люди, какъ твой отецъ!

Она рванулась, но, сдѣлавъ усиліе надъ собой, осталась на мѣстѣ. Она стояла у комода, положивъ руку на подсвѣчникъ и каждую минуту собираясь уходить.

— А! теперь я понимаю! выговорила она глухо.— Мой отецъ у тебя на жалованьи, зачѣмъ съ нимъ церемониться! Теперь я все понимаю... Я понимаю теперь твое поведеніе нынче вечеромъ.

— Ну, въ эту минуту ты едва ли что-нибудь понимаешь. Возьми себѣ, пожалуйста, за правило: когда ты хочешь говорить о чемъ-нибудь со мною или съ другими, все равно, то постарайся прежде всего, чтобы тебѣ самой было ясно, о чемъ ты говоришь. Но придти во второмъ часу ночи (онъ вспомнилъ, что былъ еще только первый, но все равно, въ жару спора маленькія неточности допускаются)... придти во второмъ часу учить меня, кѣмъ я себя долженъ окружать—это болѣе, чѣмъ неблагоприятно, это, извини меня, нелѣпо. И, наконецъ... если я нарочно окружаю себя бездарностями, людьми, неимѣющими своего мнѣнія, то тѣмъ болѣе странно, что ты послѣ этого берешься учить меня. Почему же ты полагаешь, что тебя именно я буду слушать!..

— Потому что я должна... я считаю своею обязанностию открыть тебѣ глаза! потому что, кромѣ меня, этого никто не сдѣлаетъ. Я не уважала бы себя, еслибы молчала такъ, какъ молчить вся эта... (она на минуту остановилась) вся эта кляка!

Она взглянула на нее.

— Положимъ. Тогда надо было взяться за это не такъ. Чтобы открыть человѣку глаза, нельзя ударить его кулакомъ въ глазъ. Для этого нужно искусство, котораго у тебя нѣтъ. Исправлять людей, вообще, дѣло нелегкое. И я думаю, что ты менѣе всего способна на это. И потомъ... (онъ остановилъ ея движеніемъ руки, замѣтивъ, что она хочетъ говорить). И потомъ, что это за совѣты, которые вызваны бессильной злостью, досадой на то, что дѣлается не по нашему. Къ чему обманывать себя? Ты пришла сюда вовсе не для того, чтобы исправлять меня. Ты пришла потому, что я не простился съ твоимъ отцомъ и нужно было уязвить меня за это...

— А! ты самъ считаешь себя уязвленнымъ...

— Къ чему эти фразы! продолжалъ онъ, не слушая. — «Я считала своей обязанностию... Я не уважала бы себя»... Кого это можешь обмануть? Ты можешь уважать себя или не уважать — это твое дѣло, но ты должна уважать мою свободу. Я

больше ничего отъ тебя не требую: ни любви, ни преданности, ничего! Замѣть это. Ты была настолько честна, что не обманывала меня въ своихъ чувствахъ. Ошибка была на моей сторонѣ; я знаю это... Пусть же я несу на себѣ ея послѣдствія.

Она молчала. Она положила палецъ на стеклянную розетку подсвѣчника и, вдругъ начала быстро вертѣть ее. Она хотѣла сказать ему: ошибка ваша, а я отвѣчаю за нее! но вспомнивъ, что своимъ согласіемъ выйти за него, она раздѣлила ее—удержалась и не сказала ничего. Его слова, что онъ не требуетъ отъ нея ни любви, ни преданности, подняли въ ней страшную горечь. Это равнодушіе къ тому, что недавно еще составляло предметъ всѣхъ его желаній, къ ея любви—изумляло и оскорбляло ее. Она никакъ не могла привыкнуть къ тому, что онъ не тотъ, какимъ она видѣла его три мѣсяца тому назадъ, что вмѣсто слѣпо влюбленнаго, во всемъ ей покорнаго, всѣмъ ей обязаннаго человѣка, какого она надѣялась найти въ немъ, она нашла упрямое, неподатливое существо, которое, проводя передъ ней черту, сказала: дальше ты не пойдешь!

Видъ этой черты опьянялъ ее; онъ лишалъ ее самообладанія. Теперь только она вспомнила и поняла сказанныя ей какъ-то Левицкимъ слова, когда разговоръ зашелъ о ея теперешнемъ мужѣ:—Надъ нимъ всего легче приобрести вліяніе тому, кто не будетъ имѣть никакихъ правъ на него.

Но всего ужаснѣе было то, что она не знала человѣка, съ которымъ имѣла дѣло. Въ его отношеніяхъ къ женщинамъ была одна странная черта: никогда еще ни съ одной женщиной онъ не разошелся, не возненавидѣвъ ее за то, что она была когда-то предметомъ его увлеченія, что, пользуясь минутами его слабости, она заставила его быть съ ней откровеннымъ и показать ей такія стороны своей души, которыя онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ. Онъ не прощалъ этого никогда и, разрывая прежнія отношенія, сразу становился врагомъ, но врагомъ молчаливымъ, скрытнымъ, болѣе всего не любившимъ, чтобы кто-нибудь напоминалъ ему о прошломъ. Увлечь его было не трудно, сохранить вліяніе надъ нимъ почти невозможно. Были женщины, любившія его искренно и съ ужасомъ видѣвшія, что узы, связывавшія ихъ, рветъ какая-то невидимая рука, чувство бѣжить прочь, а съ нимъ и довѣріе, и одного какого-нибудь неосторожнаго слова достаточно, чтобы пробудить всю его подозрительность, затѣмъ охлажденіе и, наконецъ, вражду. Каждая его новая любовь была печальной страницей въ его жизни: онъ уходилъ, разбивая чье-нибудь сердце и болѣе всѣхъ несчастный самъ.

Нина сдѣлала большую ошибку, понадѣявшись на силу его

любви къ ней и сразу, съ первыхъ же дней своего замужства, заговоривши съ нимъ рѣзкимъ языкомъ. Ей казалось, что она можетъ имѣть на него огромное вліяніе. Сила его любви къ ней вскружила ей голову. Она думала, что этой любви нѣтъ предѣловъ и что она сдѣлается изъ него все, что захочетъ. Онъ былъ довольно уменъ и интересенъ, чтобы пожелать вліянія надъ нимъ.

XI.

Два мѣсяца, проведенные ими за-границей, были временемъ тяжелаго испытанія для обоихъ. Въ первые же дни послѣ свадьбы, они поняли, что они вовсе не тѣ нѣжно-влюбленные и безмятежно счастливые люди, какими считаютъ обыкновенно молодыхъ, а просто враги. И то, что на нихъ смотрѣли, какъ на молодыхъ, еще болѣе растрвляло и усложняло ихъ отношенія. Когда встрѣтившееся имъ за-границей знакомое семейство, послѣ обычныхъ банальныхъ привѣтствій, смотрѣло на нихъ любопытными, вопросительными глазами, какъ бы желая тутъ же, не сходя съ мѣста, измѣрить всю глубину ихъ счастья, они еще сильнѣе чувствовали, какъ они далеки отъ этого воображаемаго счастья и до какой степени они враги.

Первая ошибка — Нина чувствовала это — была сдѣлана ею. Полагая, что сила на ея сторонѣ, она поспѣшила дать сраженіе и проиграла его. То оружіе, на которое она рассчитывала, которое читала непобѣдимымъ — сила его любви къ ней — на этотъ разъ измѣнило ей. Онъ первый разъ заговорилъ съ нею суровымъ языкомъ человѣка, который не знаетъ надъ собой господина и не подчиняется никому. Онъ высказалъ ей столько жесткихъ и непріятныхъ вещей, что она, считавшая его кругомъ обязаннымъ себѣ, не находила словъ, чтобы выразить ему свое презрѣніе. Она не сказала ему только одного: какую огромную жертву она принесла ему, согласившись быть его женою. И то, что она не могла прямо сказать ему этого, только усиливало горечь этой мысли.

Эта мысль, невидимая для него, жила въ ней постоянно. Она вливая такую горечь въ ея слова, заставляло избобрѣтать такіе язвительные, невыносимые для большого самолюбія намеки, что только жесткостью, черствостью ея сердца, онъ могъ объяснить себѣ ея выходки. Мысли ея были дрянныя, она сама это признавала, но не въ силахъ была отдѣлаться отъ нихъ.

Къ ихъ общему несчастію, эта поѣздка за-границу связывала

ихъ больше, чѣмъ они были бы связаны оставаясь дома. Гоня ихъ изъ города въ городъ, изъ гостинницы въ гостинницу, она не давала имъ ни минуты уединенія. Они были нестерпимо близки въ гостинницѣ и еще ближе въ вагонѣ, гдѣ приходилось по цѣлымъ часамъ сидѣть лицомъ къ лицу, и, не мѣняясь ни взглядомъ, ни словомъ, ѣхать такъ цѣлые десятки верстъ. Его положеніе она считала все-таки лучше своего. Онъ могъ, углубляясь въ задуманную имъ работу, проводить такъ цѣлые дни, никого не замѣчая. Но она, не зная, чѣмъ занять себя, невольно думала о послѣдней размолвкѣ, припоминала особенно оскорбившее ее слово или взглядъ, и, постоянно волнуясь, раздражаясь, ѣхала такъ до мѣста. Города, улицы, люди, все казалось ей отъ этого невыносимо противнымъ. Выходя ихъ наемной кареты, чтобы подняться на третій или на четвертый этажъ гостинницы, она думала съ озлобленіемъ, что находять люди хорошаго въ подобнаго рода путешествіяхъ. Она высказала это одному изъ своихъ знакомыхъ, встрѣтившихся ей въ Швейцаріи.

Эта встрѣча чуть было не повела къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Она была на волосъ отъ того, чтобы разѣхаться съ мужемъ. Встрѣтившіеся ей тамъ знакомые, двое молодыхъ людей, въ блузахъ, и круглыхъ шляпахъ съ огромными полями, говорившіе на нѣсколькихъ языкахъ и державшіе одинъ общій на двоихъ носовой платокъ, не понравились почему-то Яковлеву, который позволилъ себѣ на ихъ счетъ нѣсколько двусмысленныхъ шутокъ. Это въ свою очередь не понравилось Нинѣ. Чтобы дать ему это понять, она нарочно при немъ пригласила ихъ къ себѣ. Молодые люди общались на другой день придти, прибавивъ, что имѣютъ порученіе къ Козлову. Яковлевъ все это слышалъ.

— У тебя много такихъ знакомыхъ? спросилъ онъ, провожая ихъ глазами.

— Для чего ты объ этомъ меня спрашиваешь?

— Для того, что я не желалъ бы видѣть этихъ людей у себя въ домѣ.

— Вотъ какъ! Ты имѣешь на это основанія?

— Вѣроятно. Если я говорю, значитъ имѣю основанія.

— Можно узнать какія?

— Это все равно. Дѣло не въ этомъ.

Онъ не могъ сказать ей, что основаніемъ ему служило то, что эти люди имѣли порученіе къ Козлову и выдавали себя за его друзей, а имя Козлова было ему ненавистно съ тѣхъ поръ, какъ онъ позволилъ себѣ печатныя нападки на него и, между прочимъ, говорилъ, что если о налогахъ пишетъ человѣкъ, который

ихъ не платить, а только съ другихъ получаетъ, то онъ и скажетъ о нихъ не то, что сказалъ бы человекъ, который самъ ихъ платитъ. Это особенно уязвило почему-то Яковлева, хотя въ статьѣ было не мало и другихъ не менѣе обидныхъ выраженій. Были даже строки, которыя онъ старался не читать, и всякій разъ, доходя до этого мѣста, перескакивалъ глазами дальше, оправдываясь тѣмъ, что онъ ужъ это знаетъ.

Онъ ненавидѣлъ нетолько Козлова, но и всю его партію и ненавидѣлъ ее тѣмъ сильнѣе, что, раздѣляя въ значительной степени ея убѣжденія, онъ считалъ ограниченными и тупоумными людьми всѣхъ ея представителей.

Нина, ничего не знавшая объ этомъ, была далека отъ мысли, какія чувства пробуждала въ немъ встрѣча съ ея швейцарскими знакомыми.

— У насъ было условіе, сказала она, ни въ чемъ другъ друга не стѣснять.

Повторяя такимъ образомъ его же слова, она побивала его тѣмъ оружіемъ, которое онъ далъ ей самъ.

— Принимая ихъ въ моему домѣ, ты этимъ стѣсняешь меня.

— Я не могу, однако, принять ихъ на улицѣ. Ты это очень хорошо знаешь.

— Ты могла ихъ не приглашать.

— Да, но я ихъ уже пригласила.

— Ты можешь и теперь оставить имъ записку, что тебѣ необходимо уѣхать. И мы завтра же можемъ уѣхать отсюда.

— Я считаю это ни къ чему не нужнымъ. Къ тому же я все-таки не вижу, что ты можешь имѣть противъ нихъ. Что они тебѣ сдѣлали?

— Ничего ровно. Но я не выношу этихъ господъ, у которыхъ весь родъ человѣческой дѣлится на двѣ половины: мы и подлецы! По моему, это какіе-то дикіе люди. Впрочемъ, это даже не люди, а стѣны. Объ нихъ всякій доводъ разбивается. Наѣдутъ на какой-нибудь дикій софизмъ, въ родѣ того, что кромѣ нихъ всѣ подлецы, да и сидятъ на немъ, какъ на каменномъ фундаментѣ.

— Ты можешь, если хочешь, писать объ этомъ въ своей газетѣ, но я прошу тебя избавить меня отъ этихъ объясненій.

— Въ газетѣ я объ этомъ писать не буду, и ты знаешь очень хорошо почему. Я не считаю порядочнымъ нападать на людей, которые не могутъ защищаться. Меня могутъ обвинять въ чемъ угодно... нѣтъ такой гадости, которую бы про меня не сочинили... Но никто еще не сказалъ, что я нападать печатно на человека, который не могъ печатно отвѣчать мнѣ.

На этомъ разговоръ оборвался, и они молча дошли до гостиницы. На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Яковлевъ послалъ за каретой.

— Куда это? спросила Нина.

— На желѣзную дорогу.

— Развѣ ты ѣдешь куда-нибудь?

— Я думаю, что мы ѣдемъ оба.

— Ты знаешь очень хорошо, что я не могу уѣхать, что я жду этихъ господъ...

— Я тебѣ еще вчера сказалъ, что ты можешь оставить имъ записку.

— Ты думаешь? повторила она гнѣвно и сдѣлала знакъ лакею, выносившему вещи.— Оставьте здѣсь! Я остаюсь.

Онъ, въ свою очередь, сдѣлалъ знакъ лакею, который понялъ и тотчасъ же скрылся.

— Ты остаешься? повторилъ онъ тихо, наклоняясь къ ея лицу.— Хорошо!.. Но только навсегда...

Его взглядъ, мгновенно потемнѣвшій, этотъ тихій голосъ и вся его фигура, полная грозной рѣшимости, все это быстро, какъ во снѣ, промелькнуло передъ ней. Она видѣла его и не вѣрила своимъ глазамъ: это былъ не онъ! не тотъ, кого она знала до сихъ поръ. И Яковлевъ, влюбленный, покорный, послушный звуку ея голоса, такой, какимъ онъ былъ еще мѣсяцъ тому назадъ, вспомнилъ ей такъ живо, что она съ понятнымъ чувствомъ негодованія отнеслась къ этому незнакомому, постороннему ей лицу.

— Навсегда!.. Вы этого хотите? Хорошо! повторила она твердо.— Оставьте мнѣ мой видъ и сколько-нибудь денегъ... Я вамъ вышлю ихъ потомъ.

— Все, что вамъ угодно, отвѣтилъ онъ холодно, ничѣмъ почти не выдавая себя, кромѣ легкаго дрожанія въ лѣвой щекѣ и, отойдя къ окну, вынулъ, не считая нѣсколько ассигнацій, вынулъ изъ дорожной сумки какую-то бумагу и, завернувъ въ нее деньги, подаль ей. Она молча взяла. Рука ея задрожала, онъ это видѣлъ. Глаза ея, за минуту свѣтившіеся, подернулись вдругъ туманомъ. Она смотрѣла прямо въ его темные, отъ волненія страшно расширившіеся зрачки и не видѣла его. Казалось, что вотъ еще одна минута, и она бросится къ нему и будетъ просить его, чтобы онъ все забылъ. Онъ самъ такъ думалъ и, не сознавая этого, сдѣлалъ невольное движеніе къ ней.

— Вы опоздаете на поѣздъ! раздался вдругъ металлическимъ, неприятнымъ звукомъ ея голосъ.

И взглядъ ея жесткій, неузнаваемый, обращенный прямо на

него, какъ можемъ вошелъ въ его сердце, оставивъ въ немъ глубокую рану.

Онъ ни слова больше не сказалъ, позвалъ человѣка и велѣлъ ему взять свои вещи, обозначивъ точно, какія именно онъ долженъ оставить. Оба потеряли голову и не думали въ эту минуту о томъ, что его сюртуки лежатъ вмѣстѣ съ ея юбками, и что въ чемоданчикѣ подъ литерой Н., «qui était à madame», лежали его письма, папиросы, галстуки и разные другія принадлежнсти его туалета.

— Прощайте! сказалъ онъ, принимая изъ рукъ лакея шляпу, которую тотъ заботливо обмахнулъ. — *Madame partira plus tard*, объяснилъ онъ, замѣтивъ его недоумѣнне и, не оглядываясь, вышелъ на лѣстницу.

Что такое они дѣлали? Оба ничего не понимали. Въ головѣ стоялъ какой-то хаосъ. Мысли громоздились одна на другую, мелькали отрывки какихъ-то воспоминаній, давно забытыя встрѣчи, слова, все, кромѣ яснаго представленія о томъ, что случилось съ ними теперь. Все это было такъ неправдоподобно, что скорѣй какъ-то думалось, что это глупая шутка, что кто-нибудь первый опомнится и скажетъ: довольно! Каждый думалъ, что это сдѣлаетъ другой, и что вотъ дверь отворится, онъ вернется или она, опомнившись, нагонитъ его. Но онъ не вернулся и она не двинулась съ мѣста, а, стоя у окна, безсмысленно глядѣла на улицу. Станція была недалеко и черезъ площадь можно было видѣть ея шпиць и подѣвздъ.

— *C'est ici — madame Яковлевъ?* раздалось вдругъ за дверями на скверномъ французскомъ языкѣ. Она быстро обернулась. Это были ея гости. Зачѣмъ? что такое? думала она, съ трудомъ собирая мысли. Ахъ, да! Я ихъ звала, кажется. Это *они*.

Ей все вдругъ стало ясно и она, улыбаясь, сама не зная, для чего, пошла имъ на встрѣчу.

— Пожалуйста! выговорила она звучно и сама испугалась звука своего голоса. — Пожалуйста, садитесь!..

— Вы одинъ? спросили гости, оглядываясь.

— Да, я одна... Мужъ уѣхалъ.

Они поняли слово «уѣхалъ» въ его обыкновенномъ значеніи, т. е. уѣхалъ куда-нибудь въ гости или, можетъ быть, за городъ, и заговорили съ ней о Россіи и о своихъ общихъ дѣлахъ. Она продолжала улыбаться, стараясь не о томъ, чтобы понять ихъ — этого она не могла — но о томъ, чтобы они не замѣтили, что она ихъ не понимаетъ, что ей до извѣстной степени и удалось. Удалось больше потому, что гости все говорили сами, надавали ей

поручений, дали какое-то письмо, какую-то книжку и очень просили о чемъ-то не забыть.

— Что такое? сказали вдругъ одинъ изъ нихъ, вставая. — Куда это всё бѣгутъ? и подошелъ къ окну. — *Qu'est ce qu'il y a?* Крикнулъ онъ, высовываясь и тотчасъ же, обернувшись, объяснилъ: кого то раздавило поѣздомъ.

Книга, письмо, все, что было въ рукахъ у нея, въ одинъ мигъ очутилось на полу. Сама она не выбѣжала, а вылетѣла изъ комнаты, оставивъ своихъ гостей въ недоумѣніи, стремглавъ спустилась съ лѣстницы, и какъ вѣтеръ летѣла по улицѣ, забывая о томъ, что на ней нѣтъ шляпки, получая толчки, толкая другихъ сама, попала въ самую густую толпу народа у станціи, была ею затерта, смята и вынесена, наконецъ, на дебаркадеръ, гдѣ лицомъ къ лицу столелулась съ своимъ мужемъ. Одна и та же мысль поразила ихъ обоихъ. Каждый думалъ, что погибъ другой, что минута отчаянія привела его къ самоубійству и съ ужасомъ на лицѣ бѣжалъ на мѣсто происшествія. Онъ былъ увѣренъ, что найдетъ подъ поѣздомъ ее, она думала, что раздавленный—это онъ. И вотъ они стояли лицомъ къ лицу!..

И вдругъ имъ стало досадно на себя за свой глупый страхъ. Изъ чего было такъ бѣжать сломя голову! Откуда было вообразить, что другой такъ сейчасъ пойдетъ и кинется подъ поѣздъ! Но дѣлать было нечего... Разойтись нельзя! Толпа сжала ихъ со всѣхъ сторонъ и волей-неволей заставила идти рядомъ. Они двигались молча, не поднимая глазъ.

Такъ дошли они до того мѣста, гдѣ лежалъ несчастный рабочій, котораго переѣхало локомотивомъ. Видъ этого молодого, здороваго тѣла съ оторванными ногами, тѣла, еще дышавшаго и дѣлавшаго какія-то движенія, вырвалъ у всѣхъ одинъ стонъ ужаса. Одни попятились, другіе отвернулись, иные, напротивъ, направили впередъ, чтобы посмотреть, какъ умираетъ человѣкъ? Оттуда-то показались уже носилки...

Смерть примираетъ все. Возвращаясь домой, мужъ и жена молчали. Но не чувство досады и мелкаго самолюбія заставляло ихъ молчать теперь. Грозный призракъ смерти пронесся передъ ними и воспоминаніе этого молодого, раздавленнаго тѣла, съ его предсмертными судорогами, этой отлетающей жизни, которая не могла оставить его сразу, заставляя его сжиматься въ конвульсивныхъ движеніяхъ, и наконецъ, мысль о томъ, что это что-то, недавно мыслившее, двигавшееся, вполнѣ подобное имъ, теперь обратилось въ мертвый кусокъ мяса и завтра начнетъ разлагаться—все это до того вытѣснило всѣ другія, маленькія страданія, такъ недавно еще казавшіяся имъ колоссальными, что

все случившееся съ ними отошло въ безконечную, темную даль. Сцена въ гостиницѣ поблѣднѣла передъ сценой на желѣзной дорогѣ.

Въ тотъ же день они уѣхали изъ города.

XII.

Неожиданное появленіе Козлова въ его домѣ удивило до крайности Яковлева. Человѣкъ, который позволилъ себѣ печатно и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ нападать на него, приходилъ къ нему въ домъ запросто, вечеромъ, выпить чаю, совершенно такъ, какъ бы ничего и не было. Правда, что онъ своимъ обращеніемъ и сухимъ поклономъ показывалъ, что онъ пришелъ не къ нему, но, по мнѣнію Яковлева, понимавшаго по своему чувству приличія, это было выходкой безтактной. Онъ былъ, впрочемъ, увѣренъ, что Козловъ пришелъ безъ вѣдома его жены, неожиданно для нея, а она, только чтобы не сдѣлать явной неловкости, приняла его. Но теперь она сама пришла къ нему гнѣвная, выговаривая ему за то, что онъ ушелъ, не простившись съ ея гостями.

Воспоминаніе о швейцарской исторіи сдѣлало ихъ съ нѣкоторыхъ поръ осторожнѣе. Они оба ломали себя, чтобы не дойти опять до той крайности, послѣ которой примиреніе сдѣлается невозможнымъ. Они не предлагали болѣе ультиматумовъ. Онъ не сказалъ ей, что не хочетъ видѣть Козлова у себя въ домѣ, а сказалъ только, что удивляется его визиту.

— Я не знаю, можетъ быть, литературные нравы извѣстнаго кружка это допускаютъ, но я какъ-то не могу примириться съ мыслью, чтобы человѣкъ, который ругалъ меня вчера и будетъ ругать завтра, сегодня приходилъ и обѣдалъ, и пилъ чай со мною. Есть извѣстнаго сорта люди, которые самымъ невиннымъ образомъ обругаютъ васъ и потомъ, встрѣчаясь, удивляются, что вы имъ не кланяетесь. Есть такіе люди, я знаю... Но я до сихъ поръ былъ лучшаго мнѣнія о твоёмъ родственникѣ.

— Онъ пришелъ не къ тебѣ, сказала она отрывисто.

— Въ такомъ случаѣ, надо полагать, онъ хорошаго мнѣнія о тебѣ, если думаетъ, что можно не кланяться мужу и пить чай съ женой. Ты, конечно, свободна принимать кого тебѣ угодно... (Швейцарія! вспомнилъ онъ) если можешь! прибавилъ онъ съ укоризной.—Но я надѣюсь, что ты избавишь меня отъ удовольствія встрѣчаться съ твоими друзьями.

— Я не знаю, что ты имѣешь противъ Козлова...

— Оставимъ это, прошу тебя! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь второй часъ. Надо же и спать когда-нибудь.

— Мнѣ это особенно неприятно, продолжала она: — потому что это человѣкъ, котораго я знаю нѣсколько лѣтъ, за котораго я отвѣчаю какъ за себя. Повѣрь мнѣ, что лучше имѣть своими друзьями такихъ людей, какъ онъ, чѣмъ какихъ-нибудь Аристовыхъ. Всѣ эти господа хороши, пока ты имъ платишь хорошо. Завтра имъ кто-нибудь заплатитъ больше, и они уйдутъ къ тому и будутъ ругать тебя. Я бы никогда не довѣряла людямъ, которыхъ можно купить.

— Я никому не довѣряю. Ты можешь быть спокойна.

— Вотъ то-то и плохо, что ты не знаешь, гдѣ твои друзья. Ты никому не довѣряешь... что-жъ тутъ хорошаго. Это всегда такъ бываетъ, когда люди окружаютъ себя ничтожествомъ и потому видятъ, что они кругомъ обмануты и говорятъ: никому вѣрить нельзя!

— Никому! Это вѣрно. Я и тебѣ не вѣрю, ты, пожалуйста, не думай.

— О! я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Что говорить о ничтожествѣ! что я будто бы его ищу и нарочно окружаю имъ себя—это вздоръ! Это одна изъ тѣхъ басней, которыхъ про меня много ходитъ. Ты повторяешь ее съ чужихъ словъ. Я не ищу его, да и что его искать, когда отъ него уйти не куда. Я думаю только одно, что ничтожество откровенное, которое не скрываетъ, что его можно купить и продать, лучше ничтожества надутаго, высокоумнаго, которое думаетъ, что оно что-то такое! Я имѣлъ дѣло съ этими диетогорами, съ этими героями пустоты. Довольно! Пусть обманываютъ кого хотятъ. Меня не обмануть. Я лучше возьму Дмитрія Левицеаго, который будетъ за окно бросать мои деньги и всѣхъ своихъ пріятелей возьметъ въ сотрудники по газетѣ, чѣмъ одного вашего Козлова, который напишетъ съ огромными претензіями статью и когда я ее не напечатаю будетъ звонить во всѣ колокола и во всѣхъ газетахъ нападать на мои принципы. Принципы! Хороши принципы!

Нина широко раскрыла глаза и, отодвинувъ отъ себя свѣчу, прямо смотрѣла на него.

— И ты могъ думать, что Козловъ мститъ тебѣ за какую-то статью?

— Сдѣлайте одолженіе! Я этотъ народъ хорошо знаю! сказалъ онъ, видимо облегчивъ себя этимъ давно тяготившимъ его и, наконецъ, высказаннымъ подозрѣніемъ.

— Да, я вижу, что общество Аристовыхъ сдѣлало свое дѣло.

— Избавь меня, пожалуйста, отъ этихъ сравненій.

— Я думаю, что ты послѣ самъ устыдишься своихъ словъ. Я не буду защищать Козлова. Я подожду, чтобы ты узналъ его самъ.

— Я надѣюсь, что не буду имѣть этого удовольствія.

— Ты не только всѣхъ подозрѣваешь, но ты этимъ хвалишься. Ты съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ говоришь объ этомъ, Ты мнѣ сейчасъ сказалъ, что и мнѣ не вѣришь.

— Зачѣмъ я тебя буду обманывать! Ты же не обманывала меня въ своихъ чувствахъ.

Она молчала. Ей было жаль его и не хотѣлось уходить, не сказавъ чего-нибудь на прощанье. Сознаніе своей правоты, которое въ другое время дѣлало ее особенно жесткой и неуступчивой, на этотъ разъ обратилось въ какое-то чувство жалости къ нему, кругомъ передъ ней виноватому.

— Ты самъ не дѣлаешь ничего, чтобы мои чувства къ тебѣ измѣнились.

Онъ засмѣялся неприятнымъ, рѣжущимъ ухо смѣхомъ.

— Вы чтѣ же, конфетку мнѣ общаете за мое послушаніе? Я уже вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда конфетки соблазняютъ. Вкусъ притупился. Старъ становлюсь.

— Прощай! сказала она и такъ быстро подняла свѣчу, что одна прядь волосъ на лбу у нея вспыхнула.

— Смотри! смотри! крикнулъ онъ испуганно.

Нервы у него были такъ напряжены во все время этого разговора, который онъ велъ повидимому спокойно, что видъ огня въ ея волосахъ испугалъ его, какъ ребенка. Онъ вскочилъ и полными ужаса глазами смотрѣлъ на нее.

— Что съ тобой? спросила она, проводя рукой по волосамъ.

Пламя лизнуло ихъ и, слегка потрепавъ, обратило въ пепель.

Она знала у него эти приступы внезапнаго безпричиннаго ужаса, и боялась ихъ сама. Страхъ заразителенъ. Когда она видѣла его искаженное лицо, она чувствовала, какъ у нея холодѣютъ руки.

Но онъ скоро пришелъ въ себя.

— Будь, пожалуйста, осторожнѣй! сказалъ онъ съ досадой. — Нельзя же такъ.

«А вѣдь онъ меня не любитъ!» подумала она, глядя на его злое, недовольное лицо. Она совсѣмъ уже уходила (она спала пока въ гостинной на диванѣ), когда вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, остановилась.

— Ты не сердись на меня? спросила она ласково.

Онъ не сразу ей отвѣтилъ.

— Нѣтъ! сказалъ онъ съ усиленіемъ.

— Дай же мнѣ руку на прощанье!

Она нарочно стояла, не двигаясь, чтобъ онъ подошелъ къ ней самъ. Онъ подошелъ, но на его лицѣ не было особеннаго восторга.

— Прощай! проговорилъ онъ, слабо пожимая ея руку.

— Ты не сердись на меня?

— Нѣтъ. Я не хорошо себя чувствую.

— Хочешь, чтобъ я осталась здѣсь?

— Нѣтъ. Иди себѣ... Здѣсь негдѣ, неудобно.

— Я постелю себѣ на диванѣ.

— Опять возня! Нѣтъ. Иди, пожалуйста. Поздно ужь.

«Онъ не любитъ меня!» повторила она, съ стѣсненнымъ сердцемъ выходя отъ него.

Она долго, не раздѣваясь, ходила по темной гостинной, раздумывая о томъ, что она сдѣлала, и какая несчастная звѣзда свела ее съ этимъ человѣкомъ.

XIII.

«Ради Бога приходите скорѣй! писала Лиза Козлову своимъ нетвердымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ. — Отцу очень дурно. Не знаю что дѣлать»...

Письмо это не застало Козлова, который былъ на службѣ. Онъ получилъ его только вечеромъ, часу въ девятомъ и тотчасъ же отправился къ Огневымъ.

Сквозь ставни маленькаго деревяннаго домика (они жили на Выборгской) видѣлся свѣтъ, прорѣзавшійся въ щели. Разбухшая дверь, которую нужно было предварительно разъ пять рвануть и тогда ужь съ опасностью для жизни отворить, долго не подавалась и вдругъ съ громомъ распахнулась. Испуганная Лиза выбѣжала въ сѣни и молча замахала руками, приглашая не шумѣть. Въ передней на огонь горѣлъ огарокъ, освѣщая черезъ мутное стекло сѣни съ кадками, корытами и сложенными въ углу дровами.

— Что у васъ тутъ? спросилъ Козловъ, нагибаясь.

— Теперь слава Богу... Ему лучше.

— Да что такое случилось?

— Ахъ, ужь я и не знаю. Онъ давеча пришелъ совсѣмъ безъ языка. Хочетъ что-то сказать и не можетъ. Я такъ испугалась! Вижу и онъ-то самъ испугался: глядитъ на меня такими страшными глазами; глядитъ и молчитъ. Такъ повелъ кругомъ гла-

зами, увидалъ воду въ стаканѣ, показывается... Я ему стаканъ подала, оттолкнулъ, разсердился. Я стою, не знаю, что мнѣ дѣлать. Смотрю, что ему нужно, думала часы, часы ему подала; еще хуже разсердила, глаза кровью налились. Все опять на воду показывается. И такое у него жалкое лицо, еслибъ вы видѣли! такое жалкое... Схватила я платокъ, намочила въ водѣ, подаю; сама на него смотрю; то ли? думаю. Вижу то, угадала. Положила ему на голову, онъ тише сталъ; глаза закрылъ. Я за докторомъ послала.

Все это она шепотомъ, торопливо разсказывала, стоя въ дверяхъ и загораживая ему дорогу.

— Ну, что же докторъ? спросилъ онъ, снимая съ себя пальто.

— Да ничего. Лекарство прописалъ и ушелъ. Спросилъ, сколько ему лѣтъ. Да, говоритъ, это бываетъ. Да еще спрашиваетъ меня, нѣтъ ли какойнибудь нравственной причины? Почему я знаю! Отецъ и такъ-то со мной не говоритъ, а тутъ пришелъ чуть живой.

— Да, онъ ходилъ куда-нибудь?

— Въ первомъ часу ушелъ.

— Не знаете куда?

— Богъ его знаетъ. Онъ мнѣ развѣ говорить. Ну, пойдемте къ нему. А то онъ замѣтитъ, что отъ него ушли. Онъ не любить, когда уходятъ. Давайте шапку-то, я ее вотъ на столъ положу, а то опять искать будете, говорила она, даже въ эту минуту не забывая, что надо держать вещи въ порядкѣ.

— Вы смотрите осторожнѣй, а то мѣхъ дорогой, рубля два стоятъ, замѣтилъ онъ невозмутимо.

Его спокойствіе неволью передавалось и Лизѣ, которая внезапно почувствовала, что все это вовсе не такъ ужасно и не такъ ужъ непоправимо, какъ она думала за минуту. Она затѣмъ больше и позвала его, чтобъ увидать это невозмутимое выраженіе и почерпнуть отъ него той силы и увѣренности, которой не было въ ней самой. Есть люди, которые однимъ своимъ голосомъ, своей манерой говорить, своей шуткой даже, когда никто другой не посмѣлъ бы шутить, приносятъ необыкновенное утѣшеніе.

— Да, вотъ еще что! остановилась она вдругъ.—Я давеча за Ниной хотѣла послать—не позволилъ; закричалъ на меня: «Не нужно мнѣ никого! Черги! дьяволы! вы это на зло мнѣ дѣлаете!» Я просто не знаю, что съ нимъ такое. Я его боюсь. И вы, смотрите, не говорите, что я вамъ писала. А то онъ опять разсердится.

— Вы, главное, не волнуйтесь. Волноваться нечего. Хуже бываетъ.

— Что хуже-то! ужъ я не знаю, что еще хуже! зарыдала вдругъ Лиза, растроганная этимъ словомъ. Сдерживаемыя продолженіе дѣлаго дня слезы вдругъ хлынули горячимъ потокомъ.

— Платокъ не приважете ли?

Лиза вспомнила, что забыла платокъ у отца, схватила торопливо тотъ, который онъ ей предлагалъ, замѣтила, что онъ бумажный, по неприятному ощущенію на лицѣ, вмигъ осушила слезы и съ притворно спокойнымъ выраженіемъ отворила дверь къ отцу.

Старикъ сидѣлъ въ большомъ кожанномъ креслѣ, задомъ къ свѣту, который горѣлъ на книжномъ шкафу, гдѣ поставлена была лампа съ зеленымъ бумажнымъ абажуромъ. Когда они вошли, онъ дрожащими пальцами зажигалъ спичку, чтобы закурить папиросу. Спичка прыгала у него въ рукахъ и не загоралась. Онъ обернулъ къ нимъ свое безсильное старческое лицо и свою голову, завязанную мокрымъ полотенцемъ. При видѣ Козлова, онъ какъ-то жалко улыбнулся.

— Вотъ... плохо... Старъ стано...

Онъ поперхнулся и выронилъ изо рта недокуренную папиросу. Папироса покатилась, онъ хотѣлъ ее поймать и неслушавшейся рукой опрокинулъ рамку съ каплями, стоявшую сбоку на маленькомъ столикѣ. Вода съ лекарствомъ пролилась и потекла ему по колѣнямъ.

— Вотъ... не могу... Папиросы не могу... Все на зло мнѣ. Вотъ столъ на зло поставили. Прямо подъ руку. Нарочно поставили, я знаю. Это все она вотъ!

Онъ злыми глазами повазалъ на Лизу.

— Позвольте, я отставлю! подошла она.

— Отставлю! передразнилъ онъ. — Знаю я, какъ вы отставите. Новую пакость сдѣлаете.

— Пстойте! я вамъ это лучше сдѣлаю, сказалъ Козловъ рѣшительно и, не дожидаясь его согласія, взялъ, какъ перышко, столъ и отнесъ его въ сторону; потомъ тѣмъ же платкомъ, которымъ Лиза вытирала себѣ слезы, вытеръ ему воду съ колѣнъ. Старикъ смотрѣлъ на все это съ наивнымъ, дѣтскимъ любопытствомъ.

— Ну, вотъ спасибо! говорилъ онъ съ чувствомъ. — Спасибо! Вотъ успокоили меня старика. А то она... (Глаза его изъ жалобныхъ сдѣлались опять злыми). Она ничего не умѣетъ. Отставлю, говорить. Поставить нарочно: на вотъ, толкай, подавись! А потомъ: я отставлю! (Онъ передразнилъ ее, стараясь придать сво-

ему лицу то выраженіе, которое, по его мнѣнію, было у нея). Давеча доктора мнѣ привела. Для васъ, говорить, папаша! Жирный такой! рожа такъ и блеститъ. Знаю я, для меня... Не могла лучше найти! Съ улицы взяла... Подешевле бы только. Экономія одолѣла, жадность, скарденость!.. Рубль за визитъ жалко дать. Дядя отца жалко... Отецъ околѣвай!.. Туда ему и дорога.

Лиза молча съ застилавшими ей глаза слезами слушала его. Жалкій видъ отца и еще болѣе его жесткія слова убивали ее. Когда онъ хотѣлъ увзвнть ее, онъ всегда упрекалъ ее въ жадности. А она, чтобъ заплатить доктору за визитъ, заняла два рубля у сосѣдей.

Козловъ спросилъ, какого онъ доктора хочетъ; онъ ему любого привезетъ.

— Никакого чорта мнѣ не нужно! захрипѣлъ старикъ.— Доктора вамъ привезу! Чорта! Дьявола!.. Вонъ ихъ всѣхъ! Всѣхъ гнать!.. Слышишь ты, обратился онъ къ дочери:— всѣхъ вонъ!..

Лиза не выдержала и ушла за дверь, чтобы тамъ вволю наплакаться.

Козловъ сталъ было ходить по комнатѣ, но, увидѣвъ, что болѣе трехъ шаговъ ни въ какую сторону сдѣлать нельзя, оставилъ это намѣреніе.

— А я пришелъ, думалъ чайку съ вами напитокъся.

— Я самъ думалъ, да что-жъ... Не дадутъ. Скажите вонъ маркграфинѣ-то! Она мнѣ не даетъ. Вотъ развѣ съ вами только... Вотъ не знаю, будетъ ли милость.

— Я сейчасъ скажу.

Козловъ вышелъ въ другую комнату и нашелъ тамъ прижавшюся къ стѣнѣ и рыдающую Лизу.

— Я думалъ, Богъ знаетъ что, сказалъ онъ равнодушно. — Ничего такого нѣтъ. Онъ завтра же будетъ здоровъ.

— Я хочу Нинѣ написать, всклипывала Лиза. — Вы сами видите... Какъ я съ нимъ ночью одна останусь? Онъ меня видѣть не можетъ.

— Полноте! Ночью онъ будетъ спать.

— Потому, я не знаю... (Она запнулась). У меня денегъ ни копейки нѣтъ. Заложить бы что-нибудь... Да какъ отъ него уйдешь.

Козловъ молча вынулъ бумажникъ, въ которомъ оказалось нѣсколько ассигнацій, какая-то записка, вырѣзка изъ газетъ и квитанція съ телеграфа. Онъ осторожно отдѣлилъ ассигнаціи и отдалъ ихъ Лизѣ. Козловъ былъ разсчитливъ и Лиза вмѣстѣ со всѣми родными считала его скупымъ. Ей тяжело было брать отъ него эту подачку, но дѣлать было нечего.

Она пошла распорядиться насчетъ чаю, онъ вернулся къ больному.

— Плохо мнѣ давеча было, жаловался старикъ.—Ахъ, какъ плохо! Да хоть бы умереть, что ли. А то всё въ тягость. Вонъ та маркграфиня-то! все гости, все гулянье на умѣ. Вильнетъ хвостомъ... «Я сейчасъ»... Какой сейчасъ! Вонъ... и рукавъ распоролся. Вонъ смотрите... Вонъ дыра какая! И подкладка-то продралась. (Онъ вытащилъ подкладку, самъ раздирая чуть-чуть надорванный по шву рукавъ). Иголки въ рукав не возьмешь, чтобы отцу дыру зашить. Сама въ шелку ходитъ, модница! а отецъ нищій, отецъ рваный! Что-жъ... Умирать пора... Довольно повоптѣлъ. Покормилъ дѣтокъ!.. Дѣтки кормить не будутъ.

Глаза у него вдругъ остановились, и жилы на лбу напряглись, наливаясь кровью.

— А что я хочу васъ попросить...

Онъ протянулъ къ столу дрожащую руку и, не попадая ключемъ въ замокъ, пытался отпереть его.—А, чортъ! хрипѣлъ онъ.— Все на зло... Вотъ и ключъ не тотъ... Все эта модница! Шляется тутъ. Ключи мнѣ перепутала. Я, папаша, для васъ... а...

Ключъ вошелъ, и онъ замолчалъ. Съ большимъ усиліемъ, что было видно по внезапно приливавшей къ лицу крови, онъ открылъ ящикъ и сталъ въ немъ шарить своими востряпыми пальцами. Вмеѣстѣ съ кипами мелко исписанныхъ бумажекъ лежали тамъ разныя палочки, сургучи, ножички, двѣ сигары, очевидно хранившіяся давно, съ какого-нибудь юбилейнаго объѣда, очви съ разбитымъ стекломъ и даже толстая игола, что-то въ родѣ сапожнаго шила съ катушкой синей бумаги для шиванія тетрадей. Старикъ былъ скупъ на себя и всё свои вещи берегъ, какъ зеницу ока. Особенно скупъ онъ былъ на спички и на бумагу. Бумагу онъ запиралъ, а коробочки со спичками всегда носилъ въ карманахъ. Отдавая Лизѣ почти всё свои деньги и никогда не спрашивая съ нея отчета, онъ постоянно подозрѣвалъ ее въ томъ, что она крадетъ у него карандаши и спички.

— А что я хочу васъ попросить, говорилъ онъ, торопливо задвигая ящикъ, чтобы Козловъ, увидавъ, какія въ немъ сокровища, чѣмъ-нибудь не прельстился.—Я вотъ тутъ кой-что написалъ. Нельзя ли это какъ-нибудь въ журналъ, что-ли... Вы тамъ сами ужъ... Не люблю я къ нимъ ходить. Отсталъ какъ-то... А вещь-то того... не дурная. По источникамъ. Я вотъ вамъ источники покажу...

Онъ держалъ въ дрожащихъ рукахъ мелко исписанную тетрадь и, какъ-то жалко улыбаясь, перелистывалъ ее.

*

— Право, того... я бы васъ попросилъ. Вы бы съ своей стороны хоть бы такъ, съ карандашикомъ что ли прошлись. Вещь-то стоитъ.

Козловъ былъ далеку отъ мысли, какихъ огромныхъ трудовъ она стоила старику. Онъ всю ночь навазунѣ что-то писалъ, ходилъ по комнатѣ, рылся въ книгахъ и опять писалъ, напрягая мысли, сдвигая косматые брови. Губы его по временамъ шевелились. Досталъ изъ шкафа какой-то словарь, порылся въ немъ, съ трудомъ разбирая мелкую печать, водилъ пальцемъ по строкамъ, подносилъ къ нимъ свѣчку... На его старческомъ лицѣ выразилось глубокое напряженіе. Глаза слезились. Мелкая печать уходила въ какую-то тусклую мглу, точно покрываясь кисей. Къ утру у него провалились щеки, глаза смотрѣли мрачно. Но самый огонь, горѣвшій въ нихъ, былъ уже не огнемъ силы и молодости, а тѣмъ зловѣщимъ отблескомъ угасающаго пламени, которое вспыхиваетъ послѣдній разъ, чтобы угаснуть навсегда.

Когда-то дѣйствительно въ этой душѣ горѣло яркое пламя, пламя надеждъ, самолюбія, гордости... Но года шли, и какъ пепломъ засыпали согрѣвающій огонь молодости. Надежды слабѣли, умирали, ненависть росла, отчаяніе тоже. Старикъ былъ упрямъ, былъ даже отъ природы самодуръ и только нужда ломала подчасъ его угрюмую волю. Происхожденія онъ былъ не знатнаго и всю дорогу пробивалъ себѣ лбомъ.

— Николай Платонычъ! выглянула Лиза.—Подите сюда на минутку.

— Что тамъ еще? закричалъ отецъ.—Опять за дверями шептаться! я говорилъ, чтобъ не смѣть шептаться. Сама не можешь придти!?

Лиза за дверями молчала.

— Сама, говорю, не можешь придти! затопалъ вдругъ старикъ и весь даже побагровѣлъ.

Лиза испуганно вошла. Перебѣгая глазами съ отца на свои руки, она видимо собиралась съ духомъ, чтобы заговорить.

— Тамъ Нина пришла, вымолвила она чуть слышно.

Отецъ молча вращалъ глазами. Казалось, что даръ слова у него опять внезапно отнялся. Онъ шевелилъ губами и грозно, но безмолвно смотрѣлъ въ пространство.

— Не надо! прошепталъ онъ, наконецъ.—Скажите: не надо! Пуская назадъ идти. *Къ нему* пуская идти...

Но Лиза испортила все дѣло.

— Она очень хочетъ васъ видѣть, папаша. Она меня...

Отецъ опять молча, бессмысленно глядѣлъ на нее.

— А! А ты, какъ смѣла ей писать! крикнуть онъ.—Я тебѣ, что сказала? А!

— Я, папаша...

— Вонъ съ моихъ глазъ! вскочилъ онъ вдругъ и со всего размаху ударилъ кулакомъ по столу, на которомъ зазвенѣло стекло и, разрѣзавши ему руку, мелкими осколками рассыпалось по полу.—Вонъ сейчасъ! Кричалъ онъ, размахивая окровавленной рукой, съ которой струей бѣжала кровь, заливая столъ, и сочилась подъ рукавомъ. Онъ хрипѣлъ и, захлебываясь отъ гнѣва, закашлялъ, сталъ давиться и, не переводя духу, долго не могъ одолѣть тотъ припадокъ старческаго, удушливаго кашля, который грозилъ каждую минуту кончиться параличемъ. Лиза окаменѣла.

На этотъ звукъ страшнаго, параличнаго кашля, вошла Нина и, блѣдная, съ неподвижными глазами, стояла въ дверяхъ. Козловъ молча, изъ-за спины старика, сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ уходила. Она встрѣтила его короткій, повелительный взглядъ и, послѣ минутнаго колебанія, вышла.

XIV.

Черезъ часъ старикъ съ завязаной рукой и головой лежалъ въ постели и съ едва замѣтнымъ, какъ бы угасающимъ дыханіемъ, тихо спалъ. Въ головахъ у него горѣла поставленная на блюдечко лампада. Длинные полосатые тѣни, колыхаясь отъ слегка дрожавшаго огня лампадки, двигались по полу, по стѣнамъ и разстилались на потолокъ широкимъ чернымъ пологомъ. За высокой спинкой кровати не видно было лица больного, видна была только его сухая, желтая какъ воскъ рука, лежавшая поверхъ ватнаго одѣяла. На столикѣ, немного отставленномъ, чтобъ онъ не могъ его ночью опрокинуть, лежали его раскрытые часы, необычайно громко, какъ казалось среди этой тишины, стучавшіе, и забытые Лизой ключи.

Тутъ же, прислушиваясь къ его дыханію, и время отъ времени наклоняясь къ нему, стояла его младшая дочь. Блѣдный свѣтъ лампадки падалъ на ея крупный профиль, на открытый лобъ съ зачесанными назадъ и закрученными надъ головой волосами, прикрытыми лоскутомъ чернаго тюля, на длинныя, вздрагивавшія рѣсницы и глаза, казавшіеся особенно большими отъ падавшей ли на нихъ тѣни или оттого, что она послѣднее время значительно похудѣла. Полнота ея плечъ и рукъ, ея крѣпкая, молодая грудь, краски на щекахъ, все какъ будто таяло отъ какого-то невидимаго душевнаго горя. Двѣ острия складки около

рта придавали ея лицу какое-то нервное, раздражительное выражение. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она постарѣла и подурнѣла. Въ ней вдругъ стало выступать незамѣтное прежде сходство съ сестрой. Все, что она подавила въ себѣ, считая скрытымъ ото всѣхъ, положило свою печать на ея лицо. Оскорбленное самолюбіе, униженіе, обманутыя надежды, неудовлетворенная жажда любви, жажда счастья, вѣчно грызущая тоска и неумолкающая, мелкая, оскорбительная борьба съ тѣмъ, кого она считала своимъ рабомъ — все это, какъ въ зеркалѣ отразилось въ ея чертахъ. Всѣ ея усилія скрыть свое горе отъ другихъ были предательски уничтожены двумя-тремя складками на лицѣ и потухшимъ блескомъ глазъ.

Она перестала послѣднее время бывать у родныхъ. Ея семейное положеніе дошло до того фазиса, въ которомъ его не охотно показываютъ другимъ.

Она боялась взглядовъ отца, вопросовъ сестры, улыбокъ брата, и все больше уходила въ тотъ внутренній міръ, въ которомъ, думалось ей, не можетъ ее настичь никакое нескромное любопытство. Борьба не укрѣпила, а утомила, сломала ее. Все ея самолюбіе состояло теперь въ томъ, чтобы скрыть свое положеніе отъ другихъ и казаться счастливой, спокойной, ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждающейся. Еслибъ кто-нибудь сказалъ ей, что она несчастна, она возненавидѣла бы этого человѣка. Даже передъ отцомъ она разыгрывала эту комедію счастливой жены, но старикъ не давался въ обманъ. Веселый видъ его дочери съ потухающими глазами и съ нервнымъ подергиваньемъ въ лицѣ ни мало не казался ему веселымъ.

Съ однимъ только Козловымъ она чувствовала себя какъ будто свободнѣе, и то не тогда, когда онъ бывалъ у нихъ, а когда она сама приходила къ нему. Козловъ жилъ послѣднее время съ какимъ-то химикомъ, совершенно глупымъ человѣкомъ, когда дѣло не касалось его специальности и замѣчательно добросовѣстныхъ ученыхъ, извѣстныхъ своими сложными и требовавшими огромнаго терпѣнія опытами.

Нина познакомилась съ нимъ въ одно изъ своихъ посѣщеній, проговорила цѣлый вечеръ, посмотрѣла, какъ онъ, среди смрада и вонюти, повторилъ свой послѣдній, особенно удавшійся опытъ, сама помогла ему, съ засученными по локоть рукавами, истолочь какой-то сѣрый, невыносимо вонючій порошокъ, и, опыленная восторгомъ, съ какимъ онъ говорилъ о задачахъ своей науки, о тѣхъ великихъ открытіяхъ, которыя ждутъ своего Колумба, и похвалами, которыя онъ расточалъ ея собственной ловкости и удивительному умѣнью, съ какимъ она истолкла сѣрый поро-

покъ, что обѣщало изъ нея со временемъ замѣчательнаго химика, вышла, какъ въ чадѣ, чувствуя, что хмѣль науки заблѣраетъ и ее. Съ этихъ поръ она пристрастилась къ химии. У нея завелись разныя руководства; она все чаще стала бывать у Козлова.

Химикъ, по прежнему удивлявшій ее своей тупостью, односторонностью своихъ взглядовъ и полнымъ незнаемъ жизни, въ своемъ дѣлѣ былъ богъ, и она сдѣлалась самой усердной ученицей его. Во время занятій онъ былъ суровъ, дѣлалъ ей замѣчанія и даже иногда кричалъ:

— Да помигите, сударыня, вы азбуки не знаете! Такъ нельзя... Вы не на гулянье сюда пришли.

Но какъ только работы были кончены и руки вымыты, онъ или сосредоточенно молчалъ, или вдругъ съ неловкостью пускался въ свѣтскій разговоръ, при чемъ нужныхъ словъ онъ не находилъ, а ненужныя такъ и лѣзли ему на языкъ. Ко всякой фразѣ онъ прибавлялъ «въ сущности» и «собственно говоря». Когда его спрашивали, гдѣ онъ былъ, онъ отвѣчалъ:

— Въ сущности, я нигдѣ не былъ.

Разъ въ годъ онъ бывалъ въ театрѣ и любилъ рассказывать о томъ, какъ давали очень новую и интересную оперу Траваторъ, и какъ все было хорошо, кромѣ одного только, что никакъ нельзя было понять ея содержанія.

Причину своихъ частыхъ посѣщеній Козлова Нина скрывала отъ мужа, который зналъ только, что она продолжаетъ бывать у него. Онъ смотрѣлъ на это, какъ на вызовъ себѣ, и сталъ приближать къ себѣ Вѣру Бобикову. Наставать на томъ, чтобы жена разошлась съ Козловымъ, онъ не хотѣлъ. Это дало бы ей поводъ обвинять его въ деспотизмѣ, а съ такимъ оружіемъ, онъ зналъ, самая слабая женщина можетъ сокрушить самаго крѣпкаго мужчину. А между тѣмъ, Козловъ былъ для него такой же антипатіей, какъ для нея Вѣра или Аристовъ. Пока эти люди стояли между ними, ихъ семейное спокойствіе не могло быть упороченнымъ. По взаимному договору, не разъ уже, впрочемъ, нарушенному (такова участь всѣхъ договоровъ!), они обезпечивали другъ другу полную свободу дѣйствій. Ни одинъ не могъ вторгаться въ личныя права другого. Съ нѣкоторыхъ поръ, они, по-этому, скрѣпя сердце, молчали. Онъ избѣгалъ говорить ей о Козловѣ, она дѣлала видъ, что не замѣчаетъ присутствія Вѣры. Отъ этого создались какія-то невозможныя отношенія: мужъ и жена не говорили именно о томъ, о чемъ больше всего хотѣлось говорить. И каждый въ тоже время думалъ о другомъ: еслибъ онъ хоть сколько-нибудь дорожилъ мной, онъ сдѣлалъ бы мнѣ

эту уступку. И въ этомъ молчаливомъ ожиданіи уступокъ проходили дни за днями. Отъ обманутыхъ ожиданій являлось озлобленіе.

Когда она вышла изъ спальни отца и молча сѣла за столъ, за которымъ, тихо разговаривая, сидѣли Лиза и Козловъ, у ней было то сухое, нѣсколько даже надменное выраженіе, которое сдѣлалось ей обычнымъ въ послѣднее время.

— Ну, что? спросила Лиза, оборачиваясь.

— Ничего, онъ спитъ.

Она опустила голову и съ притворнымъ вниманіемъ стала разсматривать свои руки, видимо избѣгая взглядовъ Козлова. На столѣ горѣла та самая низенькая лампа съ зеленымъ абажуромъ, которую вынесли изъ комнаты больного, и, освѣщая скатерть съ желтенькими цвѣточками и только-что принесенную изъ аптеки коробочку съ пилюлями, оставляла въ полутьмѣ лица сидѣвшихъ.

Съ какимъ-то тупымъ ощущеніемъ боли припоминала она двѣ послѣднія сцены этого дня: отца съ окровавленной рукой, съ искаженнымъ лицомъ, выгонявшаго ни въ чемъ неповинную Лизу, и мужа, коротко и сухо сообщившаго ей за обѣдомъ, что отецъ наговорилъ ему дерзостей, чуть не бросилъ ему въ лицо свою статью и ушелъ взбѣшенный, обругавши всѣхъ сотрудниковъ.

Все дѣло вышло изъ за ненапечатанной статьи. Старикъ Огневъ нѣсколько разъ сряду приносилъ разныя замѣтки, которыя помѣщали неохотно, съ большими сокращеніями; старикъ былъ самолюбивъ, сердился, спорилъ изъ-за каждой запятой, о сотрудникахъ говорилъ въ третьемъ лицѣ, не иначе, какъ:

— Наши маленькіе Боклики, Лассалики, Дарвиники, которые пишутъ статьи въ журналахъ по рублю за возъ...

Съ каждымъ разомъ онъ становился невыносимѣе. Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, Аристовъ вернулъ ему его рукопись и сказалъ, что онъ совсѣмъ не можетъ ее напечатать. Слово за слово дѣло дошло до крупнаго объясненія. На эту сцену пришелъ Яковлевъ.

Старикъ Огневъ былъ ему уже давно ненавистенъ своимъ педантизмомъ, своей ограниченностью, заносчивостью и своей ученостью, которая совершенно механически загромождала ему голову, какъ загромождаетъ комнату разнокалиберная мѣбель. Обидчивъ онъ былъ ужасно, но въ то же время и цѣпокъ необыкновенно. Нужда ли его сдѣлала такимъ, или просто незнаніе жизни, но онъ способенъ былъ не десяти разъ на день приходить, чтобы говорить все объ одномъ и томъ же. Намековъ онъ не понималъ. Выжить его было не легко.

Яковлевъ обрадовался этой сценѣ, какъ единственному случаю высказать ему, что онъ ему, какъ сотрудникъ, совсѣмъ не нуженъ, но что онъ, впрочемъ, готовъ помогать ему деньгами. Старикъ остолбенѣлъ. Его тупость къ пониманію нѣкоторыхъ житейскихъ вопросовъ должна была на этотъ разъ отступить передъ очевидностью. Это не былъ уже намекъ. Ему говорили прямо, что онъ можетъ взять милостыню и убраться.

Онъ вышелъ изъ редакціи, какъ пьяный, шатаясь, и ничего не помнилъ, кромѣ того, что онъ больше туда не пойдетъ, и что теперь идти ему некуда, потому что всѣ дороги для него закрыты, всѣ мѣста заняты молодежью, что каждый годъ вводитъ на литературный рынокъ новыя толпы молодыхъ силъ, а онъ старъ, разбитъ, потерялъ зрѣніе, память, слогъ у него тяжелый, работаетъ онъ медленно, мучительно, иногда до боли въ головѣ, до отупѣнія, а время не ждетъ, и ѣсть надо...

И въ молодости были бури, за то впереди было ясно; а теперь бури жизни неслись своимъ чередомъ, но впереди было уже темно.

XV.

— А что, поди-ка, теперь времени много! сказалъ вдругъ Козловъ, складывая газету, которую онъ читалъ, пользуясь общимъ молчаніемъ, и которую принесъ съ собой въ карманѣ. — Часъ первый есть?

Нина подняла голову. Она уже нѣсколько минутъ искала случая заговорить съ нимъ. Равнодушное молчаніе, которымъ онъ встрѣтилъ ее, и стѣсненное, неестественное выраженіе сестры начинало беспокоить ее. Она видѣла, что ее встрѣтили тутъ, какъ врага, что поступокъ ея мужа тутъ заранѣе осужденъ и что даже эта кроткая и безотвѣтная Лиза — и та позволяетъ себѣ какой-то безмолвный протестъ. Извѣстно, что ничто такъ не раздражаетъ, какъ неожиданный отпоръ со стороны безсловеснаго существа. Козловъ могъ еще относиться къ ней неодобрительно — онъ былъ самостоятеленъ и имѣлъ свое мнѣніе. Но Лиза, ничтожная Лиза, какъ могла она судить ее своимъ крошечнымъ умишкомъ и бросать на нее полные укора взгляды!

— Чтò это, у тебя глаза болятъ? спросила она сухо, взглянувъ на синія очки, которыхъ Лиза прежде не носила и которые тоже какъ будто были надѣты для того, чтобъ показать ея самостоятельность.

— Да, я по вечерамъ плохо чтò-то видѣть стала. Отъ лампы

глазамъ больно. Вотъ чернаго при огнѣ совсѣмъ шить не могу. Намедни Николай просилъ галстухъ ему зашить, такъ и бросила, не могла.

— Ахъ, кстати, гдѣ онъ?

— А кто-жь его знаетъ.

— Вы бы его хоть дрова колоть заставили, замѣтилъ Козловъ.—Что онъ у васъ ничего не дѣлаетъ.

— Заставили! усмѣхнулась Лиза. — Я рада, когда его дома нѣтъ. По крайней мѣрѣ, не мѣшаетъ. Да и съ отцомъ они все не ладятъ. (Она вздохнула). Я давеча, когда онъ пришелъ, такъ и думала, что это его опять Николай чѣмъ-нибудь разсердилъ.

— Просто онъ больной человѣкъ, сказала Нина.—Его давно надо было лечить.

— На какія средства, Нина? Вѣдь лечение не дешево стоитъ.

— Ну, это пустяки. Ты вотъ о себѣ нашла же возможнымъ посоветоваться.

— Что? спросила Лиза, не понимая.

— Да вотъ насчетъ своихъ глазъ.

«Очки купить нашлись деньги!» подумала она, все еще не прощая ей ея очковъ.

— Ахъ, это мнѣ одинъ студентъ посоветовалъ, товарищъ Николая.—И очки-то Николаевы; я у него старья нашла. Они сломаны были, я ихъ починить отдала.

— Да нѣтъ все равно, продолжала Нина, слегка покраснѣвъ.— Я не о томъ... я говорю, что отецъ давно боленъ и что этого нельзя такъ оставлять.

— Нѣтъ, Нина, конечно, мнѣ объ этомъ не нужно бы тебѣ говорить, а только на душѣ Алексѣя большой грѣхъ... Не слѣдовало ему такъ поступать... Онъ все-таки дядя ему, а по тебѣ и еще ближе, а онъ такъ... Нѣтъ, не ждала я этого отъ него. Богъ съ нимъ. Онъ, конечно, думаетъ, что онъ правъ. А только, сохрани Богъ (она показала глазами на спальную), случится съ нимъ что-нибудь—на его душѣ будетъ этотъ грѣхъ.

Нина чувствовала, что сестра права; она сама передъ этимъ говорила себѣ то же. Но почему-то это самое, эти слова, выразившія ея же собственную мысль, вооружили ее противъ сестры. Она вдругъ стала оправдывать мужа, котораго въ душѣ считала виноватымъ, и стала доказывать, что онъ не могъ иначе поступить.

Лиза молчала, видимо не соглашаясь, но ей это было все равно, она это говорила не для нея, а для Козлова, который тоже сидѣлъ молча и разглаживалъ рукой сложенную газету.

— Это легко судить людей, говорила она, стараясь не гля-

дѣтъ на него и въ тоже время чувствуя на себѣ его взглядъ.—
Надо знать, какъ бы мы сами поступили на ихъ мѣстѣ.

— Лизавета Алексѣевна неправильно судить, произнесъ Козловъ.— Она не знаетъ, на чемъ свѣтъ держится. Пожилъ человекъ — ну, и довольно! сходи со сцены. Давай другимъ дорогу.

— Какъ же? вступилась Лиза:— чѣмъ же жить?

— Да намъ-то какое дѣло! Въ богадѣльню ступай! Богадѣльни есть. Вонъ литературный фондъ есть. Рублей сто дадутъ, а при счастья и всѣ двѣсти.

— На всю жизнь?!

— А вамъ бы какъ хотѣлось? Каждый мѣсяць? Да вы знаете ли, чтѣ такое двѣсти рублей? На двѣсти рублей мужикъ всю жизнь сытъ будетъ.

— Да, только не здѣсь въ Петербургѣ.

— А какой чортъ ему велить въ Петербургъ ѣхать? Мѣста что ли нѣтъ въ Россіи! Только развѣ и свѣту, что въ вашемъ Петербургѣ, гдѣ аршинъ земли стоитъ сто цѣлковыхъ, а рубль и 30-ти копеекъ не стоитъ. Вы вотъ за эту вашу конуру чтѣ платите? За эти деньги въ другомъ мѣстѣ цѣлый домъ бы имѣли.

— Такъ вѣдь что-жъ дѣлать?

— Я вамъ давно говорилъ, что дѣлать. Вонъ отсюда уѣзжать, вотъ что!

— Все равно, сказала Лиза уныло.— И тамъ будетъ тоже.

— Не все равно, потому что, во-первыхъ, тамъ жить дешевле; а во-вторыхъ... вы здѣсь что дѣлаете? французскія книжки сочиняете, которыхъ никто не читаетъ? галстухи своему братцу шьете, ноты ему переписываете?

— Что-жъ, я не виновата, что я такая неспособная.

— Не въ томъ дѣло. Никто не говоритъ, что вы виноваты. Я вотъ неспособенъ балетъ танцевать, такъ я и не пойду; что объ этомъ толковать. А вы именно то и дѣлаете, къ чему вы неспособны. Ну, на кой вамъ чортъ французскія грамматики писать и кому онѣ, съ позволенія сказать, нужны?

— Да что-жъ, наконецъ, ей дѣлать? вступилась Нина.

— Что дѣлать? Коровъ доить, картофель сажать...

— Вы смѣтаетесь?

— И не думаю. Что тутъ смѣшного. Вамъ не смѣшно картофель ѣсть? а сажать смѣшно. Чѣмъ это не благородно? Книжки писать благороднѣе?

Нина усмѣхнулась и ничего на это не сказала.

— Вы себя къ чему же считаете способнымъ? спросила она черезъ минуту.

— Землю пахать-съ.

— Однако, не пашете?

— Буду пахать. Вот денегъ накоплю, куплю землю и буду пахать.

— Да вѣдь вы образованіе получили, возразила она, пожимая плечами.— Оно чего-нибудь да стоило. Это все равно, по моему, какъ... (она затруднилась выраженіемъ) какъ еслибы общество потратило нѣсколько тысячъ на мое музыкальное или художественное образованіе, а я вдругъ пошла бы въ телеграфистка. Для чего же тогда было деньги тратить? А если онѣ ужъ разъ потрачены, такъ надо вернуть свой долгъ обществу.

— Какому это обществу? Тому, которое собираетъ налоги?

— Нѣтъ, тому, которое ихъ платитъ, отвѣчала она съ досадой.

— Что вы? Какъ же это я имъ буду свой музыкальный долгъ платить? Концерты что ли мужикамъ давать?

— Я это только для примѣра сказала «музыкальный». Я разувѣю вообще образованіе.

— Ну, а если я музыкантъ? Вотъ вы меня и научите, какъ это я заплачу свой долгъ платящимъ налогамъ!..

— Если они платили за ваше образованіе, начала она...

— Платить-то они платили, только знали ли за что? Вотъ въ чемъ вопросъ.

— Надо было объ этомъ раньше думать. Теперь, когда долгъ сдѣланъ, поздно разбирать, зачѣмъ и почему. Надо его платить.

— Кому? Если я занялъ у васъ, а отдамъ сосѣду, вы что на это скажете?

— Зачѣмъ вы такъ узко смотрите на вещи. Вы за мою услугу заплатили сосѣду... да я ему, можетъ быть, сама должна была? Уплачивая ему, вы платите мнѣ. Это простой переводъ долга.

Она стала развивать эту мысль дальше, опуская на одну чашку вѣсовъ услуги барода образованному обществу, а на другую— заслуги образованнаго общества передъ народомъ, причѣмъ не были забыты ни телеграфы, ни желѣзныя дороги.

— Странная вещь, перебилъ Козловъ:— какъ много мы всего выдумали, а народъ, какъ жилъ тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь живетъ. Денешъ онъ по телеграфу не посылаетъ, по желѣзнымъ дорогамъ, положимъ, ѣздитъ, да какъ? платитъ втридорога за то, что его везутъ по той дорогѣ, которую онъ самъ и строилъ; корабли по морю плаваютъ не для него, ему ни апельсиновъ, ни бархату изъ-за границы не везутъ... Что же для него-то, наконецъ? Что ему изъ того, что вы тамъ кислородъ добываете, и законы пишете? Что вы ему дали съ вашей наукой? Соху деревянную что ли? Ею при Рюрикѣ пахали. А ваши

театры, академіи, консерваторіи, даже ваши университеты, извините меня, я самъ тамъ былъ—вещь хорошая, не спорю, только для кого?.. И пирожное хорошо, да чортъ ли въ немъ, когда хлѣба нѣтъ!

— Поэтому, перебила Нина:—надо все уничтожить и оставить только то, что было при Рюрикѣ?

— Я вамъ скажу, что нужно, сказалъ онъ вставая:—меньше нужно о своихъ удобствахъ думать. Слишкомъ удобна стала наша жизнь!

— Я въ этомъ еще бѣды не вижу.

— Конечно-съ. На бархатѣ жить много пріятнѣе.

— Вы меня не такъ поняли. Когда нужно, удобствомъ можно и пожертвовать.

— Это вы насчетъ доблестей? Ну, это напрасно-съ. Не доблести у насъ на умѣ. Это хорошо было когда-нибудь тамъ, въ древнія времена, когда жили въ пещерахъ и терпѣли гоненія. Тогда поневолѣ будешь доблестенъ! Когда за свою шкуру дрожишь, такъ и ѣда на умѣ не пойдетъ. А намъ что теперь? Намъ жить прекрасно. Съ какой стати я буду теперь доблестенъ, когда я сытъ и доволенъ. Развѣ сытый народъ былъ когда-нибудь доблестенъ?

Онъ помолчалъ.

— Такъ какъ же? обратился онъ опять къ Лизѣ.—Вы подумайте объ этомъ. Насчетъ отъѣзда-то.

— Да нѣтъ, что-жь... Это невозможно.

— Отчего?

— Да куда же я поѣду?

— Я вамъ мѣсто найду.

— Я отца не могу оставить. Онъ не поѣдетъ.

— Вотъ вы народъ гордый; кланяться никому не хотите. А хотите, чтобы вамъ жареные рыбчики сами въ ротъ летѣли. По моему, эта гордость стараго сапога не стоитъ.

«Не оттого ли онъ это, подумала Лиза:—что я у него давеча денегъ взаймы взяла?» И ею тотчасъ же овладѣло безпокойство.

— Что же, пора, я думаю, и по домамъ, сказалъ онъ, запрягая въ карманъ газету.

— Постойте! Какъ же, надо закусить! вскочила Лиза.—Я сейчасъ...

— Скучно что-то живетъ, Николай Платонычъ, сказала Нина, натягивая на плечи свой вязаный платокъ и повязывая сзади его концы.

— А знаете ли что? усмѣхнулся Козловъ.—Вотъ вы давеча

говорили... Вѣдь вы сами этому не вѣрите... Вы этого не думаете...

— Что? спросила она испуганно.

— А вот вы оправдывали поступокъ нѣкоего господина...

Она вдругъ отшатнулась и холоднымъ взглядомъ смѣрала его.

— Я всегда думаю то, что говорю. Я думаю, что вы на его мѣстѣ поступили бы точно такъ же. Онъ сдѣлалъ все, что могъ. Онъ хотѣлъ помочь моему отцу деньгами и, я знаю, что онъ сдѣлалъ бы это искренно.

И, защитивъ такимъ образомъ человѣка, котораго въ эту минуту ненавидѣла, она ощутила въ своемъ сердцѣ какое-то чувство горькаго удовлетворенія.

XVI.

Былъ часъ третій зимняго тусклаго дня. Въ столовой Яковлевыхъ, двумя окнами выходявшей въ стѣну какого-то надворнаго строенія и потому темной даже и днемъ, былъ накрытъ столъ и освѣщенъ висѣвшей съ потолка лампой въ три рожка съ тремя матовыми шарами. Слабо пущенный огонь этой лампы проливалъ печальный свѣтъ на сервировку стола, на скользкій, блестящій полъ и на двухъ женщинъ, сидѣвшихъ у окна. Сквозь мутныя стекла виднѣлись такія же мутныя петербургскія сумерки. По двору ходили дворники съ заиндѣвевшими бородами и жильцы, торопившіеся въ обѣду домой. Женщины сидѣли молча. Одна смотрѣла черезъ отворенную дверь на игравшихъ въ другой комнатѣ дѣтей, другая, облокотившись на подоконникъ, задумалась. Гдѣ-то далеко, наверху должно быть пробили частымъ, жиденькимъ боемъ часы.

— Мнѣ пора! востепенулась одна изъ сидѣвшихъ. — Никакъ ужъ три часа.

Она поправила на плечахъ свой гарусный платокъ, кое-гдѣ уже разорванный и заштопанный, и стала надѣвать шляпку. Это была Лиза, но Лиза постарѣвшая и какъ-то полинявшая. Нетолько шляпка, давно уже потерявшая отъ солнца свой цвѣтъ, но и все ея лицо какъ-то поблекло и смаялось... Видно было, что жизнь ее не баловала.

— Погоди, куда ты! остановила ее Нина. — Куда ты спѣшишь. Погоди.

Лиза что-то нетвердо возразила и сѣла опять.

— Что отецъ? спросила Нина, не оборачиваясь.

— А Богъ его знаетъ. Все молчать. Ходить цѣлый день по

комнатъ и молчить. Я думаю, не оттого ли это, что у него теперь дѣла нѣтъ. Онъ себѣ мѣста не найдетъ. Намедни смотрю, какія-то старыя бумажки перебираетъ. Письма тутъ старыя, закладки изъ книжекъ, счета, объявленія, я ужь и не знаю что... Гляжу, все читаетъ и все что-то перекладываетъ, то въ одну кучку положить, то въ другую. Увидаль меня, разсердился. Вы, говорить, шпионите, подглядываете за мной.

— Что ужь, я не знаю, не пора ли мнѣ? повторила она опять. — Теперь Алексѣй Михайлычъ скоро, я думаю, вернется.

— Такъ что же?

— Да нѣтъ, я такъ... (Она помолчала). Что это мнѣ говорити... правда это, Нина? вы свою квартиру сдаете?

— Сдаемъ.

— Никто не нанимаетъ?

— Нѣтъ еще.

Лиза не то совсѣмъ хотѣла сказать. Она хотѣла спросить: знать, ваши дѣла очень плохи, коли вы квартиру сдаете? Да какъ-то не вышло. Она все стѣснялась говорить съ сестрой о денежныхъ дѣлахъ. Врожденное Огневыхъ чувство брезгливости, съ какой они говорили о деньгахъ, сказалось и тутъ.

А между тѣмъ, по городу все упорнѣ ходили слухи, что Яковлевъ раззорился, что газету никто и даромъ не беретъ, а долги выросли чуть не до милліона. Про него рассказывали, что онъ бросалъ деньги, не считая, купилъ себѣ виллу за границей, заплатилъ 20,000 за то, чтобы его обвиняли съ двоюродной сестрой, проигралъ 40,000 въ рулетку и платилъ двойное жалованье сотрудникамъ, чтобы имѣть право ругать ихъ, какъ ему угодно. При этомъ называли Аристова, который будто бы на такихъ условіяхъ меньше двѣнадцати тысячъ въ годъ не бралъ. Въ одинъ мигъ, какъ по сигналу, имя его сдѣлалось достояніемъ всего города. Въ политическихъ дѣлахъ было тогда какъ разъ затишье, войны не было, въ окружномъ судѣ судились только мелкіе мошенники—самая удобная минута для того, чтобы закидать грязью чью-нибудь репутацію, неосторожно попавшую подъ колесо общественнаго мнѣнія. Скучающее общество высматривало себѣ жертву.

И вотъ исторія прогорѣвшаго или, вѣрнѣе, прогарающаго издателя стала переходить изъ устъ въ уста со множествомъ вариантовъ и украшеній, проникая мало-по-малу въ печать, сначала глухо и несмѣло, потомъ все смѣлѣй и громче. Стали уже говорить о томъ, что отецъ Яковлева, бывшій уѣздный предводитель дворянства, вышелъ несовсѣмъ чистый изъ дѣлъ дворянской опеки, а нынѣ игралъ роль прихлебателя у разныхъ сенаторовъ и

тайныхъ совѣтниковъ; что первая жена Яковлева ѣздила въ каретахъ и принесла съ собой приданое, на которое и жилъ припѣваючи ея супругъ, выпуская въ свѣтъ книжки о тяжести налоговъ для народа; что самые знаменитые медики были недавно призваны къ одному извѣстному издателю и нашли у него угнетенное состояніе, предшествующее слабоумію и выразившееся въ томъ, что онъ отказывался упорно отъ пищи, имѣлъ мрачный видъ и кидался на всякаго, кого подозрѣвалъ въ томъ, что онъ не подписался на его газету.

Яковлевъ переживалъ ужасныя минуты. Видѣть себя предметомъ такой травли становилось для него невыносимымъ. Онъ два раза порывался отвѣчать печатно, но этимъ только испортилъ дѣло. Пока онъ молчалъ, всѣ говорили: онъ молчитъ, значитъ онъ не правъ! Когда онъ вздумалъ отвѣчать, со всѣхъ сторонъ закричали: онъ оправдывается, стало быть, онъ виноватъ!

Послѣ отчаянныхъ усилій найти гдѣ-нибудь денегъ, ему удалось занять только десять тысячъ подъ вексель. Десять тысячъ не могли его спасти. Они скорѣй запутывали, чѣмъ поправляли его дѣла. Цѣлые дни онъ сидѣлъ теперь съ карандашемъ, все что-то высчитывая. Онъ съ какимъ-то бѣшенствомъ подсчитывалъ кассовыя книги, счета бумажнаго фабриканта, расходы по типографіи. По мѣрѣ того, какъ дѣла его шли хуже, энергія его росла. Для него наступалъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда упрямство обращается въ героизмъ. Когда приговоръ ему былъ подписанъ, на зло всѣмъ, онъ хотѣлъ показать, что живъ еще и будетъ долго жить.

Нѣсколько ночей сряду ему снилось, что онъ стоитъ на краю высокой крыши, откуда хотѣвъ столкнуть его внизъ, но онъ, собирая послѣднія силы, сталкиваетъ другихъ. Это было вѣрное отраженіе состоянія его духа.

Всякій, кто бывалъ теперь у Яковлевыхъ, могъ видѣть, что дѣла ихъ быстро катились подъ гору. У нихъ, впрочемъ, мало кто и бывалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что Яковлевъ ищетъ вездѣ, гдѣ бы ему достать денегъ, домъ его живо опустѣлъ. Всѣ какъ-то избѣгали попадаться ему на глаза, а при встрѣчѣ дрянно улыбались, увѣряя, что дѣла было по горло или были больны и два мѣсяца никуда не выходили. Бобиковъ, нѣсколько недѣль не показывавшій глазъ, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, побожился, что шель къ нему.

Что касается до его отношеній къ женѣ, то они остановились на одной точкѣ, если не полного охлажденія, то, по крайней мѣрѣ, значительнаго равнодушія. Они оба устали отъ борьбы. Цѣлый рядъ сценъ, послѣдовавшихъ за удаленіемъ старика Ог-

нева изъ редакціи, заключился чѣмъ-то въ родѣ мирнаго договора. Враги сошлись, подписали его и разошлись опять. Каждый замкнулся въ себя, жилъ своей особой внутренней жизнью. Они уходили другъ отъ друга, какъ люди, стоявшіе когда-то на одной льдинѣ, расколотой потомъ вѣтромъ и унесенной въ разныя стороны.

Сестры молчали, видимо не находя, о чемъ говорить. Въ передней рванули звоночекъ. Лиза встала.

— Ну, я пойду, сказала она рѣшительно.

— Кто это? спросила Нина, выходя въ переднюю, чтобы проводить сестру.

— Барина кто-то спрашивалъ. Господинъ какой-то.

Нина съ минуту подумала и, затворивъ дверь, пошла назадъ. Она вспоминала, что ей нужно было зачѣмъ-то зайти въ редакцію.

Въ редакціи въ эту пору никого уже не было, кромѣ Аристова, дописывавшаго наскоро свой фѣлетонъ, и самого редактора, Дмитрія Левицкаго, по обыкновенію, запоздавшаго. Одинъ торопливо писалъ, другой пересматривалъ послѣднюю почту, чтобы вырвать изъ нея что поинтереснѣе для завтрашняго номера.

— Ну, что, Петръ Петровичъ, окликнулъ онъ, вскрывая пакетъ:—конецъ близко?

— Нѣтъ еще, погодите! не мѣшайте.

— А вы махните разговоръ какой-нибудь. Скорѣе пойдетъ.

— Нѣтъ, это ужъ пускай Путиловъ пишетъ. У него это хорошо выходитъ. У него все какіе-то неизвѣстные консерваторы съ неизвѣстными либералами разговариваютъ. Онъ и выражается то все отборно, точно бусы нижець.

— Стиль хорошій. Самъ Державинъ одобрялъ. Онъ хочетъ уходить, вы слышали?

— Что такъ?

— Говорить, его въ Вѣстникъ Европы приглашаютъ. Тамъ, говорить, мнѣ платить будутъ хорошо.

— Съ листа или съ пуда?

— Съ воза, я думаю.

— Какой возъ! иную статью и на ломовомъ не увезешь.

Оба послѣ этого нѣсколько времени помолчали.

— Слушайте-ка, Петръ Петровичъ, началъ опять Дмитрій.

Т. ССXLVII.—Отд. I.

— Ну?

— Читали, какъ насъ ругаютъ?

— Гдѣ?

— Да вездѣ. Вонъ вчера въ Колокольчигѣ обругали. Яковлевъ злится. Вольно же ему. Я, знаете, какъ на это смотрю? Отчего мы теперь ругаемся? Намъ нельзя не ругаться. Какіе у насъ теперь интересы? Кассу обокрали, убѣжали, баринъ барину въ морду заѣхалъ; юбилейный обѣдъ былъ; мостъ построили; ярмарку стерзли, ярмарку закрыли... Вотъ ты тутъ и пиши! Что ты тутъ напишешь? Ну, была ярмарка, не была ярмарка, кому это нужно? Купцы и безъ насъ это знаютъ. Ну, обѣдъ былъ... конечно, оно можно его описать, ну, да разъ описалъ и довольно! А то вѣдь сто разъ съ одною... Совѣстно вѣдь! Поневоля начнешь ругаться. А то все обѣды, мосты, земскія засѣданія, изъ которыхъ бѣгутъ гласные, кражи въ баняхъ... Да хоть бы украли то что нибудь интересное, хоть бы кто-нибудь Каспійское море что ли украли или Киргизскую степь, а то все деньги, деньги, деньги... Нѣтъ, воля ваша, я стою положительно за право нашихъ газетъ ругаться. По моему, это такое же естественное право, какъ право людей поѣдать другъ друга, когда нечего больше ѣсть.

— Понятное дѣло! отозвался Аристовъ, который самъ всегда стоялъ за право литератора ругаться.

Что такое мнѣ было нужно? думала Нина, невольно услышавшая конецъ ихъ разговора. Видъ Аристова смутилъ ее. Онъ былъ ей рѣшительно антипатиченъ съ своимъ циничнымъ отношеніемъ ко всему на свѣтѣ, даже къ своему званію литератора. Она думала вмѣстѣ съ многими, что онъ таковъ именно, какимъ кажется съ виду, т. е. полонъ равнодушія ко всему, кромѣ развѣ денегъ, которыхъ онъ получалъ въ редакціи больше всѣхъ. Подъ его наружнымъ легкомысліемъ трудно было угадать, насколько онъ былъ самолюбивъ и злопамятенъ. Были люди, даже и не подозревавшіе, что онъ ихъ злѣйшій врагъ. Онъ любезно съ ними елался, шутилъ, иногда даже заходилъ посидѣть вечеркомъ, и потомъ вдругъ въ какой нибудь статьѣ обрушивался на нихъ съ страшной злостью.

— Помилуйте, за что онъ меня задѣлъ? говорила жалобно или гнѣвно жертва его остроумія.—Давно ли онъ у меня чай пилъ?

И только потомъ, послѣ долгихъ соображеній, вспоминалось, что когда-то давно, года два тому назадъ, сказано было о немъ что-то такое неосторожное при людяхъ, которые могли ему это передать, или даже просто, что общали ему какую-нибудь книгу, и забыли ее послать, а при свиданіи забыли извиниться.

Есть люди, у которыхъ память на обиды можетъ сравниться развѣ только съ знаменитой памятью Маколея на историческія событія. Аристовъ былъ изъ ихъ числа.

Какъ фѣльетонистъ, какъ человѣкъ, извѣстный своей талантливостью и невѣжествомъ (едва ли онъ прочелъ на своемъ вѣку десятокъ какихъ-нибудь книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя читалъ всякій грамотный человѣкъ, т. е. сотенъ двухъ романовъ, да учебниковъ, по которымъ учился въ гимназій), онъ очень скоро составилъ себѣ имя. Въ такъ-называемомъ порядочномъ обществѣ принято было его ругать. Всѣ его читали и всѣ говорили:

— Какая пошлость!

Какой-нибудь почтенный подписчикъ, недавно еще въ обществѣ ученыхъ людей жаловавшійся на то, что некого нынче читать, что нынче одни Аристовы пишутъ, развертывая свѣжій номеръ газеты, прежде всего искалъ его фамилію и, прочитывая съ тайнымъ удовольствіемъ хлесткій фѣльетонъ, замѣчалъ про себя:

— Однако, какъ онъ его того... Ахъ, подлець! Вотъ отчесаль-то!

Это умѣнье отчесать и придавало особый тонъ его статьямъ. Въ провинціи онъ не только читался, но даже имѣлъ своихъ поклонниковъ. Тамъ нѣкоторые прямо говорили:

— Хорошо, подлець, писать!

XVII.

Не успѣла еще Нина выйти изъ редакціи, какъ ей пришли сказать, что ее желаютъ видѣть двое какихъ-то господъ. Она велѣла пригласить ихъ въ залу и вышла къ нимъ.

— Вы г-жа Яковлева?

— Я, отвѣчала она, съ удивленіемъ глядя на незнакомаго ей господина въ полицейской формѣ, съ черными, короткими усами, съ отекившимъ лицомъ и съ глазами, красными отъ бессонницы или, можетъ быть, отъ того, что слишкомъ долго спалъ.

Господинъ этотъ настойчиво добивался свиданія съ ней. Сзади стоялъ другой въ штатскомъ платьѣ, въ очкахъ, съ блѣднымъ, золотушнымъ видомъ и, какъ ей казалось, съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ на нее.

— Приставъ такой-то части! отрекомендовался полицейскій, глядя не на нее, а мимо нея, на красные фестоны обоевъ.—Вашего супруга, какъ намъ сказали, нѣтъ дома. Не можете ли, сударыня, сказать, когда онъ вернется?

*

— Рѣшительно не знаю, отвѣтила она, теряясь въ догадкахъ, что бы могло значить это появленіе полиціи въ ихъ домѣ.

Цѣлая вереница несвязныхъ мыслей пролетѣла у нея въ этотъ мигъ, когда она смотрѣла на сонное, полное скуки лицо пристава, на его небритый подбородокъ и на пухлые, негибавшіеся пальцы, въ которыхъ онъ держалъ форменную фуражку.

— Извините, что обезпокоили васъ. Дѣло такое, знаете ли... Маленькое удостовѣреніеце намъ нужно. (Онъ кашланулъ и оглянулся въ сторону статскаго господина. Тотъ одобрительно кивнулъ). Изволите ли видѣть, вы знаете, конечно, хорошо всѣ вещи вашего супруга... Не изволите ли вы знать, не было ли имъ сегодняшняго числа отослано какихъ-либо вещей въ закладъ?

Она съ минуту подумала.

— Я ничего не слыхала. Можетъ быть, и было. Я, право, не знаю.

Посѣтители переглянулись.

— Невозможно, сударыня, чтобы вы объ этомъ не знали. Вещи заложены за двадцать тысячъ, а стоимостью ихъ тысячъ на пятьдесятъ.

Приставъ говорилъ вяло и монотонно, съ видомъ чловѣка, исполняющаго скучную обязанность. Но господинъ въ очкахъ съ зоркостью рыси выглядывалъ сзади. Онъ пожиралъ ее глазами.

— Мой мужъ не могъ заложить вещей на пятьдесятъ тысячъ. Такой суммы у него нѣтъ. Я даже не могу себѣ представить, какія это вещи. Все, что мы имѣемъ здѣсь (она указала кругомъ себя), не стоитъ и десяти тысячъ.

Господинъ въ очкахъ выдвинулся впередъ. Онъ весь былъ ожиданіе и торжество. Онъ точно уже праздновалъ какую-то побѣду. «Что ему нужно?» думала она, съ отвращеніемъ глядя на это праздничное, противное ей выраженіе.

— Вы говорите, сударыня, что все ваше имущество не составляетъ въ общей сложности и десяти тысячъ?

И тотчасъ же, не дожидаясь отвѣта, обратился къ приставу:

— Я попросилъ бы составить протоколъ.

— Хорошо, отвѣтилъ тотъ неохотно.

«Успѣется еще! думалъ онъ.—Экъ васъ разбираетъ!»

— Предъявите вещи! кивнулъ онъ и громко обстоятельно высморгался.

Господинъ въ очкахъ съ особеннымъ удовольствіемъ вынулъ какой-то мѣшочекъ, а изъ него нѣсколько футляровъ. Нина смотрѣла, ничего не понимая. Еслибы не присутствіе толстаго

пристава, какъ бы скрѣплавшаго актъ своей собственной особой, она сочла бы этого господина за сумасшедшаго.

— Не угодно ли, сударыня? Будьте такъ добры, приглашалъ онъ ее, точно къ закускѣ, разставляя передъ ней, вмѣсто тарелокъ, футляры съ серьгами, брошками, нитками жемчугу, бриллиантовыми булавками.

Нина, неумѣвшая отличить стекла отъ бриллианта и жемчуга отъ бусъ, которыя носятъ на шеѣ кормилицы, смотрѣла тупымъ взглядомъ на всѣ эти сокровища.

— Узнаете ли вы эти вещи?

— Я ихъ первый разъ вижу.

— Не будете ли вы такъ любезны, чтобы позволить записать ваше показаніе?

— Какъ вамъ угодно. Я желала бы только знать, для чего это нужно?

— Изволите ли видѣть, сударыня, вмѣшался приставъ: — на этихъ дняхъ сдѣлана большая кража у господъ Мордвиновыхъ, суммой этакъ, скажемъ, тысячъ на пятьдесятъ. Намъ всѣмъ по полиціи дано объ этомъ знать; мы сейчасъ дали знать по ломбардамъ и по всѣмъ закладчикамъ. Украдены бриллианты и, какъ господа Мордвиновы подозрѣваютъ, ихъ бывшимъ буфетчикомъ въ сообществѣ съ ихъ бывшей гувернанткой.

— И особа, которая закладывала ихъ сегодня, перебилъ господинъ въ очкахъ, по всѣмъ признакамъ, и есть именно эта самая гувернантка. Извините, сударыня, я не имѣлъ еще чести представиться вамъ, я—чиновникъ ломбарда.

— Да, повторила Нина машинально.—Да... такъ, я все-таки не понимаю, при чемъ же тутъ мой мужъ?

— Вотъ съ... Я именно это и хотѣлъ сказать. Когда ее задержали—мы ее задержали, объяснилъ онъ съ удовольствіемъ:— и стали допрашивать, откуда у нея эти вещи, она показала, что это будто бы вещи вашего супруга и что онъ будто бы поручилъ ей заложить ихъ. Для удостовѣренія чего мы и явились сюда.

Нина провела рукой по головѣ, точно сгоняя туманъ, мѣшавшій ей ясно понимать.

— Она сама послала васъ сюда?

— Да-съ. Она съ нами здѣсь.

— Какъ, здѣсь? (Она отодвинулась). Гдѣ же она?

— Она внизу осталась въ каретѣ. Она, видите ли, хотѣла сюда войти, но какъ узнала, что вашего супруга нѣтъ дома, то и не пожелала. Она просто, можетъ быть, рассчитывала, что вашего супруга въ эти часы дома не бываетъ, и чтобы прота-

путь время, повезла насъ сюда. Да вы не пожелаете ли ее сами видѣть?

— Нѣтъ, пожалуйста! перебила она испуганно. — Я никакой гувернантки Мордвиновыхъ не знаю.

И вопросительно, какъ бы ожидая отъ него помощи, оглянулась на пристава.

Тотъ все съ тѣмъ же скучающимъ видомъ смотрѣлъ по стѣнамъ. По крайней мѣрѣ, онъ не лѣзъ къ ней въ душу съ какими-то брилліантами и не навязывалъ ей гувернантку Мордвиновыхъ.

Но чиновникъ былъ неумолимъ: онъ настаивалъ на томъ, чтобы она повидала даму въ каретѣ. Былъ даже посланъ къ ней внизъ человѣкъ съ приглашеніемъ войти, но дама отказалась.

Почти въ ту же минуту вошелъ Яковлевъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, не отвѣчая на поклонъ чиновника, подхотившаго къ нему съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно подходятъ къ имениннику съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ.

Грозная рѣшимость Яковлева озадачила его. Онъ такъ торжествовалъ (это онъ первый открылъ, что дама была гувернантка Мордвиновыхъ), такъ радостно былъ настроенъ, что готовъ былъ одинаково расцѣловать какъ жертву преступленія, такъ и самого преступника, въ благодарность за то, что онъ позволилъ поймать себя. И вдругъ это грозное, насупленное, такъ мало гармонировавшее съ его настроеніемъ лицо.

— Что вамъ угодно? повторилъ Яковлевъ.

— Вотъ господинъ приставъ... Они потрудятся объяснить.

Приставъ съ тяжелымъ вздохомъ отошелъ отъ окна, въ которое уныло смотрѣлъ. Всю ночь онъ проигралъ въ карты у знакомыхъ, въ семь часовъ утра вернулся домой, а въ десять часовъ за нимъ ужъ прислали изъ участка. Глаза противъ воли слипались.

— Незвѣстная особа, началъ онъ монотонно:—заложила сегодня въ ломбардѣ вещи, которыя она выдаетъ за ваши. Такъ какъ мы имѣемъ основанія сомнѣваться въ этомъ — особа эта при допросѣ смутилась и сбивалась въ показаніяхъ — то мы и явились сюда, чтобы предъявить ихъ вамъ; прошу извинить за беспокойство, а ее пока задержали. Я думаю, можно теперь пригласить ее сюда? обернулся онъ къ своему спутнику:

— Позвольте! остановилъ его Яковлевъ.—Гдѣ вещь? Потрудитесь показать мнѣ.

Чиновникъ отодвинулся отъ стола, на которомъ лежали фут-

ляры. Яковлевъ бросилъ на нихъ бѣглый взглядъ, взявъ одинъ въ руки, повернулъ его и тотчасъ же поставилъ назадъ.

— Вещи этѣ мои. Что вамъ отъ меня угодно?

Наступила минута молчанія. Приставъ съ чиновникомъ переглянулись. У послѣдняго было такое выраженіе, что онъ видимо не зналъ, что онъ сдѣлалъ: далъ ли онъ промахъ или однимъ выстрѣломъ положилъ двоихъ. Глаза его вопросительно перебѣгали съ мужа на жену.

Жена стояла, не двигаясь, и большими вопросительными, полными изумленія глазами смотрѣла на мужа. Что-то какъ будто вдругъ озарило ее, и она въ его лицѣ искала отвѣта на свой вопросъ. Но онъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить ее. Онъ только быстрымъ, чуть замѣтнымъ взглядомъ скользнулъ по ней, взглядомъ, позволявшимъ ему видѣть только край ея платья и скорѣй угадывать, чѣмъ видѣть ея присутствіе. Но она знала, что онъ ее видитъ по тому упорству, съ какимъ онъ избѣгалъ смотрѣть въ ея сторону.

— Вы изволите говорить, что это ваши вещи, началъ опять чиновникъ.—Я позволю себѣ замѣтить, что тутъ есть нѣкоторая.. какъ бы сказать... маленькая неточность. Ваша супруга сейчасъ только заявила, что здѣсь нѣтъ вещей такой стоимости. Я заранѣе извиняюсь, но... вотъ онѣ сейчасъ заявили (онъ почтительно указалъ на Нишу), что все, что здѣсь есть, не стоитъ и десяти тысячъ.

— Моя жена могла не знать цѣны вещамъ, сказалъ онъ, попрежнему не оглядываясь въ ея сторону.—У меня есть библиотека, которая одна стоитъ больше десяти тысячъ.

— Да-съ... это конечно... Но онѣ изволили сказать...

— Вещи мои и вы должны были предъявить ихъ мнѣ, а не ей, перебилъ онъ запальчиво.—Почему она могла не знать о нихъ, это чисто семейный вопросъ, и я не признаю за вами права вмѣшиваться въ семейныя дѣла. Къ тому же, я не знаю, кто вы такой, милостивый государь, и почему вы здѣсь.

— Я чиновникъ ломбарда.

— Очень хорошо-съ. Ваше дѣло принимать вещи и выдавать деньги, а не являться въ семейные дома съ какими-то допросами. Господинъ приставъ, я прошу васъ сказать этому господину...

— Вы напрасно, шепнулъ ему приставъ.—Онъ имѣетъ право.

— Право на что? перебилъ Яковлевъ громко.—На то, чтобы привезти сюда эти вещи и смотрѣть за ихъ цѣлостью. Больше ничего! Вы не желали выпускать ихъ изъ рукъ... Вотъ онѣ! Не

ваше дѣло разговаривать. Господинъ приставъ, потрудитесь предлагать мнѣ вопросы. Что вамъ еще угодно?

Онъ оперся одной рукой объ столъ, надавивъ пальцами на его края, точно желая продавить ихъ, и смотрѣлъ ему, прямо въ его круглые зрачки.

— Я бы васъ попросилъ дать мнѣ подписочку... Такъ на бумажѣ... для формы, знаете ли, что заложенные отъ вашего имени вещи были дѣйствительно ваши. Да еще... не угодно ли вамъ будетъ повидать эту даму? Она здѣсь внизу.

Яковлевъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отказался и заявилъ требованіе, чтобъ она была немедленно отпущена.

Приставъ нерѣшительно оглянулся на своего спутника, какъ бы спрашивая: что-жъ? отпустить что ли? Тотъ показавъ глазами, что это не его дѣло. Приставъ подошелъ и сталъ съ нимъ шептаться.

— Что-жъ, мы эту даму беспокоить не будемъ. Если это, вы говорите, ваша знакомая... Васъ-то мы хорошо знаемъ. Какъ вы изволили сказать ея фамилія? Кто она такая?

— Г-жа Бобикова, выговорилъ Яковлевъ съ усиліемъ.—Если угодно, я вамъ дамъ ея адресъ.

Нина вздрогнула. Вѣра Бобикова! Она наканунѣ нѣсколько разъ пріѣзжала къ нему, послѣдній разъ часу въ одиннадцатомъ вечера и просидѣла запершись съ нимъ до часу. Послѣднее время она вообще очень усердно посѣщала ихъ. Нина знала, что она ѣздитъ къ ея мужу. Горькое чувство не то, чтобы ревности, а скорѣй оскорбленнаго самолюбія, проснулось въ ней. Она знала, что тутъ нѣтъ и не можетъ быть любви. Но она видѣла въ то же время, что эта высохшая отъ самолюбія женщина пользовалась тѣмъ довѣріемъ ея мужа, которое, по праву, принадлежало ей. Она видѣла, что мужъ приближаетъ ее къ себѣ умышленно, что это была своего рода выставка, желаніе показать женѣ, что ея мѣсто заняла другая. Она ни минуты не сомнѣвалась, что Вѣра для него ничего не значить, что онъ взялъ ее потому, что она первая попалась, что онъ точно такъ же взялъ бы всякую другую, чтобы тѣмъ болѣе уязвить жену. Но разъ на что-нибудь рѣшившись, онъ выдерживалъ роль до конца, онъ шелъ впередъ съ какимъ-то озлобленіемъ, путаясь самъ въ своихъ сѣтяхъ. Она знала, что люди съ такой бѣшеной рѣшимостью, какъ у него, могутъ всадить себѣ ножъ въ горло единственно только для того, чтобы показать, что это имъ легко и пріятно.

Надежда на что-то неопредѣленное, неизвѣстное все еще жила въ ея сердцѣ. Она все ждала чегс-то... ждала развязки. И вотъ,

наконецъ, развязка. Присутствіе полиціи въ ихъ домѣ и эта темная, двусмысленная исторія съ брилліантами!

Да! она все поняла теперъ. Это были брилліанты его покойной жены. Какъ она не подумала объ этомъ раньше! Это было наслѣдство его дѣтей, у которыхъ онъ былъ опекуномъ. Онъ зарвался, затанулся въ дѣлахъ, видѣлъ петлю, захлестнувшуюся надъ его головой, и, не находя другого исхода, пожертвовалъ достояніемъ дѣтей. Чтобы заплатить по векселю, которому вышелъ срокъ, онъ заложилъ дѣтскіе брилліанты. Разсчитывая на какіе-то неизвѣстные ей ресурсы, можетъ быть, на случайность, онъ поставилъ на карту свое послѣднее богатство—свое доброе имя. И вотъ судьба, тотъ самый слѣпой случай, на которомъ онъ, можетъ быть, и строилъ свои надежды, сдѣлала то, что завтра же объ этомъ узнаетъ весь городъ, что разные Аристовы, Шварцы, Ивановы ударятъ въ набать, и имя его сдѣлается предметомъ самыхъ грязныхъ, отвратительныхъ исторій.

Она смотрѣла ему въ лицо, какъ смотреть на покойника или на человѣка, пережившаго тяжкую болѣзнь, отыскивая слѣдовъ, которые этотъ ударъ оставилъ на немъ. Она поняла, что ударъ былъ нанесенъ глубоко. Даже непривычная ему грубость, съ какой онъ встрѣтилъ чиновника, указывала на то, что онъ потерялъ почву подъ собой, что онъ тонулъ и не зналъ, за что схватиться.

Подъ наружнымъ выраженіемъ негодованія, которое онъ старался придать себѣ, скрывалось что-то другое, угадывавшееся по искривленнымъ угламъ рта, по безпокойному блеску глазъ, по нервному напряженію въ рукѣ, державшейся за столъ. Все время, пока непрощенные посѣтители шептались между собой и пока рѣшался роковой для него вопросъ о томъ, будетъ ли отпущена Вѣра, и исторія съ брилліантами угаснетъ сама собой, или, сдѣлавшись жертвой недоразумѣнія, она увлечетъ его за собой въ ту скандальную хронику Петербурга, которая каждый годъ выбираетъ себѣ новыя жертвы, онъ стоялъ все въ той же позѣ разсерженнаго человѣка, показывая наружные знаки нетерпѣнія, задерживая внутренно дыханіе, считая удары своего пульса, соображая всѣ безконечныя послѣдствія этой исторіи. Онъ видѣлъ уже передъ собой то громадное колесо скандала, которое, захвативъ его своими спицами и сдѣлавъ съ нимъ нѣсколько оборотовъ, безжалостно раздавить его подъ собой. Онъ видѣлъ ту громкую извѣстность, которую приобрѣтаетъ на нѣсколько дней его имя вмѣстѣ съ именемъ биржевика, укравшаго нѣсколько милліоновъ, и любовницы, обобравшей его, вмѣстѣ съ тузами, державшими игорные дома, съ свѣтскими женщинами, обыгрывав-

шими въ карты своихъ обожателей, и должникомъ, зарѣзавшимъ своего кредитора, видѣлъ ту славу позора, которою покроютъ его, и то полное забвеніе, въ которое погружать его потомъ; тѣ жадныя взгляды, которыми будутъ встрѣчать его на улицѣ, нарочно его обгоняя и потомъ оборачиваясь, чтобы сказать:

— Вотъ это тотъ самый Яковлевъ, который, помните, обобралъ своихъ дѣтей.

Конечно, много людей въ Петербургѣ, избирающихъ своихъ дѣтей и отцовъ, но не всѣ они издатели газетъ, не всѣ они писали и были замѣчены и тѣмъ снискали себѣ особенныя права на вниманіе къ себѣ публики. Онъ стоялъ въ исключительномъ положеніи и долженъ былъ нести на себѣ всѣ послѣдствія этого исключительнаго положенія. Нужно было заплатить за честь, которую сдѣлала ему публика, замѣтивши его.

Передъ нимъ влубился какой-то вихрь, среди котораго онъ явственно различалъ только фигуру пристава, державшаго въ своихъ рукахъ его судьбу. Онъ смотрѣлъ тупыми глазами на его широкую жирную спину, на пыльный скротукъ, надѣвавшійся имъ ежедневно для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей въ участкѣ, на тяжело ступавшія ноги съ неприятно звенѣвшими шпорами. Онъ успѣлъ даже разсмотрѣть, что синія панталоны, обтягивавшія его жирныя ноги, носили на колѣнкахъ слѣды слишкомъ долгаго сидѣнія за преферансомъ: эти выпуклыя колѣнки, отпечатавшіяся на сукнѣ, долго потомъ преслѣдовали его воображеніе.

Когда, послѣ новаго совѣщанія, приставъ, видимо чего-то трусившій, объявилъ, что онъ не можетъ оставить ему вещей, пока не получитъ какой-то справки, Яковлевъ почувствовалъ, что дѣло его проиграно окончательно.

— Не извольте беспокоиться, говорилъ приставъ:—это дѣло минутное. Дама эта, ваша знакомая — жаль, что вотъ вамъ не угодно повидаться — указывала намъ на разныхъ лицъ, между прочимъ, на своего мужа и на отца, которые могутъ удостовѣрить, кто она такая. Къ мужу мы послали и не застали его дома... Насъ вотъ это-то собственно и въ сомнѣніе ввело, что въ кому ни пошлемъ, все дома нѣтъ. И въ отцу, господину Полѣнову тоже послали, но до сихъ поръ отвѣта нѣтъ. Давненько ужъ послали. Сейчасъ, я думаю, должны получить. Такъ вотъ, я полагаю, ужъ такъ и вамъ, и намъ бы лучше... Много ждали, ужъ немного подождать ничего. Все, знаете, спокойнѣе, объяснилъ онъ съ заискивающей улыбкой.

Видно было, что онъ Яковлева-таки побаивался. Писатель

Еще опишетъ, пожалуй, думалъ онъ.—Это народъ извѣстный. Они отца родного не пожалѣютъ.

Извѣстіе, что послали за справками къ Полѣнову подкосило Яковлева окончательно. Последняя надежда на то, что можно какъ-нибудь замѣять исторію, была потеряна. Еслибъ ему сказали, что послали за палачемъ, чтобъ вести его къ поворотному столбу, онъ не больше былъ бы этимъ пораженъ.

Все это гадко, пошло, мелко, но никогда еще онъ такъ не чувствовалъ, что изъ этихъ мелочей слагалось что-то чудовищное.

Отвѣтъ пришелъ, наконецъ. Дама, дѣйствительно, оказалась г-жей Бобиковой. Сейчасъ пріѣзжалъ ея мужъ и удостовѣрилъ ея личность.

— Вотъ наша служба какая! говорилъ приставъ съ худо скрытымъ безпокойствомъ.— Вотъ пришелъ, хлопотъ вамъ надѣлалъ. Тамъ какая-то шельма обокрала, а тутъ честнымъ людямъ безпокойство. Ужъ вы, пожалуйста, г. Яковлевъ... вы извините насъ. Такая неприятность, ей-Богу. Какъ прикажете съ вещами? Здѣсь прикажете оставить или, можетъ быть...

— Оставьте здѣсь! сказалъ Яковлевъ, не глядя.

— Пускай потрудятся принять, заявилъ чиновникъ.— Вотъ квитанція... Извольте получить.

Яковлевъ взялъ у него изъ рукъ квитанцію, посмотрѣлъ на вырѣзанные фестономъ края ея, на выставленную прописью и цифрами сумму оцѣнки, на сумму, предполагавшуюся къ выдачѣ, и, не читая подробностей, принявъ вещи. Онъ были ему до гадости знакомы, напоминая вчерашній вечеръ, когда онъ разсматривалъ и сортировалъ ихъ вмѣстѣ съ Вѣрой.

Онъ взялъ футляры и сталъ ихъ торопливо укладывать въ тотъ самый кожаный мѣшочекъ, въ которомъ накануне увезла ихъ Вѣра. Мѣшочекъ былъ щегольской, съ бронзовыми застежками, съ краснымъ атласомъ внутри и съ тѣмъ запахомъ пудры и духовъ, который носили на себѣ всѣ вещи Вѣры.

— Не могу ли я тебѣ помочь? предложила Нина, видя, что онъ одинъ не можетъ справиться съ вещами и одна высокая коробва съ браслетомъ никакъ не укладывается.

Онъ молча обернулся къ ней. Они были теперь одни. Взглядъ его испугалъ ее. Ей показалось, что онъ пьянъ. Что-то наглое, вызывающее было въ выраженіи этихъ голубыхъ, такъ хорошо знакомыхъ ей глазъ. Она видѣла его возбужденнымъ, больнымъ, разстроеннымъ — никогда еще она не видала его пьянымъ. И

это выраженіе было ужаснѣе всѣхъ. Онъ былъ пьянъ не отъ вина, а отъ той бессильной злобы, въ которой онъ самъ упрекалъ ее когда-то, d'une colère gentrée, какъ мѣтко называютъ это французы. Онъ увидалъ движеніе ея руки, протянутой къ вещамъ, чтобы помочь ему и, не давая ей предупредить себя, молча схватилъ футляръ, опустилъ его въ карманъ и все тѣмъ же глубоко оскорбившимъ ее взглядомъ смѣрлялъ ее съ ногъ до головы.

— Что-жь! сказалъ онъ вдругъ.— Дайте знать, кому слѣдуетъ. Не теряйте времени.

Было ясно, что онъ намекаетъ на Козлова, близости съ которымъ онъ ей не прощалъ. Она вспыхнула отъ негодованія. Этого она не ожидала отъ него. Она думала видѣть его убитымъ, потеряннымъ, она уже приготовила слова утѣшенія, которыя скажетъ ему, и вдругъ этотъ грубый, неприличный тонъ.

— Если такъ, выговорила она съ усиленіемъ:— жалѣю, что подошла къ тебѣ.

И, не оглядываясь, она вышла изъ комнаты.

Въ дверяхъ онъ нагналъ ее.

— Ну, да, я неправъ! сказалъ онъ глухо. — Я неправъ... Извини, пожалуйста.

Глаза его вдругъ поблекли и какъ-то униженно смотрѣли на нее.

— Я только объ одномъ тебя прошу: не трудись, пожалуйста, жалѣть меня. Я твоего сожалѣнія не стою, да и не... и не выношу.

Онъ вдругъ заторопился, толкнулъ передъ собою дверь съ такимъ усиленіемъ, котораго она вовсе не требовала и, громко ее захлопнувъ, скрылся.

Черезъ полчаса Нина видѣла, что онъ куда-то вышелъ и взялъ извозчика.

XVIII.

Въ тотъ же вечеръ часу въ десятомъ, когда она безцѣльно ходила изъ угла въ уголъ, прислушиваясь къ далекому бою часовъ, къ хлопавшей въ подъѣздѣ двери, думая о томъ, чѣмъ все это кончится, куда пошелъ мужъ, зачѣмъ передвинули столъ въ гостиной, поливали ли цвѣты въ жардиньерахъ, и обо всѣхъ тѣхъ нужныхъ и ненужныхъ вещахъ, которыя толпились въ головѣ и громоздились другъ на друга безо всякой связи, кто-то тихо и нѣжно постучалъ ручкой двери.

— Войдите! сказала она, не останавливаясь и думая, что это кто-нибудь изъ редакціи.

Въ комнатѣ было темно и въ первую минуту нельзя было разглядѣть вошедшаго.

— Я вхожу какъ воръ, потому что дверь была отперта и въ передней никого нѣтъ, извинился онъ.

Нина чуть не вскрикнула. Это былъ Павелъ Левицкій. Появленіе его въ эту минуту, когда она менѣе всего ждала его, когда она давно уже не думала о немъ, когда нервы ея, какъ натянутая струна звенѣли отъ малѣйшаго прикосновенія, показалось ей чѣмъ-то необыкновеннымъ, чуть не сверхъестественнымъ. Она сдѣлала движеніе и остановилась, напрасно стараясь сдержать трепетавшее сердце и сказать ему хоть что-нибудь. Голосъ у нея пропалъ. Она стояла какъ истуканъ, благодаря небо за то, что въ комнатѣ было темно.

Молчаніе, которымъ его встрѣтили, удивило и смутило его.

— Миѣ кто-то сказалъ «войдите!» Это вы, Нина Алексѣевна?

— Ахъ, я васъ не узнала, выговорила она, наконецъ, сама не понимая что говорить.

Звукъ его голоса неожиданно для нея самой подѣйствовалъ на нее. Онъ поднялъ внезапно такой рой воспоминаній съ той глубины, гдѣ она считала ихъ навѣки погребенными, вызвалъ столько разнообразныхъ ощущеній, такъ неожиданно, какъ волшебствомъ, перенесъ ее въ тѣ далекіе, казалось ей, дни ея дѣвчества, когда она любила и надѣялась быть любимой, что она мгновенно почувствовала, какъ слезы умиленія подступаютъ ей къ горлу, какъ она рада не ему, а тому воспоминанію, которое онъ приносилъ ей. Цѣлая темная страница ея жизни казалась ей вырванной изъ ея прошлаго, когда она услышала этотъ голосъ, пореносившій ее въ давно забытые дни.

Но когда вспыхнувшая спичка освѣтила ему лицо, тайная прелесть этихъ воспоминаній уступила мѣсто какому-то чувству неприятнаго удивленія: онъ отпустилъ себѣ бороду, что очень измѣнило его, и придавало ему даже какой-то вульгарный видъ. Его тонкія, насмѣшливыя губы, самая характерная часть его лица, были закрыты темными, жидкими усами, совершенно измѣнявшими ихъ выраженіе. Нижняя часть его лица показалась ей совсѣмъ незнакомой, и только глубокіе, согрѣтые какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ глаза по прежнему умно и пытливо смотрѣли на нее. И взглядъ этотъ по прежнему волновалъ ее: онъ обнималъ ее всю съ ея испуганнымъ счастливымъ лицомъ, съ замиравшими на устахъ словами, съ трепетно поднимавшейся грудью нерѣшительно протянутой ему дрожавшей рукой. Не

останавливаясь на этих наружныхъ покровахъ, онъ шелъ дальше и, проникая въ глубь, заглядывалъ въ ея смущенную, взволнованную душу.

Они не видались съ той самой памятной ей ночи, когда она, полная негодованія за его недостойное поведеніе съ ней, дала ему вырвать у себя признаніе въ своей любви и со стыдомъ, отчаяніемъ, со всей горечью обманутой любви ушла, удивляясь тому, какъ жалки были его оправданія. Съ тѣхъ поръ она, подъ разными предлогами, избѣгала случая видѣться съ нимъ. Не задолго до ея свадьбы, онъ самъ нашелъ предлогъ, чтобы уѣхать изъ Петербурга. Дружба съ Яковлевымъ обявляла его быть на свадьбѣ и онъ, чтобы избѣжать этого, выхлопоталъ себѣ внезапную командировку. Когда онъ вернулся, они были уже за-границей.

И вотъ теперь они встрѣтились! И при какихъ обстоятельствахъ!.. Она вдругъ съ болью въ сердцѣ вспомнила все, что случилось въ этотъ день...

— Да, сказала онъ, какъ бы угадывая ея мысль:—это бы могъ это подумать, гдѣ и когда, и какъ мы встрѣтимся съ вами!

По его печальному тону, съ какимъ онъ подчеркнул эти слова, она поняла, что ему все было извѣстно. Рука ея, снимавшая колпакъ съ лампы, которую онъ помогаль ей зажечь, вдругъ задрожала. Колпакъ завенѣлъ, ударившись о стекло и неожиданная, непрошенная слеза заблестѣла на глазахъ. Стыдъ за мужа, жалость къ нему, къ себѣ, къ больному отцу, безотчетное желаніе дать волю стѣсненному въ груди дыханію, все это разрѣшилось этими крупными, неподвижно стоявшими слезами. Дѣлая видъ, что вытираетъ стекло, она отвернулась и низко наклонилась надъ столомъ.

Онъ казался не меньше ея взволнованнымъ.

Сила воспоминаній имѣла свою прелесть и для него. Свиданіе съ ней тоже приподняло завѣсу съ разныхъ далекихъ и давно уже нетронутыхъ уголковъ его души. Удовольствіе этой встрѣчи было тѣмъ неожиданнымъ для обоихъ, что увлеченные каждый особою волною жизни, они какъ бы забыли другъ друга, и уходили, не оглядываясь, каждый въ свою сторону. И теперь, когда судьба опять столкнула ихъ, они оцущали тотъ радостный трепеть, который оцущаетъ человѣкъ, входя въ давно забытый и брошенный домъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы своего дѣтства.

— Вы одинъ? спросилъ онъ, когда зажженная общими усилиями лампа пролила свой печальный свѣтъ на большую, пустынную комнату.—Вы одинъ? гдѣ же Алексѣй?

— Не знаю. Онъ уѣхалъ еще до обѣда.

— Впрочемъ, это лучше, прибавилъ онъ поспѣшно. — Мнѣ нужно поговорить съ вами... съ вами одной. Прежде всего... (Онъ отодвинулся и внимательно осмотрѣлъ ее)... счастливы ли вы? Вопросъ этотъ изумилъ ее. Она поняла всю его неделикатность и то, какъ мало правъ онъ имѣлъ сдѣлать его. Нужно было теперь или никогда показать ему это. Но въ ту же минуту она почувствовала, что не въ силахъ будетъ сдѣлать этого. Ея молчаніе и тотъ взглядъ смущенія, которымъ она отвѣтила ему, уже признавала за нимъ всѣ права, въ которыхъ она хотѣла отказать ему.

— Алексѣй удивительный человѣкъ, продолжалъ онъ. — Онъ мнѣ ни одного письма не написалъ. Надо его знать, чтобы привыкнуть къ его странностямъ. Я нѣсколько разъ хотѣлъ даже вамъ написать, но.. имѣлъ ли я въ сущности право на это?

«Нѣтъ!» отвѣтила она мысленно.

— Могъ ли я знать, что встрѣчу васъ такую же милую и добрую, какъ прежде? (Онъ взялъ ее за руки и медленно пожалъ ихъ). А мнѣ такъ много нужно было сказать вамъ, и все по поводу нашего общаго бѣднаго друга. Бѣдный Алексѣй! Я, кажется, пріѣхалъ въ самый неудачный день его жизни.

— Вы знаете? прошептала она. — Вы слышали эту исторію?

— Къ сожалѣнію. И я не узнаю Алексѣя. Это такъ мало похоже на него. Надо было окончательно потерять голову съ этой газетой, чтобы рѣшиться на такой... (онъ остановился) на такой биржевой оборотъ. Когда я узналъ это, я сказалъ себѣ только одно: она не знала объ этомъ! Это сдѣлано безъ ея вѣдома.

И онъ опять остановилъ на ней пытливый, вопросительный взглядъ.

— Скажите, перебила она, не отвѣчая на его слова:—какія могутъ быть послѣдствія этого?

— Съ юридической стороны, никакихъ. Поводовъ къ обвиненію тутъ нѣтъ. Но съ нравственной... я боюсь, что ихъ будетъ слишкомъ много. Имѣйте въ виду, однако, что я эту исторію знаю только по слухамъ. Я жду, чтобы вы мнѣ все рассказали. Мнѣ именно объ этомъ-то и нужно съ вами поговорить, прибавилъ онъ серьезно, какъ бы приглашая ее не придавать особеннаго значенія тому, что онъ сейчасъ говорилъ ей и, главное, его нескромному вопросу о томъ, счастлива ли она.

Это нѣсколько успокоило ее. Она стала къ короткихъ словахъ рассказывать ему визитъ полиціи и все, что знала по этому дѣлу. Изъ ея словъ онъ понялъ, что она знала немного и что слѣдовательно мужъ не былъ откровененъ съ ней. Она видѣла по его лицу, какія заключенія онъ дѣлалъ и что бесполезно было

бы притворяться съ нимъ. Она могла обмануть своихъ родныхъ, скрывая отъ нихъ свои отношенія къ мужу, но его она обмануть не могла. И это отсутствіе всякихъ преградъ между ними сдѣлало то, что ей было почти легко съ нимъ. Онъ сразу какъ другъ явился къ ней и, протягивая ей руку, говорилъ: скажи мнѣ все! И опять то же безотчетное довѣріе къ человѣку, нѣсколько разъ ее обманувшему, съ непонятной силой окватило ее. Она глядѣла ему въ его добрые, честные глаза — такими они казались ей въ эту минуту—и не могла удержать себя отъ внезапнаго порыва откровенности. Она дала ему вырвать у себя нѣсколько полу-словъ, полу-признаній и, не сказавъ ему ничего такого, чего она могла бы устыдиться потомъ, чего не позволила бы ей сказать ея гордость, она давала ему угадывать ту печальную картину ихъ семейной жизни, которую, все равно, рано или поздно, онъ долженъ былъ самъ узнать.

Онъ сидѣлъ съ поникшей головой, изрѣдка приподнимаясь, чтобы сбросить пепель съ угасавшей папиросы и всякій разъ взглядывалъ на нее такимъ полнымъ сожалѣніемъ и участіемъ, что она была ему глубоко благодарна за то, что онъ сидѣлъ тутъ и слушалъ ее. Ей казалось, что камень, давно уже лежавшій на ея душѣ, былъ, наконецъ, снятъ съ нея. Ея муки и сомнѣнія, онъ все это осторожно, почти безъ боли вынулъ изъ нея, какъ опытная рука вынимаетъ занозу.

Когда она кончила, онъ всталъ и въ задумчивости нѣсколько разъ прошелся передъ ней. Она слѣдила за нимъ глазами, думая о томъ, что это борода и усы, которые въ первую минуту такъ не понравились ей, въ сущности вовсе уже не такъ измѣняли его. Привыкая къ его новому выраженію, она находила, что онъ даже лучше прежняго.

— Все это грустно, очень грустно, говорилъ онъ, продолжая ходить по комнатѣ съ тѣмъ озабоченнымъ видомъ, какой бывалъ у него, когда онъ обдумывалъ какое-нибудь сложное дѣло.—Что дѣлать! Не надо падать духомъ. Мы все это устроимъ. Надо вырвать его изъ этого, не смѣю сказать, литературнаго, но газетнаго мірка. Я боюсь только одного, установился онъ:—чтобы огласка этой исторіи—друзья такъ не уходятъ, они обыкновенно берутъ себя на память всѣ мерзости интимнаго свойства—боюсь, чтобъ это не подѣйствовало на него. Онъ вообще склоненъ къ меланхоліи, и даже къ худшему виду ея, къ мрачной меланхоліи... (Онъ нѣсколько шаговъ сдѣлалъ молча). Да... хотя, собственно говоря, это ужъ не такъ страшно теперь, когда около него есть близкое и преданное ему существо. Присутствіе женщины дѣлаетъ въ этихъ случаяхъ чудеса.

Нина поняла, что онъ считаетъ или дѣлаетъ видъ, что считаетъ ее другомъ ея мужа. Играть долже эту комедію сдѣлалось ей невыносимымъ.

— Знаете, о чемъ я хочу васъ попросить? начала она вдругъ такимъ развязнымъ тономъ, который ей самой показался противень.— Не думайте, пожалуйста, или, по крайней мѣрѣ, не говорите мнѣ этого, что я могу имѣть какое-то особенное вліяніе на... (она хотѣла сказать: «на моего мужа», но почему-то не выговорила и сказала) на Алексѣя Михайлыча. Не думаю, чтобъ былъ человекъ, который могъ бы что-нибудь для него значить. Простите, что я вамъ это говорю, вы другъ его, вы хороши съ нимъ... Но вѣдь и я... я тоже имѣю на него нѣкоторыя права. Повѣрьте мнѣ... (Она вдругъ встала) это одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ друзей нѣтъ. Вы думаете, что можете имѣть какое-нибудь значеніе для него... заставить его уважать васъ, дорожить вами... Никогда! Вы еще не вышли за двери, какъ онъ уже забылъ объ васъ. Пришелъ другой, и онъ слушаетъ другого, чтобы точно также забыть потомъ и его. Странно, что я вамъ говорю это, не правда ли? Онъ нынче отдастъ вамъ свою душу, завтра онъ отвернется отъ васъ. Его одна эта мысль, что онъ когда-нибудь, хоть на одну минуту подчинился вамъ, сдѣлаетъ потомъ вашимъ врагомъ!

— Простите меня, остановилъ онъ ее тихо:— я знаю Алексѣя нѣсколько лѣтъ.

— Вы знаете его нѣсколько лѣтъ, а я нѣсколько мѣсяцевъ, вы это хотите сказать? Пусть такъ! Я знаю его и больше, я съ нимъ росла, но я объ этомъ не буду говорить... Какъ слѣдуетъ, я узнала его недавно и... думаю, что лучше васъ. Повѣрьте, что женщина въ нѣсколько часовъ узнаетъ мужчину больше, чѣмъ всѣ его друзья въ нѣсколько лѣтъ.

— C'est un paradoxe, madame, перебилъ онъ, улыбаясь.

— Парадоксъ! пускай... называйте, какъ хотите... Кто изъ насъ правъ, покажетъ время. Придетъ минута, когда вы согласитесь со мной. Дай Богъ, чтобъ ея не было. Я не виню его, замѣтите. Въ чемъ мнѣ его винить? Я не хочу только, чтобъ вы обманывали себя, думая, что для него что-нибудь что-нибудь значить.

Онъ смотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ и съ нѣкоторой тайной радостью, думая о томъ, что въ сущности она осталась ему вѣрна, что ея попытка найти счастье съ другимъ (которой онъ до сихъ поръ не могъ ей простить) кончилась полной неудачей, и что небольшихъ усилій съ его стороны будетъ достаточно, чтобы вернуть опять прежніе дни и освѣжить ея чувство къ нему. Онъ

читалъ въ ея душѣ, какъ читаютъ названіе книги, выставлен-
ной за стекломъ. Ихъ разговоръ о мужѣ былъ именно такимъ
стѣломъ, которое не мѣшало имъ видѣть ихъ собственныя чув-
ства. Конечно, онъ не допустить ея никогда до измѣны мужу;
напротивъ, онъ поможетъ ей въ этой борьбѣ, онъ будетъ прихо-
дить и утѣшать, и поддерживать ея, онъ примиритъ ея съ ея
судьбой и вернетъ ея къ мужу. Онъ будетъ лечить ея отъ любви
къ себѣ и единственной наградой себѣ возьметъ сознание, что
онъ былъ любимъ и не воспользовался этимъ.

XIX.

— Кажется кто-то пришелъ! сказала она, услыжавъ стук-
нувшую въ передней дверь и съ ужасомъ думая о томъ, какъ
ея откровенность страшно и внезапно сближала ее опять съ
этимъ человѣкомъ, о которомъ наканунѣ еще она не думала со-
всѣмъ. Онъ такъ свободно и легко, какъ вынимаютъ платокъ
изъ кармана, вынулъ изъ нея все, что она скрывала отъ
всѣхъ. Онъ даже ничего не сдѣлалъ для этого, никакихъ уси-
лій не употребилъ.

— Это, кажется, Алексѣй! сказалъ онъ, бросая недокуренную
папироску и рѣшительнымъ шагомъ направляясь къ двери.

Яковлевъ, собиравшійся пройти къ себѣ, неожиданно столк-
нулся съ нимъ. Что-то вдругъ дрогнуло въ его лицѣ. На глаза
его, за минуту еще блестяшіе и возбужденные, спустилось ка-
кое-то облако.

— Какими судьбами?! спросилъ онъ, хотя и съ удивленіемъ,
но безъ особенной радости.

И прежде еще, чѣмъ онъ успѣлъ это выговорить, взгляды
его, скользнувшій мимо въ отворенную и освѣщенную залу, упалъ
на жену, стоявшую у стола лицомъ къ нему на томъ самомъ
мѣстѣ, гдѣ она стояла днемъ, когда онъ такъ неожиданно во-
шелъ. А! вы тутъ уже! говорилъ этотъ взглядъ. Успѣли уже все
сообщить...

И эта мысль тотчасъ же вооружила его противъ нея. Она по-
няла это прежде, чѣмъ онъ даже вошелъ, по тому, какимъ су-
химъ тономъ, очевидно, относившимся къ ней, онъ встрѣтилъ
Левицеаго.

Левицкій, ожидавшій совсѣмъ другого, былъ неприятно удив-
ленъ. Его неприятно поразило также и то выраженіе какъ бы
нѣкоторой даже гордости, которое онъ увидалъ на лицѣ своего
друга. Онъ такъ же, какъ и Нина, ожидалъ встрѣтить его жад-

жимъ и убитымъ, и такъ же сложили въ умѣ готовые слова утѣшенія.

— Ты давно пріѣхалъ? спросилъ Яковлевъ, входя.

— Я-то еще вчера пріѣхалъ, а вотъ ты-то гдѣ изволили пропадать? Я ужь тутъ давно сижу.

«Ага! подумалъ Яковлевъ.— Стало быть, ужь все успѣли переговорить».

— Я былъ у Бобиковыхъ, отвѣтилъ онъ равнодушно.

— Представь, я вѣдь съ нимъ давеча у Палеина обѣдалъ. И спрашивалъ его о тебѣ. Онъ даже и не зналъ, что ты у нихъ.

— Не мудрено! Онъ никогда дома не бываетъ.

— Ты это, стало быть, съ ней вдвоемъ просидѣлъ? Ну, братъ, я тебѣ не завидую.

— Почему же? спросилъ онъ сухо.

— Escoutez, mon chcr, началъ Левицкій шутивно, принимая даже комическую позу.—Что это значить? или, какъ говаривалъ нашъ покойный профессоръ Фигнеръ: was soll das sagen? Ахъ, да, ты знаешь? Умеръ вѣдь старикъ-то... съ мѣсяцъ тому назадъ, въ какомъ-то маленькомъ нѣмецкомъ городишкѣ умеръ. Помнишь ты его первую вступительную лекцію, когда онъ насъ увѣрялъ что его наука раздѣляется на три половины?

— Умеръ, очень жаль! сказалъ Яковлевъ, показывая своимъ тономъ, что теперь не время шуткамъ.

Легкій и непринужденный тонъ Левицкаго почему-то не понравился ему. Онъ счелъ своимъ долгомъ вернуть его опять въ ту колею принужденной холодности, въ которую сразу поставила ихъ неловкость первой встрѣчи.

— А мы тутъ съ Ниной Алексѣвной объ разныхъ житейскихъ вопросахъ разговорились. Мы съ ней вѣдь старые друзья, ты знаешь. Да что же мы все стоимъ? Любезный другъ! вы хоть посадите насъ.

— Я думаю лучше ко мнѣ пойти. Ты не велишь ли намъ чаю дать? обратился онъ къ женѣ, дѣлая усиліе, чтобъ сказать ей ты и вообще показать, что онъ можетъ съ нею говорить.

Нина поняла это, какъ желаніе отдѣлаться отъ нея и остаться наединѣ съ Левицинымъ, которому онъ, конечно, такъ же будетъ жаловаться на нее, какъ она за минуту передъ этимъ жаловалась на него.

«Что-жъ! все равно, думала она.—Это такъ и должно быть».

И каксе-то странное равнодушіе, похожее на апатію, охватило ее. Ей вдругъ показалось, что все теперь рѣшится само собой, что съ пріездомъ Левицкаго всѣ сложные вопросы сдѣлаются простыми и все пойдетъ легко. Она точно сдала кому-то тяже-

лю, невыносимо давившую ее ношу и, удивленная легкостью, которую вдруг почувствовала, испытывала странное состояніе покоя.



XX.

— Ну, ты, конечно, все знаешь, сказалъ Яковлевъ, какъ только дверь за ними затворилась, и онъ увидаль себя вдвоємъ съ Левицкимъ.—Меня только одно удивляетъ, къ чему мы эту комедію ломаемъ, къ чему тутъ нѣмецкій профессоръ и разспросы о томъ, гдѣ я былъ.

Левицкій, уже приготовлявшій въ умѣ фразу, съ которой онъ начнетъ, чтобы вызвать его на откровенность и принявшій нѣсколько грустное, приличное случаю выраженіе, остановился въ недоумѣніи.

— Ты удивительный человѣкъ, Алексѣй! Ты меня такъ встрѣчаешь, что мнѣ остается только взять шапку и уйти. Позволь, мой другъ! Если ужъ на то пошло, это мнѣ надо такъ тебя встрѣтить. Начать съ того, что ты мнѣ ни на одно мое письмо не отвѣтилъ...

— Собственно говоря, я даже и отвѣчалъ тебѣ, да не нашель удобнымъ... Да вообще это вздоръ все. Намъ не о томъ нужно говорить... И ты не затѣмъ вовсе пришелъ... Да, впрочемъ, это все равно. Тебѣ жена ужъ все рассказала.

Левицкій печально склонилъ голову.

— Я зналъ это раньше, Алексѣй.

— Ну, да, отъ Бобикова. Я и это знаю. Ты даже имѣлъ неосторожность проговориться, что ты съ нимъ у Палкина обѣдалъ. Вообще ваши секреты шиты бѣлыми нитками.

— Я изъ этого секрета не дѣлаю. Я даже скажу тебѣ прямо: я слышалъ это еще отъ одного лица, отъ моего брата.

Яковлевъ саркастически улыбнулся. Онъ только-что сейчасъ былъ въ редакціи, куда пошелъ нарочно, чтобы посмотрѣть, какъ его тамъ встрѣтятъ и насколько тамъ извѣстна вся его исторія. Никто, конечно, и виду не показаль, напротивъ, всѣ какъ-то особенно усердно принялись за свое дѣло или особенно громко продолжали свои разговоры о совершенно постороннихъ вещахъ, но онъ во всѣхъ взглядахъ читаль наглое любопытство и внимательно всматривался въ лица, чтобы угадать, кто изъ нихъ первый тиснетъ завтра статейку, гдѣ назоветъ его во-ромъ. Особенно подозрительно показалось ему присутствіе въ

редакціи Шварца, который съ самымъ невиннымъ видомъ разговаривалъ съ кѣмъ-то изъ сотрудниковъ, ругая англичанъ.

«Ну, что-жь! Шварцъ, такъ Шварцъ! думалъ онъ.—По крайней мѣрѣ копейку запишетъ». И онъ вспомнилъ свое послѣднее объясненіе съ нимъ, когда онъ предлагалъ ему сто рублей съ тѣмъ, чтобъ онъ никогда больше не писалъ у него въ газетѣ. «Онъ мнѣ этого не проститъ! думалъ онъ теперь.—Дать ему развѣ еще двѣсти, чтобъ молчалъ? Э, все равно, другіе напишутъ...»

Онъ спросилъ, какія получены телеграммы, пошелъ ли въ наборъ послѣдній фельетонъ и, прочитавъ еще разъ на всѣхъ лицахъ, что участь его рѣшена, что Шварцъ ужъ послалъ объ немъ замѣтку и машина въ типографіи работаетъ, онъ вышелъ изъ редакціи.

Когда Левецкій упомянулъ о своемъ братѣ, Яковлевъ вспомнилъ, что видѣлъ и его тамъ и что онъ такъ же, какъ и другіе, очень невинно смотрѣлъ на него, а, между тѣмъ, успѣлъ ужъ кому нужно сообщить о немъ.

— Знаешь, кого я больше всѣхъ виню въ этой исторіи? не тебя, нѣтъ! произнесъ Левицкій. — Я виню во всемъ Вѣру Бибикову.

— Нѣтъ, да что-жь, ты не церемонься, замѣтилъ Яковлевъ иронически.—Я радъ, что ты прямо къ дѣлу идешь. Ты пришелъ судить меня и суди.

— Съ тобой нельзя говорить, Алексѣй. Ты въ душѣ страдаешь, но ты напускаешь на себя какой-то видъ совершенно неестественный...

— Я страдаю? Ха-ха! Ты очень ошибаешься. До нынѣшняго дня я страдалъ дѣйствительно, потому что все это было, чортъ знаетъ, что такое... Хаосъ какой-то! А нынче я знаю, что меня ждетъ: меня ждетъ скандалъ. Ну, что-жь, очень радъ. Ну, изругаютъ меня, все, что у меня есть, продадутъ съ молотка, газету эту подлѣйшую продадутъ, вотъ этотъ стулъ, книгу эту, которую я давеча читалъ... Ну, что-жь... и прекрасно. Еслибъ я внутренно сознавалъ себя виновнымъ, мнѣ было бы скверно, а такъ какъ я знаю, что на меня все это валится потому, что я первый подвернулся, а судьба слѣпа, не разбираетъ...

— Все это хорошо, возразилъ Левицкій, опечаленный тѣмъ, что его другъ вовсе не такъ убитъ, какъ бы слѣдовало, и не нуждается въ его утѣшеніяхъ:—но вѣдь если такъ рассуждать, то виноватыхъ нѣтъ... Всѣ мы жертвы судьбы.

— Виноватыхъ нѣтъ? Да что такое виноватые? Я это, впрочемъ, давно хотѣлъ тебѣ объяснить. По моему, это вотъ что! (Онъ схватилъ че-то письмо и на оборотномъ чистомъ листѣ

его дрожащей рукой начертилъ квадратъ). Видишь ты? Вотъ это... (онъ обвелъ карандашемъ стороны квадрата) это ваши условныя понятія о нравственности, по моему, условныя предѣлы подлости. Всякая подлость въ этихъ предѣлахъ (онъ ткнулъ карандашемъ въ середину квадрата) у васъ дозволена, виѣ ихъ—воспрещена. Теперь весь вопросъ въ чемъ? въ томъ, чтобъ дѣлать только подлости дозволенныя, не выходить за черту...

— Все это очень... наглядно, твое графическое объясненіе подлости, улыбнулся Левицкій.— Но, милый другъ, вѣдь ты этимъ и себя даже не обманываешь. Все это напускное, ненормальное...

— Ты хочешь сказать, что я сумасшедшій? Можетъ быть. Я объ этомъ не спорю. Я смотрю на это такъ: пока тысячу сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, почему я буду тысячу первымъ, котораго возьмутъ и запрутъ? А, впрочемъ, можетъ быть, придетъ время, что и запрутъ. Вообще это у насъ такъ принято, что мы нѣкоторыхъ изъ своей среды, обыкновенно самыхъ невинныхъ, запираемъ въ сумасшедшій домъ для того, чтобы напомнить остальнымъ, что они въ здоровомъ умѣ. Умъ человѣчскій—это такая вещь, что онъ можетъ иногда ослариваться, если не устанавливать его время отъ времени на прочныхъ основаніяхъ.

Онъ закрылъ глаза рукой, потомъ вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, отянулъ ее и съ усмѣшкой посмотрѣлъ на Левицкаго.

— По правдѣ сказать, мнѣ умные люди страхъ какъ надоели. Хоть бы съ дураками что ли пожить. А то ты вотъ придешь, умныя вещи начнешь говорить... я и вижу, что это такъ, что правъ-то ты, а не я, да что-то точно я это читалъ гдѣ-то давно или въ школѣ меня этому учили, только старо, братъ, все это! такъ старо, что весь букетъ пропалъ...

— Ну, извини! вослихнулъ Левицкій, нѣсколько обиженный.— Новаго вотъ ужъ двѣ тысячи лѣтъ намъ ничего не говорятъ. И евангеліе старо, что-жъ дѣлать! Если вы новое написали лучше этого, покажите намъ. Поучите насъ, дураковъ! Что-то ваши новые пророки съ своимъ новымъ ученіемъ міръ до сихъ поръ не сдвинули, да и врядъ ли сдвинуть. Это еще, милый другъ, мы посмотримъ, говорилъ онъ, оживляясь и повторяя слова, прочитанныя имъ недавно въ одномъ французскомъ журналѣ и необыкновенно ему понравившіяся, какъ выражавшія его собственную мысль: — это еще мы посмотримъ, что окажется сильнѣе. Нагорная проповѣдь или аналитически-геометрически-эгоистическій характеръ вашего новѣйшаго социализма, который вычислитъ, сколько нужно рабочему фунтовъ мяса и бутылокъ пива въ день.

Съ этимъ горъ не двигаютъ. Вы съ однимъ умноженіемъ и дѣленіемъ хотите весь міръ завоевать...

Занятый своими мыслями, Яковлевъ вовсе не былъ расположенъ къ преніямъ о новѣйшемъ социализмѣ. Онъ молчалъ и уныло смотрѣлъ на Левицкаго. Онъ видѣлъ, что и тотъ говорить это такъ только, съ напускнымъ жаромъ, и что причина этого раздраженія кроется въ немъ самомъ.

Левицкій, дѣйствительно, начиналъ чувствовать, что хорошее расположеніе, въ которомъ онъ находился съ самаго обѣда и въ которомъ отчасти была виновата бутылка вина, выпитая вмѣстѣ съ Бобиковымъ, начинало уступать мѣсто какому-то стѣсненному чувству недовольства собой и другими. Онъ шелъ съ твердымъ желаніемъ спасти своего друга и протянуть ему руку, когда всѣ отъ него отвернутся. Великодушіе его поступка радостно волновало его. Онъ осудилъ въ душѣ Бобикова, безъ всякой церемоніи рассказывавшаго исторію съ брилліантами и роль, которую играла въ ней его жена. Отъ выпитаго ли вина или отъ собственнаго великодушія, но глаза его на одну мунуту покрылись даже влагой. Свиданіе съ Ниной еще болѣе взволновало его. Теперь предстояло уже принести не одну, а двѣ жертвы: спасти друга и вернуть ему жену. И вдругъ съ первыхъ же шаговъ Яковлевъ встрѣтилъ его сухо и даже какъ-то враждебно, очевидно, и не подозрѣвая, съ какими намѣреніями онъ пришелъ. Левицкій рѣшилъ какъ можно скорѣй объясниться.

— Ну, однако, хорошо! сказалъ онъ.—Я не буду спорить съ тобой. Всякій смотритъ на вещи по своему. Это дѣло его совѣсти. Скажи мнѣ вотъ что: что ты намѣренъ дѣлать съ собой?

— Нѣтъ, почему? скажи, пожалуйста, перебилъ его Яковлевъ видимо думавшій о другомъ:—ты мнѣ сейчасъ сказалъ, что считаешь будто бы во всемъ виноватой Бобикову? Или ты это такъ только...

— Нѣтъ, не такъ. Я и теперь повторяю тоже. А почему? по очень простой причинѣ: потому что во всѣхъ этихъ исторіяхъ, гдѣ понятія о чести довольно скользки, я вижу вліяніе женщины. Женщины понимаютъ честь по своему и, надо сказать, довольно узко. И гдѣ бы нашъ братъ самъ собою не рѣшился онъ толкнуть его шутя.

При словахъ «вліяніе женщины», Яковлевъ поморщился. Воспоминаніе о Вѣрѣ было ему непріятно. «Вотъ связался съ бабой!» думалъ онъ. Онъ не могъ ей простить ея малодушія и того, какъ она глупо растерялась, сейчасъ же выдала его и еще позволила послать за справками къ своему отцу.

— Этого только не доставало, сказалъ онъ: — чтобъ теперь

разсказывали, что меня заставила сдѣлать это женщина. Сдѣлай одолженіе, хоть ты-то окажи мнѣ эту услугу, не распро- страняй этихъ нечестностей...

«Нѣтъ, рѣшительно онъ не понимаетъ своего положенія, ду- малъ Левицкій.—Или онъ нарочно напускаетъ это на себя».

— Распространять про тебя что бы то ни было я не буду и, смѣю надѣяться, ты это знаешь. Но позволь мнѣ остаться при томъ же мнѣніи, что эта женщина, въ сущности ничтожная, но съ бѣшеннымъ желаніемъ играть роль, сдѣлала тебѣ много зла...

— Ну, хорошо, оставимъ это.

— Ты вотъ говоришь, что тебѣ все равно, пускай тебя руга- ютъ, думаютъ о тебѣ, что хотятъ, а между тѣмъ, тебя безпоко- итъ, что будутъ говорить о твоихъ отношеніяхъ къ какой-нибудь Бобиковой.

— Что это значить: къ какой-нибудь? Она женщина, и если будутъ разсказывать, что я былъ ея любовникомъ и обобралъ для нея своихъ дѣтей, то это не меня только, это ее мараешь. И странно, что ты, который всегда такъ стоишь за честь жен- щины, говоришь мнѣ это.

— Ну, это все, однако, не стоитъ того, чтобъ объ этомъ раз- говаривать. Вернемся къ главному, продолжалъ Левицкій, самъ удивляясь своему терпѣнію и тому, что хотя его хорошее распо- ложеніе духа и прошло, онъ все-таки не измѣнилъ своихъ на- мѣреній.—Что ты думаешь дѣлать теперь?

— Ничего я не думаю. Подъ заборомъ не умру и денегъ у знакомыхъ занимать не буду. А что дальше, увидимъ.

— Ты не одинъ, Алексѣй, сказалъ Левицкій строго.—Ты не имѣешь права такъ говорить.

— Ну, это ужъ мое дѣло, одинъ я или не одинъ. Или, можетъ быть, тебѣ жаловались на меня? вдругъ быстро и подозрительно обернулся онъ.

Левицкій чуть-чуть покраснѣлъ.

— Эгимъ ты унижаешь себя и... твою жену. И ты даешь мнѣ поводъ думать, что ты самъ, значить, допускаешь, что есть дѣйствительно поводы жаловаться на тебя.

— Я зналъ, что вы говорили обо мнѣ! сказалъ онъ рѣши- тельно.—Я это видѣлъ по вашимъ лицамъ, когда я вошелъ.

— Я не буду скрывать отъ тебя, что мы, дѣйствительно, го- ворили о тебѣ...

— Ну, да, я это зналъ. И ты напрасно сталъ бы разувѣрять меня. Ты хорошо дѣлаешь, что сознаешься въ этомъ.

— Да я не вижу въ этомъ никакого преступленія.

— Тебя прислали узнать, что я намѣренъ дѣлать: застрѣлюсь

ли я съ отчаянія или буду продолжать свою преступную жизнь? Сдѣлай одолженіе, передай, пожалуйста, что я не застрѣлюсь и не думаю даже объ этомъ, что я думаю еще долго прожить. Буду жить, если не для себя, то на зло имъ. Пускай они меня считаютъ подлецомъ! Тѣмъ хуже для нихъ, что они, благородные люди, связали свою судьбу съ подлецомъ. Вы всѣ, впрочемъ, благородные люди. Ты тоже вотъ полонъ благородства, ты оттого и пришелъ удивлять меня своимъ великодушіемъ, колотъ мнѣ глаза моимъ поступкомъ. Я знаю, что вы вѣдь только для виду вздыхаете... въ душѣ вы ликуете. Вы давно этого ждали. Вамъ пріятно думать, что вы такіе благородные люди и протянули руку такому подлецу!..

Онъ вскочилъ и хотѣлъ продолжать, но вдругъ {остановился, встрѣтившись глазами съ женой, которая неслышно отворила дверь и нѣсколько секундъ уже стояла такъ, ни слова не говоря.

— Я думаю, васъ это очень удивляетъ, обратилась она къ Левицкому.—Вы, конечно, этого не ожидали... Но вы ужъ такъ много слышали, что все равно... (Губы ея дрожали и глаза безпокойно перебѣгали съ предмета на предметъ). Вы напрасно думаете, обратилась она къ мужу, стараясь остановить свой взглядъ на одной точкѣ:—что я желаю, чтобы вы застрѣлились. На что это мнѣ можетъ быть нужно? Еслибы я хотѣла свободы, я бы давно васъ оставила. И я никогда не имѣла на это столько права, какъ теперь. Но я не сдѣлала этого, чтобы вы не сказали, что я не захотѣла раздѣлить съ вами вашу судьбу; что я испугалась бѣдности и лишеній и бросила васъ тогда, когда васъ бросили всѣ. Если вы хотите жить на зло мнѣ и еще кому-то, это дѣло вашей совѣсти. Но вспомните, что я ношу ваше имя, что я...

— Господа! сказалъ Левицкій, вставая.—Такъ нельзя! Вы оба раздражены и оба не знаете, чего вы хотите...

Въ эту минуту вошелъ человекъ съ подносомъ. Осмотрѣвшись кругомъ, чтобы знать, съ кого начинать, онъ подошелъ сначала къ Левицкому, потомъ къ Нинѣ, и, очистивъ, наконецъ, мѣсто на столѣ, поставилъ его передъ Яковлевымъ.

— Лимону нѣтъ, Алексѣй Михайлычъ, объявилъ онъ таинственно, наклоняясь къ нему и имѣя привычку обращаться за всѣмъ къ барину, а не къ барынѣ, съ которой онъ дѣла не имѣлъ.

— Пошлите! возразилъ Яковлевъ съ нетерпѣніемъ.

— Я послалъ, Алексѣй Михайлычъ.—Сейчасъ принесутъ. Да отъ верхней жилички за отвѣтомъ присылали.

— Хорошо! послѣ! перебилъ Яковлевъ съ еще большимъ нетерпѣніемъ.—Послѣ! ступайте...

— Слушаю-съ.

Человѣкъ ушелъ.

Наступила минута тяжелого молчанія. Всѣмъ было неловко. У всѣхъ были тѣ хмурныя и въ то же время жалкія лица, какія бываютъ у людей, когда они чувствуютъ, что произошло что-то постыдное.

Левицкій еще какъ-то скорѣй нашелся, но мужъ съ женой рѣшительно не знали, куда имъ смотрѣть. До сихъ поръ, какъ ни были тяжелы ихъ отношенія, но, оставаясь скрытыми отъ всѣхъ, они были еще сносны. Все еще казалось, что тяжесть, которую несешь вдвоемъ, не такъ давить плечи, какъ тогда, когда подошелъ третій и своимъ неловкимъ вмѣшательствомъ поставилъ ее ребромъ. Желаніе скрыть ото всѣхъ свою невыносимую семейную жизнь, было тѣмъ послѣднимъ звеномъ, которымъ, обманывая себя и другихъ, они еще считали себя связанными. Теперь, когда даже и этой цѣли не могло быть у нихъ, когда ихъ тайна была въ рукахъ другого, они почувствовали какую-то странную, незамѣтную имъ прежде пустоту въ своихъ новыхъ отношеніяхъ. Все, что они сказали бы теперь другъ другу, было бы или явной ложью, какъ то, что она сейчасъ говорила ему о своемъ желаніи раздѣлится съ нимъ его судьбу, или до глупости ничтожно, какъ все, что люди говорятъ, когда они боятся быть смѣшными. А они именно боялись быть смѣшными, если не въ своихъ глазахъ, то въ глазахъ того, кто стоялъ теперь между ними. Невольное вмѣшательство Левицкаго отрезвило ихъ. Хмѣль прошелъ.

— Послушай, Алексѣй, началъ Левицкій. — Дай мнѣ слово, что ты завтра будешь у меня.

— Зачѣмъ? спросилъ Яковлевъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой. Ты, конечно, съ газетой теперь покончишь. Я имѣю въ виду одно мѣсто, именно такое, какое тебѣ нужно. Письменные работы. Не Богъ вѣсть какое содержаніе, но дѣло будетъ тебѣ по душѣ; я за это отвѣчаю. Завтра же я сбѣзжу къ одной особѣ, отъ которой это болѣе или менѣе зависитъ, и переговорю съ ней. На отказъ я не рассчитываю... за вѣрное тебѣ, конечно, не ручаюсь, но... думаю, что особа эта имѣетъ нѣкоторыя основанія не отказывать мнѣ. Часовъ до двухъ мнѣ надо быть въ мѣнестерствѣ, а потомъ... Да, если ты прійдешь часу въ третьемъ, это будетъ какъ разъ вовремя.

Все это онъ выговорилъ тѣмъ добродушнымъ, но слегка оза-

боченнымъ тономъ, который, по его мнѣнію, былъ приличенъ человеку, дѣлающему огромное одолженіе для другого.

Яковлевъ долженъ былъ понять, чего ему это стоило, тотчасъ по приѣздѣ, не устроивъ своихъ собственныхъ дѣлъ, ѣхать къ лицу, въ высшей степени ему непріятному, чтобы просить его за другого и притомъ за человека, несомнѣнно уже замараннаго, о которомъ ему могли сказать: «вашъ протеже, кажется, не совсѣмъ чисто вель себя въ этомъ дѣлѣ опеки. Ходятъ слухи о какихъ-то брилліантахъ»... Онъ долженъ будетъ кривить душой, объясняя это, и во всякомъ случаѣ измѣнить тѣмъ началамъ строгой нравственности, которыя онъ положилъ въ основу всей своей служебной дѣятельности. Своимъ ходатайствомъ за лицо, уронившее себя въ общественномъ мнѣніи, онъ наносилъ ударъ себѣ, не говоря уже о томъ, что онъ терялъ право на новую услугу со стороны лица, которое онъ будетъ просить за Яковлева. До сихъ поръ, эта услуга была за нимъ въ долгу; опредѣливъ Яковлева, она будетъ считаться «долгъ уплаченнымъ». И Левицкій, рассчитывавшій на болѣе выгодное для себя помѣщеніе капитала, долженъ будетъ сказать себѣ, что у него стало однимъ должникомъ меньше. Всѣ эти соображенія выступали съ особенной ясностью по мѣрѣ того, какъ выходилъ туманъ отъ выпитой съ Бобиковымъ бутылки вина. Жертва оказывалась тяжелой, чѣмъ можно было ожидать. Какъ прежде выступали только однѣ пріятныя стороны ея, такъ теперь стали очевидны и непріятныя. Оставляя себѣ на размышленіе одну ночь, онъ чувствовалъ, что въ утру былъ бы уже такъ далекъ отъ своего перваго рѣшенія, что Яковлевъ никогда не узналъ бы о немъ. Теперь у него оставалась только одна смутная, ему самому казавшаяся подленькой, надежда на то, что онъ, можетъ быть, откажется.

Выслушавъ его, Яковлевъ нѣсколько времени молчалъ. Было видно, что въ немъ тоже происходитъ какая-то внутренняя борьба.

— Такъ ты придешь? повторилъ Левицкій.

— Не знаю. Рѣшительно не знаю. Ты теперь, пожалуйста, и не спрашивай меня.

«Должно быть, откажется!» думалъ онъ.

— Да ты, можетъ быть, воображаешь, что ты обязанъ сдѣлать что-нибудь для меня? что это тамъ долгъ дружбы или что-нибудь такое? Ты, пожалуйста, не считай себя связаннымъ этимъ. Какая тамъ дружба! что за пустяки. Я тебѣ даже вотъ что скажу: еслибы ты былъ въ такомъ же точно положеніи, я бы, можетъ быть, ничего для тебя не сдѣлалъ. Поэтому, я желалъ бы, чтобы и ты... ты, пожалуйста, считай себя свободнымъ!.. А то вѣдь, я

знаю, тебя убиваетъ чувство долга и когда-нибудь оно убьетъ тебя совсѣмъ.

— Ты меня обижаешь этимъ, Алексѣй. (Однако, не отказался! подумалъ онъ). Я думаю о тебѣ, какъ бы тебѣ помочь, а ты говоришь, что я считаю себя связаннымъ чѣмъ-то. Полно, мой другъ! И безъ того въ жизни много дряни. Не будемъ еще отравлять ее какими-то нелѣпыми подозрѣніями. Такъ такъ завтра въ три часа я тебя жду. (Онъ поспѣшно допилъ свой чай и всталъ). А пока, позвольте мнѣ проститься.

Онъ крѣпко пожалъ руку Яковлеву, и, не глядя, чуть-чуть дотронулся до руки Нины.

«Скверная исторія! думалъ онъ, выходя. — Кажется, я черезчуръ поторопился. Ну, да дѣлать нечего. Надо все-таки помочь ему. Нельзя же оставлять его въ такомъ положеніи. Онъ вѣдь бѣдняга теперь безъ копейки, и что бы тамъ ни говорили, а все-таки съ замаранной репутаціей. (Онъ вздохнулъ). Да! дружба — тяжелая вещь...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

С. Смирнова.

Т Е М А

(Изъ Барбье).

Куда, съ понишею головой,
Сосредоточась въ тайномъ горѣ,
Идешь, бѣднякъ, ты надъ рѣкой,
Съ нѣмымъ отчаяньемъ во взорѣ?
— Покончить съ жизнью... не нужна
Теперь мнѣ сдѣлалась она,
Какъ вещь безъ смысла и безъ цѣли,
Какъ плащъ изношенный, когда
Онъ не годится нигуда
И ужъ не держится на тѣлѣ...

— «Иду на смерть!» — онъ говорить,
Но вѣра гдѣ твоя, несчастный?
Взгляни — какъ все вокругъ кипитъ,
Какъ полонъ жизнью міръ прекрасный!
«На смерть!..» Когда передъ тобой
И день и ночь по мостовой
Толпа шумитъ и суетится,
Когда такъ грудь твоя крѣпка,
И эта сильная рука
Еще могла бы потрудиться!..

— «Трудись!» — кричить счастливый людъ,
Оно легко сказать, конечно...
Но жизнь моя, но самый трудъ
Мнѣ стали мукой безконечной.
Я пиво съ дѣтскихъ лѣтъ варилъ,
Я всю Европу имъ поилъ,
Работалъ, стыда не зная...
И что же? — все-таки нужда

Бѣжала вслѣдъ за мной — всегда,
Всю жизнь, въ тискахъ меня сжимаю...

О, сколько зданій здѣсь кругомъ!
Привольно многимъ въ нихъ живется —
Но никогда предъ бѣднякомъ
Радужно дверь не отпрется:
Для тѣхъ, кто въ рубище одѣтъ,
Тамъ ни тепла, ни крова нѣтъ.
И еслибъ труженикъ бездомный
Вдругъ ночью дернулъ здѣсь звонокъ —
Испугъ онъ только бы вызвать могъ,
А не ночлегъ найти укромный...

Но пусть ты въ силахъ превозмочь
Позоръ — идти просить съ сумою;
Кто-жь подойдетъ къ тебѣ помочь,
Кто слово вымолвить съ тобою?
Здѣсь, впрочемъ, есть такой «пріютъ»,
Гдѣ бѣднякамъ богатый людъ
Благотворить изъ состраданья...
Но тамъ, ты долженъ предъявлять
Билетъ — на право подбирать,
У двери, вѣржи подающа...

Да, заручившись ярлыкомъ,
Иди, глодай, какъ пѣсь дворовый:
Всегда тебѣ въ «пріютѣ» томъ
Обѣдки выбросить готовы.
Конечно, ты не будешь сытъ...
Но какъ легко — отбросивъ стыдъ —
Подачкой жалкою питаться
И за обѣденный кусокъ,
Какъ тварь негодная, у ногъ
Скотоподобно пресмыкаться!..

Ужасно! Еслибъ въ трудный часъ,
Когда нѣтъ мѣста пріютиться,
Бѣднякъ, ты могъ бы всякій разъ
Съ молитвой къ небу обратиться!
Несчастный! Еслибъ солнца свѣтъ,
Окоченѣвшій твой скелетъ,
Какъ другъ, всегда отогрѣвалъ бы;

И дверь открылъ бы бѣднягамъ
 Гостепріимно каждый храмъ
 И всѣмъ убѣжище имъ далъ бы!..

Но нѣтъ! Напрасно надъ собой
 Искаль бы свѣта ты глазами:
 Здѣсь сводъ небесъ затануть мглой,
 Задрнуть вѣчно облаками.
 Нашъ городъ мраченъ: паръ и дымъ,
 Какъ тучи, носатся надъ нимъ.
 О, Лондонъ мутный и суровый!
 Ты солнце копотью закрылъ
 И, какъ завѣсу, наложилъ
 На Божій день покровъ свинцовый!

А церкви? — вѣчно заперты,
 Но если кое-гдѣ открыты —
 Въ нихъ царство мрака, пустоты,
 Въ нихъ стѣны плѣсенью покрыты.
 Куда ни глянь — со всѣхъ сторонъ:
 Нѣтъ ни распятъ, ни иконъ;
 Все ветхо, полно разрушенья...
 И межъ нѣмыхъ колоннъ и плитъ
 Ничто вашъ духъ не обновитъ —
 Ни звуки музыки, ни пѣнья...

Межъ тѣмъ, извиѣ — сырая мгла
 Нависла, воздухъ заражая;
 Туманно, грязно... Тяжела,
 Невыносима жизнь такая!
 И здѣсь, гдѣ цѣлый день, какъ ледъ,
 Васъ этотъ вѣтеръ обдаеть,
 Гдѣ небо хмурится сердито —
 Покончить съ нею навсегда
 Немного надобно труда
 Тому, въ комъ раньше все убито.

Но полно!.. Темза всѣмъ покровъ,
 Кто здѣсь, въ юдѣли безотрадной,
 Вдоль этихъ мрачныхъ береговъ,
 Несчастьемъ сдавленъ безпощадно.
 Впередъ! Ужъ ночь недалека,
 Темнѣй становится рѣка,

Вода сливается съ землею —
И скоро, скоро мракъ ночной
Готовъ набросить саванъ свой
Надъ престуиленьемъ и нуждою.

Не останавливайте... я —
Матросъ, который, въ тьму ночную,
Порывомъ бури, съ корабля,
Въ пучину сброшенъ былъ морскую.
Напрасно онъ впередъ глядитъ:
Вокругъ него волна кипитъ,
Шумъ вѣтра голосъ заглушаетъ...
Еще упорно онъ плыветъ,
Еще онъ держится... но вотъ,
Его рука ослабѣваетъ...

Отвѣта нѣтъ на крикъ и зовъ,
Бѣднякъ спасенья не находитъ;
По гребнямъ бѣшеныхъ валовъ
Корабль безжалостный уходитъ,
И въ бурномъ морѣ, подъ грозой,
Пловца бросаетъ за кормой...
Безъ силъ, по прихоти теченья,
Кружась, какъ атомъ слабъ и малъ,
Онъ вдругъ еще ничтожвѣй сталъ
Въ цѣпи живущаго творенья!..

Тогда, въ отчаяннн нѣмомъ,
Бѣднякъ, судьбу предупреждая,
Не ждетъ, пока ударитъ громъ
Или залететь волна морская —
Но самъ, измученный борьбой,
Слѣпить покончить онъ съ собой...
И молча, въ ужасѣ и въ горѣ,
Собравъ отваги всей запасъ,
Ныреть онъ въ послѣдній разъ
И исчезаетъ въ темномъ морѣ!..

И. П. Ивановъ.

КРАПИВНИКИ.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

Однимъ изъ самыхъ усерднѣйшихъ товарищей моихъ по охотѣ былъ волычевскій земскій фельдшеръ, Михаилъ Михайлычъ Тюринъ. Стоило только прослышать ему о прїѣздѣ моемъ на хуторъ, находившійся верстахъ въ десяти отъ села Колычева, какъ Михаилъ Михайлычъ немедленно являлся, поздравлялъ съ прїѣздомъ, справлялся о состояннн здоровья и заводилъ рѣчь объ охотѣ. Это былъ человекъ лѣтъ тридцати пяти, средняго роста, съ небольшими черными усиками, которые онъ постоянно подгрызаль зубами, и черными же густыми волосами. Волоса эти не давали ему покоя; они поминутно сваливались ему на лобъ, почему онъ поминутно же отмахиваль ихъ назадъ. Это отмахиваніе и затѣмъ безпрестанное поддергиваніе спускавшихся панталонъ составляли весьма характерную особенность его манеръ; такъ что представить себѣ Михаила Михайлыча безъ этихъ *отмахиваній* и *поддергиваній* было дѣломъ невозможнымъ. Михаилъ Михайлычъ былъ фельдшеръ искусный, набившій руку возлѣ докторовъ, но весьма небрежно относившійся къ своимъ обязанностямъ. Онъ какъ-то льнулъ къ помѣщикамъ. Въ домахъ помѣщиковъ, у которыхъ случались больные, онъ готовъ былъ жить по цѣлымъ недѣлямъ, не спать по цѣлымъ ночамъ; приходившихъ же къ нему больныхъ крестьянъ гонялъ чужъ не въ шею. И не потому, чтобы Михаилъ Михайлычъ былъ жаденъ, корыстолюбивъ, а только потому, что въ домахъ помѣщиковъ онъ встрѣчалъ приличное угощеніе и могъ поболтать. Бывало, встрѣтишь его ѣдущимъ на тележкѣ и спросишь: «Куда?» — «Къ Андрею Спиридоничу, всѣ дѣти хвораютъ!» А возлѣ домика его, бывало, цѣлая толпа мужиковъ и бабъ. — «Чего

же вы ждете? спросишь ихъ бывало:—вѣдь фельдшеръ уѣхалъ!» «Онъ посулилъ сейчасъ вернуться! отвѣчаетъ толпа, подождать приказалъ!» И ждетъ, бывало, эта толпа Михаила Михайлыча вплоть до поздней ночи и, не дождавшись, расходится по домамъ.

Чуть, бывало, прихворнешь, такъ въ ту же минуту за Михайломъ Михайлычемъ, и онъ немедленно являлся.

— Что такое съ вами? спросить, бывало, становясь у притолки, отмахнувъ волосы и поддернувъ панталоны.

— Нездоровится что-то...

— Что же именно вы чувствуете?

— Да такъ, северо какъ-то...

— Позвольте язычекъ.

И, посмотрѣвъ на языкъ и даже слегка пощупавъ его иногда мизинцемъ, проговорить:

— Нда-съ, налётець есть... а какъ насчетъ пищеваренія... стулъ имѣли-съ?

— Нѣтъ.

И опять, отмахнувъ волосы и поддернувъ панталоны, онъ прибавлялъ:

— Сію минуту-съ я лекарство составлю-съ...

— Да что это со мной? спросишь его, бывало.

— Ничего особеннаго нѣтъ-съ, такъ маленькое раздраженіе двѣнадцатипёрстной кишки.

Раздраженіе кишки этой, воспаленіе слизистой оболочки и надкостной плевы были излюбленныя имъ болѣзни, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки вылечивалъ и потому пользовался довѣріемъ. Охотникъ былъ великій Михаилъ Михайлычъ участвовать и на похоронахъ своихъ пациентовъ. Чуть, бывало, умереть кто-нибудь изъ *чистыхъ* его больныхъ, какъ онъ немедленно являлся, плавалъ, дѣлалъ передъ покойникомъ земные поклоны, а при выносѣ подхватывалъ гробъ и усердно тащилъ его въ церковь и на кладбище.

— Нельзя-съ, говорилъ онъ.—Послѣдній долгъ отдать надо-съ...

Вотъ этотъ-то Михаилъ Михайлычъ, прослышавъ о прибытіи моемъ на хуторъ, явился однажды ко мнѣ.

— Съ приѣдомъ-съ, проговорилъ онъ. — Здоровы ли?

— Ничего, благодарю, слава Богу...

— Слава Богу — лучше всего-съ. А я къ вамъ по дѣлу-съ...

И Михаилъ Михайлычъ засмѣялся тоненькимъ смѣхомъ.

— Что такое?

— Утожь много очень на графскихъ болотахъ; поохотиться не хотите ли?..

— Съ большимъ удовольствіемъ; только у меня собаки нѣтъ.

— Собака у меня есть отличная; мнѣ Николай Ѳедоровичъ подарилъ, я у него дѣтей лечилъ — онъ мнѣ и подарилъ. По красной дичи, точно, не годится — горяча очень, а по уткамъ — золото! Послушная, вѣжливая... куда угодно посылайте, полѣзетъ, слова не скажетъ... Такъ вотъ-съ, пріѣзжайте завтра пораньше ко мнѣ и отправимся.

И Михаилъ Михайлычъ принялся раскланиваться.

— Вы куда же? спросилъ я. — Погодите, побесѣдуемъ...

— Нельзя-съ. Александръ Александрычъ прислалъ, сегодня къ нимъ докторъ Константинъ Игнатычъ пріѣдутъ изъ Тамбова, такъ я долженъ быть тамъ-съ.

— А водочки?

Михаилъ Михайлычъ поддернулъ панталоны, погрызъ усы и улыбнулся...

— Водочки, ничего, можно-съ... это не вредно...

На другой день, часовъ въ пять утра, я былъ уже у фельдшера. Онъ стоялъ возлѣ своей аптечки и составлялъ какое-то лекарство.

— Сейчасъ, сію минуту-съ, проговорилъ онъ, взбалтывая пузырекъ. — Вотъ только лекарство сдѣлаю-съ.

— Кому это?

— Да вотъ его матери, проговорилъ онъ, указывая движеніемъ головы на робко прижавшагося въ уголъ мальчугана, съ истомленнымъ, болѣзненнымъ лицомъ и одѣтаго въ кабую-то женскую куцавейку. — Мать у него больна, онъ и пришелъ за лекарствомъ.

И тутъ же, обратясь къ мальчику, проговорилъ, подавая пузырекъ:

— Ну, вотъ на, бѣги скорѣй; черезъ часъ по столовой ложкѣ. Слышишь что ли?

— Слышу.

— Ну, валяй.

И, обратясь ко мнѣ, проговорилъ:

— Дигиталису намѣшала — пускай пьетъ...

Мальчикъ завозился, уцѣпилъ пузырекъ и вышелъ. Но только что успѣлъ онъ показаться на улицу, какъ цѣлая толпа уличныхъ мальчишекъ обружила его и принялась кричать во все горло и на разные голоса: «Крапивники! Крапивники!»

Заслышавъ этотъ крикъ, фельдшеръ въ одну секунду подскокилъ къ окну и, по поясъ высунувшись въ него, закричалъ сердито:

— Вотъ я васъ! вотъ я васъ, подлецы!.. Чтѣ онъ, трогаетъ что ли васъ?.. Вотъ я васъ! мерзавцы!.. Эй ты, Серѣжка! Ты что дразнишься, чего орешь!.. Что глаза вытаращилъ? вотъ я тѣ хо-

*

холь-то натереблю! Иди, иди, Ванятка, небось не тронуть. Вотъ только смѣйте у меня тронуть... всѣмъ хохлы натереблю!..

Крики мгновенно затихли и мальчикъ съ пузырькомъ, вырвавшись изъ толпы своихъ сверстниковъ, бросился бѣгомъ по улицѣ.

— Чей это былъ мальчикъ? спросилъ я фельдшера.

— Агафья Степановны.

— Почему же его крапивникомъ называютъ.

— Какъ почему? Известно почему—вѣдь онъ незаконный...

— Это я знаю, но почему крапивникомъ-то зовутъ?..

— Да вѣдь ихъ всегда ужъ такъ называютъ.

— Почему же?

Фельдшеръ засмѣялся и принялся намекать что-то насчетъ огородовъ, крапивы и т. п., а вслѣдъ затѣмъ снова принялся бранить мальчишекъ.

— Этакіе подлецы! говорилъ онъ. — Прохода не даютъ. Каждый разъ вотъ такъ-то, а мальчикъ-то нервный, мечтательный...

— Какъ мечтательный?

— Такъ, мечтательный, словно съумасшедшій. Утѣется смотрѣть на васъ... ужъ онъ смотреть, смотреть... вы ушли давно, а онъ все на это мѣсто смотреть. Отъ матери не отходитъ; мужъ бить начнетъ ее, а онъ уцѣпится за ея платье, да свою спину и подставляетъ... А то вдругъ плакать примется... Мать спросить: «О чемъ ты плачешь, Ванятка?» — «Такъ ничего, говоритъ, сердце что-то защемило!»

— А развѣ Агафья Степановна нездорова? спросилъ я.

— Вотъ это отлично! вскрикнулъ фельдшеръ.— Умретъ скоро, а вы про здоровье спрашиваете!..

— Что вы говорите!.. первый разъ слышу.

— Это вѣрно-съ. Чухотка — другое легкое гнѣтъ, а при такомъ положеніи долго не проживешь. Сами знаете, какое житьишко-то было... нынче побои, завтра попреки... Однако, вотъ что-съ, добавилъ онъ скороговоркой:— времени-то терять нечего, давайте-ка ѣхать... *До ласу-то* мы на вашихъ лошадяхъ поѣдемъ, а тамъ пѣхтурой поѣдемъ.

— Ну, что же, поѣдемте.

— Часамъ къ двѣнадцати мы подойдемъ къ пчельнику Ивана Пароенныча, завусимъ тамъ, отдохнемъ, а когда жаръ схлынетъ, опять на озеро заѣдемся.

— А Иванъ-то Пароеннычъ все еще живъ?

— Что ему, дураку, дѣлается!

И, отворивъ дверь въ сѣни, онъ принялся кричать:

— Валетка! фить, иси... Валетка, сюда, скорѣй!..

Въ комнату съ визгомъ влетѣла собака, прыгнула на грудь

фельдшера, прыгнула на грудь ко мнѣ, сдѣлала круга два по комнатѣ, страшно топая ногами, и потомъ вдругъ, брызнувшись среди комнаты на бокъ, принялась хлопать хвостомъ.

— У! пѣсь, у, подлець! говорилъ фельдшеръ, лаская собаку.— Ахъ, умница! ахъ, красавица!.. Ну, ну цѣлуй, цѣлуй!.. И, подставивъ лицо, далъ собацѣ лизнуть себя въ щеку.—Охъ, ты моя вѣжливая!.. Однако, пора, пора!..

Мы сѣли на дроги, посадили съ собой Ванятку и поѣхали.

Въ концѣ улицы — почти уже на выѣздѣ — мальчишки опять кричали: «Крапивники! крапивники!»

Мы взглянули впередъ и опять увидели Ванятку. Подобравъ одной рученкой свою куцавейку, а въ другой бережно держа пузырькъ съ лекарствомъ, онъ что было мочи улепетывалъ по улицѣ, преслѣдуемый нѣсколькими крестьянскими мальчишками. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно; испуганные глаза бѣгали во всѣ стороны; онъ видимо задыхался и потому, какъ только добѣжалъ до небольшого домика, крытаго желѣзомъ, и какъ только взобрался на крылечко этого домика, такъ въ ту же секунду бросился на ступеньку и, схвативъ себя рукой за грудь, принялся ускоренно дышать. Завидѣвъ насъ, мальчишки разсѣялись и все успокоилось. Но спокойствіе это продолжалось не долго. Не успѣли мы поровняться съ домикомъ, крытымъ желѣзомъ, какъ дверь распахнулась, на крылечко вышелъ мужчина въ парусиномъ грязномъ костюмѣ и, подойдя къ сидѣвшему на ступенкѣ Ваняткѣ, принялся теревить его за ухо.

— Зачто вы его теребите, Ананій Иванычъ! крикнулъ фельдшеръ, увидавъ эту сцену, и, засуетившись на дрогахъ, приказалъ кучеру остановить лошадей.—Зачто вы его теребите!..

— Какъ же не теребить-то! проговорилъ Ананій Иванычъ, подходя къ дрожкамъ и вѣжливо раскланиваясь съ нами.—Мать умираетъ, а онъ съ лекарствомъ посиживаетъ себѣ на крылечкѣ и ухомъ не ведетъ!.. Этакое безчувственное животное! ужъ именно что крапивникъ. Ну, что, на охоту, кажется? добавилъ онъ, перемѣнивъ тонъ.

— Да, на охоту, отвѣтилъ фельдшеръ.

— Далѣко?

— На графскія болота.

— Прелестныя мѣста! Ахъ, и я бы поѣхалъ съ вами, да невозможно; такъ и жду что вотъ-вотъ Богу душу отдастъ. Вчера я былъ увѣренъ, что ночь не переживетъ она... признаться, даже свѣчей въ церкви купилъ, воды для омовенія подготовилъ, чтобы ночью, значить, не бѣгать!.. Ну, нѣтъ, продышала. .

И Ананій Иванычъ вздохнулъ, но, услыжавъ всклипываніе Ванятки, обернулся и крикнулъ сердито:

— Ты что же тутъ хнычешь, крапивникъ подлый! Иди, иди въ горницу. Иди, говорятъ тебѣ, иди, да матери лекарства дай.

Ванятка встала, отеръ слезы угломъ куцавейки и скрылся въ сѣняхъ.

— Утокъ, вишь, пропасть! заговорилъ опять Ананій Иванычъ.

— Да, говорятъ.

— Когда это? замѣтилъ онъ, словно что-то припоминая.—Вчера, вѣдется, кузнецъ ходилъ... да, такъ, вчера... штукъ пятнадцать приволокъ. Одну мнѣ подарилъ, женѣ я изжарилъ...

— Ну, что же, ѣла? спросилъ фельдшеръ.

— Такъ маленькій кусочекъ отъ крылушка откусила...

И, вздохнувъ, онъ добавилъ:

— Однако, я васъ задерживаю... счастливой охоты! коли много настрѣлаете, подѣлитесь со мной.

И, раскланявшись съ нами, Ананій Иванычъ направился къ домику, а мы поѣхали своей дорогой. Часамъ къ семи утра, мы были уже на опушѣ графскаго лѣса.

— Ну-съ, проговорилъ фельдшеръ:—теперь лошадей можно и домой отпустить; намъ все лѣсомъ придется идти.

— А какъ же я домой-то, пѣшкомъ доберусь? спросилъ я.

— Конечно, пѣшкомъ! почти вскрикнулъ Михайлъ Михайлычъ.—Отъ пчельника до вашего кутора рукой подать.

Зарядивъ ружья и надѣвъ на себя охотничьи доспѣхи, мы отпустили лошадей домой и вошли въ лѣсъ, но не успѣли сдѣлать и десяти шаговъ, какъ фельдшеръ вскрикнулъ:

— А про собаку-то и забыли!

И, быстро повернувъ назадъ, онъ выбѣжалъ на опушку лѣса.

— Валетка! Валетка! кричалъ онъ, неистово махая руками.— Валетка! фитъ, сюда!..

Я тоже вышелъ на опушку.

— Ишь, подлая! кричалъ фельдшеръ.—За дрогами увязалась. Валетка! Валетка!..

Но, видя, что Валетка даже и вниманія не обращала на его крики, онъ обратился ко мнѣ и заговорилъ суетливо: Ради Бога, поговорите съ нею по французски, вѣдь Николай Ѳеодорычъ все по французски съ нею... Валетка! Валетка!.. да поговорите же, пожалуйста...

Я тоже принялся кричать, но, несмотря на то, что мною были исчерпаны всѣ французскіе собачьи діалоги, Валетка все-таки не возвращался. Опустивъ голову и хвостъ, онъ бѣжалъ себѣ сзади дрозъ и ничего знать не хотѣлъ. Михайлъ Михайлычъ былъ внѣ себя отъ злости.

— Кучеръ! кучеръ! кричалъ онъ.—По боку-то его кнутаомъ хорошенько!

Кучеръ соскакивалъ съ дрогъ, бѣгалъ съ кнутаомъ за Валеткой, но Валетка былъ неутомимъ. При видѣ кнута, *спящая* собака бросалась въ сторону, а какъ только кучеръ сѣлся на козлы и трогалъ лошадей, такъ Валетка опять слѣдовалъ за дрогами.

— Что же мы безъ собаки сдѣлаемъ? спросилъ я.

— Ничего, мы и безъ собаки!.. Вода теперь теплая, озера не глубокиа, я и самъ лазить буду—не хуже еще Валетки. Пойдемте!

И, взглянувъ еще разъ на собаку, преспокойно трусившую себѣ за дрогами, Михаилъ Михайлычъ кричалъ, потрясая кулакомъ:

— Ну, хорошо, подлая, хорошо, стой! Я тебѣ это припомню! Ты у меня будешь бѣгать съ охоты! Стой!.. Стой!..

Затѣмъ мы углубились въ лѣсъ и пошли по направленію къ озерамъ.

II.

Агаѣя Степановна (ея фамилія я не знаю) была женщина лѣтъ тридцати пяти, средняго роста, съ весьма пріятнымъ и правильнымъ лицомъ, степенная и даже строгая. Я встрѣчалъ ее часто въ церкви, гдѣ она всегда, прилично одѣтая, становилась у лѣвой боковой двери и въ продолженіи всей обѣдни усердно и набожно молилась. Домикъ ея былъ на самомъ краю села Колычева; онъ отличался отъ остальныхъ крестьянскихъ избъ какъ своею архитектурой, такъ и тѣмъ, что былъ покрытъ не соломой, а желѣзомъ и обнесенъ съ двухъ сторонъ молодымъ, но разросшимся плодовитымъ садомъ.

Домикъ этотъ, въ свое время, а именно лѣтъ шесть, семь тому назадъ, былъ предметомъ оживленныхъ толковъ и пересудовъ, въ особенности въ кругу досужихъ сосѣднихъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Агаѣя Степановна появилась на свѣтъ еще во время крѣпостного права и была просто-напросто дворовой дѣвушкой села Колычева, принадлежавшаго помѣщику Петру Степанычу Вольскому. Петръ Степанычъ былъ старикъ суровый, жестокой и слылъ въ околѣдѣ примѣрнымъ хозяиномъ и скопидомомъ. У него было три сына, которые всѣ служили въ гвардіи и только въ лѣтнее время, по заведенной очереди, брали отпускъ и навѣщали старика отца; матери у нихъ давно не было. Въ одно изъ такихъ-то посѣщеній, старшій сынъ Петра Степаныча Владиміръ Петровичъ, красивый, статный гвардеецъ, съ юнымъ румянымъ

лицомъ, небольшими черными усиками и большими черными же выразительными глазами, плѣнился Агаѳей Степановной. Ей было тогда всего шестнадцать лѣтъ, и тѣ, которые знавали ее въ ту пору, положительно увѣряли, что она была красавицей. Владиміръ Петровичъ не на шутку полюбилъ ее, а, полюбивши, незамедлилъ пустить въ дѣло все то, что практикуется обыкновенно съ успѣхомъ въ подобныхъ случаяхъ. Нѣсколько разъ ловилъ онъ ее въ саду, на рѣчкѣ, когда она, ничего не подозревавшая, стирала бѣлье; говорилъ ей про свою любовь; дѣлалъ подарки, которые Агаша боялась сначала брать, и, въ концѣ концовъ, красавица не устояла и, тоже плѣнившись въ свою очередь ловкимъ и красивымъ гвардейцемъ, отдалась его волѣ. Дѣло это, можетъ быть, и не скоро бы разузналось, еслибы садовникъ, сторожившій по ночамъ садъ отъ хищныхъ набѣговъ крестьянскихъ мальчугановъ, не былъ свидѣтелемъ перваго любовнаго свиданія Агаша съ молодымъ барининомъ.

Надо вамъ сказать, что господскій домъ былъ весь въ саду и что спальная молодого барина помѣщалась въ нижнемъ этажѣ. Какъ-то разъ ночью, въ концѣ іюля, садовникъ, обходя садъ, замѣтилъ что-то крившееся къ дому и именно къ тому окну, которое выходило изъ спальни Владиміра Петровича и, подойдя къ окну этому, послѣдно перекрестилось и стукнуло раза два по стеклу. Садовникъ подошелъ ближе и разсмотрѣлъ, что это была Агаша. Окно въ ту же минуту отворилось, показался баринъ и, схвативъ Агашу подъ мышки, поднялъ на воздухъ, поцѣловалъ на лету и перемесъ въ комнату. Окно затѣмъ затворилось, шторка была опущена, раздался *щелкъ* шпингалеты и все смолкло. На зарѣ шторка опять поднялась, окно распахнулось и баринъ съ Агашей показались снова. Высунулъ баринъ по поясъ въ окно, посмотрѣлъ во всѣ стороны и, не замѣтивъ притавшагося въ кустахъ сирени нескромнаго садовника, взялъ опять Агашу подъ мышки, перенесъ черезъ подоконникъ и, бережно опустивъ ее на землю, долго не выпускалъ изъ рукъ, любуясь ею. Наконецъ, перевѣсившись черезъ окно и крѣпко-крѣпко поцѣловавъ ее въ лобъ, прошепталъ:—«Ну, Агаша! такъ ты моя, значитъ?»—«Да» отвѣчала она.—«Ты будешь любить меня?»—«А вы?» спросила она робко.—«Клянусь тебѣ!»—И Агаша, обнявъ барина, прильнула губами къ его губамъ. Окно затворилось, Агаша послѣдно отошла отъ дома и вскорѣ скрылась за кустами вишенъ. На другой же день о всемъ случившемся садовникъ разсказалъ повару, поваръ по секрету экономкѣ и тайна сдѣлалась извѣстною всей дворнѣ.

Я сказалъ уже, что старикъ Вольскій—отецъ Владиміра Пет-

ровича—быль человекъ строгій, упорный и хотя самъ былъ великій охотникъ до женскаго пола, но что позволялъ себѣ, того не дозволялъ дѣтямъ. Человекъ онъ былъ злой, а послѣ освобожденія крестьянъ обозлился до того, что сдѣлался желтымъ и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. Тяжелое то было время для служившихъ при немъ. Никто не могъ угодить на него, какъ бы того ни желалъ. Смотрѣлъ онъ на всѣхъ исподлобья, не хорошо какъ-то, и подозрѣвалъ, что его собираются зарѣзать. Подозрѣнія этого онъ не сообщалъ никому, но такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ ходилъ не иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ, то становилось яснымъ, что онъ боялся за свою жизнь. Нахмурить, бывало, брови, смотреть звѣремъ и не только что съ прислугой, даже съ сыномъ слова ласковаго не скажетъ. Старикъ бросилъ хозяйство, не ѣздилъ въ поля, махнулъ на все рукой и только словно волкъ косился на всѣхъ. Нечего говорить, что при такихъ порядкахъ, старика боялись всѣ, не только слуги, но даже и самъ молодой баринъ. Вотъ почему и связь его съ Агашей должна была сохраняться въ великой тайнѣ. Узнай онъ тайну эту и рука его не дрогнула бы положить на мѣстѣ и дѣвчу-холопку и сына.

Такъ жилъ старикъ въ своемъ имѣніи, но, наконецъ, не выдержалъ и когда подошло время начать переговоры съ крестьянами объ уставной граматѣ, онъ бросилъ имѣніе, уѣхалъ въ Москву (многихъ такихъ пріютила въ то время Москва) и предоставилъ сыну Владиміру дѣлаться съ мужиками, какъ знаетъ. Мужики собрались было проводить своего стараго барина, съ которымъ всю жизнь прожили, пришли было поблагодарить его за *неоставленіе*, пожелать счастливаго пути, но старикъ приказалъ всѣхъ разогнать и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь. Только прощаясь съ сыномъ, онъ прошепталъ ему дрожавшимъ отъ злобы голосомъ:—«Постой, ты увидишь... эта меньшая братія самого Бога слопаютъ... помани меня!»

Какъ только карета выѣхала за околицу, такъ все село словно воспряло; веселіе конца не было. Владиміръ Петровичъ сошелся съ мужиками шута, безъ затрудненій; пріѣхалъ за тѣмъ посредникъ и дѣло съ уставной грамотой повончилось дня въ два. Весело было и въ барскомъ домѣ; баринъ перевелъ Агашу въ домъ, отвелъ ей особую комнатку, а немного погодя, сѣздивъ съ нею въ городъ, разодѣлъ словно куколку. Тайна теперь не скрывалась и сосѣди и сосѣдки затрещали, какъ сороки, и принялись по ниточкѣ перебирать всю эту исторію; въ особенности же возмущались тѣ отцы и матери, у которыхъ на шеѣ были взрослые дочери. Владиміръ Петровичъ былъ, однако, не

изъ таковскихъ и надъ всѣми этими толками и пересудами только подсмѣивался. Агаша была счастлива; она искренно и нѣжно любила Владиміра Петровича и, встрѣтивъ въ немъ взаимную любовь, не желала ничего большаго.

Такъ шло время, какъ вдругъ зимой получена была изъ Москвы телеграмма, извѣщавшая, что старикъ Вольскій разбитъ параличемъ и что съ часу на часъ надо ждать его смерти. Владиміръ Петровичъ поскакалъ въ Москву (желѣзной дороги тогда еще не было), но старика не засталъ; онъ умеръ за день до его прїѣзда, а недѣли черезъ полторы, тѣло старика въ дубовомъ гробѣ и желѣзномъ футлярѣ было привезено въ Колычево. Собрались и остальные сыновья. Гробъ, какъ подобаетъ поставили въ церковь, наѣхали попы и монахи, отслужили обѣдню, панихиду и опустили въ семейный склепъ. Помянувъ родителя, сыновья раздѣлили отцовское наслѣдіе и Колычево, по раздѣльному акту, досталось на долю Владиміра Петровича. Послѣ раздѣла, всѣ разѣхались, уѣхалъ въ Москву и Владиміръ Петровичъ, взявъ съ собою Агашу. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку и, посвятивъ себя хозяйству, каждый годъ и на все лѣто прїѣзжалъ въ Колычево. Такъ прошло лѣтъ девять и, наконецъ, у Агаши родился сынъ, Аркадій, а года полтора спустя, и другой сынъ Иванъ—тотъ самый, котораго мы видѣли у фельдшера. Съ появленіемъ дѣтей, Агаша почувствовала себя еще счастливѣй и радовалась отъ души, что оба походили на Владиміра Петровича; тѣ же черные глаза, тотъ же носъ съ горбиной—разница была только въ томъ, что старшій сынъ, Аркаша, былъ и здоровѣе и бойчѣе младшаго, Ванятки.

Однако, года черезъ два послѣ рожденія перваго сына, дѣла начали немного измѣняться. Прїѣхавъ какъ-то разъ изъ Москвы, и Владиміръ Петровичъ, и Агаша словно переродились. Всѣмъ бросилась въ глаза эта переимѣна. Оба они были какіе-то скучные—точно больные, а Агаша такъ и вовсе вовсе измѣнилась... Рѣзвая и живая, она сдѣлалась мрачною, избѣгала разговоры и рѣдко показывалась людямъ. Все это заинтересовало, конечно, окружавшихъ, пошли толки, догадки, предположенія, а когда Агаша объявила какъ-то кому-то изъ дворни, что въ Москву больше не поѣдетъ, а будетъ постоянно жить въ Колычевѣ, то догадки эти дошли до такихъ размѣровъ, что каждый неволью путался въ нихъ. Къ общему изумленію, именно въ это самое время Владиміръ Петровичъ принялся строить какой-то домикъ. Каждый день ходилъ онъ на эту постройку. Чуть, бывало, выкатится солнышко изъ-за лѣса, разстилавшагося по горизонту, какъ Владиміръ Петровичъ, въ лѣтнемъ костюмѣ и соломенной шляпѣ, шелъ

уже на эту постройку. Онъ слѣдилъ чуть не за каждымъ клавшимся бревномъ, привидывалъ безпрестанно ватерпасъ и отвѣсь и требовалъ, что бы все было сдѣлано прочно, чисто и хорошо. Когда таинственный домикъ былъ отстроенъ, Владиміръ Петровичъ покрылъ его желѣзомъ, построилъ амбарчикъ, небольшой сарай для коровы, ледникъ, и все это строеніе обнесъ досчатымъ заборомъ, а передъ окнами домика разбилъ садикъ и засадилъ его вишнями, яблонями, грушами, малиной, смородиной... Стѣздилъ потомъ Владиміръ Петровичъ въ городъ и вскорѣ съ ближайшей станціи желѣзной дороги подѣхали къ домику, скрипя колесами, какія-то телеги, съ какими-то громоздкими вещами, зашитыми въ рогожи и на рогожахъ этихъ крупными черными буквами была написана станція выгрузки. Какъ только подводы эти остановилась возлѣ домика, такъ подошли и Владиміръ Петровичъ съ Агашей. Стали развѣртывать рогожи и изъ рогожъ этихъ начали появляться запыленные комоды, швафчики, столы, стулья... На одной изъ рогожъ была надпись: *«вверхъ осторожно»*; откупили и эту рогожу, подъ рогожей былъ ящикъ... заскрипѣли ржавые гвозди, отворотились доски и зеркало блеснуло на солнцѣ, да такъ ярко, что Агаша даже защурилась и весело засмѣялась. Долго помнила она этотъ солнечный лучъ! Ходила и Агаша на постройку и радовалась, глядя на свиваемое гнѣздышко. Когда домикъ былъ отстроенъ, пронесся слухъ, что Владиміръ Петровичъ женится, а гнѣздо это свилъ Агашѣ и ея дѣтямъ, а когда Агаша съ дѣтьми переселилась въ домикъ, то слухъ этотъ сдѣлался уже достовѣрнымъ и сама Агаша не скрывала уже, что у барина есть невѣста изъ знатнаго и богатаго рода. Дѣло слѣдовательно выяснилось... Когда узнали, что домикъ съ мебелью, садикомъ и всѣмъ необходимымъ принадлежитъ Агашѣ, такъ начали наѣзжать женихи съ напомаженными лимонной помадой головами, въ голубыхъ и розовыхъ галстукахъ, въ филдѣкосовыхъ перчаткахъ и *три часахъ*; налетѣлъ одинъ даже въ шляпѣ и съ тросточкой въ рукахъ, но Агаша мало смотрѣла на этихъ щеголей и боялась замужества. Долго раздумывала она, что ей дѣлать? нельзя было оставаться въ дѣвкахъ, опасно было выходить и замужъ. Наконецъ, она надумала и облюбовала увивавшагося за нею конторщика Ананія Иваныча; дѣло сдѣлалось. Прощаясь съ Агашей передъ отѣздомъ въ Москву, Владиміръ Петровичъ сказалъ только:— «Ну, Агаша...» но слова *прощай* выговорить не могъ, словно сперлось у него что-то въ горлѣ и онъ поспѣшилъ прыгнуть въ тарантасъ и уѣхать; онъ даже дѣтей не поцѣловалъ. Долго смотрѣла Агаша вслѣдъ удалявшемуся экипажу и, по мѣрѣ того, какъ экипажъ этотъ удалялся, у нея, словно, что-то отпадало, что-то отрывалось отъ сердца...

Агаша выбрала себѣ Ананія Иваныча, потому что малый онъ былъ смиренный, тихій, и хотя немного дурковатый, но за то не пившій водки. Она сшила мужу новую пару, купила часы съ цѣпочкой, справила шубу и жизнь молодыхъ потекла, какъ по маслу. Счастливъ и веселъ былъ Ананій Иванычъ; жена подавала ему чай съ баранками, а онъ, разваливъ, пилъ его и отъ удовольствія потѣлъ. Ему также пріятно было сидѣть на мягкомъ диванѣ и чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ барина. Заложивъ руки въ карманы штановъ, онъ широко шагаль по комнатѣ и, поминутно подходя къ зеркалу, расчесываль волосы; словомъ, онъ былъ счастливъ, и только при видѣ дѣтей, крапивниковъ, при видѣ Аркашки и Вамятки, Ананій Иванычъ словно хмурился. Такъ прошло полгода; наконецъ, Ананію Иванычу показалось малымъ жалованье конторщика, показалось непріятнымъ находиться на службѣ Владиміра Петровича и онъ опредѣлился волостнымъ писаремъ въ сосѣднюю волость. Тяжело было Агашѣ разставаться съ домикомъ, но дѣлать нечего, ѣхать было необходимо. Они поселились въ томъ же домѣ, въ которомъ помѣщалось и волостное правленіе; только одни широкіи сѣни съ чуланомъ, въ которомъ въ лѣтнее время отдыхаль его степенство господинъ волостной старшина, отдѣляли квартиру писаря отъ присутствія правленія. Скучно показалось Агашѣ въ скучной степной деревнѣ, слова не съ кѣмъ было перекинуть и многое изъ прошлаго, скучая, вспоминала Агаша. — «Ахъ, какъ тогда жилось хорошо!» вырывалось иногда изъ груди Агашы и слезы наворачивались на глазахъ. Не нравилось Агашѣ и то, что Ананій Иванычъ началъ привыкать къ водкѣ. Какъ только собирался сходить или судъ, такъ Ананій Иванычъ оказывался пьянымъ. Тяжело было смотрѣть Агашѣ на все это безобразіе. Отворить она, бывало, дверь своей квартиры, заглянетъ въ сѣни, а тамъ шумъ, гвалтъ, пьяный старшина, пьяные мужики, водка въ желѣзномъ ведрѣ, пьяный мужъ... и она слѣшила скорѣе захлопнуть дверь. Разъ какъ-то она рѣшилась попросить мужа бросить эту пьяную службу, переселиться опять въ Колычево и заняться другимъ какимъ-либо дѣломъ, но пьяный Ананій Иванычъ обругалъ Агашу «барской наложницей» и приказаль молчать. Агаша даже вздрогнула отъ этого названія и проплакала всю ночь. Однако, вскорѣ, къ удовольствію Агашы, Ананія Иваныча отрѣшили отъ этой должности и они переѣхали опять въ Колычево въ свой ухѣтанный домикъ. Колычево было село совершенно иного ствойства — не то что какая-нибудь степная деревня. Тамъ былъ базаръ, лавки, лавочники, трактиръ съ шарманками, земскій фельдшеръ, школьный учитель, письмоводи-

толь мирового судьи, два три *брехуна* (такъ народъ прозвалъ адвокатовъ), судебный приставъ, и Ананій Иванычъ не замедлилъ со всѣми людьми этими свести знакомство. Пошли картишки, пирушки, вечеринки, пикники, и Ананій Иванычъ во всемъ этомъ принималъ самое дѣятельнѣйшее участіе, и когда собирались гости къ нему, началъ почему-то прятать отъ нихъ крапивниковъ. Висѣлъ у Агаша на стѣнѣ портретъ Владиміра Петровича — молодцомъ онъ былъ на портретѣ этомъ — но и портрету этому не посчастливилось; какъ-то пьяный Ананій Иванычъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, схватилъ портретъ этотъ со стѣны, бросилъ на полъ и принялся топтать каблуками. Агаша только ахнула, увидавъ все это, но не сказала ни слова. Сталъ Ананій Иванычъ попрашивать у Агаша денегъ, а когда та въ деньгахъ ему отъказывала, онъ уходилъ вонъ изъ дома и пьянствовалъ по нѣскольбу дней. Разъ возвратясь домой совершенно пьянымъ, онъ отдулъ Агашу и попрекнулъ коноплянниками. Агаша попытала было сказать, что онъ «зналъ кого беретъ», но Ананій Иванычъ только плюнулъ ей въ лицо...

И вотъ, радостная, веселая жизнь словно въ воду канула, и безслѣдно пропала.

Попреки стали повторяться все чаще и чаще; стали попрекать не только крапивниками, но даже домою, комодомъ, зеркаломъ и прочимъ, а когда Ананій Иванычъ, не довольствуясь и этимъ, принялся преслѣдовать крапивниковъ, то Агашѣ и вовсе пришлось жутко. Она какъ-то хотѣла разѣхаться съ мужемъ съ тѣмъ, чтобы жить одной въ своемъ домикѣ, но мужъ отъ нея не пошелъ и сталъ буянить еще больше. Она ходила просить объ удаленіи мужа къ старшинѣ, къ мировому; она говорила старшинѣ, кланяясь въ ноги: — «Ваше степенство, взойдите въ защиту, заставьте за себя вѣчно Бога молить...», а мировому: — «Ваше высокородіе, воля ваша, а жить съ мужемъ мнѣ не приходится...» Но ни старшина, ни мировой ничего путнаго сдѣлать не могли. Первый, принявъ важную позу предъ валавшейся у ногъ его женщиной, объявилъ, чтобы она не дурила и помнила, что мужъ есть глава жены, а второй, хотя и велѣлъ подать прошеніе *насчетъ побой*, хоть и посулилъ *проучить мелодя*, но ученіе это кончилось однимъ арестомъ, по окончаніи котораго еще болѣе озлобленный Ананій Иванычъ вышибъ супротивницѣ женѣ два переднихъ зуба и, сверхъ того, будучи музыкантомъ, разбилъ объ ея голову свою новую гитару. Не найдя защиты, Агаша бросила домъ и тайно переѣхала съ дѣтьми въ городъ. Въ городѣ она вздохнула свободнѣй, сняла себѣ квартиру и сдѣлалась бѣлошвейкой. Но въ городъ не замедлила прійти бумага отъ Ананія

Иваннча и полиція водворила Агашу на мѣсто жительства. Словно муха, попавшаяся въ паутину, заматалась Агаша, но чѣмъ болѣе металась она, тѣмъ болѣе чувствовала, что все крѣпче и крѣпче скручиваютъ ее по рукамъ и ногамъ. Пришлось идти *на сдѣлку*. Агаша дала мужу послѣдніе пятьсотъ рублей и Ананій Иваннчъ уѣхалъ, но, промотавъ деньги, явился снова, и прежняя, безысходная горькая мука начала доѣдать Агашу. На церковь она не могла смотрѣть хладнокровно; при видѣ на комъ бы то ни было обручальныхъ колець, она содрогалась... Разъ какъ-то зашла она на господское гумно... тамъ машина молотила рожь. Засмотрѣлась Агаша на молотьбу эту; снопы ныряли въ машину одинъ за другимъ, исчезали на минуту и выбрасывались вонъ по воздуху мелкой соломой, растрепанной, избитой. «Вотъ бы куда голову сунуть!» подумала она и, испуганная, поспѣшила прочь отъ стонавшей и гудѣвшей машины.

Крапивники, между тѣмъ, подросли: Аркашкѣ минуло десять лѣтъ, а Ваняткѣ восемь. Аркашка былъ шустрый и бойкій мальчишка—чистый Владиміръ Петровичъ. Стоило только увидеть ему, что Ананій Иваннчъ бьетъ его мать, какъ онъ скрипѣлъ зубами, сжималъ кулачки и налеталъ на него.—«Ты что это, паршивый!» крикнеть онъ, бывало, но могучая рука Ананія Иваннча размахивалась, раздавалась пощечина и мальчикъ летѣлъ къ баремъ. Ванятка *не налеталъ*, но онъ загоразивалъ собою мать и, подставляя подъ удары свою спину, заливался горючими слезами.

Бѣгала не разъ Агаша и къ попу выплакивать свое горе, но попу сопѣлъ, кряхтѣлъ, кашлялъ и тоже ничего путнаго придумать не могъ. «Терпѣть надо», говорилъ онъ, но мѣста, гдѣ бы розыскать это терпѣніе, не указалъ. Мѣсто это, однако, скоро начало обозначаться и Агаша стала какъ будто догадываться, гдѣ это терпѣніе; хотя и неясными чертами, но тѣмъ не менѣе мѣсто это стало ей какъ будто обрисовываться. Жизни она не жалѣла, она хотъ сейчасъ сунула бы голову въ молотилку, но при видѣ своихъ крапивниковъ, она падала духомъ и просила Бога не отнимать у нея жизни. Горячо просила объ этомъ Агаша, такъ же горячо, какъ просила она старшину и мировало *взойти въ защиту*, но и эта послѣдняя просьба, какъ и первая, осталась безъ исполненія. Агаша слабѣла, кашляла, харкала кровью, но все-таки просила и надѣялась.

При подобномъ положеніи дѣлъ, нечего, конечно, было мечтать и о матеріальномъ благополучіи. Деньги мало по малу израсходовались, а когда не стало денегъ было пущено въ оборотъ и движимое имущество. То шубку сначала заложать, а потомъ прода-

дуть, то платье шелковое, то серьги золотыя съ бирювой.. даже продано было зеркало, которое когда-то такъ ярко блеснуло на солнцѣ и заставило Агашу зашурить глаза. Когда снимали со стѣны это зеркало, Агаша вспомнила этотъ солнечный лучъ и слезы задушили ее. Тогда смѣялась Агаша, а теперь лучъ этотъ словно ножомъ скользнулъ по ея больному сердцу. Жалко было смотрѣть и на домикъ, и на садикъ Агашинъ. Домикъ какъ-то перекоксился; невыкрашенная крыша ржавѣла; нѣсколько ставень было вовсе оторвано. Не лучше было и въ садикѣ. Отъ корней деревьевъ лѣзли побѣги и, разрастаясь, сушили дерево; дорожки заросли—отъ нихъ не осталось и слѣда; плетень повалился... Словомъ, все какъ будто ждало только смерти Агашы, чтобы съ нею вмѣстѣ покончить и свое существованіе...

III.

Фельдшеръ Михаилъ Михайлычъ былъ правъ. Дѣйствительно, на графскихъ озерахъ утокъ оказалось великое множество. То и дѣло сотнями поднимались онѣ изъ камышей, высоко взвивались въ воздухъ и затѣмъ, постепенно опускаясь, кружились надъ озеромъ и падали въ камыши. Намъ, однако, ни одной не удалось убить. Фельдшеръ, разсерженный наглѣмъ поступкомъ *стѣжливца* Валетки, поролъ, что называется, горячку. Онъ то забѣгалъ впередъ, то бросался назадъ, то, завидя утокъ, начиналъ подползать къ нимъ на животѣ, какъ-то по лягушечьи раскорачивъ ноги, но во время маневровъ этихъ такъ сопѣлъ, возился и шумѣлъ, что спугивалъ утокъ, не успѣвъ приблизиться къ нимъ, и труды его пропадали. Мы палили и въ летъ и въ сидячихъ, но толку не было никакого; только одинъ разъ фельдшеръ подстрѣлилъ какъ-то одного чирка, послѣшно раздѣлся и бросился въ воду исполнять обязанности Валетки, но какъ ни гонялъ онъ за раненой птицей, а догнать таковой все-таки не могъ. Кончилось тѣмъ, что злополучный фельдшеръ выбился изъ силъ, а чирокъ уплылъ въ камыши, гдѣ и пропалъ безслѣдно.

— Нѣтъ, не задача! крикнулъ фельдшеръ.—Надо злой часъ пересидѣть. А все этотъ дурацкій Ананій, чтобы черти его побрали, скотина этакая!..

— Онъ-то чѣмъ же виноватъ?

— Какъ чѣмъ? помидуйте!.. И дернуло же его, подлеца, прости Господи, навстрѣчу выйти... Вѣдь онъ намъ первый-то встрѣтился... «Счастливой охоты, со мной подѣлитесь!» передразнилъ фельдшеръ Ананія Иванца и, дрожа отъ холода, принялся

влѣзать въ свои панталоны. Нѣтъ, надо на пчельникъ къ Парѣенчу идти...

И, взглянувъ на солнышко, онъ спросилъ скороговоркой:

— А что, часовъ двѣнадцать будетъ?

Я посмотрѣлъ на часы; было двѣнадцать безъ четверти.

— Ну, вотъ видите—самое время... И закусить пора...

Мы оставили озера и пошли по направленію къ пчельнику Ивана Парѣенчу.

Иванъ Парѣенчъ былъ изъ дворовыхъ и, какъ большинство людей этого званія, определенныхъ занятій не имѣлъ, къ серьезному труду былъ неспособенъ и измощенничался до того, что только о томъ и помышлялъ, какъ бы его надуть. Этимъ только Иванъ Парѣенчъ содержалъ себя и свою супругу Матрону Васильевну. Людей такихъ по деревнямъ нашимъ легіоны; это одинъ изъ видовъ нашей зародившейся деревенской буржуазіи, захватившей въ свои лапы простоватое крестьянское сословіе. Какъ Иванъ Парѣенчъ, такъ равно и супруга его, Матрона Васильевна, какъ истые буржуа, считали себя, конечно, людьми образованными; передъ мужиками надменно поднимали носъ; называли ихъ *кацанами* и грубыми натурами, невѣжественной, сволочью, и совершенно забывали, что, не будь этой сволочи они давно бы умерли съ голоду. Иванъ Парѣенчъ ходилъ по нѣмецки, т. е. одѣвался въ коротенькіе *тимжаки* и узенькія панталоны, а Матрона Васильевна радилась въ платья со шлейфами, мантильи и шляпки. Главная дѣятельность Ивана Парѣенчу заключалась въ аферахъ. Онъ то сниметъ землю подъ бахчи, построить шалашъ и вмѣстѣ съ супругой, которую, мимоходомъ сказать, билъ смертными боями, живетъ все лѣто въ шалашѣ, обманывая и обсчитывая своихъ рабочихъ. То снималъ въ аренду рыбныя ловли, то фруктовыя сады, и всегда кончалъ тѣмъ, что всю осень и зиму не выходилъ изъ камеры мирового судьи. Тамъ въ камерѣ этой, стоя передъ столомъ судьи, онъ корчилъ жалкую фізіономію, лгалъ, клялся, божился, говорилъ: «лопни мои глаза, лопни моя утроба», укорялъ истцовъ въ отсутствіи страха божьяго, въ забвеніи смертнаго часа и страшнаго суда Господняго, и отъ всѣхъ своихъ долговъ отрезался. Несмотря, однако, на все это, ни у Ивана Парѣенчу, ни у его супруги не было ни гроша, потому что, какъ только заводились у нихъ деньги, такъ они немедленно и исчезали, и расходовались на пустяки. Матрона Васильевна любила наряды, любила орѣхи, карамели и даже въ шалашахъ радилась въ мантильи и шляпки.

Мѣсяць зашелъ ужъ за тучку,
Не хочетъ по небу гулять...

пѣла она, бывало, сидя на бахчахъ въ шалашѣ, а Иванъ Парѣнычъ, подскочивъ, подхватывалъ:

Ахъ, дайте же вашу мнѣ ручку
Къ пылкому сердцу прижать!
Что намъ до шумнаго свѣта,

гѣли они уже дуэтомъ:

Что намъ друзья и враги,
Было бы сердце согрѣто .
Жаромъ взаимной любви!

Но, немного погода, жаръ взаимной любви замѣнялся жаромъ гнѣва и въ кровь избитая Матрена Васильевна лежала гдѣ-нибудь въ углу шалаша, стоная и охая отъ нанесенныхъ ей побоевъ.

Какъ только стали мы приближаться къ пчельнику, такъ по лѣсу раскатился неистовый лай почувшей насъ собаки и громъ цѣпи. Лай этотъ, превращавшійся иногда въ какой-то вой и визгъ, хотя и рекомендовалъ пса съ самой похвальной и усердной стороны, но тѣмъ не менѣе какъ-то неприятно дѣйствовалъ на нервы; такъ и казалось, что вотъ-вотъ пѣсь этотъ сорвется съ цѣпи, бросится на грудь и, поваливъ на землю, растерзаетъ на части.

Иванъ Парѣнычъ встрѣтилъ насъ у воротъ пчельника и весело кричалъ:

— А! очень рады! прошу покорно... Вотъ не ожидалъ-то!.. Ба, и ты тоже, Михайло Михайлычъ... очень радъ... пожалуйте...

Мы поздоровались.

— Откуда? съ охоты! Очень радъ... А гдѣ же дичь-то?.. нѣтъ дичи... Плохо, плохо! спрашивалъ и отвѣчалъ одновременно развязный Иванъ Парѣнычъ. И, обратясь къ фельдшеру добавилъ:

— Я было за тобой, государь мой, посылать хотѣлъ...

— Что такое случилось? спросилъ фельдшеръ.

— Да что, вообрази: пошла вчера Матрена въ погребъ, сорвалась съ лѣстницы, да головой-то прямо объ калушешу... Физиономія теперь—вотъ какая!

И Парѣнычъ, поднявъ руки къ лицу, показалъ размѣръ физиономіи своей супруги.

— Ну, а ты-то самъ какъ поживаешь?

— Известно. скучно; какое ужъ тутъ на пчельникѣ веселье!.. Живемъ словно пустынники, людей не видимъ (и что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ не знаемъ...

И бесѣдуя такимъ образомъ, мы вошли подъ навѣсъ, устроенный вокругъ избы и въ ту же минуту услышали раздавшійся въ избѣ стонъ:

— Ой, родимые, смертынька моя! ой, помогите, умираю...

— Чу! слышишь? спросилъ Парѣнычъ.

Т. ССXLVII.—Отд. I.

— Это кто?

— Жена... Ты посмотри ради Господа...

— Да можетъ это она такъ только... модничасть!.. проговорилъ фельдшеръ и засмѣялся.

— Какое тутъ модничасть... говорю всю физиономію въ дребезги расколотила.

— Ну, ладно, ладно... А ты вотъ что, милый человѣкъ, насчетъ закусокки похлопочи... Ысть страсть хочется!..

— Чайку развѣ?..

— Чайку, яшшенки...

— Ладно, ладно.

— А я поважѣсть посмотрю пойду.

И оба они нырнули въ небо, съ тою только разницею, что фельдшеръ пошелъ къ больной, а Пароенычъ остался въ сѣняхъ, чѣмъ-то постуцалъ и погромѣлъ въ сѣняхъ этихъ, обручалъ, что-то проклятымъ, затѣмъ вынесъ столъ, поставилъ его передо мной, вдавилъ въ землю ножки и, убѣдившись, что столъ не качается, снова нырнулъ въ сѣни и вытащилъ оттуда самоваръ.

— Аркашка! крикнулъ онъ, вытряхая угли. — Аркашка! гдѣ ты?

— Здѣсь! отозвался звонкій дѣтскій голосъ изъ сосѣднихъ кустовъ тальнива.

— Подъ сюда!

— Сейчасъ...

— Скорѣй, нужно.

— Иду, иду.

— Скорѣй!

И, проговоривъ это, Иважъ Пароенычъ опять сбѣгалъ въ сѣни и вынесъ оттуда ящикъ съ углями и трубу отъ самовара. Тѣмъ временемъ показался изъ кустовъ Аркашка. Онъ былъ босикомъ, съ засученными выше колѣнъ штанишками и въ ситцевой рубашенкѣ съ разстегнутымъ воротомъ. Онъ несъ въ рукахъ ведро и, едва выбравшись изъ кустовъ на площадку пчельника, крикнулъ весело:

— Смотри-ка, дяденька, сколько я рыбы-то наловилъ!

— Много?

— Уха добрая будетъ. А какая рыба-то! продолжалъ мальчикъ, входя подъ навѣсъ; и, усѣвшись на ворточки, принялся вынимать изъ ведра трепетавшихся серебристыхъ окуней. — Смотри: словно одинъ въ одному...

— А вѣдь и правда рыба-то дѣльная. Это, значитъ, уху сварить! Послѣ охоты-то горяченькаго похлебать не душно.

— Только вотъ ногу шибко порѣвалъ! проговорилъ Аркашка и принялся разсматривать рану на ногѣ.

— Чѣмъ это ты ухитрился?

— Должно раковинной...

— То-то вотъ, подѣ ноги-то смотрѣть надо! училъ Пареенычъ. Аркашка даже засмѣялся.

— Тогда, пожалуй, лбомъ на что-нибудь наткнешься! проговорилъ онъ.

— Однако, вотъ что! проговорилъ Пареенычъ торопливо.— Возьми-ка ведро, да валяй на родникъ за водой... Только смотри проверишь, на мвину-то небольшо засматривайся.

— Нѣтъ ужъ ея, малины-то; обобрали всю...

И, переложивъ въ обширную деревянную чашку наловленную Аркашкой рыбу, Пареенычъ подавъ ему ведро.

— Ну-ка, бѣги! проговорилъ онъ.— Да спѣлосни, смотри, ведро-то.

— Знаю.

Мальчикъ взявъ ведро и пустился бѣгомъ въ припрыжку по направленію къ роднику. Точно заяцъ проскакалъ онъ по площадке, уставленной ульями, и скрылся въ кустахъ.

Читатель, конечно, догадывается, что мальчикъ этотъ тотъ самый Аркашка — сынъ Агаеи Степановны, о которомъ мы говорили выше.

Между тѣмъ, изъ избы вышелъ и фельдшеръ. Ушибы Матрены Васильевны оказались по осмотру хотя и значительными, но не опасными, и потому Михаилъ Михайлычъ, кромѣ холодныхъ жомпрессовъ, ничего болѣе не посоветовалъ. Иванъ Пареенычъ видимо успокоился; онъ сбѣгалъ за холодной водой, обложилъ голову больной мокрыми тряпками и, совершивъ это, снова вернулся подѣ навѣсъ съ чайникомъ и чашками въ рукахъ. Едва ли не больше Парееныча обрадовался фельдшеръ при видѣ рыбы, наловленной Аркашкой. Проголодавшійся Михаилъ Михайлычъ такъ умилится при мысли о предстоящей ужѣ, что въ ту же минуту потребовалъ себѣ ножикъ и отправился къ ручью чистить и мыть рыбу. Едва скрылся онъ изъ виду, какъ въ кустахъ послышался трескъ, а вслѣдъ затѣмъ выбѣжалъ на площадку и Аркашка. Все еще съ засученными штанишками, онъ вылетѣлъ на площадку съ ведромъ воды, и, перенося его изъ одной руки въ другую, изгибался подѣ тяжестью его то въ ту, то въ другую сторону. Лицо его было совершенно багровое, глаза горѣли, волосы развѣвались; онъ съ трудомъ переводилъ духъ, но видно было, что вся торопливость эта происходила не отъ утомленія, а словно отъ какого-то волненія, котораго сдержатъ онъ былъ не въ силахъ. И дѣйствительно, не добѣжавъ еще до навѣса, Аркашка крикнулъ мнѣ на ходу.

— Дяденька! дай мнѣ ружьца, ради Господа!

*

— Зачѣмъ это? спросилъ я не безъ удивленія.

— Нужно...

— Что ты съума что ли сошелъ! вскрикнулъ Пароennyчъ.

— Дай, ради Бога.

И, вбѣжавъ подъ навѣсъ, онъ поспѣшно поставилъ на землю ведро съ водой и, подойдя ко мнѣ, заговорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Утокъ дивихъ я видѣлъ... страсть сколько!.. Тамъ, на Долгомъ озерѣ плаваютъ... не сочтешь сколько... И подкрасться къ нимъ способно; все камыши, да тальники... Дай, миленькій...

— А ты стрѣлялъ когда-нибудь? спросилъ я.

— Однава стрѣлялъ какъ-то!.. кузнецъ ружье давалъ—я въ дверь и выстрѣлилъ.

— И попалъ?

— Попалъ! Ну, давай же поскорѣе, я не сломаю...

— Да я не за ружье боюсь, а за тебя; побѣжишь, упадешь и какъ-нибудь застрѣлишься, пожалуй.

Аркашка даже обидѣлся.

— Господи! что же я? маленький что ли? Поди, я смыслю!..

И онъ сказалъ это съ такою увѣренностію въ свою смышленность и такимъ убѣдительнымъ тономъ, что я не устоялъ и далъ ему ружье.

— Смотри же, осторожнѣй!

Но Аркашка даже и вниманія не обратилъ на мое предостереженіе и только, схвативъ ружье и окинувъ его внимательно серьезнымъ взглядомъ, спросилъ, сдвинувъ брови:

— Двуствольное?

— Да.

— Какъ же изъ него стрѣлять-то? Тутъ двѣ собачки; за которую же тянуть-то?

— Какъ будешь стрѣлять изъ праваго ствола, то тани за правую.

— Такъ, такъ, такъ! перебилъ меня Аркашка.—Эко я не сообразилъ чего!..

И вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:

— Ну, теперь вотъ что, милый человѣкъ: далеко оно бьетъ? Какъ до тѣхъ кустовъ хватить?

— Дальше.

— Ладно. Теперь давай мнѣ пистончиковъ, а то, бываетъ, осѣчка выдетъ!

— Это ружье бьетъ безъ осѣчки.

— Ну-у! удивился Аркашка.

— Вѣрно.

— Ну, спасибо.

И Аркашка стремглавъ бросился по той же тропинкѣ, по которой только-что прибѣжалъ съ ведромъ воды. Иванъ Парёнычъ тѣмъ временемъ успѣлъ налить въ самоваръ воды, наложилъ углей и принялся раздувать ихъ какимъ-то старымъ сапогомъ.

— А этотъ не таковой, какъ Ванятка! проговорилъ я.

— Аркашка-то? словно на лету поймалъ Иванъ Парёнычъ мое замѣчаніе.

— Да.

— Этотъ шустрый! бѣдовый!.. Этого даже Ананій Иванычъ и то боится...

— Неужели?

— Ей-ей боится... Онъ съ нимъ зубъ за зубъ. Тотъ слово, а этотъ десять!

— А все-таки дѣла-то ихъ плохи! замѣтилъ я. — Говорятъ, Агаея Степановна совершенно умираетъ. Сегодня мы встрѣтили Ананія Иваныча. Ужъ онъ и свѣчей и воды для омовенія пригото­вовилъ, такъ и полагалъ, что ночью умретъ.

Ивана Парёныча словно кто въ бокъ кольнулъ.

— Подумайте! вскрикнулъ онъ, подскочивъ ко мнѣ.—И это мужъ своей женѣ называется!.. Подумайте! И какъ это земля носить только подобныхъ варваровъ!.. Господи, нравы-то какіе у насъ все еще грубые!.. Вѣдь страшно подумать, чего только не дѣлалъ съ нею этотъ самый Ананій Иванычъ... и это мужъ называется!.. Подумайте!.. На мѣсто того, чтобы любить и беречь жену, какъ самимъ Богомъ повелѣвается, онъ все въ зубы, да въ зубы!.. А вѣдь тоже на себѣ крестъ носить, въ храмъ Божій ходить, у исповѣди и у святого причастія бываетъ!..

И, глубоко вздохнувъ, Иванъ Парёнычъ принялся снова за самоваръ. Тишина была кругомъ невозмутимая; лѣсъ былъ неподвиженъ, словно замеръ онъ подъ вліяніемъ полдневнаго жара и только пчелы, носясь въ раскаленномъ воздухѣ, жужжали какую-то грустную и заунывную пѣсню, да изрѣдка изъ раствореннаго окна избы доносились стоны и оханья Матрены Васильевны.

— Что, миленькая, нѣтъ облегченья? спрашивалъ каждый разъ Парёнычъ, подбѣгая къ окопечку избы.

— Охъ, нѣтъ, тяжело... головушку разломилло...

— Охъ, горе мое, горе! вздыхалъ Парёнычъ и отчаянно хлопалъ себя руками по бедрамъ.—Ужъ ты почаще голову-то водичей студеной помачивай... можетъ легче будетъ!.. Ахъ, горе! ахъ, горе какое!..

IV.

Долго ли сокрушался такимъ образомъ Иванъ Пареевичъ, я не знаю, потому что, слышавъ раздавшійся не подалеку выстрѣлъ и сообразивъ, что выстрѣлъ этотъ произведенъ Аркашкой, я оставилъ пчельникъ и пошелъ по направленію выстрѣла. Миновавъ частые кусты тальника и перейдя по перекадинѣ бѣжавшій по мхамъ ручеекъ, я очутился въ лѣсу. Сырость, пропитанная запахомъ грибовъ, охватила меня; избытокъ воды въ мѣстности замѣчалось повсюду. Все было кругомъ тихо, даже лай собаки на пчельникѣ и громъ цѣпи становились все тише и тише и, наконецъ, совсѣмъ замолкли. Величавая тишина лѣса, сопровождаемая таинственнымъ шопотомъ листьевъ, царилла повсюду. Гдѣ-то кукушка куковала, да такъ долго, что я даже усталъ считать ея кукованья; словно она, какъ какой-нибудь монахъ, давшій обѣтъ проговорить тысячу разъ «Господи помилуй», исполняла свой обѣтъ, кланяясь и кукуя сидя на вѣткѣ. Шатеръ лѣса раскидывался на далекое пространство, и какъ легко и прохладно было идти подъ этимъ шатромъ; онъ былъ такъ густъ и такъ роскошно перевитъ ползучими лозами хмѣля, что солнце съ трудомъ пробивало эту сплошную зелень листьевъ. Но вотъ не подалеку шатеръ этотъ какъ будто прорвался, въ глаза бросился клочекъ неба, послышалось криканье утокъ, блиснуло зеркало воды, освѣщенное солнцемъ, и я подходилъ къ Долгому озеру. Но едва поровнялся я съ окружающими озеро деревьями, какъ увидѣлъ притаившагося въ камышахъ совершенно нагого Аркашку. Заслышавъ мои шаги, онъ обернулъ голову и, торопливо махнувъ мнѣ рукой, снова припалъ къ камышамъ. Я остановился и, спрятавшись за кустъ, присѣлъ на мягкую траву. Ясно было, что Аркашка что-то видѣлъ и что-то сторожилъ, но что именно я разглядѣть не могъ. Я видѣлъ только лежавшаго на животѣ голаго Аркашку съ протанутымъ впередъ ружьемъ и темную зелень камыша, возвышавшагося сплошной стѣной какъ разъ передъ глазами мальчугана. Такъ выждать и такъ подкарауливать можетъ только тотъ, кто одаренъ несокрушимымъ терпѣніемъ и, какъ видно, Аркашка таковымъ обладалъ. Ни головой, ни руками, ни плечами онъ не шевелилъ ничуть и только изрѣдка сучилъ ножонками, сгоняя комаровъ и почесывая ихъ укомы. Вдругъ онъ словно ушелъ въ траву, пригнувъ направо голову, приподнял правое плечо и выстрѣлъ раздался..

— Тутъ! крикнулъ онъ радостно, выскочивъ изъ облака пороховаго дыма. — Тутъ!

И, положивъ ружье на землю, бросился стремглавъ въ камыши. Вслѣдъ затѣмъ послышалось частое всплескиваніе воды и утки встрепелулись. Испуганными стаями кружились онѣ надъ озеромъ, то поднимаясь, то опускаясь, то скучиваясь, то вытягиваясь ломанной линіей. Воздухъ наполнился крикомъ и свистомъ крыльевъ... Я поспѣшилъ къ озеру и увидалъ Аркашку; онъ плылъ уже обратно къ берегу и держалъ въ зубахъ убитую утку.

— Тамъ еще одна! крикнулъ онъ, увидавъ меня и бросая утку на берегъ.—Еще одна подстрѣленная...

И, повернувъ назадъ, онъ бросился въ воду и снова поплылъ.

Дѣйствительно посреди самаго озера съ перебитымъ крыломъ плавала другая утка, но поймать ее Аркашею стоило большого труда. Какъ только подплывалъ онъ къ ней, такъ утка немедленно бросалась въ сторону и, торопливо хлопая удѣлѣвшимся крыломъ, словно бѣжала по гладкой поверхности воды. Такъ продолжалось минутъ съ десять; наконецъ, Аркашею удалось прижать утку къ камышамъ, запутавшимся въ которыхъ перебитымъ крыломъ, она попала въ руки Аркашки.

— Вотъ она! крикнулъ онъ и, приколотивъ утку, поплылъ съ нею.

— Гдѣ же твое платье? спросилъ я Аркашку, когда онъ весь сіяющій и торжествующій стоялъ возлѣ меня съ посягившими губами и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Тамъ, въ той сторонѣ! крикнулъ онъ, махнувъ рукой направо.—Тамъ у меня еще три утки!

— Какъ три?

— Три матѣрыхъ! Въ первый разъ я трехъ убилъ; выждалъ когда онѣ въ кучку собрались, и трахнулъ.

И, рассказывая такимъ образомъ про свою охоту, Аркашка подпрыгивалъ съ одной ножонки на другую и поминутно шлепалъ себя по голому тѣлу ладонью, убивая кусавшихъ его комаровъ и оводовъ.

Немного погодя, мы были у того мѣста, гдѣ лежало Аркашино платье. Онъ приподнялъ его и показалъ мнѣ трехъ утокъ.

— Я нарочно прикрылъ ихъ, говорилъ онъ, надѣвая рубашенку.—А то, чего добраго еще налетитъ ястребъ... Ну, теперь мамка надолго будетъ провизинъ; мамка смерть какъ дняхъ утокъ любить... Вотъ обрадуется-то, когда узнаетъ, что я самъ настрѣлялъ ихъ...

И, всунувъ ноги въ штанишки, но все еще не застегнувъ ворота рубахи, онъ проговорилъ, щелкая зубами:

— Ну, даденька, ружье у тебя важное!

- Да, хорошее...
- Дорого заплатилъ?
- Двѣсти пятьдесятъ рублей.

Аркашка даже ротъ разинулъ, даже опустилъ руки, поднятыя было съ цѣлью застегнуть воротъ рубахи.

- Ассигнаціей?
- Нѣтъ, серебромъ.
- Ну-у?
- Правда.

Аркашка посмотрѣлъ на меня не то съ сожалѣніемъ, не то съ укоривной и проговорилъ нараспѣвъ:

— Господи, денги-то какія ты ухлопалъ!.. восемьсотъ семьдесятъ пять рублей... Ахъ ты, головушка горькая!..

Онъ взялъ ружье, осмотрѣлъ его кругомъ и покачалъ головой

— Ну, ружьецо!.. и потомъ вдругъ почти вскрикнулъ:—нѣтъ, вонъ нашъ кузнецъ, Егоръ Иванычъ, трѣшницу всего за ружье-то далъ, а вѣдь какъ важно палить. Только опосля щека все пухнетъ, *отдаетъ*, значить... такъ ужъ онъ, Егоръ-агъ Иванычъ, все лѣто кесомордый и ходитъ. Я тоже, намедни, какъ въ цѣль-то стрѣлялъ, тоже боль чувствовалъ... ломота, значить, въ скулѣ дня три стояла.

И затѣмъ, вынувъ изъ кармана штановъ гребешечикъ, добавилъ:

— Ну-ка, расчешу-ка я печальную головушку развеселымъ гребешкомъ!..

Немного погодя, мы были уже на пчельникѣ.

Тамъ тоже всё какъ будто расчесались развеселымъ гребешкомъ; счастье и спокойствіе было полное. Михайлъ Михайлычъ и Иванъ Пареевичъ, сидя подъ навѣсомъ за накрытымъ пестрой скатертью столомъ, попивали себѣ чаекъ; даже стонавшая все время Матрена Васильевна и та выползла изъ темной избенки, и вся обложенная мокрыми тряпками и съ мокрымъ же окровавленнымъ полотенцемъ на головѣ, сидѣла за столомъ и, какъ подобаетъ настоящей хозяйкѣ дома, съ достоинствомъ разливала чай. При видѣ Матрены Васильевны, Аркашка даже расхохотался.

— Вотъ тѣ разъ! шепнулъ онъ.—А я думалъ, что она ужъ и не встанетъ!..

— Почему?

— Какъ почему? вы посмотрѣли бы, какъ ее вечеръ Пареевичъ-то отколотилъ!..

— Какъ отколотилъ? Вѣдь она въ погребѣ упала!..

— Ну, какой тамъ погребъ!.. Ахъ, и рѣзко билъ только! вытащилъ ее за косы на площадку, схватилъ оглоблю и давай съ

плеча молотить по чемъ ни попало. Разъ какъ-то по головѣ угодила, такъ она тутъ же словно снопъ на землю повалилась... Ужь мы ее замертво въ избу-то втащили!..

— И ты тоже тащилъ?

— Какже! вѣдь я здѣсь ночевалъ-то!.. все при мнѣ и было..

Мы вышли на площадку, на которой вчера Иванъ Парёнычъ производилъ «молотьбу», и онъ какъ только замѣтилъ насъ, такъ въ ту же минуту прокричалъ любезно:

— Пожалуйте-съ, и чай, и уха готовы!.. Вотъ что значить хозяйка встала!.. безъ хозяйки плохо-съ!.. Однако, позвольте представить: супруга моя Матрена Васильевна.

— Очень пріятно познакомиться! жеманно проговорила она.— Ужь извините только, что въ такомъ видѣ; вчера, признаться, оступилась и упала...

— Однако, Матреша, а бы посовѣтовалъ тебѣ въ избу идти! проговорилъ Иванъ Парёнычъ.

— А что, Ваничка? спросила Матрена Васильевна.

— Да такъ, неловко!.. Ты вся въ крови, а мы тутъ чай пить будемъ... смотреть не хорошо!..

— Охъ, Ваничка! ужъ въ избѣ-то очень душно!.. Можетъ, и голову-то у меня отъ самой отъ этой духоты еще пуще ломить!.. Здѣсь, на вѣтеркѣ-то словно какъ лучше...

— Такъ-то такъ, да смотреть-то не хорошо...

— Я лучше платкомъ накроюсь...

— Ну, накройся, а то ужъ тряпка-то у тебя не хорошая такая!..

— Ну, я пойду накроюсь!.. какъ-то нараспѣвъ проговорила Матрена Васильевна и медленно, охая и хватаясь рукой то за бока, то за поясницу, ушла въ избенку.

— Вѣдь вонъ какъ хватилась! проговорилъ Иванъ Парёнычъ, провожая взглядомъ уходившую Матрену Васильевну.— Теперь еще слава Богу, а то ночью, не повѣрите, какъ только вздохнетъ, такъ и вскрикнетъ! колотье, значить, въ боку-то стояло!.. Всю-то ноченьку я съ нею промаялся!.. Ну, да пушай на воздухъ посидить маленечко—можетъ легче будетъ, а то въ избѣ-то и правда отъ духоты-то не продохнешь...

И, подавая мнѣ стаканъ чая, Иванъ Парёнычъ продолжалъ:

— Воздухъ во всякой болѣзни большое приноситъ облегченіе; обдуетъ вѣтеркомъ и легче, тѣмъ паче здѣсь, у насъ... У насъ вѣдь здѣсь рай земной; дышешь свободно!.. Сами сообразите: лѣсъ кругомъ, травы разные, цвѣты... здѣсь, у насъ, всякая, кажется, болѣзнь отъ одного только легкаго воздуху, безо всякихъ лекарствъ, должна исчезнуть...

— Особливо здѣсь, на пчельникѣ!.. подхватила Матрена Васильевна, выползая изъ избы, накрытая голубымъ шалевымъ платкомъ и, какъ видно, вслушавшись въ слова супруга.—Здѣсь у насъ такъ хорошо! живемъ словно на дачѣ; тишина, никто не пройдетъ, ни пройдетъ... только вотъ собака одна ужъ очень шибко лаеетъ, да цѣпью гремитъ... а кабы этого не было, такъ, кажись, важную маленькую пташку и ту слышно было бы, какъ она распѣваетъ!..

Фельдшеръ только посмѣивался.

— Вотъ ты смѣешься! проговорилъ Иванъ Пареевичъ:—а вѣдь это вѣрно... Здѣсь очень даже хорошо!..

— Я вѣрно замѣтилъ Михаилъ Михайличъ.

Немного погода, мы принялись за уху, но не прошло и пяти минутъ, какъ будто вопреки пропѣтому Матреной Васильевны гимну тишинѣ, царившей на пчельникѣ, по лѣсу раздался быстрый топотъ лошади. Топотъ этотъ раздавался по дорожкѣ, бѣжавшей изъ села Колычева на пчельникъ Ивана Пареевича. Всѣ притихли и съ какимъ-то напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ топоту, все ближе и ближе раздававшемуся. Заслышавъ топотъ этотъ, собака опять словно сбѣсилась. Съ дикимъ лаемъ и визгомъ принялась она бросаться во всѣ стороны, поднималась на задніе лапы, но, опрокинутая цѣпью, принималась грызть эту цѣпь зубами и въ безсиьной злобѣ визжала еще сильнѣе; раза два вскакивала на будку, опрокинула корытце съ помоями и, какъ ни кричали на нее Иванъ Пареевичъ и Матрена Васильевна, а собака ни прекращала своего неистоваго лая до тѣхъ самыхъ поръ, пока на площадку не выскакалъ изъ окружавшаго лѣса на покрытой лѣной лошадеиѣ мужикъ въ бѣлой холщевой рубахѣ и зимней овчинной шапкѣ.

— Ты что? спросилъ его Иванъ Пареевичъ.—Ко мнѣ, что ли?

— Ничто, къ вамъ.

— Зачѣмъ?

— Крапивникъ Агаеи Степановникъ у васъ, что ли?

Ареашка въ одну минуту подскочилъ къ мужику.

— Здѣсь я! проговорилъ онъ.—Что тебѣ?

— За тобой. Мамка твоя померла.

Слова эти ошеломили всю компанію, Ареашку же словно кто по лбу бухомъ ударилъ. Онъ пошатнулся, поблѣднѣлъ, оглянулъ всѣхъ испуганнымъ взглядомъ и сталъ, какъ врытый въ землю.

— Померла? переспросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Кончилась...

— Давно?

— Въ обѣдъ въ самый.

Въ эту минуту позади насъ что-то упало; мы оглянулись и увидали Арешку, сваливагося на скамью. Злосчастный крапивникъ; только что восхищавшійся убитыми утками, сидѣлъ теперь на скамьѣ и, закрывъ лицо руками, заливался какимъ-то отчаяннымъ воплемъ.

— Доканаль-таки, разбойникъ! проговорилъ Иванъ Пареннычъ и, съ негодованіемъ махнувъ рукой, даже плюнулъ.

V.

Въ деревняхъ, гдѣ на смерть и на жизнь смотрятъ съ крайне равнодушной точки зрѣнія (не смѣшивается-ли иногда это равнодушіе съ геройствомъ?), похороны умершихъ справляются большею частью торопливо, безъ особыхъ затѣй, такъ какъ хлопотать за ними некому и некогда. Всякій живой только о томъ и думаетъ, какъ бы поскорѣе опростать избу отъ покойника; даже отпѣваніе и то совершается «на почтовыхъ», какъ будто покойники эти въ тягость и самимъ понамъ. Гробы сколачиваются быстро... Всякій заботливый смертный еще за-живо припасаетъ себѣ досокъ на *домовину*, чтобы, умеревъ, не обременять хлопотами оставшихся въ живыхъ домашнихъ. Утромъ человѣкъ умеръ, а къ вечеру, смотришь, тащатъ уже покойника на кладбище и лѣнивый попъ, лѣниво махая пустымъ кадиломъ, поетъ съ дьячками «Святый Боже»!.. Но бываетъ и такъ, что даже не изъ чего домовину сколотить; въ степныхъ мѣстностяхъ это случается сплошь да рядомъ, и тогда начинается бѣготня изъ двора во дворъ; у одного выпросить дощечку, у другого тесинку, и гробъ собирается съ трудомъ и кое-какъ. Мнѣ разъ привелось видѣть младенца, положенаго не въ гробикъ, а просто въ ящикъ съ надписью: «Италянскія макароны», да и этотъ ящикъ былъ украденъ отцомъ умершаго у сосѣда-помѣщика.

Не такъ, однако, устроилъ похороны своей супруги убитый горемъ Ананій Иванычъ. Гробъ Агаѣи Степановны былъ сдѣланъ столяромъ, выкрашенъ черной краской и обитъ внутри бѣлымъ коленкоромъ. Всѣмъ этимъ занимался Иванъ Пареннычъ, который тотчасъ же послѣ того, какъ обругалъ Аманія Иваныча *разбойникомъ*, отправился вмѣстѣ съ Михаиломъ Михайлычемъ въ село Колычево. Оба они чувствовали, что дѣло не обойдется безъ надлежащихъ поминокъ, и потому поспѣшили со словами утѣшенія къ растерявшемуся вдовцу. Иванъ Пареннычъ даже не забылъ захватить съ собою утокъ, убитыхъ Арешкой *дѣ* своей «мамки», справедливо соображая, что дачъ эта можетъ разыграть довольно замѣтную роль за обѣденнымъ столомъ, не

говоря уже о томъ, что хоть нѣкоторымъ образомъ будетъ согласоваться съ желаніемъ мальчугана. Ананій Иванычъ очень обрадовался, увидавъ вошедшихъ въ комнату пріятелей и, заливаясь слезами, принялся вѣриво обнимать ихъ. Иванъ Парёнычъ поспѣшилъ съ словами утѣшенія, подтвердивъ, что рано ли, поздно ли всё тамъ будемъ, а Михаилъ Михайлычъ вздохнулъ и, отмахнувъ свалившіеся на лобъ волосы, постоялъ нѣсколько минутъ въ благоговѣйномъ размышленіи. Затѣмъ, онъ подошелъ къ покойницѣ, взялъ ея за пульсъ (при чемъ, по привычкѣ, вынулъ было карманные часы), приложился ухомъ къ сердцу и, убѣдившись, что все это перестало биться, подошелъ къ Ананію Иванычу.

— Ну, что? спросилъ тотъ.

Но Михаилъ Михайлычъ, вмѣсто отвѣта, только погрызъ усы и, поддернувъ панталоны, вздохнулъ. — Готова, дескать!

Затѣмъ, сдѣлавъ еще по одному земному поклону, они перешли въ другую комнату, въ которой стояла закуска и водка, и печальный вдовецъ, выпивая самъ, усердно просилъ о томъ же пришедшихъ раздѣлить его горе. Однако, Иванъ Парёнычъ какъ часто ни прикладывался къ графинчику, а все-таки не забывалъ, что онъ находится у такого вдовца, у котораго хлопотать о похоронахъ некому, и потому принялся за дѣло со всею энергіею. Все дѣлалось подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и ничто не ускользало отъ его заботливаго вниманія. Подъ его наблюденіемъ ставилось тѣсто для блиновъ и пироговъ, ошпаривались утки и кури, заготовлялся студень, а когда онъ узналъ, что у Ананія Иваныча нѣтъ ни гроша денегъ, то онъ самъ отперъ шкафъ Агаеи Степановны и, вынувъ оттуда два шелковыхъ платья и кстаті захвативъ лично для себя какую-то коробочку съ золотыми серьгами и брошкой, отправился продавать платья. «Покойницѣ теперь не до нарядовъ, разсуждалъ онъ: — теперь надо подумать о вѣчномъ ея успокоеніи», и, продавъ за безцѣнокъ платья, вырученныя деньги передалъ Ананію Иванычу, а коробочку съ серьгами оставилъ себѣ на память.

Изъ пузырька, принесеннаго Ваняткой, какъ я узналъ впоследствии, Агаея Степановна успѣла выпить только одну ложку лекарства и именѣно въ то самое время, когда мы, проѣзжая мимо ея домика, остановились поговорить съ Ананіемъ Иванычемъ. Отъ умиравшей не ускользнуло, однако, ни красное, надранное Ванятѣ ухо, ни вытертыя на-скоро слезы, но, при видѣ всего этого, Агаея Степановна ничего не сказала. Только, принявъ лекарство, она погладила Ванятку по головѣ, долго смотрѣла ему въ лицо своими мутными широкими глазами

томъ закрыла эти глаза. Такъ съ закрытыми глазами лежала она почти до самой смерти, только передъ смертью она ихъ открыла, и то на одну секунду; лучъ солнца, отразившись въ позолоченной ризѣ иконы, ударилъ ей прямо въ глаза.—«Точно тогда зеркало!» прошептала умиравшая—и вскорѣ ея не стало.

Часовъ въ шесть вечера пришелъ попъ и приступили къ служенію первой панихиды. Набралось десятка два вздыхавшихъ старухъ, встали эти старухи вдоль стѣнокъ, а впереди ихъ помѣстился Ананій Иванычъ съ гостями. Попъ надѣлъ черную ветхую ризу, зажегъ цѣлый пучъ желтыхъ пятачныхъ свѣчей, первую свѣчку подаль Ананію Иванычу—за что тотъ поцѣловалъ его руку—роздалъ остальные старухамъ, поправилъ съѣхавшую на бокъ ризу, выправилъ изъ подъ ризы бороду и волосы, откашлянулся и панихида началась. Гнѣздо, свитое Владиміромъ Петровичемъ для Агаши, огласилось крикомъ дьячковъ, наполнилось дымомъ ладона и копотью свѣчей, и только одна покойница словно хмурила брови...

На слѣдующій день послѣдовалъ выносъ покойницы.

Я пришелъ къ концу отпѣванія. Въ церкви присутствовала почти вся аристократія села Колычева; былъ здѣсь мѣстный лавочникъ, волостной писарь, судебный приставъ, учитель сельской школы. Всѣ эти господа, какъ настоящіе джентльмэны, пришли подъ ручку съ своими женами въ домъ Агаеи Степановны, и точно такъ же шли за гробомъ ея. Приѣхала и Матрена Васильевна, при видѣ которой Иванъ Парѣенычъ всплеснулъ руками и немедленно сдѣлалъ ей выговоръ, что она совершенно не бережетъ своего здоровья; но когда Матрена Васильевна объяснила ему, что она долго колебалась, но не въ силахъ была удержаться отъ желанія бросить *послѣднюю горсть земли на гробъ друа*, Иванъ Парѣенычъ даже расчувствовался и похвалилъ жену за ея любящее, нѣжное сердце. Дама эта успѣла нашить себѣ на черное платье бѣлые *плерезы*, замаскировала свои раны на головѣ чернымъ тюлемъ и, справедливо сознавая свое *savoir-vivre*, гордо посматривала на остальныхъ дамъ, немѣвшихъ одѣться прилично случаю. Даже синіе *фонари* подъ глазами, оставшіеся незамаскированными, придавали лицу Матрены Васильевны какую-то горькую истому, весьма гармонизировавшую общей печальной картинѣ. Всѣ эти дамы окружали гробъ умершей своей подруги и, держа въ рукахъ восковыя свѣчи, задумчиво смотрѣли на покойницу, какъ бы воскрешая передъ собою всю пройденную ею жизнь. Онѣ вздыхали, крестились и подносили къ глазамъ смоченные слезами платки. Попъ въ ризѣ, надѣтой на бокъ, усердно вадилъ и какимъ-то хрип-

лымъ голосомъ читалъ молитвы и дѣлалъ возгласы. Онъ поминутно подходилъ къ дьячкамъ, что-то шепталъ имъ и возвращался на свое мѣсто — къ изголовью гроба. Каждый разъ, послѣ этихъ таинственныхъ шептаній, дьячки незамѣтно переворачивали двѣ, три страницы, вмѣсто одной, и еще громче принимались выкрикивать прекраснѣйшіе похоронные вромсы.

Ананій Иванычъ былъ тоже словно въ какомъ-то туманѣ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки крѣпился и дѣлалъ видъ, что совершенно трезвъ. Онъ поминутно подходилъ къ гробу и старался сомкнуть раскрывшіяся уста Агаѣи Степановны, словно не нравилось ему выказывавшееся отсутствіе двухъ переднихъ зубовъ у покойницы. Фельдшеръ Михаилъ Михайлычъ стоялъ неподалеку отъ Ананія Иваныча съ совершенно красными глазами, но, такъ какъ красноту эту можно было приписать обильно пролитымъ слезамъ, тѣмъ болѣе, что Михаилъ Михайлычъ принадлежалъ къ числу людей слезливыхъ, то она и не обращала на себя особеннаго вниманія трезвыхъ людей. Михаилъ Михайлычъ какъ будто не вѣрилъ смерти своей паціентки, и потому тоже подходилъ къ гробу и заботливо щупалъ сложенные наврестъ ооченѣвшія и съ посинѣвшими ногтями руки ея.

— Живности нѣтъ? спрашивалъ его шопотомъ Ананій Иванычъ, и фельдшеръ такимъ же шопотомъ отвѣчалъ: Нѣтъ.

Наконецъ, отпѣваніе кончилось. Разрѣшительную молитву поплъ прочелъ про себя и только слова: «Нѣсть бо челоувѣка иже поживеть и не согрѣшитъ» какъ-то, словно нечаянно вырвались изъ груди его и громко раскатились подъ сводами почти пустой церкви. Дьячки пропѣли «вѣчную память», и затѣмъ началось послѣднее цѣлованіе. Пѣніе это потрясло дамъ; слышались всхлипыванія, зашумѣли платья и все пришло въ движеніе. Мужья поспѣшили къ своимъ женамъ и, поддерживая ихъ подъ локти, опасались дурныхъ послѣдствій. Съ Матреной Василевской сдѣлался истерическій припадокъ и она почти безъ чувствъ упала на руки насилу стоявшаго на ногахъ Ивана Пареевича.

— Прощайтесь! проговорилъ священникъ и, указавъ рукой на покойницу, отошелъ къ сторонѣ, чтобы не мѣшать.

Волненіе усилилось еще болѣе и всѣ подошлись къ гробу. Тутъ только, окинувъ церковь, я замѣтилъ крапивниковъ. Они были всѣми забыты, имъ забыли даже дать свѣчи. Мальчуганы эти стояли въ углу церкви рядомъ съ гробовой крышмой, крѣпко прижавшись другъ къ другу. Какой-то испугъ изобразился на ихъ истомленныхъ горемъ ~~личикахъ~~ ~~лицехъ~~ словно боялся подойти къ гробу матери, словно страшились послѣдняго лобзанія и, не находя въ себѣ достаточной твердости

осилить это послѣднее лобзаніе, упорно стояли на своихъ мѣстахъ. Старуха-просвирня подошла къ нимъ, погладила по головкамъ и проговорила: «Ступайте, болѣзные, проститесь съ мамкой!» но они только вытаращили глаза на нее, а съ мѣста не двинулись.

Первымъ къ гробу подошелъ Ананій Ивановичъ. Онъ опустился на колѣно, прикоснулся рукой къ полу, потомъ всталъ, перекрестился и, вытянувъ губы, поцѣловалъ покойницу въ лобъ и руки. Затѣмъ онъ сдѣлалъ опять земной поклонъ и, обчистивъ пыль съ колѣнъ, шепнулъ фельдшеру: «Попахиваетъ, однако!»

— Идите, идите! раздавался сзади голосъ просвирни, тащавшей за руки краповниковъ.—Идите, поцѣлуйте въ послѣдній разъ!..

Этотъ «послѣдній разъ» словно ножомъ хватилъ всѣхъ по сердцу. Краповники подошли къ гробу одинъ съ одной стороны, другой—съ другой, припали оба на впалую грудь матери и отчаянныя рыданія огласили церковь. Они не то прощались съ нею послѣднимъ цѣлованіемъ, не то сами силились умереть, истекая слезами, не то старались разбудить умершую. Но она лежала неподвижно, худая, холодная, съ посинѣвшими губами и вѣками, съ головой, неестественно пригнувшейся на грудь, и врядъ-ли чувствовала это послѣднее лобзаніе своихъ краповниковъ. Ихъ насилу оторвали отъ матери, отвели въ сторону и крѣпко держали за руки. Стали прощаться остальные; церковь огласилась воплями, причитаніями, а тѣмъ временемъ мужики принесли крышку, наврыли ею гробъ и принялись заколачивать длинные желѣзные гвозди...

— Берись! кричалъ фельдшеръ.—Иванъ Пароенъчъ! Михаль Григорьевичъ, Канатниковъ! беритесь! заходи въ ноги, бери за ноги... Ну, подымай ровнѣй, не запрокидывай...

И всѣ эти люди, перекинувъ черезъ плечо бѣлый коленкоръ и замотавъ одинъ конецъ его за руки, подсунули коленкоръ подъ гробъ и понесли вонъ изъ церкви. Раздалось перезваниваніе, вышли на воздухъ и, зашурнувъ глаза отъ яркаго солнечнаго блеска, показавшагося еще болѣе яркимъ послѣ полумрака церкви, всѣ направились за гробомъ къ кладбищу. Гробъ опустили въ могилу и стали засыпать...

— И меня, и меня! закричалъ вдругъ Ванятка и бросился было къ могилѣ, но его схватили за руки и удержали...

Когда все было покончено и когда на томъ мѣстѣ, гдѣ только-что была могила, образовался холмъ изъ свѣжей глинистой земли, урешенный двумя наперсть положенными заступами, первое настроеніе публики какъ будто поуспокоилось; что-то тяжело-

давящее сердце какъ будто отвалилось и, отвалившись, дало возможность свободно вздохнуть. Бросивъ *последнюю горсть земли*, всѣ словно почувствовали, что долгъ свой они исполнили, что больше Бога не будешь и что теперь остается только покорно преклониться предъ Его волей. Всѣ такъ и сдѣлали. Однимъ изъ первыхъ въ числѣ преклонившихся былъ Ананій Ивановичъ и какъ только курганъ на могилѣ былъ оконченъ, такъ онъ, отеревъ слезы, обратился къ присутствующимъ и пригласилъ къ себѣ въ домъ помянуть покойницу.

Тамъ все уже было вымыто, вычищено и прибрано; даже вынесена была кровать, на которой умерла Агаея Степановна, даже перина ея висѣла уже на заборчикѣ сада и вывѣтривалась на воздухъ. Всѣ собрались въ комнату покойницы, отслушали литію, сѣли по ложкѣ кутьи и принялись за чай.

Часовъ въ двѣнадцать начался обѣдъ. Когда всѣ стали шумно разсаживаться по мѣстамъ и когда за столъ подали на двухъ блюдахъ *холодное*, я вышелъ изъ комнаты. На крыльчѣхъ я увидалъ крапивниковъ, ихъ забыли даже къ обѣду позвать. Они сидѣли опять прижавшись другъ къ другу; Ванятка дрожалъ...

— Ты что дрожишь? спросилъ я его.

— Озябъ, холодно... мочи нѣтъ...

— Постой-ка, я съ ними поговорю! замѣтилъ Аркашка и, закутавъ брата въ куцавейку, всталъ и подошелъ ко мнѣ.

— Что, началъ онъ:—кому теперь мамкинъ домъ перейдетъ?

— Конечно, вамъ, наслѣдникамъ, отвѣтилъ я. — Вѣдь домъ принадлежитъ вашей матери!

Но Аркашка сомнительно покачалъ головой.

— Не отдастъ онъ намъ его, ни за что не отдастъ! проговорилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Заставятъ отдать...

— Кто его заставитъ? перебилъ меня Аркашка.—Вонъ платья мамкины тоже бы намъ должны были поступить, а онъ вчера два самыхъ лучшихъ попу продалъ... коробочка въ шкапу съ золотыми серьгами была, пропала не знай куда!. Вѣдь они вчера два ведра водки выпили, а сегодня еще три ведра взяли... Всю ночь въ *тричку* бились... пятнадцать рублей въ тринку проигралъ ..

Ванятка дрожалъ всѣмъ тѣломъ и, щелкая зубами, слушалъ, внимательно устремивъ на меня большіе, испуганные глаза свои.

— Кто за насъ заступится! продолжалъ между тѣмъ Аркашка.—Кабы мы законные были, а то, знамо, крапивники... кому какое дѣло до насъ!.. Забросать насъ, какъ щенковъ какихъ-нибудь, попищимъ, попищимъ, да и подохнемъ... и вся недолга!..

И все это Аркашка проговорилъ такъ просто, такъ задушевно, а дрожавшій Ванягъ такъ пристально смотрѣлъ на меня изъ-подъ своей куцавейки, что я тотчасъ же отправился въ мировому и тотъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о принятіи охранительныхъ мѣръ. На другой же день, къ великому изумленію Ананія Иваныча, явился къ нему судебный приставъ, описалъ и опечатавъ все имущество Агаѣи Степановны и, впредь до разсмотрѣнія дѣла, передалъ кому-то на сохраненіе все описанное.

— Ну, дяненька, спасибо тебѣ! благодарилъ меня Аркашка. — Кабы не ты, все пропало бы, а теперь, можетъ, и намъ достанется что-нибудь... Только вотъ Ванягъ больно жалко!..

— А что съ нимъ?

Аркашка даже рукой махнулъ.

— Помретъ, должно! Не гуторить ничего, не пьетъ, не ѣстъ, а жаръ въ немъ стоитъ такой, что словно весь въ огнѣ горитъ!..

— Что же ты фельдшера не позовешь?

— Ужь я звалъ...

— Что же?

— Не идти, да и шабашъ! Это, говорить, отъ огорченія съ нимъ, а такія, говорить, болѣзни лекарствами лечить нельзя!.. Ужь я Ванягъ-то къ просвириѣ перетащилъ; у нея на печкѣ лежитъ теперь...

— Зачѣмъ же къ просвириѣ, а не въ домѣ?

— Въ домѣ у насъ такое пьянство идетъ, что хоть и не ходи... Я тоже ушелъ изъ дому...

— Гдѣ же ты?

— Тоже у просвири живу...

— А онъ въ домѣ? спросилъ я.

— А онъ въ домѣ одинъ распоряжается...

VI.

Годъ спустя и опять-таки въ среднихъ числахъ іюня мѣсяца, я съ тѣмъ же фельдшеромъ Михаиломъ Михайлычемъ опять угодилъ на пчельникъ Ивана Пареевича. На этотъ разъ, однако, пчельникъ представлялъ собою совершенно иную картину. Едва только вошли мы на площадку, сопровождаемые неистовымъ лаемъ извѣстной уже намъ собаки, какъ увидали подъ навѣсомъ за чайнымъ столомъ расфранченную компанію, состоящую изъ четырехъ персонъ. Здѣсь были: Иванъ Пареевичъ, Матрена Васильевна, Ананій Иванычъ и еще какая-то

молодая особа лѣтъ двадцати пяти въ палевомъ холстинковомъ платьѣ и съ нѣсколькими цвѣточками, воткнутыми въ косу. Ананій Иванычъ сидѣлъ рядомъ съ этой особой и, нѣжно держа ее за руку, не спускалъ съ нея масляныхъ глазъ своихъ. Онъ тоже былъ разодѣтъ франтомъ. На немъ былъ черный сюртукъ, голубой галстукъ, завязанный роскошнымъ бабтомъ, и бѣлый пикейный жилетъ. Высокіе накрахмаленные воротнички сорочки подпирали ему подъ самыя уши, тогда какъ манишка съ двумя-тремя блестящими запонками, словно латы, выдавались впередъ и придавала всей осанкѣ его какой-то особо торжественный видъ. Точно также расфранчены были и Иванъ Пароенычъ съ Матреной Васильевной. Все это, вмѣстѣ взятое, а равно и кипѣвшій на столѣ самоваръ и нѣсколько тутъ же стоявшихъ тарелокъ съ орѣхами, праниками и конфетами ясно говорили, что на пчельникѣ происходитъ нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго.

Иванъ Пароенычъ встрѣтилъ насъ чуть не съ распростертыми объятіями, а Матрена Васильевна отъ восторга даже закатала глаза и при этомъ, поглядывая умильно на фельдшера (онъ былъ великій сластникъ до женскаго пола), объявила, что она даже предчувствовала наше посѣщеніе и что посѣщеніе это какъ нельзя болѣе кстати.

— Вѣрно, вѣрно! подхватилъ Иванъ Пароенычъ и, указывая на Ананія Иваныча и на дѣвушку въ палевомъ платьѣ, проговорилъ торжественно:—рекомендую! женихъ и невѣста!

Фельдшеръ чуть-было не выронилъ ружья отъ изумленія.

— Какъ, давно ли? вскрикнулъ онъ.

— Только сію минуту! перебилъ его Иванъ Пароенычъ.—Позвольте представить, обратился онъ ко мнѣ, указывая на дѣвушку:—племянница моя Марья Самсоновна.

Я раскланялся съ невѣстой, восторженно опустившей глазки, и поздравилъ жениха.

— Вотъ не ожидалъ-то! говорилъ между тѣмъ фельдшеръ, подсаживаясь къ столу. — Ай да Ананій Иванычъ, ай да Марья Самсоновна! То-то вы все за мельницей по плотинѣ гуляли!.. Охъ, ужъ эта мнѣ плотина!..

Ананій Иванычъ громко захохоталъ, а Марья Самсоновна только слегка улыбнулась.

— Плотина тутъ ни причемъ, замѣтила она. — Тамъ только очень пріятно гулять, потому, съ одной стороны вода, а съ другой—кусты...

— Самое способное мѣсто для влюбленныхъ! замѣтилъ фельдшеръ.

— Суженаго конемъ не объѣдешь! перебила его Матрена Васильевна. — Никогда я не думала, не гадала, чтобы моя Маша вышла замужъ за Ананія Иваныча, а вотъ на мѣсто того Богъ привелъ.

Я посмотрѣлъ на Матрену Васильевну и только теперь замѣтилъ, что она была даже очень и очень недурна собой. По случаю ли семейной радости или же по какимъ-либо другимъ причинамъ, она была до того весела и разговорчива, что я даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы это была та самая Матрена Васильевна, которую я видѣлъ годъ тому назадъ, обложенною тряпками и полотенцами и со стономъ хватавшуюся то за бока, то за поясницу. Теперь она была совершенная «королева», болтала безъ умолку съ фельдшеромъ и дѣлала ему такіе глазки, отъ которыхъ онъ только вздрагивалъ. Иванъ Пароенычъ былъ тоже въ самомъ веселомъ расположеніи духа и тоже болталъ, какъ сорока. Покончивъ съ чаемъ и выпивъ по нѣскольку рюмокъ наливки, мы, по предложенію Матрены Васильевны, отправились въ лѣсъ за малиной и провели время какъ нельзя лучше. Женить и невѣста рѣзвились, какъ дѣти; они бѣгали, прятались другъ отъ друга за кусты и деревья, кричали «ау!» и иногда забѣгали такъ далеко, что эти «ау» едва-едва долетали до нашихъ ушей. Глядя на молодыхъ, пустились въ бѣготню и Матрена Васильевна съ фельдшеромъ и только я, да Иванъ Пароенычъ усердно исполняли то, за чѣмъ пошли въ лѣсъ, а именно: собираніемъ малины. Сначала бѣгавшія пары мелькали мимо насъ, слышались визги и хохотъ Матрены Васильевны и Марьи Самсоновны, но, мало-по-малу, визги эти стали отъ насъ удаляться и мы остались совершенно одни среди роскошныхъ кустовъ малины, осѣненныхъ еще болѣе роскошными дубами лѣса. Тишина водворилась вокругъ насъ непробудная, но мы такъ усердно занялись собираніемъ ягодъ, что даже и не замѣчали этой тишины. Мы ѣли малину, клали ее въ кузова и вскорѣ набрали ее столько, что даже переполнили кузова. Только тутъ спохватился Иванъ Пароенычъ, что мы были совершенно одни и, прислушиваясь къ тишинѣ лѣса, царившей вокругъ, принялись кричать: ау!

— Ау! слышалось гдѣ-то далеко.

— Ау! кричалъ Иванъ Пароенычъ.

— Ау! слышалось опять...

И, перекликаясь такимъ образомъ, мы шли по направленію отълика, который, по мѣрѣ приближенія, становился все слышнѣе и слышнѣе; наконецъ, раздался неподалеку трескъ сучьевъ, чьи-то торопливые шаги и передъ нами, вмѣсто Матрены Ва-

*

сильвны съ компаніей, вдругъ словно изъ земли выросъ знако-
мый намъ Аркашка.

— Здравствуй! крикнулъ онъ весело.

Мы даже назадъ отскочили отъ удивленія.

— Какими судьбами? вскрикнулъ я.

— Домой побывать пришелъ.

— Откуда?

— Изъ губернскаго города.

— Ты что же тамъ дѣлаешь-то? спросилъ Иванъ Паренычъ.

— Какъ что? развѣ не видите—въ гимназіи учусь.

Я взглянулъ на Аркашку и, дѣйствительно, на этотъ разъ онъ былъ не въ ситцевой рубашенѣ и съ засученными выше колѣнъ штанишками, а въ гимназическомъ мундирчикѣ и въ кепи съ загнутымъ сверху козырькомъ.

— А нашихъ не видалъ? спросилъ его Иванъ Паренычъ.

— Кого, нашихъ?

— Жену, фельдшера...

— Нѣтъ, не видалъ. Я былъ на пчельникѣ, узналъ, что вы пошли за малиной и пришелъ сюда. Ихъ на пчельникѣ не было.

И затѣмъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— А я себѣ ружье купилъ, пять рублей заплатилъ... Хочу во время каникуловъ дичь стрѣлять и продавать... въ городѣ утки по сорока копеекъ за штуку продаются, хочу и я тоже продавать... Здѣсь помѣщиковъ много, всякій съ радостію купитъ... Можетъ быть, въ лѣто-то на книги и настрѣляю... Мнѣ теперь много книгъ нужно, вѣдь я во второй классъ перешелъ.

Все это проговорилъ онъ скоро, захлебываясь отъ удовольствія, и весело посматривая то на меня, то на Ивана Пареныча. Я былъ радъ отъ души видѣть Аркашку; что же касается до Ивана Пареныча, то онъ, встревоженный не на шутку отсутствіемъ жены, даже и не слушалъ что говорилъ Аркашка.

— Куда бы могла она дѣться! почти вскрикнулъ онъ и принялся снова кричать: ау! Но, увы! на этотъ разъ, ау это оставалось безъ отвѣта.—Чортъ знаетъ что такое! бормоталъ начинавшій уже сердиться Иванъ Паренычъ.—Чортъ знаетъ! Эта пустоголовая Матрена всегда такъ, всегда... Ужинать пора, а они все сластничаютъ... Черти подлые... сволочь!..

И, обратясь ко мнѣ онъ, добавилъ:

— Я за ними пойду, надо же разыскать ихъ, а вы ступайте пока на пчельникъ... Я ихъ живо разыщу и тотчасъ же вернусь!.. Вотъ черти-то безобразные...

И, немного погодя, Иванъ Паренычъ отправился разыскивать пропавшихъ, а я съ Аркашкой отправился по направленію къ

пчельнику. Долго раздавалось по лѣсу «ау» Ивана Пароенныча, наконецъ, стало долетать все глуше и глуше, а вскорѣ и совершенно замолкло. Взамѣнъ того, Аркашка болталъ 'со мною безъ умолку и, идя рядомъ со мной, рассказывалъ мнѣ про свое житье-бытье.

— Какъ же это ты въ гимназію-то поступилъ? спросилъ я.

— Да такъ и поступилъ. Читать, писать я умѣлъ, ариметнику тоже зналъ немного. Дай, думаю попытаю счастья! И пошелъ...

— Пѣшкомъ?

— Извѣстно, пѣшкомъ, гдѣ же мнѣ было денегъ-то взять...

— А потомъ что?

— А потомъ, какъ только пришелъ въ городъ, такъ первымъ дѣломъ разыскалъ Степана Иваныча.

— Кто это Степанъ Иванычъ?

— Крестный мой, нашъ Колычевскій, бывшій дворовый. Онъ теперь въ городѣ портняжничаетъ.

— Ну, рассказывай, рассказывай.

Аркашка снялъ фуражку и, отеревъ съ лица потъ, продолжалъ:

— Ну вотъ, разыскалъ я крестнаго. Когда я рассказалъ ему по какому дѣлу пришелъ я въ городъ, онъ взялъ меня къ себѣ на квартиру и общалъ поить и кормить. Онъ добрый такой, маленько только хмѣлемъ запибається... На другой день, я сбѣгалъ въ гимназію и узналъ, что приемные экзамены начнутся седьмого августа. Это объявилъ мнѣ самъ директоръ, на котораго я нечаянно наткнулся.—«А тебѣ зачѣмъ это знать?» спросилъ онъ меня.—«Какъ, говорю, зачѣмъ; хочу въ первый классъ экзаменъ поддержать!»—«А прошеніе, говоритъ, ты подавалъ?»—«Нѣтъ, не подавалъ. Зачѣмъ, говорю, подавать, коли я самъ тутъ, и самъ прошу!» Директоръ разсмѣялся; онъ тоже добрый такой, ласковый.—«Нѣтъ, говоритъ, милый другъ, такъ нельзя; надо прошеніе подать и документы представить!» Я даже не понималъ тогда, что такое значить *документы*. Директоръ замѣтилъ это, потому видно, что ужъ очень я глаза вытаращилъ и ротъ разинулъ.—«Ты, говоритъ, знаешь, что такое документы?»—«Нѣтъ, не знаю!» Онъ и началъ по пальцамъ высчитывать.—«Надо, говоритъ, свидѣтельство о рожденіи, крещеніи, званіи, о привитіи оспы....» да никакъ всѣ пять пальцевъ и загнулъ!..—Я даже оробѣлъ.—«Откуда же я возьму все это! проговорилъ я.—Я весь тутъ, пришелъ пѣшкомъ, бумагъ у меня нѣтъ никакихъ; что хотите, то и дѣлайте, а назадъ я не пойду и бумагъ никакихъ представить не могу, потому что хлопотать за меня некому!» Директоръ засмѣялся, подошло еще человѣка два-три учителей и тоже засмѣялись.—«Гдѣ же ты остановился?» спро-

силъ директоръ.— «У Степана Иваныча, говорю, у крестнаго!» Тутъ учителя пододвинулись ко мнѣ поближе, всѣ они были во фракахъ съ свѣтлыми пуговицами... смотрю, окружили меня, закинули руки назадъ подъ фалдочки и принялись слушать.— «Да ты кто такой?» спрашиваетъ директоръ.— «Аркашка!» говорю. Опять захохотали.— «Это, говоритъ, твое имя, а намъ надо знать твое званіе; чтобы начальство удостовѣрило, кто ты такой, откуда ты...»— «Здѣшной губерніи я, села Колычева» говорю.— «Твой отецъ и мать кто такіе?» спрашиваетъ директоръ.— «Отца у меня нѣтъ, говорю, а мамка померла!» Когда я сказалъ, что у меня нѣтъ отца, всѣ словно удивились и переспросили: точно ли нѣтъ у меня отца.— «Такъ и нѣтъ, говорю, я крапивникъ!» Какъ только сказалъ я это слово, такъ всѣ даже назадъ запрокинулись и захохотали во все горло. Такъ хохотали они минутъ съ пять; наконецъ, директоръ опомнился первый. «Нѣтъ, его, говоритъ, надо допустить до экзаменовъ!»— «Допустить, допустить!» подхватили всѣ.— «А документы мы послѣ вытребуемъ, замѣтилъ директоръ, прямо отъ себя:—а то онъ самъ ни вовѣки вѣковъ ихъ не добьется!»— «Конечно, гдѣ же ему добиться! подхватили опять учителя.— Крапивникъ! чего же тутъ!»— «Я первый разъ слышу это названіе!» проговорилъ директоръ.— «И я, и я!» подхватили учителя.— «Ну, вотъ и отлично!» говорю я.— «Значить и мнѣ Богъ привелъ открыть учителямъ кое-что такое, чего они не знали. Такъ вотъ знайте, что есть на свѣтѣ такіа дѣти, у которыхъ нѣтъ ни отцовъ, ни денегъ, ни документовъ, ни родныхъ; часто нѣтъ даже матерей, какъ на примѣръ, у меня, и которыхъ народъ прозвалъ крапивниками».

— Такъ и сказалъ? спросилъ я, заинтересованный разсказомъ.

— Такъ и сказалъ; тутъ ужъ я осмѣлился!

— Ай да Аркаша, молодецъ! Ну, что же, опять смѣялись?

— Нѣтъ, перестали. Тутъ директоръ обнялъ меня одной рукой и сказалъ: «Ну, хорошо, мальчикъ, седьмого числа приходи сюда въ гимназію въ девять часовъ утра, мы тебя проэкзаменуемъ и если познанія твои окажутся [удовлетворительными, мы тебя примемъ!» и даже похлопалъ меня по спинѣ.

И потомъ, переведа духъ, Аркашка добавилъ:

— Ну, седьмого пришелъ я въ гимназію, сдалъ экзаменъ какъ слѣдуетъ и меня приняли въ первый классъ, а послѣ экзаменовъ началось настоящее ученіе.

— Что же, страшно было экзаменоваться-то?

— Охъ, не говорите!.. Стоишь, бывало, смотришь на икону, да шепчешь про себя: «Мамка, помоги!»

— Чѣмъ же ты живешь, однако? спросилъ я. — Надо было одѣться... книгъ купить...

— Это у меня все въ исправности! совершенно довольнымъ тономъ проговорилъ Аркашка.— У меня все есть. И мундиръ и шинель холодная и брюки, и лѣтная форма и книги, вся, значить, амуниція есть.

— Какимъ же образомъ ты все это справилъ?

— Справилъ ничего, скоро. Лѣтнюю форму, т. е. блузу, панталоны, ремень, веши и ранецъ съ книгами мнѣ учителя подарили, а зимнюю форму одинъ восьмиклассникъ справилъ—богатый онъ такой и меня полюбилъ. Купилъ онъ мнѣ, значить, суена и все, что нужно, а крестный сшилъ. За ученіе я не платилъ, потому что меня *на какой-то счетъ* охлопотали, а потомъ подружился съ однимъ товарищемъ, тоже мальчикъ богатый—въ своей семьѣ живетъ, съ нимъ я уроки вмѣстѣ училъ, ходилъ къ нему часто... Кондиція еще была, вы какъ думаете! Три рубля въ мѣсяцъ получалъ и чай вечерній въ накладу и съ булкой!., Такъ и выговаривалъ, чтобы въ накладу и чтобы, значить, булка была безпремѣнно.

— Какъ кондиція? удивился я.

— Очень просто! Приготовишку одного ариеметикѣ училъ...

— Какого приготовишку?

— Изъ приготовительнаго класса — ихъ приготовишками называютъ.

— Такъ ужъ ты и уроки давалъ?

— Еще бы! подхватилъ со смѣхомъ Аркашка. И, вслѣдъ затѣмъ вздохнувъ, прибавилъ. — А вотъ когда крестный запеть, бывало, ну—тогда плохо приходилось...

— А онъ запиваетъ?

— Есть тотъ грѣхъ. Человѣкъ онъ и безъ того бѣдный, съ копейки на копейку перебивается, а какъ запеть, такъ и вовсе ѣсть нечего. «Ну, говорить, Аркашка! я все пропилю, теперь ужъ намъ съ тобой жрать нечего. Ищи, говорить, себѣ жранья гдѣ хочешь, а на меня, повамѣсть, не надѣйся!» Вотъ тутъ-то и плохо!.. Пойдешь, бывало, къ восьмикласснику, или къ товарищу, коли застанешь ихъ дома, такъ ничего, ситъ, а коли не застанешь, такъ и ходишь, бывало, цѣлый день голодный. Разъ этакъ-то трое сутокъ сряду не ѣлъ, только и питался однимъ выговореннымъ чаемъ съ булкой...

И Аркашка даже вздохнулъ. Но грустное настроеніе это продолжалось не долго. Заговоривъ снова о купленномъ имъ ружьѣ и о своемъ проэктѣ продавать убитую имъ дичь, онъ тутъ же опять развеселился и принялся развивать свои планы.

Такъ дошли мы до пчельника. Компанія тоже не заставила себя долго ждать. Не успѣли мы съ Аркашкой путемъ отдохнуть, какъ въ сосѣднихъ кустахъ послышался говоръ, а вслѣдъ затѣмъ на площадкѣ показались Иванъ Пареевичъ съ супругой, Ананій Ивановичъ съ невѣстой и фельдшеръ.

— Нашелъ! Нашелъ бѣглецовъ! кричалъ Иванъ Пареевичъ, размахивая рукой.— Нашелъ, всѣ здѣсь, всѣхъ разыскалъ!..

— Стоило того бѣгать и разыскивать! замѣтила недовольнымъ тономъ Матрена Васильевна.

— Смѣшное дѣло! подхватилъ фельдшеръ. — Точно какъ мы одни дороги на пчельникъ не нашли бы!..

— Только удовольствію нашему помѣшали, дяденька! замѣтила жеманно Марья Самсоновна.

— Ладно, ладно! рассказывай! кричалъ Иванъ Пареевичъ и всѣхъ словно на буксирѣ втащилъ подъ навѣсь.

При видѣ Ананія Ивановича, Аркашка какъ будто смутился, но когда Ананій Ивановичъ не отвѣтилъ на его поклонъ и гордо, какъ-будто не замѣчая, прошелъ мимо его, подъ руку съ своей невѣстой, то мальчикъ освирипѣлъ и метнулъ на него такой вызывающій и гнѣвный взглядъ, замѣтивъ который, Ананій Ивановичъ, вѣроятно, не мало бы смутился; но взглядъ этотъ остался не замѣченнымъ.

— Вишь, свинья и кланяться не хочетъ! прошепталъ Аркашка и, весь поблѣднѣвъ, отошелъ къ сторонѣ.

За то остальная компанія, т. е. Матрена Васильевна и фельдшеръ, какъ только узнали въ гимназистѣ крапивника, такъ въ ту же минуту засыпали его вопросами. Аркашка не замедлилъ рассказать имъ все, что требовалось и рассказалъ такъ весело и бойко, что невольно произвелъ эффектъ и сдѣлался героемъ минуты. Только одинъ Ананій Ивановичъ съ какой-то ядовитой улыбкой ходилъ взадъ и впередъ и какъ будто не обращалъ даже вниманія на болтавшего мальчугана.

— А знаете ли, гдѣ я ихъ нашелъ? почти вскрикнулъ Иванъ Пареевичъ, обращаясь ко мнѣ, и кивнулъ головой на компанію, ходившую съ нами за малиной.

— Гдѣ? спросилъ я.

— На озерѣ. И знаете, что они дѣлали?

— Не знаю.

— Кула-а-лись! протянулъ торжественно Иванъ Пареевичъ и всплеснулъ руками.

— Какъ? вмѣстѣ? спросилъ Аркашка и звонко захохоталъ.

Вопросъ этотъ затронулъ Ананія Ивановича за живое.

— Нѣтъ-съ, не вмѣстѣ! проговорилъ онъ, обращаясь къ маль-

чику.— У насъ у необразованныхъ людей дамы съ кавалерами вмѣстѣ не купаются; можетъ быть, это дѣлается въ обществахъ ученыхъ, а мы пока скромность соблюдаемъ...

— А напрасно, ей-ей напрасно! перебила фельдшеръ.— Вмѣстѣ было бы не въ примѣръ веселѣе...

— Подождите, Михайлычъ, придетъ время, говоритъ Ананій Ивановичъ.— Время придетъ-съ, когда будутъ и всѣ вмѣстѣ купаться безъ различія пола... Дайте только прогрессу распространить свой свѣтъ и мы примемся нырять вслѣдъ за дамами...

— Нѣтъ, этого не будетъ! замѣтила Матрена Васильевна.

— Почему же? спросилъ Ананій Ивановичъ.

— Потому что это даже очень гадко...

— Я, кажется, съ своей стороны, перебила ее Марья Самсоновна, закатывая глаза:— никогда не рѣшусь на такія вещи!..

— Даже и съ мужемъ? спросилъ Иванъ Парѣнычъ.

— Даже съ мужемъ.

— Ну, это незаконно. За это вы можете очень даже отвѣтить! Посмотрѣлъ бы я, какъ бы это Матрена Васильевна отказала мнѣ въ своей компаніи!.. Я бы посмотрѣлъ!.. Н-да-съ!..

Немного погодя, мы всѣ принялись за ужинъ. Была яичница съ ветчиной и малина со сливками. Иванъ Парѣнычъ, Ананій Ивановичъ и фельдшеръ, значительно подвыпившіе, ѣли мало, зато Арваша выручалъ всѣхъ. Любо было смотрѣть, какъ этотъ мальчуганъ, завѣсивши салфеткой свой мундирчикъ и припавъ къ сковородѣ съ яичницей, спроваживалъ въ ротъ одну ложку за другою. Ужинъ былъ самый веселый. Подвыпившіе кавалеры болтали безъ умолку; одинъ анекдотъ самаго скабрѣзнаго содержанія смѣнялся другимъ и, слушая ихъ, дамы краснѣли, скромно опускали глазки; но все-таки смѣялись. Общество было въ самомъ лучшемъ настроеніи; фельдшеръ даже предложилъ было прогулку по лѣсу при лунномъ свѣтѣ, всѣ предложеніе это приняли было съ восторгомъ, но Иванъ Парѣнычъ разрушилъ все дѣло. «Ступай одинъ, коли хочешь, проговорилъ онъ:— а жену я не пущу!» — и фразой этой положилъ конецъ поэтическому настроенію общества.

Ужинъ кончился. Матрена Васильевна принялась убирать со стола, а Ананій Ивановичъ сталъ собираться домой, для чего и пошелъ заложить свою тележку. Когда со стола было все убрано, Иванъ Парѣнычъ потребовалъ еще наливки, которая и не замедлила появиться въ сопровожденіи нѣсколькихъ рюмокъ; не замедлилъ прибыть и Ананій Ивановичъ. Онъ подѣхалъ на тележкѣ и, привязавъ лошадь къ столбу, вошелъ подъ навѣсъ.

— Ну, вот и лошадь готова! проговорилъ онъ и началъ было прощаться, но Иванъ Пареевичъ удержалъ его:

— Постой, проговорилъ онъ:—такъ нельзя. На-ка посошокъ на дорожку! и онъ подаль ему рюмку наливки.

— Это можно.

И, взявъ рюмку, Ананій Ивановичъ проговорилъ, обращаясь къ компаніи.

— Ну-съ, до свиданія! До свиданія, Марья Самсоновна.

— До свиданія, Ананій Ивановичъ.

— Право, напрасно, Марья Самсоновна, не хотите со мной ѣхать; я бы доставилъ васъ аккуратно.

— Нѣтъ, ужъ это подождемъ, Ананій Ивановичъ! проговорила она скромно.

— Поѣдьте, прошу васъ... такъ прокачу, что прелесть...

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, подождите, Ананій Ивановичъ...

— Чего же ждать-то!

— Повѣнчаемся, тогда и будемъ кататься сколько угодно...

Ничего не знавшій еще про свадьбу, Аркашка, слышавъ слова эти, вытаращилъ глаза.

— Такъ давайте хоть поцѣлуемся! проговорилъ Ананій Ивановичъ.

Марья Самсоновна опустила глазки.

— Ужъ поцѣловаться-то можно—полагаю!

— Конечно, можно! подхватили всѣ.

— Я, право, не знаю... дозволить ли мнѣ долгъ...

— Долгъ невѣсты, перебилъ ее Иванъ Пареевичъ:—цѣловать своего жениха.

— Кажется, первый поцѣлуй дается только послѣ вѣнчанія! стыдливо замѣтила Марья Самсоновна.

— Какъ же вы сейчасъ въ лѣсу-то цѣловались! бухнулъ фельдшеръ и захохоталъ во все горло. Вмѣстѣ съ нимъ захохоталъ и Аркашка. Марья Самсоновна вспыхнула.

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ, что этого никогда не было! проговорила она.

— Нѣтъ, было.

— Не было.

— Было-съ, при мнѣ... разъ двадцать, если не больше! настаивалъ фельдшеръ.

Аркашка захохоталъ еще громче.

Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Ананій Ивановичъ, разсерженный хохотомъ Аркашки, обругалъ его паршивымъ крапивникомъ, поблѣднѣлъ какъ полотно, заскрипѣлъ зубами и, поставивъ рюмку на столъ, бросился было на Аркашку

съ поднятыми кулаками, какъ вдругъ Аркашка размахнулся... но какъ бы опомнившись, какъ бы испугавшись чего-то, опустил руку.

— Нѣтъ, не стану! проговорилъ онъ, дрожа отъ гнѣва.— Пожалуй, еще изъ гимназiи исключать!.. Чортъ съ тобой!.. Но помни, что я когда-нибудь за все заплачу тебѣ!..

И, не давъ Ананiю Иванычу времени опомниться, Аркашка бросился бѣгомъ съ пчельника.

Сцена эта всѣхъ поразила.

VII.

На слѣдующій день, пришелъ ко мнѣ Аркашка. Такъ какъ у мальчугана этого не было пристанища, не было родныхъ, не было даже доброжелательныхъ знакомыхъ, которые прiютили бы его, то я и предложилъ ему на время вакасиЙ поселиться у меня въ домѣ. Аркашка былъ очень радъ пожить у меня. Я отвелъ ему особую комнатку, предоставилъ ему полную свободу и Аркашка зажилъ припѣваючи. Съ утра до ночи онъ былъ на охотѣ и только часамъ къ одиннадцати вечера усталый и утомленный возвращался домой, ужиналъ, болталъ мнѣ во время ужина о своихъ охотничьихъ походахъ, и затѣмъ ложился спать. Однако, утомленiе это нисколько не мѣшало ему вставать до зари и, засунувъ въ карманъ кусокъ хлѣба и что-нибудь оставшееся отъ ужина, снова бѣжать на охоту. О заданныхъ на время каникулъ письменныхъ упражненiяхъ, переводахъ съ латинскаго на русскiй и ариметическихъ *загадокъ* (дѣйствительно, многiя изъ задачъ гг. Малинина и Буренина имѣютъ характеръ загадокъ), онъ даже и не думалъ; дѣло это откладывалъ отъ одного дня до другого и такъ-таки тѣмъ и кончилъ, что ничего не сдѣлалъ. Къ чему все это задается дѣтямъ, я, откровенно сказать, не понимаю, но думаю, что не съ цѣлью досадить хоть чѣмъ-нибудь ребенку во время его слишкомъ короткихъ каникулъ.

Отъ Аркашки я узналъ, между прочимъ, что Ананiй Иванычъ все еще продолжаетъ владѣть имуществомъ, оставшимся послѣ смерти Агаеи Степановны, и что на селѣ ходятъ слухи, что имущество это переходитъ въ руки какой-то племянницѣ, о чемъ уже гдѣ то имѣется какая-то бумага. Кто такая была эта племянница и гдѣ именно находится *бумага* онъ разсказать мнѣ не могъ. Признаюсь, я этому не повѣрилъ и пошелъ справиться о дѣлѣ этомъ въ колычевское волостное правленiе. Писаря не было дома, а былъ только одинъ безграмотный старшина. Его

засталъ я въ сѣняхъ правленія совершенно нагимъ и обливавшимся изъ ведра (послѣ сильнаго похмѣлья) холодной водой. Тѣмъ не менѣе, однако, его степенство, прифрантившись въ суконную поддевку и даже какъ слѣдуетъ расчесавъ волосы, весьма обстоятельно разсказалъ мнѣ, что по дѣлу этому ему ничего неизвѣстно, такъ какъ Агаѣя Степановна принадлежала къ мѣщанскому сословію; что, дѣйствительно, въ народѣ ходятъ слухи о какой-то племянницѣ или дальней родственницѣ покойной, живущей гдѣ-то далеко; что врядъ ли крапивники могутъ считаться наслѣдниками, такъ какъ они не законныя дѣти, а нѣчто въ родѣ щенковъ и, въ концѣ-концовъ, подтвердилъ, что Ананій Иванычъ и *сейчасъ* все еще живетъ въ домѣ, печати нѣкоторыя поломалъ и кое-что изъ мелочи продалъ. Съ старшиной я больше разговаривать не сталъ и пошелъ сообщить мировому о поломанныхъ печатяхъ, а, главное, узнать о положеніи дѣла. Мировой съ щенками крапивниковъ не сравнилъ; напротивъ, онъ былъ возмущенъ случившимся и общалъ за что-то «выдрать старшинѣ всю бороду». Мировой судья былъ изъ числа людей краснорѣчивыхъ; онъ вполнѣ согласился, что имущество захвачено Ананіемъ Иванычемъ вопреки закона, вопреки совѣсти, вопреки гуманности, что обстоятельство это служить бьющимъ въ глаза доказательствомъ грубаго самоуправства невѣжественной массы, но что, къ несчастію, о случившемся онъ въ первый разъ слышитъ; что дѣло это, по многочисленности занятій, у него совершенно изъ ума вонъ вышло (при чемъ даже ударилъ себя по лбу), но что онъ сейчасъ же все поправитъ!.

И дѣйствительно, мировой судья, схвативъ колокольчикъ, принялся мотать имъ во всѣ стороны и приказалъ вошедшему слугѣ: *тотчасъ же, сію же минуту* позвать письмоводителя. Послѣдній явился безъ замедленія и, войдя въ комнату, принялъ почтительную позу. При видѣ письмоводителя, судья первымъ дѣломъ раскричался, расшумѣлся, а затѣмъ принялся допрашивать его, почему онъ не напомнилъ ему о дѣлѣ оставшихся послѣ смерти Агаѣи Степановны сиротъ, но вслѣдъ затѣмъ былъ весьма удивленъ, когда письмоводитель объявилъ ему, что дѣло это по камерѣ у нихъ значится въ числѣ оконченныхъ.

— Какъ?! изумился судья и словно остоленѣлъ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Точно такъ-съ, окончено-съ. Наслѣдницѣ выдано свидѣтельство о пропечатаніи въ сенатскихъ объявленіяхъ публикѣ и, говорятъ, она подала уже прошеніе объ утвержденіи ея въ правахъ наслѣдства-съ...

— Кому, куда?

- Въ окружный судъ-съ...
- А какъ же дѣти-то?
- Чьи-съ?
- Да дѣти Агаеи Степановны?

Письмоводитель улыбнулся и даже какъ будто застыдился.

- Вѣдь они не наслѣдники-съ... проговорилъ онъ.
- Покажите законъ.

Письмоводитель принесъ десятый томъ, помуслилъ пальцы, пошелестилъ страничками и подалъ судѣи книгу, указывая пальцемъ на 136 статью.

— А вы не знаете, какъ зовутъ наслѣдницу? спросилъ я, обращаясь къ письмоводителю.

Письмоводитель прищурилъ глаза, закусилъ нижнюю губу, посмотрѣлъ на потолокъ и, вспомнивъ имя, проговорилъ скороговоркой:

- Марьей Самсоновой.
- Она, кажется, замужъ выходитъ за Ананія Иваныча?
- Говорять-съ! обрѣзалъ письмоводитель и замолчалъ.
- Хорошо, ступайте! проговорилъ судья и, пробѣжавъ законъ, отдалъ книгу письмоводителю.

Немного погода, однако, судья вскочилъ съ кресла, любезно подалъ мнѣ согнутую вренделемъ руку и пригласилъ на балконъ пить чай.

На балконѣ за чайнымъ столомъ сидѣла жена судьи въ обществѣ двухъ изящно одѣтыхъ дѣтей и французенки гувернантки. Представивъ меня своей супругѣ, судья разсказалъ ей суть того дѣла, которое, по словамъ его, доставило имъ удовольствіе видѣть меня въ ихъ домѣ, и когда разсказъ былъ оконченъ, у супруги навернулись даже на глазахъ слезы.

— Боже мой, какое ужасное положеніе! проговорила она и, взглянувъ на дѣтей, прибавила шепотомъ: — какъ я счастлива, что мои не изъ такихъ!..

И потомъ, перемѣнивъ тонъ, спросила:

— Такъ вы говорите, что этотъ несчастный мальчикъ дикимъ утокъ стрѣлять хочетъ?

— Да, чтобы заработать себѣ хоть скольконибудь денегъ...

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ! Пожалуйста, скажите ему, чтобы онъ и мнѣ приносилъ; я много буду покупать у него и буду считать себя счастливою, что хоть косвеннымъ путемъ помогу ему собрать ту маленькую сумму денегъ, которая такъ необходима для него. Нельзя-ли сказать ему, чтобы онъ и рябчиковъ тоже приносилъ... мы всѣ такъ любимъ рябчиковъ!..

— Но, мой другъ, возразилъ судья:—гдѣ же возьметъ онъ рабчиковъ, когда въ мѣстности нашей ихъ нѣтъ вовсе!..

— Ахъ, мой ангелъ! Люди эти преодолеваютъ все, потому что съ младенчества они обречены на борьбу съ людьми, съ общественнымъ мнѣніемъ, съ щекотливостію своего положенія и потому полепс, volепс привыкаютъ къ этой борьбѣ!.. Это не то, что мы, которые, при малѣйшей неудачѣ, раскисаемъ!.. Ты этого, мой другъ, не смѣшивай, потому что смѣшеніе такое будетъ просто поп сепс... Повѣрь, что мальчишъ этотъ разыщетъ рабчиковъ!..

Однажды утромъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ Аркашка. Онъ былъ въ ларусинной блузѣ, подпоясанной ремнемъ и съ гимназической кепи въ рукахъ. На спинѣ у Аркашки былъ ранецъ и висѣло ружье, а подъ мышкой небольшой узелокъ, изъ котораго выглядывалъ между прочимъ обшитый галуномъ воротникъ мундирчика.

— Куда это? спросилъ я его не безъ удивленія.

— Въ походъ! отвѣтилъ онъ.—Сегодня кончаются каникулы и завтра приказано явиться въ гимназію.

— Неужели же ты пѣшкомъ пойдешь?

— А то развѣ подводу нанимать стану!.. Далеко ли здѣсь до машины-то!..

— И не близко—тридцать верстъ!..

— Развѣ это много! Я еще дорогой по стрепетамъ поохочусь; можетъ убую, по крайности, крестному гостиничишъ привезу!..

Я принялся Аркашку уговаривать пѣшкомъ не идти, предлагалъ ему лошадей, но онъ остался при своемъ и, все тростя о «гостиницѣ крестному», отвергъ всѣ мои предложенія и началъ прощаться.

— Постой, постой, проговорилъ я, вспомнивъ про доставленныхъ мнѣ Аркашкой утокъ.—Я тебѣ за утокъ долженъ.

— Нѣтъ, проговорилъ онъ.—Мнѣ стыдно брать съ васъ... Я жилъ у васъ... пилъ, ѣлъ...

— Говори, сколько?

— Мнѣ стыдно, право...

— Не стыдись и говори, тебѣ необходимы деньги.

Аркашка помался, но, какъ будто сообразивъ что-то (по всей вѣроятности, дѣйствительную необходимость въ деньгахъ), вынулъ изъ кармана бумажку и объявилъ, что утокъ онъ доставилъ мнѣ на пять рублей съ полтиной.

— А сколько всего заработалъ ты въ лѣто? спросилъ я его.

— А вотъ сейчасъ смекну!

И, обернувъ бумажку, онъ сдвинулъ брови и, поглядывая то на

бумажку, то на потолок, принялся мысленно считать выручку. Никогда, кажется, не забуду я этого серьезного, собранного личика с надвинутыми бровями и чуть шевелившимися розовыми губами. Такъ простоялъ онъ минуты три, сосчиталъ, какъ видно, провѣрилъ счетъ и затѣмъ вдругъ, измѣнивъ серьезный видъ на веселый и довольный, сказалъ съ улыбкой:

— Вотъ сколько! съ вашими, тридцать восемь рублей сорокъ пять копеекъ!

— Отлично.

— Еще бы! почти вскрикнулъ Аркашка.—Теперь я богачъ, теперь какъ только приѣду въ городъ, такъ куплю книгъ, а на остальные деньги ваточную шинель себѣ сошью, а то въ холодной-то зимой не мода!.. Ужъ я прошлую зиму щелкалъ, щелкалъ зубами-то!..

И, перемѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— У меня больше бы денегъ-то было, да судьеша обидѣла!..

— Какъ такъ? удивился я.

— Очень просто! За матерыхъ утокъ *учинила* расчетъ по 15 коп., а за мелкую дичь по 10 коп., а я всёмъ продавалъ матерыхъ по 25 коп., а мелкихъ по 15... Она у меня слишкомъ шесть рублей утонула...

— Вотъ тебѣ разъ!

— Да. Я было требовать сталъ, а она мнѣ на это вотъ что сказала:— «Ты, говорить, потише, любезный другъ, ты вѣдь не къ мужику въ избу зашелъ. Ты мнѣ еще за то спасибо скажи, что я не донесла на тебя мужу; что я всегда говорила ему за обѣдомъ, что онъ ѣсть не дикихъ утокъ, а русскихъ, а то бы тебѣ досталось на орѣхи!.. Вѣдь ты, говорить, до Петрова дня еще стрѣлять-то началъ, а вѣдь за это по уставу о наказаніяхъ виновные штрафу подвергаются! Вотъ что, говорить, любезный другъ, а вѣдь ты знаешь, что мой мужъ, а твой судья законами шутить не любить, онъ насчетъ законовъ очень строгъ!» Ну, я и повернулъ назадъ оглоблями.

И, помолчавъ немного, онъ спросилъ:

— А что какъ на счетъ мамкинова дома и имущества?

— Плохо, братъ.

— Плохо? переспросилъ Аркашка.

— Не хорошо.

— Ничего не достанется?

— Ничего; законная наслѣдница нашлась — теперешняя не-вѣста Ананія Иваныча.

— Ну, такъ и запишемъ! А жаль, для насъ было строилось все это!..

И затѣмъ, какъ будто вдругъ что-то вспомнивъ, онъ проговорилъ:

— Однако, пора! а то, чего добраго, на поѣздъ опоздаешь!

— А переводъ и задачи сдѣлалъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же быть-то!

— Ну, чего тамъ... сплш у кого нибудь и вся не долга! А то еще во время каникулъ да задачами заниматься!.. Была нужда!..

Мы *учинили* расчетъ, а, немного погодя, Аркашка шелъ уже весело по дорогѣ, ведущей къ вокзалу (или *визгалу* какъ называютъ его мужики). Долго еще виднѣлась фигурка Аркашки навьюченная ранцемъ, узелкомъ и ружьемъ и увѣчанная гимназическимъ кепи съ загнутымъ вверхъ козырькомъ. Наконецъ, фигурка эта завернула за небольшую рощицу и скрылась...

Но я ничего не сказалъ еще про другого крапивника — про Ванятку. Онъ умеръ вскорѣ послѣ смерти матери, умеръ отъ горячки, безо всякаго надзора, безо всякой помощи, на той самой печкѣ у просвирии, на которую положили его послѣ похоронъ его матери Агаѣи Степановны. Смерть его осталась бы, пожалуй, долго не замѣченною, еслибы просвириѣ не понадобились сушившіеся на той же печкѣ теплые шерстяные чулки; доставая ихъ, старуха замѣтила, что Ванятка былъ мертвъ... Чуть съ печки не свалилась старуха кубаремъ отъ испуга, выбѣжала на улицу и давай кричать: караул!

Для Ванятки была разрыта могила матери и гробикъ его поставленъ къ ея ногамъ. Какъ при жизни лежалъ онъ свернувшись у ногъ ея, такъ лежитъ и теперь, только тщательнo вытянутый и выпрямленный обряжавшими его старухами и засыпанный одной и той же съ матерью землей!

И такъ судьба не отгадала, говоря про крапивниковъ, что «люди эти преодолеваютъ все, потому что съ младенчества обречены на борьбу съ людьми, общественнымъ мнѣніемъ и щекотливостію положенія и что, подобно намъ, они не раскисаютъ при малѣйшей наудачѣ!»

Предлагаемый рассказъ показываетъ, что есть и такіе, которые даже весьма скоро *раскисаютъ* и которымъ иногда впору, подобно перепугавшейся старой просвириѣ, выбѣжать на улицу и кричать: караул!..

И. Саловъ.

ЛИВЕРПУЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

ФИНАНСОВЫХЪ РЕФОРМЪ ¹.

II. Критика расходовъ на содержаніе королевскаго двора и на пенсіи.

Ни одна отрасль государственныхъ расходовъ въ исторіи англійскаго бюджета, вѣроятно, не подвергалась столь различнымъ преобразованіямъ въ сравнительно короткій періодъ времени и не вела за собой такой оживленной парламентской борьбы, какъ цивиль-листь или расходы на содержаніе двора. До конца XVII вѣка цивиль-листь не существовалъ въ современномъ смыслѣ этого слова: всѣ доходы правительства прямо поступали въ королю, который и былъ отвѣтственъ уже за всѣ издержки правительства, какого бы рода онѣ ни были, т. е. уплачивалъ безразлично всѣ расходы государства. Послѣ революціи 1688 г., произошла первая важная въ этомъ отношеніи перемѣна: тяжесть расходовъ морскихъ и военныхъ и уплата по государственному долгу были настолько уже велики, что для покрытія ихъ были назначены спеціальныя источники, исключенныя изъ непосредственнаго распоряженія королевской власти, съ которой была снята обязанность ихъ уплачивать. Окончательно это начало было установлено въ царствованіе Анны, при которой прошелъ законъ о цивиль-листвѣ (Civil List Act), ограничившій расходъ денегъ, ассигнуемыхъ парламентомъ королевѣ, исключительно расходами на гражданское управленіе (Civil Government). Такимъ образомъ, въ прежнее время, понятіе цивиль-листь было весьма широко и включало въ себя, кромѣ расходовъ двора, всѣ государственныя расходы, исключая военныхъ, морскихъ и уплаты процентовъ и погашенія по займамъ. Лишь съ ходомъ времени это понятіе начинаетъ болѣе и болѣе суживаться и ограничи-

¹ См. «Отчетъ Записки», за іюль, августъ и сентябрь.
Т. ССXLVII.—Отд. I.

ваться вмѣстѣ съ постепеннымъ исключеніемъ изъ цивиль-листа различныхъ расходовъ гражданскаго управленія и образованіемъ изъ нихъ самостоятельныхъ рубрикъ бюджета. Еще при Георгѣ IV (въ 1820 году) къ цивиль-листу относились всѣ расходы на министерство иностранныхъ дѣлъ и большая часть расходовъ на юстицію, и не ранѣе настоящаго царствованія королевы Викторіи цивиль-листъ въ англійскомъ бюджетѣ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ понимается въ континентальной Европѣ, т. е. исключительно росписью расходовъ на содержаніе главы государства съ его семействомъ и придворнаго вѣдомства, вмѣстѣ съ издержками, зависящими непосредственно отъ воли монарха.

Первая наиболѣе извѣстная и рѣшительная попытка критической оцѣнки этихъ расходовъ англійскаго бюджета принадлежить знаменитому оратору прошлаго вѣка Борку, который въ своей парламентской рѣчи «объ экономической реформѣ», 11-го февраля 1780 года, выступилъ съ планомъ преобразованія между прочимъ расходовъ придворнаго вѣдомства, которые онъ называлъ «оплотомъ расточительности и дѣвственной крѣпостью, которую никто еще не бралъ приступомъ»¹. Рѣчь эта замѣчательна болѣе съ внѣшней стороны, какъ образецъ блестящаго краснорѣчія, нежели по богатству своего содержанія: сущность ея, по отношенію къ разбираемому вопросу, заключается въ нападкахъ на остатки феодализма въ формѣ различныхъ герцогскихъ и графскихъ владѣній (Честеръ, Ланкастеръ, Корнвалісъ и пр.) съ особыми для каждаго придворными штатами и бесполезными для нихъ расходами. Боркъ требовалъ уничтоженія какъ этихъ штатовъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ должностей. Въ то же самое время, другой членъ парламента Доннингъ предложилъ заявить, что «во-первыхъ, вліяніе короны увеличилось, увеличивается и должно быть уменьшено, и во-вторыхъ, что парламентъ имѣетъ право изслѣдовать и исправить недостатки цивиль-листа, какъ и всякой отрасли общественнаго расхода». Это мнѣніе было принято большинствомъ 113 голосовъ, но привело за собой лишь незначительное сбереженіе. При воцареніи Георга IV (1820 года), опять былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ и ограниченіи расходовъ двора по мысли извѣстнаго лорда Брума: онъ предложилъ перечислить въ государственное казначейство какъ тѣ доходы короны, на которые еще нападалъ Боркъ (т. е. отъ земельныхъ владѣній), такъ и доходы *случай-*

¹ Edmund Burke's Works 1867. Vol. II. Speech on the Economical Reform, стр. 60.

ме, болшею частію феодальнаго происхожденія ¹. Кромѣ того, Брумъ предлагалъ исключить изъ цивиль-листа расходы на жалованье судебного вѣдомства, иностраннаго министерства и нѣкоторыя парламентскія издержки, которыя также входили въ счетъ цивиль-листа. Въмѣсто же отнятыхъ у короля доходовъ, по его мысли, слѣдовало назначить ежегодную дотацію изъ общихъ государственныхъ средствъ. Какъ извѣстно, это предложеніе, благодаря энергической оппозиціи со стороны министерской партіи и лично Каннинга, потерпѣло крушеніе и было отвергнуто большинствомъ голосовъ. Тѣмъ не менѣе справедливость его заявленія выразилась въ томъ фактѣ, что когда, черезъ одинадцать лѣтъ, на престолъ Англіи вступилъ новый монархъ (Вилліамъ IV), то новое министерство 1831 года уже само рекомендовало парламенту принять въ настоящемъ случаѣ тѣ самыя мѣры, которыя были отвергнуты вслѣдствіе протеста Каннинга, и дѣйствительно, нѣкоторыя изъ предложенныхъ Брумомъ измѣненій были немедленно приняты и цивиль-листъ съ 850,000 ф. с. при Георгѣ IV былъ пониженъ до 510,000 ф. с. при Вилліамѣ IV. Наконецъ, нѣсколько позднѣе, при вступленіи на престолъ нынѣ царствующей королевы Викторіи, произошло дальнѣйшее пониженіе: одинъ изъ первыхъ же законодательныхъ актовъ, изданныхъ при ней, гласитъ, что королева отдаетъ, какъ и ея предшественники, всѣ свои наслѣдственные доходы въ распоряженіе парламента и что съ этихъ поръ эти доходы будутъ поступать прямо въ государственную казну. Съ своей стороны, для возмѣщенія этихъ доходовъ, парламентъ ежегодно назначаетъ сумму въ 385,000 ф. с., которая и идетъ «для поддержанія придворнаго вѣдомства ея величества, чести и достоинства короны». Важное ограниченіе сверхъ того сдѣлано относительно пенсій: королева можетъ раздавать ихъ лишь на сумму не свыше 1,200 фунт. стерл. въ годъ ².

Такимъ образомъ, ливерпульское общество финансовыхъ реформъ имѣло передъ собой проторенный путь, по которому ему

¹ Сюда относятся по преимуществу такіе остатки средних вѣковъ, которые практически потеряли въ финансовомъ отношеніи всякій смыслъ и значеніе. Приведемъ ради любопытства нѣкоторые: Royal fish — право собственности короля на всякаго кита и большихъ рыбъ, выброшенныхъ моремъ на берегъ; Wreckage — право короля на остатки кораблекрушенія, выброшенные на берегъ; Flotsam и Jetsam — тѣ же остатки, но еще плавающие или потонувшіе въ морѣ; Waifs — право короля на всѣ вещи, брошенныя воровъ во время бѣгства преступника и на которыя не является претендента; Straus — право на заблудшихъ домашнихъ животныхъ, на которыхъ не находится хозяинъ, и т. д., и т. д.

² См. *Spencer Walpole: History of England from the Conclusion of the Great War in 1815. 1879. Vol II, стр. 5—12, 620—634.*

предстояло слѣдовать въ своей критикѣ расходовъ на содержаніе королевскаго двора. Оно видимо придавало этимъ расходамъ особенно важное значеніе, ибо критикой ихъ открывалась и начиналась печатная дѣятельность ассоціаціи. Первый трактатъ первой же серіи носитъ названіе «Цивиль-листъ», и второй — «Цивиль-листъ и расходы на пенсіи», и кромѣ того, тому же вопросу специально посвященъ особый трактатъ второй серіи (№ XIV), не говоря уже о томъ, что ливерпульскому обществу приходится касаться расходовъ на содержаніе двора и во многихъ иныхъ трактатахъ, посвященныхъ другимъ финансовымъ вопросамъ.

Первый трактатъ открывался бѣглымъ статистическимъ обзоромъ всѣхъ расходовъ мирнаго времени, начиная со времени Георга I, за исключеніемъ платежей по государственнымъ долгамъ. При этомъ королѣ означенные расходы составляли по даннымъ ассоціаціи около двухъ съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, при Георгѣ II — 2 милліон. 766 тыс. ф. с., при Георгѣ III — почти то же самое (въ 1792 году)! но при Георгѣ IV — уже 21 милліон., при Вилліамѣ IV (1835 г.) — 15 милл. и при королевѣ Викторіи (1848 г.) — уже 24 милл. ф. с. «Привычка къ расточительнымъ и опустошительнымъ издержкамъ, замѣчаетъ при этомъ трактатъ: — никогда не уничтожалась, но въ продолженіе царствованія Вилліама IV были сдѣланы сильныя и успѣшныя попытки къ экономіи, благодаря всеобщему настойчивому народному требованію сокращенія расходовъ. Эти условія, однако, когда народное вниманіе было обращено на другіе предметы, ослабили и каждый годъ издержки постоянно увеличивались. Настоящее правительство довело ихъ до небывалой и крайней высоты: издержки 1848 года превосходятъ 1835 годъ на цѣлую половину!» Но даже и безъ этихъ цифръ, по словамъ трактата, можно судить о непреодолимой необходимости финансовыхъ реформъ на основаніи нагляднаго печальнаго положенія всѣхъ классовъ народа въ Британскомъ королевствѣ. «Наши купцы, мануфактуристы и ремесленники, не имѣя болѣе надежды на прибыль, которая должна была бы вознаграждать ихъ трудолюбіе, уже цѣлые годы отчаянно борются, чтобы спастись отъ полнаго разрушенія и многіе изъ нихъ, несмотря на всю опытность и искусство, пали въ этой борьбѣ. Наши рабочіе всякаго рода въ замѣнъ своего крайне тяжелаго труда едва могутъ зарабатывать средства даже недостатчныя для голаго существованія; тысячи изъ нихъ, по недостатку спроса на трудъ, попали въ рабочіе дома, чтобы только спастись отъ голодной смерти».

Нарисовавъ такую печальную картину экономическаго полс-

женія народа, трактатъ переходитъ къ указанію первыхъ и главнѣйшихъ мѣръ для его поправленія: «абсолютно необходимо, по его мнѣнію, экономизировать народный (т. е. государственный) доходъ съ самой сильной бережливостью, почему правительственныя издержки должны быть ограничены строжайшими предѣлами одной непреложной необходимости». «Истинное предупредительное средство противъ излишнихъ издержекъ заключается въ уменьшеніи нашихъ военныхъ вооруженій, уничтоженіи всѣхъ синекуръ, незаслуженныхъ пенсій и ничѣмъ не заработанныхъ, а потому безчестныхъ и несправедливыхъ платежей всякаго рода, получаемыхъ отъ правительства. Со стороны канцлера казначейства и главъ отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія, при этомъ, требуется постоянное и усиленное наблюденіе надъ каждой статьей расхода. Но одно сокращеніе издержекъ еще далеко не исчерпываетъ всего, что требуется: важное уменьшеніе существующаго чрезмѣрнаго обложенія, всецѣлая ревизія существующей системы взиманія налоговъ и, наконецъ, приступъ къ будущему постепенному уменьшенію государственныхъ долговъ—все это вмѣстѣ настоятельно вызывается простыми требованіями справедливости и здравой политики. Но ненужно забывать, однако, добавляетъ трактатъ, что къ этимъ мѣрамъ необходимымъ и первымъ шагомъ должно служить все-таки сокращеніе расходовъ, почему къ этой именно цѣли и направляются первоначальныя усилія ассоціаціи финансовыхъ реформъ. Она убѣждена притомъ, что для того чтобы данныя мѣры были дѣйствительны и послужили успѣшно хорошиимъ примѣромъ, урѣзваніе расходовъ должно начаться съ высшихъ сферъ... согласно чему ассоціація и указываетъ тотъ крайній предѣлъ, до котораго могутъ простирается издержки содержанія королевскаго семейства (Cost of Royalty)¹. «Едва ли возможно отрицать послѣ всѣхъ въ разное время указанныхъ нами данныхъ, утверждаетъ другой трактатъ Ливерпульскаго Общества:—что наше государственное хозяйство отличается крайней расточительностью: бесполезныя, но дорого оплачиваемыя должности, жалованье чиновниковъ внѣ всякаго отношенія къ ихъ заслугамъ, синекурныя мѣста, съ которыми никакихъ обязанностей не связано, вознагражденія за уничтоженныя должности, которыя никогда бы не должны существовать, наконецъ соединеніе за бездѣльемъ нѣсколькихъ должностей въ одномъ и томъ же лицѣ, короче, всѣ признаки расточительности государственныхъ денегъ составляютъ господствующую черту англійскаго бюджета во всѣхъ отрасляхъ управленія;

¹ *Financial Reform Tracts. First Series, № 1, стр. 2.*

къ сожалѣнiю, придворное вѣдомство въ этомъ отношенiи не только не составляетъ исключенiя, но даже служитъ живымъ примѣромъ и неслетнымъ образцомъ всѣхъ указанныхъ недостатковъ, влiяющихъ вредно сначала на великихъ и сильныхъ людей земли сей, а черезъ нихъ и на весь народъ, на всѣ классы до самаго низшаго по общественной лѣстницѣ... Но когда больна голова, заключаетъ трактатъ метафорой, то естественно и неизбѣжно, что и все тѣло и его члены должны быть не въ порядкѣ¹. Затѣмъ, трактатъ ливерпульской ассоциаци финансовыхъ реформъ обращается къ подробному исчисленiю расходовъ придворнаго вѣдомства съ цѣлью указать всѣ его недостатки и возможные сокращенiя издержекъ. Всѣ расходы по содержанiю королевскаго двора, въ широкомъ смыслѣ, покрываются изъ трехъ источниковъ: цивиль-листомъ въ 385 тыс. ф. с., ассигнованнымъ парламентомъ еще въ 1837 году, доходами съ удѣльных имѣнiй (Apparage) и различныхъ королевскихъ прерогативъ, сумма которыхъ не можетъ быть точно опредѣлена, и въ-третьихъ (что составляетъ исключительную особенность англiйскаго бюджета) расходы на содержанiе королевскихъ дворцовъ и парковъ не включаются въ цивиль-листъ, а составляютъ особую статью бюджетныхъ назначенiй на расходъ «по общественнымъ зданiямъ и работамъ» (Public Works and Buildings). Главнѣйшимъ образомъ ливерпульское общество разбираетъ первую категорiю придворныхъ расходовъ, т. е. цивиль-листъ въ его тѣсномъ значенiи — содержанiя назначеннаго парламентомъ на придворное вѣдомство. Ежегодная сумма эта, 385 тыс., распределяется, согласно закону, слѣдующимъ образомъ: 60,000 ф. с. — на «личные, безконтрольные расходы королевы» (Her Majesty's Privy Purse), 13,200 ф. с. — на «награды», «специальныя услуги» и «дѣла благотворительности», 1,200 ф. с. — на «пенсiи по личному пожалованiю королевы» и 8,040 ф. с. безъ спеціальнаго назначенiя (unappropriated money). За этими не многими исключенiями, вся остальная наибольшая часть цивиль-листа распределяется по четыремъ департаментамъ или отдѣленiямъ придворнаго вѣдомства: департаментъ оберъ-каммергера (Lord Chamberlain) завѣдуетъ содержанiемъ и расходами двора, за исключенiемъ кухни и конюшенъ; департаментъ оберъ-гофмейстера (Lord Stewart) вѣдаетъ всѣ расходы по кухнѣ; департаментъ оберъ-штальмейстера — по королевскимъ конюшнямъ и охотѣ, и департаментъ оберъ-гардеробмейстера (теперь Mistress of the Robes) завѣдуетъ

¹ *Financial Reform Tracts. Second Series, № XIV. The Royal Household a Model to Parliament and the Nation.*

расходами на придворные костюмы. Всѣ расходы по этимъ четыремъ департаментамъ раздѣляются въ свою очередь на двѣ категоріи: а) уплата по счетамъ поставщиковъ—ремесленниковъ и торговцевъ и б) расходы на личный составъ придворнаго вѣдомства или жалованье придворнаго штата.

Первая категорія придворныхъ расходовъ поглощаетъ изъ всего бюджетнаго назначенія около половины—до 174 тыс. ф. с., и противъ нихъ трактаты ливерпульскаго общества почти не возражаютъ, ограничиваясь лишь указаніями нѣкоторыхъ выдающихся издержекъ. Дѣйствительно, въ большинствѣ ихъ нельзя не назвать весьма умѣренными, хотя иногда и встрѣчаются статьи расходовъ, своей высотой привлекающія вниманіе ливерпульской ассоціаціи. Такъ, напримѣръ, въ первомъ департаментѣ дворцоваго управленія—оберъ-каммергера, означены всѣ ежегодные расходы на перчаточниковъ въ 97 фунтовъ стерл., на портнихъ—25 ф. с., шляпошниковъ — 14 ф. с., но за то въ то же время на обойщиковъ, драпировщиковъ и рѣзчиковъ по дереву показана огромная сумма въ 11,381 ф. с.: такой расходъ вполне умѣстенъ и понятенъ, по мнѣнію трактата, однажды въ нѣсколько лѣтъ, при отдѣлкѣ дворцовъ, но повторяемый ежегодно уже является чрезмѣрно высокимъ. Тоже замѣчаніе относится и къ значительному расходу на *оружейниковъ*: на этихъ послѣднихъ ремесленниковъ, показанныхъ вмѣстѣ со слесарями и кузнецами, ежегодно затрачивается до 4,119 фун. стер.

Во второмъ департаментѣ — оберъ-гофмейстера, большинство счетовъ также отличается умѣренностію, хотя и тутъ нѣкоторыя цифры привлекаютъ вниманіе трактата: такъ весь расходъ на королевныя путешествія не превосходитъ 1,050 ф. с. въ годъ, еще болѣе ничтоженъ расходъ по этому департаменту на королевскія яхты—всего лишь 45 ф. с., но зато расходъ на пиво и эль составляетъ 2,811 ф. с., ликеры—1,843 ф. с., вина—4,850 ф. с., молоко и сливки—1,478 ф. с., хотя существуютъ для поставки послѣднихъ продуктовъ казенныя образцовыя фермы, и, наконецъ, даже на такой продуктъ, столь мало употребляемый при дворѣ, какъ салныя свѣчи, ежегодно расходуется сравнительно значительная сумма въ 679 ф. с.

Самый крупный расходъ, останавливающій вниманіе въ третьемъ департаментѣ — оберъ-шталмейстера, составляютъ издержки на ливрей: для этой цѣли расходуется 6,208 ф. с., вдвое болѣе нежели на самый существенный предметъ департамента — лошадей (3,345 ф. с.), болѣе чѣмъ ихъ фуражъ (5,308 ф. с.) или чѣмъ на экипажи (4,215 ф. с.); остальные расходы большею частію крайне ничтожны (напр. на приобрѣтеніе хлыстовъ и кну-

товъ 46 ф. с., удиль и шпоръ — 30 ф. с. и т. д.). Наибольшей же скромностью отличаются расходы по королевскому гардеробу: всѣ расходы (уплата по счетамъ) по четвертому департаменту — оберъ-гардеробмейстера не превосходятъ 5,000 ф. с. Очевидно, или этотъ важный (въ смыслѣ расходовъ) департаментъ отличается сравнительной бережливостью, благодаря свойствамъ личного характера королевы, или же большую часть его расходовъ королева принимаетъ на свой счетъ въ предѣлахъ ассигнуемыхъ ей парламентомъ карманныхъ денегъ¹.

Но если этотъ отдѣлъ расходовъ ассоціація оставляетъ почти безъ критики, то тѣмъ большей она подвергаетъ расходы на личный составъ придворнаго вѣдомства. Цѣлыхъ три трактата (№ I и II первой сери и № XIV второй) посвящены подробному исследованію этой важной отрасли расходовъ двора: трактаты перечисляютъ всѣ придворные чины, начиная отъ послѣдняго грума и пажей и до ближайшихъ родственниковъ королевы, занимающихъ какія-либо придворныя должности, они знакомятъ съ ихъ обязанностями, взвѣшиваютъ и оцѣниваютъ эти обязанности сравнительно съ получаемымъ содержаніемъ и другими выгодами отъ должности, и дѣлаютъ приговоръ относительно необходимости и цѣлесообразности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ данного государственнаго расхода.

Первое мѣсто въ бюджетѣ двора (по величинѣ расходовъ) занимаетъ *департаментъ оберъ-каммергера*, на личный составъ котораго ежегодно затрачивается до 66,499 ф. с. Глава этого отдѣла дворцоваго вѣдомства — «оберъ-каммергеръ», получающій 2,000 ф. с. содержанія, и его помощникъ «вице-обер-каммергеръ», съ жалованьемъ въ 924 ф. с., представляютъ собой должности чисто политическія, т. е. лица, ихъ занимающія, мѣняются вмѣстѣ съ каждой перемѣной министерства. На обязанности «оберъ-каммергера» лежитъ высшій надзоръ надъ всѣми чиновниками и служителями королевскихъ палатъ (Chambers), исключая королевской опочивальни, которую завѣдуетъ «первый лордъ постельничій» — должность, которая вслѣдствіе того, что престолъ Великобританіи занятъ нынѣ женщиной, временно упразднена. «Оберъ-каммергеру» принадлежитъ надзоръ за придворной медицинскою частію, придворной музыкой, театрами, заботы объ убранствѣ дворцовъ и приѣмныхъ апартаментовъ и контроль надъ всѣми расходами при коронаціяхъ, королевскихъ свадьбахъ, похоронахъ, аудіенціяхъ и тому подобныхъ случаяхъ. Должность эта такимъ образомъ является повидимому весьма разносторонней

¹ *Financial Reform Tracts. Civil List, № 1, стр. 14, 15.*

и сложной, а потому и недорого оплачиваемой. Въ дѣйствительности, вслѣдствіе уже политическаго ея характера и частой перемѣны лицъ, ее занимающихъ, она является въ значительной степени синекурой, дается обыкновенно какому-либо аристократу, члену новой министерской партіи, который и получаетъ все значительное содержаніе почти задаромъ, а его обязанности исполняются низшими чиновниками, не смѣняющимися, а потому и близке знакомыми со всѣмъ обиходомъ придворнаго хозяйства.

Кромѣ самого оберъ-каммергера и его помощника, въ томъ же департаментѣ, къ должностямъ съ политическимъ характеромъ и, слѣдовательно, частой смѣной, принадлежатъ слѣдующія: «каммергеры, состоящіе на дѣйствительной службѣ» (Lords in Waiting), «капитанъ почетной лейбъ-гвардіи» (Gentlemen at Arms) и «капитанъ йоменовъ-тѣлохранителей» (Yeomen of the Body Guard). Всѣхъ каммергеровъ считается восемь человекъ, и эти должности и занимаются обыкновенно приверженцами министерской партіи; «службу» ихъ нельзя назвать ни продолжительной, ни обременительной: каждый каммергеръ обязанъ присутствовать во дворцѣ, по очереди, три раза въ годъ, каждый разъ по двѣ недѣли, или всего шесть недѣль въ году. Вся ихъ обязанность при этомъ состоитъ почти лишь въ томъ, что они обѣдаютъ вмѣстѣ съ королевой, и за это получаютъ въ годъ по 702 ф. с. каждый (и, слѣдовательно, всѣ восемь—5,616 ф. с.) «Честь обѣдать вмѣстѣ съ королевой, замѣчаетъ трактатъ:—должна бы быть уже достаточнымъ вознагражденіемъ аристократамъ, занимающимъ должности «каммергеровъ», и при извѣстной доль рыцарскаго чувства, они должны бы были считать унижительнымъ для себя становиться наемниками, получая плату за такую «службу»¹.

Другія двѣ высшія должности капитановъ «почетной лейбъ-гвардіи и йоменовъ-тѣлохранителей» въ томъ же департаментѣ требуютъ предварительно историческаго и фактическаго объясненія. Почетная лейбъ-гвардія (Honourable Corps of Gentlemen at Arms) первоначально учреждена Генрихомъ VIII: она состояла сначала исключительно изъ членовъ высшихъ фамилій и выбиралась для службы самимъ государемъ. Лордъ Гендсонъ, капитанъ этой лейбъ-гвардіи, въ XVII вѣкѣ, въ письмѣ къ Якову II. при его восшествіи, описывалъ ее тогда состоящей изъ избранныхъ лучшихъ и древнѣйшихъ фамилій королевства и прибавляетъ далѣе, что эта лейбъ-гвардія служила всегда расадни-

¹ F. R. T. The Royal Household a Model to Parliament and Nation, № XIV, стр. 19.

комъ, въ которомъ джентльмены воспитывались и готовились быть назначенными депутатами въ Ирландію, посланниками въ чужіе края, губернаторами и вообще государственными сановниками». Злоупотребленія, которыя имѣли мѣсто, благодаря существованію такого аристократическаго питомника, протекціи и личнаго произвола, не разъ вызывали общее неудовольствіе, и съ царствованія Вилліама IV въ организациі этой лейбъ-гвардіи произошла значительная перемѣна: поступленіе въ нее на службу сдѣлано болѣе доступнымъ для лицъ неаристократическаго происхожденія, пожалованіе королемъ уничтожено и, вмѣсто того, установлена общая система британской военной службы, т. е. продажа чиновъ по весьма высокой цѣнѣ, начиная съ самаго низшаго: должность рядового въ этой почетной службѣ стоитъ свыше 1,400 ф. с., а лейтенанта—до 10,000 ф. с., или около 100,000 кредитныхъ рублей: всякій желающій служить при дворѣ, въ случаѣ весьма рѣдкой, впрочемъ, вакансіи, можетъ купить себѣ мѣсто; единственное ограниченіе для поступающаго, это, чтобы кандидатъ не занимался торговлей или промышленностію. Рядовой почетной лейбъ-гвардіи считается въ одномъ рангѣ съ капитаномъ арміи и его служба заключается въ присутствіи на разныхъ церемоніяхъ въ богатомъ костюмѣ, при чемъ, по очереди каждый изъ нихъ свободенъ 6 мѣсяцевъ въ году. Начальникъ этой почетной лейбъ-гвардіи, капитанъ (1,000 ф. с. жалованья) составляетъ исключеніе въ продажной системѣ и его должность не покупается, а замѣщается непременно перомъ, по назначенію правительства, но всегда мѣняется вмѣстѣ съ перемѣной министерства, т. е. имѣетъ характеръ строго-политическій. Тотъ же совершенно характеръ имѣетъ и должность капитана у «йоменовъ-тѣлохранителей» (которымъ народъ далъ прозвище «мясоѣдовъ» (beef-cater) за ихъ откормленную и сытую наружность), хотя самая ихъ служба и ея условія нѣсколько отличны: во-первыхъ, должности рядовыхъ въ этомъ отрядѣ уже болѣе не продажны, а на нихъ назначаются лица изъ отставныхъ и заслуженныхъ офицеровъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, и во-вторыхъ, самая служба ихъ нѣсколько дѣятельнѣе: они содержатъ во дворцѣ постоянные караулы (лишь въ верхнемъ этажѣ дворца), сорокъ человекъ днемъ и двадцать — ночью и, кромѣ того, исполняютъ тамъ же и всѣ полицейскія обязанности. Различаясь отъ «почетной лейбъ-гвардіи» въ этомъ отношеніи, «йомены-тѣлохранители», по мнѣнію ливерпульскаго общества, сходны съ ней во всемъ остальномъ, а главное, въ одинаковой же бесполезности своего существованія: при цѣлыхъ трехъ уже полкахъ «дворцовой лейбъ-гвардіи», которыхъ

главная цѣль состоитъ въ охранѣ монархиче (охранѣ совершенно излишней при любви подданныхъ), эти два маленькіе отряда, представляющіе собой пародію на настоящихъ солдатъ въ своихъ фантастическихъ средневѣковыхъ уборахъ, являють вполнѣ непродуманной тратой государственныхъ денегъ и поощреніемъ мелочнаго тщеславія.

Непосредственно за «каммергерами», состоящими на дѣйствительной службѣ, слѣдуютъ ихъ помощники, камеръ-юнкеры (Grooms in Waiting) также 8 человекъ, изъ которыхъ каждый получаетъ свыше 335 ф. с. жалованья (а всѣ вмѣстѣ обходятся казначейству 2,685 ф. с.). Насколько обязанности ихъ несложны, можно судить потому, что большинство изъ нихъ (пять лицъ) занимають другія должности и получаютъ, слѣдовательно, отъ казны двойное содержаніе. Мало того, одинъ изъ нихъ «сверхштатный камеръ-юнкеръ» (Extra Groom in Waiting), достопочтенный Чарльзъ-Августъ Муррей, живетъ даже далеко за предѣлами Англій, а именно занимаетъ постъ посланника въ Персіи, гдѣ недавно неблагоразумнымъ вмѣшательствомъ въ туземныя дрязги прервалъ-было всѣ дипломатическія сношенія. «Мы не знаемъ, замѣчаетъ по этому поводу трактатъ: — получаетъ ли онъ жалованье за свою камеръ-юнкерскую должность въ Англій, вредя британскимъ интересамъ въ Персіи, или нѣтъ, но можно быть увѣреннымъ, что ея величество не потерпѣла бы ни малѣйшаго неудобства, еслибы и всѣ его товарищи также проживали въ Тегеранѣ¹».

Весьма однородныя должности въ томъ же департаментѣ представляютъ собой такъ-называемые джентльмэны-придверники (Gentlemen Ushers), которые бывають трехъ родовъ («джентльмэны-придверники тайной каммеры», джентльмэны-придверники, состоящіе на ежедневной службѣ, джентльмэны-придверники, чередующіеся по четвертямъ года, и, наконецъ, ихъ помощники). Всѣ эти мѣста—довольно выгодныя синекуры, доставляющія, кромѣ положенныхъ окладовъ (отъ 120 до 200 ф. с.), разныя добавочныя содержанія и протекцію при дворѣ: за рѣдкими исключеніями и въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обязанности ихъ исполняются или обыкновенно камеръ-лакеями, или такъ называемыми «пажами черной лѣстницы» (Pages of the Back-Stairs). Старшій между придверниками занимаетъ также весьма доходную, хотя и весьма странную должность «лорда придверника черной трости» въ палатѣ лордовъ: почти вся его обязанность заключается въ томъ, что разъ—не чаще—въ году онъ пред-

¹ F. R. T. № XIV второй серіи, стр. 19.

шествуетъ королевѣ (напр., при открытіи сессіи въ парламентѣ), при чемъ, вооруженный тростью, онъ идетъ изъ палаты лордовъ въ палату общинъ (обращенный къ первой лицомъ, т. е. непременно пятясь задомъ), чтобы объявить о ея прибытіи и приглашать палату для выслушанія королевской рѣчи. Мѣсто это весьма цѣнится между англійской аристократіей.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателей перечисленіемъ всѣхъ многочисленныхъ должностей, принадлежащихъ къ департаменту «оберъ-каммергера»; изъ имѣющихъ большее значеніе заслуживаютъ упоминанія должности «церемоніймейстера» и его помощниковъ, «маршала», трехъ «герольдовъ», «контролёра отчетовъ», «главнаго клерка» и его помощниковъ и т. д. За исключеніемъ послѣднихъ, обязанности этихъ чиновниковъ ограничиваются болѣею частію только чрезвычайными случаями, хотя всѣ они состоятъ на постоянномъ жалованьи; самый почетный характеръ ихъ должностей могъ бы служить, по мнѣнію ливерпульской ассоціаціи, достаточнымъ вознагражденіемъ ихъ несложнаго и нетруднаго дѣла. Почти единственное исключеніе составляютъ такъ называемые «джентльмены тайной каммеры» (40 человекъ), которые исполняютъ однородныя же занятія, не получая никакого жалованья.

Къ вѣдѣнію «оберъ-каммергера» причисляется также и департаментъ оберъ-гардеробмейстера, который, впрочемъ, нынѣ имѣетъ своего самостоятельнаго начальника, въ лицѣ гардеробмейстерины (Mistress of the Robes). Эта должность въ царствованіе королевы имѣетъ особенно важное значеніе, ибо съ ней соединяются также и обязанности временно-упраздненной должности «перваго лорда-постельничьяго» (Lord of the Bed-Chamber, онъ же Groom of the Stole). Должность гардеробмейстерины или главной статсъ-дамы занимается обыкновенно герцогиней изъ богатѣйшихъ фамилій королевства, которая, тѣмъ не менѣе, получаетъ 500 ф. с. жалованья: она — главная начальница королевской опочивальни, имѣетъ высшій надзоръ за парадными костюмами и туалетомъ королевы, при государственныхъ церемоніяхъ, съ которой вмѣстѣ и ѣдетъ въ одной каретѣ. Ей же подчинены всѣ придворныя дамы, для которыхъ она назначаетъ и сроки очередной службы; изъ этихъ дамъ первое мѣсто по рангу занимаютъ 8 статсъ-дамъ (тоже жалованье по 500 ф. с.), обязанность которыхъ поочередно три раза въ году, по двѣ недѣли каждый срокъ, служить королевѣ, т. е. присутствовать при ней и составлять ей общество. Мѣста эти занимаютъ зватѣйшими дамами Великобританіи (напр., герцогиня Норфолькъ, герцогиня Веллингтонъ и т. п.), для которыхъ получаемое жалованье со-

ставляетъ сущіе пустяки, почему эти почетныя должности и званія и слѣдуетъ, по мнѣнію ливерпульскаго общества, сдѣлать безвозмездными.

То же самое замѣчаніе относится въ равной степени и къ прочимъ женскимъ придворнымъ должностямъ, каковы обязанности «фрейлингъ» и «каммерфрау», нѣкогда, можетъ быть, имѣвшія значеніе и дѣйствительной службы, а теперь соединяющія съ собою представленіе лишь о почетномъ званіи, связанномъ съ легкими и, пріятными занятіями. «Правила придворной администраціи ея величества королевы», изданныя въ 1625 году, при Карлѣ I, вскорѣ послѣ его женитьбы на Генриеттѣ французской, такъ напр., опредѣляютъ служебныя обязанности «фрейлины» (Maid of Honour) того времени: фрейлины должны являться въ пріемную комнату королевы не позднѣе 11-ти часовъ утра и идти на молитву, а послѣ нея служить королевѣ вплоть до обѣда. Затѣмъ, въ два часа (очевидно, обѣдъ былъ ранній, не позднѣе часа), возвратиться въ ту же комнату и оставаться тамъ до ужина. Когда же фрейлины возвратятся къ себѣ въ комнаты, то ни одинъ мужчина отнюдь туда не допускается; если же онѣ пожелаютъ куда-либо отлучиться, то обязаны спросить дозволенія оберъ-каммергера, вице оберъ-каммергера или ея величества. Надзирательница или мамка (Mother of the Maids) наблюдаетъ, чтобы всѣ правила, къ нимъ относящіяся, строго соблюдались, такъ какъ она сама отвѣчаетъ въ противномъ случаѣ. Если же она найдетъ, что какая-либо изъ фрейлингъ отступаетъ отъ правилъ, которыми обязана повиноваться, то немедленно доносить объ этомъ оберъ-каммергеру». Всѣ эти старыя правила уже нынѣ не примѣняются, и фрейлины (8 числомъ), въ настоящее время, служатъ только украшеніемъ двора и не подчиняются строгимъ ограниченіямъ, имѣвшимъ мѣсто для ихъ прабабушекъ. Подобно «статсъ-дамамъ», онѣ являются компаніонками у ея величества, чередуясь по двѣ въ мѣсяцъ. Каждой фрейлингъ приходится, такимъ образомъ, пользоваться почетнымъ обществомъ королевы лишь три мѣсяца въ году и за это въ добавокъ получать прекрасное жалованье (300 ф. с.). Одинаково съ фрейлинами сильно облегчены, сравнительно съ былымъ временемъ, обязанности «каммерфрау» (Bedchamber Women), а между тѣмъ остались значительныя оклады жалованья, потерявшіе смыслъ (8 каммерфрау, съ окладомъ по 300 ф. с. каждая: вообще число *восемь* играетъ большую роль при англійскомъ дворѣ). Прежде «каммерфрау» исполняли назначеніе настоящихъ служанокъ и обязанности ихъ были довольно унижательныя. Вотъ какъ ихъ, напримѣръ, описываетъ въ XVIII вѣкѣ Генриетта, герцогиня Суффолькъ въ своей

корреспонденціи съ одной пріятельницей: «Каммерфрау» является въ спальню еще до молитвы королевы и пока та еще не одѣта. Королева часто по утрамъ переодѣвается. Если это происходитъ въ полдень, то здѣсь присутствуетъ статсъ-дама, «камерфрау» подаетъ ей перемѣну, а та уже одѣваетъ королеву... Когда королева умываетъ руки, пажъ съ черной лѣстницы (Page of the Back Stairs) приноситъ тазъ и кувшинъ и ставитъ ихъ на столъ, «камерфрау» становится на колѣни и подаетъ воду изъ кувшина, пока королева умоется; обязанность же «статсъ-дамы» ограничивается тѣмъ, что она стоитъ около. Башмаки королевѣ надѣваетъ тотъ же пажъ, а перчатки, когда сама королева затруднится, надѣваетъ «каммерфрау»; точно также она приноситъ и шоколадъ. Все это въ настоящее время уже вышло изъ обычая и должности «каммерфрау» исполняются аристократками (визонтесса Форбсъ, визонтесса Чьютонъ и пр.), составляющими утреннее общество королевы. Прежнія же ихъ обязанности, за которыя они по старому получаютъ жалованье, исполняются въ дѣйствительности одной и той же женщиной, сверхштатной «каммерфрау» — мистрисъ Праттъ. И такъ, и здѣсь повторяется одно и то же явленіе: старый смыслъ и значеніе извѣстной придворной должности утратился и она превратилась въ синекуру, обременяя бесполезно своимъ содержаніемъ государственное казначейство. Превращеніе этихъ должностей въ почетное званіе безъ всякаго денежнаго вознагражденія является поэтому, по словамъ ливерпульскаго общества, безусловно необходимымъ и желательнымъ, какъ въ интересахъ сбереженія народной казны, такъ и поднятія даже почетнаго значенія самихъ должностей.

Еще большее несоотвѣтствіе современнымъ воззрѣніямъ и требованіямъ бережливости представляютъ собой въ томъ же департаментѣ придворнаго вѣдомства нѣкоторые любопытные остатки феодальнаго быта, въ родѣ должностей «поэта-лауреата» и «главнаго живописца». Странная придворная должность поэта, увѣнчаннаго лаврами, составляетъ живое воспоминаніе о томъ времени, когда при дворахъ держались обязательно шуты и карлики, ради забавы и развлеченія, но, во всякомъ случаѣ, замѣчаешь одинъ изъ трактатовъ ливерпульскаго общества, должность придворнаго поэта гораздо обиднѣе для народнаго самолюбія, особенно когда ее занимаетъ человѣкъ талантливый (нынѣ — Альфредъ Теннисонъ)... Обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы регулярно дважды въ годъ сочинять, по случаю какихъ-нибудь придворныхъ событій, похвальные оды, которыя затѣмъ поются или читаются въ присутствіи королевы. Кромѣ того, тоже самое онъ дѣлаетъ, конечно, и въ чрезвычайныхъ придворныхъ слу-

чаяхъ, какъ, напримѣръ, по поводу недавно передъ тѣмъ происходившаго выбора принца Альберта, супруга королевы, въ канцлеры кембриджскаго университета и т. п. Жалованье поэту полагается крайне ничтожное — всего 100 ф. ст., въ семь разъ меньше, нежели главному повару, и меньше даже того, которое получаютъ многіе камеръ-лакеи привратники. «Главный живописецъ» — онъ же смотритель картинъ, находящихся во дворцахъ — получаетъ немного большее, хотя все-таки незначительное для умственной профессіи содержаніе (182 ф. с. въ годъ) и трактатъ справедливо замѣчаетъ, что «если эти двѣ должности заняты людьми талантливыми и извѣстными, то оклады жалованья оскорбительно низки, если же жалованье дается безъ всякой дѣйствительной заслуги, то эти мѣста и подавно должны быть уничтожены»¹.

Въ другомъ родѣ, но не менѣ странными являются въ наше время еще три придворныя должности, оплачиваемыя изъ цивилль-листа: это — «смотритель двора для игры въ мячъ», «лодочникъ королевы» и «смотритель лебедей». Всѣ эти должности оплачиваются лучше, нежели бѣдный увѣнчанный лаврами поэтъ, но противно съ нимъ, ихъ дѣятельность не только не громка, но даже совсѣмъ никому не извѣстна. Въ одномъ своемъ трактатѣ ливерпульское общество заявляетъ, что, несмотря на всѣ старанія, оно не могло нигдѣ найти указаній на характеръ дѣятельности этихъ придворныхъ должностей: извѣстно, напримѣръ, что никакого спеціальнаго двора для игры въ мячъ не существуетъ и самая игра эта вовсе не употребительна. Еще менѣ имѣютъ практическаго смысла двѣ прочія должности. Въ другомъ трактатѣ должности эти прямо называются «апокрифическими», хотя государственная роспись напоминаетъ объ ихъ реальномъ существованіи и указываетъ на сравнительно значительные оклады жалованья, идущіе на содержаніе этихъ странныхъ синексуръ: «смотритель двора для игры въ мячъ» (Master of the Tennislour) получаетъ 132 ф. с., а «королевиный лодочникъ» (Bargemaster) и «смотритель лебедей» (Keeper of the Swans) вмѣстѣ получаютъ 400 ф. с., т. е. каждый вдвое болѣе, чѣмъ придворный поэтъ! Очевидно, что всѣ подобныя должности отжили свой вѣкъ и обременяютъ безъ пользы государственный бюджетъ, такъ какъ въ дѣйствительности королева не имѣетъ надобности ни въ лодкахъ, ни въ лебедяхъ.

Въ вѣдомству того же департамента «оберъ-камергера», сверхъ всѣхъ уже перечисленныхъ должностей, относится также меди-

¹ *Financial Reform Tracts*. № 1-й первой серіи, стр. 6.

цинскій персоналъ и придворное духовенство, штатъ котораго отличается своей многочисленностью (всего около ста человекъ). Расходъ на духовенство собственно весьма незначителенъ (не болѣе 1,226 ф. с.), но за то многочисленность его представляетъ невыгодныя для интересовъ государства стороны въ другомъ отношеніи. Этотъ придворный штатъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: «настоятеля королевской капеллы» (Dean of the Chapel Royal), всегда епископа лондонскаго (200 ф. с. жалованья) и его помощника: на первомъ лежитъ между прочимъ обязанность 12 праздничныхъ дней въ году раздавать королевскую милостыню; за ними по рангу слѣдуетъ «домашній капелланъ дворцовой церкви» (Clerk of the Queen's Closet), который обязанъ провозносить передобѣденную молитву за королевскимъ столомъ и во время божественной службы сидѣть близь королевы, «дабы разрѣшать немедленно всякія сомнѣнія, которыя у послѣдней могутъ возникнуть по какимъ-либо духовнымъ вопросамъ». Сверхъ того, при дворѣ состоитъ, не говоря о низшихъ церковныхъ служителяхъ, 48 капеллановъ и священниковъ, служащихъ, конечно, по очереди. Весьма немногія лица изъ этого многолюднаго штата получаютъ жалованье и тѣмъ не менѣе эти мѣста ищутся самыми усерднымъ образомъ и опроставшіяся вакансіи занимаются весьма быстро. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что служба при дворѣ является для духовенства вѣрной лѣстницей для получения самыхъ выгодныхъ и доходныхъ приходовъ или епископствъ безъ особой на то заслуги, и во-вторыхъ, что по общему правилу и эта придворная служба ведетъ къ созданію плюралистовъ и синекуристовъ. Изъ означенныхъ капеллановъ, напримѣръ, 24 человекъ плюралисты, т. е. занимаютъ одновременно по два и даже по три мѣста съ содержаніемъ. Любопытнымъ образчикомъ можетъ служить «досточтимый» докторъ богословія Флай, который имѣетъ постоянное жительство въ сенъ-джеркомъ дворцѣ по должности «исповѣдника фрейлинъ», но это не мѣшаетъ ему имѣть два прихода вдали отъ Лондона съ 1,759 человекъ прихожанъ: занятый не легкимъ наблюденіемъ надъ совѣстью придворныхъ красавицъ, «исповѣдникъ фрейлинъ», конечно, никогда этихъ приходовъ не навѣщаетъ и заботится о душахъ своихъ прихожанъ посредствомъ наемныхъ священниковъ за ничтожное вознагражденіе, оставляющее ему не менѣе 450 ф. с. чистаго барыша въ годъ безъ всякаго дѣла ¹.

Послѣднюю (изъ болѣе важныхъ) отрасль управленія оберъ-каммергера составляетъ медицинскій или санитарный штатъ, ко-

¹ F. R. T. The Royal Household a Model to Parliament and the Nation № XIV, а также № 1 и 2 первой серіи, стр. 3.

торый также отличается своей многочисленностью, но организованы нѣсколько на иныхъ началахъ. Всего при британскомъ дворѣ считается 24 медина различныхъ специальностей и названій, и 10 аптекарей, но жалованья они почти всё не получаютъ; а пользуются за каждый визитъ особымъ гонораромъ, который бываетъ иногда весьма значителенъ: такъ докторъ Лококъ, старшій лейбъ-акушеръ, однажды получилъ огромный гонораръ въ 1,000 ф. ст. (около 10,000 бумажныхъ рублей). Поставка лекарствъ извѣстными аптеками совершается по контракту, исключая аптекаря въ Виндзорѣ, который находится на жалованьи (800 ф. с.); за что обязанъ снабжать медикаментами безвозмездно всѣхъ членовъ королевскаго дома, кромѣ, впрочемъ ихъ семействъ.

За департаментомъ «оберъ-каммергера» слѣдуетъ въ придворномъ управленіи *департаментъ оберъ-гофмейстера*, на личный составъ котораго тратится ежегодно 36,381 ф. с. Собственно по рангу «оберъ-гофмейстеръ» считается выше «оберъ-каммергера», но самый департаментъ его въ обыкновенныхъ классификаціяхъ этого вѣдомства помѣщается вторымъ и трактуется послѣ, какъ дѣлаемъ это и мы ¹. Обязанности «оберъ-гофмейстера» весьма важны; онѣ подходятъ подъ понятіе министра двора въ другихъ странахъ и такъ опредѣляются существующимъ закономъ: «Придворное вѣдомство всецѣло подчиняется оберъ-гофмейстеру (Lord Steward), который управляетъ имъ по своему усмотрѣнію. Всѣ его приказанія имѣютъ обязательную силу. Его власть распространяется на всѣхъ чиновниковъ и слугъ двора, исключая королевскихъ палатъ, конюшешъ и капеллы. Ему же принадлежитъ право суда и разрѣшенія всякихъ несогласій, возникающихъ между домашней прислугой королевы». Такимъ образомъ, должность этого сановника является весьма отвѣтственной и важной, хотя и не въ той степени, какъ можно это подумать по первыхъ строкамъ этого закона. На дѣлѣ она сводится къ надзору и распоряженію дворцовой прислугой, назначеніе которой зависитъ отъ «оберъ-гофмейстера» и завѣдываніе дворцовой кухней и всего къ ней относящагося, какъ-то постановки и закупки всякаго провіанта, контроля счетовъ и расплаты съ многочисленными ремесленниками. Для этихъ послѣднихъ цѣлей, при департаментѣ состоитъ изъ пяти высшихъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ оберъ-гофмейстера, такъ называемое «управленіе зеленаго стола» (Board of Green Cloth), которое и завѣдуетъ соб-

¹ Извѣстный Гнейстъ, вѣроятно, по сказанному соображенію департаментъ «оберъ-гофмейстера» въ своей книгѣ помѣщаетъ первымъ. См. *Das heutige englische Verfassungs- und Verwaltungsrecht von Rudolph Gneist, Erster Theil*, 1857, стр. 569.

ственно всей хозяйственной придворной частью. Въ дѣйствительности такъ называемый «гофмейстеръ (Master of the Household) и «секретарь зеленого стола» (Secretary of Green Cloth), замѣняя собой на практикѣ оберъ-гофмейстера, являются истинными господами и хозяевами въ его департаментѣ и низводятъ его по наружности, сложную и разнообразную должность къ простому почетному званію политическаго характера, едва ли нуждающемуся, поэтому, въ томъ высокомъ окладѣ жалованья, которое онъ получаетъ (2,000 фунт. стерл.). «Едва ли:—говорить трактатъ, существуетъ въ Англіи городъ, въ которомъ не находились бы лица, желающія исполнять болѣе тяжелыя обязанности мэра безъ всякаго вознагражденія... тѣмъ болѣе возможно было бы уменьшить содержаніе «оберъ-гофмейстера», по крайней мѣрѣ, на половину; лишнимъ для того доводомъ является то соображеніе, что нынѣшній «оберъ-гофмейстеръ» (графъ Спенсеръ) и безъ того получаетъ казенное содержаніе по званію отставнаго вице-адмирала, и что существуютъ же нѣкоторыя придворныя должностныя лица, къ сожалѣнію, немногія, какъ напримѣръ, «графъ-маршалъ» (Earl Marshal), которыя совсѣмъ даже не получаютъ никакого жалованья, довольствуясь однимъ почетомъ.

Слѣдующее за «оберъ-гофмейстеромъ» мѣсто въ его департаментѣ, это весьма важная по рангу, но несоотвѣтствующая по названію должность «казначей» (Treasurer — 904 фунт. ст. жалованья), она также имѣетъ политическій характеръ, т. е. мѣняется съ каждымъ министерствомъ и также мало въ сущности связана съ какими-либо положительными обязанностями. «Казначей», по закону предполагается, замѣняетъ собой оберъ-гофмейстера въ его отсутствіи или служитъ ему помощникомъ. Но, какъ мы уже видѣли, послѣдній самъ почти не имѣетъ фактически никакого дѣла, и слѣдовательно, эта должность существуетъ какъ будто для того, чтобы по временамъ что-нибудь дѣлать по должности, по которой нечего дѣлать! Здѣсь вполнѣ примѣняется, по словамъ трактата, національная матросская острота въ формѣ слѣдующей трилогіи: *Капитанъ*: «Что ты здѣсь дѣлаешь, Томъ?» *Томъ*: «Ничего не дѣлаю, сэръ.» *Капитанъ*: «А ты что дѣлаешь, Дикъ?» *Дикъ*: «Помогаю Тому, сэръ.» Въ томъ же родѣ, по утвержденію трактата, и должность контролера придворнаго вѣдомства (Controller of the Household — 904 ф. с. содержанія) ¹.

Первая должность въ этомъ департаментѣ, которая дѣйствительно связана съ дѣломъ, это должность такъ называемаго «гофмейстера» (Master of the Household). Онъ имѣетъ полный контроль

¹ *Financial Reform Tracts. Second Series, № XIV, стр. 12.*

за всѣмъ придворнымъ хозяйствомъ и вообще дѣлаетъ все то, за что «оберъ-гофмейстеръ», «казначей» и «контролеръ» получаютъ жалованье. Въ свою очередь «гофмейстеръ» получаетъ весьма высокій окладъ содержанія — 1,158 ф. с., квартиру и столъ во дворцѣ, и кромѣ того, имѣетъ большое количество помощниковъ въ лицѣ двухъ «секретарей», «кассира», нѣсколькихъ клерковъ и кучи другихъ служащихъ лицъ, между коими фигурируетъ даже должность «нужной женщины» (necessary woman). Правой рукой гофмейстера является «клеркъ кухни и надсмотрщикъ дворцового хозяйства» (Clerk of the Kitchen and Superintendant of the Household), получающій до 700 ф. с. жалованья; вмѣстѣ съ своими четырьмя помощниками, онъ ведетъ всѣ счета на кухню, провѣряетъ вѣсъ и мѣру и даетъ распоряженія поставщикамъ. Собственно кухонный штатъ состоитъ изъ «главнаго повара» (700 ф. с. содержанія), четырехъ поваровъ и нѣсколькихъ помощниковъ и помощницъ, между прочимъ, два кондитера (старшій — 300 ф. с. жалованья), пирожникъ, булочникъ и три женщины для приготовления кофе. Кромѣ того, въ связи съ кухней состоитъ немаловажная должность «влюбчика-погребщика» (The Gentleman of the Wine and Beer Cellar), получающаго до 500 ф. с. жалованья и имѣющаго подъ своимъ начальствомъ трехъ служителей: его обязанность состоитъ въ выборѣ и покупкѣ вина для двора, надзоръ за ихъ сбереженіемъ и доставкѣ къ столу. За этимъ слѣдуетъ въ департаментѣ оберъ-гофмейстера длинная вереница придворныхъ служителей всевозможнаго наименованія и для различнаго назначенія, такъ для накрытія королевскаго стола, сбереженія посуды, носки угля и т. д., существуетъ такое множество служителей, что остается лишь удивляться, какое дѣло они могутъ находить?.. Особенно многочисленъ штатъ носильщиковъ и привратниковъ: однихъ носильщиковъ угля при дворѣ считается 13 человекъ, не говоря о длинной фалангѣ прочихъ носильщиковъ.

Но помимо перечисленныхъ, при департаментѣ «оберъ-гофмейстера» состоитъ еще нѣсколько наслѣдственныхъ почетныхъ должностей безъ вознагражденія и нѣсколько должностей, имѣющихъ исключительно значеніе синекуръ — должностей безъ дѣла, хотя и съ болѣе или менѣе значительнымъ содержаніемъ. Къ первымъ принадлежитъ должность «наслѣдственнаго великаго раздавателя милостыни» (Hereditary Grand Almoner), которая переходитъ по наслѣдству въ родѣ маркизовъ Эксетеръ (Exeter); вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы при коронаціи государя раздавать народу милостыню съ серебряннаго блюда, которое потомъ дѣлается его собственностью и составляетъ един-

*

ственное вознагражденіе его должности. Вторая, похожая на нее должность—это «Лордъ Высочаго Роздателя Милостыни» (Lord High Almoner), связанная всегда съ лицомъ, занимающимъ санъ епископа Оксфордскаго. На его обязанности лежать три раза въ году (и, между прочимъ, непременно въ Страстной четвергъ), раздавать королевскую милостыню бѣднымъ. Никакого за это особаго вознагражденія не полагается, хотя въ то же время существуютъ нѣкоторыя придворныя должности, связанныя отнюдь не съ большимъ количествомъ труда и тѣмъ неменѣе дающія ихъ представителямъ хорошіе оклады. Таеъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть, во-первыхъ, должность «придворнаго судьи» (Knight Marshal — 500 ф. с. жалованья) и его восьми помощниковъ (по 100 ф. с. каждый). Никакихъ почти судебныхъ дѣлъ въ области ихъ юрисдикціи не возникаетъ, и деньги получаютъ положительно задаромъ. Однакоже чистый типъ синекуры представляетъ должность «смотрителя Виндзорскаго парка» (Ranger of Windsor Home Park—500 ф. с.), которую въ то время занималъ принцъ Альбертъ, мужъ королевы, въ добавокъ къ многимъ инымъ синекурамъ, которыя ему принадлежали. Отдавая должную честь всѣмъ его достоинствамъ, Ливерпульское Общество неоднократно указываетъ на несообразность и вредъ соединенія въ его лицѣ цѣлой кучи должностей, изъ которыхъ большинство не связано фактически ни съ какими обязанностями. Въ самомъ дѣлѣ, принцъ Альбертъ, при заключеніи своего брака съ королевой, получилъ отъ парламента 30,000 ф. с. ежегоднаго содержанія, и сверхъ того, онъ числился въ британской арміи фельд-маршаломъ, съ полнымъ окладомъ по должности, состоялъ полковникомъ двухъ полковъ опять-таки съ жалованьемъ, занималъ должности двухъ смотрителей двухъ же Виндзорскихъ парковъ, завѣдывалъ казенной фермой со всѣми отъ нея доходами и т. д. Такимъ образомъ, онъ въ дѣйствительности получалъ гораздо больше денегъ нежели сколько парламентъ предполагалъ ему давать; но этимъ вовсе не ограничивается невыгодная сторона дѣла. «Принцъ Альбертъ, говорить одинъ изъ трактатовъ общества:—служить яркимъ примѣромъ неудовлетворительности нашихъ порядковъ»: занимая съ окладами цѣлый рядъ должностей, которыхъ даже и физически выполнять не можетъ, онъ служитъ реальнымъ оправданіемъ, поддержкой всей системы синекуризма и плюрализма, системы дароваго полученія государственныхъ денегъ. Пока такія высокія лица являются лично заинтересованными въ существованіи зла, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться отъ него скоро избавиться ¹.

¹ См. *Financial Reform Tracts*. Second Series, № VII. The Way the

Третій и послѣдній департаментъ ¹ «оберъ-шталмейстера (на него расходуется 27,650 ф. с.) немногочисленъ по составу, но за то самый счастливый по окладамъ жалованья, нѣсколько разъ подвергавшимся увеличенію въ послѣднее время. Глава его, «оберъ-шталмейстеръ», по совершенно неизвѣстной причинѣ, получаетъ 2,500 ф. с. содержанія, т. е. на одну четверть больше, нежели его товарищи оберъ-каммергеръ и оберъ-гофмейстеръ, для чего нѣтъ оправданія ни въ размѣрахъ его дѣятельности, ни въ особой важности его поста. Обязанность его состоитъ въ высшемъ надзорѣ за королевскими конюшнями, экипажами, конскими заводами и частью всѣмъ относящимся къ королевскимъ путешествіямъ и охотъ. Въ сущности его должность есть такая же политическая синекура, переходящая изъ рукъ въ руки при всякой перемѣнѣ министерства, какъ награда со стороны политической партіи одному изъ своихъ крупныхъ приверженцевъ, однимъ словомъ, такъ же, какъ и должности его упомянутыхъ товарищей. Такой же совершенно характеръ должности безъ дѣйствительной службы, имѣетъ и его ближайшій помощникъ «главный конюшій» (Chief Equerry), которому почему-то съ 1837 г. увеличили жалованье вдвое—съ 500 на 1,000 ф. с.

Кое-что дѣлаютъ такъ называемые «обыкновенные конюшіи» (Equeries in Ordinary), которые большею частію назначаются изъ военныхъ генераловъ (четверо съ жалованьемъ по 750 ф. с. каждый). Но и ихъ обязанность состоитъ собственно еще не въ надзорѣ и управленіи конюшнями, а чтобы состоять по очереди при королевѣ и передавать ея распоряженія насчетъ требуемыхъ экипажей и разныхъ удобствъ при путешествіяхъ, которыя и совершаются въ ихъ присутствіи. Насколько такая обязанность несложна видно изъ того, что полковникъ Миддлтонъ Биддѣльфъ, «гофмейстеръ» и дѣйствительный глава цѣлаго департамента находится въ ихъ присутствіи. Насколько видна надобность въ этомъ сверхштатномъ назначеніи при четырехъ конюшіихъ, или же, что очень вѣроятно, Биддѣльфъ исполняетъ въ дѣйствительности вмѣстѣ съ своимъ дѣломъ и крайне немногосложную обязанность четырехъ своихъ товарищей по департаменту «оберъ-шталмейстера». Какъ это имѣетъ часто мѣсто и въ другихъ вѣдомствахъ, вся сила и центръ тягости лежитъ здѣсь въ «секретарѣ

Public Money goes an Placeholders and Sinecurists, стр. 30. № XIII. Governmental Improvidence: its Causes, Results and only Effective Cure, стр. 7 и 8. № XIV. The Royal Household, стр. 15.

¹ Четвертый департаментъ оберъ-гардеробмейстера, по высшему надвору примыкаетъ къ департаменту оберъ-каммергера, гдѣ мы о немъ уже говорили.

оберъ-шталмейстера», который, нося еще въ добавокъ титулъ «корожнаго конюшаго» (майоръ Гравсъ — 800 ф. с. жалованья), исполняетъ всѣ обязанности своихъ болѣе титулованныхъ товарищей и завѣдуетъ всѣмъ дѣломъ вмѣстѣ съ нѣсколькими клерками и цѣлыми штатомъ конюховъ, кучеровъ и фореитеровъ.

Но ни одна, можетъ быть, должность во всемъ цивили-листвѣ не напоминаетъ въ такой степени обычан и помятiя среднихъ вѣковъ, какъ должность «Наслѣдственнаго Великаго Сокольника» (Hereditary Grand Falconer), передающаяся изъ рода въ родъ, въ фамилии герцоговъ Сентъ-Альбанъ и дающая имъ ежегодный доходъ въ 1200 ф. с. Какъ всѣмъ извѣстно, этотъ родъ охоты уже давно вышелъ изъ употребленiя и королева великобританская не владѣетъ ни однимъ соколомъ и тѣмъ не менѣе, какъ видимъ, существуетъ столь дорого оплачиваемый служащiй для этой охоты. Существованiе въ XIX вѣкѣ такой должности, замѣчаетъ по этому поводу ливерпульское общество, является такимъ абсурдомъ, какъ еслибы вздумали учредить должность «наслѣдственнаго великаго охотника на драконовъ» или наслѣдственнаго великаго хранителя мнѣческаго грифона и т. п.. Нелѣпость въ обоихъ случаяхъ была бы одинаковая и «платить его свѣтлости герцогу Сентъ-Альбанъ порядочныя деньги за право носить это смѣшное прозвище значить, заключаетъ трактатъ, обирать народъ»¹.

Не много болѣе основанiя имѣетъ въ настоящее время существовать должность «оберъ-егермейстера» (Master of the Buckhounds), завѣдывающаго королевской охотой, собаками и егерями, на что расходуется вмѣстѣ съ его жалованьемъ (1700 ф. с.) свыше 8,000 ф. с. Нынѣ царствующая королева никогда не охотится и слѣдовательно деньги эти тратятся задаромъ, увеличивая число государственныхъ синекуръ, служащихъ лишь приманкой для честолюбивыхъ членовъ аристократiи къ политическимъ интригамъ и махинациямъ.

Въ заключенiе настоящаго очерка личнаго состава придворнаго вѣдомства, необходимо упомянуть еще о двухъ наслѣдственныхъ должностяхъ, на этотъ разъ существующихъ безъ всякаго особаго вознагражденiя: во-первыхъ — «графъ-маршалъ Англіи» (Earl Marshall), наслѣдственная должность въ фамилии герцоговъ Норфолькъ, которая представляетъ собой соединенiе обязанностей оберъ-церемонiейстера и оберъ-герольдмейстера. «Графъ-маршалъ устанавливаетъ церемонiаль и публикуетъ его при королевскихъ крестинахъ, свадьбахъ, коронацихъ и тому подоб-

¹ *Financial Reform Tracts. Second Series, № XIV, стр. 30.*

ныхъ торжествахъ. Сверхъ того, онъ же завѣдуетъ департаментомъ герольдіи, выдаетъ дипломы, заноситъ въ регистръ и подписываетъ королевскія пожалованія, ведетъ родословное древо и т. п.

Другая наследственная, подобная же должность, «лорда великаго камергера» (Lord Great Chamberlain), который въ то же время считается номинально почетнымъ губернаторомъ вестминстерскаго дворца, ключи коего и передаются ему въ парадные, торжественные дни. Въ такое время «джентльмэнъ-привратникъ черной трости» о должности котораго мы уже говорили, состоитъ подъ его начальствомъ. При коронаціяхъ и тому подобныхъ торжествахъ онъ распоряжается убранствомъ парадныхъ залъ. Когда королева въ процессіи отправляется въ парламентъ, «лордъ великій камергеръ» вручаетъ государственный мечъ министру, который несетъ его впереди, а самъ онъ идетъ по правую сторону королевы. Во время парламентскихъ засѣданій, наконецъ, онъ имѣетъ высшій надзоръ надъ извѣстными распорядкомъ въ палатѣ лордовъ, а при открытіи или распущеніи парламента онъ выдаетъ входные билеты. Должность эта была издревле наследственна въ фамиліи Виллоуби де-Иресби (Willoughby d'Iresby), но фамилія раздѣлилась нынче на двѣ вѣтви и должность отправляется сообща или поочередно лордомъ Виллоуби и маркизомъ Чолмондери (Cholmondeley). Какъ и первая должность, «лордъ великій камергеръ» не получаетъ никакого жалованья, но имѣетъ нѣкоторые установленные обычаемъ доходы въ видѣ пошлинъ при коронаціяхъ, пожалованія кого-либо званіемъ «пэра» и наконецъ при назначеніи епископовъ на каеэдру. Послѣднее составляетъ крайне курьезный остатокъ среднихъ вѣковъ, уцѣлѣвшій до нашего времени при англійскомъ дворѣ. Каждый прелатъ, при назначеніи его куда нибудь епископомъ или архіепископомъ или даже переводѣ съ одной каеэдры на другую, обязанъ уплатой извѣстныхъ пошлинъ или денежныхъ подарковъ, во-первыхъ, главнымъ государственнымъ людямъ, начиная съ лорда канцлера и хранителя государственной печати, и, кромѣ того, значительной части придворнаго штата. Размѣръ этихъ подарковъ строго установленъ обычаемъ и собственно двору архіепископъ раздаетъ 224 ф. с. 10 шил. и 8 пенсовъ, а епископъ — 112 ф. 5 ш. 4 п. Сумма эта распределяется между множествомъ лицъ, изъ коихъ большинство никакого отношенія къ назначенію не имѣютъ: получаетъ «лордъ великій камергеръ» (10 ф. с.), получаетъ «графъ-маршалъ» (5 ф. 13 ш. 4 п.) и получаетъ длинная вереница придворныхъ чиновниковъ и служителей, кончая королевскимъ поваромъ (1 ф. 5 ш.), барабанщиками (4 ф. с.)

привратниками (1 ф. с.) и даже королевскимъ цирюльникомъ (1 ф. с.)¹...

Всякій непредубѣжденный читатель, просмотрѣвши приведенный списокъ чиновъ англійскаго придворнаго вѣдомства и его расходоу, не можетъ не согласиться съ ливерпульскимъ обществомъ, что расходование на этотъ предметъ народныхъ денегъ въ британскомъ бюджетѣ совершается далеко безъ соблюденія должной бережливости и экономіи. Многія должности и обычаи, возникшіе въ средніе вѣка и имѣвшіе оправданіе въ тогдашнихъ понятіяхъ народа и положеніи власти, уже потеряли свой смыслъ и значеніе и давно безъ нужды и безъ пользы отягощаютъ государственннй бюджетъ. Всѣ почти такъ называемыя должности съ политическимъ характеромъ, т. е. составъ которыхъ мѣняется вмѣстѣ съ министерствомъ, а также многія изъ должностей постоянныхъ, но отъ нихъ зависящихъ сдѣлались настоящими си-некурами безъ всякаго дѣла и съ однимъ лишь значеніемъ дорогой игрушки въ рукахъ политической партіи, стоящей во главѣ управленія въ данную минуту: падаетъ министерство Гладстона, замѣняется министерствомъ Дизраэли или наоборотъ, и вотъ происходятъ перетасовка и дѣлежка правительственныхъ и придворныхъ должностей между членами партіи. Послѣднія достаются почти исключительно въ руки аристократическаго класса и дѣлятся между своими, каждому по заслугамъ его! Итакъ, кромѣ вреда экономическаго—траты государственныхъ денегъ на безполезныя мѣста, это обиліе придворныхъ должностей (около 1,000 при всемъ британскомъ дворѣ), съ хорошими окладами содержанія и съ ничтожнымъ размѣромъ дѣла, если не совсѣмъ безъ него, крайне вредно и въ политическомъ отношеніи: приманкой награды оно искажаетъ характеръ честной парламентской борьбы, поощряетъ косвенно алчность и плодитъ пустое, казевое честолюбіе. Но кромѣ того, спрашивается, для какой полезной дѣли существуетъ вся эта помпа, эти безконечныя церемоніи, дѣлая армія придворныхъ и дворцовыхъ чиновниковъ? «На этотъ вопросъ, говоритъ ливерпульское общество:—можно отвѣчать двояко—*во-первыхъ* «все это существуетъ, чтобы поддержать честь и достоинство короны», *во-вторыхъ*—«для личнаго комфорта и счастья монарха». Но оба эти объясненія не выдерживаютъ даже слабой критики. Сказать, что паразиты, которые покрываютъ стволъ дуба, или ползучія растенія, которыя обвиваютъ его вѣтви, существенно нужны для его силъ и красоты—было бы также далеко отъ истины, какъ и утверждать, что описанная толпа

¹ F. R. I. First Series, № II The Civil List, стр. 8.

синекуристовъ при британскомъ дворѣ способствуетъ чести и достоинству британской короны. Между варварскими націями Азии и Африки, гдѣ жизнь и смерть, сравнительная свобода или полное рабство зависятъ отъ мановенія полудикаго владыки, тамъ, можетъ быть, такая толпа и вѣшнее великолѣпіе полезны и даже необходимы для поддержанія достоинства власти; но въ конституціонной монархіи, какъ Великобританія, между народомъ, просвѣщеннымъ и свободнымъ, гдѣ монархъ есть первый чиновникъ государства, связанный его законами—тамъ эта расточительность въ тратѣ народныхъ денегъ не только не нужна, но наоборотъ страшно вредна и опасна, ибо создаетъ недовольство въ массѣ и уваженіе къ власти превращаетъ въ презрѣніе и ненависть ¹⁾.

Еще болѣе несостоятельно положеніе, что будто бы личный комфортъ и счастье монарха нуждаются въ настоящей организации британскаго придворнаго вѣдомства. Не говоря уже о высшихъ должностяхъ (политическаго характера), которыя замѣщаются и опрастываются иногда дважды или чаще въ теченіи одного года (вмѣстѣ съ переменною министерствъ), совершенно независимо отъ чувствъ и желаній королевы, она не можетъ почти награждать когс-либо самымъ ничтожнымъ знакомъ отличія, выбрать себѣ священника или даже назначить въ дворцовую кухню новую подомойку безъ того, чтобы для этого не спрашивалось дозволенія или согласія одного изъ многочисленныхъ чиновниковъ, отъ котораго это мѣсто зависитъ. «Многіе, вѣроятно, помнятъ, на примѣръ, говорить трактатъ:— придворную бурю 1839 года, когда сэръ Робертъ Пиль, сдѣлавшись первымъ министромъ послѣ отставки министерства Мельбурна, самъ немедленно подалъ-было въ отставку лишь потому, что молодая королева захотѣла удержать при себѣ нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, къ которымъ она привыкла и любила и которыхъ Р. Пиль хотѣлъ отставить, желая замѣнить кандидатками своей партіи. Кончилось тѣмъ, что Пиль настоялъ на своемъ въ прямую противоположность ея желаніямъ. Весь этотъ переполохъ произошелъ изъ-за нѣсколькихъ дамъ, старыхъ и молодыхъ, но что сказалъ бы министръ, еслибы королева вздумала настаивать на выборѣ ея собственнаго «оберъ-гофмейстера», «оберъ-каммергера» или «оберъ-шталмейстера» хотъ съ нѣкоторыми ихъ подчиненными? Какое собственно дѣло народу этихъ чисто ея домашнихъ назначеній? Тѣмъ не менѣе, это было бы названо полнымъ возмущеніемъ противъ законовъ; вся наша олигархія возстала бы

¹ *Financial Reform Tracts. Second Series, № XIV, стр. 31.*

какъ одинъ человѣкъ противъ такого нарушенія ея привилегій и, навѣрное, ни одного человѣка, вига или торія, не нашлось бы въ цѣлой странѣ, который бы согласился служить королеви на этихъ условіяхъ». Итакъ, слѣдовательно, это обиліе придворныхъ чиновниковъ и огромныя траты денегъ нужны не для счастья королевы, а для того класса, который въ своихъ интересахъ желаетъ этихъ тратъ. Конечно, королева не выражаетъ гласно своихъ желаній, но едва ли ихъ можно считать тайной. Украшенная всѣми семейными добродѣтелями, прекрасная супруга и мать, она, разумѣется, сердцемъ живетъ въ своемъ мужѣ и дѣтяхъ, и, окруженная вѣчно толпой придворныхъ, не имѣя возможности почти никогда остаться одной съ своимъ семействомъ, госпожей своего времени, королева, конечно, ничего такъ не жаждетъ искренно, какъ удалиться подальше отъ тягостной придворной сутолоки и лести, отъ этой праздно толпы, которая не хочетъ ни на минуту предоставить ее самой себѣ... Доказательствомъ того можетъ служить, что она такъ любитъ уединяться въ свои частныя замки Осборнъ и Бальмораль¹, гдѣ хоть частію можетъ отдѣлаться отъ тоски придворной выставки и этикета...»².

Но если этотъ могочисленный придворный штатъ не нуженъ ни «для поддержанія чести и достоинства короны», ни «для комфорта и счастья королевы» и существуетъ исключительно для мелочныхъ экономическихъ прикармаживаній правящихъ классовъ, то, конечно, нѣтъ никакого резона, въ интересахъ цѣлаго народа, удерживать этотъ порядокъ. «Эта комбинація бесполезныхъ должностей, основанныхъ на стародавнихъ обычаяхъ и нравахъ, утратившихъ въ большинствѣ свой *raison d'être*, эти высокіе оклады за службу нерѣдко номинальную, должны быть подвергнуты серьезной коренной реформѣ. Обиліе придворныхъ синекуръ не потому только вредно, что владеть лишнюю тяжесть на шею плательщиковъ налоговъ, но оно вредитъ странѣ, какъ первый примѣръ, видный образецъ неурстройства такой отрасли управленія, которая наиболѣе въ глазахъ у всѣхъ и должна бы служить лишь образцомъ порядка и уваженія къ тратѣ денегъ, добываемыхъ тяжелымъ трудомъ народа». Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ убѣждена, по зрѣлымъ соображеніямъ, что трудъ экономическихъ или финансовыхъ реформъ долженъ начинаться непременно съ преобразованія главной части всей системы: «ничто

¹ Оба эти замка куплены королевой и содержатся насчетъ ея собственныхъ сбереженій, безъ всякой особой помощи государства. Во все ея царствованіе ни одного новаго дворца не было выстроено на государственныя деньги.

² *Financial Reform Tracts*, № XIV, стр. 32, 33.

такъ не заслуживаетъ осмѣянія, какъ стремленіе сберечь свѣчные огарки и крошки хлѣба въ формѣ урѣзыванія жалкаго содержанія какихъ-нибудь несчастныхъ канцелярскихъ служителей (clerks) и въ то же время оставлять нетронутыми (или даже увеличивать) крупные оклады жалованья, добавочныя, наградныя и другихъ наименованій деньги, получаемыя нерѣдко высшими чинами безъ всякой заслуги». «Какъ горячая защитница всѣхъ мѣръ экономіи, согласной съ должнымъ выполненіемъ государственной службы, какъ непримиримая противница гнилой системы чрезмѣрныхъ окладовъ жалованья, синекурныхъ мѣстечекъ, незаработанныхъ пенсій и проч., ливерпульская ассоціація убѣдилась, что никакія мѣры и реформы не могутъ быть дѣйствительны или успѣшны, пока подается заразительный примѣръ всѣхъ этихъ золъ самой короной: до тѣхъ поръ всѣ синекуристы, плюралисты и вообще всѣ лица, живущія казеннымъ жалованьемъ, могутъ указывать на первыхъ лицъ королевства, если не для оправданія себя, то, по крайней мѣрѣ, для извиненія. Какъ друзья и приверженцы конституціонной монархіи и вѣрно-подданные королевской лэди, такъ достойно занимающей нашъ престолъ, члены ливерпульскаго общества протестуютъ нынѣ и будутъ всегда протестовать противъ системы, которая, подъ живымъ предлогомъ «поддержанія чести и достоинства короны» и доставленія «комфорта и счастья монарху», не удовлетворяетъ ни одной изъ этихъ задачъ, даже враждебна имъ и, напротивъ, выгодна лишь для англійской олигархіи, преслѣдующей здѣсь исключительно свои цѣли съ одинаковымъ неуваженіемъ къ истиннымъ интересамъ какъ народа, такъ и самой короны»¹.

Общій выводъ заключается въ принятіи слѣдующихъ мѣръ относительно существующей организаціи придворнаго вѣдомства (трактатъ № I): 1) въ уничтоженіи всѣхъ должностей, имѣющихъ значеніе синекуръ, 2) въ уменьшеніи содержанія нѣкоторыхъ должностей, оплачиваемыхъ выше заслуги и 3) въ превращеніи всѣхъ почетныхъ должностей, напримѣръ, «оберъ-каммергера», «оберъ-штаймейстера» въ мѣста безденежныя или въ почетныя званія, какими эти должности и являются въ дѣйствительности при англійскомъ дворѣ. Такая мѣра тѣмъ болѣе возможна, что уже не будетъ новой и имѣетъ прецедентъ въ нѣсколькихъ наслѣдственныхъ придворныхъ должностяхъ (напримѣръ, лорда великаго раздавателя милостыни), которыя прежде были также соединены съ извѣстнымъ содержаніемъ, а нынѣ безвозмездны. Соединеніе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ должностей также должно

¹ *Financial Reform Tracts. Second Series, № XIV, стр. 4, 33 и 34.*

быть тщательно избѣгаемо. Съ помощью помянутыхъ мѣръ, ливерпульское общество исчисляетъ возможнымъ сокращеніе цивильлиста до 200,000 ф. ст. въ настоящее царствованіе и до 150,000 ф. ст. для будущаго монарха, что, по мнѣнію общества, вполне достаточно, «дабы поддержать достоинство короны и честь націи». «Ассоціація финансовыхъ реформъ», такъ заключаетъ этотъ любопытный трактатъ:—весьма далека при этомъ отъ желанія посягать на уваженіе, должное высшей власти королевства, или сдѣлать въ глазахъ чужихъ народовъ презрительнымъ ея положеніе, столь достойно занимаемое ея настоящею представительницею; напротивъ, ассоціація желаетъ поднять ее еще выше въ народномъ уваженіи, освободить ее отъ безобразныхъ наростовъ, созданныхъ себялюбіемъ и хищничествомъ былыхъ временъ, такъ чтобы эта власть заслуживала еще больше почтеніе довольнаго и лойяльнаго народа и сдѣлалась источникомъ всякаго достоинства, воплощеніемъ всего справедливаго и образцомъ всего наилучшаго» (*F. R. T. First Series, № I, стр. 16*).

Весьма замѣчательна господствующая черта англійскаго характера, которая находитъ себѣ проявленіе и въ дѣятельности ливерпульскаго общества. Это—нѣкоторая радужность, стойкая увѣренность въ исполненіи своихъ идеаловъ будущаго, какъ бы они съ перваго взгляда ни казались несбыточны: англичанинъ, обыкновенно съ рѣзкой, зачастую безпощадной критикою отнестися къ недостаткамъ своихъ учреждений, но это не лишаетъ его спокойной увѣренности, что съ доброй волей и энергической дѣятельностью онъ достигнетъ когда-нибудь ихъ исправленія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: строя весьма широкіе планы пердѣлки финансовой системы своей страны, ливерпульское общество, повидимому, вовсе не отчаивается въ полной реальности и выполнимости своихъ смѣлыхъ проектовъ экономическихъ преобразованій. Напротивъ, оно свѣтло смотритъ въ будущее и высказываетъ увѣренность, что раньше или позже настанетъ время, когда всѣ эти планы осуществятся. Не нужно особой силы воображенія, говорить въ одномъ изъ своихъ изданій общество, чтобы предположить, что наступитъ, наконецъ, минута, когда ея величество пойметъ тотъ постыдный способъ, съ которымъ третируется ея народъ въ финансовомъ отношеніи въ олигархическихъ цѣляхъ; тогда королева явится въ парламентъ и произнесетъ слѣдующую тронную рѣчь, подобной которой не встрѣчается въ лѣтописяхъ. Эта фантастическая рѣчь настолько ярко знакомитъ съ наиболѣе существенными пунктами административно-финансовыхъ реформъ ливерпульской ассоціаціи, что мы рѣшаемся привести ее въ нѣкоторомъ сокращеніи. Сначала ко-

ролева, по заведенному порядку, обращается къ лордамъ совместно съ членами палаты общинъ:

«Милорды и джентельмэны!

«Я созвала васъ, чтобы попросить вашего совѣта и помощи въ дѣлахъ высочайшей важности, какъ для меня лично, такъ и для васъ и всей націи, благосостояніе и интересы которой Провидѣніе призвало меня блюсти. Недавнія событія, которыя я считаю излишнимъ называть по имени (крымская война), показали вѣтъ всякаго сомнѣнія, что цѣлая система, по которой установлена наша государственная служба, гражданская, морская и военная, до крайности ошибочна. Нѣкоторыя палліативныя мѣры были предприняты съ цѣлью улучшить ее и получить лучший классъ государственныхъ слугъ, но онѣ не тронули истиннаго корня всего зла, который заключается въ пользованіи правительственными средствами и назначеніями, безъ отношенія къ заслугѣ или качествамъ протежируемыхъ лицъ. Наконецъ, мой народъ открылъ истинныя противъ зла средства и мои министры, я надѣюсь, приведутъ въ дѣйствіе народную поговорку, которая гласитъ, что лишь «надлежащіе люди должны быть на надлежащихъ мѣстахъ», мудрость и справедливость чего вы, конечно, вполне признаете вмѣстѣ со мной.

«Между злоупотребленіями, играющими важнѣйшую роль, занимаютъ синекурныя должности, плюрализмъ и такія мѣста, которыя удерживаются лишь подъ разными предлогами для выгоды тѣхъ лицъ, которыя ихъ занимаютъ. Изъ нихъ мое собственное придворное хозяйство представляетъ поразительные образцы, которые могутъ быть приводимы въ свое оправданіе всѣми подобными же лицами въ иныхъ отрасляхъ управленія. Я не вѣрю, чтобы такое устройство его удовлетворяло чести и достоинству короны; я убѣждена, что оно противно моему комфорту и счастью, также какъ вредно народу, представляя дурной примѣръ управленія якобы съ моего личнаго согласія. Поэтому, съ помощью моихъ министровъ, я уже распорядилась о принятіи такихъ мѣръ и реформъ, которыя увеличатъ достоинство этого учрежденія, уменьшивши существенно его расходы, и сдѣлаютъ его тѣмъ, что оно и должно быть — образцомъ для всей націи. Мнѣ доставляетъ также величайшее удовольствіе передать вамъ, что мой супругъ, столь же высокій по своему общественному положенію, сколько и достоинствамъ, желая подать добрый примѣръ всѣмъ государственнымъ людямъ, отказывается отъ всѣхъ своихъ синекурныхъ должностей и рѣшается съ этихъ поръ нести на себѣ всѣ налоги и повинности, которыя до сихъ поръ его не касались».

«Героическое мужество моей армии и моих моряковъ извѣстно всему свѣту, но, вслѣдствіе дурной администраціи и организаціи, мои солдаты и офицеры, хотя и храбры, какъ львы, на полѣ битвы, вообще оказывались безпомощны, какъ дѣти, во многихъ весьма обыкновенныхъ случайностяхъ, имѣющихъ мѣсто въ военной службѣ. Мѣры для дѣйствительнаго преобразованія армии и флота будутъ повергнуты на ваше обсужденіе. На первомъ планѣ стоитъ уничтоженіе вредной и постыдной системы продажи офицерскихъ чиновъ. Заслуги и личныя качества будутъ непремѣнными условиями при назначеніяхъ и повышеніяхъ офицеровъ; что же касается до солдатъ, то будутъ приняты мѣры, чтобы улучшить ихъ состояніе физическое, умственное и моральное настолько, чтобы лучшіе изъ нихъ могли возвышаться съ самаго низшаго и до самаго высшаго ранга. Относительно флота будетъ положено за правило, что лица сухопутнаго вѣдомства не будутъ засѣдать въ адмиралтействѣ, а команда судовъ и цѣлыхъ эскадръ не будетъ болѣе поручаться лицамъ, имѣющимъ хорошую протекцію, а лишь такимъ, которые доказали свои морскія качества и знанія и имѣютъ за собой заслуги». Затѣмъ, королева обращается въ палатѣ общинъ:

«Джентельмэны палаты общинъ!

«Я замѣтила, въ моемъ глубокому прискорбію, что вы исполняли свою должность управителей страны далеко неудовлетворительно. На вашей обязанности лежитъ строго изслѣдовать сущность налоговъ, взимаемыхъ съ моего народа, и способы распредѣленія денегъ для удовлетворенія потребностей государства. Въ послѣднемъ отношеніи вы предоставляли слишкомъ много власти министрамъ и ихъ подчиненнымъ. Въ виду этого я предлагаю вамъ немедленно назначить постоянный комитетъ изъ вашихъ лучшихъ и способнѣйшихъ товарищей для изслѣдованія всѣхъ финансовыхъ дѣлъ государства...

«Рекомендую вашему наисерьезнѣйшему обсужденію весь вопросъ полученія матерьяльныхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія государства. Весьма вѣроятно, что система прямыхъ налоговъ, одновременно съ уничтоженіемъ акцизовъ и таможенныхъ пошлинъ, крайне тягостныхъ пропорціонально съ суммами, отъ нихъ получаемыми, будетъ въ равной степени производительна для казначейства и въ тоже время менѣе тягостна и болѣе полезна для расширенія нашей торговли и промышленности. Налоги на доходъ и на собственность имѣютъ, конечно, свои слабыя стороны, но здравы въ самомъ принципѣ, а потому подумайте, не окажется ли возможности распространить ихъ настолько, чтобы замѣнить ими всѣ прочіе налоги. Въ заключеніе

мнѣ остается высказать мое полное довѣріе въ вашей честности и патриотизму и молить Провидѣніе, чтобы оно благословило ваши соединенные труды на общее благо ¹».

Конечно, эта рѣчь до сихъ поръ еще не огласила парламентскихъ стѣнъ; но увѣренность Ливерпульской Ассоціаціи въ цѣлесообразности поставленныхъ ею задачъ прибавляла энергіи ея членамъ для широкаго распространенія въ народѣ экономическихъ и финансовыхъ воззрѣній общества: многое, какъ мы знаемъ, относительно расходовъ и организаціи военнаго и морского вѣдомства уже перешло въ дѣйствительность и сдѣлалось давно закономъ. Что касается собственно до расходовъ на содержаніе королевскаго двора, то въ суммѣ цивиль-листа не только не произошло уменьшенія, но даже небольшое увеличеніе (вмѣсто 385 тыс. ф. ст. 406 тыс. ф. ст.), вслѣдствіе прироста и расширенія королевскаго семейства, изъ котораго каждый членъ, сверхъ того, достигши совершеннолѣтія и вступленія въ бракъ, получилъ особую дотацію, которая помѣщается особо въ отдѣлѣ пенсіоновъ. Конечно, эти дотаціи при общемъ разчетѣ расходовъ двора необходимо принимать во вниманіе, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, несмотря на значительное возростаніе королевскаго семейства, не только не произошло увеличенія, но на оборотъ даже значительное уменьшеніе или сбереженіе издержекъ. Въ 1848 году (когда были изданы въ свѣтъ два первыхъ трактата ливерпульскаго общества о цивиль-листѣ), расходы на дотаціи и пенсіи лицамъ королевской фамиліи простирались до 274 тыс. ф. с., въ настоящее же время—только 142 тыс. ф. с.; самая крупная въ наше время дотація наслѣднаго принца Уэльскаго не превосходитъ 40 тыс. ф. с., тогда какъ въ сороковыхъ годахъ принцъ Саксенъ-Кобургскій получалъ 50 тыс., а вдовствующая королева Аделаида 100,000. Такимъ образомъ, сумма денегъ, отпускаемыхъ для этой цѣли за послѣднія 30 лѣтъ (1848—1878), уменьшилась на цѣлыхъ 132,000 ф. с. Если отсюда вычестъ 21,000 ф. с., на которыя увеличился современный англійскій цивиль-листъ (406 тыс. противъ 305 тыс.), то получится чистое сбереженіе на общей суммѣ расходовъ на королевскій домъ въ крупномъ размѣрѣ—121,000 ф. с. Но мало того, за тотъ же періодъ времени произошла и другая крупная экономія въ расходахъ на «королевскіе дворцы и парки», которые, какъ мы уже упоминали, въ англійскомъ бюджетѣ составляютъ особую отъ цивиль-листа статью. Въ 1856 году (время, къ которому относится позднѣйшіе изъ разобранныхъ трактатовъ), расходъ на этотъ предметъ составлялъ

¹ *F. R. I. The Royal Household a Model to Parliament and the Nation, стр. 35, 36.*

слишкомъ 234 тыс. ф. с., а нынѣ всѣ издержки на дворцы и парки не превосходятъ 140 тыс. ф. с., т. е. сбереженіе въ расходахъ 94 тыс. ф. с., а вмѣстѣ съ экономіей отъ королевскихъ дотацій это составитъ 211 тыс. ф. с. разницы въ пользу настоящихъ расходовъ отъ того времени, къ которому относится изданіе трактатовъ ливерпульскаго общества. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе такой благопріятный результатъ бережливости, а также настоящую многочисленность королевскаго семейства, сравнительно съ сороковыми и пятидесятыми годами, размѣры британскихъ расходовъ двора, несмотря на всѣ недостатки его организациі, нельзя назвать особенно высокими: вся ихъ совокупность, считая цивиль-листъ, сложенный съ доходами отъ удѣльныхъ имѣній (герцогство Ланкастеръ и Корнваллисъ) и особую ассигновку на дворцы и парки, не превосходятъ 704 тыс. ф. с. или менѣе 1% всѣхъ государственныхъ расходовъ (тогда какъ въ Австріи 1 $\frac{1}{2}$ % и въ Пруссіи 2%).

Такой выводъ, послѣ описанной рѣзкой критики ливерпульскаго общества, отнюдь не долженъ казаться страннымъ, если только обратитъ вниманіе на нѣкоторыя особыя условія постановки этого вопроса. Нигдѣ не представляется такихъ удобствъ и столько матерьяла для финансовыхъ изслѣдованій и критики, какъ въ Англіи: общедоступность всякаго рода данныхъ и свобода ихъ обсужденія облегчаютъ критическое отношеніе къ разнымъ сторонамъ ея общественной и государственной жизни и выставляютъ ихъ недостатки рѣзче и рельефнѣе. Поэтому сужденія объ явленіяхъ англійской жизни при отсутствіи аналогичныхъ условій для сужденія о другихъ странахъ, могутъ легко привести къ шаржировкѣ и представленію дѣла въ темномъ свѣтѣ; послѣднее вполне примѣняется и къ данному случаю. Если ограничиться по этому для сравненія лишь огульными цифрами, то изъ нихъ оважется, что «между всѣми великими державами Великобританія имѣетъ самый низшій размѣръ цивиль-листа». Она ниже даже Италіи на 370 тыс. нѣмецкихъ марокъ, ниже Пруссіи почти на 2 мил. марокъ, въ полтора раза меньше Австро Венгріи и два раза — Франціи, временъ Наполеоновскаго режима ¹.

Въ заключеніе, мы должны упомянуть объ одномъ родственномъ предметѣ, а именно, о дотаціяхъ и пенсіяхъ, чему ливерпульское общество финансовыхъ реформъ посвятило специальный трактатъ (№ 3, первой серіи, по экономическому порядку). Объ этомъ вопр сѣ уже немало говорилось прежде, при разборѣ

¹ См. *Eduard Pfeiffer. Vergleichende Zusammenstellung der Europäischen Staatsausgaben, 1877*, стр. 69 и далѣе.

военнаго бюджета, а въ настоящемъ случаѣ намѣтимъ лишь главнѣйшіе пункты возраженій, которыя ливерпульское общество дѣлаетъ противъ существовавшей въ Англій системѣ пенсіоновъ. («Pension List»). Въ спискѣ пенсій, уплачиваемыхъ въ то время англійскимъ казначействомъ, первыми помѣщены члены королевскаго дома и между прочимъ герцогъ Кумберландскій (король Ганноверскій)—21 тыс. ф. с. и князь Саксенъ-Кобургскій (король Бельгійскій)—50 т. ф. с. «Ассоціація, говоритъ трактатъ:—считаетъ своею серьезною обязанностью протестовать противъ всѣхъ такихъ выдачъ изъ народнаго дохода иностраннымъ монархамъ, находя, что эти двѣ пенсіи нарушаютъ важнѣйшіе принципы справедливости и политики. Во-первыхъ, несправедливо облагать налогами народъ одной страны для поддержанія правительства или части правительства другой; но точно также неpolitично помѣщать часть народныхъ средствъ въ распоряженіе иностраннаго правителя, такъ какъ можетъ настать время, что его интересомъ (и обязанностью относительно управляемаго народа) сдѣлается употребить эти деньги ко вреду нашей страны. Выдача такихъ пенсій иногда защищается подъ тѣмъ предлогомъ, что этимъ способомъ пріобрѣтается для Англій благотворное вліяніе при этомъ дворѣ... Но, конечно, заключаетъ трактатъ:—было бы противно чести высокихъ пенсіонеровъ предполагать, что они могутъ прямо или косвенно быть подкупаемыя жертвованію интересами управляемой ими страны...» По этимъ соображеніямъ, ассоціація считаетъ необходимымъ уничтожить пенсіи обоихъ королей¹. Въ добавокъ къ этому, ассоціація рекомендуетъ въ пенсіяхъ королевской фамиліи и другое измѣненіе. Альбертъ, принцъ-супругъ королевы, получаетъ 90 тыс. ф. с. и въ то же время пользуется пятью различными званіями и должностями вмѣстѣ съ присвоеннымъ каждой изъ нихъ содержаніемъ (фельдмаршалъ арміи, полковникъ 3-го полка пѣшей

¹ Любопытно, что объ эти страны (Бельгія и Ганноверъ), какъ бы удивительно англійскимъ интересамъ, уже рано отличались своей либеральной торговой политикой. Бельгія, какъ извѣстно, начиная съ 1849 г., почти ежегодно реформами таможеннаго тарифа первая послѣдовала за Англіей въ политикѣ свободной торговли. Ганноверъ, точно также подъ англійскимъ вліяніемъ образовалъ въ 1828 г. (съ Брауншвейгомъ и Ольденбургомъ) *Steuerverein* съ низкимъ таможеннымъ тарифомъ почти исключительно фискальнаго характера. Ганноверъ долго не хотѣлъ вступать въ германскій таможенный союзъ (*Zollverein*), требуя отъ него пониженія пошлинъ и высокаго вознагражденія. Онъ вступилъ въ него, наконецъ, не раньше 1853 г., съ условіемъ полученія на 75% дохода болѣе, чѣмъ тотъ, который долженъ былъ приходиться по количеству населенія. См. *Thompson: Social Science, 837. Levy: History of British Commerce, 409.*

гвардіи, констабль Виндзорскаго замка, Ranger of Windsor Park и Lord Warden of the Stannaries). Всѣ эти должности прибавляютъ къ его пенсіи, по крайней мѣрѣ, еще одну четвертую часть. То же самое можно сказать и о герцогѣ Кэмпбриджскомъ. «Ассоціація держится того мнѣнія, что это крайне вредная система — оказывать такое необыкновенное покровительство и давать власть немногимъ индивидамъ, награждая ихъ нѣсколькими должностями съ содержаніемъ въ одно и то же время. Если обязанности, связанныя съ этими должностями, такъ легки, что дозволяютъ ихъ соединеніе въ одномъ лицѣ, то въ такомъ случаѣ это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что онѣ составляютъ вредныя синекуры, требующія немедленнаго уничтоженія; если же эти должности необходимы, то тогда лучше всего ихъ поручать заслуженнымъ чиновникамъ, теперь награждаемымъ особыми пенсіями изъ народнаго кармана...»

Еще менѣе цѣлесообразными и справедливыми слѣдуетъ считать категорію *стичналь* пенсій, имѣющую мѣсто въ англійскомъ бюджетѣ. Сюда прежде всего относятся пенсіоны, уплачиваемые пяти лицамъ изъ доходовъ съ акциза и почты: герцогу Грефтонъ — 10,598 ф. с., герц. Марльборо — 4,000 ф. с., наслѣдникамъ герц. Шомберга — 29,000 ф. с. (прежде — 4,000), графу Кауперъ — 1,595 и наслѣдникамъ Чарльса Буна (Boone) и гр. Батса — 1,200 ф. с. Происхожденіе этихъ пенсій довольно старое и весьма любопытное. Нѣкогда англійскіе монархи имѣли неограниченное право раздачи наградъ и пенсій изъ такъ-называемыхъ наслѣдственныхъ государственныхъ доходовъ, шедшихъ въ прямое распоряженіе королей, и куда относятся два указанные источники государственнаго дохода (акцизы и почта). Карлъ II, имѣя многихъ незаконныхъ дѣтей, возвелъ троихъ въ герцогское достоинство и далъ, напр., Грефтону означенную пенсію съ его наслѣдниками *навсегда* (for ever), почему его потомъ и пользуется ею до настоящаго времени. Такимъ образомъ, всѣ указанныя пенсіи существуютъ сотни лѣтъ и поглотили сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ государственныхъ средствъ, безъ всякой на то заслуги со стороны самихъ пенсіонеровъ, почему трактать справедливо требуетъ ихъ немедленнаго уничтоженія. То же самое рекомендуется и относительно многихъ другихъ наслѣдственныхъ пенсій, дарованныхъ и перешедшихъ къ дѣтямъ, внукамъ и племянникамъ разныхъ лицъ, отличившихся преимущественно въ морской и военной службѣ (напр., внуки адмирала Роднея, Нельсона и т. п.). При этомъ ассоціація финансовыхъ реформъ выставляетъ на видъ слѣдующее общее правило: выдавать пенсіи только лицамъ, оказав-

нимъ чрезвычайныя заслуги странѣ, такъ какъ жалованье должно быть настолько приличныхъ размѣровъ, чтобы дать возможность всякому служащему позаботиться лично о собственномъ обеспеченіи въ будущемъ, поэтому же можетъ быть удобнѣе, при отставкѣ, награждать чиновника одновременно болѣе или менѣе значительной суммой денегъ. Переходить къ дѣтямъ пенсія можетъ только въ томъ случаѣ, если лицо, заслужившее пенсію, лишилось жизни при исполненіи своихъ обязанностей, или, получивши пенсію, не успѣло ею воспользоваться и оставило свою семью въ *положительной бѣдности*, принципъ, который теперь совершенно не соблюдается. Во всякомъ случаѣ, далѣе дѣтей пенсія не переходитъ.

Кромѣ того, власть правительства въ назначеніи пенсій (помимо парламента) ограничена, какъ мы знаемъ, максимумомъ въ 1,200 ф. с. всего ежегоднаго расхода. Ассоціація финансовыхъ реформъ совѣтуетъ настоятельно сократить это право еще болѣе, въ видахъ экономіи народныхъ денегъ, и, сверхъ того, лишить права отдѣльныя отрасли государственнаго управленія назначать пенсіи своимъ чиновникамъ въ извѣстныхъ размѣрахъ. Такъ, адмиралтейство назначаетъ 6 пенсій въ годъ до 3,000 ф. с. размѣромъ, также и нѣкоторыя другія учрежденія. По мнѣнію общества, такая привилегія отдѣльныхъ учреждений крайне несправедлива и вредна для народныхъ интересовъ: право раздавать пенсіоны за изытіемъ, слѣваннымъ въ пользу правительства, или, точнѣе, королевы (на сумму 1,200 ф. с.), должно исключительно принадлежать одному парламенту.

Затѣмъ ливерпульское общество разбираетъ категорію личныхъ пенсіоновъ, получаемыхъ за заслуги на юридическомъ и дипломатическомъ поприщѣ. Признавая справедливымъ и необходимымъ награждать пенсіями лицъ судебного вѣдомства, ливерпульское общество сильно возстаетъ противъ пенсій дипломатамъ. «Дипломатическіе пенсіоны, говоритъ цитованный трактатъ:—почти всѣ не заслужены. Дипломаты получаютъ, во первыхъ, очень большое жалованье и слѣдовательно имѣютъ полную возможность сбереженія и, во вторыхъ, почти никто изъ нихъ, кажется, не оказалъ странѣ особыхъ заслугъ: напротивъ, во многихъ случаяхъ они оказались хуже, нежели бесполезными, ибо лишали націю возможности пользоваться ея изолированнымъ островнымъ положеніемъ и втягивали Англію въ круговоротъ европейской политики стоившій нашему народу не мало денегъ»¹. По этимъ соображеніямъ, трактатъ предлагаетъ оставить пенсіи

¹ *Financial Reform Tracts: The Pension List*, стр. 5.

дипломатическихъ чиновниковъ всего на десять лѣтъ, ежегодно уменьшая ихъ на одну десятую, а также уничтожить и многочисленныя и въ совокупности дорого стоящія пенсіи всевозможныхъ запштатныхъ чиновъ, занимавшихъ бесполезныя должности, нынѣ уничтоженныя и прежде болѣею частію вознаграждаемыя изъ цивиль-листа.

Всѣ сокращенія, предлагаемыя обществомъ, въ издержкахъ на пенсіи должны сберечь странѣ нѣсколько сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ и дѣйствительно, какъ мы уже знаемъ, съ тѣхъ поръ въ этомъ отдѣлѣ государственныхъ расходовъ сдѣланы значительныя сбереженія: *стчмля* пенсіи, если не уничтожены, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ уменьшены въ размѣрахъ и на однихъ только дотаціяхъ и пенсіяхъ королевскаго семейства сдѣлано въ послѣдніе 30 лѣтъ сбереженіе на сумму не менѣе 132 тыс. ф. с. въ годъ.

Въ заключеніе, ливерпульская ассоціація сочла нужнымъ объяснить, что перемѣны, ею предлагаемыя, защищаются не изъ какикъ-нибудь личныхъ интересовъ, а для того лишь, «чтобы предупредить возможность народнаго бѣдствія и потому, что нація вызывается къ реформамъ непреложной необходимостью: промышленность и торговля страны парализованы и производительные классы народа вслѣдствіе того обѣднѣли. При такихъ-то условіяхъ, съ государственнымъ долгомъ свыше 700 мил., тягость налоговъ превышаетъ то, что народъ можетъ свободно нести: непосильное бремя это должно быть немедленно облегчено, иначе грозятъ большими несчастіями»...

До сихъ поръ мы познакомили читателей съ критикой ливерпульскаго общества, относящейся къ четыремъ министерствамъ: военному, морскому, министерству колоній, двора и, наконецъ, вопросу о пенсіяхъ, который имѣетъ отношеніе ко всѣмъ отраслямъ государственной службы. Въ настоящее время намъ слѣдовало бы перейти къ расходамъ другихъ министерствъ, но мы не считаемъ удобнымъ это сдѣлать по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, распределеніе предметовъ вѣдомства по отдѣльнымъ правительственнымъ органамъ въ Англіи настолько оригинально, что не укладывается въ обыкновенныя мѣрки раздѣленій министерствъ, принятыхъ въ остальной Европѣ, и не всегда подходятъ подъ континентальныя понятія о размѣрахъ дѣятельности государства. Достаточно указать для примѣра расходы на народное просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ: въ этомъ послѣднемъ отношеніи Англія, за послѣдніе тридцать лѣтъ, сдѣлала огромный прогрессъ и увеличила расходы въ двѣнадцать

разъ; но было бы ошибочно отсюда, по примѣру другихъ странъ, только по этой цифрѣ (2 1/3 мил. ф. с.) судить о заботахъ англійскаго народа о своемъ просвѣщеніи. Дѣло въ томъ, что обратно съ остальной Европой весьма значительная доля расходовъ тамъ на потребности образовательныя и научныя покрывается изъ частныхъ, общественныхъ и благотворительныхъ источниковъ помимо казны, почему всякія сравненія съ другими странами и расчеты дѣлаются весьма затруднительными. Во-вторыхъ, ливерпульское общество сосредоточило свою критическую дѣятельность преимущественно на четырехъ разобранныхъ уже нами отрасляхъ управленія; о другихъ она трактуетъ лишь частію, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, такъ что, слѣдовательно полной картины порядковъ и недостатковъ остальныхъ министерствъ нарисовать невозможно. По всемъ этимъ соображеніямъ, мы и ограничиваемся сдѣланнымъ, т. е. лишь четырьмя описанными министерствами.

Въ заключеніе же нашего этюда подведемъ итогъ его главнѣйшимъ и важнѣйшимъ выводамъ въ области критики англійскихъ государственныхъ расходовъ.

Первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ критической дѣятельностью ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ, заключается, нѣтъ сомнѣнія, въ самой широкой свободѣ обсужденія всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ ея изслѣдованій. Касается ли дѣло до недостатковъ какого-либо учрежденія или личныхъ качествъ какого-либо чиновника, хотя бы онъ занималъ самый высочій постъ, ливерпульское общество вещи и людей называетъ ихъ именами, не прибѣгая къ обинякамъ и не стѣсняясь ничѣмъ рѣшительно, кромѣ общепринятыхъ правилъ литературнаго приличія. Но, несмотря, однако, на всю свою откровенность въ сужденіяхъ и критикѣ общественнаго и государственнаго устройства Англии, общество ни разу во всѣхъ своихъ многочисленныхъ трактатахъ не упоминаетъ, тѣмъ не менѣе, о положительныхъ злоупотребленіяхъ съ криминальнымъ характеромъ, въ родѣ, напримѣръ, преступленій противъ казеннаго имущества. Въ первомъ отдѣлѣ военныхъ расходовъ, припомнимъ, много говорилось о синекуризмѣ, о плюрализмѣ, о незаслуженныхъ пенсіяхъ, вообще о расточительныхъ тратахъ казенныхъ денегъ, обусловленныхъ неправильнымъ строемъ администраціи, протекціей и кумовствомъ: недостатки, конечно, весьма крупныя и вредныя, но которые въ обыкновенномъ смыслѣ нельзя подвести подъ понятіе криминала. Далѣе тамъ много говорилось о негодности англійскихъ военачальниковъ, крайне дурной организаціи въ крымскую войну военнаго хозяйства, транспортныхъ и сани-

тарныхъ средствъ, вслѣдствіе чего солдаты то голодали, то умирали безъ помощи, хотя недалеко находились изобильные склады провизіи и медикаментовъ и т. д., но нигдѣ въ то же время не говорилось тамъ, чтобы эти склады, напримѣръ, исчезали неизвестно куда, чтобы комиссаріатъ наживался насчетъ казны, начальники частей наживались насчетъ солдатъ, поставщики насчетъ обѣихъ сторонъ и о тому подобныхъ преступленіяхъ противъ казенной и частной собственности. Точно также въ отдѣлѣ о морскомъ министерствѣ приводится длинный рядъ примѣровъ дурного строительства военного адмиралтейства. Но нигдѣ не упоминается ни полъ слова о наживѣ строителей, о счетахъ за постройку судовъ выше ея дѣйствительной стоимости, о взяткахъ и т. п.; единственное правонарушеніе это—замѣна слова «передѣлка» въ отчетахъ адмиралтейства словомъ «починка». Но и этотъ манѣвръ употреблялся лишь съ цѣлью менѣе шокировать общественное мнѣніе неудачной постройкой. При рѣзкой критикѣ зачастую мелкихъ недостатковъ дѣятельности или промаховъ лицъ самыхъ высокопоставленныхъ (начиная съ супруга королевы), объяснить это молчаніе нежеланіемъ или опасеніемъ—невозможно, и единственно вѣроятное объясненіе можетъ заключаться лишь въ томъ, что эти злоупотребленія въ англійской администраціи сравнительно рѣдки, единичны, почему ливерпульскому обществу и приходится толковать почти исключительно о слабыхъ сторонахъ самой организаціи и управленія. Эта относительная рѣдкость злоупотребленій противъ казенной собственности служитъ лучшимъ доказательствомъ, что, несмотря на нѣкоторые недостатки правительственной системы, ядро всего англійскаго государственнаго устройства вполне здорово и способно къ постоянному и прочному совершенствованію. Общественная самостоятельность и свободная пресса, вотъ тѣ два могучіе фактора, благодаря зоркому наблюденію которыхъ затрудняется и ограничивается появленіе и развитіе всевозможныхъ злоупотребленій.

Второй выводъ, который получается изъ знакомства съ трудами ливерпульскаго общества, состоитъ въ тѣсной и неразрывной связи всѣхъ финансовыхъ преобразованій вообще, и сокращенія государственныхъ расходовъ въ особенности, съ измѣненіемъ административной системы. Какъ мы знаемъ, слабые пункты организаціи англійскаго управленія заключаются въ существованіи множества синекуръ, т. е. должностей безъ дѣла или съ весьма малымъ количествомъ его и непропорціально высокимъ окладомъ жалованья; затѣмъ, какъ частое послѣдствіе этого зла—плюрализмъ, т. е. соединеніе нѣсколькихъ должностей вмѣстѣ съ нѣсколькими окладами въ лицѣ одного служащаго, и, нако-

нецъ, полученіе чиновниками разнородныхъ добавочныхъ казенныхъ содержаній всевозможнаго наименованія въ различныхъ случаяхъ и подъ разными предлогами. Вредъ этой системы важенъ, какъ мы доказывали, въ двухъ направленіяхъ: въ административномъ и финансовомъ; во-первыхъ, такъ какъ всё эти прибавки и синекуры непременно раздаются и распредѣляются произвольно, то мѣсто законныхъ нормъ, опредѣляющихъ вознагражденіе служащихъ сообразно ихъ заслугамъ и качествамъ, занимаетъ протекція, кумовство и вообще личная прихоть, и чиновникъ становится не слугою своихъ обязанностей, а своего ближайшаго начальства, отъ воли котораго зависитъ, съ помощью всѣхъ этихъ прибавокъ, значительно улучшить его матеріальное положеніе. Финансовый вредъ такой системы не менѣе важенъ, чѣмъ административный: огромныя суммы, какъ мы видѣли, затрачиваются во всѣхъ вѣдомствахъ на бесполезныя должности и разныя прибавки къ окладамъ; деньги, которыя могли бы быть сбережены для плательщиковъ налоговъ или употреблены производительно, уходятъ на бесполезно многочисленный штатъ чиновниковъ, изъ которыхъ многіе въ свою очередь могли бы дать своему труду болѣе плодотворное для страны назначеніе. Но какъ ни великъ этотъ вредъ, бороться противъ него нельзя, иначе какъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ тѣхъ причинъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ существованіе самаго зла. Одной изъ ближайшихъ — являются существующія формы администраціи, и съ преобразованія ихъ, слѣдовательно, должна начинаться всякая серьезная реформы сокращенія расходовъ. Насколько это положеніе вѣрно, мы могли судить на основаніи неподкупнаго свидѣтельства цифровыхъ данныхъ о финансовомъ положеніи британскихъ колоній. Государственные расходы строго соображаются и идутъ тамъ рука объ руку съ формой самоуправленія, и расширеніе послѣдняго немедленно всегда отражается на уменьшеніи расходовъ (Новый Южный Валлесъ).

Третій и послѣдній выводъ относится по существу не къ державѣ нашего этюда, а къ самой вышней дѣятельности ливерпульскаго общества и той роли, которую оно играетъ въ усовершенствованіи и правильномъ развитіи законодательства своей страны. Основанное немногими единомыслищими людьми, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, но съ весьма широкой задачей преобразовать финансовую систему Англіи, общество это весьма скоро привлекаетъ къ себѣ вниманіе народа, многочисленныхъ сторонниковъ и видимо оказываетъ воздѣйствіе на государственную жизнь, осуществляя свои планы и стремленія въ видѣ различныхъ административныхъ и финансовыхъ преобразованій, благодѣтельныхъ для народа. При свободной прессѣ и иныхъ благо-

пріятныхъ условіяхъ англійской жизни все это происходитъ, какъ мы видѣли, весьма просто и естественно: удачная мысль какого-нибудь частнаго человѣка находитъ себѣ сочувствіе въ нѣсколькихъ лицахъ и затѣмъ ихъ совмѣстная дѣятельность продолжается въ разѣ данномъ направленіи, и въ результатѣ она можетъ получить, если совпадаетъ съ потребностями своего времени, значеніе крупнаго историческаго событія, оказывающаго (какъ, напримѣръ, лиги противъ хлѣбныхъ заготовъ) сильное вліяніе на всю страну и на все ея будущее. Такимъ образомъ, никакая оригинальная мысль частнаго лица въ Англіи по вопросу общественнаго благоустройства, если только она способна вызвать сочувствіе и имѣть современный практическій смыслъ, не остается безъ приложенія, не затеривается и отнюдь не пропадаетъ даромъ, но приноситъ свою долю пользы общему благу. Но подобный результатъ частной инициативы возможенъ лишь при одномъ непремѣнномъ условіи: широкомъ развитіи общественной самодѣтельности, которая придаетъ всей исторіи англійскаго управленія такую устойчивость, крѣпость, нѣсколько медленную, но въ тоже время вѣрную и постоянное движеніе къ прогрессу и усовершенствованію всѣхъ государственныхъ учрежденій. Англія не знаетъ скачковъ въ исторіи своего развитія, но за то не ставитъ и точекъ въ ходѣ своихъ реформъ и преобразованій: этимъ вѣроятно объясняется и тотъ странный фактъ, что нѣкоторыми изъ своихъ наиболѣе замѣчательныхъ реформъ послѣдняго времени, коренныхъ въ принципиальномъ смыслѣ (напримѣръ, введеніе подоходнаго налога, расширеніе правъ представительства въ 1867 — 1868 гг., новыя фабричныя законы и т. д.), Англія обязана консервативнымъ министерствамъ, отъ которыхъ естественно было бы ждать противодѣйствія этимъ реформамъ, направленнымъ противъ интересовъ правящихъ классовъ, а никакъ не проведенія, ни поддержки такихъ мѣръ. Очевидно, прогрессивныя стремленія англійскаго народа настолько сильны, несмотря на многія архаическія черты его общественной жизни, что передъ ними становятся ничтожны личныя воззрѣнія того или иного министра и членовъ его партіи, временно стоящей во главѣ правительства.

Итакъ, лишь общественная самодѣтельность и частный законодательный починъ, въ связи съ свободной печатью, какъ доказываютъ всѣ данныя, привели Англію къ цвѣтущему положенію ея финансовъ и тѣмъ самымъ указываютъ единственный вѣрный путь, по которому должна слѣдовать каждая страна, желающая достигнуть той же цѣли съ наименьшей потерей народныхъ средствъ и силъ.



Иванъ Янгуль.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

V.

Труды Беарде де-Лабеа, Вольтера, Граслена и другія одобренныя вольнымъ экономическимъ обществомъ французскія сочиненія. — Сочиненія Вѣльнера, Мека и прочіе нѣмецкіе отвѣты. — Трудъ Полянова въ двухъ его редакціяхъ.

Для нашей цѣли нѣтъ никакой надобности знакомить читателей со всѣми сохранившимися отвѣтами на задачу, объявленную экономическомъ обществомъ. Въ данномъ случаѣ, для насъ интересно не то, какъ смотрѣли на крестьянскій вопросъ въ Европѣ, а то, какія идеи по этому предмету казались наиболее справедливыми русскимъ людямъ того времени. Поэтому изъ всѣхъ сохранившихся въ рукописи или напечатанныхъ отвѣтовъ мы остановимся на тѣхъ, которыя въ большей или меньшей степени заслужили одобреніе экономическаго общества. Эти отвѣты иностранцевъ не могутъ казаться для насъ совершенно чуждыми, хотя бы они ограничивались чисто теоретическимъ разсмотрѣніемъ вопроса: если они возбуждали извѣстное сочувствіе въ членахъ общества, то, слѣдовательно, они или служили выраженіемъ взглядовъ, назрѣвшихъ въ извѣстной части нашихъ образованныхъ людей, или, по крайней мѣрѣ, были уже доступны для воспринятія многими изъ нашего общества. Мы будемъ говорить отдѣльно о трудахъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ, такъ какъ они отличаются по своему характеру и носятъ печать тѣхъ поземельныхъ отношеній, которыя существовали въ той или другой странѣ.

Во Франціи въ это время значительное большинство народонаселенія было людьми совершенно свободными: сервовъ было нѣсколько не болѣе полутора милліона, при томъ лишь весьма незначительная часть крестьянъ была прикрѣплена къ землѣ такъ, что не могла ее покинуть (такъ называемое *servitude personnelle*),

напротивъ, цѣлыя области знали только форму зависимости, обусловленную пользованіемъ извѣстнымъ участкомъ: при этой, такъ называемой *servitude réelle*, крестьянинъ былъ въ зависимости лишь до тѣхъ поръ, пока владѣлъ землею, съ которою была соединена эта зависимость: онъ не былъ прикрѣпленъ къ ней и дѣлался свободнымъ, какъ только покидалъ землю¹. Свободное сельское населеніе по большей части пользовалось землею сеньеровъ на условіяхъ половничества, но было немало и мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Поэтому, писатели французы, въ своихъ отвѣтахъ на задачу экономическаго общества, требуютъ для крестьянина, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, не только личной свободы, но и дарованія земли въ полную собственность, хотя нѣкоторые изъ нихъ совѣтуютъ при этомъ соблюдать постепенность, на основаніи убѣжденія, высказываемаго самыми замѣчательными французскими писателями, что достиженіе крестьянами извѣстной степени образованія должно предшествовать ихъ освобожденію, а иныя не прочь удовольствоваться и однимъ личнымъ освобожденіемъ. Въ Германіи, напротивъ того, почти вовсе не было свободныхъ крестьянъ, и мы встрѣчаемъ тамъ прикрѣпленіе къ землѣ (*Hörigkeit*), а не то и закрѣпощеніе самой личности крестьянина (*Leibeigenschaft*); поэтому, если въ нѣмецкихъ отвѣтахъ мы встрѣчаемъ указаніе на необходимость дать крестьянамъ землю въ собственность, то подъ правомъ собственности авторъ разумѣетъ только наследственное пользованіе землею за опредѣленные повинности. Изъ нѣмецкихъ отвѣтовъ наибольшій интересъ для насъ представляютъ сочиненія остзейскихъ нѣмцевъ²; они обыкновенно представляютъ образцомъ лифляндское поземельное устройство съ нѣкоторыми ограниченіями помѣщичьей власти. Въ заключеніе мы подробно разберемъ еще болѣе важное для насъ сочиненіе Полѣнова.

Беарде де-Лабей раздѣляетъ свое изслѣдованіе на двѣ части: въ первой онъ рѣшаетъ вопросъ: что полезнѣе для государства — чтобы крестьянинъ имѣлъ право собственности или не пользовался имъ, а во второй говоритъ о томъ, какъ осуществить на дѣлѣ теоретическіе выводы, полученные въ первой части.

Крестьяне, говоритъ авторъ: — корни основанія всего государства; они — барометръ, показывающій его истинныя силы.

¹ *Куртесъ*, Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи. М., 1879 г., стр. 17—19.

² Такихъ намъ извѣстно 3: одно печатное и два рукописныхъ.

Самый бѣдный крестьянинъ полезнѣе для государства, чѣмъ праздный, невѣжественный, скупой вельможа. Крестьяне уже тѣмъ приносятъ пользу государству, что, главнымъ образомъ благодаря имъ, увеличивается народонаселеніе; поэтому, крестьянинъ долженъ имѣть неотъемлемую собственность, чтобы онъ не опасался, что его дѣтямъ придется голодать. Но, прежде чѣмъ давать ему землю, необходимо сдѣлать его лично свободнымъ; вся вселенная требуетъ отъ государей, чтобы они освободили крестьянъ. Сила Англіи основывается на совершенствѣ ея земледѣлія, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ того, что крестьяне свободны и владѣютъ землею¹; напротивъ, въ Польшѣ нищета составляетъ слѣдствіе того рабства, въ которомъ томатся крестьяне. Повсюду богатство и могущество государства есть прямое слѣдствіе свободы и благосостоянія крестьянъ. Земледѣлецъ питаетъ другихъ своимъ трудомъ, и имѣетъ право требовать для себя премій, отличій и въ особенности права поземельной собственности. Самое лучшее средство прощирать земледѣльцевъ—сдѣлать ихъ собственниками земли, которую они обрабатываютъ. Имѣть только движимую собственность, значитъ не имѣть почти никакой. Въ странѣ, гдѣ мало земли, быть можетъ, надо принять предосторожности, чтобы слишкомъ большое количество ея не перешло въ руки крестьянъ; но въ обширной, малонаселенной имперіи не слѣдуетъ пренебрегать никакимъ средствомъ, которое можетъ увеличить народонаселеніе. Особенно необходимо, чтобы земли были неприкосновенною собственностію крестьянъ, чтобы ихъ нельзя было отнять иначе, какъ за долги или по какимъ либо другимъ обязательствамъ.

Но недаромъ къ первой либеральной части своего девиза — «въ пользу свободы вопіютъ всѣ права» — авторъ прибавилъ: «но есть мѣра всему». Второй отдѣлъ своего труда онъ начинаетъ съ того, что предостерегаетъ государей отъ вредной поспѣшности: вѣдь опасно спустить съ цѣпи медвѣдя, не приручивъ его. Есть и другая опасность: крестьянинъ предастся праздности и будетъ страдать отъ голода, подобно тому, какъ вольноотпущенные негры въ Америкѣ вслѣдствіе лѣности впадаютъ въ нищету. Прежде чѣмъ даровать нѣкоторое право собственности, нужно приготовить рабовъ къ воспріятію свободы; теперь же, вслѣдствіе своей грубости и невѣжества, крестьяне, быть можетъ, и сами предпочтутъ рабство. Прежде всего слѣдуетъ обратиться къ образованію. Заставьте людей познать цѣну свободы; пусть они самымъ горячимъ образомъ будутъ стремиться къ ней. Не

¹ Въ этомъ воскваленіи Англіи сказывается вліяніе идей фізіократовъ.

дѣлайте ихъ собственниками земли прежде, чѣмъ они будутъ того достойны. Такой ходъ дѣла полезенъ и для богатыхъ землевладѣльцевъ, потому что крестьяне будутъ надѣяться на свободу, лишь какъ на вознагражденіе за большее трудолюбіе. «Прошлый годъ вы обработали только 100 арпановъ земли, могъ бы сказать господинъ нѣсколькихъ семьямъ своимъ вѣрнопостныхъ:—въ прошломъ году я получилъ, съ помощію вашего труда, только 100 мѣръ хлѣба; удвойте ваши усилія и ваши заботы о моихъ выгодахъ, воздѣлывайте съ величайшимъ прилежаніемъ землю, которую я вамъ довѣрилъ, и когда вы достигнете того, что увеличите ея производительность на 100 мѣръ хлѣба, я дамъ вамъ землю въ собственность».—«Такимъ образомъ, прибавляетъ авторъ:—одно обѣщаніе свободы можетъ значительно увеличить доходы богатыхъ землевладѣльцевъ». «Дайте крестьянину собственность и свободу, говоритъ онъ:—только, такъ сказать, по мелочамъ. Устройте отличія между рабами; пусть усердіе, заслуги будутъ вознаграждены. Дайте сначала право имѣть только движимое имущество, а потомъ и уже недвижимое. Пусть крестьянинъ, сдѣлавшись собственникомъ, презираетъ своихъ прежнихъ товарищей, остающихся въ рабствѣ, пусть свободные отличаются отъ несвободныхъ одеждою. Когда умы будутъ достаточно подготовлены, можно будетъ разорвать цѣпи рабства. Землевладѣльцамъ нечего опасаться освобожденія крестьянъ: доходы даже возрастутъ, полученіе ихъ сдѣлается вѣрнѣе, не будетъ столько хлопотъ съ присмотромъ за барщинными работами. Но какъ же это сдѣлать? «Дайте крестьянину собственность, чтобы онъ могъ считать себя господиномъ маленькаго владѣнія; вы можете тогда съ полною безопасностію довѣрить ему ваши фермы; вамъ нечего будетъ опасаться, что вы не получите арендной платы: его маленькій клочокъ земли или, лучше сказать, привязанность, которую онъ будетъ имѣть къ своему маленькому имѣнію, послужитъ вамъ порукою. Такимъ образомъ, богатые, осчастлививъ крестьянъ, увеличатъ свои собственные средства и сдѣлаютъ болѣе вѣрнымъ полученіе доходовъ». Вотъ единственное мѣсто въ сочиненіи Беарде, которое даетъ отвѣтъ на самый существенный вопросъ при освобожденіи крестьянъ съ землею: какъ и въ какихъ размѣрахъ предоставить имъ поземельный надѣлъ; но, какъ оно ни кратко, оно достаточно объясняетъ намъ, почему это сочиненіе заслужило одобреніе вольнаго экономическаго общества, въ которомъ всѣ самые либеральные члены были все-таки болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы. И такъ, Беарде предоставляетъ самимъ помѣщикамъ все рѣшеніе крестьянскаго вопроса, государство

вовсе не должно вѣшиваться въ это дѣло, господинъ самъ надѣлитъ землею крестьянъ въ вознагражденіе за ихъ особенное прилежаніе, причѣмъ опредѣленіе степени этого прилежанія и размѣровъ надѣла будетъ вполнѣ отъ него зависѣть. Но во всякомъ случаѣ, очевидно, что, по мысли Беарде, участки земли, дарованный крестьянамъ, не должны быть велики, не долженъ вполнѣ обеспечивать существованіе его семьи; это ясно изъ того, что авторъ говоритъ о «quelque petite possession», о «petit domaine», и что всѣ расчеты помѣщика, всѣ надежды на увеличеніе дохода основываются на томъ, что крестьяне должны будутъ брать его земли въ аренду, *должны* уже не въ силу юридическаго принужденія, но побуждаемые еще болѣе сильнымъ мотивомъ—необходимостью обезпечить свое пропитаніе. Къ тому же, даже и это благополучіе предоставляется, какъ награда крестьянамъ, въ весьма отдаленномъ будущемъ: ему предшествуютъ наставленія священника съ цѣлю развитія крестьянъ, затѣмъ, послѣ того, какъ хотя одинъ добился освобожденія, переодѣваніе всѣхъ остальныхъ изъ прежняго платья въ рабскую одежду одинаковаго образца, потомъ, освобожденіе только личности и дарованіе права на движимое имущество и, наконецъ, какъ вершина всего зданія, Богъ знаетъ, черезъ сколько лѣтъ, дарованіе маленькаго клочка земли. Неизвѣстно только, когда произойдетъ новое переодѣваніе изъ рабской одежды въ форму, присвоенную людямъ свободнымъ: при дарованіи ли личной свободы или при надѣленіи землею, но во всякомъ случаѣ эти смѣшныя мѣры, которыя, навѣрно, не пришли бы въ голову ни одному русскому писателю, до такой степени подобныя вѣшнія отличія чужды духу русскаго народа—совершенно для насъ непригодны.

Переходимъ теперь къ обзору другихъ французскимъ сочиненій, ограничиваясь, согласно нашему плану, только тѣми, которыя заслужили одобреніе экономическаго общества. О небольшомъ французскомъ сочиненіи, подъ № 14-мъ, общество постановило, что эта пьеса «хотя и писана весьма изрядно и притомъ нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствовала и къ рѣшенію самой задачи, однако, по общему всего собранія мнѣнію, въ число конкурсныхъ вступить не могла», потому что составитель подписалъ свое имя. Авторъ этого маленькаго сочиненія, занимающаго всего три четвертки, нѣкій французъ Арвольди изъ герцогства Лимбургскаго, также считаетъ желательнымъ, чтобы крестьянинъ владѣлъ извѣстнымъ участкомъ земли, достаточнымъ для того, чтобы онъ могъ жить со своимъ семействомъ «въ посредственномъ состояніи».

Обративъ вниманіе на то, что Вольтеръ въ одномъ изъ своихъ

писемъ къ императрицы Екаторинѣ интересовался судьбою двухъ французскихъ сочиненій, посланныхъ въ наше экономическое общество ¹, мы заповодрили, не было ли въ числѣ полученныхъ отвѣтовъ и его собственнаго произведенія. Наша догадка оправдалась, такъ какъ одно изъ французскихъ сочиненій оказалось лишь болѣе подробною редакціею статьи о собственности, помѣщенной Вольтеромъ въ его «Философскомъ Лексиконѣ». Въ первомъ изданіи этого лексикона, появившемся въ 1764 г., этой статьи нѣтъ ²; но послѣ того, какъ она была написана въ 1767 г., ее включили въ «Философскій Лексиконъ», хотя при этомъ она и подверглась сокращенію болѣе чѣмъ вдвое ³.

Сочиненіе Вольтера, присланное къ намъ съ девизомъ «*si populus dives, rex dives*» (если народъ богатъ, богатъ и государь) (№ 9), было одобрено обществомъ и включено въ число тѣхъ отвѣтовъ, которые удостоились почетнаго отзыва (см. предисловіе къ «Dissertation» и пр.). Упомянувъ о томъ, что для самихъ землевладѣльцевъ гораздо выгоднѣе раздать земли небольшими участками за извѣстный оброкъ, чѣмъ воздѣлывать ихъ рабскимъ трудомъ, Вольтеръ не ограничивается, однако, рекомендаціею хозяйства на арендныхъ началахъ «Есть другой родъ собственности, не менѣе полезный, говорить онъ:— когда земля освобождена отъ всякаго оброка, и владѣющій ею платитъ только общія подати, наложенныя для блага и поддержанія государства. Это та собственность, которая особенно содѣйствовала обогащенію Англіи, Франціи и свободныхъ городовъ Германіи. Государи, освободившіе земли, которыя входили въ составъ ихъ домемовъ, извлекли изъ этого прежде всего большую выгоду, такъ какъ у нихъ дорого покупали эти вольности, и извлекаютъ еще большую теперь, особенно въ Англіи и Франціи, вслѣдствіе увеличенія промышленности и торговли». Но авторъ не только не настаиваетъ, какъ и Беарде, на вмѣшательствѣ государства при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, но прямо высказывается противъ него. «Справедливость требуетъ, говорить онъ:— чтобы государь освобождалъ только церковныхъ сервовъ и своихъ собственныхъ: вѣрностныхъ, принадлежащихъ церкви потому, что она не должна ихъ имѣть, своихъ— потому что отъ этого онъ выигрываетъ, создавая себѣ дѣятельныхъ подданныхъ, и обогащаетъ себя, дѣлая добро. Но что касается сервовъ, которымъ давнее пользованіе предоставило вѣрностныхъ въ вотчину, то, кажется, нельзя, не

¹ Сборн. Ист. Общ. X, 176 и 33—34. (второе письмо Екаторины ошибочно помѣщено подъ 1765 г.; оно очевидно написано послѣ помѣщеннаго на стр. 176).

² См. *Voltaire. Dictionnaire philosophique portatif. Londres. 1764.*

³ *Oeuvres complètes de Voltaire, 1784, XLII, p. 437—441.*

сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственного имѣнія. Они должны имѣть право освободить своихъ сервовъ по собственному усмотрѣнію. Это уже ихъ дѣло, послѣдовать ли примѣру государя... они должны быть приглашены въ этому, а не обязаны»¹. Вольтеръ не настаиваетъ даже въ такой степени какъ Беарде—на предоставленіи крестьянамъ поземельной собственности. «Всѣ крестьяне не будутъ богатыми, говорить онъ:— да этого и не нужно. *Нужны моды, у которыхъ не было бы ничего, кромѣ ихъ рукъ и доброй воли; но даже и они, хотя и кажутся пасынками фортуны, будутъ участвовать въ благополучіи другихъ*», прибавляетъ онъ имъ въ утѣшеніе. «Они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплатитъ, и это замѣнитъ имъ собственность». Уже Беарде высказывалъ мысль, что, по крайней мѣрѣ, въ государствѣ не слишкомъ обширномъ, *быть можетъ*, слѣдуетъ принять мѣры, чтобы въ руки крестьянъ не перешло слишкомъ большое количество земель; въ Вольтерѣ этотъ вопросъ не возбуждаетъ сомнѣній. «Во многихъ королевствахъ случилось, говорить онъ:— что освобожденный крѣпостной, разбогатѣвъ съ помощію промышленности, занялъ мѣсто прежнихъ своихъ господъ, обѣднѣвшихъ отъ роскоши; онъ скупилъ ихъ земли, принялъ ихъ фамиліи, старинное дворянство было унижено». Поэтому онъ желаетъ «противопоставить узду закона гордости новыхъ выскочекъ, опредѣлить, сколько они могутъ прибрѣтать крестьянскихъ земель, запретить имъ прибрѣтеніе земель благородныхъ сеньйоровъ».

Въ этомъ сочиненіи ясно высказались взгляды Вольтера на крестьянскій вопросъ². Вѣрный своей всегдашней ненависти къ духовенству, онъ всего болѣе желаетъ, чтобы было уничтожено крѣпостное право на монастырскихъ земляхъ (извѣстно его энергическое заступничество за сервовъ монастыря св. Клавдія), а затѣмъ въ доменахъ. Освобожденіе крѣпостныхъ частныхъ владѣльцевъ, хотя бы и безъ земли—желательно, но въ этомъ отношеніи господамъ должна быть предоставлена полная свобода.

Екатерина исполнила эту программу, хотя и не вполне: она съ одной стороны превратила въ государственныхъ крестьянъ населеніе монастырскихъ и другихъ духовныхъ вотчинъ, съ другой—не посягнула на права частныхъ землевладѣльцевъ. Но въ своихъ собственныхъ вотчинахъ она не только не освободила крестьянъ, но брала съ нихъ шестирублевый оброкъ въ то время,

¹ Этого любопытнаго мѣста нѣтъ въ печатной редакціи.

² О его взглядахъ на народъ вообще срав. *Heitner Literaturgeschichte des XVIII Jahrhunderts*, 3 Aufl. Bd. II, 173—174, 220—221; *Луи Бланъ* Ист. Франц. Революц. I, 296—297; *Каршевъ* 271—272, 291—292.

когда въ Наказѣ признавала пятирублевый сборъ чрезмѣрнымъ обремененіемъ.

Неизмѣримо выше отвѣтовъ Беарде и Вольтера стоитъ сочиненіе француза Граслена, получившаго accessit и напечатанное вмѣстѣ съ работою Беарде. Такъ какъ, въ поставленной на обсужденіе задачѣ, спрашивалось: дарованіе крестьянину права собственности на землю полезно ли для общества или (какъ это было сказано во французскомъ отвѣтѣ) для общаго блага, то авторъ такимъ образомъ начинаетъ свое сочиненіе: «общее благо можетъ быть разсматриваемо съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: или какъ наибольшая польза для всѣхъ членовъ общества, или какъ благо государства при извѣстномъ его устройствѣ. Въ первомъ случаѣ предлагаемый вопросъ имѣетъ характеръ общности и долженъ быть рѣшенъ на основаніи началъ, почерпнутыхъ изъ свойствъ человѣка и непреложныхъ законовъ природы; во второмъ случаѣ, это задача частная, условная и имѣющая столько же различныхъ рѣшеній, сколько есть формъ правленія». Авторъ обѣщаетъ разсматривать вопросъ съ первой точки зрѣнія. Уже приведенное различеніе интересовъ государства и его членовъ, другими словами, націи и народа, дѣлаютъ честь автору изслѣдованія, такъ какъ понятія эти сплошь и рядомъ смѣшивались не только въ то время, но не рѣдко смѣшиваются и теперь. Затѣмъ авторъ говоритъ: «если считать крестьянъ членами государства, то общее благо требуетъ, чтобы имъ были предоставлены выгоды, связанныя съ правомъ собственности какъ на землю, такъ и на движимое имущество, допуская при этомъ только тѣ ограниченія, какія существуютъ и для другихъ, такъ какъ... общее благо заключается всегда въ счастьи наибольшаго числа людей». Но современные философы утверждаютъ, продолжаетъ авторъ, что при естественномъ порядкѣ вещей (dans l'ordre de la nature) земля не составляетъ ни чьей собственности. Какъ же можетъ въ такомъ случаѣ существовать частная земельная собственность; какимъ образомъ извѣстное количество людей можетъ посредствомъ своего труда приобрести право собственности на всю землю, не давая ей пользоваться другимъ людямъ, тогда какъ земля должна принадлежать всѣмъ. Но, по мнѣнію автора, это противорѣчіе только кажущееся, и онъ обѣщаетъ устранить его, доказавъ, что когда владѣніе землею гарантировано тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, то другіе, хотя и не непосредственно, пользуются благами природы, т. е. производительностію земли. Для этого авторъ, отвлекаясь отъ существующаго общественнаго строя, разсматриваетъ тѣ отношенія, которыя устанавливаются между земледѣльцами и ремесленниками,

если все население раздѣляется только на два класса: земледѣльцевъ-собственниковъ и работниковъ, занимающихся неземледѣльческимъ трудомъ, разбираетъ законы обмѣна, возникающаго при этомъ, и указываетъ на то, что при предполагаемомъ имъ составѣ народонаселенія ремесленники и другіе работники не земледѣльцы, обмѣнивая свои продукты на хлѣбъ, въ сущности пользуются плодами земли. Изъ этого слѣдуетъ, что и они заинтересованы въ томъ, чтобы обрабатывающіе землю имѣли на нее ненарушимое право собственности. Другой результатъ разбора отношеній между земледѣльцами и ремесленниками заключается въ томъ, что право отдѣльнаго человѣка или какого-нибудь класса общества на плоды труда другихъ людей основывается единственно на томъ, что другіе нуждаются въ произведеніяхъ его собственнаго труда. Съ этой точки зрѣнія, авторъ признаетъ цѣлесообразность установленія власти, заботящейся объ охраненіи личности и собственности членовъ общества, но онъ считаетъ совершеннымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей какъ рабство, такъ и то, что правомъ собственности на землю пользуются люди, незанимающіеся ея обработкою. При естественныхъ отношеніяхъ, земледѣльцы обмѣниваютъ избытокъ своихъ произведеній на плоды труда другихъ работниковъ и, слѣдовательно, всякое уменьшеніе той доли продуктовъ, которую путемъ обмѣна они передаютъ другимъ производительнымъ классамъ, есть потеря для этихъ послѣднихъ, а, слѣдовательно, и для всего общества, такъ какъ, чтобы удовлетворить прежней потребности, придется увеличить число земледѣльцевъ и слѣдовательно уменьшить численность остальныхъ классовъ. И все это только потому, что извѣстное количество людей, пользующихся властію, поработили себѣ подобныхъ или—что въ сущности тоже самое—не дозволяютъ пользоваться захваченною ими землею иначе, какъ за предоставленіе имъ бесплатно извѣстной части урожая. Окончательный выводъ, къ которому приходитъ авторъ, понятенъ уже изъ всего сказаннаго: *«общее благо требуетъ, чтобы земля была собственностію единственно и исключительно тѣхъ, кто ее обрабатываетъ, т. е. крестьянъ, но въ то же время они должны владѣть только тѣмъ количествомъ земли, какое могутъ сами обработать, иначе они обратятся въ землевладѣльцевъ вотчинниковъ»*. Только при этомъ условіи, слѣдовательно, имѣетъ *raison d'être* право собственности на землю.

Переходя отъ общихъ выводовъ, построенныхъ на отвлеченныхъ началахъ справедливости, къ современному общественному строю, авторъ говоритъ, что если невозможно въ данное время думать объ его измѣненіи согласно указаннымъ принципамъ,

если нельзя отдать землю однимъ земледѣльцамъ, то не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, лишать ихъ поземельной собственности, такъ какъ это было бы большимъ ущербомъ для всего общества. Нечего и говорить о томъ, что авторъ считаетъ необходимымъ предоставить земледѣльцу право собственности на движимое имущество.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго изложенія сочиненія Граслена видно, что это трудъ, написанный весьма логично, въ высшей степени замѣчательный для своего времени; нельзя не подивиться, что его одобрило вольное экономическое общество, господствующимъ вліяніемъ въ которомъ пользовались наши вельможи—крупные собственники. Напечатаніе такой статьи, совершенно отрицавшей ихъ права на владѣніе не только крестьянами, но даже и землею, повидимому, должно было бы казаться имъ гораздо опаснѣе, чѣмъ переводъ труда Беарде; тутъ дѣло шло уже не о надѣленіи крестьянина ключомъ земли по усмотрѣнію помѣщика въ награду за особенное прилежаніе, а о томъ, что предоставленіе земледѣльцамъ всей обрабатываемой земли было бы только исполненіемъ элементарныхъ требованій справедливости. Но къ такимъ идеямъ тогдашнее русское общество было совершенно не подготовлено, и эта слишкомъ отвлеченная статья была мало понятна не только всему русскому обществу, но, быть можетъ, и тѣмъ, кто рѣшалъ вопросъ о ея напечатаніи. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что изъ всѣхъ сочиненій, присланныхъ въ отвѣтъ на задачу, объявленную экономическимъ обществомъ, это было произведеніе самое замѣчательное по своимъ идеямъ.

Прежде чѣмъ покончить съ разборомъ французскихъ сочиненій, мы упомянемъ еще объ одномъ незаданномъ отвѣтѣ, означенномъ въ печатномъ спискѣ подь № 162. Это, собственно говоря, только предисловіе къ сочиненію, которое авторъ не успѣлъ прислать къ опредѣленному сроку; онодало и это предисловіе и потому не было рассмотрѣно. Оно любопытно для насъ только потому, что было несомнѣнно написано фізіократомъ (хотя вліяніе этой школы сказывается и въ нѣкоторыхъ другихъ отвѣтахъ), слѣдовательно, принадлежало перу человѣка, раздѣлявшаго мнѣнія, которыя были въ то время послѣднимъ словомъ экономической науки. Поэтому не безъинтересно указать на то, какое значеніе придавали въ Европѣ постановкѣ самой задачи, объявленной экономическимъ обществомъ: «Если роковое стеченіе обстоятельствъ, говорить онъ: — лишаетъ мое отечество преимущества подать первый примѣръ постоянного и совершеннаго счастья, которое должно быть неперемѣннымъ результатомъ осуществленія выво-

довѣ этой науки (фізіократіи), то я желаю, чтобы вы, русскіе, воспользовались этимъ неопредѣленнымъ правомъ и подали всѣмъ возвышенный примѣръ... Вы научились отъ насъ научно истреблять людей съ помощію свинца, желѣза и пороха; вы научились искусно предавать свою жизнь ярости бурныхъ морей въ судахъ, столь же ломкихъ, сколько и достойныхъ удивленія. Прекрасно и благородно будетъ съ вашей стороны научить насъ... какъ гарантировать счастье людей, производящихъ необходимые жизненные припасы... свободою и правомъ собственности, не тѣми неполными собственностію и свободою, которыми мы въ настоящее время пользуемся въ нашихъ полудивилизованныхъ государствахъ, но тѣми, которымъ только высшая справедливость полагаетъ границы». Если даже извѣстную долю этихъ фразъ и счастье за комплименты, которыми многіе авторы, особенно французы, приправляли свои отвѣты, то все-таки нельзя не согласиться, что, дѣйствительно, постановка этой задачи принесла извѣстную долю пользы не только Россіи, но и западной Европѣ: она вызвала не одни письменные, но и печатные отвѣты. Не говоря уже про иностранныя сочиненія, напечатанныя нашимъ экономическимъ обществомъ и, такимъ образомъ, сдѣлавшіяся доступными всему образованному міру, мы напомнимъ, что нѣкоторые авторы (Мержель и Гессъ) сами, даже ранѣе присужденія преміи, напечатали свои труды; другіе же рѣшали эту задачу въ журнальныхъ статьяхъ или особыхъ сочиненіяхъ, вовсе не претендуя на премію. Для примѣра, укажемъ, что, въ отвѣтъ на задачу вольно-экономическаго общества, аббатъ Васко изъ Пьемонта написалъ итальянски цѣлый трактатъ, въ которомъ требуетъ раздѣленія земли между возможно бѣльшимъ числомъ гражданъ, отдачи крестьянамъ въ полную собственность опредѣленныхъ земельныхъ участковъ. Предвидя, что если даже всѣ земли будутъ поровну раздѣлены между ними, современемъ все-таки явится сильное имущественное неравенство, аббатъ Васко требуетъ, чтобы былъ установленъ максимумъ и минимумъ количества земли, какимъ могутъ владѣть граждане государства, первымъ шагомъ къ чему должно служить регулированіе закономъ права наследованія¹. Если сопоставить этотъ трудъ, вовсе не присланный въ экономическое общество, съ только-что разобраннымъ нами сочиненіемъ Граслена, то мы увидимъ, что хотя многіе выдающіеся писатели того времени, дававшіе тонъ вѣку, игнорировали социальныя во-

¹ Лучицкій. Исторія крестьянской реформы въ западной Европѣ съ 1789 г. Киевск. унив. изв. 1878 г. № 11, стр. 548—551.



просы, то все-таки не было недостатка въ голосахъ, рѣшительно высказывавшихся въ пользу обдѣленнаго судьбою крестьянина.

Мы не разобрали еще одного изъ сохранившихся французскихъ сочиненій, которое было включено въ число конкурсныхъ (впрочемъ, отъ послѣдняго комитета оно не заслужило почетнаго отзыва), не разобрали потому, что хотя оно и написано по-французски, но, присланное изъ Берлина, оно заключаетъ въ себѣ не мало и чисто нѣмецкихъ идей (въ спискѣ означено подъ № 72).

Люди никогда не были равны, говоритъ авторъ: — всегда существовала родительская власть, всегда сильный и ловкій бралъ верхъ надъ слабымъ и глупымъ. Избытокъ просвѣщенія, такъ же, какъ и излишняя заботливость, вредятъ людямъ, особенно тѣмъ, умъ которыхъ, по ихъ образу жизни и по назначенной имъ судьбою роли въ обществѣ, долженъ остаться ограниченнымъ. Понятно, что, при такихъ взглядахъ, авторъ не одобряетъ сочиненій Руссо, такъ какъ они возбуждаютъ, по его словамъ, ропотъ и возстаніе, между тѣмъ, какъ онъ самъ хочетъ внушить людямъ необходимость послушанія и объяснить имъ выгоды зависимаго положенія. Развѣ не испортили бы мнѣ хорошаго слугу, спрашиваетъ онъ:—еслибы ежедневно стали твердить ему, что я ничѣмъ не лучше его и что для него унижительно мнѣ служить? Нѣтъ, спасительныя правила евангелія гораздо лучше всей этой ложной философіи.—Однако, даже и при такихъ взглядахъ, взявшись писать на тѣму о собственности крестьянъ, авторъ не рѣшается сказать прямо, что она не нужна. Онъ совѣтуетъ прежде всего внимательно изучить положеніе русскаго мужика: обремененъ ли онъ чрезмерно работою и, главное, дѣйствительно ли онъ недоволенъ своею судьбою. Если да, нужно ему помочь; въ противномъ случаѣ, пусть не предлагаютъ ему проэктовъ объ увеличеніи его правъ. Если же и окажется нужнымъ измѣнить положеніе крѣпостныхъ, то во всякомъ случаѣ сразу даровать имъ всѣмъ право собственности—было бы весьма неблагоразумно, это можно дѣлать не иначе, какъ постепенно, на извѣстныхъ условіяхъ, и пріобрѣтенное ими право собственности должно подлежать ограниченію. Можно начать съ того, что объявить собственниками заслуживающихъ этого своимъ прилежаніемъ, честностію и проч., и затѣмъ дѣлать тоже самое въ извѣстные промежутки времени. Авторъ такъ же, какъ и Беарде, полагаетъ, что крестьяне будутъ придавать значеніе внѣшнимъ отличіямъ и потому предлагаетъ, чтобы пріобрѣтшіе право собственности отличались отъ остальныхъ особою одеждою. За дурное поведеніе крестьянинъ можетъ лишиться своего участка по рѣшенію суда, составленнаго изъ лицъ того же сословія.

Переходимъ къ нѣмецкимъ сочиненіямъ, отличающимся инымъ характеромъ, чѣмъ произведенія французскихъ авторовъ.

Первый трудъ съ девизомъ *Catharina* (№ 54), принадлежащій гальберштадскому канонику Вѣльнеру¹, прямо начинается съ той мысли, что для общества полезнѣе и выгоднѣе, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственную землю. Это подтверждается соображеніями о важномъ значеніи для земледѣлія права собственности, плохомъ качествѣ барщиннаго труда и невозможности для срочнаго арендатора заботиться о прочныхъ усовершенствованіяхъ. Авторъ совѣтуетъ роздать землю крестьянамъ въ собственность съ тѣмъ, чтобы они вносили за нее точно опредѣленный оброкъ и исполняли извѣстныя работы; по его мнѣнію, это единственное и самое вѣрное средство для развитія земледѣлія; вмѣстѣ съ тѣмъ оно будетъ чрезвычайно содѣйствовать и увеличенію народонаселенія. Правительство должно награждать всячески (титулами, деньгами, землями) тѣхъ землевладѣльцевъ, которые передадутъ землю въ собственность своимъ крестьянамъ, а также поощрять крестьянъ, у которыхъ всего болѣе дѣтей. О правѣ собственности на движимое имущество авторъ не находитъ нужнымъ и говорить, такъ какъ гораздо важнѣе поземельное устройство.

Затѣмъ Вѣльнеръ переходитъ ко второй части задачи: какъ далеко должно простирается право собственности на землю? Онъ предлагаетъ, чтобы землевладѣльцы дали вольному экономическому обществу полномочіе составить, съ соизволенія государыни, законъ, которымъ крѣпостное право было бы измѣнено и согласовано съ требованіями общаго блага². Этими закономъ, установленнымъ съ согласія всѣхъ землевладѣльцевъ, земля должна быть передана крестьянину въ собственность и гарантировано ему спокойное пользованіе ею. Но онъ долженъ остаться въ подданствѣ и послушаніи своему господину, нести платежи и повинности даже въ бѣльшемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Слѣдуетъ постановить: 1) что крестьянинъ можетъ быть лишенъ земли только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ дурно вести себя и пренебрегать земледѣліемъ; тогда у него можно отнять землю, согнать его со двора и сдѣлать рабомъ (*Slave*). 2) Крестьянинъ долженъ имѣть право производить на своей землѣ какія угодно улучшенія, сѣять по своему усмотрѣнію хлѣбъ или кормовыя травы, огораживать землю. Для этого участокъ долженъ быть

¹ Съ 1788 г. онъ былъ министромъ юстиціи, начальникомъ духовнаго департамента и евангелическихъ лютеранскихъ церквей.

² Сравни выше предложеніе Посошкова, чтобы землевладѣльцы сами, подъ контролемъ правительства, составили правила о крестьянскихъ повинностяхъ.

отведенъ въ одноѣ мѣстѣ, *общинныя угодья* (die Gemeinheiten) *уничтожены*, такъ же, какъ и обыкновеніе пасти скотъ на землѣ сосѣда. Разверстаніемъ общинныхъ угодій и огораживаніемъ полей Англія положила первое основаніе успѣхамъ земледѣлія, а послѣднее время (seit raag Jahren) почти всѣ нѣмецкія государства начинаютъ слѣдовать ея примѣру ¹. 3) Крестьяне, получившіе землю въ собственность, должны платить вдвое болѣе, чѣмъ прежде, но разъ установленные взносы не должны быть возвышаемы. 4) Крестьянинъ долженъ имѣть право продать свое поле, но, однакоже, лишь съ согласія землевладѣльца; это дозволяется только въ томъ случаѣ, если, по старости или болѣзни, онъ не можетъ работать или захочетъ кунить другой участокъ (само собой разумѣется, что пріобрѣтшій его землю долженъ будетъ принять на себя исполненіе лежащихъ на ней повинностей). 5) Крестьянинъ можетъ завѣщать свою землю дѣтямъ и родственникамъ, но если наслѣдникъ не хочетъ самъ заниматься ея обработкою, то долженъ не отдавать земли въ наемъ, а непременно продать ее земледѣльцу.

Таковъ проэктъ, представленный Вѣльнеромъ; онъ сходенъ съ предложеніемъ Беарде въ томъ отношеніи, что въ сущности также предоставляет рѣшеніе крестьянскаго вопроса усмотрѣнію помѣщика, такъ какъ только съ ихъ согласія предлагаетъ экономическому обществу установить правила объ улучшеніи быта крестьянъ. Что касается предложенныхъ имъ мѣръ, то очевидно, что онъ предоставляетъ землю крестьянину не въ собственность, а только въ наслѣдственное пользованіе за опредѣленные повинности, которыя въ тому же онъ предлагаетъ увеличить. Такимъ образомъ, еще вопросъ, улучшилось ли бы при этихъ условіяхъ положеніе крестьянъ. Наконецъ, онъ вовсе не касается вопроса о вотчинномъ судѣ, а отъ правильнаго разъясненія его зависитъ очень многое. Въ проэктѣ Вѣльнера есть одно предложеніе, въ которомъ онъ сходится съ проэктомъ Елагина и принятіе котораго было бы крайне вредно для русскихъ крестьянъ: мы разумѣемъ совѣтъ уничтожить общинное землевладѣніе. Авторъ ссылается на примѣръ въ этомъ отношеніи западной Европы. Прошло послѣ того сто лѣтъ до тѣхъ поръ, пока на западѣ пришли къ убѣжденію, что хотя мѣра эта содѣйствовала развитію *земледѣлія*, но зато вредно отразилась на интересахъ *земледѣльцевъ*. Мы же всегда все принимали отъ запада заднимъ числомъ: вводимъ строго классическую систему средняго образо-

¹ Незадолго передъ тѣмъ, Вѣльнеръ издалъ особое сочиненіе противъ общиннаго землевладѣнія: «Die Aufhebung der Gemeinheiten in der Mark Brandenburg nach ihren grossen Vortheilen ökonomisch betrachtet. Berl. 1766.

ванія, когда объ ослабленіи ея думаютъ на западѣ, желаемъ уничтожить поземельную общину, когда многіе западные ученые пришли въ убѣжденію въ полезности для крестьянъ этой формы землевладѣнія.

Изъ сочиненій лифляндскихъ дворянъ, которыхъ до насъ дошло 3, первое, напечатанное вмѣстѣ съ отвѣтами Беарде, Вѣльнера и Граслена, было написано фонъ-Мекомъ, котораго общество наградило за этотъ трудъ медалью въ 12 червонцевъ. Крѣпостные должны имѣть собственность, говоритъ онъ, но не слѣдуетъ спѣшить (эпиграфъ автора—*festina lente*): если сразу уничтожить крѣпостное право, то свобода обратится въ необузданность, крестьяне покинутъ земли, которыя прежде обрабатывали, и начнутъ бродить, ища мѣста, гдѣ бы могли получить землю безъ повинностей и денежныхъ оброковъ. Нужно, чтобы крестьяне познали цѣну собственности; нужно позаботиться о лучшемъ воспитаніи крѣпостныхъ дѣтей; нужно научить крестьянина любить земледѣліе. Въ этихъ мысляхъ нѣтъ ничего новаго, мы уже встрѣчали ихъ и встрѣтимъ еще и въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ; но авторъ рекомендуетъ оригинальную мѣру для приученія крестьянъ къ земледѣлію, честь изобрѣтенія которой принадлежитъ исключительно ему. Нужно препятствовать крестьянину заниматься побочными промыслами; съ этою цѣлію можно установить, что все, что онъ зарабатываетъ съ ихъ помощію, должно идти въ пользу господина. Каждый обязанъ оставаться членомъ своего сословія, а не «быть счастливымъ, какъ ему вздумается». Такъ же, какъ и предыдущіе авторы, онъ полагаетъ, что нужно навсегда опредѣлить, какія земледѣльческія работы и сборы долженъ нести крестьянинъ въ пользу господина. По его мнѣнію, нужно начать дарованіе права собственности съ движимаго имѣнія и обставить это дѣло слѣдующими формальностями. Господинъ заявляетъ въ судѣ, что онъ дозволяетъ лучшимъ крестьянамъ, хорошо ведущимъ свое хозяйство, неограниченно распоряжаться движимымъ имуществомъ; заявленіе это записывается въ книгахъ, и потомъ чиновники наблюдаютъ за его исполненіемъ. Если крестьянинъ будетъ дурно хозяйничать, то его не слѣдуетъ прогонять съ земли, а нужно назначить опекуновъ надъ нимъ изъ лучшихъ хозяевъ. При такомъ смягченномъ крѣпостномъ правѣ, крестьянинъ будетъ находиться въ наилучшемъ положеніи: онъ пользуется землею, а между тѣмъ, въ случаѣ неурожая, помѣщикъ помогаетъ ему. Когда всѣ или большая часть крестьянъ приобрѣтутъ движимую собственность, то помѣщикъ въ награду лучшимъ и зажиточнѣйшимъ можетъ продать за определенную цѣну участки земли, который они обрабатываютъ. Хо-

рошо было бы подать примѣръ реформы въ казенныхъ имѣніяхъ: тогда каждый убѣдился бы, что такимъ образомъ увеличивается благосостояніе крестьянъ. Крестьянинъ, приобрѣтшій землю, будетъ имѣть на нее полное право собственности, но подъ слѣдующими условіями: 1) его участокъ не долженъ быть никакимъ образомъ отдѣленъ отъ всего имѣнія; 2) крестьянинъ, обрабатывающій его, не можетъ его покинуть и 3) за каждый такой участокъ, господинъ имѣетъ право на извѣстную и разъ навсегда опредѣленную работу. Такимъ образомъ и здѣсь дѣло идетъ не о правѣ собственности, а о наслѣдственномъ пользованіи землею за извѣстныя повинности, причѣмъ нѣтъ и мысли о назначеніи какого-нибудь срока этимъ платежамъ, о выкупѣ земли въ теченіе извѣстнаго времени посредствомъ ежегодныхъ взносовъ.

Отвѣтъ фокъ-Мека имѣетъ нѣкоторое сходство съ сочиненіемъ Вѣльнера и не лишень вовсе либеральныхъ намѣреній, за то неизданное сочиненіе неизвѣстнаго лифляндца (№ 97) обнаруживаетъ весьма консервативный образъ мыслей автора. Нужно замѣтить, что въ третьей комиссіи, читавшей это сочиненіе, было высказано о немъ два противоположныхъ мнѣнія; въ перечнѣ его отзывовъ въ одной отмѣткѣ сказано: «дѣлаетъ дурныя и смѣшныя предложенія», но тутъ же другою рукою приписано: «заслуживаетъ вступить въ конкурсъ». Сочиненіе это дѣйствительно включено было въ число конкурсныхъ, но комитетъ, произносившій окончательное сужденіе надъ всѣми одобренными отвѣтами, не нашель, чтобы оно заслуживало не только accessit, но и почетнаго отзыва; да это и понятно, такъ какъ онъ одобрялъ преимущественно пьесы, гдѣ предлагались какія-нибудь мѣры для надѣленія крестьянъ собственностію или, по крайней мѣрѣ, предоставленія имъ наслѣдственнаго пользованія землею.

Въ теоріи и этотъ неизвѣстный лифляндецъ признаетъ, что для общества полезнѣе, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственную землю; но примѣнительно къ существующимъ отношеніямъ, онъ держится другихъ взглядовъ; правда, онъ настолько любезенъ, что считаетъ несправедливостію, еслибы какой-нибудь государь вздумалъ обратить въ крѣпостныхъ свободныхъ людей (если только они не сдѣлались недостойными свободы какими-нибудь возмущеніями и предательскими поступками)¹; онъ согласенъ даже, чтобы казна дала свободу крестьянамъ коронныхъ имѣній, но крѣпостные частныхъ вотчинъ—дѣло другое. «Государь, который освобождаетъ крѣпостныхъ аллодіальнаго имѣнія (хотя бы

¹ Вѣроятно намекъ на причины закрѣпощенія латышей, какъ ихъ объясняли, по крайней мѣрѣ, остзейскіе дворяне.

это и казалось полезнымъ для общества)—великодушень и милостивъ относительно крестьянъ, но онъ обижаетъ такимъ образомъ самыхъ знатныхъ своихъ подданныхъ, которые смотрятъ на крѣпостное населеніе какъ на свою безспорную собственность, такъ какъ это право даровано имъ или подтверждено привилегіями прежнихъ государей». Все это, очевидно, прямой отвѣтъ на посягательство русскаго правительства улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но, оставляя вопросъ о томъ, что законно и справедливо, авторъ заявляетъ, что, по его мнѣнію, «для общества полезнѣе и выгоднѣе, если крестьяне владѣютъ землею и движимымъ имуществомъ какъ рабы, или, лучше сказать, какъ крѣпостные». Онъ не отрицаетъ, что есть благоустроенныя, богатыя, цвѣтущія государства, въ которыхъ всѣ крестьяне—люди свободные; онъ признаетъ даже, что есть случаи, когда странѣ мало повредить или даже принести пользу дарованіе свободы крѣпостнымъ крестьянамъ; къ числу такихъ, онъ причисляетъ тѣ страны, въ которыхъ находится болѣе крестьянъ, чѣмъ сколько нужно для обработки полей, такъ какъ тамъ слѣдуетъ заводить фабрики, а для нихъ свободные работники болѣе удобны, чѣмъ рабы. Но въ государствахъ менѣе населенныхъ, нужно руководиться иными правилами, особенно если крестьяне грубы, непослушны и лѣнны. «Свободные и притомъ невоспитанные крестьяне—это дикія лошади, которыя, чувствуя свою силу, мало слушаются всадниковъ; онѣ не годятся для полевыхъ работъ. Тутъ не нужно большаго ума, но за то необходимы тѣлесная сила, трудолюбіе и послушаніе, а все это можно имѣть и безъ свободы». Авторъ оговаривается, что, желая, чтобы крѣпостные, оставались рабами (Slaven), онъ разумѣетъ «такое рабство, которое согласуется со справедливостію и христіанствомъ» и затѣмъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику желаннаго для него крѣпостнаго права. «Рабъ, какъ я понимаю—это крѣпостной, который принадлежитъ своему господину, не можетъ покинуть этого послѣдняго безъ его согласія; господинъ же можетъ продать его другому какъ съ землею, такъ и безъ нея, и наказывать его за провинности—воровство, неисполненіе работы и т. п.; это право господинъ или унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, или купилъ самъ, и оно должно основываться на твердыхъ и несомнѣнныхъ привилегіяхъ. Если же владѣлецъ злоупотребляетъ этимъ правомъ, то крестьянинъ можетъ жаловаться, и тотъ будетъ наказанъ правительственными властями». Умный господинъ, если онъ притомъ истинный христіанинъ, не будетъ обижать своихъ крѣпостныхъ, но такъ какъ не всѣ хорошо обходятся съ крестьянами, а нѣкоторые «относятся къ нимъ какъ къ безсловеснымъ жи-

вотнымъ, чрезмѣрно обременяють ихъ работою, безъ причины бьютъ и тиранятъ», то «нужно, чтобы государь ограничилъ произволъ помѣщиковъ и велѣлъ въ каждой провинціи, съ помощію умныхъ и хорошо знающихъ хозяйство людей, точно опредѣлить, сколько крестьянинъ—владѣлецъ двора, долженъ работать или платить оброка, смотря по количеству земли и числу батраковъ». Такой «экономическій регламентъ» долженъ служить общимъ уставомъ для всѣхъ сельскихъ хозяевъ, и если господинъ нарушитъ его, то долженъ подвергнуться денежному штрафу и вознагражденію убытки, причиненныя имъ крестьянину; если же послѣдній принесетъ несправедливую жалобу, то, въ примѣръ прочимъ, его слѣдуетъ наказать розгами и, кромѣ того, господинъ можетъ лишиться его земли и слѣлать батракомъ другого хозяина, точно также какъ и въ томъ случаѣ, если уличить его въ воровствѣ въ помѣщичьей ригѣ, амбарѣ или въ полѣ.

Таковы взгляды лифляндца, отнюдь неповиннаго въ либерализмъ; его сочиненіе можетъ показать намъ, насколько бар. Шульцъ былъ выше своихъ сотоварищей-помѣщиковъ. Тогда какъ онъ установилъ, что крестьянина нельзя продавать безъ земли, авторъ разбираемаго сочиненія дозволяетъ это; крестьянину дано право жаловаться, но подъ угрозю такихъ страшныхъ для него наказаній, если жалоба будетъ признана неосновательною (не только тѣлесное наказаніе, но и лишеніе земли и отдача въ батраки), что, можно смѣло сказать, при такихъ условіяхъ никто въ Лифляндіи не рѣшился бы жаловаться на господина, тяжелымъ опытомъ убѣдившись, какъ трудно ему доказать справедливость своего заявленія. Помѣщикъ же, даже изобличенный въ различныхъ истязаніяхъ, долженъ былъ, по проекту автора, подвергнуться только денежному штрафу. Единственное, дѣйствительно полезное для крестьянина требованіе (опредѣленіе размѣра повинностей въ Лифляндіи, поземельныя отношенія которой весьма нравятся автору) могло быть выполнено безъ помощи его «умныхъ и знающихъ людей», стоило только потребовать примѣненія шведскихъ вагенбуховъ, составленныхъ на основаніи внимательно произведеннаго кадастра; но авторъ очевидно надѣялся, что его «умные и знающіе люди», т. е. помѣщики, постановятъ болѣе выгодныя для дворянъ правила.

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ опроверженію возраженій противъ рабства (Slavegey). Говорятъ, что рабство противорѣчитъ естественной свободѣ и равенству людей, но вѣдь и то, и другое уничтожается при первомъ установленіи общественной жизни. Важнѣе, по его мнѣнію, другое возраженіе, что рабство противорѣчитъ основнымъ началамъ христіанства. Авторъ признаетъ,

что, дѣйствительно, нельзя свободнаго человѣка сдѣлать рабомъ, но крѣпостной—дѣло другое: онъ уже родился въ рабствѣ. «Его не лишаютъ свободы, а только оставляютъ въ томъ состояніи, въ какомъ онъ родился; по правиламъ же христіанства каждый долженъ быть доволенъ положеніемъ, назначеннымъ ему божественнымъ промысломъ». Слѣдовательно, рабъ долженъ охотно повиноваться своему господину и можетъ желать только того, чтобы положеніе его было сдѣлано настолько сноснымъ, сколько позволяютъ обстоятельства. На основаніи священнаго писанія, нельзя доказать, что всякое рабство противно религіи, скорѣе можно убѣдиться въ противоположномъ. Еслибы всякое безъ исключенія рабство было грѣхомъ, то какимъ образомъ Богъ позволилъ бы еврейскому народу держать рабовъ; а тѣмъ паче апостолы не предписали бы господамъ и рабамъ правилъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ, мы видимъ это, напримѣръ, въ посланіяхъ Павла къ жителямъ Ефеса.

Говорятъ еще, что рабство вредно потому, что власть помѣщика составляетъ государство въ государствѣ. На это авторъ отвѣчаетъ, что на помѣщика слѣдуетъ смотрѣть, какъ на низшее правительственное учрежденіе, установленное государемъ для наблюденія за трудолюбіемъ и порядкомъ среди крестьянъ и прекращенія всякихъ волненій. Такое устройство «не только не вредно для государства, но скорѣе представляетъ единственное и весьма дѣйствительное средство обуздывать толпу неспокойныхъ и грубыхъ крестьянъ¹. Въ какой странѣ съ крѣпостнымъ сельскимъ населеніемъ, говоритъ авторъ, можно услышать о столькихъ возстаніяхъ и возмущеніяхъ, какъ въ Англіи, гдѣ крестьяне и другіе простые люди, злоупотребляя своею свободою, производятъ страшныя волненія, часто вслѣдствіе какой-нибудь ничтожной причины, напримѣръ, нѣкотораго возвышенія налога на сидръ или небольшого вздорожанія хлѣба (какъ это произошло еще въ настоящемъ 1767 г.). Развѣ не ясно видно изъ этого, что единственная причина такихъ беспорядковъ въ Англіи — большая свобода крестьянъ?»

Авторъ признаетъ, что рабство не есть необходимое слѣдствіе счастья и благополучія общества, но оно вовсе не составляетъ и признака его упадка и разложенія. Онъ указываетъ на примѣръ могущественной римской имперіи, въ которой, однако, рабство

¹ Это мнѣніе воплѣтъ раздѣлялъ императоръ Павелъ; онъ смотрѣлъ на помѣщиковъ, какъ на лучшихъ своихъ полицеймейстеровъ (см. «Русскій Архивъ» 1864 г., стр. 781). Каразинъ также называлъ ихъ наследственными чиновниками («Чт. общ. ист. древ. Росс.» 1861 г., т. III) «Практич. защ. противъ иностранцевъ», стр. 141.

было суровѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Крестьяне въ Англіи и Голландіи живутъ въ изобиліи и богатствѣ, но это объясняется благоприятными условіями климата, почвы и т. п.; напротивъ того, въ Швеціи, несмотря на свободу, большинство изъ нихъ бѣдно, и въ Ботніи часто должно питаться древесною корою. Да, наконецъ, и среди англійчанъ много бѣдныхъ крестьянъ и людей изъ простаго народа, такъ какъ свобода мало помогаетъ при отсутствіи средствъ.

Затѣмъ авторъ переходитъ еще къ одному и, по его мнѣнію, послѣднему возраженію, которое представляетъ одна попытка измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Какъ мы уже упоминали, задача вольнаго экономического общества возбудила большое вниманіе въ Европѣ и отвѣты на нее не ограничивались тѣми рукописями или книгами, которыя были присланы въ Петербургъ. Такъ, въ «Альтонскомъ Меркуріи» появилось слѣдующее письмо изъ Гольштиніи отъ 13-го января 1767 года: «Извѣстно, что въ дворянскихъ имѣніяхъ Гольштиніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, все еще существуетъ крѣпостное право, и крестьяне, не имѣющіе никакой собственности, должны работать на землевладѣльцевъ; поэтому задача русскаго экономического общества близко касается Гольштиніи и основательный отвѣтъ на нее былъ бы столько же важенъ здѣсь, какъ и тамъ». Такъ какъ, по мнѣнію автора письма, при обсужденіи подобнаго вопроса, ничего не можетъ быть убѣдительнѣе примѣра, то онъ и рассказываетъ, какъ одинъ «патріотъ, другъ человѣчества», очевидно гр. Ранцау-фонъ Ашбергъ, начиная съ 1739 года, постепенно вводитъ въ своемъ имѣніи наслѣдственную аренду и уничтожаетъ личное рабство, и это сопровождается весьма благоудѣтельными результатами.

Авторъ разбираемаго нами отвѣта замѣчаетъ по этому поводу, что онъ ничего не имѣетъ противъ предоставленія земли крестьянамъ въ наслѣдственную аренду, но, даруя имъ навсегда личную свободу, гольштинскій дворянинъ, на котораго было указано, поступаетъ «скорѣе какъ другъ человѣчества, чѣмъ какъ хозяинъ, заботящійся о будущемъ, и что онъ встрѣтитъ болѣе поклонниковъ, чѣмъ послѣдователей». Если же онъ имѣлъ при этомъ въ виду увеличить свои доходы, то, безъ сомнѣнія, избралъ не самыя вѣрныя и удобныя средства: большая разница вести хозяйство съ крѣпостными крестьянами, которыхъ можно принудить работать и противъ ихъ желанія, или со свободными людьми, которыхъ господинъ долженъ просить выполнить то, что они обязаны сдѣлать. Къ тому же, ядовито замѣчаетъ авторъ, еслибы превращать своихъ крестьянъ въ наслѣд-

ственныхъ арендаторовъ было такъ выгодно, то гольштинскіе дворяне давно уже послѣдовали бы примѣру, поданному 28 лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, будь такая система и вполнѣ пригодна для Германіи, это еще не значитъ, чтобы она годилась для мѣнѣ населенныхъ странъ, какъ на примѣръ, Прибалтійскаго края, гдѣ крестьяне «лѣзвые и наклонные къ воровству и непослушанію, навѣрное взглянули бы на свободу, какъ на право безнаказанно совершать всевозможныя злодѣйства, и, въ концѣ-концовъ, господа должны были бы терпѣть нужду или даже ежедневно опасаться за свою жизнь и имущество».

Такимъ образомъ, поземельныя отношенія Остзейскаго края, интересы тамошнихъ землевладѣльцевъ стоятъ для автора на первомъ планѣ; по его мнѣнію, все прекрасно въ этой наилучшей изъ странъ, и если что можно допустить, то развѣ одно регулированіе повинностей. Въ заключеніе онъ прямо совѣтуетъ раздѣлить землю, данную въ пользованіе крестьянамъ, на гаки, половины, четверти и восьмую часть гака, какъ это дѣлается въ Эстляндіи и Лифляндіи, опредѣлить самымъ точнымъ образомъ по количеству земли и работниковъ, сколько они должны работать на господина и давать ему сборовъ натурою, и не позволять жить крестьянамъ деревнями, а поселять каждого на его участкѣ (слѣдовательно, авторъ враждебно относится къ общинному землевладѣнію).

Нѣсколько шире взгляды другого лифлянца, автора отвѣта также неизданнаго (№ 80), къ которому вольное экономическое общество отнеслось чрезвычайно странно. Въ журналѣ засѣданія 12-го марта сказано: «представленная отъ перваго нѣмецкаго комитета къ слушанію въ общемъ собраніи пьеса подъ № 80... хотя нѣсколько была и читана, но по усмотрѣнію, что она въ конкурсѣ вступить не могла, дальнее ея чтеніе оставлено; между тѣмъ, начало этого сочиненія, съ которымъ успѣло познакомиться собраніе, написано очень хорошо, живо затрагиваетъ крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ и, казалось, должно было бы побудить членовъ общества къ дальнѣйшему ознакомленію съ нею. Такимъ постановленіемъ былъ очень удивленъ и нѣмецкій комитетъ, который нашель, что это сочиненіе заслуживаетъ общаго вниманія, и въ слѣдующемъ засѣданіи настояль, чтобы оно было признано достойнымъ вступить въ конкурсъ. Несмотря на то, когда черезъ нѣсколько дней всѣ конкурсныя пьесы были переданы для новаго разсмотрѣнія особому комитету, отвѣта № 80 въ ихъ числѣ почему-то не оказалось. Быть можетъ, это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что авторъ преимущественно имѣетъ въ виду Остзейскія провинціи, а не рѣшеніе вопроса для всей Россіи.

Въ началѣ своего сочиненія онъ доказываетъ, что крѣпостное право противуестественно, и что только завоеванію оно обязано своимъ происхожденіемъ. Для подтвержденія этой мысли, онъ дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи рабства, не забывая упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ въ пользу крестьянъ, и въ заключеніе его переходитъ къ установленію крѣпостнаго права въ Прибалтійскомъ краѣ и положенію тамошнихъ крестьянъ. «Ливы и Эсты, говоритъ онъ: были поработены тѣми, которые ихъ открыли, за то, что они защищали свою родину и свободу и не смѣнили язычества на христіанство тотчасъ же по желанію побѣдителей... а еще дѣлали попытки сбросить съ себя иго рабства. Побѣдители, продолжаетъ авторъ, не имѣли никакого права покорять этихъ несчастныхъ, такъ какъ они не начинали съ ними войны и не подали никакого другого повода къ завоеванію ихъ страны; совершенно неповинные, они подверглись въ эти времена той же участи, какую вполнѣдствіи, также безъ всякой вины съ ихъ стороны, испытали мексиканцы. Ихъ страна была открыта, найдена удобною для торговли и потому рѣшено было овладѣть ею и ввести огнемъ и мечемъ христіанство, встрѣтившее сопротивленіе. Таковы основанія правъ первыхъ рыцарей и завоевателей Лифляндіи и Эстляндіи».

Затѣмъ авторъ рассказываетъ уже извѣстные намъ факты: какъ Екатерина, во время путешествія по Прибалтійскому краю, обратила вниманіе на нищету и тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, упоминаетъ объ извѣстныхъ предложеніяхъ гр. Броуна, приводитъ и отвѣтъ ландтага, относясь къ нему совершенно неодобрительно. Если обдумать то, на чемъ основываютъ свои права лифляндскіе дворяне, говоритъ авторъ, то «нельзя не почувствовать вдвойнѣ бѣдствія крестьянъ и не принять ихъ сторону». Желая доказать, что крѣпостное право производитъ самое вредное дѣйствіе на умственные способности и нравственное состояніе крѣпостныхъ, онъ опять-таки ссылается на примѣры прибалтійскихъ крестьянъ. «Крѣпостной приноситъ пользу только своему помѣщику — для государства это мертвый членъ; такъ какъ онъ не имѣетъ собственной земли, то господинъ переселяетъ его, когда найдетъ это для себя выгоднымъ; его барщинныя работы и другія повинности слишкомъ велики и совершенно неопредѣленны; онъ подвергается наказаніямъ, которыя не соразмѣряются ни съ правилами челоуѣколюбія и религіи, ни съ его проступками. Императорское правительство въ Лифляндіи само признало это». По его предложенію «дворянство сдѣлало кое-что для облегченія положенія крестьянъ, однако, не смягчило крѣпостнаго права; впрочемъ, все-таки, если помѣщикъ

будут поступать согласно со вновь обнародованными постановленіями, то лифляндскій крестьянинъ почувствуетъ нѣкоторое облегченіе».

Отъ этой экскурсіи въ область отношеній, существующихъ въ Прибалтійскомъ краѣ, авторъ переходитъ къ рѣшенію поставленной задачи. Онъ начинаетъ прямо съ того, что «для общества выгодиѣе и полезнѣе, чтобы крестьянинъ получилъ въ собственность и землю, и движимое имущество, чѣмъ только одну движимость.» Право собственности крестьянина должно быть не ограничено; онъ долженъ имѣть возможность распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, даже продавать, лишь бы помѣщикъ получалъ по прежнему свои, опредѣленные правительствомъ, доходы, и чтобы продажа совершалась не чаще, какъ черезъ 30 лѣтъ, такъ какъ въ этотъ срокъ земля можетъ быть улучшена и даже приведена въ цвѣтущее состояніе. Но, подобно всѣмъ другимъ, авторъ и этого отвѣта, требуетъ, чтобы освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ собственностью совершалось постепенно, нужно устроить такъ, чтобы дворянство не пострадало: «это важнѣйшее сословіе въ государствѣ должно сохранить извѣстное величіе, блескъ и благосостояніе». Заурядъ съ другими, авторъ тянетъ знакомую уже намъ пѣсню, что крестьянинъ долженъ прежде познать цѣну свободы, такъ какъ быстрое измѣненіе его состоянія развращаетъ раба; нужно, чтобы священники объяснили имъ въ проповѣдяхъ всю цѣну этого благодѣанія и, прежде чѣмъ имъ воспользоваться, крестьяне должны предъявить слѣдующія добродѣтели: прилежаніе, трезвость, умѣнье хорошо вести хозяйство, обрабатывать землю и воспитывать дѣтей, а также приобрѣсти извѣстныя знанія въ огородничествѣ, садоводствѣ и скотоводствѣ. Для этого онъ предлагаетъ подвергнуть ихъ трехгодичному испытанію, уменьшивъ въ это время поборы и барщину на помѣщиковъ. Предварительно слѣдуетъ обратить вниманіе на то, хорошую ли землю имѣютъ крестьяне и достаточно ли у нихъ рабочихъ; было бы очень хорошо увеличить число работниковъ въ тѣхъ дворахъ, гдѣ ихъ мало, взявъ оттуда, гдѣ оказывается излишекъ; если же сдѣлать это будетъ неудобно, то нужно произвести надѣлъ землями пропорціонально рабочей силѣ каждаго двора. Двое лучшихъ земледѣльцовъ или староста должны наблюдать за крестьянами и представлять свѣдѣнія о состояніи хозяйства уѣздному комиссару, который, кромѣ того, самъ объѣзжаетъ свой уѣздъ и о результатахъ своихъ наблюденій доноситъ правительству. По истеченіи трехъ лѣтъ, правительство предпринимаетъ общую ревизію съ участіемъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ опытныхъ хозяевъ и самымъ лучшимъ крестья-

намъ даруетъ свободу и право собственности, при чемъ они приносятъ присягу не только императрицѣ, но также и помѣщику въ томъ, что будутъ слушаться его и исполнять свои обязанности. вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ раздаются печатныя или письменныя правила о сборахъ и повинностяхъ въ пользу помѣщика, которые должны быть точно опредѣлены правительствомъ. Для составленія устава о повинностяхъ учреждается особая коммиссія изъ людей честныхъ и опытныхъ въ хозяйствѣ, которой, представляетъ авторъ, будетъ содѣйствовать и ландратская коллегія, забывая, что вопросъ идетъ не объ одной Лифляндіи; составленный ею уставъ печатается на нѣмецкомъ, эстонскомъ и латышскомъ языкахъ.

Тѣмъ крестьянамъ, которые не оказали особенныхъ успѣховъ въ хозяйствѣ, можно дать еще одинъ или два года срока; тѣмъ же, которые подаютъ мало надежды на усовершенствованіе, нужно дать въ помощники сына или опытнаго въ хозяйствѣ батрака, за котораго можно выдать въ замужество и дочь хозяина, если таковая окажется.—И такъ авторъ, навазунѣ дарованія крестьянину свободы, предлагаетъ самымъ безцеремоннымъ образомъ распоряжаться судьбою его дѣтей.

Впрочемъ, онъ желаетъ постановить, чтобы и послѣ освобожденія сыновья хозяевъ только тогда получили право покидать свой округъ, когда въ немъ будетъ достаточно работниковъ. Известно, что въ XIX вѣкѣ, при освобожденіи крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, это правило было примѣнено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, т. е., всѣмъ крестьянамъ запрещено было покидать свой приходъ, а затѣмъ уѣздъ втеченіи известнаго времени.—Таково должно быть ограниченіе свободы личности. Что касается имущественныхъ правъ, то, какъ мы уже упоминали, продать землю крестьянинъ могъ не ранѣе 30-ти лѣтъ; затѣмъ авторъ совѣтуетъ избѣгать раздѣловъ земли на слишкомъ мелкія части. Всего лучше, еслибы дворъ съ землею переходилъ въ наслѣдство старшаго сына, а другія дѣти удовлетворялись бы деньгами въ известные сроки; если же этого нельзя сдѣлать, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, держаться того, чтобы гакъ дѣлился не болѣе, какъ на 3 части ¹.

Весьма выгодное отличіе разсматриваемаго мнѣнія сравнительно съ предшествующимъ заключается въ томъ, что авторъ не оказывается такимъ врагомъ общинныхъ порядковъ; онъ не только

¹ Въ гакъ среднимъ числомъ было 110 дес. пахатной земли, луговъ и выгоновъ. См. «Письма объ освобожденіи крестьянъ Прибалтійскаго края», въ Сельс. Благоустр., 1859 г. №1 стр. 101—102.

совѣтуетъ, чтобы крестьяне имѣли общинныхъ пастуховъ для скота и птицъ, но даже предлагаетъ дать земледѣльцамъ выгоны и лѣса въ общинное пользованіе, причемъ, однако же, дровяной лѣсъ они должны брать не иначе, какъ съ согласія помѣщика, а строевой даже покупать у него.

Отъ всѣхъ предшествовавшихъ мнѣній это сочиненіе отличается еще тѣмъ, что авторъ не оставляетъ безъ рассмотрѣнія вопросъ о сельскомъ судѣ, но, къ сожалѣнію, рѣшаетъ его въ чисто вѣмецкомъ духѣ. Помѣщику должно быть предоставлено право вотчиннаго суда, но съ тѣмъ, чтобы онъ не лично отправлялъ правосудіе, а чтобы, какъ въ Германіи, были завѣдующіе судомъ — обыкновенно адвокатъ ближайшаго города, судья и 2 засѣдателя изъ крестьянъ, всѣ назначаемые помѣщиками. Судъ этотъ засѣдаетъ въ тѣ времена года, когда удобнѣе для крестьянина, но, въ случаѣ надобности, могутъ быть и экстраординарные сессіи. Господинъ платитъ завѣдующему судомъ изъ своихъ средствъ, но за то получаетъ судебныя пошлины и штрафы, размѣръ которыхъ долженъ быть опредѣленъ правительствомъ. — Авторъ находитъ, что такое устройство суда будетъ очень удобно въ томъ отношеніи, что крестьяне будутъ судиться членами своего сословія и, въ удобное для нихъ время, тогда какъ судопроизводство въ ланд- и ордунггерихтахъ производится съ ужасною медленностію, во времена года, неудобныя для крестьянъ и къ тому же они теряютъ при этомъ много времени на проходы. Но бѣда въ томъ, что судъ, предложенный авторомъ, находился бы въ совершенной зависимости отъ помѣщика, а между тѣмъ ему должны были подлежать не только споры между самими крестьянами, но также дѣла о невнесенныхъ ими сборахъ и неисполненныхъ барщинныхъ работахъ. — Въ случаѣ совершения крестьяниномъ преступленія, господинъ, по этому проекту, заключалъ преступника подъ стражу и посылалъ объ немъ письменное донесеніе въ мѣстный ландгерихтъ; относительно же полицейскихъ дѣлъ, деревенскій судъ былъ подчиненъ ордунггерихту. Нечего и говорить о томъ, что введеніе у насъ такихъ порядковъ при освобожденіи крестьянъ было бы крайне вредно, такъ какъ оно отняло бы всякую самостоятельность у крестьянской общины и поставило ее въ сильную зависимость отъ помѣщика.

Въ пользу господина, авторъ предоставляетъ, кромѣ доходовъ съ суда, содержаніе шинковъ, вареніе пива, куреніе вина и сборы за мѣста, на которыхъ поселятся ремесленники. Авторъ не безъ основанія надѣется, что при такомъ устройствѣ доходы помѣщика будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться, но онъ полагаетъ, что и благосостояніе крестьянъ сильно возрастетъ. Весьма

вѣроятно, что хозяева дворовъ дѣйствительно могли бы разбогатѣть, еслибы правительство установило умѣренные сборы и повинности, но это благосостояніе было бы основано на трудѣ батраковъ, объ устройствѣ участи которыхъ авторъ и не подумалъ. Право каждаго на поземельный надѣлъ — понятіе, недоступное для остзейскаго автора; для него все таки усовершенствованіе земледѣлія важнѣе улучшенія быта земледѣльцевъ, и потому то онъ заботится, чтобы крестьянскія хозяйства переходили по возможности нераздѣльно къ старшему сыну.

Оканчивая разборъ нѣмецкихъ отвѣтовъ, мы должны замѣтить, что нѣтъ еще большаго несчастія въ томъ, что ихъ авторы совѣтуютъ дать крестьянамъ не полную собственность на землю, а только непрерывное пользованіе ею за извѣстныя повинности; крестьянинъ нашъ до послѣдняго времени не зналъ полной собственности на землю, да и теперь это понятіе для него довольно чуждо. Но бѣда въ томъ, что осуществленіе ихъ проектовъ влекло за собою ломку общиннаго землевладѣнія, насильственное устройство дворовъ, въ родѣ того, какъ это предлагалъ Благинъ, и установленіе вотчинной юрисдикціи; къ тому же всѣ эти проекты проникнуты духомъ крайней регламентаціи. Любопытно, что изъ 3-хъ лфляндскихъ отвѣтовъ получило accessit именно то сочиненіе (фонъ Мека), которое менѣе всего пропитано остзейскими тенденціями, а трудъ подъ № 80 вовсе не попалъ въ число конкурсныхъ, несмотря на то, что онъ не лишенъ нѣкоторыхъ достоинствъ.

Самое интересное для насъ сочиненіе изъ всѣхъ отвѣтовъ на задачу вольнаго экономическаго общества принадлежитъ А. Я. Полънову, который 4 года (1762—66) провелъ за границей, посѣщая лекціи по юридическому факультету въ Страсбургѣ и подъ конецъ, весьма непродолжительное время, въ Гёттингенѣ. Прослушавъ всевозможныя юридическія науки, а также лекціи по исторіи Германіи, Полъновъ долго стремился къ тому, чтобы изучить феодальное право; это доказываетъ, что уже въ то время онъ интересовался крестьянскимъ вопросомъ. Но въ Страсбургѣ это ему не удалось, и только въ Гёттингенѣ, немедленно по пріѣздѣ, онъ сталъ слушать лекціи по этому предмету. Полъновъ погружался не въ одни тонкости римскаго права и германской казуистики, а интересовался также русскою исторіею и русскимъ законодательствомъ. Онъ писалъ между прочимъ Таубергу: «слѣдуя вашему совѣту, разбираю я (русскіе) указы и уложенія, и кромѣ безпорядка, замѣшательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я примѣтилъ столь знатныя въ нашихъ правахъ погрѣшности, что оныя могутъ иногда нанести

великій вредъ и государю, и народу». Это не значить, однако, чтобы Полѣновъ желалъ цѣликомъ перенести къ намъ западно-европейскія учрежденія и законы. Онъ вовсе не увлекался строгостію и законченностію римскаго права и совершенно справедливо замѣтилъ въ своемъ мнѣніи о крестьянскомъ вопросѣ: «Всякое государство имѣетъ свое особенное составленіе, погрѣшности и превосходства; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учрежденія такого государства можно было съ пользою приложить къ другому. Введеніе римскихъ правъ во многихъ европейскихъ государствахъ походить на чудовище и мы слышимъ ежедневныя жалобы».

Вотъ этотъ-то прекрасно образованный молодой человѣкъ, возвратившись въ Петербургъ въ маѣ 1767 г., къ началу февраля слѣдующаго года, представляетъ въ экономическое общество свой отвѣтъ на поставленную задачу. Намъ уже извѣстенъ отзывъ объ его трудѣ въ комиссіи, избранной обществомъ: ему повредили «надъ мѣру сильныя выраженія», употребленныя имъ въ защиту дѣла, въ правотѣ котораго онъ былъ глубоко убѣжденъ; они показались «по здѣшнему состоянію неприличными». Когда Полѣнову передали требованіе, чтобы онъ смягчилъ свое сочиненіе, онъ рѣшился этому подчиниться, и, къ счастью, въ архивѣ общества сохранилась эта новая редакція его труда. Она интересна для насъ не столько сама по себѣ (прежняя редакція, напечатанная въ 1865 г. внукомъ автора, покойнымъ Д. В. Полѣновымъ, гораздо полнѣе), сколько по сравненію съ этою послѣднею: сопоставивъ ихъ между собою, мы можемъ съ точностію опредѣлить, что казалось тогда слишкомъ смѣлымъ даже для нашего *вольнаго* общества. Однако, и смягченіе не помогло: трудъ Полѣнова все-таки не былъ тогда напечатанъ. Ему назначена была только, наравнѣ съ фонъ-Мекомъ, медаль въ 12 червонцевъ, которую онъ и принялъ въ засѣданіи 22-го октября 1768 г. «съ засвидѣтельствомъ всему собранію искренней своей благодарности за оказанное ему одобреніе», какъ сказано въ журналѣ общества.

Познакомившись съ сочиненіемъ Полѣнова, мы не удивимся, что оно не было напечатано обществомъ, большинство котораго считало опасными даже фразы Беарде. Но намъ кажется крайне страннымъ другое. Императрица предложила экономическому обществу задачу по крестьянскому вопросу несомнѣнно для того, чтобы научнымъ путемъ уяснить для себя и для всего высшаго сословія наиболѣе подходящее рѣшеніе этого вопроса; поэтому она не могла не ознакомиться съ сочиненіемъ Полѣнова, о которомъ она, конечно, узнала, такъ какъ авторъ его получилъ медаль и потому, что въ

разбиравшей его комиссіи участвовалъ Таубертъ, бібліотекаръ императрицы, который весьма благосклонно относился къ Полѣнову. Если же она познакомилась съ его трудомъ (а не прочесть его было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ), то удивительно что она не только не повліяла на избраніе его въ академію (не болѣе «вольную», конечно, чѣмъ экономическое общество)¹, но и не сумѣла употребить его способности съ большою пользою. Даже Таубертъ понималъ, что знанія Полѣнова должны были пригодиться, и писалъ ему за-границу, что онъ можетъ современнымъ участвовать въ великомъ дѣлѣ, предпринятомъ государынею — составленіи новыхъ законовъ. Но для Полѣнова не нашлось дѣла ни въ академіи, ни въ комиссіи для сочиненія новаго уложенія², и даже впоследствии при Екатеринѣ онъ долженъ былъ тянуть чиновничью лампу секретаря, а потомъ оберъ-секретаря при сенатѣ и только въ 1796 г. попалъ на службу въ комиссію о составленіи законовъ российской имперіи³.

Указавъ въ самомъ началѣ своего труда на то, что наши крестьяне «въ своемъ имѣніи не вольны» или, какъ онъ выразился въ смягченной редакціи: «владѣніе ихъ надъ имѣніемъ не имѣетъ твердыхъ основаній», авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію важныхъ преимуществъ собственности. Онъ полагаетъ, что «собственность въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи» составляетъ единственный способъ «къ ободренію и поправленію крестьянства, которое, впрочемъ, лишено вслѣдъ съ правами собственности соединенныхъ выгодъ и преимуществъ»⁴. Крестьянинъ-собственникъ лучше обрабатываетъ землю, поэтому онъ зажиточнѣе и охотнѣе вступаетъ въ бракъ; подати будутъ поступать исправнѣе и вообще будутъ возрастать государственные доходы. Напротивъ того, лишеніе правъ собственности производитъ самыя печальныя послѣдствія: такіе люди дѣлаются совершенно нерадивыми, дурно вѣдятъ и одѣваются, ихъ жизнь непродолжительна, а слѣдовательно народонаселеніе мало увеличивается. Наконецъ, «не безъ причины», говоритъ авторъ, «многіе славные люди утверждаютъ, что конечное унѣтеніе не только вредно для общества, но и опасно», и затѣмъ указываетъ на возстаніе плотовъ, на

¹ Академіи негодовали на него за рѣзкое письмо въ отвѣтъ на замѣчаніе, что онъ теряетъ слишкомъ много времени на слушаніе лекцій по исторіи Германіи, въ которомъ онъ справедливо доказывалъ необходимость историческихъ знаній для юриста.

² Видѣ былъ же тамъ юристконсультъ, какой-то французъ Довильеръ, который давалъ свои заключенія и по крестьянскому вопросу.

³ Біографія А. Я. Полѣнова, сост. Д. В. Полѣновымъ напечатана въ Русс. Арх. 1865 г., стр. 445—470, 703—736.

⁴ Мѣсть, напечатанныхъ кураторомъ, нѣтъ въ смягченной редакціи.

рабскую войну въ Италіи, которая принесла большой вред римскому государству и, наконецъ, Польша во время казацкихъ возстаній «великій уронъ отъ крестьянъ притѣсненныхъ претерпѣла» (всѣхъ этихъ примѣровъ нѣтъ въ смягченной редакціи). Происхожденіе рабства, по мнѣнію автора, можно объяснить только «насилъственнымъ дѣйствіемъ войны», такъ какъ совершенно противно естественному стремленію къ свободѣ, чтобы люди добровольно «подвержуми бы себя столь жестокому жребію». Результаты «жестокаго права войны» сохранились еще до сихъ поръ, говоритъ авторъ, и затѣмъ переходитъ къ описанію положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Ихъ «бѣдственное состояніе на такой степень возшло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ... Я не нахожу бѣдѣйшихъ людей, продолжаетъ авторъ:—какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣніи, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насилъства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій, какъ для ихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ». Но, большинство современниковъ было глухо къ такимъ доводамъ, и Полѣнову пришлось въ смягченной редакціи исключить всю эту тираду въ защиту крестьянъ, приведенную нами лишь въ извлеченіи. Исключено и слѣдующее мѣсто: «наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно вѣчное угнетеніе людей. И такъ, прежде всего должно помышлять, чтобы для славы народа и пользы общества вывести производимый человѣческою кровью безчестный торгъ»¹.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію предлагаемыхъ имъ средствъ для улучшенія быта крестьянъ и прежде всего говорить «о учрежденіи крестьянскаго воспитанія». Напрасно нѣкоторые думаютъ, что лучшее средство удержать крестьянина отъ пороковъ состоитъ въ «строгости, *принужденіи и казняхъ*», гораздо дѣйствительнѣе тутъ воспитаніе, которое можетъ «преобразить всякаго человѣка, *какого бы состоянія онъ ни былъ*».

¹ Сказанное далѣе сохранилось и въ смягченной редакціи. «Мы въ семь случаевъ не дѣлаемъ ни малой разницы между неодушевленными вещами и человѣкомъ и продаемъ нашихъ ближнихъ, какъ кусокъ дерева», но заключеніе этой фразы: «въ большіе жалеть нашихъ скотъ, нежели людей», замѣненъ словами: «хоти сіе но истинѣ связать безчестно для народа и вредно для общества», которыя представляютъ замѣну всего исключеннаго мѣста.

Для этого авторъ совѣтуетъ вездѣ учредить школы, обязать крестьянъ зимою посылать туда дѣтей, начиная съ десятилѣтняго возраста, издать книги для обученія и чтенія и поручить преподаваніе священникамъ и дьячкамъ. Онъ желаетъ также, чтобы въ деревняхъ завели лекарей и обученныхъ повивальныхъ бабокъ.

Переходя къ разсмотрѣнію того, какимъ имѣніемъ должны владѣть крестьяне, и начиная съ недвижимой собственности, авторъ въ высшей степени разумно предостерегаетъ отъ слѣплаго подражанія западу въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что ему, какъ человѣку, получившему тамъ высшее образованіе, было бы весьма легко сдѣлаться безусловнымъ западникомъ. «Примѣры съ другихъ брать здѣсь не нужно, говоритъ онъ: — но единственно должно утверждаться на здоровомъ разсужденіи и на правилѣ челоуѣколюбія, не упущая притомъ никогда изъ глазъ общенародную пользу», и указываетъ на вредъ отъ введенія въ западной Европѣ римскаго права. (Все это исключено въ неизданной редакціи). Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, Полѣновъ не вполне избѣжалъ того недостатка, отъ котораго считалъ необходимымъ предостеречь.

Онъ требуетъ, чтобы крестьянину было предоставлено довольно земли для хлѣбопашества и скотоводства ¹, и чтобы она находилась въ его наслѣдственномъ владѣніи: помѣщикъ не можетъ отнять ея до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ будетъ исправно отбывать повинности, въ противномъ случаѣ, онъ можетъ передать ее другому, но не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла въ судѣ. Далѣе Полѣновъ предлагаетъ, чтобы крестьянину нетолько не дозволялось продавать, дарить и закладывать свой участокъ, но даже и раздѣлять его между нѣсколькими дѣтьми; по смерти отца имъ непременно долженъ владѣть одинъ изъ сыновей. Последнее совершенно противорѣчитъ русскимъ народнымъ обычаямъ, и Полѣновъ сдѣлалъ это предложеніе, очевидно, подъ вліяніемъ западныхъ идей, хотя отъ этого его могла бы предостеречь неудачная попытка Петра Великаго ввести у насъ майораты. Точно также вліяніе западныхъ ученій сказывается въ предложеніи наивныхъ средствъ для поощренія браковъ въ родѣ того, чтобы «женатымъ имѣть предсѣданіе предъ холостыми». Гораздо важнѣе и полезнѣе то, что онъ требуетъ ограниченія продажи крѣпостныхъ. Онъ предлагаетъ: «торгъ людьми по одиночѣи вовсе запретить, и ни мало не смотрѣть, какія бы кто ни представлялъ причины; довольно, что благосо-

¹ Всѣмъ гдѣса, какъ видно и изъ другого мѣста его мнѣнія, Полѣновъ предлагаетъ оставить помѣщику. Понятно, что нужда въ топливѣ поставила бы въ такомъ случаѣ крестьянина въ большую зависимость отъ господина.

стояніе общества того требуетъ, и собственная малаго числа людей польза, ежели можно то назвать пользою, что къ собственному ихъ вреду клонится, не должна быть принимаема въ разсужденіе». Онъ не соглашается и на продажу цѣлыми семьями, а желаетъ, чтобы крестьянъ вовсе не продавали безъ земли: «я не разумѣю здѣсь, продолжаетъ онъ:—конечное запрещеніе, но кто намѣренъ продавать, тотъ долженъ продавать все вмѣстѣ, и землю, и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ съ сестрами, сродниковъ со сродниками; ибо, умалчивая о прочихъ несходствахъ, отъ продажи порознь переводится сильно народъ и земледѣліе приходитъ въ великій упадокъ»¹.

Предлагая дать крестьянамъ землю въ наслѣдственное владѣнію, авторъ считаетъ точно также необходимымъ оградить право собственности ихъ и на движимое имѣніе, состоящее преимущественно въ хлѣбѣ и скотѣ. Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что первоначальная ссуда этими предметами отъ помѣщика не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы все движимое имущество крестьянина вѣчно считалось собственностію помѣщика. «Положимъ, говоритъ Полѣновъ:— что на первый разъ получаютъ они всѣ сіи вещи отъ щедрости другихъ... однакожь, изъ сего не слѣдуетъ, что благодѣтели ихъ, по причинѣ сей щедрости, могли себѣ присвоить полное право надъ нажитымъ ихъ трудами имѣніемъ; довольно, ежели крестьянинъ въ знакъ своей благодарности платитъ ежегодно своему господину уложенную долю, что исчисливъ, безконечно больше стоитъ, нежели что ему дано; и такъ, наослѣдокъ, не крестьянинъ, но господинъ остается должникомъ и вслѣдствіе сего при несчастіи обязанъ онъ помогать крестьянину»². Правосудіе должно защищать право собственности крестьянъ на движимое имущество. «Напротивъ, ежели господину оставлена будетъ надъ какимъ-нибудь родомъ имѣнія полная власть, то крестьянство никогда не можетъ подняться; опасность конечнаго раззоренія воспретитъ ему искать въ судѣ помощи и, служа жертвою безпрестаннымъ гоненіямъ и истязаніямъ, всегда будетъ находиться въ упадкѣ».

Передача земли крестьянамъ въ наслѣдственное пользованіе связывалась, по проекту Полѣнова, съ точнымъ опредѣленіемъ размѣра сборовъ и повинностей; къ сожалѣнію, онъ говоритъ нераздѣльно объ сборахъ въ пользу землевладѣльца и о государственныхъ податяхъ, и потому это мѣсто не совершенно ясно. Въ неизданной редакціи онъ предлагаетъ, для того, чтобы принудить крестьянъ усерднѣе заниматься земледѣліемъ, собирать

¹ Привожу это мѣсто изъ неизданной редакціи.

² Всего этого мѣста нѣтъ въ неизданной, смягченной редакціи.

подати и сборы въ пользу помѣщика хлѣбомъ или по оцѣнкѣ деньгами, смотря потому, насколько положеніе каждой провинціи удобно для сбыта ея произведеній. «Количество собираемыхъ натурою податей не должно быть такъ увеличено, чтобы крестьянамъ приходиться отъ того въ бѣдность, но оставить десятую или другую какую часть со всѣхъ отъ земледѣлія происходящихъ плодовъ». Другими словами, авторъ требуетъ, чтобы, какъ въ пользу государства, такъ и на помѣщика собирался опредѣленный процентъ съ валового сбора земледѣльческихъ продуктовъ; не ясно только, должна ли взиматься съ крестьянина всего на все одна десятая часть сбора, или по столько онъ долженъ давать отдѣльно и помѣщику, и казѣ. Относительно земледѣльца, этимъ не ограничиваются обязанности крестьянина: Полѣновъ предлагаетъ возложить на него еще небольшую барщину, напримѣръ, по одному дню въ недѣлю. Отпускать крестьянъ на оброкъ онъ считаетъ вообще вреднымъ, и потому совѣтуетъ отъ этого удерживаться. Точное опредѣленіе повинностей въ пользу помѣщиковъ необходимо «для превращенія грабительства и разоренія»; это «немало защитить крестьянъ отъ нагостей ихъ помѣщиковъ, которые ихъ безъ всякой пощады и милосердія мучаютъ, отнимая все то, что имъ на глаза попадется и чрезъ то приводить въ несказанную бѣдность, отъ которой они никогда не въ состояніи избавиться». Нечего и прибавлять, что это мѣсто исключено въ смягченной редакціи.

Полѣновъ не оставилъ безъ разсмотрѣнія и вопроса о сельскомъ судѣ. Въ подробной редакціи онъ предлагаетъ, чтобы этотъ судъ состоялъ изъ старосты и еще трехъ или четырехъ человекъ, которые всѣ должны быть избраны крестьянами и утверждены помѣщиками; они должны разбирать словесныя обиды, драки, небольшія тяжбы и проч. Болѣе важныя ссоры между ними, а также несогласія ихъ съ господиномъ подлежатъ вѣдѣнію высшихъ крестьянскихъ судовъ, во главѣ которыхъ должны стоять люди, хорошо знающіе законы, а для апелляціи на нихъ слѣдуетъ учредить земскіе суды изъ окружныхъ дворянъ, гдѣ, въ качествѣ юрисконсультовъ, засѣдаютъ и опытные законовѣды. Для уголовныя должны быть изъяты изъ вѣдѣнія всѣхъ этихъ судовъ. Въ неизданной редакціи весь отдѣлъ о судѣ изложенъ нѣсколько иначе. Выборные изъ крестьянъ судьи рѣшаютъ дѣло и опредѣляютъ наказаніе уже послѣ того, какъ оно разобрано самимъ помѣщикомъ или управителемъ. «Въ случаѣ неносныхъ обидъ, разореній и мучительствъ отъ безчеловѣчныхъ помѣщиковъ или ихъ управителей, быть выбранному отъ дворянства каждой провинціи земскому судѣ, которому, объѣз-

жая дважды въ году въ назначенное время свою провинцію, разбирать и рѣшить такіа дѣла, приглася ближнихъ изъ сосѣдства дворянъ не по формѣ суда, но по натуральной справедливости. О чемъ для такихъ судей сочинить краткіе наказы.» Такимъ образомъ дѣла между крестьянами, и то по неизданной редакціи не воплиѣ, предоставлялись вѣденію крестьянскихъ судей; что же касается притѣсеній отъ помѣщиковъ, то хотя Полѣновъ и давалъ крѣпостнымъ крестьянамъ право жаловаться на господина, но рѣшеніе по жалобамъ предоставлялъ въ концѣ концовъ мѣстнымъ дворянамъ, у которыхъ крестьянинъ, конечно, не могъ бы найти удовлетворенія.

Намъ часто приходилось жалѣть о томъ, что Полѣновъ долженъ былъ выпустить въ сокращенной редакціи самыя сильныя мѣста своего мнѣнія; но оно несомнѣнно только выиграло отъ исключенія вступительныхъ словъ къ послѣдному отдѣлу его труда, въ которомъ онъ говоритъ о предосторожностяхъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, при измѣненіи быта крестьянъ. Тутъ онъ указываетъ на опасность слишкомъ быстрой переменъ, такъ какъ «многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго народа». Все это выпущено въ сокращенной редакціи, но сущность дѣла осталась таже: Полѣновъ думаетъ, что не слѣдуетъ принуждать дворянство къ улучшенію быта крѣпостныхъ, а нужно дѣйствовать на нихъ примѣромъ, начавши реформы съ дворцовыхъ имѣній, въ краткой же редакціи онъ, кромѣ того, предлагаетъ награждать тѣхъ дворянъ, которые введутъ у себя рекомендуемыя имъ мѣры, другими словами — откладываетъ дѣло въ долгій ящикъ. Ссылка Полѣнова на дворцовыхъ крестьянъ довольно неудачна, такъ какъ въ это время почти всѣ они были уже освобождены отъ барщины, платили умѣренный оброкъ и вообще жили гораздо лучше крѣпостныхъ, но между тѣмъ это вовсе не отзывалось благотворнымъ образомъ на положеніи помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ заключеніе упомянемъ, что Полѣновъ еще предлагалъ дозволить богатымъ крестьянамъ, подѣ известными условіями, записываться въ мѣщанство, заплативъ государю или господину что будетъ назначено по закону за каждую душу, которую онъ выведетъ съ собою изъ деревни ¹.

Изъ подробнаго обзора мнѣнія Полѣнова видно, что всего болѣе оно интересно для насъ тѣми мѣрами, которыя онъ предлагаетъ для ограниченія крѣпостного права и тѣми «надъ мѣру сидѣ-

¹ Подробная редакція мнѣнія Полѣнова помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ», 1865 года, № 3-й. Сокращенная хранится въ архивѣ волян. эконом. общ.

ными выраженіями», которыми онъ бичевалъ тогдашнихъ землевладѣльцевъ. Что касается положительныхъ требованій, то ему далеко было до идей, подобныхъ тѣмъ, какія были высказаны Грасленомъ: онъ настаивалъ только на предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе. Въ его сочиненіи много весьма здравыхъ и полезныхъ мыслей, напримѣръ, о необходимости школы, о прекращеніи продажи людей въ розницу, объ огражденіи отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, о точномъ опредѣленіи размѣровъ его повинностей, о предоставленіи права выкупаться за опредѣленную сумму. Но въ немъ есть два важные недостатка, которые происходятъ отчасти отъ малаго знакомства автора съ русскою жизнію, отчасти вслѣдствіе подражанія западнымъ образцамъ. Первый недостатокъ заключается въ томъ, что авторъ совершенно игнорируетъ наше общинное землевладѣніе; въ то время, какъ даже одинъ изъ лифляндцевъ (см. мнѣніе № 80) совѣтуетъ дать выгоны и лѣса въ общинное пользованіе крестьянъ, Полѣновъ совѣтуетъ надѣлать землю каждому двору отдѣльно и стоитъ за переходъ этого участка въ нераздѣльномъ видѣ къ одному изъ наслѣдниковъ. Другой важный недостатокъ его мнѣнія — что онъ ставилъ измѣненіе быта крестьянъ въ зависимость отъ самихъ помѣщиковъ. Если на Западѣ, при существованіи обломковъ феодальнаго права, правительству было труднѣе рѣшить крестьянскій вопросъ, то у насъ, гдѣ дворянство имѣло чисто служилое значеніе, можно было бы, кажется, послѣ того какъ обязательная служба высшаго сословія была уничтожена, требовать возведенія въ законъ мѣръ ограниченія крѣпостного права, предложенныхъ Полѣновымъ, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло шло не объ освобожденіи крестьянъ, а только о предоставленіи имъ земли въ наслѣдственное пользованіе. Но за этотъ недостатокъ смѣлости трудно обвинять Полѣнова: его мнѣніе показалось опаснымъ и не было напечатано даже и въ совершенно искалѣченномъ видѣ.

VI.

Крестьянскій вопросъ въ комиссіи для сочиненія новаго уложенія. — Депутаты всѣхъ сословій, кромѣ черносошныхъ крестьянъ, требуютъ разрѣшенія владѣть крѣпостными. — Предложенія объ ограниченіи помѣщичьей власти. — Мнѣніе Коробина и вызванные имъ пренія; доводы за и противъ измѣненія быта крестьянъ. — Какія мѣры въ пользу крѣпостныхъ считали необходимыми депутаты либеральной партіи.

Теоретическая разработка крестьянскаго вопроса въ отвѣтахъ на задачу вольнаго экономическаго общества должна была, по всей вѣроятности, служить подготовкою къ его рѣшенію въ ко-

миссіи для составленія проекта новаго уложенія; но эта цѣль не была достигнута уже потому, что, когда начались самыя оживленныя пренія въ комиссіи относительно крѣпостнаго права, экономическое общество еще не рѣшило, печатать или нѣтъ русской переводъ сочиненія, заслужившаго премію, не были отпечатаны даже въ подлинникѣ какъ это сочиненіе, такъ и тѣ, которыя получили accessit. Но еслибы эти труды и появлялись уже въ печати, то они были бы доступны только незначительному меньшинству депутатовъ, вслѣдствіе крайне недостаточнаго распространенія знанія иностранныхъ языковъ; даже переведенные и прочитанные депутатами, они все-таки едва ли оказали бы значительное вліяніе вслѣдствіе своей совершенной непримѣнимости къ русской жизни; мы видѣли, что, къ несчастію, самое лучшее изъ иностранныхъ сочиненій, именно трудъ Граслена, было наиболѣе отвлеченное. Вполнѣ понятно, что для русскаго общества самымъ вліятельнымъ изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій могла быть только работа Полѣнова, но изъ опасенія этого вліянія экономическое общество и положило ее подъ слудъ. Нельзя, подивиться, что ни императрица, ни либеральные члены общества не настояли на ея напечатаніи; правда, большинство изъ нихъ отсутствовало въ томъ засѣданіи, гдѣ разсматривался этотъ вопросъ, но принятое рѣшеніе могло быть измѣнено, какъ и относительно напечатанія труда Беарде. Очень можетъ быть, что императрица не желала полнаго раскрытія нашей внутренней язвы не столько изъ опасенія раздражить русскихъ крѣпостниковъ, сколько не желая, чтобы эти разоблаченія могли до свѣденія Европы, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время въ изданномъ по-французски опроверженіи на книгу аббата Шаппа, она весьма розовыми красками рисовала бытъ нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ и доказывала, что ихъ положеніе несравненно лучше, чѣмъ бытъ народа въ западной Европѣ. А между тѣмъ своевременное публикованіе такого сочиненія въ неизуродованномъ видѣ, какъ разсужденіе Полѣнова, было бы весьма небезполезно для членовъ той комиссіи, въ которой почти изъ всѣхъ сословій прежде всего раздалось требованіе не объ освобожденіи крѣпостныхъ, а о распространеніи и на другія сословія права владѣть ими. Дѣйствительно, депутаты всѣхъ сословій требовали, чтобы это право не составляло привилегіи одного дворянства.

Начнемъ обзоръ этихъ требованій съ купечества, при чемъ ограничимся только тѣми заявленіями депутатовъ этого сословія, въ которыхъ были выражены желанія владѣть людьми на крѣпостномъ правѣ, такъ какъ преній о правѣ посессионномъ мы касались въ другомъ мѣстѣ. Тутъ всего интереснѣе для насъ

миѣніе депутата отъ города Яранска (Казанской Губерніи), Антонова, такъ какъ оно представляетъ выраженіе не его единичнаго только желанія: къ нему присоединились въ этомъ случаѣ депутаты еще другихъ 16-ти городовъ, разбросанныхъ по всѣмъ концамъ Россіи. По его словамъ, купцамъ необходимо владѣть крѣпостными; теперь они принуждены нанимать крестьянъ различныхъ вѣдомствъ, но желающихъ оказывается немного, а если кто вслѣдствіе крайней нужды и найметъ къ купцу, то сплошь и рядомъ, забравъ нѣсколько денегъ впередъ, убѣгаетъ отъ хозяевъ ранѣе срока; точно также въ то время, когда эти люди живутъ на мѣстѣ, они дѣлаютъ всякія своевольства и причиняютъ хозяевамъ много хлопотъ. Однимъ словомъ, на такихъ наймитовъ купцы ни въ чемъ не могутъ положиться, не могутъ отправить съ ними товаръ или деньги. Антоновъ придумалъ, между прочимъ, такой способъ имѣть даровыхъ работниковъ: онъ просилъ, чтобы, вмѣстѣ съ запрещеніемъ малолѣтнимъ сиротамъ изъ купечества просить милостыню, было позволено тѣмъ, кто возьметъ ихъ на прокормленіе, удерживать ихъ у себя до совершеннолѣтія съ тѣмъ, чтобы они были обязаны работать на своихъ воспитателей, начиная съ 15-ти-лѣтняго возраста. Депутатъ города Серпейска, Глынковъ, съ мнѣніемъ котораго также согласились представители нѣсколькихъ городовъ, заявилъ, что «для распространенія коммерціи и исправности торговъ», полезно было бы дозволить купечеству первой гильдіи покупать крѣпостныхъ работниковъ въ количествѣ отъ трехъ до пяти душъ.

Депутатъ отъ однодворцевъ Елецкой провинціи, Давыдовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими однодворческими депутатами, соглашался съ тѣмъ, что купечеству необходимо владѣть дворовыми, такъ какъ «изъ этого вреда никому не предусматривается», и предлагалъ, чтобы комиссія опредѣлила, по скольку людей они могутъ имѣть, но зато въ депутатахъ другихъ сословій, и особенно дворянства, притязанія купечества встрѣтили весьма энергическій отпоръ. Всѣхъ подробнѣе говорилъ противъ этого князь М. М. Щербатовъ: пріобрѣтеніе купцами крѣпостныхъ работниковъ лишить заработка бѣдныхъ людей изъ ихъ собственнаго сословія, крестьянамъ будетъ тяжелѣе служить тѣмъ, «которыхъ они недавно видѣли себѣ равными» (въ глазахъ Щербатова всѣ недворяне были людьми *подлаго* происхожденія), наконецъ, на вольнаго человека можно положиться столько же, если не болѣе, чѣмъ на крѣпостного. Депутатъ отъ дворянъ Кромскаго Уѣзда, Похвисневъ, сходясь во многихъ доводахъ по этому вопросу съ княземъ Щербатовымъ, между прочимъ, сказалъ, что отъ покупки купцами крѣпостныхъ можетъ ослабѣть торговля, такъ какъ раз-

богатѣвшій купецъ, вмѣсто того, чтобы расширять свое прежнее дѣло, приобрѣтетъ деревни, начнетъ жить получаемыми съ нихъ доходами и сдѣлается «безполезнымъ и даже тягостнымъ членомъ общества»; говоря это, онъ не замѣтилъ, что приподнесъ неособенно пріятный комплиментъ дворянамъ ¹.

Духовенство не имѣло своихъ представителей въ комиссіи уложенія, и единственнымъ духовнымъ членомъ ея былъ депутатъ отъ синода, слѣдовательно, представитель учрежденія, а не сословія; несмотря на то, въ данномъ ему наказѣ, мы встрѣчаемся съ требованіемъ дать духовенству право владѣть крѣпостными. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что подобное требованіе мы находимъ и въ нѣкоторыхъ наказахъ отъ городовъ ².

Приказные служители, по неизмѣннѣ отъ нихъ депутатовъ, не могли сами заявить желаніе владѣть крѣпостными, но за нихъ замолвилъ слово уже извѣстный намъ представитель города Яранска, Антоновъ, сказавъ, что они терпятъ большія затрудненія вслѣдствіе запрещенія (въ 1758 г.) приказнымъ служителямъ, неизмѣющимъ права владѣть недвижимыми имѣніями, писать крѣпости на дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли. Антоновъ ходатайствовалъ, чтобы имъ разрѣшено было для домашнихъ услугъ покупать дворовыхъ людей.

Сибирскіе служилые люди, извѣстные подъ названіемъ сибирскихъ дворянъ, просили о томъ, чтобы ихъ сдѣлали потомственными дворянами, надѣлили землю и дали право покупать людей; на это кн. Щербатовъ замѣтилъ, что сибирскіе дворяне и дѣти боярскія только по имени сходны съ русскими дворянами, что это «не есть состояніе, но чинъ», и что ихъ служба, ограничивающаяся только сборомъ ясака, храненіемъ соли, конвоированіемъ казенныхъ денегъ и т. п., не стоитъ награжденія потомственнымъ дворянствомъ ³. Сибирскіе казаки, которые повышались за служебныя заслуги въ чинъ дѣтей боярскихъ и дворянъ, въ лицѣ своего депутата Анциферова, также какъ и представители Донскаго, Чугуевскаго и Уфимскаго казачьихъ войскъ, ходатайствовали, чтобы казацкому старшинѣ дозволено было покупать дворовыхъ людей и крестьянъ ⁴.

Однودворцы, хотя часть ихъ владѣла крестьянами, которыхъ они могли продавать членамъ своего сословія, желали имѣть

¹ Сб. Ист. Общ. VIII, 76—79, 86, 87, 94, 105, 106—111.

² *Прилежание*. Наказъ и пункты депутату отъ синода въ екатер. ком. о соч. проект. нов. улож. «Христ. Чтеніе» 1876 г. т. II, 250. Соловьевъ XXVII, 286, 282.

³ Сб. Ист. Общ. IV, 155—157, 158—160.

⁴ Сб. Ист. Общ. VIII, 344.

возможность увеличить число своих крестьян покупкою у помещиков и потому просили о причисленіи ихъ къ дворянамъ съ правомъ покупать крѣпостныхъ ¹. Сходные съ однодворцами пахатные солдаты также добивались этого права ².

Только одни черносошные крестьяне были неповинны въ крѣпостническихъ похотѣніяхъ и, если мы встрѣчаемъ среди нихъ желаніе покупать людей, то не съ цѣлю обращать ихъ въ своихъ крѣпостныхъ работниковъ, а только для того, чтобы сдать вмѣсто себя въ рекруты. Впрочемъ, подобное желаніе встрѣчается только въ одномъ наказѣ; но и на этотъ разъ крестьяне не настаивали непременно на дозволеніи покупать рекрутъ, а готовы были просто вносить въ казну за рекрута известную сумму денегъ. Словомъ, тутъ дѣло шло не о приобрѣтеніи себя крѣпостныхъ, а о превращеніи рекрутчины изъ натуральной повинности въ денежную ³.

Такимъ образомъ, всѣ сословія, за исключеніемъ черносошныхъ крестьянъ, требовали дарованія имъ права на рабскій трудъ; но тутъ они встрѣтили отпоръ со стороны дворянства, желавшаго во что бы то ни стало сохранить эту главную изъ своихъ привилегій и требовавшаго, чтобы всѣ, кому прежде было запрещено владѣть населенными имѣніями и дворовыми, по прежнему не имѣли бы этого права. Дворяне Михайловскаго уѣзда мотивировали это требованіе тѣмъ, что «многія деревни инѣй, состоя подъ властію у тѣхъ запретительныхъ владѣльцевъ, отъ нихъ разоряются, потому что сіи временные владѣльцы, зная о тѣхъ своихъ крестьянахъ къ себѣ непрочность, не стараются ихъ сберечь». Дворяне, конечно, дѣйствовали въ этомъ случаѣ по своекорыстному побужденію, хотя, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и изъ ихъ среды нашлось нѣсколько благородныхъ личностей, требовавшихъ ограниченія крѣпостного права; гораздо важнѣе для насъ то, что и изъ среды сословій, многіе депутаты которыхъ хлопотали о распространеніи на своихъ товарищей права владѣть крѣпостными, раздавались энергическіе голоса противъ этихъ притязаній.

Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить депутатъ хонерской крѣпости, Алейниковъ; онъ считалъ вреднымъ для государства, чтобы купечество, приказные и казаки имѣли крѣпостныхъ, потому что тогда богатые купцы, приобрѣтая деревни, оставляютъ торговлю, а прочіе изъ ихъ сословія будутъ своихъ дворовыхъ

¹ См. «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II» «Русс. Стар.» 1879 г. № 5-стр. 51—58.

² Сб. Ист. общ. IV, 138.

³ Сб. Ист. общ. IV, 114.

употреблять «безъ пощады» во всякія домашнія работы, и доведутъ ихъ до такого отчаянія, что тѣ будутъ обращаться въ бѣгство, собираться шайками и затѣмъ грабить и мучить кого ни попаало. Когда это мнѣніе вызвало возраженія со стороны депутатовъ другихъ казачьихъ войскъ, то Алейниковъ еще подробнѣе развила свою мысль. Онъ указалъ на тѣ преимущества, какими пользуются казаки и заявилъ, что не можетъ согласиться съ предложеніями тѣхъ депутатовъ этого сословія, которые требовали, чтобъ ихъ начальникамъ за «отличныя ихъ службы» дозволено было покупать крестьянъ. «Никакого отличія ихъ въ службѣ я не признаю. Во время сраженія съ непріателемъ рядовые казаки такую же кровію вѣнчаются, какою и предводители; но рядовые производятъ и больше дѣйствія... Хотя упомянутые господа депутаты и представляютъ, что казачьимъ войсковымъ атаманамъ и полковымъ командирамъ безъ крестьянъ быть предосудительно, но это они показываютъ напрасно; ибо мы видимъ цѣлую Европу, которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ. И не больше ли будетъ предосужденія всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами, когда, по окончаніи сей высочайшей комиссіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ и мы сами».

Въ наказѣ дворянъ Костромскаго уѣзда встрѣчаемъ предложеніе о назначеніи опекуновъ надъ помѣщиками, мучающими своихъ крестьянъ, а въ наказѣ дворянамъ Пусторжевскаго уѣзда — также и надъ тѣми, кто обременяетъ своихъ крестьянъ непосильными поборами; объ обузданіи послѣднихъ назначеніемъ опекуновъ предлагалъ въ засѣданіи комиссіи (5-го мая 1768 г.) и депутатъ «отъ дворянъ Верейскаго уѣзда, Степановъ, хотя онъ притомъ и дѣлалъ оговорку, что учреждать опеку слѣдуетъ не по жалобамъ «рабовъ на помѣщиковъ», такъ какъ это должно «произвести дѣйствіе покорности противное», а по рѣшенію земскаго суда совмѣстно съ сосѣдними дворянами. Но насколько дворяне не желали какого бы то ни было ограниченія ихъ власти закономъ, видно изъ того, что ни въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ не предложено установить точныхъ правилъ о наказаніяхъ, какими должны подлежать помѣщики за мученіе своихъ крестьянъ, а между тѣмъ въ такомъ законѣ чувствовалась крайняя необходимость и, при произнесеніи приговора надъ жестокими помѣщиками, судебнымъ учрежденіямъ приходилось прибѣгать къ довольно не подходящимъ статьямъ воинскаго устава

и уложения¹. Только въ наказахъ двухъ правительственныхъ учреждений было обращено вниманіе на этотъ недостатокъ нашихъ законовъ: юстицъ-коллегія поставила на видъ необходимость изданія закона о томъ, какому наказанію долженъ подвергнуться помѣщикъ, до смерти замучившій своихъ крестьянъ, да въ наказѣ депутату отъ главной полиціи высказывалось желаніе, чтобы дворовымъ позволили жаловаться на господъ, и также задавался вопросъ, что дѣлать съ господами, мучающими своихъ людей².

На одно только ограниченіе помѣщичьей власти соглашались многіе депутаты отъ дворянъ, именно, запрещеніе продажи людей по одиночѣ. Дворяне Михайловскаго уѣзда предлагали въ своемъ наказѣ, чтобы для поощренія крестьянъ къ лучшей обработкѣ земли помѣщики не продавали бы ихъ на вывозъ; если же число крестьянъ очень увеличится, то это можно разрѣшить, но только въ предѣлахъ одного уѣзда, чтобы проданный находился недалеко отъ своихъ родственниковъ. Депутатъ отъ Дубинскаго дворянства, Толмачевъ, требуетъ совершеннаго запрещенія продажи безъ земли, если же его не состоится, то желаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы продавали цѣлыми семьями со всѣми ихъ пожитками, а не по одиночѣ. Депутатъ отъ Бахмутскаго и Самарскаго гусарскихъ полковъ, Рашковичъ, сказалъ, что вслѣдствіе укрѣпленія крестьянъ за помѣщиками гдѣти улучались отъ своихъ родителей, лишались сродственниковъ и продавались по всему государству, гдѣ только могли отыскались покупщики. Какъ горько это родителямъ. Какъ много проливается отъ этого горячихъ слезъ! Онъ предложилъ отмѣнить означенную продажу, которая не только въ Европѣ, но и въ азіатскихъ странахъ нигдѣ не ведется». Продавать крестьянъ слѣдуетъ не иначе, какъ съ землею. Въ этомъ вопросѣ не отстаивалъ дворянскихъ правъ даже кн. М. М. Щербатовъ. «Обратимъ взоры наши на челоуѣчество, сказали оны: — и устыдимся обрѣти ономъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночѣ былъ продаваемъ. Мы люди и подвластные намъ крестьяне суть подобны намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако, мы не должны забывать, что и оны суть равное намъ созданіе... Я, конечно, не сомнѣвался, что почтенная коммиссія узаконить запрещеніе продавать людей по одиночѣ безъ земли».

¹ См. «Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II» «Русс. Старина» 1876 г. № 11 стр. 611—613.

² Арх. Второго Отдѣленія.

Однако же, среди депутатовъ нашелся все-таки одинъ, который не постыдился защищать продажу людей въ розницу: это былъ депутатъ отъ дворянъ Курмышскаго уѣзда, Алфимовъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ указывалъ на то, что «между крестьянами есть въ нѣкоторыхъ семействахъ нерадивые и склонные къ преступленіямъ. Такимъ людямъ удаленіе отъ ихъ семей служить наказаніемъ; кромѣ того, страхъ быть проданнымъ удерживаетъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ»¹.

Несомнѣнно, къ мнѣнію Алфимова присоединились бы многіе дикіе помѣщики, жившіе по разнымъ отдаленнымъ закоулкамъ нашей родины; но изъ приведенныхъ заявленій несомнѣнно, что всѣ мало-мальски образованные люди желали, если не совершеннаго запрещенія продажи людей безъ земли, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ не разлучали при этомъ членовъ семьи. Но Екатерина II не приняла даже и этой ничтожной мѣры для улучшенія положенія крѣпостныхъ.

Характеризуя отношеніе членовъ коммисіи къ крестьянскому вопросу, мы пока совершенно оставляли въ сторонѣ пренія, происходившія послѣ 5-го мая 1768 г., для того, чтобы разсмотрѣть ихъ въ связи другъ съ другомъ. Теперь мы познакоимся съ предложеніемъ Коробьина и тѣми бурными спорами, которые были имъ вызваны².

Такъ какъ въ то время обсуждались законы о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ, то Коробьинъ и началъ свою рѣчь съ того, что онъ желаетъ разсмотрѣть причины, побуждающія ихъ къ бѣгству, и предложить нѣкоторые способы, которые могутъ хотя отчасти предупредить это зло. «Думаю, сказалъ Коробьинъ:—изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновеннаго подати, есть и такіе, кои, промотавъ свои позитки и набравъ много долгу, отдають своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать одни хотя слѣдующіе ежегодно къ уплатѣ проценты, есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семействъ, упо-

¹ «Сбор. ист. общ.» IV, 276, VIII, 108, 226, XIV, 123—124, 133—134.

² Нѣсколько свѣденій о нихъ уже сообщилъ, на основаніи дневныхъ записокъ большого собранія, проф. Сергѣевичъ въ своей статьѣ: «Откуда неудачи екагеринянской законодательной коммисіи?» («Вѣстн. Евр.» 1878 г. № 1 стр. 254—257). Для составленія нижеслѣдующихъ страницъ мы познакомились во-первыхъ съ четвертымъ неизданнымъ томомъ труда г. Полѣнова (за сообщеніе котораго приносимъ искреннюю признательность В. И. Сергѣвичу), а затѣмъ и съ подлинными мнѣніями, хранящимися въ архивѣ Второго Отдѣленія.

требляютъ единственно для своей корысти». Но всего горестнѣе, что нѣкоторые владѣльцы, какъ только крестьянинъ приобрѣтетъ небольшой достатокъ, лишаютъ своего крѣпостного всѣхъ плодовъ его труда. Такое положеніе дѣлъ весьма опасно для государства, «ибо тогда только процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны». Земледѣльцы — душа общества, слѣдовательно, когда они изнурены, то и все общество слабѣетъ. Затѣмъ, сославшись на статьи Наказа, въ которыхъ императрица указываетъ на обремененіе крестьянъ чрезмѣрными оброками, Коробьинъ сказалъ, что слѣдовательно, въ бѣгствѣ крестьянъ виноваты сами помѣщики и потому необходимо предупредить злоупотребленія благородными и челоуѣколюбивыми законами. Теперь всякій молодой дворянинъ, зная, что онъ полный господинъ надъ всѣмъ имѣніемъ своихъ крестьянъ, можетъ, для удовлетворенія своихъ прихотей, собирать чрезмѣрные поборы; но ежели бы владѣлецъ зналъ, что онъ можетъ потребовать отъ крестьянина не болѣе предписаннаго законами, тогда злоупотребленія прекратились бы. Слѣдовательно, все зло заключается въ неограниченной власти помѣщика надъ крестьянами. По словамъ самой императрицы (295 и 261 статьи Наказа), для приведенія земледѣлія въ цѣлѣе состояніе нужны такіе законы, на основаніи которыхъ крестьянинъ считалъ бы только часть своего имѣнія не своимъ, а помѣщичьимъ, а прочее должно быть его собственное, т. е. такое, которое онъ можетъ безъ опасенія пустить въ обращеніе, какъ-то, заложить, продать, подарить и оставить по себѣ, кому захочетъ, не думая, что оное когда-нибудь отнато будетъ его помѣщикомъ». Нужно постановить, чтобы крестьянинъ платилъ помѣщику опредѣленную, но не чрезмѣрную дань: въ однихъ мѣстахъ она должна состоять въ произведеніяхъ земли, въ другихъ же взиматься деньгами. Но какъ великъ долженъ быть размѣръ поборовъ, а также гдѣ брать ихъ деньгами и гдѣ натурою — это требуетъ большаго разсмотрѣнія и не малаго свѣдѣнія о положеніи всего государства. — И такъ требованія Коробьина сводятся къ тому, что слѣдуетъ: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на имѣніе; но требованія эти были выражены настолько неопредѣленно, что могли возбудить не оразумѣніе; къ тому же Коробьинъ чрезвычайно повредилъ чести своего мнѣнія тѣмъ, что нашелъ нужнымъ смягчить его въ концѣ такою оговоркою. Нѣкоторымъ можетъ придти на мысль, сказалъ онъ: — что, такимъ образомъ, нѣкоторые земледѣльцы могутъ «вдаться въ своевольничество» и что съ ними нельзя будетъ справиться; но онъ говоритъ только о вла-

сти помѣщика надъ имѣніемъ крестьянъ и вовсе не требуетъ ея ограниченія «въ разсужденіи правленія». Эта власть остается въ прежнемъ видѣ, крестьянинъ по прежнему остается крѣпостнымъ. Это мѣсто въ мнѣніи Коробьина, какъ мы увидимъ впоследствии, дало возможность противникамъ измѣненія быта крѣпостныхъ уличить его въ крайней непослѣдовательности.

Такъ какъ Коробьинъ не ясно сформулировалъ то, что онъ разумѣетъ подъ предоставленіемъ крестьянамъ права собственности на имущество, то нѣкоторые оппоненты поняли его предложеніе такимъ образомъ, что онъ желаетъ отдать имъ въ собственность землю. Въ отвѣтъ на возраженіе нѣсколькихъ депутатовъ, Коробьинъ касается этого щекотливаго вопроса кратко и довольно уклончиво. Онъ утверждалъ только, что въ его словахъ нѣтъ прямого требованія надѣлить крестьянъ землею; желалъ ли онъ этого дѣйствительно—мы не знаемъ. Онъ сказалъ, что развилъ бы свое мнѣніе подробнѣе, еслибы ему не помѣшали въ этомъ возраженія на его предложеніе, или, лучше сказать, личныя на него нападки; другими словами, въ виду посыпавшихся на него рѣзкихъ замѣчаній, Коробьинъ не имѣлъ смѣлости вполне высказать своего мнѣнія.

Дѣйствительно, оно вызвало сильную борьбу въ комиссіи между сторонниками и противниками улучшенія быта крестьянъ. Пренія продолжались цѣлый мѣсяць, при чемъ изъ всѣхъ 17-ти депутатовъ, говорившихъ о крестьянскомъ вопросѣ, 5 было за улучшеніе быта крѣпостныхъ и 12—противъ¹.

Коробьинъ, раздражившій своимъ предложеніемъ дворянскихъ депутатовъ, подвергся самымъ безцеремоннымъ личнымъ нападкамъ; онъ посыпался также и на тѣхъ, кто рѣшился защищать его мнѣніе². Стали говорить, что онъ не знаетъ хорошенько положенія ни крестьянъ, ни помѣщиковъ, что онъ, по словамъ депутата Глазова, «человѣкъ молодой, въ деревняхъ бывалъ мало, экономію деревенскую править привычки еще не сдѣлалъ», а между тѣмъ, «практика деревенская», хотя «немудрена», но все-таки «весьма трудна». Тотъ же Глазовъ дознался, что Коробьинъ

¹ Въ числѣ этихъ двѣнадцати былъ только одинъ одиозорецъ, а всѣ остальные депутаты отъ дворянъ.

² Дворянскіе депутаты были тѣмъ болѣе злы на Коробьина, что нѣкоторые изъ нихъ считали опаснымъ какое бы то ни было обсужденіе крестьянскаго вопроса. Депутатъ Глазовъ, въ засѣданіи 5-го мая, еще ранѣе чѣмъ было прочитано мнѣніе Коробьина, сказалъ: Можно было бы подробнѣе говорить о крестьянахъ, но я умалчиваю, чтобы депутаты отъ дворянства не приводятъ въ уныніе духа, а также и потому, что въ этомъ многочисленномъ собраніи присутствуютъ люди разныхъ чиновъ: сказанное здѣсь можетъ разгласиться и вызоветъ, пожалуй, недослушаніе крестьянъ своимъ господамъ.

не прямо былъ выбранъ дворянами своего уѣзда, а что ему передало депутатство другое лицо, избранное мѣстнымъ дворянствомъ, и неизвѣстно, есть ли у него даже имѣніе въ томъ уѣздѣ, что, наконецъ, въ полученномъ имъ наказѣ онъ вовсе не уполномоченъ высказать въ комиссіи то, что онъ заявилъ. Углицкій депутатъ Опочининъ сказалъ, что, назвавъ молодыхъ помѣщиковъ разорителями, онъ оскорбилъ все благородное дворянство.

Коробьинъ отвѣчалъ, что его предложенія совершенно согласны съ Наказомъ императрицы и сослался на статьи 261, 277 и 270; онъ указалъ также, что имѣніе Глазова, будто депутатъ не можетъ представлять о томъ, чего нѣтъ въ данной ему довѣренности — совершенно несправедливо; нападать на его имѣніе потому, что оно противорѣчитъ ходатайству нѣкоторыхъ дворянъ о сохраненіи ихъ прежнихъ привилегій — значить придавать болѣе значенія частнымъ наказамъ, чѣмъ Наказу императрицы, такъ какъ въ послѣднемъ прямо связано, «что законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества». Коробьинъ упомянулъ и о личныхъ на него напакахъ: изъ того, что онъ требуетъ точнаго опредѣленія крестьянскихъ повинностей, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ «молодъ», «въ деревняхъ мало бывалъ» и т. п. Впрочемъ, такіе споры онъ считаетъ совершенно безплодными: «изъ таковыми препинательными рѣчей ничего болѣе не произойдетъ», какъ только то, что намѣреніе государыни и желаніе всѣхъ ея вѣрноподданныхъ, удостоившихъ насъ своею довѣренностію, едва ли когда-либо исполнятся; должно стараться быть настолько скорымъ къ учиненію возраженій, сколько внимательнымъ къ рассмотрѣнію сдѣланнаго предложенія, если оно того достойно, къ исправленію его и приведенію на возможно высшую степень совершенства.

Несмотря на такой полный достоинства отвѣтъ, чисто личные нападки на Коробьина не прекратились. Правда, до нихъ не улизнулъ самый выдающійся ораторъ консервативной партіи, кн. М. М. Щербатовъ: онъ вступилъ въ споръ съ Коробьиннымъ только потому, что опасался, «дабы, плѣняясь озадаченнымъ имъ челоуѣколюбіемъ и краснорѣчіемъ, сіе какого вреда не произвело» (sic), но другіе депутаты продолжали шпынять Коробьина. Чаадаевъ намекнулъ, что онъ ищетъ только популярности¹; «намѣреніе Коробьина осчастливить государство, продолжалъ онъ: — очень похвально, но предложенное имъ, «по справедливости, не способами, а единою мечтою способовъ назвать должно». Въ такомъ важномъ дѣлѣ нужно проникнуть въ самую его сущность, узнать

¹ Имѣеть «предметомъ снисканіе только похвалъ отъ людей легкомысленныхъ».

всѣ его причины и слѣдствія, вредъ и пользу имъ приносимыя; но Коробинъ, «какъ видно, будучи встревоженъ чрезмѣрнымъ попеченіемъ о пользѣ общей, не имѣлъ уже способа сильнаго своего къ тому стремленія покорить вышеизъясненнымъ правиламъ». Депутатъ Похвисневъ хвасталъ даже, что онъ повредилъ нѣсколько «*высококомурнымъ мнѣніямъ*» Коробина. Если такимъ нападкамъ подвергался отъ своихъ собратьевъ Коробинъ, то не трудно представить себѣ, какъ должно было достаться пахатному солдату Жеребцову и однодворцу Маслову, которые дерзнули вмѣшаться въ это дѣло. Похвисневъ, депутатъ отъ дворянъ Кромскаго уѣзда, по этому поводу сказалъ: «я отдаю справедливость благоразумію и тонкости сего г. депутата Жеребцова. Подлинно сіе дѣло есть чрезмѣрнаго разума — не имѣя ни ученія, ниже упражненія въ дѣлѣ быть извѣстну о всѣхъ подробностяхъ онаго». Хотя бы еще онъ жилъ въ такомъ уѣздѣ, гдѣ много дворянскихъ имѣній; но когда въ сосѣдствѣ его ихъ нѣтъ¹, то знаніе его надо приписать особенной остротѣ ума. Постоянный трудъ и заботы о домашнемъ хозяйствѣ едва ли могли дать ему возможность познакомиться съ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ и разсуждать, польза или вредъ можетъ отъ нихъ произойти государству. Вотъ почти и все возраженіе на мнѣніе Жеребцова, до спора съ нимъ по существу Похвисневъ не снизошелъ, прибавивъ только, что теперь въ Россіи все обстоитъ благополучно не бываетъ «ни мятежей, ни бунтовъ отъ голода», а что будетъ, когда произойдетъ перемѣна въ положеніи крестьянъ, никто предвидѣть не можетъ. Депутатъ отъ зарайскаго дворянства, Кондыревъ также напалъ на Жеребцова, хотя не совсѣмъ граматно, но не менѣе энергично, считая вмѣшательство пахатнаго солдата въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ «за одинъ смѣхъ и обиду цѣлаго государства дворянъ при другихъ иностранцахъ, чего ни въ какое время того не бывало». Онъ приводитъ только одно возраженіе, что дворяне, не щадя жизни, повсюду защищали государство. Однодворцу Маслову досталось отъ своего же брата однодворца—депутата Веденѣва за то, что онъ описываетъ пороки другихъ жителей въ государствѣ, хотя этого ему не поручали его довѣрители; если же отъ нѣкоторыхъ господъ и были притѣсненія и изнуренія крестьянамъ, то не Маслову объ этомъ судить, а во время второго пришествія Христова каждый, по своимъ дѣламъ, или прославится или устыдится.

Но если дворяне съ такимъ презрѣніемъ относились къ мнѣ-

¹ Это несправедливо: нижегородская провинція, депутатомъ отъ которой явился Жеребцовъ, была одна изъ самыхъ обильныхъ крѣпостными крестьянами.

ніямъ депутатовъ низшаго сословія, то случалось и этимъ послѣднимъ прочесть хорошую нотацію дворянскимъ депутатамъ. Такъ, въ отвѣтъ на возраженіе Коробину кн. Щербатова, который и на этотъ разъ, какъ во множествѣ своихъ мнѣній, кичился прежними заслугами дворянъ, депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ архангельской провинціи весьма разумно сказалъ: Щербатовъ «между прочимъ, объявляетъ дворянскую заслугу издревле російскому государству, на то отвѣтствую: правда, что заслуга и завсегда признается за справедливо, да однако же и всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются, за кѣмъ какая должность состоитъ, чаю, что по возможности своей и всѣ отправляютъ; токмо дѣло не о томъ идетъ и господа депутаты не на то собраны, *чтобы чести себя приписывать*, но о узаконеніи всѣхъ вообще и каждаго особенно... потому, кажется, не должно оставить безъ опредѣленнаго закона помѣщичьихъ крестьянъ», чтобы послѣ сочиненія проекта новаго уложенія они не остались «въ бѣдности и безпокойствѣ, какъ и нынѣ за нѣкоторыми безъ призрѣнія и защиты находятся». Нужно заботиться о бѣдныхъ, а «которые въ милости и счастіи... таковыхъ и представлять, кажется, не слѣдуетъ, какъ господа депутаты о томъ многословятъ». Что же касается замѣчанія депутата отъ трубчевскаго дворянства Бровцина, что государственные крестьяне незначительно занимаются хлѣбопашествомъ и чинятъ разные неурядки и побѣги вслѣдствіе того, что живутъ въ вольности; то на это Чупровъ отрѣзалъ, что «и во всей подсолнечной, во всякомъ родѣ между добрыми есть средніе, а между иными и не безъ дураковъ».

Дѣло, однако, не ограничилось одною перебранкою; дворянскіе депутаты, нежелавшіе измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ, выставили въ защиту своего мнѣнія и въ опроверженіе предложеній противниковъ или, лучше сказать, почти исключительно одного Коробина, цѣлый рядъ доводовъ.

Коробинъ былъ побужденъ представить свое мнѣніе спорами о побѣгахъ крѣпостныхъ крестьянъ; онъ указалъ, что причина ихъ коренится въ чрезмѣрномъ обремененіи народа работами и поборами въ пользу помѣщика. На это ему отвѣчали, что бѣгутъ не одни крѣпостные, а также государственные, дворцовые и экономическіе крестьяне, церковники отъ своихъ церквей и даже купцы; бѣгство крестьянъ происходитъ, слѣдовательно, не отъ безчеловѣчія помѣщиковъ, а отъ развращенія нравовъ, лѣности и нераченія о работѣ. По мнѣнію Щербатова, кромѣ суровости владѣльцевъ, есть и другія причины побѣговъ крестьянъ, а именно: 1) обширность Россіи, вмѣщающей 8 климатовъ, что

побуждает многих искать болѣе удобнаго жилища, 2) разница въ плодородіи почвы въ различныхъ мѣстахъ Россіи, 3) рекрутскіе наборы, отъ которыхъ иные бѣгутъ даже и за-границу и, наконецъ, 4) «непостоянство, облыбчивость и худые нравы самихъ крестьянъ». Опочининъ указалъ на то, что оброчныя деревни, хотя онѣ и принадлежать помѣщикамъ, находятся въ хорошемъ состояніи, а Лопухинъ, депутатъ тамбовскаго дворянства, замѣтилъ, что въ западно-европейскихъ государствахъ подданные платять въ четверо и даже болѣе сравнительно съ нашими крестьянами.

Помѣщики, говорили дворянскіе депутаты:—не только не разоряютъ своихъ крестьянъ, но, напротивъ, по случаю нынѣшнихъ неурожаевъ, кормятъ ихъ, снабжаютъ домашнимъ скотомъ и платять за нихъ подати, однимъ словомъ, пекутся объ нихъ, какъ отцы о дѣтяхъ.

Движимымъ имуществомъ, по словамъ депутатовъ отъ дворянства, крестьяне распоряжались совершенно свободно. Они, сказалъ Щербатовъ:—имѣютъ полное право собственности, правда, не утвержденное закономъ, но, можно сказать, еще сильнѣйшее, такъ какъ оно основано на общемъ «умствованіи» и взаимной пользѣ. Они могутъ отдать, кому захотятъ и продать свои пожитки, однако, по свидѣтельству самого Щербатова, лишь съ известными ограниченіями, а именно: помѣщики наблюдаютъ, чтобы они не сбывали вещей, нужныхъ для земледѣлія, и не становились бобылами; но это дѣлается для ихъ же собственной пользы¹. Такимъ образомъ, до полнаго права собственности на движимое имущество было далеко. Поквисневъ прибавилъ, что полная свобода крѣпостныхъ въ этомъ отношеніи подтверждается и жалобами купцовъ на то, что крестьяне подрываютъ ихъ торговлю продажей своихъ домашнихъ продуктовъ. Если же, замѣтилъ Глазовъ:—Коробинъ хотѣлъ дать крестьянамъ и землю во владѣніе, то вѣдь они пользовались ею и прежде, не имѣя только права продать ее и заложить.

Доказывая, что наши крѣпостные находились въ прекрасномъ положеніи, дворянскіе депутаты не ограничились собственными доводами; ихъ главный витія, кн. Щербатовъ, отрывъ въ книгѣ Монтескьё, что онъ «россійское учрежденіе о сборѣ доходовъ и связь между помѣщиковъ и ихъ подданными похваляетъ»².

¹ Точно такими же доводами лифляндскіе дворяне на ландтагѣ 1765 г.² оправдывали то, что они не даютъ своимъ крестьянамъ права вполнѣ свободно распоряжаться движимымъ имуществомъ.

² «Петръ I, желая, по примѣру Германіи, собирать подати деньгами, издалъ очень мудрое узаконеніе, которому еще и теперь слѣдуютъ въ Россіи. Дворя-

Монтескьё былъ для насъ тогда авторитетомъ даже и въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ онъ, разумѣется, не могъ имѣть такого яснаго понятія, какъ мы сами.

Депутатъ Лопухинъ не отрицалъ, что есть дурные помѣщики, но «непорядочный владѣлецъ» гораздо болѣе приносить вреда себѣ, чѣмъ государству, и, «разоряя своихъ крестьянъ, столько самъ себя наказываетъ, что его и наказать больше нельзя»; слѣдовательно, онъ скорѣе самъ достоинъ жалости. Однако же, Лопухинъ согласенъ былъ бы признать справедливость предложенія Коробьина, еслибы оказалось, что половина (!) помѣщиковъ таковы, что крестьяне принуждены бѣжать изъ своихъ домовъ; а не то было бы весьма прискорбно, еслибы знатный, заслуженный и достойный любви отечества корпусъ дворянъ былъ стѣсненъ законами изъ-за того, что среди него нашлось нѣсколько непорядочныхъ, развратныхъ людей. — Для обузданія такихъ помѣщиковъ, по мнѣнiю дворянскихъ депутатовъ, совершенно достаточно отдавать ихъ подъ опеку.

Ораторы консервативной партіи не ограничились защитой существующихъ отношеній: они постарались съ своей точки зрѣнiя опровергнуть всѣ предложенія Коробьина и его единомышленниковъ. Что касается опредѣленія закономъ размѣра крестьянскихъ повинностей, то почти всѣ они указываютъ на невозможность исполнить это, въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Нѣкоторые депутаты, сочувствовавшіе Коробьину, признавали, что тутъ придется встрѣтиться съ значительными трудностями, но все таки до извѣстной степени ихъ можно преодолѣть и довольно уравнительно опредѣлять повинности. За то депутаты консерваторы были вполне правы, возражая Коробьину, что никакъ нельзя обезпечить крестьянину право собственности на движимое имѣніе, оставляя въ то же время его личность въ полной зависимости отъ помѣщика. Въ этомъ отношеніи они весьма ловко подмѣтили крайнюю непоследовательность, въ которую впалъ Коробьинъ. Коробьинъ оставляетъ крестьянина крѣпостнымъ, сказалъ Опочининъ, такъ что помѣщикъ за всякій проступокъ можетъ подвергать его наказанію по своему усмотрѣнiю, можетъ даже отправить на поселеніе или каторгу.—За то, что Коробьинъ оставляетъ крестьянъ въ полной власти помѣщиковъ, сказалъ Глазовъ, дво-

нинъ собираетъ подати съ крестьянъ и платитъ ихъ царю. Уменьшается ли или увеличивается количество крестьянъ, онъ платитъ то же самое» (Монтескьё забылъ прибавить, что это бываетъ только отъ ревизіи до ревизіи); «такимъ образомъ, онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не мучить своихъ крестьянъ». (*Esprit des lois*, liv. XIII, ch. 6.).

рянское общество можетъ быть ему благодарно, но крестьяне не почтутъ его своимъ защитникомъ. Кн. Щербатовъ также не оставилъ безъ возраженія этого пункта мнѣнія Коробьина. «Не могу безъ удивленія видѣть, замѣтилъ онъ:—что насколько онъ заботится объ имуществѣ крестьянъ, настолько же мало прилагаетъ старанія объ избавленіи ихъ отъ утѣсненія, которое можетъ произойти отъ наказаній... ибо тщетно имя собственности растверживать, когда тѣло чье подвластно другому; имѣніе его всегда тому же подвластно будетъ».

Защитники улучшенія быта крестьянъ могли бы на это возразить, что крестьянину слѣдуетъ предоставлять право жаловаться на помѣщика (Коробьинъ этого не предлагаетъ), но у консерваторовъ заранѣе были готовы на это возраженія. По ихъ мнѣнію, это разрушило бы прежнія патріархальныя отношенія между господиномъ и крестьяниномъ. Теперь, говоритъ Похвисневъ:—помѣщикъ и землевладѣлецъ составляютъ, такъ сказать, одно семейство; господинъ отвѣчаетъ за крестьянъ передъ правительствомъ въ исправномъ сборѣ податей, охраняетъ ихъ отъ обидъ и т. п. По словамъ другихъ, право жаловаться страшно увеличить количество судебныхъ дѣлъ, которыя будутъ отвлекать народъ отъ земледѣльческихъ занятій. Приводившіе это возраженіе не замѣчали, что оно всего лучше опровергаетъ существованіе патріархальныхъ отношеній, доказывая, что у крестьянъ много причинъ для недовольства. По мнѣнію Похвиснева, стѣить только дать крестьянамъ право жаловаться, и среди нихъ будетъ легко возникать непослушаніе могутъ произойти важныя замѣшательства; конечно, говоритъ онъ, помѣщикъ развратныхъ наклонностей весьма вреденъ для общества, но онъ будетъ бременемъ, и то временнымъ, только для малой части народа, а другая язва—духъ непослушанія—можетъ распространиться по всему государству. Кн. Щербатовъ также находилъ, что дарованіе крестьянамъ права жаловаться поведетъ къ бунтамъ и посягательствамъ на жизнь помѣщиковъ.

Коробьинъ, какъ мы видѣли, не высказалъ вполне ясно, требуетъ ли онъ предоставленія земли въ собственность крестьянамъ; но многіе изъ его оппонентовъ поняли, что онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Откуда же надѣлать крестьянъ недвижимою собственностію? спрашиваетъ кн. Щербатовъ. Большая часть земли съ самыхъ древнихъ временъ дана государями дворянамъ сначала въ помѣстья, а потомъ въ вотчину; сверхъ того, уплатою положенныхъ пошлинъ за справки и за продажи они едва ли не внесли въ казну всю цѣну этихъ имѣній. Справедливо ли будетъ отнять у дворянъ недвижимое имущество, приобретенное ими не только своею кровію, но и деньгами.

Доводы, вродѣ только что приведеннаго, подсказывались исклю-чительно корыстными побужденіями; но въ мѣнѣіяхъ противни-ковъ Коробьина были и весьма справедливыя указанія на тотъ вредъ, который можетъ произойти для крестьянъ отъ предоста-вленія имъ полной собственности на землю съ правомъ ея отчуж-денія. Депутатъ Лопухинъ указалъ, во-первыхъ, что помѣщики заботятся, чтобы крестьяне не страдали отъ дурного качества и недостаточнаго количества земли, и для этого переселяютъ ихъ на лучшія и болѣе многоземельныя мѣста, а съ нарѣзкою каж-дому опредѣленнаго участка — это должно прекратиться. Еще вреднѣе позволить крестьянамъ продавать и закладывать землю: если земледѣлецъ изъ нужды продать свой участокъ, то ли-шится послѣдняго средства пропитанія. Похвистевъ по этому поводу замѣтилъ, что и безъ того уже правительственныя учреж-денія завалены поземельными исками, вслѣдствіе чрезполосности помѣщичьихъ владѣній. Что же будетъ тогда, когда каждый крестьянинъ получить право продавать свою землю? Чтобы отвѣ-тить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ только взглянуть на тѣ послѣд-ствія, къ какимъ привело однодворцевъ дозволеніе отчуждать свои поземельные участки. Сколько отъ этого произошло замѣ-шательствъ, ссоръ, дѣлъ въ судахъ по той причинѣ, что одна дача была продана двумъ и тремъ помѣщикамъ; но всего при-скорбнѣе, что многія размножившіяся семейства однодворцевъ остаются теперь почти безъ всякаго пропитанія, а инныя вы-нуждены были переселиться въ другіе города на свободныя ка-зенныя земли. Куда же перейдетъ помѣщичій крестьянинъ, продавъ свой участокъ? Если имъ будутъ давать въ этомъ слу-чаѣ для поселенія казенныя земли, то дворянство должно не-минуемо раззориться; если же они не получаютъ другихъ участ-ковъ, то безчисленное множество людей останется безъ пропи-танія; тогда одинъ невоздержный крестьянинъ будетъ причи-ною непоправимаго несчастія цѣлаго семейства. Помѣщики, ко-нечно, не станутъ давать такимъ безземельнымъ новымъ надѣ-ловъ, такъ какъ они не будутъ въ состояніи препятствовать ихъ отчужденію. Однимъ словомъ, всего лучше, чтобы земли принадле-жали помѣщикамъ. Сходны съ этимъ доводы и. кн. Щербатова. Отдать крестьянамъ въ собственность недвижимыя имѣнія и по-зволить продавать ихъ — крайне вредно для государства. Можетъ ли быть какое-либо порядочное хозяйство, когда каждый кре-стьянинъ будетъ продавать свою землю и раздробить ее не только на части, но, можно сказать, на лоскутья? Незаботящіеся о земле-дѣліи или принужденные какими-либо несчастіями продадутъ землю постороннимъ; вслѣдствіе этого въ дачи одной деревни войдутъ

владѣнія множества деревень; кромѣ того, продавшіе землю, не имѣя ни мѣста для поселенія, ни средствъ къ пропитанію, принуждены будутъ или вовсе покинуть земледѣліе, или идти въ батраки. Такимъ образомъ, чрезъ полученіе личной собственности они лишатся дѣйствительной. Въ подтвержденіе своей мысли Поквисневъ ссылаясь на положеніе однодворцевъ, такъ какъ, будучи депутатомъ Кромскаго уѣзда, онъ могъ хорошо знать ихъ бытъ, а Щербатовъ столь же основательно указалъ на поземельныя отношенія черносошныхъ крестьянъ. «Слѣдствіе сей собственности, сказалъ онъ:—уже мы и видимъ у черносошныхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ большая часть, продавъ свои земли, у меньшей въ неволѣ находится», вслѣдствіе чего имъ, наконецъ, было запрещено продавать земли; къ тому же «разныхъ владѣній и разнаго употребленія смѣшанныя земли производятъ отъ однихъ другимъ немалый вредъ, яко драки, убійства, перекосы, поправки» и пр. Изъ этого видно, заключилъ Щербатовъ:—какъ вредны способы, предложенныя Коробиннымъ, но онъ охотно прощаетъ его, «почитая, что отъ усердія своего къ нѣкоторымъ удрученнымъ крестьянамъ оныя предложилъ».

Щербатовъ сильно пересолилъ, сказавъ, что у черносошныхъ крестьянъ большинство распродало свои земли и находится въ неволѣ у меньшинства, но, тѣмъ не менѣе, ссылки его и Поквиснева на то, что отчужденіе земли черносошными крестьянами и однодворцами приводило къ крайне вреднымъ послѣдствіямъ—совершенно справедливы; они вполне подтверждаются заявленіями самихъ крестьянъ въ наказахъ ихъ депутатовъ¹. Слова кн. Щербатова и Поквиснева могутъ даже и въ настоящее время служить прекраснымъ отвѣтомъ тѣмъ мнимымъ радѣтелямъ крестьянъ, которые желаютъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія².

¹ См. статьи: «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II», въ Русск. Старинѣ 1879 г., №№ 1—6.

² Обращаемъ на эти доводы вниманіе гр. Орлова-Давыдова. Если доказательства, приводимыя менѣе родовитыми людьми, не убѣдятъ его въ томъ, что предлагаемая имъ мѣра губительна для народнаго благосостоянія (если только онъ въ этомъ сомнѣвается), если, наконецъ, современный титулованный изслѣдователь (кн. Васильчиковъ) покажется ему, какъ и г-дамъ Герье и Чичерину, соvrраченнымъ въ социализмъ, то, быть можетъ, на него произведутъ нѣкоторое впечатлѣніе слова князя М. М. Щербатова, котораго, какъ извѣстно, нельзя заподозрить въ приверженности ни къ какимъ злореднымъ ученіямъ, а между тѣмъ, онъ неизмѣримо выше—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ родственнаго ему по духу современнаго защитника обезземеленія крестьянъ—выше уже тѣмъ однимъ, что онъ былъ противъ такого обезземеленія и былъ убѣжденъ, что дозволеніе крестьянамъ свободнаго отчужденія земли непременно поведетъ къ обнищанію народа.

Вѣскія замѣчанія по вопросу о правѣ собственности крестьянъ на землю, высказанныя кн. Щербатовымъ и Похвисневымъ, были въ высшей степени полезны для своего времени, въ нихъ сказался тотъ истинный консерватизмъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ приноситъ значительную пользу, предохраня народный бытъ отъ необдуманной ломки, на которую такъ падки лжеконсерваторы, являющіеся хранителями старины только тогда, когда это выгодно для ихъ интересовъ. Разумѣется и кн. Щербатовъ, и Похвисневъ не были безкорыстными радѣтелями народнаго блага, какъ это видно изъ всѣхъ ихъ рѣчей въ комиссіи уложенія, но въ данномъ случаѣ они были до нѣкоторой степени правы, протестуя противъ дарованія крестьянамъ земли въ полную собственность съ разрѣшеніемъ отчуждать ее; мы можемъ сказать, что лучше крѣпостное право, ограниченное строгими постановленіями закона, чѣмъ обезземеленіе крестьянъ. Эту истину забыли при Александрѣ I, освобождая безъ земли крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ; объ ней плохо помнили и тѣ, кто допустилъ при нашей крестьянской реформѣ возможность, такъ называемаго, нищенскаго надѣла. Но противъ Щербатова и Похвиснева есть одно возраженіе, въ конецъ ихъ побивающее: сохраненіе при освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ общиннаго землевладѣнія, существовавшаго тогда въ Великороссіи вездѣ, гдѣ были крѣпостные крестьяне; при этомъ условіи противникамъ реформы оставалось бы только одно возраженіе противъ надѣленія крестьянъ изъ помѣщичьихъ земель—жалобы на то, что это значило бы обидѣть землевладѣльцевъ. Но на такія причитанія умѣли отвѣтить и современники Щербатова, даже изъ низшаго сословія, какъ напримѣръ казакъ Алейниковъ. Они указывали ему, что не одно дворянство служило Россіи, не только объ немъ должно заботиться правительство. Къ несчастью, тогдашніе аболіціонисты игнорировали нашу поземельную общину и на важность ея впервые указалъ при Екатеринѣ человекъ, котораго едва ли можно отнести къ ихъ числу.

Будемъ, однако, продолжать пересмотръ доводовъ противъ освобожденія крестьянъ, приведенныхъ депутатами консервативной партіи. Всѣ они въ одинъ голосъ указывали, что теперь помѣщикъ во время неурожая, падежа и другихъ несчастій снабжаетъ крестьянъ хлѣбомъ и скотомъ, не всегда требуя за то платы, иногда вноситъ за нихъ подати и т. п., съ освобожденіемъ же они лишатся этихъ пособій. Извѣстно, что помѣщики были обязаны закономъ прокармливать своихъ крестьянъ во время неурожая, и хотя правило это далеко не всегда соблюдалось, но все-таки многіе землевладѣльцы дѣйствительно заботи-

лись о своихъ крѣпостныхъ, такъ что этотъ аргументъ имѣеть, нѣкоторое значеніе.

Измѣненіе быта крестьянъ было бы вредно для нихъ самихъ, по мнѣнію консерваторовъ, еще въ одномъ отношеніи. Депутатъ Чаадаевъ указалъ на то, что чиновничье управленіе приходится весьма солоно крестьянину, такъ какъ они подвергаются всевозможнымъ притѣсненіямъ, а вслѣдствіе несогласій и тяжбъ между ними, богатѣють только ихъ охранители. Такъ думалъ не одинъ Чаадаевъ: этотъ же доводъ приводила кн. Дашкова во время своей извѣстной бесѣды съ Дидро о крестьянскомъ вопросѣ ¹, а при Александрѣ I тоже говорилъ Каразинъ.

Таковы были доказательства, что освобожденіе будто бы невыгодно для самихъ крестьянъ; но, по мнѣнію крѣпостниковъ, оно вредно и для государства. Указывали на то, что крестьяне, избавившись отъ принудительной власти помѣщиковъ, растратятъ свое имущество и затѣмъ разбредутся врозь, отъ этого пострадаетъ земледѣіе, множество пашень останется необработанными, подати будутъ собираться менѣе успѣшно, такъ какъ теперь помѣщикъ, отвѣчающій за исправность ихъ взноса, понуждаетъ къ тому крестьянъ.

Приводились наконецъ и такія соображенія, что крѣпостное право необходимо для спокойствія государства. Кн. Щербатовъ настаивалъ, что не должно освобождать вдругъ большого числа людей, нужно опасаться, чтобы ограниченіемъ помѣщичьей власти «не развратились отъ начальныхъ основаній правленія, не *вкоренилось бы умствованіе равенства, до самой крайности дошедшаго*». Можетъ произойти, однимъ словомъ, то, что современные публицисты извѣстнаго пошиба привыкли называть «пограсеніемъ основъ»; депутатъ Лопухинъ такъ и говоритъ, что ослабленіе власти помѣщиковъ произведетъ, разрушеніе тѣхъ основаній, на которыхъ утвердись, отечество наше достигло столь вышней степени славы и благоденствія». Можетъ дойти до того, что придется усмирять народъ вооруженною силою. Похвисневъ, вопреки здравому смыслу, утверждалъ даже, что съ освобожденіемъ крестьянъ будутъ чаще убійства помѣщиковъ.

Мы исчерпали всѣ доводы противниковъ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Изъ мнѣній его защитниковъ мы уже знаемъ съ заявленіемъ Коробьина. Сторонники его мнѣнія, также какъ и онъ самъ, утверждали, что крестьяне чрезмѣрно обременены повинностями въ пользу помѣщика. Чернососный крестьянинъ Чупровъ, возражая на мнѣніе депутата Бровцына, говоритъ:

¹ См. Memoirs of the princess Daschkow, L. 1840, I, 164—165.

«не на тѣхъ помѣщиковъ поношеніе, которые благоразумными учрежденіями крестьянъ своихъ управляютъ, да и г. депутатъ Коробинъ не о такихъ, но безмѣрно о мучащихъ крестьянъ своихъ и несносныя дани собирающихъ представляетъ», которые «недовольны тѣмъ, что, по желанію своему, по окладу съ души берутъ деньгами, съ тѣхъ же еще изъ домашняго произращенія сверхъ денегъ собираютъ, да ихъ же и въ работу берутъ». — Владѣлецъ, говоритъ однодворецъ Масловъ, ежедневно гонитъ крестьянъ на свою работу, «а хотя и отпуститъ, и то развѣ рѣдко бываетъ, на день или на два. Такъ какъ же имъ (крестьянамъ) пропитаніе имѣть или родившихся отъ нихъ дѣтей воспитать, что они всегда всѣми семьями на господина работаютъ, еще-жъ сверхъ того и подушныя деньги платятъ». Многие считаютъ побѣги крестьянъ самовольствомъ, а не подумаютъ отъ радости ли иной крестьянинъ покидаетъ своихъ малыхъ дѣтищъ, чего не сдѣлаетъ и дикій звѣрь. — По мнѣнію пахатнаго солдата Жеребцова, земледѣльца, не хлѣбопашество удручаетъ, а чрезмѣрные поборы вслѣдствіе роскоши самихъ помѣщиковъ или жадности управителей и приказчиковъ. Послѣдніе самовольно удвояваютъ или утраиваютъ оброкъ, назначенный господиномъ, и тѣхъ, кто не хочетъ его платить, «изуродовавъ разными мученіями», неволею къ тому понуждаютъ. Крестьянинъ, не желая «видѣть тѣло свое обезображеннымъ», покидаетъ свое жилище и разными способами достаетъ деньги. Масловъ, однодворецъ Бѣлгородской провинціи, добавилъ къ этому, что крѣпостные страдаютъ не только у себя дома, но еще безвинно подвергаются наказаніямъ и въ судебныхъ мѣстахъ. Многие помѣщики заставляютъ своихъ крестьянъ запахивать чужія поля, выкашивать сѣнные покосы, вырубать лѣсныя дачи и дѣлать разныя насилія въ чужихъ земляхъ, селахъ и слободахъ; отъ этого происходятъ драки и смертоубійства. Крестьянъ за это хватаютъ, бьютъ при допросахъ и морятъ въ тюрьмѣ. Если же они не послушаютъ господина, то терпятъ отъ него наказаніе.

Самое замѣчательное изъ мнѣній сторонниковъ улучшенія быта крестьянъ принадлежитъ депутату отъ шляхетства Екатеринбургской провинціи Якову Козельскому. На обвиненія крестьянина въ пьянствѣ и мотовствѣ, онъ отвѣчалъ, что это происходитъ вслѣдствіе лишенія его всякаго права собственности: «онъ разумѣетъ и впредь знаетъ, что все, что бы ни было у него, то говорятъ, что не его, да помѣщиково; такъ представьте себѣ, почтенное собраніе, какому человѣку тутъ надобно быть, чтобы еще и хвалу заслужить... И самый трудолюбивый человѣкъ сдѣлается, нерадивымъ во всегдашнемъ насиліи... Я не понимаю лучше

кажется, по челоуѣколюбію, стараться возбуждать народъ въ работѣ вольной и не томной, то онъ большій урокъ выработать будетъ и не устаетъ, нежели одною неволею и удрученіемъ рабства». Въмѣсто того, чтобы отдавать въ опеку уже раззоренное имѣніе, гораздо лучше предупредить раззореніе общимъ закономъ. Никакъ нельзя защищать такихъ помѣщиковъ, которые во вредъ себѣ и обществу раззоряютъ своихъ крестьянъ, *«а такъовыя число едва ли не умножается, и статья можетъ оттого, что крестьяне потомкамъ помѣщичьимъ достаются легче, нежели какъ ихъ предаемъ»*.— Помѣщикъ, противящійся опредѣленію повинностей, желаетъ имѣть большія права, чѣмъ само правительство, такъ какъ, говоритъ Козельскій, «самая верховная власть по самодержавію своему не требуетъ болѣе опредѣленной всякой службы, кромѣ на содержаніе необходимой войны». На доводы ораторовъ консервативной партіи, что земледѣлецъ съ освобожденіемъ лишится помощи отъ господина во время неурожая и другихъ несчастій, Козельскій основательно отвѣчалъ, что помѣщики помогаютъ крестьянамъ ихъ же собственнымъ добромъ. «Мнѣ кажется, писалъ онъ: — что помѣщикъ, сколько бы ни богатъ былъ, то онъ въ разсужденіи помѣстья своего и отъ него-жъ богатъ, и такъ, если онъ не лишаетъ крестьянъ собственнаго ихъ хлѣба, скота и всего пропитанія, такъ гдѣ-жъ онъ... возьметъ всего того, чѣмъ бы ему во время нужды, т. е. въ самомъ крайнемъ недостаткѣ каждаго изъ крестьянъ своихъ снабдить; невозможное дѣло: отъ сего благодѣанія и владѣющій принцъ скоро откажется».

Таковы указанія на печальное положеніе вѣрноподанныхъ крестьянъ и различныя доводы въ пользу измѣненія ихъ быта въ мнѣніяхъ депутатовъ либеральной партіи; что же считали они необходимымъ сдѣлать для крестьянъ? Коробинъ настаивалъ на опредѣленіи повинностей крестьянъ и ограниченіи власти помѣщика надъ ихъ имуществомъ. Съ этимъ соглашался и черносошный крестьянинъ Чупровъ, указывая на то, что и при отдачѣ мучающихся своихъ крестьянъ подъ опеку, нужно точное указаніе о повинностяхъ, которымъ могъ бы руководствоваться опекунъ. Пахотный солдатъ Жеребцовъ, чтобы уничтожить злоупотребленіе приказчиковъ, предлагалъ вовсе не назначать ихъ, а предоставить крестьянамъ съ общаго согласія выбирать старосту на годовой срокъ. Однодворецъ Масловъ считалъ весьма полезнымъ учредить для завѣдыванія крестьянами особую коллегію или контору, которая имѣла бы въ провинціяхъ свои правленія или канцеляріи. Онѣ должны были наблюдать за исполненіемъ рекрутской повинности, собирать подушныя подати, а также поборы

въ пользу помѣщика, которые онѣ и передавали бы по принадлежности; кромѣ административныхъ, на нихъ слѣдовало возложить и судебныя обязанности: разборъ жалобъ постороннихъ владѣльцевъ на крестьянъ и поземельныхъ споровъ, а также и жалобъ крѣпостныхъ на обиды отъ постороннихъ.

Козельскій предлагаетъ, установивъ опредѣленное число дней барщины, въ тоже время оцѣнить ихъ на деньги и предоставить соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ въ каждомъ имѣніи выборъ барщины или оброка. Такъ какъ мнѣніе его было навѣяно отношеніями, сложившимися въ Малороссіи, гдѣ крѣпостные, по его собственному свидѣтельству, обыкновенно работали 2 дня въ недѣлю, то онъ предлагалъ назначить въ пользу помѣщика два дня, а затѣмъ, два дня опредѣлить на заработываніе податей, два дня на собственную работу, а седьмой день на посѣщеніе церкви и отдыхъ ¹. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы вмѣсто барщины платить оброкъ, Козельскій предлагалъ оцѣнить рабочій день, какъ зимній, такъ и лѣтній пѣшаго работника или съ упряжкой, круглымъ числомъ по 10 коп., тогда въ недѣлю помѣщику достанется съ крестьянскаго двора по 20 коп., а въ годъ по 10 руб. Такъ какъ въ то время обыкновенно считалось во дворѣ по 4 души, то оброкъ, предложенный Козельскимъ, въ среднемъ выводѣ равнялся обычному въ то время и въ Великороссіи сбору (по 2—3 р. съ души). Отъ опредѣленія повинностей произойдутъ, по мнѣнію Козельскаго, слѣдующія выгоды: крестьяне, стараясь о собственномъ обогащеніи, будутъ прилежиѣ заниматься земледѣліемъ; сдѣлавшись зажиточнѣе, станутъ болѣе размножать свои семейства; перестанутъ просить милостыню и прекратятъ разныя злодѣяства, наконецъ, вернутся на родину многіе изъ мужиковъ, бѣжавшихъ въ Польшу, Волощину и Венгрію. Это будетъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ попытки вызова сербовъ и другихъ колонистовъ.

Точно опредѣлить крестьянскія повинности предлагали и другіе депутаты, Козельскій только подробнѣе развилъ эту мысль; но оригинальность его мнѣнія состоитъ въ томъ, что между тѣмъ, какъ Коробинъ не говоритъ ничего положительнаго о надѣленіи крестьянъ землею въ собственность, Козельскій категорически рѣшаетъ этотъ вопросъ, хотя и говоритъ при этомъ не о правѣ собственности, а о потомственномъ пользованіи. Вотъ его слова: «Что же касается до имѣній крестьянскихъ движимыхъ и недвижимыхъ, то оставить оными пользоваться крестьянамъ съ тѣмъ только, чтобъ они безъ дозволенія помѣщика не

¹ Впрочемъ, такое же распределеніе времени крѣпостныхъ, предлагалъ установить однопорецъ казанской пров. Кипенскій въ засѣданіи 2-го мая 1768 г.

властны были никому продать, ни заложить изъ недвижимыхъ имѣній, а владѣли бы сами потомственно, *безъ участія помѣщичькова*. Въ другомъ мѣстѣ онъ яснѣе выражаетъ мысль о необходимости отдѣлить крестьянскія земли отъ помѣщичьскихъ: «я бы разсуждалъ за полезное и во всѣхъ російскаго государства областяхъ раздѣлить и отмежевать землю всѣмъ подданнымъ, кои въ слободахъ за владѣльцами живутъ и *владѣютъ принадлежащими къ тѣмъ слободамъ землями вообще* для того, чтобы мужики, почитая тѣ земли за собственный свой удѣлъ, основательнѣе обзаводятся и постояннѣе жить могли». Мы видѣли, что тоже самое предлагалъ и Песошковъ. Замѣчательно также, какъ видно изъ словъ, напечатанныхъ курсивомъ, что Козельскій зналъ о существованіи общиннаго землевладѣнія и, повидимому, ничего не имѣлъ противъ его сохраненія при измѣненіи быта крестьянъ. Такимъ образомъ, по мысли Козельскаго, крестьяне должны были получить земли въ неотъемлемое владѣніе за умѣренныя повинности; нельзя не признать, что это было одно изъ самыхъ лучшихъ временныхъ рѣшеній вопроса, да и вообще оно было лучше такой реформы, какъ освобожденіе крестьянъ безъ земли, допущенное русскимъ правительствомъ полвѣка позднее въ Прибалтійскомъ краѣ.

Къ сожалѣнію, при всѣхъ достоинствахъ его мнѣнія, Козельскій раздѣляетъ мысль Коробина, что личная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ должна быть сохранена ¹, слѣдовательно, къ нему прилагаются замѣчанія, высказанныя весьма многими депутатами о томъ, какъ нелогично давать право на имущество и сохранять личную зависимость, хотя при предложенномъ имъ окончательномъ отдѣленіи крестьянскихъ земель отъ помѣщичьскихъ труднѣе какія-либо вымогательства.

Размѣръ крѣстьянскихъ повинностей, особливо барщины, предложенный Козельскимъ, нельзя не признать умѣреннымъ сравнительно съ тѣмъ, каковой обыкновенно существовала въ то время въ Великороссіи; что же касается Малороссіи, то онъ былъ только сколомъ съ дѣйствительности. Но относительно Южной Россіи Козельскій на этомъ не оставляется: онъ желаетъ ограничить свободу перехода тамошнихъ крестьянъ, а именно: взимать штрафъ съ помѣщиковъ, принимающихъ сходцевъ и дозволить переходъ не иначе, какъ съ отпускными письмами ²; но мы не

¹ «Крестьяне, говоритъ онъ:—подъ наблюденіемъ своихъ помѣщиковъ всегда будучи, останутся въ прежнемъ страхѣ и почитаніи ихъ, какъ они имъ и крѣпки».

² Необходимость письменнаго отпуска была установлена уже указомъ 10-го декабря 1763 года. «Полное собраніе законовъ», т. XVI, № 11987.

будемъ здѣсь говорить объ этой части его мнѣнія, такъ какъ для этого пришлось бы подробнѣе остановиться на отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ въ Малороссіи, чѣмъ мы это можемъ сдѣлать въ настоящемъ очеркѣ.

Чрезвычайно странно, что мнѣніе Козельскаго не вызвало никакихъ преній въ комиссіи уложенія, несмотря на то, что оно было прочитано еще 23-го мая, слѣдовательно, дней за 10 до прекращенія преній по 'крестьянскому вопросу; а между тѣмъ, въ немъ заключались требованія гораздо болѣе ясныя, чѣмъ мнѣнія Коробьина, и болѣе непріятныя для великороссійскихъ помѣщиковъ: вмѣсто неопредѣленнаго желанія ограничить повинности, мы находимъ у Козельскаго предложеніе назначить двухдневную барщину; тогда какъ Коробьинъ уклонялся отъ категорическаго рѣшенія вопроса о недвижимой собственности, Козельскій прямо требовалъ предоставленія крестьянамъ земли въ потомственное пользованіе. Странно также, что не нашлось голоса въ защиту Козельскаго, между тѣмъ, когда онъ въ засѣданіи 21-го сентября 1767 года, произнесъ рѣчь за сохраненіе правъ служиваго дворянства, она вызвала такое сочувствіе, что къ его мнѣнію присоединилось 22 депутата отъ однопорцевъ, различныхъ городовъ и т. п. Рѣчь Козельскаго по крестьянскому вопросу не могла, конечно, понравиться великороссійскимъ помѣщикамъ; но, повидимому, она должна была бы вызвать сочувствіе малороссійскаго шляхетства, такъ какъ онъ требовалъ ограниченія права свободнаго перехода крестьянъ; однакоже, не случилось и этого. Депутатъ отъ шляхетства переяславскаго полка, Забѣлла, замѣтилъ по поводу мнѣнія Козельскаго, что напрасно онъ предлагаетъ измѣнить положеніе крестьянъ въ Великороссіи, не зная тамошнихъ порядковъ (у Козельскаго не было тамъ мнѣнія). Я упомянулъ объ этомъ, сказалъ Забѣлла, только для того, чтобъ нѣкоторые депутаты изъ великороссійскихъ дворянъ не подумали, что и другіе, отринувъ всякую благопристойность, молчаніемъ своимъ выражаютъ согласіе съ мнѣніемъ, отнимающимъ у нихъ право распоряжаться тѣмъ имѣніемъ, которымъ они сами и ихъ предки издревле владѣли. Что же касается его предложеній относительно владѣльческихъ людей въ Малороссіи, то не слѣдуетъ обижать и слабѣйшихъ жителей. Императрица именнымъ указомъ подтвердила, чтобы малороссійскіе крестьяне остались въ прежнемъ положеніи, поэтому нѣчего Козельскому и предлагать измѣненіе ихъ быта. Малороссійское шляхетство испрашиваетъ у государыни подтвержденія своихъ правъ и привилегій, но въ то же время оно считаетъ долгомъ справедливости заботиться о сохраненіи выгодъ и простого народа

находящагося въ его владѣннн, будучи довольно состояніемъ и и платежами принадлежащихъ ему людей.

Покончивъ съ мнѣніями и проектами депутатовъ, желавшихъ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, мы посмотримъ, соглашались ли на казія-нибудь мѣры въ ихъ пользу представители консервативной партіи. Депутатъ Протасовъ, которого предшествующіе изслѣдователи по недоразумѣнію считали защитникомъ постепенной реформы ¹, какъ оказывается, вовсе ея не желалъ. Указавъ на непоследовательность въ мнѣніи Коробьина (дать крестьянину право собственности и въ тоже время оставить его личность въ зависимости отъ помѣщика), онъ затѣмъ продолжаетъ: «и такъ, по его мнѣнію, много не остается» (т. е. въ томъ случаѣ, если желаютъ, чтобы крестьянинъ пользовался дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ правомъ собственности), «какъ сдѣлать крестьянъ свободными, еслибы на то монаршее соизволеніе было, и ничего, кажется, нѣтъ природнѣе человѣку, какъ вольность; да и для чего бы нижнему роду оной какъ прочимъ не пользоваться, но я на то спрошу, не должно ли разобрать положеніе всякой земли, и не справедливо ли, что не все то можетъ въ одной быть полезно, что въ другой. *Итакъ, по моему, бесполезно Россіи, чтобы все члены ея были вольны, ибо въ однихъ ограниченнѣхъ правленіяхъ нижнему роду вольность сколько-нибудь прилична, да и въ самыхъ тѣхъ государствахъ вольность во бѣльшей части вредна бываетъ*». Изъ приведеннаго ясно, что Протасовъ вовсе не желаетъ реформы, хотя бы произведенной «исподволь». Онъ согласенъ только, чтобы владѣльцы отпускали на волю своихъ людей и чтобы этихъ вольноотпущенныхъ уже никому не закрѣпощали. Только такимъ путемъ согласенъ онъ предоставить свободу нѣкоторымъ членамъ низшаго сословія, а это вовсе не даетъ еще права причислять его къ аболіціонистамъ.

Большинство депутатовъ консервативной партіи соглашалось лишь на одну (уже существовавшую) мѣру въ пользу крѣпостныхъ: отдавать подъ опеку имѣнія владѣльцевъ, мучающихъ и разоряющихъ своихъ крестьянъ. Только Кондыревъ замѣтилъ, что такихъ разорителей рода человѣческаго слѣдуетъ, подвергнувъ наказанію, вашему уважать государь по законамъ, исключать изъ дворянскаго общества; да Чаадаевъ соглашался, чтобы составлены были особыя правила, на основаніи которыхъ помѣщика можно было подвергать наказанію за злоупотребленіе властію. Кромѣ того, депутаты Глазовъ и Лонукинъ предлагали предоставить со-

¹ См. слова Д. В. Полянова въ «Сбор. Ист. Общ.», т. IV, стр. XVII.

бирание свидѣній о положеніи крѣпостныхъ и вообще обсужденіе крестьянскаго вопроса одной изъ частныхъ комиссій. Такимъ крѣпостническимъ настроеніемъ депутатовъ отъ дворянъ императрица, по свидѣтельству С. М. Соловьева, была весьма недовольна ¹.

Итакъ, большинство дворянскихъ депутатовъ было противъ всякой реформы въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Но г. Сергѣевичъ справедливо замѣтилъ ², что это еще вовсе не доказываетъ, чтобы въ случаѣ голосованія этого вопроса, большинство комиссіи высказалось противъ всякаго улучшенія быта крѣпостнаго населенія. Представители дворянскаго сословія составляли менѣе одной трети всего числа депутатовъ (въ іюлѣ 1768 г., изъ 531 чел. ихъ было 160); другія же сословія скорѣе высказались бы за крестьянъ, чѣмъ противъ нихъ. Правда, среди всѣхъ ихъ нашлись депутаты, требовавшіе распространенія права владѣть крѣпостными и на людей неблагороднаго происхожденія, но такое требованіе они предъявляли потому, что это право составляло привилегію дворянства; такъ, напримѣръ, купцы жаловались комиссіи, что они не могутъ конкурировать съ дворянами вслѣдствіе того, что тѣ располагаютъ для своихъ фабрикъ и заводовъ даровымъ барщиннымъ трудомъ. Весьма вѣроятно, что большинство депутатовъ не дворянъ поддержало бы проектъ, до нѣкоторой степени ограничивавшій привилегіи высшаго сословія, которыми оно такъ кичилось. Впрочемъ, какъ мы видѣли, почти всѣ ораторы изъ дворянъ соглашались на одно ограниченіе помѣщицкѣй власти: запрещеніе торгова людьми въ розницу.

В. Семеvскій.

¹ «Если крѣпостнаго нельзя признавать персоною, слѣдовательно, онъ не человекъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и челоуѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. *Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотинны и скотинною дѣлано.* «Ист. Россіи» XXVII, 329. Мы, впрочемъ, не знаемъ, на какомъ основаніи Соловьевъ относитъ эти слова Екатерины къ дѣятельности комиссій, такъ какъ они не подходятъ вполнѣ ни къ одной изъ депутатскихъ рѣчей.

² «Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссіи». «Вѣстникъ Европы», 1878 г., № 1, стр. 258—259.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

(Посвящается кабатчикамъ, мѣняламъ, подрядчикамъ, железнодорожникамъ и прочимъ міровѣдскимъ дѣлъ мастерамъ).

Я, отставной корнетъ Прогорѣловъ, нѣкогда крѣпостныхъ дѣлъ мастеръ, въ послѣдствіи оголтѣлый землевладѣлецъ, а нынѣ пропащій человѣкъ—я обращаю къ вамъ рѣчь мою!

Вся цивилизованная природа свидѣтельствуеть о скоромъ пришествіи вашемъ. Улица ликуеть, дома терпимости прихорашиваютъ, половые и гарсоны въ трактирахъ и ресторанахъ, въ ожиданіи, млѣють, даже стерляди въ трактирныхъ бассейнахъ—и тѣ рѣзвѣе играютъ въ водѣ, словно говорятъ: слава Богу! кажется, скоро начнутъ ѣсть и насъ! По всей веселой Руси, отъ Мѣщанскихъ до Кунавина включительно, раздается одинъ кличъ: идетъ чумазый! Идетъ, и на вопросъ: что есть истина? твердо и неукоснительно отвѣтитъ: распивочно и на выность!

Присутствуя при этихъ шумныхъ предвкушеніяхъ будущаго распивочнаго торжества, пропащіе люди жмутся и ждуть... Они понимаютъ, что «чумазый» придетъ совсѣмъ не для того, чтобы «новое слово» сказать, а для того единственно, чтобы показать гдѣ раки зимуютъ. Они знаютъ также, что именно на нихъ-то онъ прежде всего и обрушится, дабы въ послѣдствіи уже безъ помѣхи производить опыты упрощеннаго кровопивства, но неотразимость факта до того ясна, что имъ даже на мысль не приходитъ обороняться отъ него. Придетъ «чумазый», придетъ съ ногъ до головы наглый, съ цѣпкими руками, съ несытой утробой—придетъ и слопаеть! Только и всего.

И не одна бессознательная, кунавинская природа привѣтствуетъ ваше пришествіе; нѣтъ, слухи объ васъ проникли даже въ ту среду, которая уже привыкла формулировать свои предвидѣнія и чаянія. И эта среда, вмѣстѣ съ Кунавинимъ, спѣшитъ всѣмъ возвѣститъ ваше пришествіе, какъ вѣрнѣйшій залогъ грядущаго обновленія.

Прежде всего, васъ привѣтствуютъ наши «охранители». Пропащіе люди, которыхъ они когда-то изъ всѣхъ силъ старались пристроить, нынѣ до смерти надоѣли имъ. Сантиментальничаютъ, ропщутъ, не то просятъ прощенья, не то грубятъ. Что-то невнятное происходитъ; не поймешь, гдѣ тутъ слава и гдѣ стыдъ. И въ довершеніе всего, до того обнажились, что даже на табакъ подчаску не изъ чего дать. И это люди, которые когда-то не только сами называли себя столпами, но даже и были оними. Какимъ чудомъ случилось, что, обнажаясь все больше и больше, они постепенно выродились въ пропащихъ людей?

Исторія этого превращенія для охранителей представляетъ какую-то неисповѣдимую загадку. Но еще болѣе загадочнымъ кажется то, что, несмотря ни на какія умертвія, пропащій человѣкъ все-таки еще живъ состоитъ. Жизнь съ пассивнымъ упорствомъ держится въ этомъ распатанномъ организмѣ, держится на ряду съ явнымъ оголтѣніемъ... И, кто знаетъ? можетъ быть, именно благодаря этому упорству, была одна минута, когда, казалось, что вотъ-вотъ все русское общество вступитъ на стезю абсолютнаго и безповоротнаго безтолбія... Да, было и такое время, было! все въ русской жизни было! Такое было время, когда все смѣшалось, когда самыя несомнѣнные столпы, казалось, потонули въ сіяющей безднѣ, чтобы не вынырнуть изъ нея никогда! Хорошо, что Богъ пронесъ мимо эту дурную фантазмагорію, но охранители и до нынѣ не могутъ забыть о краткомъ періодѣ этого «чуть-чуть не безтолбія», и разумѣется, вспоминаютъ объ немъ не только съ тоскою, но и съ омерзѣніемъ... Было такое время... га!

Да, слово «столпъ» не пустой звукъ, но одна изъ тѣхъ живыхъ и несомнѣнныхъ конкретностей, временное исчезновеніе которыхъ производятъ замѣтную пустоту въ кодексѣ благоустройства и благочинія. Столпы—это выдающіеся пунеты, около которыхъ ютится мелкота, иногда ропщущая, но въ большинствѣ случаевъ безнадежно изнемогающая. Столпы даютъ тонъ этой мелкотѣ, держать ее въ изумленіи, не допускаютъ обрости. Однимъ своимъ присутствіемъ, они съ большимъ успѣхомъ устраняютъ вредныя мечтанія, нежели самыя дѣятельныя разслѣдованія корней и нитей. Разслѣдованіе налетитъ и исчезнетъ; столпы же всегда тутъ, безотлучно... вплоть до изгоя. Мелкота съ суевѣрнымъ страхомъ взираетъ на ихъ незыблемость и инстинктивно понимаетъ, что совмѣстное существованіе незыблемости и мечтаній—дѣло не только немислимое, но и прямо противоестественное. Едва рожденныя, вредныя мечтанія тутъ же немедленно и умираютъ. Или лучше сказать, они даже не рож-

даются, а только отъ времени до времени заносятся, въ видѣ эффектнаго слуха, со стороны, не поселяя въ столпахъ ни малѣйшей тревоги своимъ эфемернымъ появленіемъ...

Вотъ почему, столпы считаются существеннѣйшимъ подспорьемъ, и вотъ почему, когда наступаетъ моментъ изгоя, благоразумные охранители заранѣе подстерегаютъ этотъ моментъ и дѣлаютъ нужныя приспособленія, дабы старые, подгнившіе столпы были немедленно замѣнены новыми...

Нынѣ, къ безмѣрной радости охранителей, пробѣлъ, причиненный кратковременнымъ безстолбіемъ, пополненъ. «Чумазый человекъ» въ виду у всѣхъ; человекъ свѣжій, непреклонный и расторопный, который, навѣрное, освободитъ охранителей отъ половины гнетущей ихъ обузы. Нѣтъ нужды, что онъ еще недостаточно поскоблится, что онъ не тронуть наукой и равнодушенъ къ памятникамъ искусства, что на знамени его только одна надпись читается явственно: распивочно и на выносъ... Охранитель видитъ въ этомъ не препятствіе, но залогъ. Чѣмъ меньше бродитъ въ обществѣ превысренностей, тѣмъ прочнѣе оно стоитъ—это истина, которая нынѣ бьетъ въ глаза даже будочникамъ. Что такое «общество»?—это фикція и больше ничего. Объ этой фикціи отъ времени до времени упоминается, потому что совсѣмъ забыть объ ней какъ-то совѣстно, но въ сущности... Ахъ, тѣмъ-то вѣдь и дорогъ «чумазый человекъ», что, имѣя его подъ рукой, обо всѣхъ вообще фикціяхъ навсегда можно забыть, и нисколько не будетъ совѣстно. Ему ни «общество», ни «отечество», ни «правда», ни «свобода»—ничто ему доподлинно неизвѣстно! Ему извѣстенъ только грошъ—чу, и пускай онъ надѣлаетъ изъ него патаковъ!

Слѣдомъ за охранителями, привѣтствуютъ чумазаго человека и публицисты. Никогда не было потрачено столько усилій на разъясненіе принциповъ собственности, семейственности и государственности, никогда съ такою настойчивостью, съ такими угрозами не было говорено о необходимости огражденія этихъ принциповъ. Знаете ли, ради чего поднялась эта суматоха? ради чего такъ усиленно понадобилось ограждать огражденное и разъяснять разъясненное?—все ради васъ, кабатчики и мѣнялы! все ради того, чтобы для васъ соотвѣтствующую обстановку усроить и ваше пришествіе приличнымъ образомъ объяснить.

Въ старое время, и въ обществѣ, и въ литературѣ было на счетъ этого болѣе, нежели просто. Люди наиболѣе заинтересованные, столь же мало думали о вопросахъ собственности, семейственности и государственности, какъ мало думаетъ человекъ, которому приходится періодически совершать одинъ и

тотъ же путь, о домахъ и заборахъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ этого пути. Зачѣмъ мнѣ, крѣпостныхъ дѣлъ мастеру, было напоминать о существованіи какихъ-то «принциповъ» собственности, семейственности и государственности, когда я самъ былъ ходячимъ гимномъ этимъ принципамъ? Зачѣмъ мнѣ было подстрекать самого себя на достиженіе какихъ-то усложненій, когда стоило только протянуть руку, чтобъ безъ всякаго достиженія получить желаемое? Всѣ эти «принципы» — я не имѣлъ надобности ни расчленять, ни смаковать, ни ограждать ихъ, потому что они представляли собой стихію, до такой степени мнѣ родную, что я только весело плавалъ въ ней, какъ рыба въ водѣ. Мнѣ и на мысль не приходило, что я могу захлебнуться или потонуть въ ней (знаю, что подъ конецъ я захлебнулся-таки, но вѣдь за то и наплавался же!). Ни чѣмъ она не угрожала мнѣ, а только ласкала и нѣжила.

И вдругъ, все измѣнилось. По волѣ судьбы, наступилъ періодъ безтолбія и всѣхъ напугалъ. Начали рыться, доискиваться причинъ и, наконецъ, пришли къ такому заключенію, что даже и въ родной стихіи нельзя безсрочно плавать, не понимая, что дѣлаешь. Умозаключеніе это прямо противорѣчило исторической практикѣ, побѣдоносно доказавшей, что столпы именно до тѣхъ только поръ и стоять крѣпко, пока крѣпко стоитъ безсознательность, но такъ какъ безтолбіе одолѣвало, то приходилось довольствоваться хоть какимъ-нибудь выходомъ, чтобы такъ или иначе освободиться отъ ненавистнаго явленія. Понадобилось уяснить составныя части стихіи, указать наилучшіе способы управленія ею. Вотъ эту-то задачу и приняла на себя публицистика. Она объяснила, что жизнь совсѣмъ не такъ проста, какъ это казалось намъ, крѣпостныхъ дѣлъ мастерамъ, что напротивъ того, она представляетъ сплошную цѣпь большихъ и малыхъ «принциповъ», которые постоянно и ревниво надлежитъ держать передъ глазами, дабы благополучно провести свою ладью къ желанной пристани.

Но коль скоро однажды объявилась необходимость «принциповъ», то, само собой разумѣется, потребовались и знаменосцы для нихъ. Мы, крѣпостныхъ дѣлъ мастера, не могли быть таковыми, во-первыхъ, потому что людей, однажды уже ославленных въ качествѣ выслужившихъ срокъ, было бы странно вновь привлекать къ дѣятельному столпослуженію, а, во-вторыхъ, и потому, что, какъ я уже сказалъ выше, надъ всей нашей крѣпостной жизнью тяготѣлъ только одинъ рѣшительный принципъ: какъ только допущены будутъ разъясненія, расчлененія и разслѣдованія, такъ тотчасъ же всѣ мы пропали! Требовались люди

болѣе подходящія, такіе, которые зубами вцѣпились бы въ врученныя имъ знамена и всечасно памятовали, что площадь въ дѣлѣ держанія знаменъ—отнюдь не допускается. Такими людьми оказались—вы, кабатчики, желѣзнодорожники, мѣнялы и прочіе міроѣдскихъ дѣлъ мастера. Публицисты отлично угадали, что цѣпче васъ въ настоящее время людей не найти, и въ восторгѣ отъ этой находки, воскликнули: долой безстолбіе! вотъ они, новоавлеленные наши столпы!

И точно: безстолбіе какъ-то вдругъ кануло, и ежели объ немъ изрѣдка вспоминають и теперь, то для того лишь, чтобы съ нылающими отъ стыда щеками воскликнуть: ужели когда-нибудь былъ этотъ позоръ? Отнынѣ, на васъ, кабатчики и мѣнялы, покоятся всѣ упованія. Вы совершите то, что не сужѣли свершить даже мы, ваши достославные предшественники: вы съ неумолимою логикою проведете принципъ умиротворенія посредствомъ обездоленія. Мы, крѣпостныхъ дѣлъ мастера, какъ-то задумывались передъ громадностью этой задачи. Не скажу, чтобы насъ останавливали на этомъ пути какія-нибудь соображенія высшаго порядка, но мы все-таки понимали, что если начать обездоливать вплотную, то изъ этого, чего добраго, въ концѣ концовъ, произойдетъ обездоленіе нашей собственной утробы. Вы и въ этомъ отношеніи поставлены гораздо выгоднѣе, нежели мы. Арена вашего обездоленія такъ безконечна и такъ загадочна, что даже при самой неисповѣдимой наглости всегда будетъ казаться, что еще не все вычерпано, что затерялся еще гдѣ-то уголокъ, въ которомъ процессъ обездоленія не совершилъ всего своего круга.

Въ виду столь несомнѣиныхъ свидѣтельствъ, и я, Прогорѣловъ, не имѣю возможности сомнѣваться: да, вы градете—это не тайна и для меня. Но, признаюсь откровенно, увѣренность эта не наполняетъ моего сердца сладкой надеждой, но, напротивъ, заставляетъ меня съ нѣкоторымъ трепетомъ приподнимать завѣсу будущаго и отыскивать тамъ совсѣмъ не тѣ ликующіе тоны, которые обѣщаютъ наши охранители и наши публицисты.

Не думайте, однакожъ, кабатчики и мѣнялы, что я стараю къ вамъ завистью, и что именно это дурное чувство препятствуетъ мнѣ привѣтствовать васъ. Нѣтъ, тутъ совсѣмъ не то. Вотъ ужъ двадцать лѣтъ сряду, какъ я состою въ званіи пропащаго чловѣка, и мнѣ кажется, что этого періода времени вполне достаточно, чтобы пролить бальзамъ забвешія на какіе угодно сердечныя ропоты. На первыхъ парахъ, я дѣйствительно волновался и представлялъ изъ себя не то невинно падшаго, который успѣлъ таки припрятать въ укромномъ мѣстѣ кой какія уцѣлѣвшія крохи,

не то человекъ, приведеннаго въ восторженное состояніе отъ непрерывной молотбы по головѣ. Подъ вліяніемъ свѣже нанесенной обиды, я или ехидствовалъ, или извергалъ цѣлые потоки ропотовъ, причемъ такъ безтолково кричалъ, что не только не вникалъ въ смыслъ собственныхъ рѣчей, но въ большинствѣ случаевъ, за гвалтомъ не умѣлъ даже хорошенько разслышать ихъ. Но вдругъ промелькнула свѣтлая минута. Я вслушался, вникъ и... покраснѣлъ. Я понялъ, что мой ропоть былъ тѣмъ-то желѣннымъ по существу и безконечно неуклюжимъ по формѣ; что, по существу, я обнаруживалъ только голую алчность, а по формѣ — только беззавѣтнѣйшую невѣжественность. Съ тѣхъ поръ, я смирился и замолчалъ. Изрѣдка, правда, и теперь кое-что сболтну въ одномъ изъ тѣхъ тихихъ пріютовъ, которые извѣстны подъ именемъ земскихъ учреждений, но сболтну неувѣренно и какъ-то невятно, съ пропусками. Точь въ точь какъ органикъ, котораго валъ, отъ времени и жестокаго обращенія, утратилъ три четверти своихъ колышекъ.

И знаете ли что еще? Съ тѣхъ поръ, какъ я покраснѣлъ и созналъ, что титулъ пропадащаго человекъ прикрѣпленъ за мной безповоротно — я полюбилъ это скромное званіе. Иногда мнѣ даже сдается, что оно близко граничитъ съ званіемъ человекъ вообще, что въ этомъ качествѣ, ему предстоитъ хорошая и прочная будущность, и что ежели, для увѣковѣченія родовъ пропадающихъ людей, не будетъ заведено бархатныхъ и иныхъ книгъ, то не потому, чтобы люди сіи не были того достойны, а потому что разъ испытавъ тщету увѣковѣченій, они и сами едва ли пожелаютъ ихъ возобновленія. Повторяю; я до того примирился съ мыслию, что я пропащій человекъ, что воспоминанія минувшей славы уже не пробуждаютъ во мнѣ ни безплодной горечи, ни несбыточныхъ надеждъ. Я знаю, что исторія назадъ не возвращается, что даже гнусное не повторяется въ ней въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, но или развивается въ формы гнуснѣйшія, или навсегда прекращается, и что, стало быть, Прогорѣловымъ, какъ бы они ни вопіали — повториться въ прежнихъ формахъ (а новыхъ они сами не выдержатъ) не суждено. Одно меня заботитъ въ моемъ новомъ положеніи: съ умѣю ли я на столько совладать съ собою и съ своимъ прошлымъ, чтобы сдѣлаться во истину порядочнымъ пропадающимъ человекомъ, то есть человекъ-комъ долга, добра, чести и труда?

Итакъ, не по чувству зависти я воздерживаюсь отъ поздравленія васъ съ пріѣздомъ, а просто потому, что меня беретъ оторопь. И не за себя я боюсь — чего ужъ! изъ меня все, даже страхъ вынули! — но за отечество.

Какъ ни безшабашно прошла моя жизнь, однако, помаялся таки я на своемъ вѣку, а тѣмъ временемъ кое-что и попристало ко мнѣ. Я, Прогорѣловъ, граматонъ — вотъ въ чемъ суть. Преимущество ли это мое, или злосчастіе — всяко можно судить. Это преимущество, потому что грамота помогла мнѣ непостыдно и безболѣзненно (по крайней мѣрѣ, относительно) перекочевать изъ категоріи столповъ въ категорію пропащихъ людей; это злосчастіе — потому что грамота же помѣшала мнѣ всецѣло отдаться восторгамъ возрожденія и этимъ самымъ уподобила мое существованіе ладѣ, плавающей по волнамъ житейскаго моря безъ кормила и весла.

Правда, что моя грамота, нельзя сказать, чтобы черезчуръ ужъ сложная, но важно ужъ и то, что она потревожила мой почивавшій внутренній міръ и въ тоже время внушила мнѣ вкусъ къ нѣкоторымъ великимъ наблюденіямъ и оцѣнкамъ.

Благодаря этимъ наблюденіямъ, я знаю, напримѣръ, что независимо отъ клейменныхъ русскихъ словарей, въ нашей жизни выработался свой собственный подопличный словарь, имѣющій очень мало сходства съ клейменными. И представь себѣ, Разуваевъ, что когда рѣчь идетъ о выраженіяхъ еще не утвердившихся, новоявленныхъ, каковы напримѣръ: интеллигенція, культура, дирижирующіе классы и проч., то я положительно предпочитаю послѣдній первымъ. Я инстинктивно чувствую, что клейменные словари фаталистически обречены на повтореніе задовъ. Ихъ міросозерцаніе — мое міросозерцаніе; условности, которыя связываютъ ихъ, суть тѣ же, которыя связываютъ и меня, словомъ сказать, словари эти несомнѣнно сочинены самимъ мной, еще въ ту эпоху, когда я какъ сыръ въ маслѣ катался. Такъ что еслибъ я руководствовался только ими, то положительно все сомнительное и неясное такъ навсегда и осталось бы для меня сомнительнымъ и неяснымъ. Но, по счастью, рядомъ съ клейменными словарями, существуетъ толковый интимно-обывательскій словарь, который провидитъ и отлично объясняетъ смыслъ даже такихъ выраженій, передъ которыми клейменный словарь стоитъ, уставясь лбомъ въ стѣну. Вотъ къ этому-то неизданному, но превосходящему словарю я всегда и обращаюсь, когда мнѣ нужно вложить персты въ язы.

Возьмемъ, хоть бы данный случай. Вездѣ кругомъ говорятъ: грядутъ кабатчики, мѣнялы, желѣзнодорожники и прочіе міроѣдскихъ дѣлъ мастера. Желая объяснить себѣ это явленіе, я прежде всего обращаюсь къ обывательскимъ наблюдательнымъ реэстрамъ, и вижу, что вы значитесь въ нихъ тако:

Разуваевъ, Анатолий. бывший халуй (понимаю): Занимается кабаками, а нынѣ, сверхъ того, и *интеллигенціей* (не понимаю).

Губошлеповъ, Иона, бывший цѣловальникъ (понимаю). Занимается поставкой для армій и флотовъ гнилыхъ сухарей, (еще бы не понимать!), а нынѣ, сверхъ того, *дирижирующий классъ* (не понимаю).

И т. д., и т. д.

Очень возможно, что для публицистовъ, подчасковъ и прочихъ экспертовъ науки подчеркнутыя мною опредѣленія вполне ясны, но для меня, человѣка, только потревоженного наукой—нѣтъ. Поэтому, я, по старой привычкѣ, беру сначала клеименный словарь и спѣшу справиться въ немъ: что сей сонъ значить? Но увы! никакихъ утѣшеній въ немъ не обрѣтаю, кромѣ того, что интеллигенція есть интеллигенція, а правящій классъ есть тотъ, который править. Тогда я припоминаю, что у насъ есть еще неизданный интимно-обывательскій толковный словарь, мысленно развертываю его и читаю слѣдующее:

Интеллигенція, или кровопивство...

Правящій классъ, или шайка людей, втихомолку отъ начальства объегоривающая...

Дальше я уже не читаю: съ меня довольно. Искомая язва глядитъ мнѣ прямо въ глаза, зіяющая, обжаренная, вполне достовѣрная. Нѣтъ нужды, что прочитанныя опредѣленія противорѣчатъ бессознательной номенклатурѣ, усвоенной мною съ пеленокъ: то, что открылось передо мной, такъ прозрачно-ясно, что я забываю всё пеленки, заподозрѣваю всё клеименные словари и вѣрю только ему одному, нашему единственно правдивому и единственно прозорливому подоплечному толковому русскому словарю!

И зѣтѣмъ, цѣлый рядъ мыслей самого внезапнаго свойства: такъ и роится въ моей головѣ.

Горе, думается мнѣ, тому граду, въ которомъ и улица, и кабаки безнужно скулятъ о томъ, что собственность священна! навѣрное, въ градѣ семъ имѣеть произойти неслыханнѣйшее воровство!

Горе той веси, въ которой публицисты безнужно и настоятельно вопіють, что семейство — святыня! навѣрное, надъ этой весью недолгѣ разразится колоссальнѣйшее прелюбодѣйство!

Горе той странѣ, въ которой шайка шалопаетъ во всё трубы трубить: государство, mon cher! — c'est sacré! Навѣрное, въ этой странѣ государство въ самомъ скоромъ времени превратится въ роскошій пирогъ!

А работа воображенія нетолько не отстаётъ отъ работы мысли,

но, по обыкновенію, даже опережаетъ ее. Картины слѣдуютъ за картинами... ужасы! Представьте себѣ эту неусыпающую свару, въ которой отнятіе перемѣшано съ прелюбодѣніемъ и терзаніемъ пирога! Осуществите ее въ цѣлой массѣ лицъ, искаженныхъ жаждой любостязанія и любострастія, заставьте этихъ людей метаться, рвать другъ друга зубами, срамословить, свальничать, убивать, и, въ довершеніе всего, киньте куда нибудь въ уголь или на хоры горсть шутовъ-публицистовъ, умиленно поющихъ гимны собственности, семейственности и государственности! Ужели возможна картина болѣе потрясающая? Бѣжать отъ нихъ! бѣжать! бѣжать! — вотъ единственная мысль, которая угнетаетъ мозгъ при видѣ этихъ озлобленныхъ, бѣсноватыхъ существъ. Но куда бѣжать?

Вотъ чего я, Прогорѣловъ, боюсь и чего — увы! — я не могу не провидѣть въ ближайшемъ будущемъ. Воистину говорю: никогда ничего подобнаго не бывало. Ужасно было крѣпостное мучительство, но оно имѣло опредѣленный районъ (каждый мучительствовалъ въ предѣлахъ своего гнѣзда) и потому было доступно для наблюденія. Ваше же мучительство, о, мірѣды и кровопійственныя дѣла мастера! есть мучительство вселенское, не уличимое, не знающее ни границъ, ни даже ясныхъ опредѣленій. Ужели это прогрессъ, а не наглое вырожденіе гнусности меньшей въ гнусность сугубую?

Интеллигенція! дирижирующіе классы! И при семъ въ скобкахъ: «сюжетъ заимствованъ съ французскаго!» Слыханное ли это дѣло! И какъ отвѣтъ на эти запросы — «Разуваевъ, бывший халуй!» Разуваевъ, заспанный и пахучій, буйный, безшабашный, безвременно оплывшій, съ отяжелѣвшею отъ виннаго угара головой и съ хмѣльной улыбкою на устахъ! Подумайте! да онъ въ ту самую минуту, какъ вы, публицисты, призываете его: иди и володѣй нами!—даже въ эту торжественную минуту онъ пукаетъ въ раскосъ глаза, высматривая, не лежитъ ли гдѣ плохо?

Знаетъ ли онъ, что такое отечество? слышалъ ли онъ когда-нибудь это слово? Ахъ, это отечество! По настоящему-то, вѣдь это нестерпимѣйшая сердечная боль, неперестающая, гложущая, гнетущая, въ конецъ изводящая человѣка—вотъ какое значеніе имѣетъ это слово! А Разуваевъ думаетъ, что это падалъ, брошенная на расклеваніе ему и прочимъ кровопійственнымъ дѣламъ мастерамъ!

Но да свершится. Исторія имѣетъ свои повороты, которыхъ невозможно измѣнить, а тѣмъ менѣе устранить. Это, конечно,

не слѣпой фатализмъ, передъ которымъ не остается ничего другого, какъ преклониться, и не произволь, которому люди подчиняются, потому что за нимъ стоитъ цѣлый легіонъ темныхъ силъ; но все-таки это законъ, и именно законъ послѣдовательнаго развитія однихъ явленій изъ другихъ. Явленія приходятъ на арену исторіи, какъ бы крадучись и почти не обнаруживая своей внутренней подготовки—вотъ почему они въ большинствѣ случаевъ кажутся намъ внезапными или произвольными. Но подготовка эта несомнѣнно существовала, только мы, ошеломленные исконной репутаціей несмѣняемости, которою пользовались явленія предшествующія, проглядѣли ее. Такъ что когда новыя вещи, новыя порядки и новыя дѣла являются во всеоружіи совершившагося факта, то мы видимъ себя безсильными не только для борьбы съ ними, но и для смягченія бесполезныхъ наглостей поддравшагося торжества.

Увы! міроѣдскій періодъ, очевидно, еще не исчерпалъ всего своего содержанія. Ему еще предстоитъ сказать рѣшительное слово, и чѣмъ ближе къ концу будетъ приходиться его рѣчь, тѣмъ жестче и неумолимѣе выскажется это послѣднее слово. Жизнь выработала извѣстную сумму приманокъ, имѣющихъ несомнѣнно кровопійственный характеръ, и покуда эти приманки носятъ названіе утѣхъ, къ нимъ все-таки не перестанутъ устремляться завистливые взоры тѣхъ, кто не боится рисковать или кто суевѣрно надѣется на свою счастливую звѣзду. Покуда мудрость текущей минуты будетъ учить, что, въ виду устранения жизненныхъ огорченій, человѣческое естество необходимо упразднить, а на мѣсто его водворить и утвердить естество волчье, до тѣхъ поръ всякій, могущій вмѣстить, будетъ прямо или косвенно черпать изъ кладеза этой мудрости. Принципъ утѣхъ—великій принципъ, которому суждено вѣчно плѣнять человѣческія сердца, и ежели тутъ есть бѣда, то не въ томъ, что люди желаютъ наслаждаться утѣхами, а въ томъ, что, по обстоятельствамъ, эти утѣхи нерѣдко получаютъ характеръ звѣриный и человѣконенавистнической. Вотъ когда жизнь выработаетъ новаго сорта утѣхи, тогда самъ собою изнедетъ и міроѣдскій періодъ. А покуда, повторяю, придется еще много услышать жестокихъ и безчеловѣчныхъ словъ и долго оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ всякаго рода безстыжествъ и неключимостей.

Какъ бы то ни было, но я взялся за перо совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобы протестовать. Я только намѣренъ высказать нѣсколько благожелательныхъ соображеній, которыя, по мнѣнію моему, вамъ, новоявленнымъ столпамъ, въ видахъ собственной пользы, не лишнее было бы принять къ свѣдѣнію.

Я самъ, пропацій человѣкъ Прогорѣловъ, былъ въ свое время столпомъ и самъ безчисленно прегрѣшалъ. Я былъ и отнимателемъ, и прелюбодѣемъ, и измѣнникомъ казеннаго интереса, и нѣсколько не полагалъ въ томъ грѣха, но и волюнѣ искренно былъ убѣжденъ, что именно на этихъ трехъ китахъ мѣръ стоитъ. Только теперь, когда меня безповоротно произвели въ чинъ пропавшаго человѣка, я понялъ, что никакихъ тутъ китовъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, то, что мнѣ предстоитъ сказать по этому поводу, будетъ плодомъ моего собственнаго опыта и моей собственной долгодѣтельной мироуздской практикѣ. Стало быть, вѣрно.

Начнемъ съ отечества. Отвѣтъ, Разуваевъ! знаешь ли ты, что такое отечество?

Сдѣлавши этотъ вопросъ, я, натурально, стараюсь уловить, какое онъ произвелъ на тебя впечатлѣніе. И долженъ сказать, что впечатлѣніе это, на мой взглядъ, не весьма удовлетворительное. Прежде всего, ты изумленъ и таращишь глаза, словно спрашиваешь: и зачѣмъ ему это слово понадобилось? Нельзя даже поручиться, что ты не думаешь, что это слово бунтовское, заключающее въ себѣ «филантропію»... Потомъ, однакожь, ты начинаешь шутки шутить, зубы заговаривать: кто же, молъ, такого пустяка (ты употребляешь не это слово, а другое, но я изъ учтивости объ немъ умалчиваю) не знаетъ! Но, наконецъ, прижатый къ стѣнѣ, ты какъ-то загадочно киваешь въ ту сторону, гдѣ имѣетъ квартиру становой приставъ Граціановъ.

Твой кивокъ въ сторону Граціанова убѣждаетъ меня, что ты смѣшиваешь отечество съ начальствомъ, или, по малой мѣрѣ, ставишь представленіе о первомъ въ зависимость отъ представленія о послѣднемъ. Исполнять приказанія начальства — вотъ по твоему, что значить быть истиннымъ сыномъ отечества. Ясно, что ты ровно ничего не понимаешь.

Тогда я за тѣми же разъясненіями обращаюсь къ твоему публицисту (онъ тебя провидѣлъ, облюбовалъ, онъ же, стало быть, обязывается и отвѣчать за тебя), въ чаюніи, что этотъ шустрый малый сдумаетъ яснѣе формулировать то, что ты, въ столповой своей необрѣзанности, только бормочешь. Но увы! и отъ него ничего, кромѣ бормотанія, въ отвѣтъ не слышу. Онъ легкомысленно перебѣгаетъ отъ одного признака къ другому; онъ упоминаетъ и о географическихъ границахъ, и о расовыхъ отличіяхъ, и о равной для всѣхъ обязательности законовъ, и о присягѣ, и объ окраинахъ, и о необходимости обязательнаго употребленія въ присутственныхъ мѣстахъ русскаго языка, и о господствующей религіи, и объ арміи и флотахъ, и, въ концѣ-концовъ, все-таки сводитъ вопросъ къ Граціанову. Словомъ сказать, онъ тоже

смѣшиваетъ отечество съ государствомъ и правительствомъ, подчиняя представленіе о первомъ представленію о двухъ послѣднихъ.

Смѣю тебя увѣрить, однакожь, что представленія эти совершенно различныя и что смѣшеніе ихъ можетъ привести къ такимъ запутанностямъ, которыя на практикѣ бывають равносильны бѣдствіямъ. Слыхалъ ли ты, напримѣръ, о французскомъ генералѣ Базенѣ, который, смѣшавъ отечество съ начальствомъ, первое предалъ, а отъ послѣдняго, за выбитіемъ онаго за-границу, награды не получилъ?

Итакъ, въ чемъ же тутъ различіе?

Прежде всего, отечество — привлекаетъ; государство — обязываетъ: начальство — приказываетъ. Все это функціи, конечно, очень почтенныя, но и за всѣмъ тѣмъ совершенно различныя. Дальше. Представленію объ отечествѣ соотвѣтствуетъ представленіе о нравахъ и обычаяхъ, объ играхъ, пѣсняхъ и пляскахъ, о примѣтахъ и суевѣріяхъ, о пословицахъ, поговоркахъ, притчахъ и сказкахъ и, наконецъ, о томъ неклеяномъ, но несомнѣнно ходячемъ словарѣ, о которомъ я упоминалъ уже выше. Представленію о государствѣ соотвѣтствуетъ представленіе о законахъ, о комиссіяхъ, издающихъ сто одинъ томъ трудовъ, о географическихъ границахъ, объ арміяхъ и флотахъ, о податяхъ и повинностяхъ, о казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, о дипломатическихъ нотахъ и о клейменныхъ словаряхъ. Представленію о начальствѣ соотвѣтствуетъ представленіе о департаментахъ, канцеляріяхъ и штабахъ, о предписаніяхъ, подтвержденіяхъ и о тщетныхъ ожиданіяхъ на сіи предписанія отвѣтовъ, о маршировкахъ и обмундировкахъ, о наградахъ, повышеніяхъ, увольненіяхъ и перемѣщеніяхъ, и, наконецъ, паки о предписаніяхъ и подтвержденіяхъ.

Отечество говоритъ тебѣ кратко: живи! даже не прибавляя при этомъ: играй, пой пѣсни, пляши, сказывай сказки и проч. Оно знаетъ, что и безъ его напоминанія все сіе тебѣ свойственно. Государство тоже говоритъ: живи! но прибавляетъ: и повинуйся закону. Начальство выражается уже прямо: живи, но ожидай предписаній и подтвержденій!

Ужели и теперь не ясно, что это функціи совершенно другъ отъ друга отличныя?

Но будемъ продолжать наши сравненія.

Отечество есть тотъ таинственный, но живой организмъ, очертанія котораго ты не можешь отчетливо для себя опредѣлить, но котораго прикосновеніе къ себѣ ты непрерывно чувствуешь, ибы ты связанъ съ этимъ организмомъ неразрывною пуповиной.

Онъ, этотъ таинственный организмъ, былъ свидѣтелемъ и источникомъ первыхъ впечатлѣній твоего бытія, онъ надѣлялъ тебя способностью мыслить и чувствовать, онъ создалъ твои привычки, далъ тебѣ языкъ, вѣрованія, литературу, онъ обогрѣлъ и приютилъ тебя, словомъ сказать, сдѣлалъ изъ тебя существо, способное жить. И всего этого онъ достигъ безъ малѣйшаго насилія, однимъ теплымъ и безконечно любовнымъ къ тебѣ прикосновеніемъ. Онъ сдѣлалъ даже больше того: неуспѣшно обнимая тебя своею любовью, онъ и въ тебѣ зажегъ священную искру любви, такъ что и тебѣ нигдѣ не живетъ такою полною, горячею жизнью, какъ подъ сѣнью твоего отечества. Ты слово скажешь — въ отечествѣ тебя понимаютъ; ежели это слово умное — возвеличатъ и воздвигнутъ монументъ; ежели оно глупое — забранятъ, и простятъ. Ты сдѣлаешь движеніе — въ отечествѣ сразу угадываютъ, куда оно клонится; ежели это движеніе осмысленное — скажутъ: даже жестъ у него умный и благородный! ежели оно нелѣпое и противоестественное — опредѣлятъ въ актеры въ Александринскій театръ: играй съ Новиковымъ и Петипа! Всякій поступокъ твой въ отечествѣ оцѣняютъ, не прикидывая въ нему абсолютныхъ критеріумовъ, а довольствуясь правиломъ: по здѣшнему мѣсту и такъ сойдесть! Самый плохой человекъ — и тотъ найдетъ въ своемъ отечествѣ массу такихъ же плохихъ людей, которые будутъ вмѣстѣ съ нимъ на бобахъ разводить, вмѣстѣ ѣсть печатные пряники, вмѣстѣ горевать и радоваться. Даже мерзавецъ — и тотъ обращетъ цѣлую уйму сомерзавцевъ, съ которыми можетъ по душѣ поговорить. Нигдѣ на чужбинѣ ты ничего подобнаго не найдешь: ни сочувствія, ни снисходительности, ни даже порицаній. Вездѣ, кромѣ своего отечества, ты чужой; ни тебя никто въ земскія учрежденія не выберетъ, ни ты никого въ земскія учрежденія не выберешь. Только въ отечествѣ тебѣ до всего дѣло, даже въ такомъ отечествѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ тебѣ говорятъ: не суйся! не лѣзь впередъ! не твое дѣло! Пускай говорятъ! ты все-таки всѣмъ существомъ своимъ сознаешь, что дѣла у тебя по горло и что еслибъ ты даже желалъ послѣдовать совѣту о несованіи носа, никакъ это невозможно выполнить, потому что дѣло само такъ и подступаетъ къ твоему носу. Словомъ сказать, только тутъ, только окваченный волнами родного воздуха, ты чувствуешь себя способнымъ къ жизни существомъ, хозяиномъ «своего дѣла», человекомъ, котораго понимаютъ и который въ то же время самъ понимаетъ.

Всѣ эти блага наполняютъ твое существо такую полнотою довольства, какой ничто другое не можетъ тебѣ дать. А довольство, въ свою очередь, полагаетъ начало другому не менѣе

сладкому чувству—чувству признательности и солидарности. Не довольствуясь отвлеченной идеей отечества, ты ищешь олицетворить его въ чемъ-нибудь конкретномъ, и въ этихъ поискахъ прежде всего наталкиваешься на своихъ соотечественниковъ. Кто далъ тебѣ это чувство довольства? кто далъ тебѣ славу, ежели ты силенъ, и снисхожденіе, ежели ты слабъ? Кто окружилъ тебя почетомъ, или накрылъ покровомъ забвенія, смотря по тому, чего ты заслужилъ? Кто сказалъ тебѣ: вотъ въ чемъ твоя заслуга и вотъ въ чемъ твой стыдъ? Все это дали и сказали тебѣ твои соотечественники. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, отъ всѣхъ другихъ людей ты слышалъ только одинъ разговоръ: столько-то франковъ и столько-то сантимовъ; только здѣсь, въ отечествѣ, съ тобой разговаривали по человѣческому, только здѣсь признали въ тебѣ существо, которое можно хвалить или порицать и котораго дѣйствія во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать обязательно-вмѣняемыми. Какъ же тебѣ не быть безконечно признательнымъ этимъ людямъ, которые ни разу не проглядѣли въ тебѣ человѣка, которые могли любить, ненавидѣть, даже презирать тебя, но одного не могли: остаться къ тебѣ равнодушными? Какъ тебѣ не считать себя солидарнымъ съ ними, какъ всеминутно отъ глубины благодарнаго сердца не восклицать: о, плоть отъ плоти моей и кость отъ костей моихъ!—когда и у нихъ, при видѣ твоёмъ, дыханіе спирается въ зобу? Какъ не броситься въ огонь и въ воду ради прасныхъ твоихъ? какъ не принять смерть, мучительство, позоръ ради друзей твоихъ? О, Разуваевъ! сдѣлай милость, пойми меня! вѣдь они, они одни признали въ тебѣ подлиннаго человѣка, одни они напоили тебя и радостью, и мучительствомъ, и позоромъ—какой же высшей награды можно желать?

Вотъ отчего говорится, что нѣтъ отечества краше собственного отечества; вотъ отчего ни объ чемъ не болятъ сердце такою острую болью, какъ объ отечествѣ. Люди изнываютъ подъ непосильнымъ бременемъ этой боли, сходятъ съ ума, рѣшаются на самоубійство. Стоитъ одинокій человѣкъ гдѣ-нибудь на берегу Средиземнаго моря, среди залитой лучами солнца природы, и чувствуетъ, какъ капля по каплѣ истекаетъ его сердце кровью. Ахъ, что то тамъ дѣлается, въ этихъ дорогихъ сердцу палестинахъ, гдѣ С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости издаются (wo die Citronen blühen)? Чай, Ѳеденька Неугодовъ закусываетъ, Петръ Толстолобовъ цыркаетъ... ахъ, такъ бы и летѣлъ туда! хоть невидимкой посидѣлъ бы въ томъ засѣданіи комиссіи, когда она, издавъ сто одинъ томъ трудовъ, сама, наконецъ, приходитъ къ заключенію, что все земное ею свершено, и что затѣмъ ей

ничего другого не остается, как разойтись! Да, хочется и туда! не для смѣха хочется, а потому что нутро горитъ по приснымъ и другамъ, потому что память объ нихъ даже въ лучахъ этого горячаго солнца не можетъ до конца потонуть!

До какой степени живуче это чувство неразрывности съ отечествомъ даже въ плохихъ людяхъ, доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій, правда, довольно банальный примѣръ. Колесить гулящій русской человекъ по бѣлу свѣту, сыплеть марками и франками, уплачивается трингельды и пурбуары—и все ему почта ни отъ кого нѣтъ. Наконецъ, наступаетъ рѣшительный моментъ: жизнь въ обществѣ кельнеровъ, гарсоновъ и метрдотелей наскучила, франки приходятъ къ концу—айда домой! Начинаются расчеты: столько-то на разставанье съ Парижемъ, столько-то—на ознакомленіе по пути съ садомъ Кроля, столько-то—на дорогу... И представь себѣ, Разуваевъ! такова сила инстинктивной вѣры въ привѣчающія свойства отечества, что ежели нѣтъ совсѣмъ завалищихъ денегъ, то гулящій человекъ въ своихъ путевыхъ расчетахъ какъ-то совсѣмъ забываетъ Россію. Только бы до Эйдеуена доѣхать, а тамъ какъ-нибудь... вѣдь тамъ ужъ Россія! И дѣйствительно, доѣхали до Вержболова, а здѣсь ужъ давно ждутъ: пожалуйста по этапу! Ну, что-жь! по этапу, такъ по этапу! Бывали! видали!

Я знаю, Разуваевъ, что разъясненія эти утомили тебя, но я остановился на нихъ потому, что надо же тебѣ знать, что такое отечество и почему такъ естественно его любить. Вѣдь ты грядешь съ тѣмъ, чтобъ играть роль, ты даже въ обывательскихъ книгахъ въ графѣ «чѣмъ занимается» отмѣченъ: «дирижирующій классъ»—надо же, чтобъ ты понималъ, что именно разумѣли наши предки, говоря: земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. Но, сверхъ того, я и не для тебя одного пишу. Помимо тебя, на свѣтѣ существуютъ легіоны вертопраховъ, которые слишкомъ охотно говорятъ о прекращеніяхъ и вовсе не думаютъ о томъ, что отечество не прекращать, а любить надлежитъ. Пускай и они тронутся моими стѣнаниями, пускай скажутъ себѣ: да, онъ правъ! если мы присныхъ своихъ предадимъ расточенію, то съ кѣмъ-же сами останемся? кто будетъ насъ красавцами называть?

Идея отечества одинаково для всѣхъ плодотворна. Честнымъ она внушаетъ мысль о подвигѣ, безчестныхъ—предостерегаетъ отъ множества гнусностей, которыя безъ нея несомнѣнно были бы совершены. Есть еще и другая идея, въ томъ же смыслѣ плодотворная—это идея о судѣ потомства, но такъ какъ она непосредственнаго дѣйствія не оказываетъ, то и доступна лишь

людямъ, не чуждымъ обобщеній. Тогда какъ мысль о томъ, какъ будетъ принять тотъ или другой поступокъ въ средѣ соотечественниковъ бьетъ прямо въ чувствительное мѣсто и отчасти имѣетъ даже угрожающій характеръ. Ибо имѣть презрѣнія тяжелѣе того презрѣнія, которымъ пользуется человекъ отъ своихъ соотечественниковъ.

Но, можетъ быть, ты скажешь на это: вѣдь самъ же ты, за нѣсколько страницъ выше, утверждалъ, что и мерзавцу въ своемъ отечествѣ веселѣе, потому что онъ найдетъ тамъ массу вполне однородныхъ сомерзавцевъ, съ которыми ему можно душу отвести; стало быть, дескать, и я: подберу подходящую компанію, и будемъ мы вкупѣ сомерзавствовать, а до прочаго намъ дѣла нѣтъ. Прекрасно; дѣйствительно, ты можешь такую компанію обрѣсти. Но вѣдь ежели я рисовалъ тебѣ подобную перспективу, то, право, не для того, чтобъ ты непременно въ ней искалъ себѣ успокоенія, а только на случай крайности. Не спорю, можно такъ искусно нырнуть въ шайку специалистовъ, что ея, такъ сказать, отъ всего остального свѣта себя загородить, но не забывай, что въ такой шайкѣ тебѣ предстоитъ только браничать, да по душѣ калакать, а вѣдь тебѣ, главнѣйшимъ образомъ, надо объегоривать и дѣла дѣлать. Вотъ эти-то послѣднія функции и вынудятъ тебя, отъ времени до времени, выбѣгать изъ шайки и обращаться къ прочимъ партикулярнымъ людямъ. Теперь, представь себѣ слѣдующее. Допустимъ, что въ виду засилія, которое ты взялъ, партикулярные люди не посмѣютъ совершенно уклониться отъ сношеній съ тобой, но такъ какъ имъ извѣстно, что ты несомнѣнный кровопивецъ, то они непременно хотъ частицу сокровища да утаятъ отъ тебя. Если же имъ о кровопивствѣ твоемъ неизвѣстно, если ты съумѣлъ—не скажу сдѣлаться честнымъ человекомъ, но, по крайней мѣрѣ, прикинуться таковымъ, то они не только все свое сокровище, но и тѣла и души—все полностью тебѣ препоручатъ. Не ясно ли, что даже въ такомъ дѣлѣ, какъ облапошиванье, быть кровопивцемъ загадочнымъ выгоднѣе, нежели неприкрытымъ нахаломъ, который всей своей физиономіей только что не говоритъ: что-жь ты задумался, не плюешь въ меня? плюй!

Осторожность и загадочность—вотъ школа, которую ты обязываешься пройти, если хочешь, чтобы въ тебѣ во истину видѣли «дирижирующій классъ». Ибо обыватель простодушенъ, и ежели видитъ, что на него наступаютъ, съ тѣмъ чтобы горло ему перекусать, то уклоняется. Но когда его потихоньку невѣдомо гдѣ сосутъ, онъ только перевертывается.

Теперь—о государствѣ. Эта идея тоже плодотворная, но только

въ другомъ родѣ и въ другой степени. Но ты и ее смѣшиваешь съ Граціановымъ, а публицисты твои—съ цензурнымъ вѣдомствомъ, а потому надо и въ данномъ случаѣ кое-что тебѣ пояснить. Скажемъ такъ: отечество—отъ Бога, государство—дѣло изобрѣтательности человѣческаго ума. Вотъ главное и существенное различіе между отечествомъ и государствомъ; остальные подробности ты можешь сообразить самъ по тому же масштабу. Необходимо, впрочемъ, помнить еще слѣдующее: въ представленіи о государствѣ ты не встрѣтишься ни съ подблюдными, ни съ свадебными пѣснями, ни съ сказками, ни съ былинами, ни съ пословицами, словомъ сказать, ни съ чѣмъ изъ всего цикла тѣхъ нѣжащихъ явленій, которыя обдаютъ тебя тепломъ, когда ты мыслишь себя лицомъ къ лицу съ отечествомъ. Ничего подобнаго государство тебѣ не дастъ, но у него имѣется въ рукахъ громадная привилегія: оно властно обезпечить или не обезпечить твоему отечеству спокойное пользованіе этими благами. Это обстоятельство очень важно и ты отнюдь не долженъ унустать его изъ вида, если хочешь умненько вести дѣла свои. Такъ что ежели, напримѣръ, ты сдуру будешь молить Бога, чтобы государство не обезпечивало хороводовъ и игръ, но воспрещало и преслѣдовало оныя, то, во-первыхъ, молитва твоя не будетъ угодна Богу, а во-вторыхъ, ты самъ же первый почувствуешь на себѣ ея неблагоприятныя послѣдствія, если Провидѣніе допустить осуществленіе ея. Знай, Разуваевъ, что только народные веселые и хороводолюбивые къ объегориванію ласковы; народы же угрюмые, узаконеніями непосильно изнуряемые, даже для самыхъ изобрѣтательныхъ кровопивцевъ даютъ мало пищи. Отданные въ жертву унылости, они безмолвно изнемогаютъ безъ малѣйшей надежды когда-нибудь нагулять приличное тѣло. Кости да кожа—по истинѣ съ такого одра больше двугривеннаго и ожидать нельзя! Это не я говорю, а исторія.

Не менѣе плодотворна и идея о начальствѣ. Идея эта тебѣ не безъизвѣстна—этого отрицать нельзя; но все-таки скажу: даже и ее ты какъ-то неблагородно представляешь себѣ. Начальство представляется тебѣ чѣмъ-то такимъ, что наполняетъ крикомъ вселенную, а въ свободное отъ криковъ время принимаетъ барашка въ бумажекѣ. Нѣтъ, это не такъ; это идеаль, уже вышедшій изъ употребленія и притомъ такой, который не за что было бы любить. Но не любить начальства нельзя, такъ какъ и оно, совмѣстно съ государствомъ, для того установлено, дабы наидѣйствительнѣйше обезпечивать неприкосновенность хороводовъ и игръ. А потому, ежели ты будешь въ молитвахъ

своихъ упоминать объ начальствѣ (это полезно «да тихое житіе проживемъ»), то проси Бога такъ, чтобы въ начальственныхъ распоряженіяхъ было больше снисходительности и менѣе настоятельности, и чтобы, не теряя изъ вида спасительной строгости, начальство въ тоже время памятовало, что и оно, яко изъ чловѣковъ состоящее, прегрѣшать можетъ. Именно такъ и молись, ибо въ противномъ случаѣ результатъ одинъ: кости да кожа, съ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ въ формѣ постепеннаго закрытія заведеній, гласящихъ: распивочно и на выносъ.

И такъ, три главныхъ объекта предстоятъ для твоей, Разуваевъ, любви:

Во-первыхъ, отечество, которое ты обязываешься любить—будемъ говорить кратко—за то, что оно твое отечество и его тебѣ далъ Богъ.

Во-вторыхъ, государство, которое ты долженъ любить ради отечества, дабы послѣднее не впало въ уныніе и свойственные ему игры и смѣхи неповрежденными сохранило.

Въ-третьихъ, начальство, которое ты долженъ любить тоже ради отечества и по той же причинѣ.

Какъ видите, во всѣхъ трехъ случаяхъ отечество стоитъ на первомъ планѣ. Я знаю, что для тебя это сущій сюрпризъ, но что же дѣлать, мой другъ! я бы и самъ радъ всѣхъ поровнать, но такъ ужъ выходитъ.

Повторяю: все сейчасъ изложенное я высказалъ по собственному опыту. Когда я былъ столпомъ, то такъ же, какъ и ты, Разуваевъ, ровно ничего не понималъ. Для меня это было еще постыднѣе, потому что я грамотенъ. Грановскаго слушалъ, Бѣлинскаго читалъ, восторгался, трепеталъ отъ умиленія—и, представъ себѣ, всѣ эти восторги и умиленія, я словно во снѣ или въ фантастическомъ представленіи продѣлывалъ! Отслушавъ, бывало, Грановскаго, а черезъ часъ, какъ ни въ чемъ не бывало, думаешь: а что кабы кто у меня душу купилъ! Какимъ образомъ происходилъ чудодѣйственный процессъ этого жизненнаго двоегласія—объ этомъ цѣлыя томы психологическихъ изслѣдованій можно написать; но онъ происходилъ несомнѣнно, и я былъ въ немъ дѣйствующимъ лицомъ. Я безъ умолку болталъ о любви къ отечеству—и въ минуту опасности жертвовалъ на алтарь отечества чужія тѣла; я требовалъ, чтобы отечественный культъ былъ объявленъ обязательнымъ, но лично на встрѣчу врагу не шелъ, а нанималъ за себя пропойца. И въ довершеніе всего я снабжалъ пожертвованныхъ и нанятыхъ мною «защитниковъ» сапогами на картонныхъ подошвахъ и, прося у Бога побѣдъ и

«долбній, нимало не думаль о томъ, далеко ли дойдуть на картонныхъ подошвахъ мои ратнички... И вотъ за это, теперь—я пропачій человекъ».

Я говорилъ себѣ: отечество—святыня! объ этомъ во всѣхъ стихотвореніяхъ упоминается. Но ежели мое личное процвѣтаніе не поставлено въ прямую зависимость отъ процвѣтанія отечества, то пускай оно остается святыней, а я буду процвѣтати особо. Правда, въ моей головѣ иногда мелькала мысль, что это выводъ лукавый и постыдній, что, слѣдуя Грановскому и Бѣлинскому, его надлежало бы какъ разъ выверотить на изнанку, то есть, сказать: ежели мое личное процвѣтаніе не поставлено въ зависимость отъ процвѣтанія отечества, то я самъ, по совѣсти, обязанъ устроить эту зависимость; но я какъ-то ухитрялся обходить эту назойливую мысль и предпочиталъ оставаться при первоначальной редакціи. Я срывалъ цвѣты удовольствія, а соотечественники мои унывали; я праздновалъ, а соотечественники мои повинны бѣша работѣ; я былъ изъять отъ тѣлесныхъ наказаній, а соотечественники мои были изъять отъ наградъ. И въ то же время, я слушалъ Грановскаго, восторгался, восклицалъ: отечество—святыня! И вотъ за это теперь—я пропачій человекъ!

Прорывались, однакожь, минуты, когда мнѣ думалось: а вѣдь, несмотря на процвѣтаніе, все-таки въ моемъ существованіи есть что-то непрочное и какъ бы неблагогонное. Куда бы я ни сунулъ свой носъ, вездѣ навстрѣчу мнѣ раздавался окрикъ: чего съ жиру бѣсишься! твое дѣло не лѣзть, а другимъ примѣръ подавать! «Подавать примѣръ»—это, по тогдашнему времени, значило: собственнымъ тѣломъ такую филантропію пропагандировать, чтобы никто своего носа отнюдь никуда не соваль. И что же! перваго окрика было вполне достаточно, чтобы я убѣдился. Мнѣ какъ-то сразу сдѣлалось ясно, что дѣйствительно, я съ жиру бѣшусь, а не по настоятельной внутренней нуждѣ дѣйствую, что, въ сущности, для меня даже выгоднѣе не совать носа, потому что тогда и въ мою мурью никто носа не сунетъ. И, заручившись этою столбовою мудростью, я ни за себя, ни за другихъ—ни за кого пальцемъ не шевельнулъ. Ни за кого не заступился, никого не загородилъ грудью, и въ тоже время, умлялся и восклицалъ: отечество—святыня! И вотъ за это теперь—я пропачій человекъ.

Какъ въ былое время мнѣ ни до кого не было дѣла, такъ теперь никому нѣтъ дѣла до меня. Никто ко мнѣ не устремляется, никто отъ меня ничего не ждетъ, никто даже въ толкъ

не можетъ взять, хочу ли я чего-нибудь или просто блажу. А я, между тѣмъ... понялъ! Я понялъ, что такое отечество, понялъ, почему оно вправѣ требовать отъ сыновъ своихъ жертвъ и даже самоотверженія, и — увы! — понялъ даже и то, почему отъ меня лично оно ни жертвъ, ни самоотверженія не требуетъ: оно лучше меня самого знаетъ, что я дать ему ничего не могу. Оставленный всѣми, отжившій, выдохшійся, я обязываюсь изнывать въ отчужденіи, услаждая себя лишь надеждой, что когда-нибудь мой сынъ или внукъ утопая званіе пропадающаго человѣка въ званіе человѣка вообще и сына отечества въ особенности. То есть, тогда, когда даже потроховъ моихъ въ поминѣ не будетъ. Скажи, можно ли представить себѣ боль, горшую этой!

Вотъ отъ этой-то боли я и желаю предостеречь тебя, Разуваевъ. Не иди по стопамъ моихъ, и ежели достигнешь производства въ столпы, то не понимай этого званія въ черту буквальномъ смыслѣ, но потщись изъ недвижимаго имущества превратиться въ движимое. Люби отечество свое, люби! Служи ему собственнымъ лицомъ, а не чрезъ посредство наемниковъ; не процвѣтай особо, но совместно съ твоими соотечественниками, не утопай въ бездѣльничествѣ и равнодушіи, но стой грудью за други своя, жертвуй своими интересами, своей личностью, самоотвергайся! Ежели тебѣ жалко поступиться рублемъ, то поступи хоть двугривеннымъ. Все это для тебя даже необходимѣе, нежели для меня. Мы, Прогорѣловы, столповали въ такое тугое время, когда люди больше глазами хлопали, нежели понимали; тебѣ, Разуваевъ, предстоитъ столповать въ такое время, когда даже и мелкота приходитъ на умъ; а что, ежели этотъ самый кусъ, который онъ къ устамъ подноситъ, взять да вырвать у него? И вырвать — не сомнѣвайся, а тебя произведутъ въ пропащіе люди, и все это произойдетъ тѣмъ легче, что на твоёмъ мѣсто давно ужъ самъ себя намѣтилъ новый столпъ: содержатель дома терпимости Ротозѣвъ... Вотъ сколько васъ тамъ, въ щеляхъ, притаилось... столповъ!

Однимъ словомъ, люби отечество — и вѣрь, что убытка не будетъ. А затѣмъ, мнѣ остается условиться еще на счетъ нѣкоторыхъ подробностей, и задача моя будетъ кончена.

По поводу вашего появленія было поднято много разнаго принципиальнаго разговора. Собственность, семейство, государство — вотъ триада, которую, по мнѣнію охранителей и публицистовъ, вы призваны защитить и навсегда утвердить. Прекрасно; постараемся же сговориться, въ какой мѣрѣ и какъ ловчѣе все это осуществить.

«Собственность» — ты понимаешь достаточно, то есть всё въ своимъ нутромъ. Все, говоришь ты, что я успѣлъ опустить въ *свой* карманъ, помѣстить въ *своей* квартирѣ, запереть въ *свою* шкатулку, все, что я могу, по личному усмотрѣнію, перенести въ другое мѣсто и, въ случаѣ банкротства, спрятать—все это есть собственность движимая. Дома же и земли, которые я не могу ни перенести, ни спрятать, но могу: первые, застраховавъ въ двойной цѣнности, поджечь, а вторыя, исклопотавъ отъ установленныхъ баснописцевъ залоговья свидѣтельства (съ вынѣтками и картинками), заложить въ кредитномъ учрежденіи—это собственность недвижимая. Тоже самое говорятъ и твои юристы и публицисты, только съ несравненно меньшей ясностью, что, впрочемъ, и вполне естественно, ибо на неясности почіеть ихъ право на полученіе гонорара.

Все это, однакожь, относится къ собственности уже осуществившейся, то есть опущенной въ карманъ, запертой въ шкатулку, или получившей отъ нотариуса надлежащую санкцію. О томъ же, какимъ образомъ произошелъ процессъ этого осуществленія, тутъ вѣдсе умалчивается, а мнѣ сдается, что съ точки зрѣнія принципиальностей, это-то именно и важно. Какимъ образомъ запутался въ твоёмъ карманѣ рубль? какъ случилось, что, постепенно перекладывая запутавшіеся рубли изъ кармана въ шкатулку, ты, наконецъ, воскликнулъ: а теперь пойдёмъ къ нотариусу и постараемся опредѣлить, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ недвижимаго имущества?

Ежели ты дѣйствительный поборникъ принциповъ, ежели ты во истину призванъ оградить и утвердить оныя, то ты поймешь мое безпокойство. Прямо тебѣ говорю: какъ насадитель и оградитель принципа собственности, ты долженъ такимъ образомъ вести свои дѣла, чтобы во всякое время дать отчетъ относительно способовъ приобрѣтенія. По крайней мѣрѣ, я, Прогорѣловъ, былъ въ старые годы вполне на этотъ счетъ чистосердеченъ. Все, что вы видите, говорилъ я, все это перешло ко мнѣ отъ папеньки и маменьки (были и исключенія, но очень немнога), а же только одно усовершенствованіе въ дошедшемъ имуществѣ допустилъ: заложилъ оное въ опекуновомъ совѣтѣ. По моему мнѣнію, не меньшее чистосердечіе въ этомъ смыслѣ обязываешься выказать, Разуваевъ, и ты.

Но тутъ-то именно ты и начинаешь увертываться. На одно набрасываешь покровъ давности (тоже, братъ, принципъ!), на другое—покровъ коммерческой тайны. А юристы и публицисты твои такъ тѣ даже прямо говорятъ, что такъ какъ въ данномъ

случаѣ истцовъ въ виду не имѣется, то и надлежитъ въ требованіи чистосердечнаго отчета отказать. И отказываютъ—что будешь дѣлать! И даже правильно отказываютъ, потому что допусти вась подноготную разворачивать, вы и сами искаузничаетесь, и другихъ до смерти заклаузничаете.

Однако, для партикулярнаго человѣка это не резонъ, ибо онъ не юристъ и не публицистъ, а простой сынъ отечества. Какъ только онъ замѣчаетъ, что отвѣтчикъ начинаетъ ссылаться на отсутствіе истцовъ, такъ тотчасъ начинаетъ подозрѣвать: а вѣдь отсутствующій-то истецъ, пожалуй, и есть именно я, партикулярный человѣкъ!

Допустить, чтобъ эта мысль утвердилась въ немъ—очень невыгодно, потому что, развивая, провѣряя и дополняя ее, онъ можетъ придти къ выводамъ по истинѣ поразительнымъ. Какъ юристъ, ты ясно понимаешь, чѣмъ ты вправѣ «воспользоваться», что вотъ это ты можешь «оттягать», а вотъ это—просто «отнять», но партикулярный человѣкъ, какъ сынъ отечества, во всемъ этомъ сомнѣвается. Какъ юристъ, ты говоришь: какъ взялъ, такъ и отдай! — а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: и все-таки поступиай по-божески! Какъ юристъ, ты говоришь: своими ли глазами ты смотрѣлъ? своими ли руками бралъ?.. — а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: и все-таки ты меня обманулъ, зубы мнѣ заговорилъ! Какъ юристъ, ты его убѣждаешь: ты пропустилъ всѣ сроки, не жаловался, не апеллировалъ, на кассацию не падалъ, кто-жъ виноватъ, что ты прозѣвалъ? — а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: гдѣ-жъ это видано, чтобъ изъ-за какихъ-то клаузъ у меня мое отнимать? Какъ юристъ, ты говоришь: я за своей собственностью блюду, а ты за своей блюди!—а онъ, сынъ отечества, возражаетъ на это: воръ!

Конечно, всѣ эти возраженія ничтожны и будутъ оставлены безъ послѣдствій, но когда живешь среди сыновъ отечества, те надобно заранѣе приготовиться къ тому, чтобы и ничтожныя возраженія выслушивать. Сыны отечества простодушны и неразвиты, и, въ довершеніе всего, каждый изъ нихъ наивно думаетъ: своего-то вѣдь жалко. Очень можетъ быть, что это и предрасудокъ, но что же дѣлать, мой другъ! онъ настолько живучъ, что не принять его къ свѣдѣнію—просто нельзя.

Я думаю, впрочемъ, что ты до известной степени удовлетворишь этому предрасудку, если признаешь совмѣстное существованіе своей собственности и чужой. Это будетъ и просто и благородно. Неусыпно стеречь свою шеатулку и въ то же время не подбирать ключа къ шеатулкѣ сосѣда; держаться обѣими руками

за рубль, запутавшійся въ карманѣ, и въ то же время не роптать, ежели видишь такой же рубль въ карманѣ приснаго... что можетъ быть величественнѣе этого зрѣлища! Вотъ задачи, которыя предстоитъ осуществить истинному радѣтелю принципа собственности, и по моему, это задачи очень хорошія, особливо ежели выраженіе о подбораніи ключа не принимать въ исключительно буквальный смыслѣ, но стараться какъ можно шире распространять его дѣйствіе. Не пренебрегай ими, Разуваевъ! Не раззорай, не грабь, и на вопросъ: кого же ты будешь допекать послѣ того, какъ въ конецъ допечешь обывателя? — не отвѣчай съ нахальствомъ: йёнъ доста-а-нить! Нѣтъ, онъ не достанетъ, ибо всякому доставанію положенъ предѣлъ, а слѣдовательно, положенъ предѣлъ и твоимъ допеканьямъ!

Человѣкъ ни къ чему не относится съ такою чувствительностью, ничего такъ ревниво не оберегаетъ, какъ ту совокупность матеріальныхъ удобствъ, которыми онъ успѣлъ обставить свою жизнь. Малѣйшій ущербъ, приводящій къ стѣсненію этой обстановки, заставляетъ его роптать и искать глазами, гдѣ обидчикъ? И такъ какъ обидчика имя рекъ никогда на лицо не оказывается, то онъ невольно приходитъ къ необходимости обобщать и распространять...

Ужели ты не боишься тѣхъ горькихъ послѣдствій, которыя неизбежно должны произойти изъ подобныхъ обобщеній?

И такъ, будь умѣренъ, и помни, что титулъ дирижирующаго класса, который ты стремишься восхитить, влечетъ за собой не одни права, но и обязанности. Обязанности эти въ томъ, что касается принципа собственности, гласятъ такъ: не укради! А такъ какъ, по обстоятельствамъ времени, такая редакція представляется чрезчуръ уже строгою, то ты можешь смягчить ее такъ: не до конца обездоливай, но непремѣнно оставлай обывателю столько, чтобы избрѣтательность его и впредь находила для себя поводъ изощряться. Ежели ты изъ рубля отнимешь половину — это, я полагаю, будетъ вполне прилично; ежели ты отнимешь изъ рубля восемь гривенниковъ, то это будетъ ужъ кровопійственно, но все-таки выносимо. Остального не отнимай: пускай опять разживается!

Затѣмъ, на очереди стоитъ принципъ семейственности, который тоже обязываешься ты оградить. Сознаюсь откровенно: мы, Прогорѣловы, достаточно-таки пораспатали этотъ принципъ, или, лучше сказать, до того его обнажили, что, въ концѣ концовъ, въ немъ ничего не осталось, кромѣ вѣззаго салона, въ которомъ во всякое время происходили разговоры объ улучшеніи

быта милой бездѣлицы. И вотъ, когда дѣти перестали поздравлять родителей съ добрымъ утромъ и цѣлованіемъ родительскихъ ручекъ выражать волнующія ихъ чувства по поводу сдѣденнаго обѣда, когда самоваръ, около котораго когда-то ютилась семья, исчезъ изъ столовой куда-то къ буфетную, откуда чай, розлитой рукою наемника, разносился по закоулкамъ квартиры, когда дни юманинъ и рожденій сдѣлались пустою формальностью, служащею лишь поводомъ для вышивки—только тогда прозорливые люди догадались, что семейству угрожаетъ дѣйствительная опасность. Начали думать, соображать, какъ этому дѣлу помочь, и, разумѣется, прежде всего бросились за справками. Оказалось, что вездѣ было такъ. Во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, гдѣ Прогорѣловы завѣдывали дѣлами культуры, вездѣ они низвели семейный вопросъ до уровня милой бездѣлицы. Изъ драмы сдѣлали оперетку, изъ совмѣстнаго свитанія, изъ спальной въ дѣтскую, изъ дѣтской на кухню, потомъ въ столовую, гостиную и обратно черезъ всѣ инстанціи въ спальню—вольное катанье на тройкахъ въ трактиръ «Самаркандъ». И вездѣ же, на смѣну ослабѣвшимъ Прогорѣловымъ являлись люди свѣжіе, неспорченные, которые тѣмъ съ большей готовностью подняли брошенные въ грязь знамена, что въ совершенствѣ поняли, какую службу они могутъ сослужить. У всѣхъ на памяти, какъ ловко подняла, въ тридцатыхъ годахъ, знамя семейственности и домашнего очага западноевропейская буржуазія, и какъ крѣпко она держалась за него, пока вѣчно достойныя памяти Наполеонъ III не увлекъ ее въ сторону милой бездѣлицы.

Въ виду столь рѣшительныхъ справокъ, предполагалось, что тоже самое произойдетъ и у насъ. Сначала, Прогорѣловы распатаютъ, а потомъ кабатчики и мѣнялы утвердятъ. Первая часть этой программы ужъ выполнена, но будетъ ли выполнена послѣдняя—это еще вопросъ.

Мнѣ кажется, что наиболѣе существеннымъ препятствіемъ въ этомъ смыслѣ явится родъ вашихъ занятій. Вы, кабатчики, желѣзнодорожники и мѣнялы, не имѣете занятій осѣдлыхъ и производительныхъ, но исключительно отдаетесь заманиваньямъ, подторговываньямъ, подсиживаньямъ и сводничествамъ. Въ согласность этому, и жизнь ваша получила характеръ кочевой, такъ что болшую ея часть вы проводите внѣ домовъ своихъ, въ Кунавинѣ. Но о какихъ же принципахъ можетъ быть рѣчь въ Кунавинѣ?

Очевидно, что публицисты, возложившіе на васъ обязанность утвердить принципъ семейственности, совсѣмъ проглядѣли эту

обстановку. Изъ ввела въ заблужденіе ваша грубость, которую они приняли за патріархальность. Въ то время, какъ у западно-европейскаго буржуа наполеоновскаго образца *l'eau vient à la bouche*—у васъ «тскуть слюни»; въ то время, какъ у того же буржуа изъ устъ вылетаетъ цѣлый фейерверкъ милыхъ мерзостей—изъ вашей утробы извергается какое-нибудь односложное поскудство; въ то время, какъ западный буржуа разговариваетъ, убѣждаетъ, умоляетъ—вы, «глядя по товару», выкладываете болѣе или менѣе крупную ассигнацію, кратко присовокупляя: *Машка, пошевеливайся!* Не спорю, съ точки зрѣнія ясности нагѣршей, ваши «слюни» сравнительно менѣе поскудны, нежели французское *l'eau à la bouche*, но, спрашивается, что же, однако, общаго между кунавинскими «слюнями» и семейственностью?

Поэтому, въ смыслѣ семейственности, я не надѣюсь на тебя, Разуваевъ! Ничего ты не утвердишь. Но, такъ какъ на тебя обращены всѣ взоры, и такъ какъ, въ качествѣ новоявленной «интеллигенціи», чаша сія ни въ какомъ случаѣ не минуетъ тебя, то, по мнѣнію моему, ты только тогда услышишь... ну, хоть притвориться поборникомъ чистоты семейнаго очага, когда радикально измѣнишь родъ своихъ занятій. Перестань заниматься кабаками, не подсиживай, не сводничай, сократи до минимума экскурсіи въ Кунавимо, производи, а не маклерй—это до извѣстной степени осадить тебя, утереть твои «слюни» и приведетъ въ порядокъ твои утробныя урчанія. Но будетъ ли и за всѣмъ тѣмъ принципъ семейственности тобой утвержденъ — на это, я полагаю, и прозорливѣйшій изъ публицистовъ утвердительного отвѣта не дастъ.

Въ заключеніе, еще одинъ вопросъ: о неоставленіи присныхъ безъ заступленія, или что тоже самое, о непримѣненіи къ нимъ принципа предательства.

Я, Прогорѣловъ, совершенно не компетентенъ по этому вопросу. Всю жизнь я столповалъ за свой собственный счетъ, а о присныхъ слышалъ только за обѣдней въ церкви. Тѣмъ не менѣе, возобновляя въ памяти процессъ моего переименованія изъ столповъ въ пронаціе люди, я долженъ сознаться, что въ числѣ причинъ этого превращенія немаловажную роль играло и то, что я процвѣталъ независимо отъ процвѣтанія моихъ соотечественниковъ, что я ни за кого не поревнивалъ, никого своей грудью не заслонилъ. Стало быть, ежели ты желаешь столповать продолжительно и благополучно, то не только не долженъ брать примѣръ съ меня (къ чему ты, мимоходомъ сказать, чрезчуръ склоненъ), но, напротивъ, обязываешься поступать совершенно наоборотъ. Я рав-

подушествовалъ — ты сострадай; а бездѣйствовалъ — ты хлопочи; я держался правила: носа изъ мурьи не совать — ты выбѣгай изъ мурьи какъ можно чаще, суй свой носъ, суй! Хлопочи объ концессіяхъ, но не забывай и о соотечественникахъ. Это хорошо зарекомендуетъ тебя въ ихъ глазахъ, и ихъ самихъ заставить надѣяться и вѣрить въ лучшіе дни. Выйдетъ ли что-нибудь изъ этихъ хлопотъ, надеждъ и вѣрованій — это вопросъ другой, и ежели ты хочешь, чтобъ я отвѣтилъ на него по совѣсти, то изволь, отвѣчу: не выйдетъ ничего; но все-таки, старайся, радѣй, хлопочи!

За симъ, моя рѣчь кончена. Вкратцѣ, она можетъ быть резюмирована такъ:

Люби отечество, чтя государство, повинуйся начальникамъ.

Блуди свою собственность, но не отказывай и присному твоему въ правѣ имѣть таковую.

О Кунавинѣ, по возможности, позабуди.

А, главное, все-таки: люби, люби и люби свое отечество! Ибо любовь эта дастъ тебѣ силу и все остальное безъ труда свершить.

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

ЗЕМЕЛЬНАГО УСТРОЙСТВА КРЕСТЬЯНЪ.

Въ послѣднее время, вопросъ объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія сильно занимаетъ общество, что доказывается непрерывнымъ появленіемъ въ печати статей, посвященныхъ этому вопросу; кромѣ того, недавно появилось нѣсколько проектовъ уставовъ такихъ кредитныхъ учреждений, назначеніе которыхъ—доставить крестьянамъ средства для приобрѣтенія земель. Первымъ по времени появленія былъ, какъ кажется, проектъ, составленный петербургскимъ комитетомъ о ссудосберегательныхъ товариществахъ, а затѣмъ одинъ за другимъ появились: «проектъ устава земской кассы поземельнаго кредита», выработанный состоящимъ при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства комитетомъ о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, и «проектъ устава земскаго банка», выработанный ярославской губернской земской управой; наконецъ, недавно и новгородская губернская земская управа также представила собранію нѣчто подобное. По поводу этого послѣдняго новгородское губернское земское собраніе постановило: «признать учрежденіе земельного кредита возможнымъ и желательнымъ, на основаніяхъ, изложенныхъ въ докладѣ управы» и «обратиться къ правительству съ просьбой о разъясненіи, возможно ли разсчитывать на разрѣшеніе приступить къ организаціи кредита для мелкихъ землевладѣльцевъ на указанныхъ началахъ, съ полученіемъ ссуднаго капитала отъ правительства подъ гарантію земства»¹. Нельзя не порадоваться, что земства обращаютъ, наконецъ, вниманіе на то дѣло, которое составляетъ корень всего. Но именно потому, что оно корень всего, и надобно постараться

¹ См. «Рус. Вѣд.» № 203-й.
Т. ССXLVII—Отд. II.

постановить его правильно и утвердить прочно, чтобы потом не оказалось нужды въ поправкахъ и передѣлкахъ, которыя во многомъ сдѣлаются и вовсе невозможны. Такою же желаемой, правильной постановкой дѣла, по нашему мнѣнію, никакъ не блистаютъ помянутые выше проекты. Мы не имѣемъ теперь въ рукахъ новгородскаго и ярославскаго проектовъ, о проектѣ новгородскаго земства было притомъ уже говорено въ прошедшей книгѣ «Отч. Зап.», потому въ нашей статьѣ мы будемъ имѣть въ виду собственно только московскій проектъ.

Прежде всего кредитныя учрежденія по означеннымъ проектамъ должны быть мѣстными, губернскими ¹ и въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, первая ошибка авторовъ проектовъ. Далѣе, всѣ проекты одинаково передаютъ веденіе всего дѣла въ руки земства, а ярославскій проектъ считаетъ даже возможнымъ дать закладнымъ листамъ земскаго земельного банка земскую гарантію, и это составляетъ вторую ошибку въ постановкѣ дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, извѣстныя учрежденія должны быть мѣстными въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда дѣло, которымъ они заняты, представляетъ интересъ чисто мѣстный и государство не на столько въ немъ заинтересовано, чтобы принять на себя веденіе дѣла; во-вторыхъ, тогда, когда дѣло, которому служить учрежденіе, хотя бы имѣло и государственннй интересъ, не можетъ, однако, быть выполнено государствомъ безъ содѣйствія мѣстныхъ дѣятелей, въ силу разнообразія мѣстныхъ условій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, государство беретъ на себя, тѣмъ не менѣе, высшій контроль за веденіемъ дѣла и предоставляетъ мѣстнымъ дѣтелямъ только совѣщательный голосъ въ составленіи плана дѣйствій и, пожалуй, выполненіе плана подъ контролемъ самого государства.

Что касается того, представляетъ ли вопросъ объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія — интересъ одной какой-либо губерніи или цѣлой Россіи, то объ этомъ даже странно какъ-то и разсуждать, послѣ всего того, что уже сказано въ нашей литературѣ по этому поводу. Теперь, кажется, уже для всѣхъ ясно, что крестьянское малоземелье есть прямое слѣдствіе Положенія 19-го февраля и другихъ положеній, регулировавшихъ земельное устройство крестьянъ. Одного безпристрастнаго разсмотрѣнія самаго Положенія 19-го февраля достаточно, чтобы сказать, что та или другая норма надѣла обуславливалась исключительно волей землевладѣльца, и что при наилучшемъ отношеніи къ дѣлу официальныхъ приставниковъ, посредниковъ, они не могли ни на юту споспѣшествовать увеличенію крестьянскаго землевладѣнія, разъ помѣщикъ считалъ это невыгоднымъ для себя, или даже — помѣщать помѣщичью навязать крестьянамъ ненужную

¹ Г. Воропоновъ («Земледѣльческій кредитъ», «Слово», 1879, № 6) предлагаетъ даже сдѣлать ихъ уѣздными или, по крайней мѣрѣ, захватывающими меньшій районъ, чѣмъ губернія.

имъ или слишкомъ дорогую землю. Что оцѣнка земель для выкупа была дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ слишкомъ высока, объ этомъ говорилось въ печати уже много разъ, а что крестьяне понимали невыгодность для себя этой оцѣнки, это свидѣтельствуетъ недавно опубликованный отчетъ главнаго выкупнаго учрежденія о выкупныхъ сдѣлкахъ по 1-е юля 1879 года. Изъ этого отчета видно, что изъ 67,172 утвержденныхъ выкупныхъ сдѣлокъ (по губ. Велико-Мало-и Ново-россійскимъ) состоялось по соглашенію съ помѣщикомъ только 23,210, а остальные 43,962 сдѣлки состоялись по требованію помѣщиковъ и кредитныхъ установленій. Этотъ фактъ весьма знаменателенъ, ибо ясно, что сдѣлка, которая не могла состояться по добровольному соглашенію, для осуществленія которой необходимо было, чтобы одна сторона потребовала этого осуществленія, въ силу даннаго ей права, такая сдѣлка была выгодна только той сторонѣ, которая ея требовала. Тотъ же отчетъ выясняетъ отчасти и причину приведеннаго факта. Оказывается, именно, что тогда какъ душевой участокъ для губерній Велико-Мало-и Ново-россійскихъ составляетъ въ среднемъ 3 1/2 десятины и стоитъ 107 р. 14 коп., т. е. по 30 р. 69 коп. десятина ¹, душевой участокъ для губерній западныхъ и юго-западныхъ (Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Волынской, Киевской, Подольской и Могилевской) — составляетъ 3 3/4 десат. и стоитъ 64 р. 48 к., т. е. только по 17 р. 25 коп. десятина. Такое различіе въ оцѣнкѣ земли не можетъ быть объяснено ни лучшимъ качествомъ земли въ восточной полосѣ сравнительно съ западной, ни большей населенностью ея, т. е. тѣми факторами, которыми опредѣляется, при нормальныхъ условіяхъ, цѣнность земли. Это вполне уясняется изъ сличенія величины надѣловъ и количества платежей, причитающихся на десятину въ смежныхъ губерніяхъ западной и восточной полосы. Г. Янсонъ говоритъ ²: «Для сличенія возьмемъ Могилевскую съ западными уѣздами Смоленской, Киевскую съ Полтавской и Курской, Минскую съ уѣздами Мглинскимъ, Суражскимъ и Новозыбковскимъ Черниговской губерніи.

	Смоленская.	Могилевская.	
Земли на душу	4,0 десат.	4,9 десат.	
Всѣхъ платежей съ десат.	248—329 коп.	157 коп.	
	Полтавская.	Киевская.	Курская.
Земли на душу	1,9 дес.	2,5 дес.	2,3 дес.
Всѣхъ платежей съ дес.	370 к.	326 к.	460—355 к.
	Черниговская.	Минская.	
Земли на душу	4,5 десат.	5,6 десат.	
Всѣхъ платежей съ десат.	262 к.	114 к.	

¹ Эта средняя цифра для вышедшихъ на выкупъ не по требованію помѣщиковъ должна быть повышена, по крайней мѣрѣ, еще на 25%, т. е. до 38 руб., такъ какъ выкупная ссуда, какъ извѣстно, составляла не болѣе 1/3 сумми выкупа.

² Изслѣдов. о надѣлахъ и платежахъ, стр. 107.

*

Прибавимъ, что губерніи Кіевская, Полтавская и Курская одинаково принадлежать къ лучшей части черноземной полосы, а по населенности Кіевская (47,1 чел. на кв. версту) превосходитъ и Курскую (44,2 чел. на кв. версту) и Полтавскую (41,2 ч. на кв. версту) ¹, и что, съ другой стороны, Мглинскій и Суражскій уѣзды Черниговской губерніи, столь недавно прославившіеся своимъ голоданіемъ, едвали превзойдутъ по плодородію Минскую губернію; изъ этого ясно, что высшая оцѣнка земель въ восточной полосѣ и низшая оцѣнка въ западной не можетъ быть объяснена ни болѣе густой населенностью, ни лучшими качествами почвы въ восточной полосѣ. Обстоятельства, способствовавшія пониженію оцѣнки земель въ западной полосѣ, заключаются въ узаконеніяхъ, явившихся послѣ событій 1863 года, которыя значительно измѣнили условія выкупа. «Введенъ былъ обязательный выкупъ съ пониженіемъ выкупныхъ платежей на 20% противъ оброковъ; допущено было въ извѣстныхъ случаяхъ пониженіе вычисляемаго оброка болѣе, чѣмъ на 15% противъ опредѣленнаго Положеніемъ 19 февраля; крестьянамъ должна была быть отведена вся земля, находившаяся дѣйствительно въ ихъ пользованіи; неправильно составленные выкупные договоры прежняго времени должны были быть исправлены». «Результатомъ этихъ мѣропріятій было увеличеніе пространства крестьянскихъ надѣловъ отъ 25 до 70% и уменьшеніе повинностей отъ 60 до 182% въ юго-зап. и отъ 2 до 16% въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ» ². Ничего подобнаго вышеприведеннымъ мѣрамъ не было примѣнено къ Велико-російскимъ губерніямъ и этимъ, конечно, вполне объясняется то стремленіе къ переселенію, которое, какъ показываютъ газетныя сообщенія, все болѣе и болѣе усиливается и обнимаетъ преимущественно восточную полосу; такъ, напри- мѣръ, недавно было сообщено, что весь Рыльскій уѣздъ Курской губерніи собрался было переселяться. Характерно, что это произошло именно въ Курской, а не въ Минской, Ковенской или иной какой либо изъ западныхъ губерній.

Но если малоземелье составляетъ общее для всей Россіи явленіе, то и исправлять его нужно общими государственными мѣрами, а не по частямъ, тѣмъ болѣе, что государство можетъ принять для исправленія зла весьма разнообразныя мѣры, не ограничиваясь однимъ увеличеніемъ крестьянскихъ надѣловъ.

Можно, однако, сказать, что если дѣло это не можетъ быть передано пѣбликомъ въ руки мѣстныхъ дѣателей, то все же эти послѣдніе должны, несомнѣнно, участвовать въ его веденіи, такъ какъ оно требуетъ приспособленія общихъ положеній къ мѣстнымъ условіямъ, которыя могутъ быть извѣстны только мѣстнымъ дѣателямъ. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться и остается, слѣдовательно, рассмотреть, могутъ ли быть признаны наши

¹ Населенность показана по «Сравнит. статистикѣ» Янсона.

² Г. Янсонъ: Исслѣдов. о над. и плат., стр. 104.

земцы такими мѣстными дѣятелями, участіе которыхъ, въ разрѣшеніи вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи при настоящемъ составѣ земскихъ собраній, допустимо и желательно.

Для рѣшенія этого вопроса стоитъ только рѣшить другой вопросъ: что такое наши земства, и кто собственно заправляетъ земскими дѣлами? Но на этотъ вопросъ отвѣтъ давно уже существуетъ, и онъ дается самымъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, которымъ, какъ извѣстно, предоставляется значительное преобладаніе представительству отъ крупныхъ землевладѣльцевъ надъ представительствомъ всѣхъ остальныхъ группъ населенія. Крупное землевладѣніе прежде представлялось почти исключительно помѣстнымъ сословіемъ, а въ новѣйшее время къ нему начинаютъ присоединяться купцы и кулаки. Но каковы бы ни были элементы, входящіе въ составъ представителей крупнаго землевладѣнія, не въ ихъ интересахъ заботиться объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія, потому что только отсутствіемъ достаточнаго количества земли у крестьянъ обуславливается возможность выгодной эксплуатаціи крупныхъ хозяйствъ, которыя требуютъ дешевизны рабочихъ рукъ и высокихъ арендныхъ цѣвъ. Поэтому, отдать дѣло регулированія крестьянскаго землевладѣнія въ руки лицъ, прямой интересъ которыхъ состоитъ не въ увеличеніи, а въ уменьшеніи крестьянскаго землевладѣнія, едвали резонно. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что всѣ эти дѣятели такъ проникнуты сознаніемъ интересовъ общественныхъ, что забудутъ изъ-за нихъ свои личные интересы! Да и факты земской дѣятельности не допускаютъ возможности такой идеализаціи. Вотъ что, напримѣръ, сообщаетъ г. С. Ш.¹ о владимірскомъ земствѣ, подтверждая каждый приводимый имъ фактъ ссылкой на соответствующее мѣсто земскаго сборника или журналовъ собраній. Несмотря на неоднократныя настоянія губернскаго правленія и губернатора, земство это отказываетъ въ пособіи 700 рабочимъ гусевскаго желѣзнаго завода, оставшимся безъ работы, и въ то же время, не обинуясь, назначаетъ въ пособіе вдовѣ коллежскаго совѣтника, помѣщицѣ Бѣляевой, 1,500 р.; раздаетъ щедрою рукою награды и пособія всѣмъ и каждому, начиная отъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ до исправниковъ и предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ; боится «безпокоить» фабрикантовъ и запускаетъ десятки тысячъ недоимки за такими крупными землевладѣльцами, какъ Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе и другія не менѣе извѣстныя аристократическія фамиліи. Въ то самое время, когда есть народныя школы, получающія по 30-руб. въ годъ, на расширеніе квартиры начальницы женской гимназіи тратится 5,364 руб.; наконецъ, назначается капиталъ на выдачу стипендій студентамъ университета, но съ тѣмъ, что на полученіе ихъ имѣютъ право только *сыновья мичъ, владѣющихъ какимъ либо недвижимымъ имуществомъ въ губерніи*

¹ Земское чиновничество и фабриканты. «Слово», № 8, 1879.

на правѣ личной собственности. Вотъ и довѣряйте такимъ дѣтелямъ дѣло регулированія крестьянскаго землевладѣнія! А вѣдь нѣтъ никакого основанія предполагать, что ярославцы или новгородцы будутъ менѣе ретиво охранять права помѣстнаго, или точнѣе, владѣльческаго сословія, чѣмъ владимірцы.

Но этого мало: самые проэскты уставовъ, по поводу которыхъ мы пишемъ, далеко не доказываютъ, что земцы, составлявшіе ихъ, забыли свои личные интересы и хлопочуть исключительно о меньшей братіи. Чтобы утвержденіе наше не было голословнымъ, остановимся подробнѣе на проэктѣ московскаго комитета о ссудосберегательныхъ товариществахъ.

Земская касса земельного кредита состоитъ при губернской земской управѣ и имѣетъ отдѣленія при уѣздныхъ управахъ. Управление кассой поручается губернской управѣ, а ближайшее завѣдываніе ею можетъ быть поручено или одному изъ членовъ управы, или лицу, избранному губернскимъ собраніемъ. Для исполненія порученій управы могутъ быть приглашаемы, съ разрѣшенія губернскаго собранія, особые агенты. Губернское земское собраніе утверждаетъ инструкціи управамъ (губернской и уѣзднымъ), избираетъ комиссію для ревизіи дѣйствій управы, постановляетъ о прекращеніи дѣйствій кассы, утверждаетъ смету расходовъ, которые покрываются ежегодными взносами заемщиковъ въ размѣрѣ не болѣе $\frac{1}{2}\%$ съ суммы долга. Оцѣнка имѣній производится уѣздною управою и представляется на утвержденіе губернской управы, которая можетъ произвести повѣрку чрезъ одного изъ своихъ членовъ или агентовъ. Какъ видите, все дѣло ведетъ губернская управа по инструкціямъ губернскаго собранія; оговорка относительно посторонняго губернской управѣ лица, которое собраніе можетъ избрать для завѣдыванія кассой, ничего не значить, такъ какъ уставъ совершенно игнорируетъ его въ послѣдующемъ изложеніи, не выясняя даже его отношеній къ управѣ и, очевидно, не вѣруя самъ въ возможность таковаго избранія. Да это и не важно—это будетъ исполнителемъ, такъ какъ суть дѣла не въ немъ, а въ распорядителѣ, которымъ во всякомъ случаѣ остается губернское земское собраніе. Но извѣстно, что если въ уѣздные гласные попадаютъ еще крестьяне и разночинцы, то въ числѣ гласныхъ губернскаго собранія они встрѣчаются уже очень рѣдко, и это собраніе состоитъ почти исключительно изъ благородныхъ представителей крупнаго землевладѣнія и крупныхъ капиталистовъ-торговцевъ. Это собраніе будетъ распоряжаться всѣми дѣлами кассы и черезъ своихъ агентовъ производить и самую оцѣнку земель. Проэктъ новгородской управы даже прямо требуетъ, чтобы оцѣнщики избирались земскими собраніями «изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ»¹. Такимъ образомъ, дѣло становится вполнѣ «семейнымъ образомомъ» и продавцы земель, крупные землевладѣльцы, являются вмѣстѣ съ

¹ См. № 208 «Русск. Вѣд.».

тѣмъ и судьями въ вопросѣ, можетъ ли земля вынести падающій на нее банковый платежъ. А можно ли довѣрять такой оцѣнкѣ? Между тѣмъ правильная оцѣнка представляетъ важнѣйшее условіе успѣха самаго дѣла, такъ какъ при слишкомъ высокой оцѣнкѣ увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія не только не улучшить, но даже ухудшить положеніе крестьянъ, потому что заставить ихъ посвящать весь свой трудъ обработкѣ своихъ земель, всѣ доходы съ которыхъ будутъ идти на уплату долга кассѣ; тогда какъ теперь крестьянинъ часть остающагося у него времени посвящаетъ постороннимъ работамъ, доставляющимъ ему чистый доходъ. Можно даже представить себѣ, что крестьяне не будутъ возражать противъ слишкомъ высокой оцѣнки, войдя, напримѣръ, въ негласное соглашеніе съ помѣщикомъ, что, при известной высотѣ оцѣнки, помѣщикъ удовольствуется суммой, полученной изъ кассы, не требуя дополнительной платы съ крестьянъ. Но, кромѣ того, высокая оцѣнка представляетъ опасность для самаго существованія кассы. Въ самомъ дѣлѣ, по § 47-му разбираемаго проекта, въ случаѣ продажи имѣнія, поступившаго въ распоряженіе кассы, ниже цифры долга кассѣ, недостающая сумма пополняется первоначально изъ запаснаго капитала, а въ случаѣ его недостаточности—изъ суммъ земства. При незначительной величинѣ запаснаго капитала, который по уставу (§ 27) пополняется взносами заемщиковъ не свыше 1/4% занятой суммы, и при возможности заранѣе предвидѣть значительное количество такихъ продажъ при высокой оцѣнкѣ, можно думать, что земство весьма скоро вынуждено будетъ приступить къ ликвидаціи дѣлъ кассы, такъ какъ принимать на свой счетъ значительную сумму убытковъ оно не можетъ. Въ этомъ отношеніи, т. е. относительно гарантіи правильности оцѣнки, московскій проектъ значительно уступаетъ даже петербургскому, хотя онъ, кажется, и явился на свѣтъ съ цѣлью исправить недостатки петербургскаго проекта, который, какъ сообщали въ свое время газеты, былъ привезенъ изъ Петербурга кн. Васильчиковымъ и прочтаны имъ въ собраніи московскаго общества сельскаго хозяйства. По петербургскому проекту, оцѣнка производится на основаніи инструкціи министерства финансовъ, и членъ правленія отъ этого министерства можетъ опротестовать правильность оцѣнки, что ведетъ за собой разрѣшеніе вопроса министерствомъ. Московскій же проектъ право составленія инструкцій переноситъ на губернское земское собраніе, хотя и не указываетъ ясно, что въ числѣ этихъ инструкцій должны быть спеціальныя инструкціи для оцѣнки имѣній и для завѣдыванія имѣніями, поступившими въ распоряженіе кредитнаго учрежденія, каковыя инструкціи совершенно опредѣленно различаетъ петербургскій проектъ. Вообще, московскій проектъ оставляетъ за министерствомъ финансовъ только право утвержденія выпуска закладныхъ листовъ и приложенія гриффа (подписи) уполномоченнаго министерства къ этимъ листамъ. Здѣсь, слѣдовательно, предоставленъ полный

просторъ земской дѣятельности, безъ всякаго вмѣшательства посторонней власти; даже самый отчетъ о дѣйствіяхъ кассы представляется министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ только *для свѣдѣнія*. Такое усердное предоставленіе безконтрольнаго распорядительства землямъ указываетъ, что хотя проэктъ и носитъ на себѣ клеймо московскаго общества сельскаго хозяйства, но надъ самымъ проэктомъ видимо работала рука земскаго дѣятеля. Характерно также, что, тогда какъ петербургскій проэктъ устанавливаетъ имущественную отвѣтственность лицъ, производившихъ неправильную оцѣнку, московскій какъ будто не допускаетъ и мысли о возможности такой неправильности, по крайней мѣрѣ, послѣ того, когда оцѣнка будетъ проверена членомъ губернской управы.

Но если такъ шатко поставлена важнѣйшая часть всего дѣла — оцѣнка, то трудно и ожидать основательной постановки другихъ частей. Слѣдующимъ по важности вопросомъ въ предлагаемомъ дѣлѣ мы считаемъ указаніе средствъ, при помощи которыхъ возможно было бы осуществить дѣло. Средство здѣсь, повидному, весьма просто: выпустить закладные листы и успокоился. На самомъ же дѣлѣ, всякіе закладные листы должны быть чѣмъ-либо гарантированы и во всѣхъ даже частныхъ земельныхъ банкахъ имѣется для этого солидный основной капиталъ. Говорю *даже частныхъ банковъ*, потому что положеніе частнаго банка въ этомъ отношеніи гораздо легче, ибо здѣсь самая земля, подъ которую выдается ссуда, можетъ быть въ большинствѣ случаевъ признана достаточной гарантіей: здѣсь, во-первыхъ, ссуда составляетъ только 60% (а не 80%) стоимости имѣнія, а, во-вторыхъ, въ случаѣ неуплаты заемщикомъ должной суммы, частному банку нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе причинъ неуплаты, и онъ можетъ прямо приступить къ продажѣ заложенной земли. Такъ не можетъ, очевидно, дѣйствовать учрежденіе, задавшееся цѣлью — помощью земли обезпечить владѣльцу ея возможность существованія. Такое учрежденіе непременно при каждой просрочкѣ должно изслѣдовать, отчего произошла просрочка, и непременно отсрочитъ заемщику платежъ въ случаѣ уважительности причинъ неуплаты. Подобную отсрочку даютъ и частные банки; такъ, напримѣръ, въ § 70-мъ устава херсонскаго земельного банка читаемъ: «непредвидѣнные несчастные случаи, какъ-то: пожаръ, градобітіе, наводненіе, падежъ скота, истребленіе хлѣба саранчей и совершенный неурожай — даютъ право просить о льготѣ со стороны общества. Льготы могутъ состоять въ освобожденіи отъ пени, въ пересрочкѣ неуплаченной части долга или *въ выдачѣ дополнительной ссуды*». Почти буквальный передачу этого параграфа представляетъ § 48-й разбираемаго нами проэкта за исключеніемъ подчеркнутыхъ словъ. Но разъ существуетъ такой параграфъ въ уставѣ, необходимымъ становится существованіе большаго основнаго капитала, такъ какъ извѣстно, что пожары, градо-

битія и всякія другія невзгоды составляютъ наши хроническія болѣзни, и потому легко можетъ случиться, что такой отсрочки платежей потребуютъ поголовно всѣ заемщики. Для характеристики того, насколько велики могутъ быть убытки отъ этихъ бѣдствій, приводимъ официальные свѣдѣнія о пожарахъ въ Россіи въ теченіи іюля нынѣшняго года. По этимъ свѣдѣніямъ въ 64 губерніяхъ и четырехъ областяхъ въ этомъ мѣсяцѣ было 2,883 пожара, принесшихъ убытку 6.003,338 рублей, т. е. въ среднемъ по 42 пожара съ убыткомъ въ сложности 8,828 руб. на губернію и область и слишкомъ 2,082 руб. на каждый пожаръ. По отдѣльнымъ же губерніямъ цифра убытковъ достигать горазда большихъ размѣровъ и составляетъ, напримеръ, для Тамбовской 585,916 руб., Курской 342,243 рубля, Самарской 303,373 р.; кромѣ того, свыше 200,000 руб. въ 8 губерніяхъ и въ 11 губерніяхъ свыше 100,000 руб. И все это въ одинъ мѣсяць, когда при томъ—по крайней мѣрѣ, въ губерніяхъ, на которыя падаютъ высшія цифры убытковъ—не было особенно выдающихся городскихъ пожаровъ и главная масса убытковъ произошла, слѣдовательно, отъ сельскихъ пожаровъ. Если къ этому прибавить еще, что официальная оцѣнка, особенно при сельскихъ пожарахъ, бываетъ значительно ниже дѣйствительной цифры убытковъ, то, очевидно, не будетъ преувеличеніемъ, полагая только 5 мѣсяцевъ съ вычисленной средней цифрой убытковъ на губернію, сказать, что общая цифра убытковъ населенія отъ пожарныхъ въ среднемъ на одну губернію составитъ въ годъ до пол-милліона. Если же къ этому присоединить еще убытки отъ градобитій и всякихъ жучковъ и т. п., то можно сказать, что убытки населенія отъ этихъ несчастій часто могутъ достигать такихъ цифръ, что вынудятъ всѣхъ заемщиковъ земской кассы просить о льготѣ. Полупроцентные взносы въ запасный капиталъ составятъ только черезъ 10 лѣтъ сумму, достаточную для уплаты процентовъ на закладные листы, считая по 6⁰/₀. Поэтому ясно, что основной капиталъ долженъ быть и притомъ не незначительный, такъ какъ при выпускѣ закладныхъ листовъ только на 1 милліонъ проценты составятъ 60,000 руб. Между тѣмъ, одинъ милліонъ въ этомъ дѣлѣ—цифра совершенно ничтожная, потому что, полагая цѣну одной десятины только въ 20 рублей и душевой надѣль или прирѣзку на душу только въ двѣ десятины, получимъ, что милліономъ рублей мы можемъ дать возможность воспользоваться ссудой изъ кассы едва 25,000 душъ или едва десяти процентамъ нуждающихся, считая число ихъ въ губерніи, при умѣренномъ расчетѣ, въ 500,000 душъ обоего пола или 250,000 мужскихъ душъ.

Необходимость этого основного капитала сознавали всѣ составители проектовъ, но только одна новгородская управа прямо сознается, что, «помимо правительственной помощи, не представляется ни малѣйшей возможности найти необходимыя для удовлетворенія этой потребности средства». Всѣ же остальные про-

жестеры старались обойти въ этомъ случаѣ помощь правительства и употребляли для этого различныя средства. Петербургскій проэктъ считалъ возможнымъ основать эти кредитныя учрежденія на принципѣ товарищества съ образованіемъ складочнаго капитала изъ 5% съ занимаемаго капитала и запаснаго капитала изъ 2% вычетовъ изъ займовъ. Но при этомъ кредитъ дѣлается слишкомъ дорогимъ, что понятно безъ особенныхъ разсужденій и потому мы на этомъ и не остановимся ¹, а перейдемъ прямо къ московскому проэктору. По этому проэктору, касса имѣетъ основной капиталъ, отчисленный губернскимъ земскимъ собраніемъ при ея учрежденіи (§ 10), и размѣръ этого капитала ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уменьшаемъ (§ 11); самый же капиталъ служить для обезпеченія исправныхъ платежей по закладнымъ листамъ и хранится въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ (§ 12). Повидимому, составитель полагалъ, что земства обладаютъ обширными капиталами и могутъ отчислить изъ нихъ значительную сумму на такое предпріятіе, какъ земская земельная касса. Но это только повидимому, на самомъ же дѣлѣ авторъ проэкта, какъ мы указали выше, очевидно, хорошо знаетъ, что земскіе капиталы слишкомъ жидки, чтобы изъ нихъ можно было отчислять такъ безповоротно значительныя суммы, и весь разговоръ объ основномъ капиталѣ есть простая мистификація. Это ясно изъ слѣдующаго. *Общая сумма находящихся въ обращеніи закладныхъ листовъ, читаемъ мы въ § 52-мъ, не должна превышать основнаго капитала болѣе, какъ въ 10 разъ; а въ § 53-мъ находимъ: закладные листы выпускаются срокомъ на 49 мѣтъ* ². Такое несоотвѣтствіе между количествомъ выпускаемыхъ закладныхъ листовъ и срокомъ ихъ погашенія было бы совершенно непонятно, еслибы не существовало §§ 20 и 21-го, изъ которыхъ узнаемъ, что, при залогѣ имѣній, уже заложенныхъ въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ или частныхъ земельныхъ банкахъ, долгъ этимъ учрежденіямъ не погашается, а переводится на кассу и касса принимаетъ на себя обязанности заемщика. Такимъ образомъ, пользуясь капиталами частныхъ кредитныхъ учрежденій (государственныхъ тутъ приписаны, вѣроятно, для красоты слога, такъ какъ теперь, какъ извѣстно, въ частныхъ банкахъ заложена часть имѣній гораздо большая, чѣмъ сколько осталось ихъ въ залогѣ въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ), составитель проэкта желаетъ по возможности уменьшить сумму

¹ Желавшихъ подробно ознакомиться съ означеннымъ проэкторомъ отсылаемъ къ статьѣ г. Воропонова «Земледѣльческой кредитъ». «Слово», № 6, 1879.

² Кстати замѣтимъ, что срокъ этотъ вычисленъ не вѣрно, такъ какъ, предполагая ежегодный взносъ на погашеніе, согласно § 27-му, $\frac{1}{2}\%$ погашеніе произойдетъ въ 44 года; это, конечно, тѣмъ болѣе относится къ тому случаю, когда платежъ назначенъ будетъ полугодичный, согласно § 29-му, и когда погашеніе происходитъ почти въ 43 года.

необходимаго основного капитала и даже, пожалуй, считать его только номинально, такъ какъ § 56-й выговариваетъ земскимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ право обращаться въ закладные листы всѣ находящіяся въ ихъ вѣдѣніи капиталы, *не исключая и тѣхъ, которые, на основаніи существующихъ узаконеній, подлежатъ храненію въ государственныя процентныя бумаги*. Если этотъ параграфъ примѣнить къ основному капиталу—а уставъ не дѣлаетъ исключенія и для него—то выходитъ, что такого основного капитала собственно можетъ и не существовать вовсе, ибо, очевидно, капиталъ, гарантирующий операциі извѣстнаго кредитнаго учрежденія, не можетъ быть выраженъ въ долговыхъ обязательствахъ этого же учрежденія. Если бы можно было допустить, что земствамъ удастся организовать дѣло такимъ образомъ, чтобы цифра ссуды изъ частныхъ банковъ была настолько значительна, чтобы земскимъ кассамъ пришлось доплачивать ничтожную часть стоимости «имѣній», то, очевидно, возможно было бы удовольствоваться самой незначительной цифрой основного капитала, напримѣръ, какими-нибудь 20,000 р. на первый разъ. Составители проекта, очевидно, имѣли при этомъ въ виду, что разъ имѣніе имѣетъ перейти послѣ залога въ частный банкъ въ руки крестьянъ, отвѣтственнымъ лицомъ за исправность которыхъ является земство, за которое, въ свою очередь, отвѣчаетъ государство (такъ какъ, по истощеніи земскихъ средствъ, гарантію, по уставу, принимаетъ на себя правительство)—то не трудно будетъ склонить правленіе этого частнаго банка и оцѣнщиковъ сдѣлать оцѣнку настолько высокой, чтобы земской кассѣ пришлось выпустить минимальное количество закладныхъ листовъ. Такимъ образомъ, общая цифра долговъ кассы можетъ быть во 100 разъ больше основного капитала, а сумма закладныхъ листовъ, могущихъ быть выпущенными, все еще не будетъ исчерпана. Это называется «и невинность соблюсти, и капиталы приобрести».

Но этотъ способъ приобретенія капиталовъ едва ли удастся земству. Прежде всего обратите вниманіе на то, что проектъ вездѣ говоритъ о приобретеніи «имѣній» и ни разу не упоминаетъ, даже по ошибкѣ, вмѣсто «имѣній» — «земель». Оно, конечно, такъ и должно быть, разъ задались цѣлью эксплуатировать частные банки, потому что въ частныхъ банкахъ закладываются обыкновенно цѣлыя имѣнія. Но вѣдь крестьянамъ нужны земли, а не имѣнія, а это вовсе не одно и то же. Въ составъ помѣщичьихъ имѣній входитъ обыкновенно барская усадьба, и хотя эти усадьбы въ большинствѣ имѣній заброшены, однако, онѣ входятъ, такъ же какъ и другія постройки и сады, въ банковую оцѣнку, и въ уставахъ всѣхъ банковъ (частныхъ) находится статья, по которой заемщикъ не только не можетъ уничтожить строеніе, вошедшее въ оцѣнку, но даже обязанъ страховать его. Это будетъ совершенно бесполезнымъ расходомъ для крестьянскихъ обществъ, такъ какъ эти строенія, очевидно, не

могутъ быть, въ бѣльшей части случаевъ, эксплуатируемы ими. Тоже самое почти нужно сказать относительно садовъ, такъ какъ эксплуатация ихъ цѣлой общиной представить большія неудобства. Такимъ образомъ, покупка цѣлыхъ имѣній въ полномъ составѣ представить значительныя неудобства для сельскихъ обществъ, и, можно думать, что если всѣ условія покупки будутъ для нихъ достаточно ясны, то затрудненія, проистекающія изъ перезалога въ частныхъ банкахъ, будутъ во многихъ случаяхъ служить препятствіемъ для покупки. Кроме того, для частныхъ банковъ будетъ также большой рискъ, полагая даже, что дѣло не ограничится одной земскою гарантіей, а будетъ существовать и гарантія правительства. Дѣло въ томъ, что разъ заемщикъ оказался неаккуратнымъ, земство можетъ отказаться отъ отвѣтственности за него и предоставить банку взыскать, по правиламъ его устава, т. е. продажей имѣнія. Рискъ здѣсь будетъ особенно великъ при залогѣ имѣній, имѣющихъ значительное количество лѣса, такъ какъ такое имѣніе можетъ быть въ значительной степени обезпѣчено уничтоженіемъ лѣса, а за цѣлость лѣса, перешедшаго къ крестьянамъ, поручиться будетъ весьма трудно. Вслѣдствіе этого, вѣроятно, многіе банки откажутся входить въ сдѣлки съ земскою кассой. Предполагая же, что крестьяне пожелають купить не все имѣніе, а только часть его земельныхъ угодій, мы встрѣтимся съ другими обстоятельствами, препятствующими посредничеству частныхъ банковъ. Важнѣйшее изъ этихъ препятствій опять будетъ въ оцѣнкѣ: если банкъ будетъ гарантированъ въ томъ, что земство ни въ какомъ случаѣ не можетъ отказаться отъ уплаты ему, банку, всей суммы займа сполна, не заставляя его прибѣгать къ продажѣ земли, то, конечно, банкъ постарается оцѣнить часть, отходящую къ крестьянамъ, возможно выше, а къ этому, по смыслу устава, должно стремиться и земство, не говоря уже о продавцѣ. Въ этомъ стремленіи къ возвышенію оцѣнки земскіе радѣтели крестьянскаго землевладѣнія легко могутъ перейти предѣлъ и тѣмъ вызвать тѣ результаты, на которые мы указали выше, говоря о высокой оцѣнкѣ. Если же банкъ не будетъ увѣренъ въ томъ, что земство во всякомъ случаѣ выплатитъ ему заемъ сполна, то онъ, очень вѣроятно, сдѣлаетъ правильную оцѣнку, которая не можетъ правиться продавцу, и покупка не состоится, если земство съ своей стороны не возвыситъ оцѣнку. Въ обоихъ же случаяхъ переоцѣнка повлечетъ за собою излишній расходъ со стороны заемщика, такъ какъ съ него взыщутъ одновременно 1% съ оцѣночной суммы въ пользу банка и 1% въ пользу земскою кассы. Можно бы, конечно, указать еще на многія другія неудобства, которыя должны возникнуть изъ вмѣшательства частныхъ банковъ, на примѣръ, слишкомъ неудобное для крестьянъ время взносовъ платежей, но всѣ эти препятствія легко устранимы, а потому мы не будемъ о нихъ говорить. Но важнѣе всего то, что такое соглашеніе съ частными банками все же не избавляетъ отъ необходимости имѣть

основной капиталъ, соответствующій по величинѣ *операціямъ* кассы, а не цифрѣ закладныхъ листовъ, потому что нельзя считать, что каждый разъ, какъ земство дастъ льготу одному изъ своихъ заемщиковъ, оно также получитъ отъ частнаго банка соответствующую льготу. Нечего, конечно, доказывать, что земства не имѣютъ такихъ капиталовъ, которые могли бы быть обращены въ основной капиталъ кассы; это они сознаютъ сами, какъ указано выше относительно новгородскаго земства, и это же нужно заключить изъ постоянно появляющихся въ газетахъ извѣстій, что земство то тутъ, то тамъ не платитъ жалованья служащимъ ему лицамъ. Притомъ всѣ имѣющіеся въ распоряженіи земства капиталы имѣютъ каждый свое специальное значеніе и даже обращеніе всѣхъ въ ихъ закладные листы, какъ проектируетъ московскій уставъ, не можетъ быть допущено; по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ капиталовъ, въ родѣ страховаго, должно быть сдѣлано исключеніе, такъ какъ въ недавнее время были факты, показавшіе, что весь этотъ капиталъ можетъ быть поглощенъ убытками отъ пожаровъ одного года; если же этотъ капиталъ будетъ находиться въ видѣ закладныхъ листовъ, то продажа ихъ могла бы затруднить выдачу страховыхъ премій, которая и безъ этого ведется не всегда аккуратно. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно продовольственнаго капитала. Остается, слѣдовательно, почти одинъ капиталъ благотворительныхъ учреждений, гдѣ таковой есть. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще, что для того, чтобы вся процедура покупки и продажи земель крестьянамъ дѣйствительно послужила для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, необходимо установить, что земля эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отчуждаема ни продажей, ни отдачей на срокъ въ другія руки. По московскому же проекту (§§ 31—47), губернская управа, въ случаѣ невзноса недоимки по истеченіи 3 хъ льготныхъ мѣсяцевъ, приступаетъ къ отобранію имѣнія у заемщика и пытается сдать его въ аренду на срокъ не болѣе 6-ти лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы арендаторъ обязался въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ внести недоимку, состоящую за обществомъ, у котораго земля отобрана и, кромѣ того, вносить бы арендную плату не менѣе всей суммы причитающихся ежегодно платежей въ кассу. Такимъ арендаторомъ, въ болѣе части случаевъ, явится, конечно, кулакъ, который одинъ только и можетъ вытянуть изъ земли эту арендную плату (составляющую до $7\frac{1}{2}\%$ покупной цѣны) и, главное, внести въ дополненіе къ этому еще сумму недоимки, лежащей на землѣ, такъ что въ 1-й годъ пользованія онъ внесетъ въ сущности, въ видѣ арендной платы, двойную сумму ежегодныхъ платежей за землю; въ ежегодной же арендной платѣ это составитъ (считая по 6% за 6 лѣтъ съ затраченнаго первоначально на уплату недоимки капитала) надбавку въ слѣдующемъ 23,5% съ номинальной арендной платы. Само собою разумѣется, что сельское общество, у котораго отобрана земля, не можетъ уже рассчитывать на помощь

земской кассы; послѣ такого афронта для него будетъ почти невозможно вновь получить землю въ свое распоряженіе и земскій кредитъ окажетъ услугу только кулаку. Если отдача въ аренду не удастся, тогда управа приступаетъ къ продажѣ по общимъ правиламъ банковыхъ уставовъ. И здѣсь, хотя и допускается переводъ долга на покупателя, но авансовый взносъ еще болѣе требуемаго при арендѣ, потому что ко дню торга нужно представлять залогъ, равный ¹/₁₀ части суммы, съ которой долженъ быть начатъ торгъ; сумма же, предложенная на торгахъ, за вычетомъ переводимаго долга, должна быть представлена въ теченіи 15-ти дней; а при такихъ условіяхъ покупателемъ опять-таки можетъ явиться только кулакъ. Здѣсь уже касса просто стремится только выручить ссуженную сумму и уставъ даже не оговариваетъ, что купить съ правомъ перевода долга можетъ только сельское общество, игнорируя § 13-й, гдѣ прямо сказано: «ссуды выдаются только сельскимъ обществамъ губерніи». Очевидно, что такія продажи подрываютъ дѣло въ корнѣ, а потому они и должны быть уничтожены. Между тѣмъ, эти продажи допускаются всѣми извѣстными намъ проектами, хотя, напримѣръ, ярославскій проектъ и допускаетъ ихъ только какъ крайнюю мѣру, требуя даже для этого разрѣшенія губернскаго земскаго собранія. Оно и понятно, что земства не могутъ поступать иначе, разъ они, подобно ярославскому, берутъ на себя не только организацію земскихъ кредитныхъ учрежденій, но даже и гарантію закладныхъ листовъ, такъ какъ земства, по ограниченности ихъ средствъ, не могутъ давать покупателямъ слишкомъ большихъ льготъ, которыя необходимы для правильности организаціи этого дѣла; да притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что тамъ, гдѣ крестьяне наиболѣе нуждаются въ землѣ и гдѣ, слѣдовательно, земствамъ придется гарантировать наибольшую сумму закладныхъ листовъ, земства окажутся, навѣрное, наиболѣе бѣдными, такъ какъ главный-то плательщикъ—крестьянинъ тамъ болѣе бѣденъ.

Изъ всего сказаннаго можно, кажется, заключить, что даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что «создать такой кредитъ (который бы доставилъ крестьянамъ возможность покупать земли) есть задача земства», какъ говоритъ ярославская управа, то все же придется согласиться съ мнѣніемъ новгородской управы, что земство не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ для выполненія этой задачи. Но мы не можемъ согласиться съ дальнѣйшими разсужденіями новгородской управы по этому поводу, а она разсуждаетъ при этомъ слѣдующимъ образомъ: такъ какъ въ правильномъ распредѣленіи землевладѣнія заинтересовано все государство, то правительство должно доставить средства для регулированія землевладѣнія, тѣмъ болѣе, что, помимо правительственной помощи, не представляется ни малѣйшей возможности найти эти средства. Далѣе управа вдругъ начинаетъ говорить о томъ, что правительство явилось бы въ этомъ дѣлѣ только въ качествѣ юридическаго лица, пользующагося наибольшимъ

довѣремъ, а въ сущности весь рискъ возможныхъ потерь падалъ бы на земство, которое гарантировало бы правительству правильное поступленіе отъ заемщиковъ процентовъ и погашенія, и этотъ рискъ возможныхъ потерь, падающій на земство, служилъ бы, видите ли, для него «побудительной причиною къ болѣе осторожности и внимательности при веденіи дѣла». Но, во-первыхъ, надо признать одно изъ двухъ: или гарантія земства имѣетъ какую-нибудь цѣну, и тогда не зачѣмъ прибѣгать къ правительственной гарантіи: или же гарантія земства не дѣйствительна, не имѣетъ никакой цѣны, тогда и гарантія земства передъ правительствомъ является пустымъ звукомъ. Во-вторыхъ, что такое земство и откуда оно возьметъ капиталы для гарантіи правительства въ аккуратности уплатъ со стороны заемщиковъ? Если земство считать представителемъ населенія известной области и допустить, что это населеніе гарантируетъ правительству аккуратность уплаты долга нѣкоторой, наиболѣе нуждающейся части его, то это значитъ признать круговую поруку всѣхъ за одного. Но тогда самое лучшее, чтобы гарантія была дѣйствительна, приписывать прямо всю цифру слѣдующихъ къ поступленію правительству уплатъ за сдѣланныя ссуды къ суммѣ расходовъ земства и распредѣлять ихъ равномерно на все населеніе, не обходя, конечно, и помѣщиковъ. Нужно думать, что управа подразумѣвала не это. Если же земство считать простымъ исполнительнымъ органомъ правительствъ, каковымъ оно и было, и есть до сихъ поръ на дѣлѣ, то гарантія, предлагаемая земствомъ правительству, имѣетъ значеніе гарантіи приказчика предъ хозяиномъ, и можетъ выразиться только въ болѣемъ усердіи земства при сборѣ недоимокъ. Но, такъ какъ избытокъ усердія обыкновенно бываетъ усердіемъ не по разуму, то, по нашему мнѣнію, лучше ужъ пусть его не будетъ. Словомъ, если допустить, что правительство даетъ для этого дѣла капиталъ или даже просто только свою гарантію, то земство уже оказывается совсѣмъ не причѣмъ и развѣ, что можетъ быть приказчиковъ или сборщиковъ недоимокъ.

Мы думаемъ, что если даже правительство, по собственному ли почину, или по ходатайству земствъ, предприметъ регулированіе крестьянскаго землевладѣнія, то болѣе широкаго участія и не должно быть предоставляемо земству до тѣхъ поръ, пока оно не измѣнитъ своего теперешняго вида. Последнее же можетъ случиться только тогда, когда будетъ уничтожено преобладающее значеніе представителей крупнаго землевладѣнія и правительство будетъ распредѣлено болѣе сообразно съ численнымъ составомъ населенія. Но, во всякомъ случаѣ о боги съ этимъ преобразованиемъ необходимо будетъ развязать руки провинціальной печати, дабы общество и правительство могли слѣдить за правильнымъ выполненіемъ дѣла; безъ этой же мѣры расширенія свободы провинціальной печати—всякія реформы будутъ приносить только половину ожидаемой отъ нихъ пользы,

такъ какъ всякій офіціальный контроль въ такихъ сложныхъ дѣлахъ не можетъ быть дѣйствителенъ.

Въ отвѣтъ на такое недовѣріе наше къ земскимъ дѣятелямъ, читатель можетъ указать намъ, что все же земству принадлежитъ заслуга первыхъ попытокъ къ осуществленію мысли объ увеличеніи надѣловъ. Мы склонны, однако, думать, что это плохая заслуга, или даже, что весь либерализмъ здѣсь представляетъ покрывшу для вовсе не либеральной погони за жирнымъ пирогомъ. Сопоставьте, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующіе факты. Всѣ три проекта земельного устройства крестьянъ, которые до сихъ поръ появились, выработаны земствами наименѣе плодородныхъ губерній Россіи, гдѣ земледѣліе, притомъ, съ давняго уже времени не имѣетъ значенія преобладающаго промысла. Рядомъ съ этимъ дворяне четвертой такой же неплодородной губерніи — Костромской, какъ сообщалъ недавно корреспондентъ «Русск. Вѣдом.», хлопочуть о томъ, чтобы открыть свой дворянскій банкъ, такъ какъ по ихъ мнѣнію, въ Костромской Губерніи для веденія хозяйства, необходимы большіе оборотные капиталы, которыхъ у нихъ нѣтъ. Но, если въ Костромской Губерніи веденіе помѣщичьихъ хозяйствъ безъ капиталовъ невозможно, то столь же невозможно оно и въ московской, ярославской и новгородской губерніяхъ, и такихъ капиталовъ у помѣщиковъ этихъ трехъ губерній такъ же мало, какъ и у костромскихъ помѣщиковъ¹, «землевлдѣльцы приобрѣли (послѣ увольненія крестьянъ) новые источники доходовъ отъ такихъ пустошей, которыя крестьяне признавали неудобными, а сами помѣщики бездоходными», но такъ какъ земледѣліе «приняло характеръ хищнической культуры» и земля быстро истощалась посѣвами льна, вырубкой лѣсовъ и культурой льна на ладахъ, то, въ концѣ-концовъ, оказалось необходимымъ или начать хозяйство на рациональныхъ началахъ, для чего недоставало капитала, или же ликвидировать дѣла, что и сдѣлало огромное большинство помѣщиковъ этой полосы. Таковъ былъ ходъ помѣстнаго владѣнія въ этой полосѣ и инымъ онъ и быть не могъ. Князь Васильчиковъ указываетъ, что въ прежнее время помѣщичьи земли здѣсь были болѣею частью на оброкѣ, вслѣдствіе чего помѣщики не имѣли даже и чисто эмпирическихъ свѣдѣній объ условіяхъ мѣстнаго хозяйства и потому, въ большинствѣ случаевъ, не сумѣли устроиться даже такъ, какъ сдѣлали это помѣщики другихъ полосъ Россіи. Устройство здѣшнихъ хозяйствъ было тѣмъ болѣе трудно, что найти арендаторовъ на земли было почти невозможно, въ виду того, что, по условіямъ мѣстнаго хозяйства, для полученія порядочнаго дохода необходимо затратить значительный капиталъ и обладать спеціальными сельско хозяйственными знаніями. Но такихъ арендаторовъ у насъ еще нѣтъ; собственныхъ же капиталовъ, а тѣмъ болѣе знаній у помѣщиковъ не

¹ Землевлад. и землед., стр. 624.



было и потому пришлось подчиниться требованіямъ крестьянъ и отдавать имъ свѣжія, не выпаханная земли подъ посѣвы льна и подъ другія культуры безъ всякаго удобренія. Когда же эти земли истощались, приходилось ихъ замѣнять новыми, для чего расчищались лѣса, что дѣлалось и въ видахъ удовлетворенія привычкамъ къ широкой жизни. Но теперь наступаетъ періодъ, когда всѣ эти доходы постепенно уменьшаются и грозятъ даже совсѣмъ уничтожиться: крестьяне земель въ аренду больше не берутъ, такъ какъ они повыпалились, а удобрять ихъ не чѣмъ ни крестьянину, ни помѣщику. Этому въ значительной степени содѣйствовали сами помѣщики, воспользовавшись тѣми неожиданными доходами, о которыхъ говоритъ кн. Васильчиковъ въ приведенной выше выпискѣ. Сказанное подтверждаютъ изслѣдованія, произведенныя московской губернской управой ¹, изъ которыхъ ясно, что только тамъ помѣщичьи земли охотно арендуются крестьянами и арендная цѣна на нихъ повышается, гдѣ крестьяне не разорены и пользуются сравнительнымъ благосостояніемъ; тамъ же, гдѣ крестьяне успѣли разориться, благодаря именно тому, что землевладѣльцы, пользуясь ихъ безвыходнымъ положеніемъ, заставляли ихъ «арендовать у себя по несоразмѣрно высокой цѣнѣ ничего не стоющія земли», тамъ «крестьяне, побившись съ своею землею нѣсколько лѣтъ, обыкновенно совсѣмъ разоряются и перестаютъ заниматься земледѣліемъ». Въ такихъ случаяхъ крестьяне говорятъ, что прекратили аренду потому, что «земля повыбилась», а удобрять ее «силъ нѣтъ», или просто потому, что «народъ очень обдѣдѣлъ».

Въ такомъ положеніи землевладѣльцамъ остается только: или ликвидировать свои хозяйства, продавши имѣніе въ частныя руки; но частные покупатели, кулаки, даютъ слишкомъ низкія цѣны, какъ говоритъ новгородская управа; или же, продавши часть имѣнія по высокой цѣнѣ, устроить другую часть на рациональныхъ началахъ или хотъ сохранить въ видѣ ценза. А чтобы продать землю дорого, стоитъ только пожелать облагодѣтельствовать меньшаго брата-мужичка, ибо сей мужичекъ, какъ извѣстно, можетъ вынести на своихъ плечахъ все, и если земля дорога для обыкновеннаго смертнаго, то для мужика она должна казаться даже дешевой. Если такое объясненіе выраженаго земцами желанія облагодѣтельствовать крестьянъ и не совсѣмъ точно выражаетъ одушевлявшія ихъ при составленіи проектовъ мысли, то все же такое объясненіе само собою напрашивается при чтеніи выработанныхъ ими проектовъ.

Но какія бы благія намѣренія ни одушевляли земцевъ при составленіи ими ихъ проектовъ, они все же взялись за дѣло неумѣло и начали не съ того, съ чего слѣдовало начать. Прежде всего необходимо помнить, что малоземелье и происшедшія изъ

¹ См. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московск. Губ., отдѣлъ хозяйственной статистики. Томъ II, отдѣлъ II, стр. 56—62.

него бѣдствія имѣютъ свою причину и эта причина должна быть выяснена обществу и правительству. Для выясненія этой причины необходимо было произвести всестороннее изслѣдованіе быта крестьянъ и это могли исполнить земства. Но могутъ ли земства, положа руку на сердце, сказать, что они дѣйствительно сдѣлали въ этомъ отношеніи все, что могли? И не имѣемъ ли мы права сказать, что мы гораздо больше узнали о положеніи крестьянъ изъ изслѣдованій частныхъ лицъ и правительственныхъ комиссій, чѣмъ изъ изслѣдованій земцевъ, которымъ, казалось бы, подобныя изслѣдованія всего доступнѣе? Еслибы земства своевременно произвели эти изслѣдованія, то, вѣроятно, правительство нашло бы возможнымъ давно уже принять мѣры къ лучшему устройству быта крестьянъ, по крайней мѣрѣ, можно навѣрное сказать, что ходатайства земствъ въ этомъ направленіи не остались бы безъ послѣдствій.

Послѣ такихъ изслѣдованій, земства, предполагая въ нихъ дѣйствительное желаніе помочь крестьянамъ, вѣроятно, пришли бы къ выводу, что прежде всего нужно позаботиться о томъ, чтобы крестьяне всѣ вышли изъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, такъ какъ переходный періодъ и безъ того затянулся слишкомъ долго. Чтобы показать, насколько необходимо для этого принять особыя мѣры, мы приведемъ слѣдующія данныя изъ книги г. Янсона: «Опытъ изслѣдованія о надѣлахъ и платежахъ». (Приложеніе, табл. I и II). По свѣдѣніямъ по 1 января 1876 г. въ 14 губерніяхъ нечерноземной полосы на 2.055,501 душа муж. пола, выкупившихъ надѣлы (считая и получившихъ $\frac{1}{4}$ надѣла и выкупившихъ безъ содѣйствія правительства) приходится 1.031,530 душа оставшихся не оброкѣ и издѣльной повинности, а въ 18 губерніяхъ черноземной полосы на 2.760,634 души первой категоріи — 992,866 душъ второй категоріи, т. е. по истеченіи 15 лѣтъ со дня обнародованія положенія 19 февраля оставалось въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ въ первой полосѣ свыше $\frac{1}{3}$, а во второй—свыше $\frac{1}{4}$ общаго числа бывшихъ крѣпостныхъ. А что это замедленіе выхода крестьянъ на выкупъ имѣетъ неблагоприятное вліяніе на бытъ крестьянъ, это видно изъ того, что оброчные крестьяне во всѣхъ мѣстностяхъ болѣе отягощены налогами, чѣмъ даже крестьяне собственники изъ бывшихъ крѣпостныхъ, которые, въ свою очередь, болѣе отягощены, чѣмъ бывшіе государственные и удѣльные. Такъ платежи крестьянъ-собственниковъ (бывшихъ помѣщичьихъ) составляютъ въ Новгородской губерніи 1 р. 82 $\frac{1}{4}$ коп. съ десятины, а временно-обязанныхъ—2 р. 14 $\frac{1}{4}$ к. съ десят.; въ Тверской собственники при полномъ надѣлѣ платятъ отъ 2 р. 21 к. до 3 р. 33 к. съ десят., а оброчные при низшемъ надѣлѣ до 7 р. 16 к. съ десят.; въ Ярославской—первыя 3—4 р., вторыя 4—5 р.; тоже повторяется во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ¹. Такимъ образомъ,

¹ Янсонъ, Изслѣдов. и проч., стр. 26 и слѣд.

если принять, что среднее превышеніе оброковъ надъ выкупными платежами составляетъ только 1 руб., то выйдетъ, что губерніи нечерноземной полосы теряютъ на одномъ этомъ 3.610,358 руб., принимая для нихъ тотъ же средній надѣлъ на душу, какой выходитъ для вышедшихъ на выкупъ ($3\frac{1}{2}$ десятины) для всей имперіи, хотя по даннымъ, приведеннымъ у г. Янсона ¹, надѣлы вышедшихъ на выкупъ въ этой полосѣ составляютъ до 3,98 десятинъ.

Но, повторяемъ, прежде, чѣмъ земства приступать къ ходатайствамъ объ ускореніи выкупа, необходимо выяснитъ, какія причины заставляютъ крестьянъ предпочитать оброкъ выкупу и уже затѣмъ принять соотвѣтствующія мѣры для устраненія этихъ причинъ. Въ сущности, конечно, объ этихъ причинахъ можно вывести заключеніе и безъ спеціальнаго изслѣдованія *теперь*, послѣ того, что уже сдѣлано по этому вопросу. Сопоставляя, напримѣръ, вышеприведенный фактъ, что почти $\frac{2}{3}$ выкупныхъ сдѣлокъ совершились по требованію помѣщиковъ, съ тѣмъ, что отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всѣхъ крестьянъ до сихъ еще не вышли на выкупъ—мы могли бы сдѣлать нѣкоторые выводы; но мы все же настаиваемъ на точномъ изслѣдованіи вопроса, въ виду того, что только цифры и факты вѣрно бьютъ въ цѣль. До тѣхъ же поръ, пока ходатайства земствъ будутъ основываться не на цифрахъ и фактахъ, правительство не можетъ принять ихъ во вниманіе, потому что безъ этихъ данныхъ оно не можетъ составить себѣ понятія ни о размѣрахъ нужды, ни о мѣрахъ, необходимыхъ для устраненія ея.

Затѣмъ, прежде чѣмъ дѣлать опыты увеличенія крестьянскихъ надѣловъ путемъ покупки для нихъ земель, за гарантіей ли земства или правительства—все равно, намъ кажется совершенно необходимымъ проведеніе нѣкоторыхъ предварительныхъ законодательныхъ мѣръ. Такой мѣрой мы считаемъ въ особенности регулированіе условій аренды, безъ чего самая покупка земель можетъ оказаться не къ выгодѣ крестьянъ. Это понятіе уже изъ сказаннаго нами выше о слѣдствіяхъ высокой оцѣнки земель, такъ какъ оцѣнка земли производится по доходности ея, а эта доходность въ большей части случаевъ, опредѣляется той суммой аренды, которую можно взять за землю. Не продастъ же никто земли, если онъ можетъ получить за нее арендную плату, превышающую % съ того капитала, который ему предлагаютъ за землю. А что арендные цѣны на земли теперь въ большей части случаевъ ненормально высоки, это уже можно думать, зная нужду крестьянъ въ землѣ. Но чтобы указать приблизительныя величины ихъ, мы воспользуемся уже цитированнымъ выше «Сборникомъ», изданнымъ московскимъ земствомъ. Здѣсь мы находимъ въ Вороновской волости Подольскаго уѣзда, при средней выкупной цѣнѣ десятины земли въ 20 руб. 63 к., среднюю арендную цѣну въ 3 руб. 10 к.; т. е. около 15%; въ Домодѣдовской воло-

¹ Тамъ же, табл. II приложеній.

сти покупная цѣна 10 руб. 19 к., средняя арендная 3 р. 45 к., т. е. 34⁰/₀; въ среднемъ же, во всѣхъ волостяхъ уѣзда покупная цѣна 28 р. 12 к. за десят., а арендная 3 р. 16 к., т. е. болѣе 11⁰/₀. Скажутъ, можетъ быть, что законъ здѣсь не можетъ сдѣлать ничего, такъ какъ арендная сумма опредѣляется добровольнымъ соглашеніемъ. Но въ отвѣтъ на это возраженіе мы приведемъ слова князя Васильчикова, который говоритъ ¹: «Добровольное соглашеніе стороны нанимающей, арендующей помѣщичьи земли, хотя по закону и предполаается исполнѣе вольнымъ, но въ дѣйствительности, въ болѣе части случается, оказывается вынужденнымъ; и поэтому, въ концѣ концовъ, если не желать окончательной экспроприаціи всѣхъ сельскихъ обывателей, надо законодательнымъ порядкомъ установить нормальныя кондіціи арендныхъ сдѣлокъ, при несоблюденіи конкъ договоръ теряетъ свою силу. Если запрещается продавать себя въ личное рабство, то точно такъ же можно запретить отдавать себя и въ хозяйственную кабалу». Подобное регулированіе арендныхъ сдѣлокъ можно было бы произвести на тѣхъ же приблизительно основаніяхъ, какъ это сдѣлано въ Ирландіи, такъ называемымъ land-bill'емъ 1872 года. Главное правило этого закона то, что «въ случаѣ неуплаты арендной суммы, дѣло переносится на разсмотрѣніе поземельнаго присутствія, которое обсуждаетъ, не произошла ли неисправность фермера отъ требованія слишкомъ высокой платы, и въ случаѣ, если находитъ требуемую плату дѣйствительно непосильной, можетъ отказать владѣльцу въ правѣ увольненія фермера», или же «принудить помѣщика къ уплатѣ арендатору всѣхъ проторей и убытковъ» ². Мы должны при этомъ оговорить, что для успѣшнаго проведенія этой мѣры, кромѣ полной независимости членовъ поземельнаго присутствія необходимо также, чтобы за правильнымъ исполненіемъ ими своихъ обязанностей могла наблюдать мѣстная пресса, свободная отъ цензуры.

Но въ дополненіе къ этому закону, регулирующему аренду, необходимо издать также законъ, регулирующий болѣе совершеннымъ образомъ наемъ рабочихъ и вообще отношенія работодателя къ работнику, такъ какъ у насъ кабала, по крайней мѣрѣ, настолько же вызывается отношеніемъ работодателя къ работнику, какъ и отношеніями арендатора къ землевладѣльцу. А что такая кабала существуетъ, это доказали изслѣдованія Трирогова и другихъ, и можно думать, что она представляетъ настолько общее явленіе, какъ и малоземелье. Наблюденіе за выполненіемъ этого закона можно бы возложить въ деревняхъ на тѣ же поземельныя присутствія. Эти мѣры, т. е. регулированіе арендованія земель и отношеній нанимателя къ работнику, по нашему мнѣнію, должны быть проведены раньше такихъ, какъ увеличеніе землевладѣнія, потому что, не требуя затраты значительной

¹ «Землевлад. и землед., т. I, стр. 146.

² Тамъ же, стр. 145.

суммы, они могут сразу быть введены во всемъ государствѣ, и, въ силу этого, дѣйствіе ихъ окажется быстрѣе и, кромѣ того, самое осуществленіе ихъ облегчить значительно дѣло регулированія крестьянскаго землевладѣнія.

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Всѣ предложенные проекты регулированія крестьянскаго землевладѣнія можно назвать проектами земскими, потому что они дадутъ преобладающее значеніе въ дѣлѣ завѣдыванія кредитными учрежденіями—земскимъ дѣятелямъ.

2) Проекты эти не выдерживаютъ критики по слѣдующимъ соображеніямъ: а) дѣло это не можетъ быть поручено земствамъ, потому что въ нихъ заправилами являются крупные землевладѣльцы, интересы которыхъ также замѣшаны въ этомъ дѣлѣ и которые, на этомъ основаніи, не могутъ считаться безпристрастными; б) земство не можетъ принять на себя гарантіи выпускаемыхъ закладныхъ листовъ, вслѣдствіе своей экономической несостоятельности; в) проекты эти носятъ на себѣ характеръ, заставляющій предполагать въ составителяхъ заднюю мысль; наконецъ, д) проекты дурно разработаны въ деталяхъ и потому въ нихъ встрѣчаются даже противорѣчія.

Предлагаемыя нами мѣры—регулированія аренды и отношеній работниковъ къ нанимателямъ, мы, какъ видно изъ всего сказаннаго, не считаемъ рѣшающими вопросъ, а только предварительными мѣрами, которыя, кромѣ указанной подготовки почвы для рѣшенія вопроса объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія, могутъ еще помочь намъ ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣла.

А. Скворцовъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Затрапезныя инсуррекціи.—Банкеты легитимистовъ въ Парижѣ и провинціяхъ.—Письмо Эрве и рѣчь Баранова.—Вагдейская демонстрація.—Сдержанность графа Шамбора.—Бонапартисты и Паскаль.—Слова Гриви.—Выборъ Эмбера.—«La République Française» и полная амнистія.—Циркуляръ Ле-Ройа.—Отставка роялистскихъ мѣровъ.—Оправданіе судомъ Кассаньяка и осужденіе «Марсельезы».—Возвращеніе Ферри.—Повѣдка Луи Блана.—Образъ дѣйствій Гамбетты.—Разногласія въ центральныхъ группахъ палаты.

Политическое затишье сентября было нарушено въ концѣ этого мѣсяца дѣльмъ рядомъ легитимистскихъ банкетовъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ.

О банкетахъ этихъ было очень торжественно заявлено допотопными представителями легитимизма, утверждавшими, что они вполне готовы для осуществленія «мужественныхъ рѣшеній», но участіе въ нихъ было принято въ цѣлой Франціи не болѣе, чѣмъ тремя тысячами шестистами французовъ, изъ ея тридцати шести миллионнаго населенія.

Главнѣйшій изъ этихъ католико-монархическихъ банкетовъ происходилъ въ замкѣ Шамборѣ, замкѣ, именемъ котораго рѣшился называться Генрихъ V, со времени своего изгнанія, въ 1830 году. На банкетъ этотъ явилось нѣсколько дальнихъ сельчанъ, полагавшихъ, что устроители праздника покажутъ имъ за десертомъ самого претендента. Делегаты католическихъ клубовъ были вполне убѣждены, что если Генриху V и не удастся самолично появиться на банкетѣ, то имъ дадутъ, по крайней мѣрѣ, случай видѣть лицо, которое могло бы ему наследовать въ случаѣ, еслибы провидѣніе призвало на лоно Авраама потомка по женской линіи Людовика XVI и Людовика Святого. Но, увы! имъ не удалось увидѣть даже журналиста Эрве, редактора «Soleil», этого главнаго выразителя интересовъ Орлеановъ, ставшихъ наследниками Генриха V, послѣ знаменитаго слиянія (fusion). Овъ передъ самымъ банкетомъ открытымъ письмомъ, надѣлавшимъ немало шума между монархистами, отказался отъ приглашенія легитимистовъ участвовать на манифестаціи. Обстоятельство это, однако же, не помѣшало оратору-громовержцу Бараньону, этому главнѣйшему столпу алтаря и престола, заявить на банкетѣ торжественно, что все уже вполне подготовлено во Франціи для того, чтобы законная монархія, такъ нетерпѣливо ожидаемая всѣми французами, могла немедленно водвориться, чуть только исчезнетъ республика. Республика же, въ угоду Бараньону, должна сама устроить свое уничтоженіе, такъ какъ разрушать ее ораторъ, въ качествѣ сенатора, нетолько никогда себѣ не позволитъ, но считаетъ несогласнымъ съ его положеніемъ, при настоящемъ порядкѣ вещей, даже и другимъ совѣтовать что-либо подобное. Въ теченіи болѣе получаса Бараньонъ возглашалъ: «Да здравствуетъ король!» предварительно оговорившись въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы не оказываемъ сопротивленія законамъ, мы не приглашаемъ никого къ заговорамъ и мятежамъ и далеки отъ того, чтобы не признавать существованія республики, которая очевидна для насъ». Вслѣдъ за Бараньономъ, на томъ же банкетѣ, говорилъ маркизъ де-Рошеюнь, въ которомъ «Фигаро» провидитъ «государственнаго человѣка будущаго». Рѣчь этого «будущаго» не отличалась уже тою сдержанностью, какую выказалъ Бараньонъ, и была вся преисполнена брани и нападенія противъ... статуи республики.

Въ Марсели на легитимистскомъ банкетѣ предсѣдательствовалъ маркизъ де-Фореста, тотъ самый де-Фореста, къ которому Генрихъ V писалъ свое извѣстное, появившееся въ газетахъ

письмо, подавшее повод къ устройству банкетовъ. Де-Фореста, въ качествѣ королевскаго повѣреннаго, старался показать видъ, что ему конфиденціально извѣстно многое, о чемъ другіе и не догадываются. «Король нашъ, сказалъ онъ: — недавно высказалъ мнѣніе, что онъ желаетъ спасти Францію, а въ настоящую минуту мы уже имѣемъ всѣ данныя, чтобы утверждать съ увѣренностью, что онъ ее спасетъ». На этомъ же банкетѣ одинъ изъ участниковъ высказалъ слѣдующую наивно забавную мысль, которая, разумѣется, тотчасъ же и была поднята на смѣхъ всѣми либеральными газетами: «Что возстановленіе королевской власти, сказалъ онъ: — не подлежитъ никакому сомнѣнію и неизбѣжно, мы можемъ заключить уже по тому, что еслибы намъ не предстояло видѣть короля-чуда, то для насъ оставалось бы совершенно непонятнымъ и рожденіе дитяти-чуда (enfant de miracle)!!!».

Въ Пуатье — пунктѣ, съ котораго начинается та Вандея, на которую, какъ на операционный центръ, рассчитываютъ клерикалы, въ случаѣ возникновенія искусственнаго возбужденія междоусобія, участники банкета къ крикамъ: «Да здравствуетъ король!» набожно прибавляли восклицанія въ честь святаго Михаила, въ день котораго происходилъ банкетъ.

Тому же святому посвященъ былъ и одинъ изъ парижскихъ банкетовъ, происходившій въ Елисейскихъ Поляхъ, въ ресторанѣ Ле-Дойена, посѣщаемомъ обыкновенно почти исключительно каменьями и вокотками. На этомъ банкетѣ присутствовало много офицеровъ изъ воспитанниковъ іезуитскихъ школъ, и эти члены республиканской арміи позволяли себѣ, указывая на ордена, полученные ими въ 1870—71 годахъ, открыто говорить слѣдующее: «Ордена эти заслужены нами въ сраженіяхъ, во время которыхъ сердца наши бились преданностію къ Генриху V; явись онъ завтра во Францію, и мы отдадимъ ему эти сердца и обнаживъ за него наши шпаги!»

На банкетѣ въ Пасси одинъ изъ уроженцевъ Вандеи, де Ля-Мартиньеръ, клялся своею честью, что «вся Вандея исполнѣ готова встрѣтить, какъ велитъ долгъ, торжественную минуту королевскаго возвращенія!» На банкетѣ въ Монпарнасъ, устроенномъ дровяникомъ, поставляющимъ дрова для парижскихъ церквей, произошли нѣкоторые недоразумѣнія. Въ то самое время, когда въ помѣщеніи банкета начались тосты въ честь короля, съ улицы послышались радостныя восклицанія республиканцевъ. Пирующіе побѣдодовали и поторопились закрыть окна, опасаясь, что нечестивые ворвутся къ нимъ и немедленно начнется свалка. Тревога оказалась, однако, напрасной. Крики слышались извнѣ и нисколько не относились къ легитимистамъ. Парижане въ этотъ день встрѣчали на монпарнаскомъ дебаркадерѣ коммунаровъ, возвращавшихся изъ Нумеи, и криками своими привѣтствовали появленіе ихъ въ Парижѣ.

Еще большаго страха натерѣлись участники банкета Мон-

мартрскаго квартала. Устроители этого праздника заняли ресторанъ въ нижнемъ этажѣ весьма оживленной улицы, и когда гости, послѣ обильныхъ возліаній, стали превозглашать тосты, то въ залѣ стало такъ душно, что пришлось отворить окна. Какъ разъ въ это самое время массы рабочихъ, окончивъ свои занятія, возвращались съ фабрикъ и проходили этою улицею. Раздававшіеся изъ ресторана возгласы пирующихъ: «Да здравствуетъ короля!» пришлось не по нутру рабочимъ, и вотъ у оконъ ресторана собралась толпа въ четыреста человѣкъ. Но полиція стала уговаривать рабочихъ разойтись, и толпа, благодаря тому, что это вмѣшательство было произведено самымъ вѣжливымъ образомъ, послушалась и мирно разошлась.

Изъ всего мною сказаннаго слѣдуетъ, что правительство могло бы привлечь къ суду многихъ изъ участниковъ банкетовъ, если бы захотѣло примѣнить къ легитимистамъ тѣ законы строгости, какіе реакція 1871—77 годовъ удержала въ кодексѣ. Мало того, всѣмъ этимъ частнымъ собраніямъ могъ быть приданъ характеръ публичныхъ и авно мятежныхъ, такъ какъ на всѣхъ банкетахъ подписывался одинъ и тотъ же адресъ Генриху V, въ которомъ говорится: «Мы никогда не забудемъ, что родившійся 29 сентября 1820 года герцогъ Бордоскій Генрихъ, прозванный Богомъ-даннымъ, былъ привѣтствованъ одновременно, какъ дитя Франціи и какъ дитя цѣлой Европы. Между тѣмъ, Франціи все еще недостаетъ королевской власти, и въ этомъ смыслѣ Европа все еще ждетъ настоящей Франціи... Поэтому, мы все еще ждемъ нашего короля и всѣ наши помыслы и сердца принадлежать ему: пусть же онъ располагаетъ нами, какъ своими лучшими и преданнѣйшими вѣроподданными...»

Разумѣется, республиканское правительство имѣло бы полное право, особенно, если бы у насъ нашлось для этого достаточно безпристрастныхъ судей, приложить къ легитимистамъ, подписавшимъ этотъ адресъ, тѣ неотмѣненные еще законы времени реставраціи и имперіи, по которымъ они должны подлежать наказанію тюремными заключеніями и значительными штрафами, какъ «члены тайнаго общества, открыто стремящіеся къ низверженію законно-существующаго порядка», но съ другой стороны совершенно понятна та терпимость, какую оказываетъ къ нимъ правительство, въ виду ихъ крайняго безсилія и того комизма ихъ положенія, которое дѣлаетъ ихъ смѣшнѣе извѣстныхъ заговорщиковъ оперетки «Дочь г-жи Анго». Такъ, въ этомъ самомъ адресѣ они далѣе помѣщаютъ такую фразу: «Мы рѣшились не политическіе люди (!), мы только простые рабочіе». Какъ покажется читателямъ это удачное выраженіе?

Несмотря на всю нелѣпость такого фарса, «Фигаро» принялъ за серьезное эту комическую манифестацію, такъ что можно было подумать, что воскресъ самъ печальной памяти Виллемсаанъ. Два нумера сряду этой газеты были сплошь наполнены обсужденіями глубокаго и важнаго значенія легитимистскихъ

банкетовъ, адреса роялистовъ къ королю и вообще движенія во Франціи въ пользу восстановленія королевской власти. Легитимистскіе органы, съ своей стороны, съ немалою торжественностью, стали заявлять, что республика уже близка къ совершенной гибели, что дни ея сочтены и что ей дано монархистами торжественное предостереженіе. Все это, конечно, только смѣшно, но не смѣшно то, что, благодаря снисходительности правительства, весьма многие изъ участниковъ банкетовъ, у которыхъ закружилась голова, получили возможность послѣ этихъ банкетовъ появляться въ свои помѣстья въ самыхъ темныхъ закоулкахъ Франціи и заявлять въ средѣ бывшихъ своихъ вассаловъ о восстановленіи своего прежняго могущества, о томъ значеніи, какое они получили снова во Франціи, и о томъ, что республика оказалась совершенно безсильною, чтобы противодѣйствовать ихъ планамъ и намѣреніямъ. Это подало поводъ къ тому прискорбному обстоятельству, что «католическая Вандея», столь прославленная на легитимистскихъ манифестаціяхъ 29-го сентября, позволила себѣ такую демонстрацію, относительно которой терпимость республиканскаго правительства не имѣетъ уже рѣшительно никакого оправданія. 14-го октября, жители мѣстечка Рошана-Гонъ, принадлежащаго къ такъ называемой нѣкогда *бурбонской*, а потомъ *Наполеоновской Вандеи*, собрались на банкетъ подъ предѣдательствомъ нелѣпаго легитимистскаго депутата де-ла-Бассетьера, составили и подписали свой отдѣльный адресъ Генриху V. Адресъ этотъ, до-нельзя мятежный, напоминаетъ инсurreкцію 1793 года, съ участіемъ иноземцевъ, и показываетъ, что вандейцы остались совершенно тѣми же шуанами, какими были тогда. Въ адресѣ этомъ заключается, ни больше ни меньше, какъ прямое заявленіе его величеству, что внуки де-Шарретовъ и де-Кателино готовы по мановенію его руки снова произвести все то, что производили ихъ дѣды!

Фропдорфскій изгнанникъ не соблазнился, однакоже, готовностью на рѣзню новыхъ шуановъ, и не только не поспѣшилъ во Францію на гостепримный призывъ своихъ нетерпѣливыхъ вѣрнопопавшихъ, не позволилъ себѣ отвѣтить печатно ни на одинъ изъ обоеихъ ихъ адресовъ. Мало того, когда одинъ изъ горячихъ легитимистовъ сталъ учреждать *общество легитимистовъ дѣйствія*, Генрихъ V отправилъ приказаніе прекратить всякую вербовку въ члены общества «до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не подастъ роялистамъ сигнала для открытія дѣйствій». Очевидно, графъ Шамборъ сообразилъ, что усердіе не по разуму его сторонниковъ можетъ достигнуть только того, что республиканское правительство, потерявъ наконецъ всякое терпѣніе, заставитъ непокойныхъ конспираторовъ явиться передъ судомъ исправительной полиціи.

Въ это же время разнеслась во Франціи фраза, только что произнесенная президентомъ республики Гриви: «Слѣдуетъ все

позволять говорить и ничего не позволять дѣлать». Слова эти немедленно охладили воинственный пылъ потомковъ рыцарей крестовыхъ походовъ, хотя и совершенно напрасно, такъ какъ, если республиканское правительство и рѣшилось перейти къ болѣе активному образу дѣйствія, то никакъ не относительно легитимистовъ или имперіалистовъ, выдающихъ себя въ настоящее время за анти-клерикаловъ и демагоговъ. Такъ, напримѣръ, жеромистамъ прошло совершенно безнаказанно, такъ сказать, открытое политическое пришествіе въ честь Наполеона V, на которомъ особенно рѣзко и, если хотите, весьма мятежно отличился всѣмъ извѣстный бывший орлеанитъ Паскаль, скомпрометровавшій самое 24-ое мая своимъ знаменитымъ циркуляромъ, въ которомъ онъ, въ качествѣ помощника государственнаго секретаря, предлагалъ префектамъ самыя невозможныя и противозаконныя мѣры, для совращенія журналистовъ съ пути правды и чести. Президентъ республики и министерство, очевидно, были удивлены и озадачены тѣмъ, что, рядомъ съ этими относительно ничтожными и мало значущими выходами и манифестаціями совершенно обезсиленныхъ старыхъ партій, возникло неожиданное движеніе непримиримыхъ, значеніе котораго, впрочемъ, по моему мнѣнію, весьма преувеличено.

Возвращеніе амнистированныхъ, происшедшее въ началѣ этого мѣсяца, носило бы тотъ же мирный и братскій характеръ, какъ и возвращеніе комунаровъ въ сентябрѣ, еслибы рядомъ съ комитетомъ для помощи возвращеннымъ, подъ предсѣдательствомъ В. Гюго и Луи Блана, не возникъ другой комитетъ для пособія амнистированнымъ и не амнистированнымъ, подъ управленіемъ Жюльа Гада и подъ протекторатомъ газеты «Марсельеза». Соперничество депутатовъ этихъ комитетовъ при встрѣчѣ вновь возвращавшихся нѣсколько возбудило комунаровъ и изъ среды ихъ, вмѣсто единодушнаго крика «да здравствуетъ республика», раздались нѣсколько голосовъ, закричавшихъ: «да здравствуетъ коммуна». Вслѣдъ за тѣмъ, два или три случая смерти амнистированныхъ подали поводъ къ ихъ торжественнымъ похоронамъ, на которые собрались значительныя массы населенія предмѣстій, и на кладбищѣ были неосторожно произнесены горячія рѣчи. Въ это же самое время предстоялъ выборъ члена въ муниципальный совѣтъ отъ Жавельскаго округа Парижа, населеннаго почти сплошь рабочими, и какъ «Марсельеза», такъ и социалистскій комитетъ для пособія, о которомъ я упоминалъ, не хотѣли упустить случая попытаться провести своего кандидата противъ буржуазнаго кандидата газеты «Siècle». Выборъ ихъ палъ на Альфонса Эмбера, только что возвращеннаго изъ Новой Каледоніи, коммунара и бывшаго сотрудника весьма рѣзкой газеты «Père Duchêne». Эмберъ сначала отклонялъ отъ себя эту неожиданную честь, хорошо понимая, что самый его успѣхъ можетъ принести существенный вредъ, тѣмъ изъ его товарищей, которые еще остались въ ссылкѣ или изгнаніи. Но

когда онъ, несмотря на свое отреченіе, получилъ, при первой баллотировкѣ, триста голосовъ, то поддался вліянію своихъ сторонниковъ и друзей, и согласился остаться кандидатомъ и при перебаллотировкѣ. Перебаллотировка эта происходила 12-го октября и, благодаря усердію крайнихъ, онъ былъ выбранъ большинствомъ 60-ти голосовъ.

Между этими двумя баллотировками, при отсутствіи изъ Парижа Гамбетты, который, впрочемъ, уже отказался отъ всякой отвѣтственности за статьи, помѣщаемыя въ газетѣ «République Française», въ газетѣ этой появилась статья главнаго ея въ настоящее время редактора Ранка, который, несмотря на то, что сохраняетъ за ней характеръ оппортунизма, высказался за полную и неограниченную амнистію. Цѣль этого манёвра заключалась въ томъ, чтобы воспрепятствовать неосторожному избранію Эмбера и обезпечить выборъ за умѣреннымъ кандидатомъ, который, впрочемъ, тоже высказался вполне опредѣленно и ясно за полную амнистію, но, разумѣется, безъ всякихъ апологій коммуниѣ. Когда избраніе Эмбера обмануло миролюбивыя надежды «République Française», то въ ней появился цѣлый рядъ статей, цѣлю которыхъ было какъ смягчить по возможности важность значенія выбора Эмбера, который поспѣшили тотчасъ же эксплуатировать въ свою пользу имперіалисты и роялисты, такъ и внушить министерству мысль, что для превращенія въ самое началъ движенія коммунарровъ надлежитъ немедленно распространить помилованіе на всѣхъ тѣхъ коммунарровъ, которые еще не помилованы.

Еще неизвѣстно, какъ станетъ дѣйствовать правительство въ вопросѣ объ амнистіи, грозящемъ вызвать столько разнообразныхъ трудностей и затрудненій при открытіи палаты. Депутаты лѣваго центра и республиканскаго союза мало по малу начинаютъ возвращаться въ Парижъ и, судя по слухамъ, новое предложеніе о полной амнистіи будетъ, вѣроятно, отвергнуто депутатами и, навѣрное, сенатомъ. Это-то именно обстоятельство и должно было бы побудить министерство, не теряя времени, выказать свое великодушіе и распространить помилованіе на возможно большее число осужденныхъ и озаботиться яснымъ мотивированіемъ причинъ, почему остальные не могутъ быть помилованы. Въ востоящую минуту Гриви только-что переѣхалъ въ Елисейскій дворецъ и, очевидно, ведутся дѣятельныя приготовленія къ тому, чтобы слова *ничего не позволять дѣлать* не было пустымъ звукомъ. Министръ юстиціи отправилъ ко всѣмъ генеральнымъ прокурорамъ циркуляръ, въ которомъ съ торжественною краткостью предлагаетъ «продавать суду всѣ рѣчи, печатныя статьи и акты, которые окажутся противузаконными и подлежащими преслѣдованію»; такъ какъ, говорится далѣе въ этомъ документѣ, на собраніяхъ, въ рѣчахъ и въ разнаго рода печатныхъ произведеніяхъ уже нѣсколько недѣль сряду заявляются мятежныя стремленія и угрозы ниспро-

верженія существующаго порядка. Министръ внутреннихъ дѣлъ воспользовался настоящими обстоятельствами, чтобы въ той мѣрѣ, насколько это отъ него зависитъ, сдержатъ безумства роялистовъ. Онъ смѣстилъ около 20—25 мэрровъ, кричавшихъ «да здравствуетъ король!» на банкетѣ въ Рошъ-на-Тонѣ. Онъ лишилъ званія мэра въ Виреландѣ (Жирондскій департаментъ) и своего боеваго товарища, сенатора де-Карайонъ-Латура, давая этимъ ему понять, что онъ отниметъ отъ него, за его нескрываемую ненависть къ республикѣ, и командованіе территориальною арміею. Къ совершенному переформированію кадровъ этой арміи министръ намѣренъ приступить немедленно, такъ какъ при образованіи ихъ правительствами 24-го и 16-го мая имѣлась преимущественно въ виду тайная цѣль переполнить ихъ такими элементами, которые дѣлали бы изъ этого войска настоящій роялистскій или имперіалистскій резервъ. Къ несчастію, при президентствѣ Гриви, какъ и при Тьерѣ суды, щадящія по прежнему реакціонеровъ, накидываются со всею строгостію на однихъ только радикаловъ, такъ что, еслибъ несмѣняемымъ судьямъ предоставить еще нѣсколько больше воли, то они уничтожили бы даже самыхъ преданныхъ друзей правительства! Въ настоящую минуту болѣе чѣмъ когда-нибудь чувствуется неотложная необходимость отмены того множества законовъ, доставшихся намъ отъ прежнихъ правительствъ, которые тяготѣютъ надъ нашей печатью и какъ только придетъ новый (относительно либеральный) законопроектъ о печати, выработанный комиссіею подъ предсѣдательствомъ Эмиля де-Жирардена, то, при первыхъ попыткахъ примѣненія закона къ практикѣ, для всѣхъ рѣшительно станетъ очевидно, что наши судебныя учрежденія требуютъ немедленной и радикальной реформы, а судебный персоналъ—коренного измѣненія своего состава.

До тѣхъ поръ все будетъ идти по старому и, благодаря несмѣняемости судей, Поли де-Кассаньяки (какъ это снова произошло на дняхъ) будутъ постоянно оправдываемы и судами ассизовъ, и судами исправительной полиціи, а каждаго республиканца, справедливо или несправедливо привлеченнаго къ отвѣтственности, эти судьи съ злобною ироніею будутъ приговаривать къ высшей мѣрѣ наказанія.

Девятая палата суда исправительной полиціи присудила, 21-го октября, «за нападки на судебную власть и восхваленіе дѣйствій, признаваемыхъ закономъ преступными», муниципальнаго совѣтника Альфонса Эмбера къ шестимѣсячному тюремному заключенію и 2,000 фр. штрафа, а редактора газеты «Marseillaise» къ заключенію на мѣсяць и 5,000 фр. штрафа, и, кромѣ того, еще къ тысячѣ фр. штрафа за другой проступокъ—опубликованіе въ газетѣ письма Анри Рошфора (безъ подписи Рошфоръ имѣетъ право хоть каждый день печатать свои статьи). Не довольствуясь этими двумя наказаніями, судьи приговорили еще, на основаніи закона временъ имперіи, вошедшаго въ законъ

Бюффе-Дюфора конца 1875 года, ту же «Marseillaise» у къ прекращенію въ теченіи 15-ти дней.

Я знаю навѣрное, что приговоръ этотъ привелъ въ негодованіе какъ министра юстиціи Ле-Ройэ, человѣка весьма честнаго и либеральнаго, такъ и начальника его кабинета Антонена Дубожа, сотрудника журнала «Позитивная философія». По всѣмъ вѣроятностямъ, этотъ случай заставитъ поторопиться министра юстиціи съ законопроектомъ судебной реформы, который находится въ настоящее время въ его рукахъ.

Реакціонная пресса въ восторгѣ отъ осужденія Эмбера; всѣ ея органы чуть не каждый день посвящаютъ цѣлыя столбцы брани противъ *освобожденнаго каторжника*, какъ они его называютъ. Оправданный судомъ Поль-де-Кассаньякъ нисколько не уступаетъ въ этомъ смыслѣ другимъ журналистамъ реакціоннаго лагеря и закликаетъ своихъ единомыслиниковъ въ «Рауз» всегда и во всѣхъ вопросахъ подавать голоса вмѣстѣ съ непримиримыми, чтобы достигнуть, говоря его изящнымъ выраженіемъ, того, чтобы республика «сама себя сожрала». Такое ликованіе реакціонеровъ, само собой разумѣется, никого не огорчаетъ: одною изъ причинъ того, что сторонники монархіи не успѣли произвести реставраціи въ то время, когда монархисты держали въ своихъ рукахъ номинальную республику, было то, что они отерты конспирировали въ реакціонной печати. Теперь, будучи побѣждены, они повторяютъ ту же самую ошибку, и можно быть вполне увѣреннымъ, что благодаря ихъ нелѣпому образу дѣйствій, республика будетъ спасена и выйдетъ, наконецъ, изъ того ложнаго положенія, въ которое она встала, не сдумавъ или не будучи въ состояніи ликвидировать сразу то прошлое, въ которомъ она нисколько не виновата, и выступить прямо на новый путь будущаго.

Жюль Ферри окончилъ свой объѣздъ южныхъ департаментовъ посѣщеніемъ Ліона, гдѣ передъ окнами «Hôtel de-Ville»'а собралась густая толпа для заявленія своего сочувствія седьмой статьѣ. На заявленія эти, Ферри отвѣчалъ въ такихъ выраженіяхъ: «Ваше сочувствіе меня чрезвычайно радуетъ, такъ какъ оно даетъ правительству ту силу, которая ему необходима для борьбы съ его врагами... Республиканское правительство единодушно, оно никогда не измѣняло себѣ и въ томъ законѣ, который былъ мною предложенъ, не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ. Вѣрите мнѣ, это правительство отступать не станетъ!» Отправившись черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Парижъ въ Кулломьеръ, находящійся въ его окрестностяхъ, на открытіе тамъ коллежа, министръ народнаго просвѣщенія получилъ новый случай сказать рѣчь противъ клерикаловъ и въ пользу національнаго университета, на этотъ разъ въ средѣ собственниковъ крестьянъ, на которыхъ весьма сильно подѣйствовалъ его призывъ помогать правительству въ противодѣйствіи врагамъ революціи 1789 года,

«той революціи, которая дала имъ возможность владѣть землею и пользоваться политическими правами».

Такъ какъ по возвращеніи Жюль Ферри, на югъ поѣхалъ Луи Бланъ, то реакціонеры надѣялись, что какія-нибудь неосторожныя выходки одного изъ главѣйшихъ коноводовъ непримиримыхъ разрушатъ то благопріятное впечатлѣніе, какое было произведено на населеніе словами министра. Ничего подобнаго, однакожь, не произошло, хотя «Univerz» и «Figaro» и печатали извѣстія въ этомъ смыслѣ, якобы полученные ими отъ своихъ корреспондентовъ. То, что говорилъ знаменитый историкъ въ Тулонѣ 5-го, и въ Кавальонѣ (Воклюзскаго департамента) 20-го октября о захватахъ духовенствомъ непринадлежащей ему власти и о томъ, что общественное образованіе должно покоиться на тѣхъ національныхъ основахъ, о которыхъ говорится въ знаменитыхъ докладахъ членовъ національнаго конвента — могло служить только подтвержденіемъ взглядовъ, высказанныхъ министромъ. Но, кромѣ того, Луи Бланъ весьма краснорѣчиво говорилъ о необходимости развода, поддерживая этимъ то движеніе, которое начато его другомъ Накэ. Правда, что Луи-Бланъ говорилъ три рѣчи и о значеніи социализма, но высказывалъ при этомъ тѣ взгляды, какіе онъ имѣлъ на него еще въ 1848 году. Кромѣ того, онъ высказывался и противъ оппортунизма въ такомъ тонѣ, который далъ надежду правымъ на то, что между лѣвыми произойдетъ неизбѣжный коренной расколъ; но этого опасаться рѣшительно нечего. Настоящая агитація находится себѣ откликъ развѣ только на страницахъ радикальныхъ газетъ. Весьма можетъ быть, что въ Ліонѣ, гдѣ предстоитъ сдѣлать нѣсколько выборовъ, въ муниципальный совѣтъ будетъ избрано нѣсколько непріятныхъ для правительства лицъ, но и въ Ліонѣ, какъ и въ Парижѣ, агитація эта имѣетъ весьма незначительное число сторонниковъ, а населеніе небольшихъ городовъ и деревень не принимаетъ въ ней рѣшительно никакого участія. Дурной урожай пшеницы, плохіе сборы винограда и стачки въ различныхъ сферахъ промышленности — вотъ что составляетъ настоящую заботу населеній, которыя, однакожь, нисколько не сваливаютъ причины этихъ бѣдъ на республиканское правительство, такъ какъ они видятъ, что оно принимаетъ всевозможныя мѣры для помощи народу и лучше всѣхъ прежнихъ правительствъ можетъ облегчить для него тяжесть произведеннаго этими бѣдами положенія. Министръ земледѣлія и торговли, Тираръ, на открытіи въ Дромскомъ департаментѣ новаго ирригаціоннаго канала, заявилъ, что, благодаря различнымъ поступленіямъ въ болѣею противъ рассчитаннаго въ бюджетѣ количества, можно будетъ гораздо ранѣе и въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это предполагалось, приступить къ значительнымъ работамъ для подмятія національныхъ производствъ и доведенія ихъ до высшей степени процвѣтанія, что, по его удачному выраженію, «должно какъ бы увеличить самое протяженіе французской территоріи».

Всѣ рассказы, какія появлялись за послѣднее время на страницахъ передовыхъ статей «Фигаро», а оттуда проникали и въ европейскую печать о несогласіяхъ въ министерствѣ, о сочувствіи президента республики къ лѣвому центру, о заявленномъ имъ желаніи подать въ отставку въ случаѣ недоразумѣній, съ палатою депутатовъ, также какъ о коварныхъ планахъ Гамбетты, были уже офиціально опровергнуты и, смѣю васъ увѣрить, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, не имѣли ни малѣйшаго серьезнаго основанія для своего возникновенія. Относительно Гамбетты, все остается въ томъ же положеніи, о которомъ я нѣсколько разъ говорилъ въ цѣломъ рядѣ своихъ послѣднихъ корреспонденцій. Тоже самое, что я вамъ передавалъ, говорятъ теперь и англійскія газеты. Вотъ, на примѣръ, что напечатано объ этомъ въ одной изъ послѣднихъ корреспонденцій: «Гамбетта рѣшительно не станетъ во главѣ министерства до тѣхъ поръ, пока ему не покажется, что республика находится въ опасности; теперь онъ этого еще не находитъ и нисколько не мечтаетъ честолюбиво о захватѣ власти Греви въ свои руки. Онъ твердо рѣшился ждать истеченія семидѣятнаго срока полномочій президента республики, въ которомъ онъ видитъ не соперника, а друга, обязаннаго ему тѣмъ, что, благодаря его твердому вмѣшательству, республиканская партія возвела его единодушно на постъ Мак-Магона».

Вообще, настоящее положеніе таково, что, несмотря на поѣздку Луи Блана, на возникновеніе новой газеты «Grand Parisien», подъ редакціею Клемансо, вовсе не слѣдуетъ особенно опасаться, чтобы, при открытіи сессіи въ декабрь, министерство непремѣнно было бы низвергнуто крайнею лѣвою, при помощи нѣкоторыхъ членовъ республиканскаго союза. Не слѣдуетъ также особенно опасаться и того, что число членовъ лѣваго центра въ палатѣ станетъ постоянно увеличиваться. Реакціонные планы получили слишкомъ большую гласность и радикалы, конечно, не попадутъ въ западню. Что же касается до умѣренныхъ, то въ средѣ ихъ столько фракцій и различныхъ теченій, что имъ положительно трудно разобратся въ средѣ различныхъ и противоположныхъ стремленій своихъ единомышленниковъ. До сихъ поръ главная ихъ фракція имѣла своими органами «Débats», «Temps» и «Globe», но вотъ появился новый органъ «Parlement», служащій выраженіемъ идей Дюфора, и остается развѣ только одному Жюлю Симону затѣять свою газету. Политическая литература, разумѣется, ничего не потеряетъ отъ такого увеличенія числа газетъ, а увеличеніе числа группъ различныхъ республиканскихъ партій, нисколько не послуживъ въ пользу реакціи, произведетъ, такъ сказать, нейтрализацію различныхъ вліяній, что приведетъ къ тому, что на будущее время и кризисы потеряютъ всякій характеръ рѣзкости. Министерство не будетъ низвергнуто, но министры, его составляющіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, должны будутъ пріурочиться къ обстоятельствамъ.

Что же касается до Гриви, то отъ него нельзя ждать никакихъ необдуманныхъ дѣйствій, въ родѣ преждевременнаго выхода въ отставку и т. д. Это человекъ, умѣющій съ безпечною вѣрностью соединять строгую вѣрность принципамъ и твердость характера. Онъ не способенъ къ безплоднымъ колебаніямъ. На дняхъ онъ говорилъ одному изъ своихъ друзей слѣдующія слова: — «Если меня назначили президентомъ республики, то сдѣлали это, вѣроятно, потому, что знали, что я способенъ заставить уважать законъ. Въ моемъ положеніи, я не позволяю себѣ имѣть другихъ мнѣній; кромѣ этого, я совершенно увѣренъ, что никто во всемъ томъ, что я въ продолженіи всей моей жизни дѣлалъ, говорилъ и писалъ, не найдетъ рѣшительно ничего, что бы противорѣчило моему уваженію къ закону при всякихъ обстоятельствахъ, относительно каждаго и противъ всѣхъ». Изъ дальнѣйшаго разговора Гриви, собесѣдникъ его понялъ, что слова его настолько же относятся къ роялистамъ и имперіалистамъ и что если начались преслѣдованія радикаловъ, то того же должны ждать и старыя партіи. Что бы ни говорили газеты и самъ пророкъ всѣхъ несбывающихся предсказаній, Эмиль де-Жерарденъ, Гриви нисколько не озадаченъ настоящимъ положеніемъ вещей во Франціи и не связываетъ своей личной судьбы съ перемѣнами въ министерствѣ. Главною своею задачею онъ считаетъ охраненіе законовъ. Выборъ же министерствъ онъ предоставляетъ законодательной власти. Въ этомъ вся его сила, и поэтому онъ и долженъ считаться образцовымъ президентомъ республики.

II.

Театральныя новости: недостатокъ хорошихъ новыхъ пьесъ и изобиліе посредственныхъ. — «Жонатанъ», комедія гг. Гондина, Освальда и Жиффара. — «Кукушечка», Адольфа Бело и Эмиля Нюса. — «Страданія матери», Альфонса де-Лона. — «Лодотгъ» и «Аббатъ» на сценѣ театра Водевилля. — «Мельница Рупейрака», Фалье. — «Винцентгорнись», историческая хроника Анри Мартена. — «Крошка», Мориса Драке. — «Les Raques fleuries», оперетка Лакома. — Концертъ Патти въ Тровадерскомъ Дворцѣ.

Сверхъ всякаго ожиданія, расчеты парижанъ на хорошую осень послѣ невозможнаго лѣта оказались несостоятельными. Осень была нисколько не лучше лѣта, и вотъ всѣ тѣ, кто уѣзжалъ изъ Парижа съ цѣлью отдыха, вынуждены были возвратиться. Съ этимъ возвращеніемъ «всего Парижа», съ половины октября начался, какъ и всегда это бываетъ, самый разгаръ театральнаго сезона и въ погонѣ за новостями, мнѣ приходится чуть не каждый вечеръ проводить въ театрѣ.

Но, несмотря на значительную многочисленность и разнообразіе театральныхъ новостей, мнѣ рѣшительно нечего сообщить

вамъ. Я знаю, что для вашихъ читателей не можетъ быть несколько интересно ни перечисленіе всѣхъ неудачныхъ нашихъ новыхъ драматическихъ произведеній, ни передача содержанія относительно лучшаго изъ этой массы драмъ, комедій, водевилей, которыя всѣ положительно ниже посредственности и не заслуживаютъ несколько критическаго въ нимъ отношенія. Я знаю и то, что я давно долженъ былъ надобѣсть вашимъ читателямъ своими постоянными жалобами на упадокъ драматическаго искусства во Франціи, а между тѣмъ, это фактъ прискорбный, но несомнѣнный, и вотъ уже около десяти лѣтъ, дѣло стоитъ въ одномъ и томъ же положеніи, несколько не подвигаясь впередъ. Хроникѣру поэтому не остается ничего другаго, какъ констатировать этотъ фактъ, для нагляднаго уясненія его каждый разъ иллюстрировать его бѣглымъ просмотромъ того мѣняющагося матерьяла, который хоть какими-нибудь сторонами и хоть сколько-нибудь выдается изъ общаго уровня посредственности...

На сценѣ театра Гимназіи пользуется значительнымъ успѣхомъ пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ гг. Гомдине, Освальда и Жиффара: «Жонатанъ», что-то въ родѣ оперетки безъ музыки, построенной на самомъ невѣроятномъ сюжетѣ. Несмотря на это, парижане въ восторгѣ отъ пьесы и, слѣдовательно, я не могу не познакомить васъ съ тѣмъ, чѣмъ она восхищается. Жонатанъ и Вильямъ Карпеттъ—двоюродные братья и такіе друзья, какихъ мало въ мірѣ. Живутъ они въ Америкѣ, гдѣ у Вилльама такіа серьезныя торговни дѣла, что онъ ихъ не можетъ оставить ни на одну минуту. Между тѣмъ, ему сватаютъ его парижскіе корреспонденты очаровательную невѣсту, Анджелу Буаморо, у которой такъ много претендентовъ, что промедли Вильямъ хотъ немного и ее тотчасъ же выдадутъ за другаго. Бѣдный Вильямъ не знаетъ, что ему дѣлать и останавливается, наконецъ, на мысли отправить въ Парижъ своего кузена съ тѣмъ, чтобы замѣнить его, разумѣется фиктивно, въ семьѣ невѣсты, до тѣхъ поръ, пока дѣла не позволятъ ему самому освободиться и ѣхать въ Парижъ. Жонатанъ беретъ съ радостью услужить своему другу, не предугадывая всѣхъ трудностей, какія могутъ ему предстоять въ этомъ цекотливомъ положеніи. Онъ ѣдетъ въ Парижъ и принимается семьей Буаморо, какъ Вильямъ и женихъ. Анджелъ онъ очень нравится и она, ничего не подозревая, позволяетъ въ себѣ разгораться чувству любви, заронившемуся въ ней съ первой же встрѣчи съ Жонатаномъ какъ въ жениху, избранному для нея родителями. Старикъ Буаморо замѣчаетъ это, радуется успѣху своего плана и торопится какъ можно скорѣе узаконить бракъ подписью контракта въ присутствіи мэра. Между тѣмъ, какъ ни торопится Вильямъ своимъ выѣздомъ изъ Америки, ему все что-нибудь въ этомъ препятствуетъ. Жонатанъ, съ своей стороны, придумываетъ всевозможные предлоги, чтобы отсрочить роковой день формальной подписи контракта и дово-

дѣло до того, что родители уже насильно тащутъ его къ мѣру. Контрактъ подписанъ; Жонатанъ становится мужемъ Анджелы, но онъ вмѣстѣ и вѣрный другъ и вполнѣ честный человѣкъ, почему и не хочетъ пользоваться случайно полученными имъ правами и продолжаетъ ждать Вилльяма, чтобы передать ему съ рукъ на руки Анджелу. Ни о какихъ своихъ супружескихъ правахъ онъ рѣшительно не хочетъ и слышать; влюбленная Анджела въ горькомъ отчаяніи, что на каждое свое желаніе къ нему приласкаться постоянно встрѣчаетъ суровый отпоръ и какіе-то непонятные для нея резоны. Родители и родственники узнаютъ, наконецъ, объ особенностяхъ положенія новобрачныхъ. Начинаются всевозможныя предположенія, невыгодныя для личности Жонатана: одни подозрѣваютъ, что у него любовница, а можетъ быть даже и три, другіе доводятъ свою проникательность до того, что допытываются, не былъ ли онъ въ плѣну у турокъ и не состоялъ ли зрителемъ при сералѣ, но ничто не дѣйствуетъ на твердаго въ дружбѣ Жонатана; ни просьбы, ни упреки и увѣщанія родителей, ни соблазнъ постоянной близости очаровательной дѣвушки, которую Жонатанъ, противъ своей воли, успѣлъ глубоко полюбить. Наконецъ, родители, видя, что ничто не беретъ, начинаютъ угрожать ему судебнымъ процессомъ. Страхъ суда и скандала съ одной стороны, и любовь съ другой—рѣшаютъ дѣло: судруги сближаются какъ разъ въ то время, когда Вилльямъ появляется въ Парижѣ. Тогда Жонатану не остается ничего другого дѣлать, какъ стараться избавиться отъ Вилльяма, что ему и удается, такъ какъ для этого подыскивается какой-то благовидный предлогъ. Послѣ всего мною сказаннаго, я думаю, вѣтъ надобности прибавлять, что значительную часть своего успѣха пѣса обязана игрѣ актеровъ. И дѣйствительно, Сен-Жерменъ, Ландроль и г-жа Май, какъ исполнители, превзошли самихъ себя.

Какъ ни снисходительна, ни неразборчива наша публика, особливо публика второстепенныхъ театровъ, но въ Палэ-Рояльскомъ театрѣ произошелъ случай, который нашимъ драматическимъ авторамъ слѣдовало бы принять къ свѣденію. какъ предостереженіе въ томъ, что всему есть мѣра и что имъ слѣдовало бы остановиться въ своей постоянной погонѣ за скабрѣзными сюжетами, скандальными сценическими положеніями и всевозможными непристойностями, какими они стараются привлечь публику. все болѣе и болѣе развращая ее, притупляя ея вкусъ къ простой и здоровой умственной пищѣ, не брезгая никакою безнравственностью самаго грубаго свойства и заботясь только о томъ, чтобы придавать произведеніямъ своей развратной фантазій возможно уютчивую форму. Наконецъ, и выносившие нервы посѣтителей Палэ-Рояльскаго театра не выдержали, и пѣса двухъ извѣстныхъ писателей, романиста Адольфа Бело и стараго драматурга Эжена Нюса, не только была освистана, но возмутившаяся публика не дала ее даже окончить. Я говорю о «Куку-

печках» (Les petits soussous). Вся она построена на томъ, что старый развратникъ, на склонѣ лѣтъ, начинаетъ ощущать приливы родительскаго чувства и пускается въ поиски по своимъ прежнимъ любовницамъ для отысканія своихъ дѣтей. Изъ дамъ, любезностями которыхъ онъ нѣкогда пользовался, онъ отыскиваетъ только двухъ. У каждой изъ нихъ множество дѣтей, изъ которыхъ одни своимъ происхожденіемъ обязаны законнымъ мужьямъ, другія—герою пьесы, третьи — его предшественникамъ или наслѣдникамъ. На этомъ завязывается пьеса, развязки которой публика, къ чести ея, не хотѣла досмотрѣть. На сценѣ театра «Клюни» имѣла значительный успѣхъ слезливая мелодрама Альфонса де Лоиза: «Страданія матери» («Le Supplice d'une mère»), замыкающая собою, такъ сказать, цѣлую серію всякихъ «supplices», нѣкоторыя изъ которыхъ успѣли, конечно, и вамъ давно надобѣтъ на сценѣ вашего Михайловскаго театра. Мать, прегрѣшавшая въ молодости, имѣетъ двоихъ дѣтей, изъ которыхъ одно законное, а другое—плодъ увлеченія молодости. Дѣти вырастаютъ и влюбляются другъ въ друга до того, что для воспрепятствованія ихъ браку матери не остается другого средства, какъ опозорить себя и открыть свою тайну. Но въ самую критическую минуту, по неисповѣдимымъ судьбамъ мелодраматическаго творчества, оказывается, что кто-то изъ дѣтей, ужь не знаю сынъ или дочь, принадлежитъ не ей; бракъ дѣлается возможнымъ, и хорошо проученная мать, получивъ достодолжное возмездіе за свой грѣхъ, имѣетъ право утереть свои слезы. Все это старо, затасканно и весьма грубо скомпановано; но въ пьесѣ есть нѣсколько живыхъ сценъ, которыя ведены чрезвычайно естественно; написана она отличными языкомъ, а нѣкоторые монологи исполнены такой теплоты и задушевности, что успѣхъ мелодрамы обезпеченъ и остается только пожалѣть, что весьма хорошіе узоры вышиты на такой грубой канвѣ.

Театръ «Водевила» не ставилъ еще своей новой пьесы, а дѣлаетъ хорошіе сборы возобновленной комедіей Леона Гозлана, «Чучело льва» (Le Lion empaillé). Пьеса эта стара и страшно заиграна, но публика идетъ въ театръ потому, что вмѣстѣ съ ней идутъ двѣ небольшія пьески, въ которыхъ не безызвѣстна вамъ Селина Шомонъ положительно восхитительна и производитъ рѣшительный фуроръ. Одна изъ нихъ принадлежитъ гг. Мельяку и Галеви и называется «Лолотта». Свѣтская барыня, приготовляясь къ домашнему спектаклю, беретъ уроки декламации у актрисы, и съ такимъ успѣхомъ, что выучивается произносить фразу: «я васъ люблю» такъ естественно, что тутъ же высказываетъ ее одному лицу своего круга, которымъ она заинтересована; на что и получаетъ въ отвѣтъ: «а я никого и никогда не буду любить, кромѣ васъ», сказанную такъ же просто, и отъ души, такъ что они съ этой минуты начинаютъ вполне довѣрять другъ другу. Другая пьеса называется «Аббатыкъ» (Le petit abbé),

и написанная для одного лица, даетъ возможность Селинѣ Шомонѣ быть около часа передъ глазами публики въ костюмѣ молодого аббата, собирающагося въ первый разъ въ своей жизни явиться въ роли соблазнителя свѣтской дамы, которой онъ рекомендованъ письмомъ своего дяди. Селина Шомонъ, съ тонкой граціей, напоминающей игру Дежаза, проводитъ всю эту сцену, читаетъ книгу, которая должна, по мнѣнію аббата, научить его соблазнять дамъ, поетъ гривуазные куплеты, положенные восклицательно на музыку Гризаромъ и совершенно кружатъ голову парижанамъ, любящимъ тонкое исполненіе художественныхъ сценическихъ мелочей.

Ни на «Театрѣ французской комедіи», ни въ «Одеонѣ», гдѣ «вновобновленія» даютъ хорошіе сборы, не появлялось еще новыхъ сезонныхъ пьесъ и только «Третій французскій театр» рискнулъ поставить пьесу въ стихахъ, да еще въ добавокъ александрійскихъ, начинающаго, но уже не молодого автора Фалье, «Мельница Рупейрака», драму изъ сельскаго быта, преисполненную патріотизма и... весьма неудачную.

Сенаторъ и академикъ Анри Мартенъ, какъ извѣстно, весьма почтенный историкъ и очень честный политическій дѣятель, но онъ вовсе не поэтъ въ высокомъ смыслѣ этого слова. Несмотря на это, ему удалось произвести значительное впечатлѣніе и вызвать даже настоящій энтузіазмъ зрителей своими тремя пѣснями драматической поэмы «Верценжеториксъ», шедшими на первомъ изъ драматическихъ международныхъ утръ сезона 1879—1880 гг., открытыхъ «Театромъ Націй». Передъ представленіемъ онъ самъ читалъ объясненіе на свою пьесу. Успѣхомъ своего произведенія онъ обязанъ сценѣ втораго акта, въ которой Верценжеториксъ предлагаетъ Цезарю, только-что имъ побѣжденному, заключить союзъ противъ варваровъ, угрожающихъ одинаково Риму и Галліи. Всѣ поняли аллегорію, заключающуюся въ этой сценѣ, на современное положеніе Франціи относительно Германіи и даже не охотники до стиховъ, особенно посредственныхъ, были поражены высотой чувствъ и мыслей, высказанныхъ въ этой сценѣ. Верценжеториксъ рѣшительно не сценичная пьеса и, какъ спектакль, не можетъ имѣть успѣха и удовлетворить зрителей, но это безспорно весьма добросовѣстный историческій этюдъ, чрезвычайно драматично разработанный. Онъ не доставитъ Анри Мартену славы Виктора Гюго, но и не испортитъ его извѣстности, какъ историка и академика.

La Petiote (Крошка), какъ показываетъ само названіе, пьеса изъ народнаго быта, написанная весьма талантливымъ хроникеромъ газетъ «Globe» и «La Paix», Морисомъ Драке, но такъ какъ онъ писалъ ее для театра Шато до, то и сдѣлалъ попытку введенія въ разговоръ выведенной имъ шайки разбойниковъ argot каторжниковъ, какъ Зола ввелъ argot кабаковъ въ «Assommoir». Посѣтители театра Шато-до нисколько этимъ не скандализировались и пьеса имѣла большой успѣхъ, такъ какъ въ

ней очень много драматическихъ перипетій и великодушныхъ порывовъ, которые въ народной средѣ всегда находятъ себѣ откликъ. У очень молодой дѣвушки только-что зарѣзали отца и ей почему-то представляется, что мать ея была участницей въ этомъ злодѣяніи. Съ отчаянія она бросается въ воду, но ее спасаютъ цыганы и удерживаютъ въ своемъ таборѣ, надѣясь извлечь для себя выгоду изъ ея молодости и красоты. Дѣвушку выручаетъ молодой художникъ, въ мастерской котораго она сталкивается съ своей матерью. Изъ этой встрѣчи проистекаетъ дѣйствительно потрясающая сцена, когда дѣвочка не соглашается признать своей матери, не рѣшаясь, однако, высказать ей въ глаза причину этого; но она сообщаетъ ее художнику, который и рассказываетъ все дѣло судебному слѣдователю. Начавшееся слѣдствіе мѣшаетъ матери дѣвочки, неповинной въ убійствѣ своего мужа, выйти замужъ за его настоящаго убійцу, нѣкоего Отто Стадлера, выдающаго себя за доктора, въ сущности же главы шайки убійцъ, ведущей постоянныя сношенія съ цыганами, которыхъ мы уже видѣли. Невообразимая эта путаница даетъ возможность въ четвертомъ актѣ весьма эффектной сцены объясненія между матерью и дочерью, а въ пятомъ, ведетъ къ благополучному заключенію брака между художникомъ и молодой дѣвушкой. Разумѣется, подобныя пьесы не могутъ нравиться развитой публикѣ, но Драке написалъ ее въ видѣ опыта, чтобы убѣдиться, обладаетъ ли онъ средствами производить на публику впечатлѣніе, такъ какъ уже нѣсколько времени онъ занятъ сочиненіемъ серьезной драмы на сюжетъ одного изъ романовъ Дюма-отца и при сотрудничествѣ Дюма-сына.

Я не стану рассказывать вамъ содержаніе новой оперетки: «Raques Fleuries», появившейся на сценѣ театра «Folies Dramatiques». Либретто ея весьма неудачно, хотя и принадлежитъ ему одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ водевилистовъ, Делякура. Къ сожалѣнію, онъ писалъ его вмѣстѣ съ покойнымъ Клервиллемъ, а когда, по окончаніи, увидалъ, что пьеса не удалась, и хотѣлъ ее передѣлать, то не получилъ на это разрѣшенія ничего непонимающихъ въ литературѣ наслѣдниковъ Клервилля. Это тѣмъ болѣе жаль, что музыка оперетки, написанная Лакомбомъ, уже извѣстнымъ публикѣ по другой, весьма удачной опереткѣ «Жанна, Жанета и Жантонъ», чрезвычайно хороша и исполнена первостепенныхъ красотъ легкаго жанра. Нѣкоторые мѣста въ ней положительно могутъ быть поставлены въ образецъ музыкальнаго изящества, до какаго могутъ доходить комическія оперы. Въ смыслѣ шутовства Лакомбъ, разумѣется, стоитъ несравненно ниже не только Оффенбаха и Эрве, но даже и Леккоа. Никто лучше его не введетъ въ музыку шаловливаго мотива, но онъ лишентъ совершенно способности грубаго фарса, заставляющаго публику хохотать до упада. Ужасно жаль, что въ Парижѣ нѣтъ оперныхъ сценъ, для которыхъ онъ могъ бы работать. Будемъ надѣяться, что такую сцену доставитъ ему новый театръ народ-

ной оперы, въ который въ скоромъ времени долженъ обратиться Gaité.

На той же будущей сценѣ мы увидимъ въ февралѣ мѣсяцѣ и Патти. Въ октябрѣ она была проездомъ въ Парижѣ и дала большой концертъ въ Трокадерскомъ дворцѣ въ пользу общества взаимнаго вспомошествованія лирическихъ и драматическихъ артистовъ. Устраивая этотъ концертъ, кромѣ благотворительной цѣли, она имѣла въ виду посмотрѣть, какъ приметъ ее парижская публика послѣ ея злосчастной исторіи съ маркизомъ де-К^о. Парижъ принялъ ее съ распростертыми объятіями, какъ избалованнаго ребенка. Обѣ аріи, которыя она пропѣла, ее заставили повторить отъ первой до послѣдней нотки и, въ знакъ признательности, она пропѣла третью. Энтузіазмъ, произведенный ея пѣніемъ, былъ полнѣйшій и долженъ былъ разсѣять всѣ ея страхи и опасенія. Принята была она, однимъ словомъ, съ такимъ восторгомъ и сердечностью, на какіе, конечно, не могла и рассчитывать.

III.

Литературныя новости: нѣсколько словъ объ Эмиль Золя и его новомъ романѣ: «Нана». — «Марта» романъ Гюисманса. — Появленіе «Новаго Обзорѣнія».

Едвали до настоящаго времени о какомъ либо литературномъ произведеніи заявлялось во Франціи съ такимъ трескомъ и блескомъ, чуть не съ трубными звуками и барабаннымъ боемъ, какъ о томъ, что Эмиль Золя написалъ новый романъ изъ временъ второй имперіи «Нана», который и намѣревался помѣщать въ фельетонахъ газеты «Вольтеръ», издаваемой однимъ изъ бывшихъ редакторовъ «République française». Появленію этого романа въ печати очевидно старались придать размѣры европейскаго и чуть даже не міроваго событія. Всѣ средства рекламы пущены были для этого въ ходъ и недоставало развѣ только того, чтобы по парижскимъ улицамъ развѣзжали герольды и объявляли на перекресткахъ жителямъ о всерадостномъ и великомъ событіи. Герольдовъ этихъ замѣнили, впрочемъ, разнощики газетъ, надѣлавшіе пѣшеходовъ въ изобиліи объявленіями о «Нана». Всѣ 500,000 лицъ, имена которыхъ помѣщены въ «Ежегодномъ лексиконѣ комерціи», получили въ дома свои въ Парижѣ и провинціяхъ особыя извѣщенія о времени, съ котораго новый романъ начнетъ печататься въ «Вольтерѣ». Во всѣхъ газетахъ было напечатано, что Золя получилъ за «Нана» отъ редакціи «Вольтера» круглую сумму въ 50 тысячъ франковъ! Въ ней же, раньше появленія романа, помѣщались какъ сочувственные объ немъ отзывы, такъ и сердитыя выходы противъ его автора. Но всего этого Эмилю Золя, очевидно, казалась мало, и

онъ, такъ сказать, злоупотребилъ рекламой. Начиная печатать «Нана» въ фѣльетонѣ «Вольтера», онъ сталъ помѣщать въ верхнихъ ея столбцахъ объяснительные этюды (пять или шесть статей), подъ названіемъ «Экспериментальный романъ». Въ этюдахъ этихъ онъ занялся прославленіемъ какъ себя самого, такъ и того значенія его романовъ, которое они, по его мнѣнію, должны были имѣть не только въ литературѣ, но и въ политической и социальной жизни народовъ. Въ статьяхъ этихъ онъ зацѣлся на такую высоту научной терминологіи, что у него, безспорно талантливаго романиста, но весьма слабого и непривычнаго мыслителя — совершенно закружилась голова и онъ наговорилъ съ три короба нелѣпостей, приписавъ беллетристикѣ такія свойства, какихъ она никогда не можетъ имѣть. То направленіе, котораго онъ служитъ представителемъ, по его мнѣнію, не должно уже болѣе называться натуралистическимъ или реалистическимъ, какъ это до сихъ поръ считалось, а детер-ми-на-тив-но-экспе-римен-та-льнымъ! такъ какъ современные натуралисты-романисты, по его словамъ, наблюдаютъ и производятъ опыты (!) и все ихъ творчество проистекаетъ изъ тѣхъ сомнѣній, съ которыми они относятся къ необъясненнымъ явленіямъ и малоизвѣстнымъ истинамъ, до того момента, когда экспериментальныя идеи, внезапно проснувшіяся, не заставляютъ встрепенуться ихъ генія (!) и не побуждаютъ ихъ *произвести рядъ опытовъ* для анализа фактовъ и господства надъ ними. Такимъ образомъ, ихъ произведенія изъ простыхъ «жизнейскихъ протоколовъ», какъ, со словъ же Золя, это повторялось недавно, приобрѣтаютъ характеръ научно-аналитическихъ актовъ. Экспериментальный романъ продолжаетъ физиологію, въ свою очередь опирающуюся на химію и физикъ, замѣняетъ изученіе абстрактнаго и метафизическаго чловѣка изученіемъ чловѣка естественнаго, подчиненнаго физико-химическимъ законамъ, и детерминируетъ вліяніе среды. Однимъ словомъ, наша литература настолько же соотвѣтствуетъ вѣку науки, какъ классическая соотвѣтствовала вѣку схоластики и теологіи. Вслѣдствіе всего этого, современный романистъ, какъ Золя, становится «провозгласителемъ ближайшихъ причинъ», такъ какъ, по словамъ Клода Бернара, «ближайшія причины и суть опредѣляющія (детерминирующія) феноменъ». Обязанности же писателя детерминиста весьма сложны и не легки, онъ, конечно, долженъ видѣть, творить «практическую социологію, помогаетъ политическимъ и экономическимъ наукамъ, распоряжается (*est maître*) добромъ и зломъ, регулируетъ (*règle*) жизнь, регулируетъ общество, исподволь разрѣшаетъ *все* проблемы социализма (хорошо еще что не сразу) и въ особенности доставляетъ прочныя основы истицы, разрѣшая опытнымъ путемъ вопросы криминалистики».

Прочтя такое предисловіе, разумѣется, публика не могла не проникнуться особеннымъ благоговеніемъ къ роману «Нана», долженствующему быть практическимъ осуществленіемъ всѣхъ чудесъ новой теоріи Золя. Читать въ фѣльетонахъ романы, осо-

бенно романы съ такимъ важнымъ фізіолого-соціологическимъ значеніемъ, неособенно удобно, не дожидаться окончанія «Нана», чтобы упиться сразу ея красотами, рѣшительно не позволяеть возбужденная до точки кнѣжная любовательность... Дѣлать нечего, приходится пока хотя бѣгло пробѣжать тѣ пять или шесть фельетоновъ, которые уже появились... Фельетоны эти прочтываются и... ничего особенно страшнаго не оказывается. Вся исторія пока только заключается въ поведеніяхъ экстраординарной кокетки, въ родѣ покойной Бланшъ д'Антины, съ чертами грубости, названными ей авторомъ отъ любой уличной Цирцей... Въ чемъ состоятъ особенности новаго романа Зола пока видѣть нельзя и это должно быть составлять еще тайну автора... Никакихъ признаковъ какого-либо глубоко научнаго смысла въ «Нана» рѣшительно не разберешь, а потому, въ ожиданіи конца романа, я думаю, что на начало его можно взглянуть, какъ на самое ординарное произведеніе.

Съ этой точки зрѣнія многое въ «Нана» бросается въ глаза.

Во-первыхъ, читателя должно поразить стремленіе Зола уснащать свой разсказъ такими словами и выраженіями, какія ни въ одной литературѣ не принято употреблять въ печати и которые редакция «Вольтера», не желая, вѣроятно, доставлять суду исправительной полиціи прочныя основы для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ криминалистики, сочла необходимымъ замѣнять точками. Вслѣдствіе такого противоположнаго стремленія автора и редакціи текстъ романа испещренъ рядами точекъ, а читатели такъ и остаются въ неизвѣстности о томъ, какъ директоръ театра «Варьета» называетъ свой театръ, хотя онъ и повторяетъ это названіе безпрестанно, что сказала молодая дѣвушка при выходѣ изъ ложи послѣ перваго представленія съ участіемъ «Нана», какое общественное положеніе той дамы, которая приглашаетъ «Нана», нуждающуюся въ 300 франковъ, получить 400, и какое названіе носитъ тотъ домъ, куда она ее приглашаетъ. Если подобное нововведеніе должно составлять необходимую принадлежность экспериментальныхъ романовъ, то едва ли этому слѣдуетъ радоваться.

Поразить читателя также крайнее незнаніе Зола бытъ кокетки, вѣхъ нравовъ, дѣлающее, конечно, большую честь его цѣломудрію (извѣстно, что онъ въ самой ранней молодости женился самымъ буржуазнымъ образомъ и всегда былъ хорошимъ семьяниномъ), но нисколько не объясняющее, почему онъ для своего *опытнаго романа* избралъ такой рѣшительно незнакомый ему типъ. Результатомъ же этого являются такіа, напримѣръ, негѣпности. Нана имѣетъ громадный успѣхъ въ публикѣ, послѣ перваго своего появленія на сценѣ; «Фигаро» посвящаетъ ей цѣлую статью, какъ восходящей драматической «звѣздѣ»; по окончаніи спектакля, у выхода ее ждутъ около 200 представителей высшихъ сферъ парижской жизни, съ туго набитыми бумажниками, готовыхъ за одну ея улыбку, за одинъ ласковый взоръ

заплатить ей тысячами франковъ, а она на слѣдующій день идетъ, Богъ знаетъ, куда, за какими-то двадцатью лундорами!

Какая идиллія! Неужели же Золя не знаетъ, что въ Парижѣ послѣдняя уличная Цирцея, а не только восходящая звѣзда первой величины, прежде всего и лучше всего знаетъ себя цѣну! Попытки описывать нравы падшихъ женщинъ дѣлаются у насъ чуть не ежедневно. Не говоря о массахъ бездарныхъ или посредственныхъ романовъ, мы имѣемъ въ этомъ родѣ такія произведенія, какъ напр.: «Величіе и паденіе куртизанокъ» Бальзака или «Оперныя сцены»; во всѣхъ ихъ видно, что авторы, хотя и издавѣка, но изучали и наблюдали свой предметъ. У Золя же незамѣтно и малѣйшихъ признаковъ подобнаго изученія, а слѣдовательно, за этого особый міръ ему не слѣдовало и браться.

Поразятъ читатели ошибки, промахи и невѣрности даже въ описаніяхъ такихъ сторонъ парижской жизни, которыя у всѣхъ на виду. Такъ на примѣръ, главнѣйшая сцена напечатанной уже части «Нана» происходитъ на первомъ представленіи въ театрѣ «Variétés». Не знаемъ, гдѣ скрывался Золя, когда шли первыя представленія его «Терезы Ракенъ» на театрѣ Renaissance, или «Розоваго Бутона» въ пале-роайльскомъ театрѣ, но описаніе, составленное имъ, заставляетъ предполагать, что онъ не видалъ ни разу «первыхъ представленій». Очевидно, что онъ задался только описать, по воспоминаніямъ, первое представленіе «Прекрасной Елены», но онъ тогда былъ слишкомъ молодъ, чтобы знать, на что именно обратить вниманіе. Первая невѣрность состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ, что зала театра была не освѣщена до 9-ти часовъ. Этого положительно никогда не было въ Парижѣ и самые театралы подобнаго случая не запомнятъ. На всѣхъ сценахъ у насъ на первыхъ представленіяхъ всегда первую капитальную пьесу идетъ небольшая пьеска для сѣзда, такъ называемая *levé de rideau*, и пока гандэны и ихъ подруги сѣзжаются на главную пьесу, скромные буржуа считаютъ своимъ долгомъ съ полнымъ вниманіемъ выслушать эту первую бездѣлю. Потомъ Золя садитъ клаверовъ въ партеръ, хотя всему Парижу извѣстно, что въ театрѣ Variétés они рассажены въ верхнихъ галлерейхъ. Затѣмъ, Золя заставляетъ директора театра — чего не бываетъ не только въ Парижѣ, но, вѣроятно, нигдѣ въ мірѣ — торчать на подѣздѣ театра, въ ожиданіи публики, подобно паяцу какого-либо балагана, тогда какъ и обязанности его, и прямой интересъ заставляютъ его обыкновенно быть въ это время на сценѣ, въ фойе артистовъ или у себя въ кассѣ, гдѣ ему приходится оспаривать требованія на право дарового входа у цѣлой массы просителей, какъ это обыкновенно бываетъ въ Парижѣ, передъ началомъ такихъ необычайныхъ спектаклей, какъ тотъ, въ которомъ впервые появилась на сценѣ «Нана».

Самое же появленіе «Нана» передъ публикой въ парадной формѣ короля Здулусовъ до нельзя неправдоподобно, нереально, невѣрно и противохудожественно, начиная отъ антиэстетическаго

описанія того поднятія руки Наны, которое позволяет видѣть «рыжій пушокъ подъ мышкой», «поднимаетъ дыбомъ волосы на голыхъ черепахъ зрителей», и до анализа впечатлѣній, произведенныхъ актрисою на публику. Все это ложь, и самая нереальная. Ощущенія, описываемыя при этомъ Зола, могли быть у того или другого изъ зрителей, но *схватывать* всю залу—рѣшительно не могли. Публика въ массѣ всегда цѣломудренна, цѣломудреннѣе, можетъ быть, самого Зола, несмотря на всю его неопытность въ дѣлахъ изученія кокотокъ. Парижъ насмотрѣлся довольно сценической наготы, видѣлъ декольте г-жи Шнейдеръ, костюмы Тео и Коры Пирль, выставки полураздѣтныхъ женщинъ въ Biche au bois, на сценѣ театра Сен-Мартенскихъ воротъ, и «Орфей въ аду», на сценѣ Gaité — но никогда, могу увѣрить читателей, какъ очевидецъ, ничего подобнаго описываемому Зола въ залахъ театровъ не происходило.

Вообще, опытъ Зола изслѣдованія кокотки положительно не удался, въ этомъ легко могъ бы убѣдиться онъ самъ, еслибы прочиталъ появившійся въ продажѣ романъ другого реалиста Гюисманса: «Марта, исторія публичной женщины». Романъ этотъ дѣйствительно вырванъ изъ жизни и списанъ съ натуры. Въ немъ нѣтъ, правда, непристойныхъ словъ и выраженій, но то, что въ немъ описывается, ужасно своею страшною правдой. Есть тамъ, напримѣръ, отталкивающій типъ стараго комедіанта, торгующаго женщиной, написанный съ безпощаднымъ реализмомъ, но представляющійся читателю совершенно живымъ человѣкомъ. Конецъ романа, правда, слащавъ и сентименталенъ, и Марта, жертва общественнаго темперамента, соединяется самымъ обыкновеннымъ образомъ съ своимъ первымъ возлюбленнымъ; но «Нана», въ смыслѣ реальности, до нѣльзя далеко до «Марты» Гюисманса.

Вообще же, нельзя не пожалѣть, что реальные романисты такъ падки на описаніе героинь проституціи: Гонкуры описываютъ Елизу, Гюисмансъ — Марту, Зола... Нана, какъ будто этимъ исчерпываются всѣ вопросы современной цивилизаціи.

Не знаю, сообщать ли вамъ о появленіи въ Парижѣ новаго ежемѣсячнаго журнала «Новое обозрѣніе» (Revue nouvelle), который, кажется, намѣренъ соперничать съ «Revue des deux mondes», обратившейся въ какой-то литературный некрополисъ. Я очень люблю эту форму изданій, такъ обычную у насъ и англо-саксонцевъ, и такъ чуждую намъ, французамъ, у которыхъ преобладаютъ газеты, изъ которыхъ нельзя ничему научиться. У насъ эта форма періодическихъ изданій какъ-то рѣшительно не прививается. Сколько на глазахъ моихъ ихъ ни возникало—и нѣкоторые отличались при этомъ великолѣпнымъ подборомъ статей или извѣстѣйшихъ писателей, или такихъ де-бютантовъ, какъ напр., Флюберъ («Athéneum français», «La revue française», «La libre recherche», «La revue de Paris») — и всѣ они въ самомъ скоромъ времени прекратились, за невозможностью приобрѣтенія такого числа подписчиковъ, при кото-

ромъ могло бы поддерживаться ихъ матеріальное существованіе.

Къ счастью, финансовая сторона «Новаго обозрѣнія» обезпечена. Издательница его — очень богатая вдова сенатора Эдмона Адама, салонъ которой, на бульварѣ Пуассоньеръ, составляетъ одинъ изъ любимыхъ центровъ, куда собираются отдыхать «по середамъ» и государственные люди, и литераторы-художники, и музыканты. Гамбетта весьма нерѣдко въ немъ засиживается далеко за полночь. Г-жа Адамъ сама писательница, и выступила на литературное поприще уже давно, раньше выхода замужъ за Адама. Тогда она писала подъ псевдонимомъ Жюльетты Ламберъ, и книжечка ея, въ которой она вступалась за права женщинъ и полемизировала съ Прудономъ, послѣ извѣстныхъ грубыхъ его статей о женщинахъ—надѣлала въ Парижѣ немало шума. Будучи уже госпожею Адамъ, она издала свои записки объ осадѣ Парижа, а недавно написала романъ изъ греческой жизни, преисполненный намековъ на современное положеніе Франціи. Въ «Обозрѣніи» она будетъ принимать постоянное литературное участіе, и ей принадлежать въ первомъ выпускѣ объясненіе съ читателями, въ которомъ высказываются цѣли изданія. «Пора намъ оставить, говорится въ нихъ, между прочимъ:—навязанный намъ католицизмомъ и крестовными походами девизъ: «будемъ жить, чтобы умѣть умереть». Вспомнимъ другой кликъ, раздававшійся въ Галліи: «будемъ жить, чтобы дѣйствовать!» и примемъ его своимъ девизомъ. Когда «жить, чтобы дѣйствовать» станетъ нашимъ національнымъ лозунгомъ, то изъ этого явится неизбѣжно для насъ долгъ дѣйствовать, чтобы жить!»

Составленъ первый выпускъ новаго изданія весьма оживленно, разнообразно, но чтобы высказать рѣшительное мнѣніе, необходимо подождать появленія слѣдующихъ выпусковъ, когда характеръ и направленіе «Новаго обозрѣнія» выразятся опредѣленнѣе.

Людвигъ.

Парижъ, конецъ октября 1879 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Первая борьба. (Изъ записокъ) В. Крестовскаго (псевдонимъ).
Спб. 1879.

Г. Достоевскій замѣтилъ какъ-то, что «у насъ, быть можетъ, дурныхъ людей и совсѣмъ нѣтъ, а есть только дрянные. До дурныхъ мы не доросли». Устами бы г. Достоевскаго да медъ пить. Мы, съ своей стороны, гораздо лучшаго мнѣнія объ отечественномъ прогрессѣ, и именно думаемъ, что мы «доросли» или, говоря знаменитымъ словомъ, «дозрѣли». Г. Достоевскому, какъ человѣку не отъ міра сего, естественно держаться и мнѣній не отъ міра сего. Его собственные наблюденія, выразившіяся въ тѣхъ типахъ, которые мы находимъ въ его произведеніяхъ, объясняютъ, хотя, разумѣется, не оправдываютъ его мнѣніе о нашемъ обществѣ. «Злодѣи» г. Достоевскаго, говоря относительно, очень безобидный народъ. Князь (въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ») — мы забыли его фамилію), Свидригайловъ, наконецъ, Карамазовъ — все это люди, очень, конечно, непрезентабельные, очень дрянненькіе, но ни мало не опасные. Руки вы имъ не подадите и въ домъ къ себѣ не пустите, но ненавидѣть навѣрное не станете. Они слишкомъ мелки для ненависти и слишкомъ непосредственны и бессознательны, чтобы возбуждать ваше негодованіе. Вѣдь не станете же вы негодовать на лисицу за ея хитрость, на волка за его лютость, на кошку за ея лукавство. Не могутъ оскорбить вашего нравственнаго чувства и животныя въ человѣческомъ образѣ, если и не всегда не вѣдающія, что творять, за то рѣшительно всегда беззащитныя передъ самими собою, передъ своими собственными инстинктами и собственной утробю.

Къ диагнозу г. Достоевскаго мы имѣемъ тѣмъ большее право отнести съ недоувѣріемъ, что даже между дрянными русскими людьми онъ сумѣлъ подмѣтить только, кажется, одну разновидность — «сладострастниковъ». Г. Достоевскій многое проглядѣлъ. Онъ правъ въ одномъ: между просто «дряннымъ» и положительно «дурнымъ» человѣкомъ, дѣйствительно, дистанція огромнаго размѣра. Общество, организованное на началахъ крѣпостничества, представляющее собою «восходящую лѣстницу господъ, если смотрѣть снизу, и нисходящую лѣстницу холоповъ, если смотрѣть сверху», не можетъ, по самому своему устройству, вос-

питывать ни положительно дурныхъ, ни положительно хорошихъ людей. Въ немъ нѣтъ простора для личной инициативы, т. е. нѣтъ простора для развитія именно того элемента, безъ котораго невозможны ни активное зло, ни активное добро. Тутъ личности нечего почти и дѣлать; ей не приходится создавать условія или реформировать ихъ, а нужно только приспособляться къ нимъ. Критика бесполезна; борьба невозможна; матерьяла много и для той и для другой, но ни для той, ни для другой нѣтъ необходимой почвы. Личность не вноситъ въ жизнь ничего новаго, своего, самостоятельнаго и если ея индивидуальность можетъ въ чемъ выразиться, такъ это лишь въ усвоеніи преимущественно тѣхъ, а не другихъ элементовъ, признанныхъ и узаконенныхъ дѣйствительностью. Человѣкъ обязательно долженъ жить «какъ всѣ» и будетъ ли онъ «дрянной» или хорошій человѣкъ, разница между нимъ и обществомъ будетъ только количественная, а не качественная. Въ обоихъ случаяхъ онъ лишь утрируетъ дурныя или хорошія начала, существующія въ обществѣ. Всѣ попииваютъ, и онъ пьетъ мертвую; всѣ посѣкаютъ, и онъ деретъ и поретъ; всѣ низкопоклонничаютъ, и онъ угрождаетъ «всѣмъ людямъ безъ изъятія». И такъ далѣе. Преступая нравственный (или даже просто уголовный) законъ, онъ нисколько не сворачиваетъ съ той дороги, по которой и всѣ идутъ: онъ лишь идетъ дальше другихъ. Мы живемъ теперь при иномъ порядкѣ вещей, а другіе порядки — другіе и люди. Рамка житейской конкуренціи, во всякомъ случаѣ, расширилась въ нашей жизни и теперь каждый самъ дѣлаетъ свою судьбу или, говоря проще, свою карьеру. Нѣтъ готовыхъ средствъ для удовлетворенія своихъ желаній и инстинктовъ, какъ было прежде, но есть возможность завоевать ихъ. Въ этихъ условіяхъ личность необходимо индивидуализируется, обостряется, такъ сказать, и прежній «дрянной» человѣкъ, подличавшій по рутинѣ, преобразуется въ положительно «дурного» человѣка, подличающаго по сознательному расчету.

Г-жа Крестовская не пропустила явленія, ускользнушаго отъ вниманія г. Достоевскаго (да и не одного г. Достоевскаго, а огромнаго большинства нашихъ беллетристовъ) и послѣдній періодъ ея столь замѣчательной и столь еще мало оцѣненной литературной дѣятельности почти цѣликомъ посвященъ изображенію типовъ тѣхъ «дѣателей и сѣателей» извѣстнаго рода, которые появились въ нашемъ обществѣ послѣ извѣстнаго фіаско движенія шестидесятыхъ годовъ. «Первая борьба» — лучшее ея произведение въ этомъ родѣ. Это не эскизъ, а портретъ во весь ростъ; не намекъ, а определенное и твердое слово. Значеніе этой повѣсти не только литературное, но и общественное. Мы находимъ въ ней всѣ свойственныя г-жѣ Крестовской достоинства — силу психическаго анализа, чрезвычайную выдержанность большинства характеровъ, но, кромѣ того, находимъ и серьезную идею, имѣющую самое тѣсное отношеніе къ «злобѣ дня». Но свою тенденцію г-жа Крестовская проводитъ какъ художникъ, а не какъ

моралистъ или публицистъ: она рисуетъ, а не доказываетъ и не резонируетъ. Она скрадываетъ свою собственную личность даже до того, что, въ формальномъ смыслѣ, не говоритъ отъ себя ни одного слова и предоставляетъ вести рѣчь самому герою: повѣсти придана форма «записокъ», веденныхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, которое, разумѣется, всячески старается прикрасить себя и свои поступки. Общее впечатлѣніе отъ того становится только сильнѣе и глубже. Чѣмъ больше обнаруживаетъ герой повѣсти самодовольствія, чѣмъ онъ усерднѣе ставитъ на пьедесталъ свою мерзостную личность, тѣмъ насмѣшка надъ нимъ яснѣе и ядовитѣе, тѣмъ слышнѣе, для мало-мальски чуткаго уха, то глубокое и страстное негодованіе, которымъ проникнуть къ своему герою самъ авторъ. Къ такой ироніи русскій читатель мало привыкъ; онъ любитъ крѣпкія слова и густые колеры. Оттого-то, по всей вѣроятности, повѣсть г-жи Крестовской и не обратила на себя, при своемъ первомъ появленіи въ печати, общаго вниманія, котораго, однако, она заслуживаетъ въ несравненно болѣе степені, нежели инныя препрославленныя беллетристическія мишталныя печенія.

Идея повѣсти—въ личности героя, который, какъ это ни печально, въ очень значительной мѣрѣ и «герой нашего времени». Герой прежде всего заявляетъ, что онъ «доволенъ собою». Онъ «устоялъ въ борьбѣ», въ своей первой жизненной борьбѣ, и «съ тѣхъ поръ ему во всемъ удача». Онъ убѣжденъ, что «ни одинъ здравомыслящій человекъ не найдетъ въ его поступкахъ и побужденіяхъ ничего тягостнаго для совѣсти» (2). Это убѣжденіе не спраста. Дѣло въ томъ, что «въ жизни, исполняя свои желанія, онъ говорилъ: такъ должно» (3). Это значитъ, что обязательно то, что желательно, приципы и истинеты—одно и тоже, а нравственный законъ есть ни что иное, какъ наша воля и наши хотѣнія. Установившись на этой точкѣ зрѣнія, разумѣется, нѣтъ никакой логической возможности усмотрѣть что-нибудь предосудительное въ своихъ поступкахъ. Нашъ герой не говоритъ, что онъ, какъ цыганъ, держится той вѣры, за которую дають сало: онъ просто не знаетъ иной вѣры, кромѣ вѣры въ сало. Авторъ не даромъ сразу выдвинулъ эту черту на первый планъ: она дѣйствительно первостепенна по значенію и она же проводитъ рѣзкую разграничительную черту между «дранными» и «дурными» людьми. «Дранной» человекъ нарушаетъ нравственный законъ, но не отрицаетъ его. Чаще всего онъ вѣритъ *мертвою* вѣрою, вѣрою безъ дѣлъ, но онъ вѣритъ все-таки не въ Ваала, а въ Христа. Онъ не служитъ нравственности, но и не употребляетъ ее на служеніе себѣ. Совершая безнравственный поступокъ, онъ не говоритъ, что «такъ должно», а говоритъ, что «ничего не подѣлаешь», или, наконецъ, просто молчать. На пьедесталъ не лѣзетъ и солью земли себя отнюдь не считаетъ. Сергѣи Николаевичи (имя героя г-жи Крестовской) бьютъ по самому принципу нравственности; вмѣсто общаго нравственнаго критерія

они дѣлають критериємъ свое «я». Всѣ десять заповѣдей въ ихъ глазахъ только десять ступенекъ, черезъ которыя и перешагнуть можно и истоптать ногами позволительно. Имъ нѣтъ нужды санкционировать свои поступки: высшая санкція—ихъ одобреніе, которое находится въ зависимости только отъ ихъ вкусовъ. Тутъ, какъ видитъ читатель, цѣлая система, цѣлая теорія и оттого-то Сергѣи Николаевичи безъ всякаго сравненія опаснѣе любого Молчалина. Фактъ никогда не можетъ быть такъ вліятеленъ, какъ идея, служащая выраженіемъ и обобщеніемъ цѣлаго ряда однородныхъ фактовъ. «Есть люди, говоритъ герой г-жи Крестовской: — пожалуй, даже большинство, самой природой обреченные на темноту. Они и рождаются съ грубыми нервами, съ грубымъ тѣломъ, съ черствой кожей, съ черствымъ умомъ. Имъ и соха въ руки! Имъ и корпѣны въ аудиторіяхъ, грязь слѣдственныхъ допросовъ, распеканія начальства, четвертаковыя мѣста въ райкѣ, фракы, перекупленные изъ третьихъ рукъ, имянинныя торжества въ вухмистерскихъ! Но развѣ я изъ такихъ людей?» (75). Основываясь на томъ, что онъ не «изъ такихъ людей», герой совершаетъ рядъ крупныхъ и мелкихъ мошенничествъ, но совершаетъ ихъ съ невозмутимымъ апломбомъ, съ полною увѣренностью въ своемъ правѣ. Чтò не дозволено быку, то дозволено Юпитеру, а онъ прямо говоритъ, что онъ «изъ боговъ» (62). Въ этой идеализаціи дѣяній, предусмотрѣнныхъ даже уложеніемъ о наказаніяхъ, въ этомъ стремленіи создать хищничеству и подлости пьедесталъ изъ обломковъ права, человѣколюбія и даже науки — въ этомъ именно и заключается самая гнусная и самая опасная сторона этихъ людей и этихъ идей.

Г-жа Крестовская, къ сожалѣнію, придерживалась гораздо болѣе почвы индивидуальной психологіи, нежели общественной физиологіи и патологіи. Ея герой—мерзавецъ болѣе по натурѣ, нежели въ силу неблагоприятныхъ общественныхъ вліаній. Одинадцатилѣтній мальчишка очень мало уступаетъ шестнадцатилѣтнему юношѣ-гимназисту, а тотъ—вполнѣ созрѣвшему человѣку, вышедшему полнымъ побѣдителемъ изъ «первой борьбы». Безалаберное воспитаніе въ пошлой и развратной барской семьѣ, въ которомъ г-жа Крестовская усматриваетъ, кажется, ключъ къ разгадкѣ, въ сущности ничего не объясняетъ: это воспитаніе формируетъ червонныхъ валетовъ, поддѣльвателей векселей и т. п., а не «боговъ», не негодаевъ съ теоріями и системами. И во всякомъ случаѣ — барская семья — только одинъ, и при томъ неважный изъ общественныхъ факторовъ, первоначальное воспитаніе — только одна изъ силъ, образующихъ человѣка, и при томъ, очень рѣдко имѣющая рѣшающее значеніе. Причина должна лежать дальше и глубже, въ тѣхъ новыхъ общественныхъ комбинаціяхъ, которыя выработались жизнью и свойство, характеръ, силу которыхъ было бы особенно любопытно анализировать по даннымъ талантливаго беллетристическаго произведенія. Г-жа Крестовская этой стороны дѣла не коснулась. Она

указываетъ результатъ, не затрогивая причинъ; рисуетъ яблоко и почти ничего не говоритъ о яблонѣ, которая, однакоже, навѣрное гдѣ-нибудь тутъ по близости.

Люди, нравственно грязные, бываютъ, какъ извѣстно, очень требовательны относительно внѣшняго «визащства». Это «визащство» служитъ для нихъ какъ бы вознагражденіемъ за ихъ внутреннее безобразіе; въ утрированномъ презрѣніи ко всему грубому, неотесанному, они находятъ какъ будто въѣкторое дѣйствительное основаніе смотрѣть на толпу сверху внизъ. Это успокоиваетъ — не достоинство, а самолюбіе, не совѣсть, а щепетильность ихъ. Герой г-жи Крестовской—эстетикъ первой руки. Мѣрку визащства онъ примѣняетъ и къ людямъ, и къ поступкамъ, и къ идеямъ, и къ чувствамъ: «визащный молодой человѣкъ» (8), «невизащное ученіе» (32), «визащное одушевленіе» (36), «невизащныя сантиментальности» (196) и т. д. Онъ усиленно заботится о своемъ собственномъ «визащствѣ», и такъ какъ за все время своей «борьбы» онъ ни разу въ этомъ отношеніи не осрамился, то и можетъ, по окончаніи его, съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, что онъ «вышелъ на путь жизни, сохранивъ все свое достоинство» (177). Будучи гимназистомъ, онъ наущничалъ на своихъ товарищей, но на французскомъ языкѣ (51); онъ обобралъ, измучилъ и бросилъ въ монастырь любившую его дѣвушку, но сдѣлалъ все это «граціозно» и съ «тактомъ» (тоже любимыя его словечки); онъ обыгралъ навѣрняка одного простачка, но былъ при этомъ одѣтъ самымъ безукоризненнымъ образомъ. Словомъ, онъ сохранилъ свое достоинство. Это «достоинство» ставится имъ очень высоко, на то самое мѣсто, на которое мы, простые смертные, ставили бы честь, долгъ, совѣсть. Люди, обладающіе этимъ «достоинствомъ» — «свѣтъ общества! Они не допускаютъ его погрязнуть въ посредственности, они развиваютъ его вкусъ, его воображеніе, они вызываютъ въ немъ потребности, достойныя высшаго значенія человѣка! Они даютъ толчокъ силамъ и промышленности; отъ этихъ людей богатѣютъ государства... да, безъ сомнѣнія! Еслибы не визащныя потребности этихъ людей, ваши мужики знали бы одну свою соху, ваши бабы пряли бы свою дерюгу» (61). Какъ видите, читатель, нашъ визащный герой не просто «коленкоровыхъ манишекъ безпощадный ювеналь». Онъ плаваетъ глубже. Онъ ставитъ дѣло опять-таки на принципиальную почву и ему никакъ нельзя отказать въ послѣдовательности. Если «визащные» люди — «свѣтъ общества», тогда ихъ вкусъ и желанія — законъ общества—это логично. «Все для нихъ, для этихъ людей, продолжаетъ нашъ герой:—потому что безъ нихъ ничего». Послѣ этого намъ, невизащнымъ людямъ, остается только подставить свои спины, согнуть шею и вывернуть карманы. Мы родились со сѣдлами на спинахъ, они—со шпорами на ногахъ. Теорія очень хорошая, хотя и не новая по основаніямъ, если

не по деталямъ: еще Макаръ Макарычъ Дѣвушкинъ спрашивалъ по ея поводу: «Полно, такъ ли, голубчикъ?»

«Все для нихъ», а стало быть, и мысль и истина. Но «истина рѣдко бываетъ прекрасна», какъ еще Берне замѣтилъ; она демократична по преимуществу, она дружить со всѣми униженными и оскорбленными, труждающимися и обремененными жизнью и въ такомъ лохматомъ видѣ не можетъ быть допущена на Олимпъ нашихъ «боговъ»... Имъ нужна истина зашнурованная, набѣленная и наруманенная. «Желчное, безрадостное существо, осуждающее три четверти земныхъ наслажденій (ужь не потому ли, что они ему не по карману?..), односторонне сочувствующее только страданію—человѣкъ ли это? И этому, такъ называемому, строгому, серьёзному труду мысли, говорятъ, въношество должно поучаться! То есть—сохнуть преждевременно, множить собою число нахмуренныхъ «тружениковъ-мыслителей», какъ они себя величаютъ—попросту, несносныхъ, безпокойныхъ плакальщиковъ, которыхъ такъ безконечно много развелось въ послѣднее время, во имя кого-то, во имя чего-то, и никому не въ пользу!» (177). Читателю слышится въ этомъ что-то очень знакомое, онъ гдѣ-то встрѣчалъ эти іезуитскія жалобы на «безпомощныхъ плакальщиковъ», нарушающихъ («Спать, что ли, имъ мѣшаютъ наши стоны голодные?» все спрашивалъ тотъ же Дѣвушкинъ) высшую «гармонію» жизни. Конечно, встрѣчалъ: сочиненія знаменитаго русскаго публициста Евгенія Маркова переполнены такими іереміадами, не только по духу, но и по формѣ живѣйшимъ образомъ напоминающими реплики героя г-жи Крестовской. Надо отдать полную справедливость автору: съ необыкновенною пронизательностью понималъ онъ и съ неподражаемою рельефностью изобразилъ возмутительную гнусность этихъ каплуновъ мысли, хуже нежели протитупирующихъ истину—оскопляющихъ ее. У читателя пропадаетъ даже желаніе спорить, бороться противъ этихъ «изящныхъ» ученій, а остается лишь одно чувство неудержимаго негодованія, для успокоенія котораго однихъ контраверсовъ слишкомъ недостаточно.

Графъ Самасъ. Мадонна. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Спб. 1879.

Въ сферѣ нравственныхъ человѣческихъ отношеній есть задачи, которыя рѣдко кому не приходилось разрѣшать по силѣ—разумѣнію и которыя тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ, остаются нерѣшенными. По отношенію къ этимъ задачамъ, всякій молодецъ дѣйствуетъ на свой образецъ, какъ Богъ на душу положить, и степень удовлетворительности вашего рѣшенія зависятъ не отъ принциповъ, а гораздо болѣе отъ свойствъ вашей нравственной личности. Если вы человѣкъ по натурѣ хорошій, добрый—вы, въ концѣ-концовъ, найдете и гуманное рѣшеніе, по возможности, справедливое и безобидное. Въ противномъ случаѣ, вамъ очень мало помогутъ всѣ усвоенныя вами теоретическія правила и вы измучите и себя и другихъ, доведши, быть можетъ, дѣло даже до драматической развязки. Одну изъ такихъ задачъ

г. Салиасъ и ставить въ своемъ романѣ и не только ставить, но и разрѣшаетъ—не столько, впрочемъ, удовлетворительно, сколько оригинально. Какъ бы то ни было, онъ написалъ для поддержанія своей идеи довольно объемистую повѣсть, и, стало быть, имѣетъ всѣ права быть выслушаннымъ.

Дѣйствіе происходитъ лѣтъ семьдесятъ назадъ, что, впрочемъ, нисколько не вредитъ жизненности основной тенденціи. Нѣкій князь Агаринъ, истаскавшійся вивѣрь и мышинный жеребчикъ, женится на старости лѣтъ на молодой и прелестной степной барышнѣ, Машѣ Собакиной, «мадоннѣ» тожъ. Князь богатъ и влюбленъ, молодая княгиня наивна и невинна, такъ невинна, такъ невинна, что бракъ съ княземъ объясняла себѣ такимъ образомъ: «вотъ въ извѣстный день она переѣдетъ въ палаты князя и останется въ нихъ жить, стараясь угождать хозяйну этихъ палатъ» (125). Подъ «угоженіемъ», какъ видно изъ другихъ мѣстъ повѣсти, простодушная «мадонна» разумѣла искусное разливаніе чая и т. п. Эта чрезмѣрная и даже неудобная невинность княгини даетъ автору поводъ неоднократно указывать на необходимость въ такихъ случаяхъ надлежащихъ наставленій невѣстѣ со стороны матери или вообще какого-нибудь близкаго и опытнаго лица женскаго пола. Сущности этихъ наставленій авторъ не касается, но, впрочемъ, о нихъ «богомолки, бабы умныя, могутъ лучше рассказать». Графъ Салиасъ не усматриваетъ въ этомъ обычай ни малѣйшей грязи, что, конечно, довольно характерно для писателя, долженствующаго во всякомъ случаѣ обладать большимъ пониманіемъ и развитіемъ, нежели «умныя бабы». Но это—въ скобкахъ. Голубиная невинность княгини повела къ нѣкоторому печальному *qui pro quo*, подробностей котораго авторъ опять-таки не передаетъ, упуская такимъ образомъ въ высшей степени благодарную для своего таланта тѣму, по которое завершилось тѣмъ, что княгиня, на другой же день послѣ свадьбы, прибѣжала къ отцу и едва слышно прошептала: «Не пойду я туда... Я... я не пойду! Ни за что! Никогда!» (144). Само собою разумѣется, что это «никогда» окончилось въ тотъ же день: князь пріѣхалъ, потребовалъ ее какъ свой законный призъ, но при этомъ «почему-то не козыремъ смотрѣлъ», хотя и имѣлъ на своей сторонѣ и божескіе и человѣческіе законы. Въ этомъ знаменательномъ «не козыремъ смотрѣлъ» заключается уже намекъ на нѣкоторое пикантное обстоятельство, которое въ послѣдующемъ изложеніи разъясняется все болѣе и болѣе и въ которомъ заключается весь узелъ повѣсти и вся «идея» автора. Дѣло въ томъ, что князь Агаринъ, оказываясь, слишкомъ широко пожилъ на своемъ вѣку, такъ что на долю княгини ничего и не осталось. Онъ очень любитъ свою молодую жену, но любитъ, по необходимости, платонически и его любовь только усложняетъ положеніе: по мнѣнію нѣкоторыхъ легкомысленныхъ москвичей, онъ уподобляется собакѣ на снѣгъ, которая и сама не ѣстъ и другимъ не даетъ. Какъ тутъ быть?

Какъ жить? Гдѣ искать выхода? Беллетристической разработкѣ этихъ мудреныхъ вопросовъ и посвящена повѣсть г. Салиаса.

Съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла и судя по человѣчеству, тутъ, казалось бы, и вопросовъ-то нѣтъ никакихъ. Тѣмъ хуже для князя, если онъ не зналъ, что спустя лѣто по малину въ лѣсъ не ходять. А на исходѣ указываетъ даже простой законъ. Форма, приданная графомъ Салиасомъ дѣлу, до того проста, до того исключаетъ возможность какихъ бы то ни было нравственныхъ усложненій, что даже законъ, имѣющій въ виду всегда только *minimum* нравственности, является въ настоящемъ случаѣ вполне компетентнымъ и удовлетворительнымъ посредникомъ. Онъ рекомендуетъ разводъ и, дѣйствительно, это самое благоразумное, что можно придумать въ положеніи четы Агаринныхъ. Графъ Салиасъ и князь Агаринъ думаютъ иначе. Князь, какъ сказано, любить свою жену, на разводъ рѣшиться не можетъ и проводитъ время въ хроническомъ колебаніи, способномъ душу вымотать у человѣка. То онъ находитъ, что «всякій имѣетъ право отъ Бога пожить и я пожилъ. И она должна пожить» (187). То онъ «желчно и ѣдко» говоритъ самому себѣ: «не могу же я, наконецъ, достать ей... представить... un amant!» (186). То онъ напоминаетъ женѣ, что «по закону вы такъ же въ моей власти, какъ послѣдній изъ моихъ холоповъ» (338), то «страшнымъ голосомъ» кричитъ ей: «Marie, Marie! прости меня! прости меня!» (343). Всѣ эти взбалмошные переходы изъ одной крайности въ другую очень естественны въ безхарактерномъ и избалованномъ жизнью человѣкѣ. Но удивительно, что графъ Салиасъ находитъ ихъ, эти переходы, не только «естественными», но и «разумными». По крайней мѣрѣ, онъ относится къ нимъ безъ малѣйшей улыбки, даже сочувственно. Съ другой стороны, Агаринъ не рѣшается на разводъ еще и, главнымъ образомъ, потому, что «это позоръ! это срамъ! хуже срама!» (365), восклицаетъ онъ. Ему, записному волокитѣ екатерининскихъ временъ, ему, составившему себѣ репутацію своими амурными похождениями, ему сознаться въ... ну, въ своемъ несчастіи! *Очевидно*, это невозможно. Но онъ не можетъ и предоставить женѣ полную свободу, потому что «это развратъ... это чортъ знаетъ что такое. *C'est une infamie...*» (365). Такимъ образомъ, куда ни вьнь, все вьнь. Агаринъ окончательно шалѣетъ среди нитъ же самымъ созданной путаницы, а графъ Салиасъ сохраняетъ серьезный и даже торжественный видъ, точно онъ созерцаетъ серьезную драму, а не обыкновеннѣйшую собачью комедію.

Княгиня, съ своей стороны, предается еще пущимъ волненіямъ и смятеніямъ. Она любитъ и любима, за что всячески и казнить себя. Да не подумаетъ читатель, что у ней есть хотя бы только съ формальной стороны серьезный поводъ къ угрызениямъ: она любитъ своего несчастнаго любовника на разстояніи трехъ аршинъ, какъ и подобаетъ «мадоннѣ». Тѣмъ не менѣе, она является преступницей и въ глазахъ близкихъ людей (ея отецъ, напри-

мѣрь, умерь отъ огорченія, узнавши, что его дочь такая «скверная, злая, подлая женщина»), и въ своихъ собственныхъ глазахъ, да и самъ г. Салиасъ поглядываетъ на нее сомнительно: по его мнѣнiю, любви не любви, да почаще взглядывай и назвалакъ груздемъ — полѣзай въ кузовъ, «хоть тресни да полѣзай» какъ выражались строгіе служаки старыхъ временъ. Но о морали нашего автора — послѣ. Естественно, что княгиня и рветъ, и мечетъ, и раздражается, наприимѣрь, такими монологами: «почему и откуда эта борьба? Гдѣ же правда? Отчего я такъ блуждаю и не могу видти на дорогу прямую, ясную? Почему я не могу сбросить эту паутину, весь этотъ вздоръ людской... Вздоръ!! А батюшка? Онъ былъ убитъ однимъ сомнѣнiемъ, одною мыслью... Да! Ты не можешь поднять руки на эту паутину. Нѣтъ! Нѣтъ! Это не паутина. Ты не можешь превратить въ прахъ этого идола! потому что ты чувствуешь, что на ихъ мѣсто надо что-нибудь поставить другое. А что же?» (377). Что можно сказать, выслушавши эти пылкія рѣчи? Поневолю послышишь, вмѣстѣ съ Фигаро: «Господи, куда они честь-то запрятали!» Какъ бы то ни было, «паутина» восторжествовала до конца. Правда, княгиня не миновала-таки въ концѣ концовъ своего «обрыва», но за то ея «паденіе» имѣло самыя трагическія послѣдствія. Преслѣдуемая фуриями раскаяніа, княгиня немедленно сбѣжала отъ своего любовника, ее нашелъ мужъ на ступенькахъ церковной паперти, въ видѣ нѣкоторой кающейся Магдалины, и увезъ къ себѣ. Неудержимое раскаяніе, бѣгство и даже церковная паперть — все это «вещественные знаки» той основной тенденціи, которую г. Салиасъ съ замѣчательнымъ упорствомъ проводить въ своей повѣсти. Но всего этого автору показалось мало: онъ заставляетъ свою героиню покончить жизнь самоубійствомъ во славу нравственной правды, той правды, которая у моралистовъ, подобныхъ г. Салиасу, является чѣмъ-то въ родѣ свирѣпаго Молоха или именно «паутиной» давно не метенныхъ заднихъ угловъ.

Но гдѣ же исходъ, по мнѣнiю автора? Въ чемъ состоитъ его идеалъ положительной морали? Графъ Салиасъ не любитъ крайностей. Простой взглядъ какого-нибудь Базарова, говорившаго — «она мать, ну, стало быть, и права» ему и непонятенъ и несимпатиченъ. Но не можетъ же онъ — это и для графа Салиаса было бы уже слишкомъ — находить нравственною обязанностию для женщины вполне отречься отъ своей личности, отъ своихъ правъ ни счастье и принести ихъ на алтарь «паутины» или сложить къ подагрическимъ ногамъ импотентнаго старика. Между этими двумя крайностями графъ Салиасъ устроиваетъ нѣкоторый компромиссъ, въ которомъ и видить рѣшеніе задачи. Это рѣшеніе выражается въ слѣдующихъ словахъ Стародума и Здравомысла повѣсти, нѣкоего Смередева: «я бы сказала женѣ: голу-бонька моя, прости мнѣ за обманъ. Казнися я самъ. Какой я тебѣ мужъ, дѣлай что хочешь. Любишь его, люби. Только предъ людьми не срами меня» (365). Это было бы прекрасно, еслибы

только фраза «дѣлай что хочешь» не имѣла въ устахъ Смередева очень спеціального смысла и фраза «не срами меня» не заключала въ себѣ очень широкаго, очень претенціознаго и очень неудобнаго требованія. Смередевъ устроилъ княгинѣ и ея любовнику частыя, двухчасовыя свиданія на своей квартирѣ, находя, что такимъ образомъ и волки будутъ сыты и овцы цѣлы. Въ его квартирѣ княгиня «дѣлай что хочешь»; но послѣ свиданія, садись въ карету и отправляйся домой къ мужу, лицемѣрить, лгать и страдать до слѣдующаго свиданія—это именно и значить «не срамить передъ людьми». Ну, а срамъ и стыдъ — не за любовь, конечно, а за систематическій обманъ — передъ любимымъ человѣкомъ, передъ своей совѣстью? До этого Смередеву и графу Салиасу нѣтъ никакого дѣла. «Воруй, да корони концы въ воду», гласить ихъ мораль и они до того убѣждены въ ея справедливости, что когда княгиня, не выдержавши невыносимаго положенія, ушла было отъ мужа со всѣми, Смередевъ съ укоромъ восклицаетъ: «мы такъ не дѣлали мы кого любили—чтили свято», и уѣзжаетъ въ глушь: «авось тамъ живутъ еще по старому». Князь Агаринъ, который «жизль по старому», тоже *свято чтить* тѣхъ, кого любить: онъ «никогда не говорилъ и не хвасталъ о своихъ побѣдахъ», отчасти въ силу своего «почитанія», а главнымъ образомъ, потому что «cela nuit au metier», какъ онъ выражался (3).

Нѣтъ надобности говорить, что если графъ Салиасъ, вкупѣ съ Смередевымъ, такъ строги къ княгинѣ, то они, по обычной, хотя совершенно непонятной логикѣ подобныхъ моралистовъ, вдесятеро строже къ ея любовнику. Этотъ любовникъ — нѣкій офицеръ Хорватъ, по ихъ мнѣнію, просто «подлецъ», главнымъ образомъ, за то, что уговаривалъ Агарину окончательно разстаться съ мужемъ. Торжество добродѣтели надъ «подлецомъ» выразилось въ томъ, что любимый лакей князя, его бывший Лепорелло, въ высшей степени, стало быть, компетентный въ вопросахъ нравственности, убиваетъ топоромъ Хорвата. Онъ по собачьи предавъ своему господину, считаетъ его кроваво оскорбленнымъ и беретъ на себя роль правосудной Немезиды, не стѣсняясь вопросомъ о полномочіяхъ. Автора нашего этотъ эпизодъ трогаетъ вдвойнѣ. Онъ умиляется, во-первыхъ, этою преданностью «до гроба», до самозабвенія и самоуничтоженія. «Вѣрные какъ псы» (выраженіе г. Маркова) холопы, какъ извѣстно, составляютъ предметъ вѣчныхъ воздыханій тѣхъ нашихъ господъ, у которыхъ либерализмъ и крѣпостничество идутъ рука объ руку. Во-вторыхъ, авторъ умиленъ и какъ моралистъ: въ самомъ дѣлѣ, лакей - сводникъ, убивающій отъ избытка тупоумія и отъ полноты холопскихъ чувствъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка — это ли еще не торжество нравственности?

Твердость характера. Романъ изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1874—77 гг. Въ трехъ частяхъ. Сочиненіе В. Марьина. Сиб. 1879.

Если читатель прочтетъ «романъ съ событіями» г. Марьина до конца, онъ тѣмъ самымъ докажетъ очень значительную «твердость характера», хотя, конечно, меньшую, нежели та, которую обнаружилъ самъ авторъ, имѣвшій терпѣніе *написать* свой романъ. Г. Марьинъ, можно сказать, идеаль «протокольнаго» реалиста, по крайней мѣрѣ, по намѣреніямъ, по приѣмамъ, если не по исполненію, которое уже слишкомъ аляповато. Онъ живѣйшимъ образомъ напоминаетъ щедринскихъ глуповцевъ, которые, увидѣвши заборъ, говорятъ: «заборъ, заборъ!», увидятъ рѣку — «рѣка, рѣка!». Совершенно также относятся ко всемъ предметамъ видимаго и невидимаго міра и г. Марьинъ: онъ добросовѣстно описываетъ всѣ рѣки и заборы, которые попадутся ему на глаза, и притомъ описываетъ не вообще рѣку, не вообще заборъ, а именно ту конкретную рѣку, которую въ данный моментъ онъ видитъ. Если ему попадутся десятки заборовъ, онъ дастъ десятки описаній, одинаково подробныхъ, старательныхъ и одинаково ненужныхъ читателю. Противъ фактической правды онъ не погрѣшаетъ, какъ не погрѣшаютъ и глуповцы: заборъ и рѣка дѣйствительно имѣются на лицо и глуповцы дѣйствительно ихъ совершаютъ. Но этого слишкомъ мало для романа. Для такого рода художества ничего, кромѣ именно терпѣнія, не требуется. Нѣтъ такого субъекта, который бы какъ-нибудь не жилъ, съ кѣмъ-нибудь не говорилъ, куда-нибудь не ходилъ, но записывая хотя бы самымъ тщательнымъ образомъ всѣ его поступки, мы романа не составимъ, хотя и изготовимъ, быть можетъ, книгу даже потолще «романа» г. Марьина. Можно начать хоть такимъ образомъ: «Утро было прекрасное: вѣтеръ дулъ, солнце свѣтло, а облака плыли по небу. NN проснулся, одѣлся, умылся, Богу помолился и сѣлъ пить чай. Выпивши первый стаканъ, онъ закурилъ папиросу и сталъ ходить по комнатѣ; похаживши минутъ 5, а можетъ быть и 6, онъ выпилъ второй стаканъ чаю. Почиталъ газету и, пожелавши завтракать, онъ крикнулъ кухаркѣ: Мавра!» и т. д., и т. д. Согласитесь, читатель, что все это въ высшей степени правдоподобно, «реально» и, продолжая такимъ образомъ, мы бы могли вести рассказъ до безконечности, ни разу не уклонившись отъ дѣйствительности. Но, замѣтитъ читатель, вѣдь у г. Марьина, кромѣ рѣки и забора, есть еще «событія послѣдней войны»: это уже нѣчто болѣе широкое, общее и типичное. Ничуть не бывало. «Позавтракавши, NN надѣлъ фуражку и пальто и вышелъ на улицу. Идя по тротуару, онъ замѣтилъ, что дворники развѣшиваютъ на домахъ флаги, а у знакомой мелочной лавочки собралась толпа народа. «По какому случаю шумъ?» спросилъ NN городского. «Плевну, годовщину, взяли», отвѣчалъ городской. NN быстро повернулъ домой и, войдя въ свою квартиру, восторженно закричалъ: ура,

Мавра!» и т. д. Вѣрность дѣйствительности соблюдена опять-таки полнѣйшая, «событія» тоже какъ ни какъ да пристегнуты, а читатель все-таки съ пустыми руками. Г. Марьянъ пишетъ именно такъ, какъ мы представили, не утрируя и не пародируя его. Разсуждаютъ, на примѣръ, офицеры о войнѣ:

«— Да, славные наши кавказцы, преданныя души, любящія сердца, сказали Гоницынъ.

— Кавказская боевая жизнь могла выработать такихъ героев, отвѣчалъ Зыковъ:—тамъ война сближала людей, перевоспитывала ихъ и, такъ сказать, очищала отъ всего дурного.

— Нынѣшняя война слѣдуетъ тоже самое, замѣтилъ Вѣльскій.

— Общая опасность всегда сближаетъ людей, отвѣтилъ Зыковъ.

— Можетъ быть, прежнее обаяніе армейскихъ офицеровъ вернется къ нимъ; они будутъ опять играть ту же роль въ провинціи, что прежде, предполагалъ Гоницынъ.

— Очень можетъ быть, сказалъ Поль:—война всегда влечетъ за собой перемѣны и измѣняетъ многое» (276—277).

Нѣтъ ничего естественнѣе и правдоподобнѣе такихъ разговоровъ. Но кому они нужны, въ какомъ отношеніи характерны, для чего г. Марьянъ ихъ запомнилъ, записалъ и напечаталъ— все это вопросы нерѣшенные. Между тѣмъ, такими разговорами наполнена огромная часть книги.

Протокольная «объективность» автора идетъ до того, что нѣтъ почти никакой возможности судить о его личности, о его убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Единственное предположеніе, на которое наводитъ книга, состоитъ въ томъ, что авторъ ея, по всей вѣроятности, дамскій портной, неудачно промѣнявшій утюгъ и ножницы на перо. Предположеніе наше основывается на томъ, что вся книга г. Марьяна написана вяло и скучно, точно съ просонокъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ ея мѣстъ, гдѣ авторъ описываетъ дамскіе наряды. Дѣлаетъ онъ это съ лѣтностью и съ очевиднымъ знаніемъ дѣла, не какъ простой диллетантъ, а какъ специалистъ. «На ней было длинное платье цвѣта морскихъ волнъ... Баска, съ сердцевиднымъ вырѣзомъ на груди полукривала лебединую шейку... Баска, туникъ и юбка были украшены съ большимъ вкусомъ кружевомъ и бархатомъ...» (19). Описываетъ авторъ балъ и первымъ дѣломъ начинается: «На Жюли было длинное бѣлое шелковое платье, съ оборкой изумруднаго цвѣта, на которой было вышито широкое бѣлое кружево, туникъ и баска были того же изумруднаго цвѣта и обшиты такимъ же кружевомъ... Рядомъ съ ней шла Лиля, въ легкомъ бѣломъ платьѣ, украшенномъ голубыми лентами и розами... Тутъ была княгиня Ридова, въ богатомъ бархатномъ платьѣ вишневаго цвѣта, богато отдѣланномъ страусовыми перьями...» (35). И такъ далѣе — «легкое розовое платье», «сѣрое шелковое платье», «свѣтло-розовое ваперовое платье на шелковомъ чехлѣ такого же цвѣта, подобранное мелкими бузетиками изъ розъ» — цѣлая коллекція, цѣлый океанъ платьевъ. Въ нашемъ предположеніи

утверждает насъ еще и другое обстоятельство, слѣдующее. Дѣйствующія лица романа принадлежать, какъ авторъ любить выражаться, къ «бомонду», передъ которымъ г. Марьянъ благоговѣетъ, можно сказать, до усталости, до истощенія. Это бы еще ничего. Но онъ не только относится къ этому бомонду, но и изображаетъ его совершенно такъ, какъ это прилично портному, не заглядывавшему дальше передней или уборной. Женскіе персонажи у него называются не иначе, какъ какими-то собачьими именами—Жюли, Лиля, Зиза, Додо, а мужчины—все князья, графы, бароны, все гвардейцы и всѣ красавцы съ черными усиками и съ сверхъестественными таліями, непостижимо ловкіе и граціозные. Авторъ сообщаетъ объ излюбленномъ имъ бомондѣ довольно новыя вещи. Такъ, напримѣръ, у Жюли, аристократки изъ аристократовъ, «однажды собралось большое общество, бѣгали, играли въ фанты, въ *жюты* и во всевозможныя игры» (336). Остается неизвѣстнымъ, что дѣлали, какъ отличались и чѣмъ специально увеселялись въ салонѣ Жюли великовѣвскіе кавалеры г. Марьяна. Надо думать, пили пиво, играли въ чехарду и пѣли хоромъ «стонеть свѣтъ голубочекъ» подъ аккомпаниментъ гитары. Наконецъ, степень образованія и умственного развитія, обнаруженная авторомъ, еще болѣе говоритъ въ пользу нашего предположенія. Его разсужденія (онъ иногда рѣшается разсуждать!) о военныхъ событіяхъ очень хорошо резюмируются и характеризуются двумя заключительными строчками книги, напечатанными почему-то въ видѣ стиховъ:

Да, что дастъ намъ миръ
Это скажетъ недалекое будущее.

т. е. неизвѣстно, что дастъ и что скажетъ — результатъ, ради котораго стоило разсуждать. А разсказываетъ онъ событія даже еще лучше, нежели разсуждаетъ о нихъ: по его мнѣнію, русскіе три раза *осаждали* (388, 401) Плевну, сестры милосердія (и именно архивеликовѣвская Жюли) производили операціи, «осторожно и легко» (421) вынимали у раненыхъ пули, причемъ доктора уступали имъ мѣсто, какъ «знатокамъ» (422) и т. д., и т. д.

Прозанними. Юмористическіе очерки, спенки, картинныя и фотографическіе снимки съ натуры. *Добродушнаго Юмориста*. Москва. 1880.

И Москва не лькомъ шита. Если у насъ, въ Петербургѣ, имѣется г. Лейкинъ, «знаменитый писатель», какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершенно серьезно назвала его одна изъ газетъ, у Москвы проявился «добродушный юмористъ», который если еще и не знаменитъ, подобно г. Лейкину, то, навѣрное достигнетъ знаменитости. Ровношій раз? Онъ имѣетъ для этого всѣ данныя и его талантъ ни на волосъ не слабѣ таланта г. Лейкина. Болѣе того: комизмъ «очерковъ» Добродушнаго Юмориста гораздо менѣе поверхностенъ, нежели комизмъ г. Лейкина. Московскій юмористъ далеко не въ такой степени, какъ г. Лейкинъ, злоупотребляетъ смѣшными словечками, на которыхъ по-

слѣдній, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, и выѣзжаетъ. Если бы на основаніи изображеній этихъ писателей можно было строить какіе-нибудь практическіе выводы, мы должны были бы заключить, что московскіе купцы, мѣщане, мелкіе чиновники, мастеровые и т. д. болѣе человѣчны и отесаны, нежели соотвѣтственный петербургскій людъ. Но, въ концѣ-концовъ, г. Лейкинъ и Добродушный Юмористъ—родные братья и даже близнецы: тотъ же жанръ, та же манера, тѣ же типы и, въ общемъ, тотъ же языкъ. Конечная цѣль ихъ произведеній тоже одинакова: во что бы то ни стало надорвать читателю животныи.

Мы ничего не имѣемъ противъ смѣха въ литературѣ и вообще въ искусствѣ. «Смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно», противъ этого никто и не спорить. Но есть смѣхъ и смѣхъ. Мичманъ Дырка смѣялся даже тогда, когда ему показывали палець, и это обстоятельство весьма дурно рекомендовало его умственные способности. Откровенно говоря, наши юмористы, прохаживающіеся на счетъ «фонталовъ» и «купоросныхъ ассенизацій», смѣющіеся и на похоронахъ, и на свадьбѣ, у постели больного и въ трактирѣ съ арфистками, очень живо напоминаютъ собою гоголевскаго мичмана. Ужъ слишкомъ что-то имъ весело живется на свѣтѣ; ужъ слишкомъ беззаботенъ и весело-раскатистъ ихъ смѣхъ, чтобы имѣть какую-нибудь серьезную подкладку. Они, повидимому, смѣются для смѣха, а такой смѣхъ именно и есть смѣхъ Дырки. Оно, конечно—на здоровье: кому мѣшаетъ безпричинная веселость бѣднаго мичмана? Пока она безпритязательна и немазойлива—рѣшительно никому. Тѣмъ не менѣе, даже въ этомъ наилучшемъ случаѣ критика все-таки обязана обозначить, *sine ira*, совершенно спокойно, что—вотъ, молъ, это литераторы, а это только мичманы. Если же мичманъ внезапно возмнитъ, что онъ не мичманъ Дырка, а какой-нибудь капитанъ Кузь, и потребуетъ къ себѣ соотвѣтственнаго вниманія и уваженія, тогда критика и подавно должна вмѣшаться для разъясненія недоразумѣнія. Одно дѣло—кукишъ читателю на страницахъ какой-нибудь развеселой газеты, у которой и свой кругъ читателей, и свои цѣли, и съ которой взять критикѣ нечего, и другое дѣло полное собраніе такихъ кукишей, претендующее на вниманіе не однихъ только кучеровъ и буфетчиковъ. Мы искренно пожалѣемъ Добродушнаго Юмориста, если онъ не разъяснитъ себѣ на будущее время этого пункта и, увлекаясь ларами г. Лейкина, извлечетъ, по его примѣру, изъ забытыхъ газетныхъ листовъ всѣ свои писанія. Ни авторъ, ни литература, ни сама публика не выиграютъ отъ этого ровно ничего. За авторомъ упрочится репутація мичмана, литература засорится новымъ вкладомъ мусора, а публика... относительно публики мы въ особенности недоумѣваемъ и печалимся. Въ самомъ дѣлѣ, для какой собственно публики пишутся эти *soi disant* юмористическіе очерки, сценки и т. д.? Если для интеллигентной, для той, которая знаетъ и понимаетъ настоящій

смѣхъ, единственно приличный литературѣ, тотъ смѣхъ, въ которомъ слышатся горькія ноты, «невидимыя слезы» и видна опредѣленная идея, такъ ей безцѣльное хихиканье можетъ только претить. Если наши авторы предназначаютъ свои произведенія именно для тѣхъ общественныхъ классовъ, которые и изображаются ими, тогда возникаетъ недоумѣніе другого рода. Намъ, знающимъ, что нельзя говорить вмѣсто «фонтанъ» — «фонталь», вмѣсто «драка» — «окупація» и вмѣсто «выпивка» — «мобилизація» — намъ можетъ казаться забавнымъ этотъ вольный переводъ разныхъ хитрыхъ терминовъ. Но что останется «юмористическаго» въ рассказахъ г. Лейкина и К^о для меня въ томъ случаѣ, если я и дѣйствительно, «въ серъёзъ» говорю на томъ самомъ жаргонѣ, которымъ говорятъ персонажи этихъ рассказовъ? А вѣдь, повторяемъ, въ смѣхотворномъ жаргонѣ и заключается вся соль нашихъ «проказниковъ», «забавниковъ», «гороховыхъ шутовъ» и какъ тамъ ихъ еще зовутъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Критическія бесѣды Евгенія Маркова («Русская Рѣчь»).

I.

Мой другъ Иванъ Непомнящій далъ когда-то характеристику г. Евгенія Маркова при помощи очень нехитраго приѣма. Онъ взялъ сочиненія этого писателя, сдѣлалъ изъ нихъ выборки, съ математическою ясностью свидѣтельствующія, что г. Евгеній Марковъ противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу, и затѣмъ опредѣлилъ тотъ центральный пунктъ, около котораго турбилономъ носятъ всѣ мысли г. Маркова, то сталкиваясь другъ съ другомъ, то отскакивая въ разныя стороны, но, въ концѣ-концовъ, благополучно возвращаясь къ своему центру. Центромъ этимъ оказались интересы «людей просвѣщеннаго и либеральнаго образа мыслей», которыхъ г. Марковъ столь уважаетъ, что даже предоставляетъ имъ въ будущемъ «тихія и простыя прелести крѣпостного быта», въ измѣненной, конечно, согласно духу времени, формѣ. (См. «Отечественныя Записки» 1877, № 3).

Я потому вспомнилъ эту дѣю Ивана Непомнящаго, что собираюсь писать о «критическихъ бесѣдахъ» г. Маркова, составляющихъ почти ежемѣсячное украшеніе журнала «Русская Рѣчь». Иванъ Непомнящій, съ своей неизмѣнной точки зрѣнія забытъ

и забвенія, съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ идеямъ г. Маркова и даже выдавалъ его, г. Маркова, за свой, Ивана Непомнящаго, псевдонимъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого, г. Марковъ поставилъ себѣ, кажется, спеціальною задачею доказывать въ «критическихъ бесѣдахъ», что, во-первыхъ, писатель имѣеть полное право и даже какъ бы обязанъ противорѣчить самому себѣ, и что, во-вторыхъ, люди просвѣщеннаго и либеральнаго образа мыслей дѣйствительно достойны обновленныхъ тихихъ и простыхъ прелестей крѣпостнаго быта. Темы довольно пикантныя, не безынтересно разсмотрѣть ихъ поближе.

Само собою разумѣется, что положенія, столь обнаженные, далеко не всякій рѣшится выставить. Не рѣшается и г. Марковъ. Онъ вынужденъ прибѣгать къ довольно сложнымъ и хитросплетеннымъ уловкамъ, чтобы полу-прикрыть наготу своихъ идей. Прежде всего онъ надѣвается для этого полное вооруженіе борца за жизнь: разноцвѣтныя пѣтушья перья игриво вьются на его шлемѣ, латы, ярко вычищенные толченымъ кирпичемъ, блестятъ на солнцѣ, сквозь забрало видны пламенные очи и жизнерадостно улыбающаяся уста, изъ могучей груди рвется побѣдный кликъ, въ рукѣ сверкаетъ острый мечъ. И горе темнымъ силамъ, враждующимъ съ жизнью! Одна бѣда: прекрасный и сильный витязь все не въ то мѣсто попадаетъ... Это, безъ сомнѣнія, единственная причина, почему еще никто не погибъ отъ грозныхъ ударовъ г. Маркова. А то, кто бы устоялъ!

Въ русской литературѣ г. Марковъ находитъ двѣ темныя, враждебныя жизни силы: замкнутость литературныхъ «кружковъ», «партейность» литературы и «литературную хандру», мрачный, пессимистическій взглядъ на жизнь, останавливающійся только на отрицательной сторонѣ явленій. «Кружковщина», «партейность», насильственно подгоняя идеи, образы, картины, эксплуатируемые литературой, къ опредѣленнымъ неподвижнымъ формамъ, оскорбляетъ жизнь отсутствіемъ простора и свободы; литературная хандра наноситъ жизни ущербъ своею мрачностью, отсутствіемъ положительныхъ типовъ и картинъ, нарисованныхъ свѣтлыми, яркими, веселящими глазъ красками. (Группирую обвиненія, разсыпанные въ нѣсколькихъ статьяхъ). Поразивъ въ этихъ двухъ смыслахъ современную русскую литературу чисто теоретическими соображеніями, г. Марковъ иллюстрируетъ свою теорію двумя критическими статьями: во-первыхъ, о г. Достоевскомъ, который служитъ для него образчикомъ нашей литературной хандры; во-вторыхъ, о Гейне, какъ объ идеалъ широкой, вольнолюбивой и жизнелюбивой поэзіи.

Уже изъ этого выбора видно, что прекрасный и сильный витязь селоненъ не въ то мѣсто попадать. Заявивъ въ началѣ статьи о г. Достоевскомъ, что «трудно выбрать для иллюстраціи нашего современнаго литературнаго характера болѣе подходящій матеріалъ», г. Марковъ къ концу статьи естественно приходитъ къ заключенію, что г. Достоевскій не имѣеть въ современной

нашей литературѣ ничего себѣ подобнаго, ничего подходящаго. Маленькія несогласія концевъ съ началами довольно часто попадаются у Евгенія Маркова и объясняются нѣкоторыми коренными свойствами могучаго духа этого писателя. Онъ такъ краснорѣчивъ и такъ любовно отдается на волю волнъ своего краснорѣчія, что гдѣ ужъ тутъ искать согласія конца съ началомъ! Вырвется у него красивое словечко и помесетъ, понесетъ своего творца куда-то въ сторону, совсѣмъ неожиданно для него самого. Но въ данномъ случаѣ дѣло объясняется, вромѣ общихъ свойствъ ума г. Маркова, еще и неудачнымъ выборомъ «иллюстраціи». Въ самомъ дѣлѣ, г. Марковъ имѣлъ бы полное право вывернуть свою начальную фразу наизнанку, то есть сказать: «трудно выбрать для иллюстраціи нашего современнаго литературнаго характера менѣе подходящій матеріалъ», чѣмъ г. Достоевскій. Дѣло тутъ не въ оригинальности дарованія г. Достоевскаго, по крайней мѣрѣ, не въ ней одной, даже не въ составляющей его特殊性 разработкѣ жизни людей, большихъ духомъ. Весь г. Достоевскій цѣликомъ, со всѣми его смутными надорванно-мистическими идеалами, совсѣмъ чужой современной русской литературѣ, да и всей нашей жизни. Болѣзненное творчество г. Достоевскаго не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ тѣмъ настроеніемъ, которое г. Марковъ называетъ не особенно удачно «литературной хандрой». Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если г. Марковъ, начавъ статью за упокой, долженъ былъ кончить ее за здравіе, а середину ея наполнить изрѣченіями, столь много говорящими уму и сердцу, какъ наприимѣръ, слѣдующее: «Мы (это г. Марковъ) считаемъ Достоевскаго очень даровитымъ, очень оригинальнымъ и сильнымъ писателемъ». Смѣло, ново и поучительно!

Гораздо интереснѣе статья о Гейне. Нельзя сказать, чтобы и въ ней не было многозначительныхъ заявленій въ родѣ: мы считаемъ Гейне оригинальнымъ и сильнымъ поэтомъ; или пространныхъ, изъ лживческаго пламени сотканыхъ воззваній въ томъ смыслѣ, что дважды два четыре и что, хоть вся литература толкуй противное, а мы, то есть г. Марковъ, остаемся себѣ свободою вѣрить въ таблицу умноженія. Все это есть. Есть и прекрасныя фразы, столь вѣскія, что ихъ можно съ удобствомъ вывернуть наизнанку, ни мало не повредивъ ихъ красотѣ. Наприимѣръ, г. Марковъ заявляетъ: «Гейне былъ пѣвецъ жизни, весны, молодости и любви — вотъ основной источникъ его поэзіи, его духа! Но жизнь, любовь—это прежде всего правда. Не даромъ каждое слово Гейне насеквозъ дышетъ правдой, иногда содрогающей правдой, граничащей то съ цинизмомъ, то съ безумствомъ». Неудобопонятно, но за то прекрасно сказано! Столь неудобопонятно и столь прекрасно, что вы можете вложить въ эту фразу совершенно противоположную мысль и сказать, наприимѣръ, такъ: «Леопарди былъ пѣвецъ смерти и отчаянія—вотъ основной источникъ его поэзіи, его духа! Но смерть, отчаяніе—это прежде всего

правда. Не даромъ каждое слово Леопарди насквозь дышетъ правдой, иногда содрогающей правдой, граничащей то съ цѣнизмомъ, то съ безумствомъ». Почему въ самомъ дѣлѣ жизнь и любовь больше правда, чѣмъ смерть и ненависть? И что это собственно значить: жизнь и любовь прежде всего правда? Г. Марковъ великій мастеръ сочинять такія громкія, но вполне безмысленныя фразы. Въ статьѣ о Гейне ихъ не меньше, чѣмъ въ другихъ его произведеніяхъ. Но статья все-таки любопытна.

Не въ Гейне тутъ дѣло, конечно. Гейне поэтъ, которому особенно пострадалось у насъ на Руси. Его неустанно переводятъ, ему подражаютъ и никто рѣшительно не сомнѣвается въ его поэтическомъ значеніи. И замѣчательно, что переводятъ у насъ Гейне люди самыхъ разнообразныхъ литературныхъ «кружковъ» и «парцій». Есть переводы Писарева и г. Буренина, М. Михайлова и г. Аверкіева, Плещеева и Майкова и проч., и проч. Словомъ, реабилитировать Гейне, доказывать кому-то и зачѣмъ то, что это великій поэтъ, значить именно попадать не въ то мѣсто, съ тараномъ ломиться въ настѣжь отворенную дверь. Тѣмъ не менѣе, для г. Маркова Гейне только предлогъ для пораженія «нѣкоторыхъ педантическихъ моралистовъ нашей российской журналистики», «нашихъ либерально-гражданскихъ критиковъ», «аргусовъ либерализма и гражданственности», «позитивистовъ, рационалистовъ и реалистовъ». Онъ съ пафосомъ восклицаетъ: «Нѣтъ, господа позитивисты, рационалисты и реалисты! Бичи посильнѣе вашихъ, критика поглубже вашей не могли сбить поэта (Гейне) съ его природнаго пути, не могли погасить въ немъ ту смѣлую, бодрящую вѣру въ разнообразіе и широту міра, которая такъ ненавистна вамъ». Нужды нѣтъ, что между нашими «либерально-гражданскими критиками», «позитивистами, рационалистами и реалистами» были и есть жаркіе почитатели Гейне; нужды нѣтъ, что даже, по условіямъ времени и мѣста, они не могли бы, если-бы и хотѣли, пробовать сбить Гейне «съ его природнаго пути»: г. Евгений Марковъ увлеченъ своей фразой, какъ нѣкогда Наполеонъ былъ увлеченъ своимъ рокомъ. Разница только въ томъ, что Наполеонъ отлично понималъ, что именно случилось съ нимъ при Ватерлоо, а г. Евгений Марковъ не устаетъ стоять въ позѣ побѣдителя, картинно потряхивая разноцвѣтными пѣтушьями перьями на шлемѣ и блистая вычищенными толченымъ кирпичемъ латами. Вы, говорить, такіе-сякіе, потому ненавидите Гейне, что ненавидите жизнь, а жизнь ненавидите потому, что она рвется изъ узкихъ догматовъ вашихъ партій и не мирится съ исключительно отрицательнымъ характеромъ вашей дѣятельности; въ васъ нѣтъ любви, въ васъ только гнѣвъ и отрицаніе!

«Аргусы», «реалисты» и проч. стоятъ, разумѣется, ни живы ни мертвы передъ этимъ грознымъ рыцаремъ съ пѣтушьями перьями на шлемѣ. Они разбиты, уничтожены и съ трепетомъ ждутъ послѣдняго удара марковского Дюрандала. Но Дюрандалъ самъ остановился въ воздухѣ. Рыцарь пѣтушьяго пера приза-

думался: Гейне вѣдь тоже издавалъ ноты гнѣва, злобы, отрицанія... Однако, рыцарь призадумался не на долго. Онъ хватается за злой юморъ и холодный скептицизмъ Гейне, чтобы, прослѣдивъ его въ пѣвцѣ «жизни, весны, молодости и любви», оправдать свою теорію обязательности противорѣчій.

«Разнообразие, противорѣчіе — ядъ его поэзіи; вотъ обиденное сужденіе о Гейне», говоритъ г. Марковъ. И затѣмъ начинаетъ рубить и колотъ это «обиденное сужденіе». Удары его несомнѣнно смертоносны, но не мѣшало бы, однако, справиться, гдѣ и когда было высказано изрубленное и исколотое сужденіе. Сколько намъ извѣстно, всѣ мало-мальски смыслящіе и чуткіе люди находили особенную прелесть въ своеобразномъ гейневскомъ сочетаніи сарказма и сентиментальности, холодной насмѣшки и жаркаго признанія въ любви. Это до такой степени бросающаяся въ глаза и прелекательная черта поэзіи Гейне, что безчисленное множество юношей, начинающихъ поэтизировать, стараются усвоить ее себѣ. Стараются, разумеется, въ большинствѣ случаевъ тщетно, потому что тайна сія велика есть и простымъ подражаніемъ ея не добудешь. Тѣмъ не менѣе, общепризнанность красоты переливовъ злобы и любви у Гейне не подлежитъ никакому сомнѣнію. Существовали, конечно, въ свое время черствые сухари, которымъ была чужда и непонятна эта капризная красота, но они sind längst gestorben, Herr Markoff, а сражаться съ мертвецами, это даже не совсѣмъ по рыцарски выходить.

Сочетаніе ядовитой насмѣшки и сентиментальности, злобы и любви само по себѣ вовсе не составляетъ противорѣчій, и все, что говоритъ г. Марковъ въ этомъ отношеніи якобы въ защиту Гейне, есть одно празднословіе. Увы! нашъ бранный міръ устроенъ такъ, что въ немъ нельзя любить *всего* и самъ любвеобильный г. Марковъ очемъ не любить «аргусовъ гражданственности и либерализма», которые, однако, занимаютъ свое мѣсто подъ солнцемъ. Кто любитъ цвѣты своего сада, тотъ не любитъ барана, когда онъ, забредя въ садъ, щиплетъ цвѣты; кто любитъ барана, тотъ не любитъ волка; кто любитъ волка, тотъ не любитъ борзой собаки. «Тотъ охаетъ, другой смѣется, и все на свѣтѣ такъ ведется». Съ страстною любовью относиться къ пожираемому и въ то же время злобно трактовать пожирающее отнюдь не значить противорѣчить себѣ. Совсѣмъ напротивъ, это значитъ жить цѣльно и полно. Но этого мало. Можно глубоко любить пожираемое и именно въ силу этой любви обливать его ядомъ насмѣшки и укора за бессиліе и тупую покорность судьбѣ. Точно также можно страстно любить друга или женщину и выражать эту любовь не только словами нѣжности и ласки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сарказмомъ и негодованіемъ. Можно и съ самимъ собой, наконецъ, ту же штуку продѣлывать. И никакого противорѣчія тутъ не будетъ. Это ясно, какъ азбука. Если же г. Марковъ приходитъ къ этому результату не прямымъ путемъ самыхъ простыхъ соображеній, а при помощи разныхъ немужныхъ вавило-

новъ и лирическихъ отступленій, такъ на то есть особыя причины. Гейневское сочетаніе сарказма и сентиментальности, это мнимое противорѣчіе, на самомъ дѣлѣ свидѣтельствующее только о полнотѣ жизни пылкаго темперамента, ему надо поставить за одну скобку съ настоящими и ни мало не похвальными противорѣчіями; ни мало не похвальными. хотя бы въ нихъ былъ грѣшенъ не только маленькій Марковъ, но и великій Гейне.

Г. Евгеній Марковъ милостиво разрѣшаетъ поэту: «пустъ онъ нынче молится передъ католическимъ распятіемъ, завтра вдохновляется бурями революціи, послѣ завтра таетъ въ нѣгѣхъ безпечной любви; пустъ онъ сегодня бичуетъ фарисейство, а завтра воспѣваетъ луну и фіалки; пустъ онъ сегодня мучится отчаяніемъ безвѣрія, а завтра ободряетъ всѣхъ вѣрою въ жизнь и счастье. Въ этомъ еще нѣтъ никакого противорѣчія, въ этомъ только непритворность естественной и обильной жизни».

Въ другомъ мѣстѣ: «Писатель, который кроить по заказанному шаблону свои стихи и прозу, который не знаетъ истомляющаго угара вдохновенія, а изготавляетъ свои романы или драмы спокойно и послѣдовательно, какъ секретарь канцелярскіе доклады, конечно, не скоро устанетъ и не нуждается въ разнообразіи мотивовъ... Но поэтъ такой огненной страсти, какъ Гейне, нуждается въ разнообразіи, какъ птица въ чистомъ воздухѣ... Онъ любитъ такъ сердечно и много, что ему простиительно отдохнуть отъ этой любви на ледяномъ сарказмѣ или горделивомъ презрѣніи. Онъ мыслитъ такъ глубоко и широко, что иногда вправѣ пошутить, какъ шеольникъ или какъ повѣса».

И далѣе: «Этимъ тонкимъ инстинктомъ своего внутренняго равновѣсія, этою органическою необходимостью обновлять себя погруженіемъ въ нетронутыя стихіи жизни объясняется вполнѣ удовлетворительно и то обстоятельство, смущавшее даже сторонниковъ поэта, что его поочередно видѣли то страстнымъ рыцаремъ интересовъ человечества, ломавшимъ копыя за его права и свободу, смѣлымъ «барабанщикомъ новой миссіи», то чисто-сердечнымъ ненавистникомъ всей политической и общественной суеты».

Хорошо пишутъ курскіе помѣщики! Это давно уже замѣчено. Но читатель видитъ все таки, что г. Марковъ валитъ въ одну кучу вещи совершенно несоизмѣримыя. Не найдется такого полонимаго, который выдумалъ бы точку зрѣнія, возбраняющую поэту не то что сегодня и завтра, а одновременно, однимъ поэтическимъ взмахомъ, бичевать фарисейство и любоваться фіалкой; ибо между фарисействомъ и фіалкой общаго только то и есть, что и то и другая въ русскомъ языкѣ съ буквы *ѣ* начинаются. Разнообразіе же мотивовъ или, какъ выражается г. Марковъ на родномъ нарѣчій курскихъ помѣщиковъ, «обновленіе себя погруженіемъ въ нетронутыя стихіи жизни» не только не предосудительно само по себѣ, но даже составляетъ великое достоинство.

Отвлеченно говоря, чѣмъ больше струнъ въ распоряженіи поэта, тѣмъ лучше. Если писатель обладает достаточно широкимъ талантомъ, чтобы сегодня разразиться сатирой, а завтра написать идиллію, сегодня создать потрясающую трагедію, а завтра заставить читателей расхохотаться, то только и можно сказать: вотъ многообъемлющій талантъ. И не до такой же въ самомъ дѣлѣ степени мы ступѣли, чтобы нуждаться въ поученіяхъ г. Маркова, что слова «многообъемлющій талантъ», «разнообразный талантъ» суть слова похвальные! Это мы и безъ курскихъ помѣщиковъ знаемъ. Но мы знаемъ также, что если писатель сегодня оплевываетъ (все равно въ трагической или комической формѣ) то самое, что вчера превозносили, то тутъ нѣтъ уже ровню ничего похвальнаго. За Гейне числится этотъ грѣхъ и, хоть онъ покойникъ все-таки не нуждается въ омовеніи волнами курскаго краснорѣчія, но достоверно, что этимъ несообразнымъ волнамъ не смыть того грѣха. По выраженію Шерра, Гейне «то освѣщаетъ свой гуманистическій идеалъ всѣмъ свѣтомъ поэзіи и мысли, то вслѣдъ затѣмъ начинаетъ его колотить своей арлекинскою палкой, забрасываетъ сарказмами и волочить его въ грязь». Что же тутъ хорошаго? А г. Маркову именно это-то и нравится.

Мы не объ Гейне разсуждаемъ, а всего только о г. Марковѣ. Поэтому оставимъ Гейне въ покоѣ. Еслибы пришлось разбирать Гейне съ точки зрѣнія мнимыхъ и дѣйствительныхъ противорѣчій, сваленныхъ г. Марковымъ въ одну кучу, то надлежало бы, оставивъ внѣ всякаго спора право поэта любоваться фіалкой и въ тоже время бичевать фарисейство, разрѣшить слѣдующій вопросъ: не была ли «арлекинская палка» Гейне по отношенію къ его «гуманистическому идеалу» выраженіемъ той «ненавидящей любви», которая обладает сарказмомъ и негодованіемъ горячо любимый предметъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ подвергнуть анализу всего Гейне—работа сложная, трудная и, признаться сказать, не особенно для насъ нужная. Предположимъ, что такой анализъ уже сдѣланъ. Если въ результатѣ его окажется, что «арлекинская палка» была дѣйствительно только выраженіемъ ненавидящей любви, то на дѣятельности Гейне нѣтъ ни одного пятна. Если же нѣтъ, если онъ въ самой глубинѣ души своей, непосредственно забрасывалъ грязью и билъ свой вчерашній идеалъ, то, принимая въ соображеніе всевозможна смягчающія обстоятельства, эти шатанія, по малой мѣрѣ, не прибавляютъ новыхъ лавровъ къ вѣнку Гейне. Г. же Марковъ утверждаетъ напротивъ, что прибавляютъ, ибо свидѣтельствуютъ объ «инстинктѣ внутренняго равновѣсія». Эти таинственныя требованія внутренняго равновѣсія вообще играютъ важную роль въ критическихъ бесѣдахъ г. Маркова.

II.

Въ одной древней книгѣ я нахожу слѣдующее пророчество, изложенное въ эпистолярной формѣ, именно въ видѣ письма къ г. Каткову:

«Еслибы самолюбіе мое и мое самоувѣніе равнялись вашимъ, любезный собратъ, то тѣ яростныя выходки, которыми меня вы удостоили, могли бы внушить мнѣ мысль, что мое вліяніе на общественныя дѣла выросло до вашего вліянія, что въ русской журналистикѣ только и осталось двѣ силы: я, бывший увѣданный учитель, и вы, бывший столичный профессоръ, и что вопросъ только въ томъ, кто изъ насъ Давидъ и кто Голиафъ, вопросъ, который легко рѣшился бы единоборствомъ между нами на удивленіе современникамъ и потомкамъ... Но, съ измлада отличаясь великодушіемъ, я готовъ принять васъ въ свои объятія и сѣрпыть невещественныя отношенія вещественными знаками. Давайте руку и подѣлимъ Россію между собой—вы возьмете западъ, со всѣми краями, сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ, а я востокъ до предѣловъ Китайской имперіи и Бухары, исключая Сибири, которую я вамъ же предоставляю. Будемъ дѣйствовать дружно, будемъ вмѣстѣ вызывать разные призраки и уловлять ими соотечественниковъ. На нашу долю еще хватаетъ легковѣрныхъ и глупцовъ среди 70-милліоннаго народа русскаго».

Это не изъ Сивиллинныхъ книгъ выписка и не изъ Мартына Задеки, да и не изъ очень древней книги, а изъ «Очерковъ и картинокъ» г. Суворина, изданныхъ отдѣльной книжкой въ 1875 году. Самоговъ, положимъ, г. Суворинъ успѣлъ съ тѣхъ поръ не одну пару сносить. Но какое это все-таки недавнее и вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря иносказательно, какое древнее время! Окруженный веселымъ сіяніемъ либерализма, г. Суворинъ кокетливо прощался съ публикой, дѣлая ей «ручкой» и улыбаясь тою граціозною, балетною улыбкой, съ которой танцовщица, окончивъ свой туръ, раскланивается зрителямъ, чтобы уступить мѣсто подругѣ. Прелестная балерина очень хорошо знаетъ, что еще нѣсколько тактовъ и она опять выпорхнетъ «плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ», ибо безъ нея комплектъ не полонъ и балетъ не балетъ, а потому и прощаніе ея съ публикой не имѣетъ въ себѣ ничего мрачнаго; напротивъ, это одна прелесть. Такъ и г. Суворинъ прощался съ публикой въ послѣднемъ своемъ фельетонѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». И дѣйствительно, попробовавъ онъ пристроиться тамъ и сямъ и, наконецъ, возсталъ въ новой и вѣщей славѣ, оправдавъ собственное пророчество. Нынѣ онъ уже безъ всякой ироніи «готовъ принять въ свои объятія» г. Каткова и подѣлить съ нимъ Россію въ томъ можетъ быть и справедливымъ расчетѣ, что на долю cadaго изъ

нихъ «еще хватить легковѣрныхъ и глупцовъ среди 70 миллионнаго народа русскаго».

Я ничего не потерялъ съ осуществленіемъ ироническаго прощенья г. Суворина, ни въ чемъ не разочаровался, ничего не оторвалъ отъ сердца: ни друга, ни брата, ни единомышленника. Я не раздѣлялъ образа мыслей г. Суворина, когда для него слово «либераль» было похвальнымъ словомъ, не раздѣляю и теперь, когда это слово стало для него ругательнымъ. Да и мудро довольно говорить объ «образѣ мыслей» г. Суворина, когда я помню, на примѣръ, изъ временъ его либерализма такой случай, что на пространствѣ двухъ недѣль онъ выразилъ два диаметрально противоположныя мнѣнія о петровской реформѣ. Случай этотъ, какъ извѣстно всѣмъ, слѣдившимъ за дѣятельностью г. Суворина, далеко не единичный. Какъ бы то ни было, я, кажется, могу спокойно и безпристрастно судить о причинахъ, слѣдствіяхъ, смыслѣ и значеніи вольтижированія г. Суворина. Но поощремъ матеріаловъ для такого сужденія въ разсужденіяхъ г. Маркова.

Разсуждая о нашихъ литературныхъ партіяхъ, направленіяхъ, «кружкахъ», г. Марковъ, по обыкновенію, валитъ въ одну кучу вещи, не имѣющія между собой ничего общаго. Это его любимый пріемъ, при помощи котораго такъ легко взмутить воду и потомъ выловить изъ нея ту именно рыбу, которая требуется. Когда онъ говоритъ, на примѣръ, что литературные кружки не имѣютъ никакого резона доходить до такого самоубійства, чтобы предъявлять публикѣ личныя и кружковыя дразги, то, конечно, онъ говоритъ правду. Сплетни и чисто личныя пререканія, занимающія въ нашей теперешней литературѣ такое видное мѣсто, хотя и объясняются узостью поля, отведеннаго для литературнаго воздѣлыванія, но во всякомъ случаѣ ни мало литературы не украшаютъ. Однако, это обстоятельство не имѣетъ прямого отношенія къ темѣ г. Маркова, къ правотѣ порханія съ одной литературной вѣтки на другую. Прощаніе сплетень и дразгъ составляетъ для г. Маркова одну изъ иллюстрацій современнаго положенія литературы, которое, дескать, обременено «талмудизмомъ», «цеховою» замкнутостью и тупою преданностью разъ навсегда усвоеннымъ, неподвижнымъ принципамъ. Но газета г. Суворина представляетъ нагляднѣйшее свидѣтельство, что можно, подобно вольной пташкѣ, порхать съ вѣтки на вѣтку и на каждой изъ нихъ чиркать новую пѣсню и въ тоже время быть вмѣстѣ сплетень и личныя дразги. Значитъ, нѣтъ никакой причинной связи между литературнымъ сплетничествомъ съ одной стороны и неподвижностью принциповъ съ другой. Оно, впрочемъ, и а priori понятно. Но для г. Маркова удобно припутывать справедливыя, но не идущія къ дѣлу замѣчанія, дабы подъ флагомъ ихъ справедливости провести, незримо для читателей, вещи очень идущія къ дѣлу, но совершенно несправедливыя. Если мы отдѣлимъ всѣ эти побочныя соображенія,

между которыми есть и вѣрные, и вздорныя, оставивъ только занимающую насъ съ г. Марковымъ суть дѣла, и затѣмъ уже только въ этой сути будемъ искать матеріаловъ для сужденія о дѣятельности г. Суворина, то найдемъ слѣдующее.

Изъ богатаго содержаніемъ, кипящаго раствора русской жизни, осыпали твердые, неподвижные кристаллы русскихъ литературныхъ партій, съ острыми, строго опредѣленными углами и гранями. Житейское море волнуется, бушуетъ, выдвигаетъ новые вопросы, направляется на новыя точки зрѣнія, а литературныя партіи ничего этого знать не хотятъ и твердятъ все то же, что онѣ твердили десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ тому назадъ. Твердятъ каждая свое, въ одиночку, нетерпимѣйшимъ образомъ относясь къ сосѣду и не признавая за нимъ права голоса въ процессѣ добычи истины. Да даже, собственно говоря, имъ до истины никакого дѣла нѣтъ. Не въ разработкѣ истины полагаютъ свою задачу литературныя кружки и партіи, а въ охраненіи во что бы то ни стало разъ провозвѣщенныхъ принциповъ ихъ собственнаго символа вѣры, «подобно тому, какъ все служеніе весталокъ состояло въ охранѣ разъ зажженнаго священнаго огня». Не только публицисты, а и беллетристы подтасовываютъ образы и картины, руководясь кружковыми шаблонами, и не смѣютъ отступить отъ того «либеральнаго» или «консервативнаго» символа вѣры, который усвоенъ той или другой литературной партіей. Всѣ глутъ, притворяются, уродуютъ свою мысль и чувства въ угоду идолу направленія. Полное отсутствіе того «инстинкта внутренняго равновѣсія», который, во-первыхъ, признаетъ за всякимъ право добиваться истины своимъ особеннымъ путемъ и съ своей особенной точки зрѣнія, а во-вторыхъ и обладателю этого драгоценнаго инстинкта не даетъ заморозиться въ мертвомъ принципѣ, а побуждаетъ смотрѣть на вещи сегодня такъ, завтра иначе, смотря по требованіямъ жизни. Есть въ литературѣ люди, «способные не противорѣчить себѣ ни въ одномъ высказанномъ словѣ, ни въ одномъ обнаруженномъ желаніи». Но это «жалкіе скопцы челоуѣчества» (что это собственно значить «скопцы челоуѣчества»? и какіе такіе еще бываютъ?), и хвастаться ими литературѣ не приходится. Напротивъ, они-то и показываютъ, какъ мертва литература въ своей заказной насильственной вѣрности разъ заданному паролю и какъ нелѣпа подгонка журнальныхъ статей къ одному цвѣту.

Такова картина современной русской литературы, нарисованная искусной рукой г. Маркова. То ли дѣло г. Суворина!..

Позвольте, однако, вѣдь г. Суворинъ живъ, и не просто живъ, а наполняетъ собою исторію, ибо издается и ежедневно («Новое Время»), и еженедѣльно («Еженедѣльное Новое Время»), и ежемѣсячно («Историческій Вѣстникъ»), и ежегодно («Русскій Календарь»), словомъ во всѣхъ видахъ, какіе только употребительны въ русской литературѣ. Спрашивается, насколько же вѣрна картина, нарисованная г. Марковымъ, если литература владѣть

такимъ перломъ, какъ г. Суворинъ, и если этотъ перлъ занимаетъ въ литературѣ такое пространство? Онъ-то, надѣюсь, не похожъ на кристалъ съ острыми, опредѣленными углами и гранями, или на весталку, вѣрно охраняющую разъ зажженный священный огонь. Но г. Суворинъ особъ статья, объ немъ потомъ. И, помимо его чрезвычайно типической литературной фисіономіи, я не могу признать полной вѣрности за картиною г. Маркова. Хорошо или не хорошо само по себѣ неуклонное служеніе разъ выработаннымъ идеямъ, есть ли оно признакъ духовной смерти или, напротивъ, стойкой, не сдающейся жизни, я, во всякомъ случаѣ, не вижу, чтобы оно преобладало въ русской литературѣ. За примѣрами ходить не далеко: самъ г. Марковъ пишетъ одновременно въ такихъ, повидимому, различныхъ журналахъ, какъ «Дѣло» и «Русская Рѣчь». Изъ этого слѣдуетъ, кажется, заключить, что, не считая самого г. Маркова, этого пламеннаго апостола внутренняго равновѣсія, по крайней мѣрѣ, издатели этихъ двухъ почтенныхъ журналовъ не суть «скопцы человечества». А у насъ и всѣхъ-то журналовъ штуръ шесть. Такихъ примѣровъ можно бы было привести множество. Но этого мало. Литература поставлена мнѣ въ такія условія, что ни одинъ журналъ не можетъ ручаться за исполнѣ послѣдовательное проведеніе своей программы, а потому различные конкретные примѣры «внутренняго равновѣсія» могутъ объясняться именно тѣмъ, что равновѣсіе это навязывается внѣшними обстоятельствами. Но въ литературѣ нашей есть прямые единомышленники г. Маркова, готовые подыскивать теоретическія основы для практики внутренняго равновѣсія. Само собою разумѣется, что для принципиальнаго возведенія ренегатства или шатанія мысли въ перлъ созданія нужна такая смѣлость, которая рѣдко попадаетъ въ природѣ. Не всѣмъ же ходить безъ фиговаго листка! Однако, при случаѣ, особенно, когда нужно во что бы то ни стало и чѣмъ бы то ни было уколоть человѣка, мы не прочь и отъ идей г. Маркова. Я это на самомъ себѣ испыталъ. Позволяю себѣ остановиться на этомъ не потому, разумѣется, что дѣло идетъ обо мнѣ, а потому, что и въ самомъ дѣлѣ исторія курьзная и для нашей литературы характерная. Дѣло въ томъ, что въ концѣ прошлаго года я издалъ первый томъ своихъ сочиненій. Время тогда стояло любопытное. Во-первыхъ, продолжались, уже, впрочемъ, затихая, толки о «народѣ»; во-вторыхъ, г. Цитовичъ поднималъ свою травлю, достигнувшую вслѣдъ затѣмъ геркулесовыхъ столбовъ; въ-третьихъ, въ воздухѣ висѣлъ не совсѣмъ еще разсѣянный туманъ барабаннаго патриотизма и мистическихъ національных задачъ. Просматривая для отдѣльнаго изданія статьи, вошедшія въ первый томъ моихъ сочиненій, я увидѣлъ, что какъ разъ по этимъ тремъ пунктамъ, исчерпывавшимъ тогдашнюю злобу дня, я, 8—10 лѣтъ тому назадъ, выражалъ мнѣнія, совершенно тождественныя съ тѣми, которыхъ держусь теперь. Такъ какъ я понимаю «внутреннее равновѣсіе» иначе, чѣмъ г. Марковъ, то, съ

моей стороны, естественно было подчеркнуть эту, если хотите, неподвижность принциповъ, что я и сдѣлалъ въ предисловіи. Я не ставилъ себѣ этой неподвижности въ заслугу, я видѣлъ въ ней только удобство, какъ для себя, такъ и для читателей. Нашлись, однако, два критика, которые именно эту вѣрность разъ-выработаннымъ принципамъ поставили мнѣ въ тяжелый грѣхъ. Ни тотъ, ни другой не сказали ни слова объ томъ, правильно или неправильно смотрѣлъ я десять лѣтъ тому назадъ и смогрю теперь на поворныя литературныя травли, на «народъ» и его отношеніе къ цивилизаціи, на барабанный патриотизмъ. Нѣтъ, они только вознегодовали на мою «неподвижность», на то, что, какъ выразился одинъ изъ нихъ, на моей умственной работѣ не видно жизненныхъ слѣдовъ. Вотъ, еслибы я въ теченіи десяти лѣтъ раза три-четыре вывернулся на изнанку; еслибы я призналъ, напримѣръ, участіе въ литературной травлѣ, которую считаю гнусностью, или пробарабанилъ бы нѣчто о мистическихъ національныхъ задачахъ, которыя самъ же объявлялъ химерою—о, тогда другое дѣло! Тогда на моей умственной работѣ были бы видны жизненные слѣды и мои почтенные критики были бы вполне удовлетворены. Теперь же, если я не получилъ отъ нихъ титула «скопца человѣчества», то единственно, я полагаю, потому, что судьбою былъ избранъ именно г. Марковъ для изобрѣтенія этого нетолько логически, но даже грамматически бессмысленнаго термина. Ну, имъ и книги въ руки! Но гдѣ же все-таки правда въ картинѣ г. Маркова? Очевидно, не такъ ужъ одинокъ, какъ ему кажется, и его проповѣдь шатанія мысли имѣеть свои нетолько практическіе, а и теоретическіе прецеденты. Остается за тѣмъ оцѣнить теорію «внутренняго равновѣсія». Сдѣлать это на конкретномъ примѣрѣ, въ родѣ г. Суворина, кажется, всего удобнѣе...

Еще писать—писать. Вычеркивать не буду. Но мнѣ было бы очень прискорбно, еслибы читатель заключилъ изъ предыдущаго, что я хочу мѣяться съ г. Суворинимъ. Нѣтъ, Воже избави, ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ смыслѣ! Примѣръ изъ своей практики я привелъ только потому, что мнѣ кажется очень поучительнымъ самый фактъ разсужденій моихъ критиковъ, а къ г. Суворину отношусь совершенно, что называется, объективно: намъ съ нимъ дѣлать нечего.

Теорія г. Маркова состоитъ изъ двухъ частей. Она утверждаетъ, во-первыхъ, что въ обществѣ долженъ быть предоставленъ, равновѣсія ради, свободный голосъ всѣмъ, ищущимъ истины, отъ какой бы точки они въ своихъ поискахъ ни отправлялись. Она утверждаетъ далѣе, что въ самой личности писателя должно проявляться внутреннее равновѣсіе, каковое достигается свободнымъ переходомъ отъ одной точки зрѣнія къ другой, подъ влияніемъ требованій постоянно измѣняющейся жизни. Первую часть теоріи мы пока оставимъ въ сторонѣ. Что же касается второй, то, какъ уже сказано выше, изъ нея надо выкинуть совсѣмъ не-

правильно пристегнутое сюда г. Марковымъ «обновленіе духа погруженіемъ въ новыя стихіи жизни». Воспѣвать фіалку и затѣмъ бичевать фарисейство безспорно можно, но можно ли сегодня бичевать фарисейство, а завтра его же воспѣвать, въ этомъ именно и состоитъ нашъ вопросъ.

Прежде всего я не вижу, почему г. Суворинъ или самъ г. Марковъ или любой другой вольтижѣръ въ этомъ родѣ, почему они, сегодня объявляя петровскую реформу благомъ, а завтра зломъ, сегодня обливая г. Каткова ироніей, а завтра печатая бюллетени о его здоровьи, обнаруживаютъ истиннѣе внутренняго равновѣсія. Я думаю, напротивъ, что г. Суворину именно недостаетъ внутренняго равновѣсія, ибо какое же это въ самомъ дѣлѣ равновѣсіе, когда то одна чашка вѣсовъ подсказываетъ къ верху, а другая стучается о подставку, то наоборотъ? Истиннѣе внутренняго равновѣсія, казалось бы, долженъ побуждать человѣка, говоря, напримѣръ, о петровской реформѣ, съ разу опредѣлить ея хорошія и дурныя стороны и подвести полный по возможности итогъ. Само собою разумѣется, что если человѣкъ не достаточно знакомъ съ предметомъ, о которомъ говорить, то ему можетъ быть въ самомъ непродолжительномъ времени придется измѣнить свой итогъ и встать въ противорѣчіе съ тѣмъ, что имъ самимъ только что сказано. Но никакихъ особенныхъ достоинствъ онъ этимъ, конечно, не обнаружитъ, лавровъ отъ современниковъ и потомства не заслужитъ, и единственная мораль, которая можетъ быть извлечена изъ его поведенія, состоитъ въ правилѣ: не суйся въ воду, не спросясь броду, не говори объ томъ, чего не знаешь. Такимъ образомъ, первую причину того, что г. Марковъ называетъ равновѣсіемъ, и что, въ дѣйствительности, есть только шатаніе, составляетъ незнаніе. Знаніе, конечно, дѣло наживное, но въ незнаніи все-таки ничего хорошаго нѣтъ, и было бы гораздо лучше, еслибы г. Суворинъ, трагую о какомъ-нибудь предметѣ, предварительно съ нимъ хорошенько познакомился. Кажется, объ этомъ даже въ прописяхъ упоминается. Вторую причиною шатанія или, на языкѣ г. Маркова, равновѣсія можетъ быть очень большая впечатлительность и экспансивность. Сегодня человѣкъ имѣетъ о предметѣ извѣстное мнѣніе, а завтра напоръ новыхъ впечатлѣній смываетъ это мнѣніе, и человѣкъ не въ силахъ удержаться, чтобы не высказать своего новаго убѣжденія съ такою же откровенностью, съ какою только вчера еще высказалъ совершенно противоположное; онъ въ себѣ не властенъ, онъ такъ же рефлексивно разряжаетъ себя, какъ рефлексивно отдергиваетъ уколотую лапку обезглавленная лягушка. Прекрасно, не властенъ и потому, пожалуй, невмѣняемъ. Но не надо все-таки забывать, что рефлексъ есть низшая форма нервной дѣятельности, на которую даже обезглавленная лягушка способна. Впечатлительность и откровенность вовсе не похвальныя качества, какъ обыкновенно думаютъ, а совершенно индифферентныя. Впечатлительность можетъ гарантировать и очень

богатую, и очень бѣдную, очень одностороннюю внутреннюю жизнь, все равно, какъ мягкая сургучная масса одинаково порочно даетъ отгибки и фальшивой, и настоящей печати, и геральдическаго лва, и печати тайнаго революціоннаго общества, и масонскихъ знаменъ, и сердца, пронзеннаго стрѣлой съ двумя палующимися голубками на придачу. Что же касается откровенности, то если она состоитъ, напримѣръ, въ выбалтываніи всякой мерзости и глупости, которая придетъ въ голову, то она переходитъ въ наглость и безстыдство. Въ пользу такъ называемыхъ впечатлительныхъ и откровенныхъ людей подкупаетъ ихъ подвижность, юркость, повидимому, свидѣтельствующая объ обиліи жизни. И недаромъ г. Марковъ, требующій безустанныаго шатаанія мысли, является въ полномъ вооруженіи борца за жизнь. Не спорно, что внѣшняя подвижность можетъ иногда и въ самомъ дѣлѣ быть выраженіемъ настоящаго богатства жизни. Но это вовсе не необходимая связь, особенно если принять въ соображеніе различныя ступени жизни. Я спрошу г. Маркова: въ комъ больше жизни, въ обезглавленной ли лягушкѣ, рефлексивно отдергивающей пораненную лапку, или въ Муціи Сцевольтъ, не выдергивающейъ полусожженной руки изъ огня? И Муціи могъ бы отдернуть руку, это дѣло не хитрое, но та высшая ступень жизни, которая его одушевляетъ, до такой степени примируетъ надъ низшими ступенями, что рефлексъ, самый естественный, задерживается. Такимъ образомъ и вторая причина шатаанія, очень естественная, очень, если хотите, простительная, все-таки не предоставляетъ шатающемуся никакихъ преимуществъ, не прибавляетъ ему никакого плюса. Если въ его поведеніи и обнаруживается обиліе жизни, то именно низшей жизни, и было бы во всѣхъ отношеніяхъ лучше, если бы г. Суворинъ обладалъ центральной психической силой, достаточно могучей, чтобы задерживать его рефлексъ. Третья причина шатаанія можетъ заключаться столько же въ личности шатающагося, сколько въ окружающей средѣ. Русское житейское море можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ очень бушуетъ, но по разнымъ причинамъ, о которыхъ отчасти рѣчь будетъ ниже, оно не даетъ и не можетъ давать общественному дѣятелю опредѣленныхъ толчковъ въ опредѣленномъ направленіи. Европейскій общественный дѣятель, выступая гласно или молчаливо уполномоченнымъ представителемъ извѣстныхъ слоевъ общества или извѣстныхъ интересовъ, хотя и можетъ, разумѣется, мѣнять свои взгляды, но тѣмъ не менѣе имѣетъ въ представляемыхъ имъ элементахъ твердую опору и какъ бы наѣзженную уже колею, съ которой трудно сбиться даже мало знающему или очень впечатлительному человеку. У насъ же такому человеку чрезвычайно легко очутиться въ положеніи г. Суворина. У насъ общественный дѣятель, и особенно писатель, долженъ въ самомъ себѣ имѣть какую-нибудь твердую опору, ибо откуда-нибудь со стороны ему нечего ждать ни руля, ни весла. Г. Суворинъ, человекъ безспорно талантли-

вый, хотя уже и растрепавшій свой талантъ, выдвинулся единственно «бойкостью пера». Въ Европѣ онъ и занималъ бы соотвѣтственное этой бойкости мѣсто въ хвостѣ какой-нибудь партіи. Онъ бы писалъ, а партія водила бы его перомъ по бумагѣ. Я предвижу возраженіе г. Маркова. Почему же не внѣ всякихъ партій? а Прудонъ? напомнить онъ, Прудонъ, который, не замыкаясь ни въ какую партію, одинаково относился къ нимъ всѣмъ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно на Прудона ссылаются (его г. Марковъ и дѣйствительно поминаетъ) и совсѣмъ напрасно ссылаются. Ибо Прудонъ есть во-первыхъ, Прудонъ, а г. Суворинъ всего только г. Суворинъ, а во-вторыхъ, Прудонъ всю свою жизнь былъ въ основаніи вѣренъ одной идеѣ, въ шатавіяхъ не грѣшени и едва ли даже не есть «скопецъ челоуѣчества». Какъ бы то ни было, но у насъ г. Суворинъ, самъ нуждающійся въ руководствѣ, единственно благодаря бойкости своего пера попалъ въ руководители. Это безконечно усложняетъ и затрудняетъ его положеніе, дѣлаетъ его даже глубоко-трагическимъ, если, разумѣется, вѣрить въ искренность г. Суворина:

Я убѣжденъ въ самомъ дѣлѣ, что, при условіи искренности, г. Суворинъ долженъ быть глубоко несчастнымъ челоуѣкомъ. Какъ ни какъ, а вѣдь онъ учитель. Онъ скликаетъ къ себѣ толпу слушателей и, каково бы ни было отношеніе къ нему этихъ слушателей, а въ душѣ его не разъ и не два должны загораться стыдъ и скорбь. Для оправданія разныхъ противорѣчій часто ссылаются на примѣръ Вѣлинскаго, и г. Марковъ, конечно, тоже; при всей склонности понимать вещи на выворотъ, какъ ихъ никто не понимаетъ и какъ ихъ понимать нельзя, онъ въ тоже время не упускаетъ ни одного случая повторить избитое общее мѣсто. Мудрено найти что-нибудь неудачнѣе и безсѣрдечнѣе ссылки на Вѣлинскаго. Этотъ страстный челоуѣкъ, запутавшійся въ сѣтяхъ нѣмецкой философіи, былъ истинный мученикъ. Припомните его собственный разсказъ, какъ нѣкто отказался отъ знакомства съ нимъ потому именно, что онъ написалъ «Бородинскую годовщину», и какъ Вѣлинскій, услышавъ отказъ отъ знакомства, горячо пожалъ руку этому господину. Припомните разсказъ Панаева, какъ Вѣлинскій, увидавъ у него на столѣ книжку «Отечественныхъ Записокъ», случайно развернутую на статьѣ о Менцелѣ, едва не упалъ въ нервномъ припадкѣ. И эти-то страшныя мученія, которыхъ однакъ было бы достаточно, чтобы предать проклятію всякія шатавія, эти мученія приводятся не какъ образчикъ того, чего слѣдуетъ избѣгать, а напротивъ возводятся въ перлъ созданія, поднимаются на высоту принципа какаго-то несуразнаго «внутренняго равновѣсія» или какихъ-то еще «жизненныхъ слѣдовъ!» Право, мы переживаемъ совершенно неподобное время. Я думаю во всей исторіи литературы нельзя найти попытокъ принципиальнаго оправданія ренегатства или тѣмъ паче простаго шатавія изъ стороны въ

сторону. Ренегатомъ можетъ быть негодяй, продавшій своего Бога за столько-то пѣлковыхъ, и тогда онъ просто негодяй, не подлежащій, разумѣется, никакой идеализаціи. Ренегатомъ можетъ быть и достойнѣйшій человѣкъ, искренно и всѣмъ сердцемъ отдавшійся новой вѣрѣ, и тогда онъ несчастнѣйшій человѣкъ, тѣмъ болѣе несчастный, чѣмъ сильнѣе была его вѣра въ стараго бога. Чего-нибудь да стоятъ эти душевные надломы, и я, по крайней мѣрѣ, ни другу ни недругу не пожелаю переживать ихъ. Можно глубоко сочувствовать мученіямъ, испытываемымъ ренегатомъ, можно сочувствовать и смѣлости, съ которою человѣкъ отбрасываетъ отъ себя заблужденіе, разъ онъ убѣдился, что это дѣйствительно заблужденіе. Но надо совершенно изломать въ себѣ всякую логіку и всякія требованія нравственности, чтобы рекомендовать ренегатство и шатаніе, ради самаго ренегатства и шатанія. Если краска стыда заливаетъ лицо г. Суворина, когда ему попадаютъ на глаза его старыя статьи; если онъ по временамъ испытываетъ хоть десятую долю тѣхъ мученій, какія переживалъ Бѣлинскій, вспоминая, что онъ всенародно проповѣдывалъ «гнузости» (собственное выраженіе Бѣлинскаго; а съ теперешней точки зрѣнія г. Суворина его, наримѣръ, письмо къ г. Каткову есть, конечно, гнусность); если, оглядываясь на свое прошлое и видя тамъ безконечную чехарду мыслей и чувствъ, г. Суворинъ ощущаетъ подступъ слезъ къ горлу, я ему глубоко сочувствую. Это, значитъ, хорошій, искренній человѣкъ, мнѣ жаль его, онъ имѣетъ всѣ права на сочувствіе. Но именно въ чехардѣ его мыслей и чувствъ видѣтъ еще какія-то особенныя права и притомъ чуть не права на титулъ великаго человѣка, это такая дикая мысль, которая только въ наше безподобное время и можетъ народиться. Самъ г. Суворинъ много скромнѣе. Онъ не чехардой своей хвастается, а только тѣмъ, что завелъ отдѣлъ «среди газетъ и журналовъ». Это ему и зачтется величепріятнымъ судомъ потомства.

Могутъ замѣтить, что стыдъ и слезы г. Суворина, вообще его личныя муки, при всей ихъ почтенности, не представляютъ чего-нибудь важнаго въ смыслѣ общественномъ, и что нельзя же, на примѣръ, мнѣ, исповѣдующему новый завѣтъ, отказаться отъ желанія обратитъ въ свою вѣру людей ветхозавѣтныхъ только потому, что это обращеніе горечью отзовется на ихъ личной жизни. Безъ сомнѣнія нельзя. Но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Для всякаго, а тѣмъ болѣе для писателя, человѣка по профессіи учающаго, обязательно бросить заблужденіе, какъ только онъ убѣдился въ томъ, что оно заблужденіе, и вести людей къ истинѣ, чего бы имъ это ни стоило. Но личная горечь душевнаго надлома составляетъ притомъ только печальную необходимость, а отнюдь не самодовлѣющій принципъ. Измѣненіе взглядовъ естественно и законно, но совершенно ни съ чѣмъ несообразно дѣлать систему, теорію, принципъ не изъ элементовъ истины, а ихъ из-

мѣненія взглядовъ на нее. Еслибы г. Марковъ, такъ пламенно объясняющійся въ любви къ жизни, въ самомъ дѣлѣ любилъ ее, онъ относился бы къ ней бережно и не радовался бы тому, что ей часто приходится тратиться на мучительное самопротиворѣчіе. Еслибы самому ему не было такъ легко прыгать съ одной вѣтви древа познанія добра и зла на другую, онъ не возводилъ бы этого пріятнаго для него, но тяжелаго для другихъ прыганія въ систему.

Дѣло здѣсь именно въ системѣ. Все предыдущее справедливо при томъ условіи, что шатунъ шатается вполне искренно, или по малому знакомству съ предметомъ, о которомъ разсуждаетъ, или по излишней впечатлительности и неспособности задерживать свои рефлексы, или, наконецъ, по отсутствію всякой твердой опоры въ окружающей средѣ. Но, разъ утвердилась система, подъ именемъ ли теоріи «внутреннаго равновѣсія», или «откровеннаго направленія» или «жизненныхъ слѣдовъ», за нее могутъ съ удобствомъ прятаться самыя низкія пополюзованія, простая торговля убѣжденіями. Ибо, если для общества полезна литературная чехарда, полезна сама по себѣ, какъ таковая, такъ отчего же не сдѣлать изъ нея ремесла и не получать за отправленіе этого ремесла деньги въ той или другой формѣ? Возьмемъ самую мягкую форму и представимъ себѣ, что шатунъ не продается непосредственно, а только ловко наживляетъ свои удачки соответственными времени и мѣсту приманками, заботась единственно объ томъ, чтобы на приманку шелъ читатель. Это даже почти неизбѣжный исходъ для писателя, который самъ нуждается въ руководствѣ, а между тѣмъ, поставленъ въ положеніе руководителя. Ясно, что, постоянно «лова моментъ», онъ можетъ оказаться вынужденнымъ наживлять удочку приманками для самыхъ грубыхъ инстинктовъ, питать въ обществѣ всякіе предрасудки, нелѣпое самомнѣніе, страсть къ скандалу и проч. Но продажность далеко еще не единственный возможный результатъ шатанія, возведеннаго въ систему. Если даже шатунъ не продается, а только распускаетъ себѣ возжи и просто валяется по всѣмъ по тремъ, какъ ухорскій ямщикъ, такъ и то онъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, влияетъ на общество самымъ развращающимъ образомъ и, между прочимъ, совершенно извращаетъ нормальное отношеніе читателя къ литературѣ. Читатель видитъ, что сегодня шатунъ пишетъ панегирикъ Петру и его реформѣ, а завтра обдаетъ реформу помоями, и такъ не разъ и не два, а изо дня въ день, по всѣмъ предметамъ знанія и незнанія, по всѣмъ вопросамъ бытія и небытія. Прежде всего читатель, конечно, не можетъ извлечь изъ этихъ взаимныхъ противорѣчій какой-нибудь опредѣленный взглядъ на петровскую реформу. Хотя г. Марковъ и утверждаетъ, что именно этимъ способомъ раскрываются разныя стороны истины, но это онъ, по обыкновенію, не въ то мѣсто попадаетъ, ибо мы имѣемъ дѣло не съ учеными, отрывающими новые факты и систематически освѣщающими

предметъ, а съ продуктами минутнаго настроенія по отношенію къ однимъ и тѣмъ же фактамъ. Оставимъ въ повоѣ г. Суворина и возьмемъ примѣръ изъ литературной дѣятельности самого г. Маркова. Въ первомъ томѣ своихъ сочиненій, говоря о невѣжествѣ и косности русскаго мужика, онъ съ грустью замѣчаетъ: «Оглянитесь назадъ, въ исторію. Андрей Первозванный, говорятъ, засталъ на Руси квась и паренъе въ баняхъ; прошло 1800 лѣтъ и все-таки у русскаго мужика только и есть добраго, что квась, да субботняя баня въ печи, да изба по прежнему жильемъ пахнетъ». А въ «Барчукахъ» того же самого г. Маркова тотъ же фактъ исторической непреклонности кваса и березовыхъ вѣнниковъ получаетъ вотъ какое освѣщеніе: «Я съ радостью напелъ въ преданіяхъ объ Андрѣ Первозванномъ рассказъ о старомъ славянскомъ обычаѣ париться въ банѣ вѣниками и пить сверный квась. Лапти и тулупы, лукошки и корыта, какъ показываетъ исторія, были на зарѣ нашего отечества столь же культивируемы, какъ и теперь». Вы видите, что одинъ и тотъ же фактъ заставляетъ г. Маркова то плакать, то радоваться, а потому читатель долженъ уже какъ-нибудь самъ добираться чего этого фактъ стоитъ. Допустимъ, что этотъ отдѣльный случай противорѣчія имѣеть за себя всѣ смягчающія обстоятельства, но представьте, что г. Марковъ издаетъ вполне откровенную газету, въ которой вольтижируетъ изо дня въ день. Нечего и говорить, что читатель его не получитъ никакой руководящей нити для сужденія о фактѣ, который трактуется сегодня такъ, а завтра навыворотъ. Но этого мало. Читатель, можетъ быть, сначала и попробуетъ ловить угря за хвостъ, но, видя необыкновенную увертливость угря, по неволѣ броситъ это бесполезное занятіе и станетъ искать въ газетѣ чего-нибудь уже вполне несомнѣннаго, каковы: скандалъ, сплетня, ругань и т. п. Если пріятномъ г. Марковъ окажется достаточно талантливымъ или ловкимъ, чтобы заставить себя читать, то тѣмъ хуже и для читателя, и для литературы, и для всего общества. Капля по каплѣ, на половину сознательно, на половину бессознательно, вливается въ общество презрѣніе къ литературѣ, тотъ именно видъ презрѣнія, съ которымъ потребители относятся къ шутамъ, сводникамъ и другимъ представителямъ профессій, постыдныхъ, но счумъвшихъ сдѣлаться необходимыми или, по крайней мѣрѣ, удобными для потребителей...

Хорошо ли все это? Столь нехорошо, столь элементарно нехорошо, что мнѣ становится, наконецъ, стыдно далѣе распространять опроверженіе теоріи внутренняго равновѣсія, и я ставлю точку.

III.

Однако у теоріи внутренняго равновѣсія есть еще другая половина, до сихъ поръ не разсмотрѣнная: г. Марковъ требуетъ, во имя все того же равновѣсія, чтобы всѣмъ мнѣніямъ и всѣмъ стѣнкамъ мнѣній, какія только выработаны нашею нынѣшнею общественною жизнью, былъ предоставленъ просторъ, чтобы была признана законность существованія различныхъ взглядовъ на вещи и чтобы въ особенности развился противовѣсъ нынѣшнему мрачному, пессимистическому направленію литературы, «литературной хандрѣ».

На этотъ разъ идея «равновѣсія» много умѣстнѣе, если не въ житейскомъ, то въ логическомъ смыслѣ, и я готовъ обѣими руками подписаться подъ требованіемъ г. Маркова. Понятно, однако, что нельзя ни ожидать, ни желать, чтобы, напримѣръ, а внезапно раскрылъ г. Маркову объятія и воскликнулъ: Евгеній! мы розно понимаемъ вещи, но мы уважаемъ другъ друга, ибо одинаково стремимся къ истинѣ, только съ разныхъ сторонъ къ ней подходимъ! Тѣмъ паче нельзя ожидать и желать, чтобы всѣ влчущіе и «хандращіе» ни съ того ни съ сего, а единственно по шучьему велѣнію, по марковскому прошенію, возликовали. Нѣтъ, такъ дѣла не дѣлаются и не должны дѣлаться. Г. Марковъ, столь увѣренный во всемогуществѣ жизни, долженъ понимать, что взаимная нетерпимость въ литературѣ, а равно и литературная хандра вырощены извѣстными условіями и что слѣдовательно только съ устраненіемъ этихъ условій устранятся и тѣ явленія, которыя намъ обоемъ такъ не нравятся. Судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ «критическихъ бесѣдъ», г. Марковъ не чуждъ совершенно точнаго пониманія условій, порождающихъ литературную хандру и взаимную нетерпимость.

«Застой мысли въ нашей журналистикѣ, говоритъ онъ: — по особому положенію ея, есть не только слѣдствіе застоя мысли въ обществѣ, но отчасти и причина, его вызывающая. По этому онъ является опасностью весьма серьезнаго и практическаго характера. Конечно, невозможно отрицать, чтобы застой этотъ не зависѣлъ главнымъ образомъ отъ условій, противъ которыхъ безсилна журналистика и которыя стоятъ совершенно внѣ ея. Вышнія стѣсенія суживаютъ предѣлы литературной дѣятельности, подрываютъ ея энергію, отвлекаютъ отъ нея полезныя силы, сообщаютъ ей характеръ неискренности и недосказанности, слѣдовательно лишаютъ литературу ея спокойнаго воспитательнаго значенія, вообще оказываютъ то вредоносное вліяніе на умственную жизнь общества, какое во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ неизменно оказывало всякое стѣсеніе общественной совѣсти». И въ другомъ мѣстѣ: «Открыть русской мысли широкій путь къ практическому дѣлу—вотъ почти единственный способъ

поставить нашу литературу на высоту европейскихъ и сообщить ей, вмѣсто ея теперешняго, болѣзненнаго характера, характеръ здоровой и плодотворной общественной силы». Вышними условіями, тяготѣющими надъ литературой, объясняются отчасти и проявленія нетерпимости литературныхъ партій. По крайней мѣрѣ, г. Марковъ «охотно готовъ признать честность» слѣдующаго мотива: «Журналистика можетъ быть вынуждаема къ исключительности, такъ сказать, своими «политическими» обстоятельствами. Можетъ быть она во многихъ случаяхъ и была бы готова согласиться съ справедливою мыслью, но развѣ можно людямъ своего же стана выставлять темныя стороны своего дѣла въ то время, когда они окружены злорадствомъ и зложеланіемъ, когда всякая ошибка ихъ поставится имъ въ вину и погубитъ все ихъ дѣло? Они поневолѣ вынуждены не допускать ни малѣйшаго раскола въ своей средѣ, передъ лицомъ своихъ враговъ; они обязаны, для спасенія дѣла, пожертвовать всѣмъ, отречься отъ всякаго, чей голосъ возбуждаетъ удовольствіе въ станѣ ихъ противниковъ».

Повторяю, г. Марковъ признаетъ «честность» этого мотива. Казалось бы, если этотъ мотивъ достоюлжнымъ образомъ развить и дополнить, да прибавить еще сюда соображенія самого же г. Маркова о значеніи вышнихъ условій, тяготѣющихъ надъ литературой, то получится вполне удовлетворительное объясненіе, какъ литературной хандры, такъ и той доли исключительности, какая дѣйствительно въ литературѣ проявляется. Я говорю: «той доли, какая дѣйствительно существуетъ», потому что, вполне соглашаясь съ г. Марковымъ относительно вреда исключительности въ принципѣ, я осмѣливаюсь утверждать, что при настоящемъ положеніи вещей наша литература обнаруживаетъ ея еще слишкомъ мало. Я могъ бы привести не мало примѣровъ практическаго отверженія «честнаго» мотива, указаннаго г. Марковымъ. Могъ бы привести примѣры, какъ «свои» своихъ обладаютъ завѣдомыми, позорными клеветами, единственно по легкомыслію или по побужденіямъ дражнаго личнаго самолюбія. Могъ бы привести и обратные примѣры, какъ свои раскрываютъ объятія чужимъ. Я думаю, что совершенно особая деликатность положенія русской журналистики обязываетъ ее дѣйствительно сплошь и рядомъ кривить душой, умалчивать о чрезвычайно важномъ и подчеркивать такое неважное, какъ, на примѣръ, г. Марковъ. Это печально, конечно, такъ печально, что одной этой печали достаточно для объясненія всей «литературной хандры». Не тому надо удивляться, что эта хандра есть, а опять таки тому, что ея мало. Я не понимаю почему такъ весело, на примѣръ, г. Лейкину, не понимаю чему радуется г. Авсѣенко, изображая грасы русскихъ маркизовъ и виконтовъ, или г. Марковъ, рисуя обитателей «черноземныхъ полей» и «бѣрега моря». Для меня это такъ же дико, неделикатно, грубо какъ жирный, раскатыстый хохотъ или самодовольная усмѣшка

на кладбищѣ. При нѣкоторой послѣдовательности самъ г. Марковъ долженъ бы былъ придти къ подобному же заключенію, да, собственно говоря, инстинктивно онъ и приходитъ къ нему окольнымъ путемъ, обвиняя *всю* литературу въ хандрѣ: значить, эти смѣшливые Лейквыны, эти живнерадостные Авсѣвени и Марковы, эти брызжущіе весельемъ «Новыя Времена» — стоятъ внѣ литературы; значить хандрить все, что, по невыраженному мнѣнію самого г. Маркова, дѣйствительно достойно названія литературы. Можно поэтому думать, что таковы требованія жизни, той самой жизни, рыцаремъ которой выступаетъ г. Марковъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Можно и а priori сообразить, что бывають такія обстоятельства, когда раздвигать ротъ до ушей и лосниться всей фізіономіи значить обнаруживать отсутствіе пониманія и чувства, вялую, апатичную жизнь. Кто говоритъ! Постоянная «хандра» и жизнь съ оглядкой, какая ужъ это жизнь! Но дѣло въ томъ, что, по обстоятельствамъ времени и мѣста, она можетъ стать нравственно обязательною и нравственно высшею формою жизни. Если кто въ этомъ сомнѣвается, тому я рекомендую прочитатъ слѣдующія выразительныя и исполненныя здраваго смысла слова г. Маркова: «Въ обществахъ, не успѣвшихъ или не умѣвшихъ устроиться нормально, на литературу приходится глядѣть совсѣмъ иначе, чѣмъ въ правильно устроенныхъ обществахъ. Она поневолѣ является тутъ, какъ протестъ жизни, какъ стремленіе освѣтить упущенныя ею стороны; она, чуть не по самой задачѣ своей, по крайней мѣрѣ, по временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ своимъ, должна быть исключительною, преувеличенною въ своихъ требованіяхъ, отрицательною, враждующею, болѣзненною. Пока она только стучится въ двери и требуетъ себѣ мѣста, ея приемы и настроеніе поневолѣ должны быть воинственны. Правила борьбы совсѣмъ другія, чѣмъ правила мирной, нормальной жизни».

Ты сказалъ!.. Было бы однако большою ошибкою думать, что угря можно поймать за хвостъ. Угорь рыба юркая, увертливая, и нелюбо ее нельзя поймать за хвостъ въ ея родной стихіи, но, говорятъ, она иногда даже изъ пирога уползаетъ, будучи отпрепарирована по всѣмъ правиламъ кулинарнаго искусства.

Высказавъ вышеприведенное мнѣніе о зависимости «застоя мысли» отъ внѣшнихъ условий, г. Марковъ прибавляетъ нѣкоторое «однако», такое «однако», которое совершенно мнѣняетъ дѣло. «Мы, говоритъ онъ: — хорошо знаемъ изъ опыта исторіи своего собственнаго народа, а также и народовъ, богаче насъ одаренныхъ, долге насъ жившихъ, что неблагопріятныя внѣшнія вліянія далеко не всегда способны задавить искренности мысли, если только ключъ ея бьетъ изъ глубины съ силою и постоянствомъ, безъ которыхъ невозможна борьба. Мы знаемъ напротивъ, что ничто такъ не окрыляетъ энергіи мысли, ничто не побуждаетъ ее такъ зорко охранять свою чистоту, какъ окружающія ея стѣсенія и опасности. Чѣмъ уже и бѣднѣе сфера

дѣятельности, оставленная мысль, тѣмъ полнѣе должна стремиться мысль примѣнить къ этой сферѣ тѣ принципы глубокаго, всесторонняго, свободнаго и безпристрастнаго изслѣдованія, которые составляютъ неизмѣнныя условія мысли.

Откуда все это «мы знаемъ», я, по крайней мѣрѣ, не знаю. Если неблагоприятныя внѣшнія условія иногда и «окрыляли» энергію мысли, то ужъ навѣрное никогда не гарантировали ей возможности всесторонней, свободной и безпристрастной работы. Надо имѣть очень разноцвѣтныя пѣтушки перья на шлемѣ, чтобы сказать прямо и безъ прикрасъ: сіе бѣлое есть черное. Какъ бы то ни было, а внѣшнія условія, только что объявленныя «вредоносными», оказываются даже чрезвычайно полезными, ибо ничто лучше ихъ не окрыляетъ энергіи мысли. Если же вы напомните г. Маркову, что эти внѣшнія условія даютъ мѣсто «честному» мотиву литературной исключительности, то онъ и тутъ провозгласитъ нѣкоторое «однако», а именно: «Истина не можетъ быть отыскиваема по законамъ практической дѣятельности партій. Партіи, дѣйствуя на выборахъ или при голосованіи, могутъ довольствоваться грубымъ практическимъ результатомъ, въ сознаніи, что этотъ приобретаемый результатъ самъ по себѣ есть дѣйствующая сила, которая будетъ работать далѣе по тому же пути... Но въ сужденіяхъ общественной мысли (?), при отыскиваніи истины, такіа равнодѣйствующія являются ложью, искаженіемъ нетолько существа истины, но даже самой возможности напасть на истину... Мыслить можно только искренно, только полно, только во всѣхъ подробностяхъ; если же мы заранѣе говоримъ себѣ, что будемъ мыслить только такъ, а не такъ»... И т. д., и т. д., и т. д.

Вы, наконецъ, махаете руками, чтобы остановить этотъ потокъ краснорѣчія, и объявляете г. Маркову: таблицу умноженія мы сами знаемъ; знаемъ, что мыслить можно только искренно и полно; но мы знаемъ также, и вы знаете и даже пишете, что говорить искренно и полно не всегда возможно. Это немаловажное обстоятельство создаетъ особыя условія, которыя рекомендуютъ и особый образъ не мышленія, а дѣйствія. Представимъ себѣ, что г. Марковъ по какому-нибудь чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ не можетъ «искренно и полно» говорить о Полинезій, а я могу. При такихъ обстоятельствахъ и я долженъ, въ спорѣ съ г. Марковымъ, молчать о Полинезій, долже нетолько въ силу основныя требованій нравственности, а и въ видахъ «равновѣсія», въ видахъ, если хотите, «отыскиванія истины». Ибо, если я буду безпрепятственно болтать о Полинезій, а г. Марковъ, имѣющій на этотъ счетъ свои особыя и, можетъ быть, чрезвычайно важныя и драгоцѣнныя мнѣнія, будетъ сидѣть съ зажатымъ ртомъ, то слушатель получить въ свое распоряженіе только мое, одностороннее, ни чѣмъ не уравновѣшенное сужденіе.

Изъ всего этого слѣдуетъ, кажется, заключить, что хлѣбъ-соль, изображенная на алаповатой оберточной виньеткѣ «Рус-

ской Рѣчи», прообразуетъ отнюдь не «критическія бесѣды» г. Евгенія Маркова, а что-нибудь другое. Бесѣды же эти суть не болѣе, какъ пространная, ежемѣсячная повѣсть о томъ, какъ нѣкоторый рыцарь въ чрезвычайно ярко вычищенныхъ латахъ рубилъ, сбѣгъ, кололъ и все не въ то мѣсто попадалъ.

Есть, однакоже, одно мѣсто, въ которое г. Евгеній Марковъ попадаетъ не безъ искусства и, во всякомъ случаѣ, съ большимъ достоинствомъ.

Въ статьѣ о Гейне есть одна, чрезвычайно краснорѣчивая страница, которую я, впрочемъ, несмотря на ея ослѣпительную красоту, выписывать не буду, ибо скучно. Суть ея, насколько ее понимать можно, состоитъ въ томъ, что поэты, любимцы музъ и Аполлона, полны любовью не къ тому или другому определенному предмету, а вообще любовью; и что въ экстазѣ этой любви они провидятъ далекій, какъ еле брезжащая утренняя заря, но несомнѣнный въ будущемъ, а пока только духовному оку поэта зримый міръ всеобщей гармоніи и счастья. Вся эта страница представляетъ какъ бы одинъ пламенный вздохъ, литературную истому по далекомъ, но прекрасномъ идеалѣ. Далекъ онъ, очень далекъ, однако, нѣчто отъ него уже имѣется на землѣ, и г. Марковъ, хотя и прозаикъ, знаетъ, что именно. Знаетъ и ни мало не скрываетъ, а прямо озаглавливаетъ одну изъ своихъ критическихъ бесѣдъ: «Буржуазные идеалы». Да, какъ тамъ это все въ далекомъ будущемъ устроится, про то только поэты настояще знаютъ: можетъ быть, тогда воскреснутъ «тихія, простыя прелести крѣпостнаго быта», а во ожиданіи, въ задатокъ, г. Марковъ рекомендуетъ «буржуазные идеалы». Онъ очень сердитъ на нашу литературу за то, что для нея слова «буржуазные идеалы» чуть не бранныя. «Приступите, говоритъ онъ:—къ изображенію этого обезпеченнаго и сравнительно извѣстнаго быта, къ психологическимъ изображеніямъ его болѣе сложныхъ и тонкихъ типовъ; вашъ романъ или ваши разсказы будутъ сейчасъ же преслѣдуемы современными критиками, какъ праздное упражненіе на сантиментальныя тѣмы, какъ послѣобѣденное услажденіе богатыхъ баръ, какъ вредоносное съ общественной точки зрѣнія, усыпляющее его (чью?) совѣсть «прекраснодушіе», по выраженію любимаго современнаго сатирика».

Позволю себѣ замѣтить г. Маркову, что «прекраснодушіе» не изобрѣтено «любимымъ современнымъ сатирикомъ», а есть терминъ русско-нѣмецкаго философскаго жаргона сороковыхъ годовъ. И затѣмъ ничего уже больше не позволю себѣ замѣтить г. Маркову по поводу его защиты буржуазныхъ идеаловъ, ибо это матерія длинная, а замѣтки мои и безъ того разрослись чрезъ мѣру. Ничего или почти ничего. По существу спорить не буду и сдѣлаю только два замѣчанія.

Я думаю, во-первыхъ, что русская литература обнаруживаетъ большое и въ ней, слабой и недоразвитой, особенно драгоценное чутье, чужаясь «буржуазныхъ идеаловъ». Каковъ бы ни былъ

европейскій буржуа, на историческій блескъ котораго ссылается г. Марковъ — нашъ русскій буржуа, этотъ не вполне еще сложившійся конгломератъ помѣщика, мечтающаго о воскрешеніи тихихъ и простыхъ прелестей крѣпостнаго быта, разжирѣвшаго лавочника, кабатчика и кулака—этотъ конгломератъ по истинѣ чудовищень. Его чураться и бояться простительно даже тѣмъ, кто преклоняется передъ историческою ролью европейскаго буржуа.

Матеріалъ для втораго замѣчанія заимствую у самого г. Маркова. О, этотъ человекъ драгоцененъ, какъ хорошая мелочная лавочка, въ которой и сальныя свѣчи есть, и одеколонъ, и лопаты, и манная крупа, даже сапоги въ смятку, что составляетъ уже роскошь, такъ какъ въ обыкновенныхъ лавочкахъ ихъ не бываетъ. Онъ отнюдь не хочетъ сказать, «что на свѣтѣ должно существовать только одно строго практическое отношеніе къ идеямъ и системамъ, осуществляемое буржуазіей. Далеко нѣтъ! Мы, продолжаетъ онъ:—не первый разъ выступаемъ передъ публикой, чтобы намъ было необходимо напоминать, съ какимъ горячимъ сочувствіемъ мы всегда привѣтствуемъ великодушныя иллюзіи и страстныя увлеченія, неизмѣющія ничего общаго съ житейскою основательностью буржуазныхъ взглядовъ». Еще бы! Вся Россія знаетъ творенія г. Маркова наизусть, а слѣдовательно, знаетъ, что въ нихъ чего хочешь, того просишь, и что онъ вообще имѣетъ чрезвычайную склонность къ вещамъ, «неизмѣющимъ ничего общаго». Намъ поэтому отнюдь не должно соблазнять то обстоятельство, что значительная часть «великодушныхъ иллюзій и страстныхъ увлеченій» состоитъ именно въ побіеніи «буржуазныхъ идеаловъ», которымъ вѣдь и отъ поэтовъ, въ родѣ Гейне, доставалось. Это совершенные пустяки. Прекрасны цвѣты моего сада, прекрасенъ баранъ, обгладывающій цвѣты, прекрасенъ волкъ, пожирающій барана, прекрасна борзая собака, хватающая волка за горло. Но всего въ природѣ прекраснѣе, мнѣ кажется, угорь. И именно въ тотъ, нѣсколько даже фантастическій моментъ, когда онъ, къ величайшему изумленію кухарки, совершенно отпрепарированный, выползаетъ изъ пирога...

Н. М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Крестьянскія мечты о землѣ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.— Сила вещей, производящая различныя непослѣдовательности въ русской жизни.— Докладъ московской земской управы съ прозвѣтомъ земской кассы для вспомошествованія цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ въ приобрѣтеніи земли.— Характеристика нашихъ совѣщаній, комиссій, собраній по крестьянскимъ дѣламъ.—Очеркъ дебатовъ, бывшихъ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи по этому предмету.—Заключеніе.—Отвѣтъ г. Суворову.

«Ахъ! не все намъ слезы горькія лить о бѣдствіяхъ существующихъ; на минуту позабудемся въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ», тѣмъ болѣе, что на настоящій разъ выдался такой случай чародѣйства, что можно впасть въ полную иллюзію, забываясь вполне, принять самыя невѣроятныя вымыслы за чистую, несомнѣнную дѣйствительность. Ибо зрѣлище происходитъ не на театральныя подмосткахъ, гдѣ возможность полной иллюзіи обусловливается безчисленнымъ множествомъ трудностей, почти никогда не преоблѣдимыхъ de facto, а въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, гдѣ сцену представляетъ сама дѣйствительная жизнь, актеровъ переживающіе или претерпѣвающіе эту жизнь, ея дѣятели, наконецъ, самый сюжетъ происходящаго на сценѣ дѣйствія не вымыселъ поэта или сочинителя, а насущный вопросъ жизни, безъ разрѣшенія котораго дѣйствующимъ лицамъ долѣе жить становится просто невозможно. Это именно вопросъ о необходимости увеличенія крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, объ основаніи особой земской ссудной кассы, съ цѣлью помогать крестьянскимъ обществамъ покупать земли на имя цѣлыхъ обществъ.

Такимъ образомъ, все здѣсь, повидимому, представляется чистую, истую, настоящую дѣйствительностію, а между тѣмъ, стоитъ вамъ только немножко вдуматься въ дѣло и вы тотчасъ почувствуете, что это не настоящая, а призрачная дѣйствительность, что все, что происходитъ въ этой дѣйствительности, миражъ, мечта, обманъ, однимъ словомъ, чародѣйство красныхъ вымысловъ.

Начнемъ съ предмета самыхъ дебатовъ московскаго уѣзднаго земскаго собранія. Развѣ это не чародѣйство красныхъ вымысловъ, что наконецъ, по примѣру двухъ или трехъ глухихъ пре-

винціальныхъ земствъ, и уѣздное земство московское, подстоличное, находящееся въ рукахъ кореннаго, столбовою русскаго дворянства, вдругъ избираетъ предметомъ для своихъ занятій вопросъ о прискачаніи средствъ для содѣйствія мужикамъ при покупкѣ земель? Когда же земство занималось подобными пустяками? Всѣмъ извѣстно, что, по положенію о земскихъ учрежденіяхъ, на земстве возложена обязанность заботиться объ удовлетвореніи потребностей двоякаго рода: обязательныхъ и необязательныхъ. Къ потребностямъ обязательнымъ относятся: повинность дорожная, жидводная, постоянная и т. п. Къ необязательнымъ — народное здравіе, просвѣщеніе и т. п. Около этихъ предметовъ и вращалось до сихъ поръ наше земство, не видя болѣе ничего въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ и никакъ не догадываясь, что если въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ необходимо было подробно и точно обозначить тѣ предметы, на которые земство или обязательно должно, или имѣть право употреблять почерпаемыя имъ изъ находящихся въ его рукахъ источниковъ дешиги, то не было никакой необходимости писать столько же параграфовъ объ обязанности земства заботиться объ увеличеніи силы этихъ источниковъ, заботиться о поднятій народнаго благосостоянія или, говоря другими словами, о сохраненіи, поддержаніи и развитіи тѣхъ платежныхъ силъ, которыми удовлетворяются означенныя потребности. Ибо обязанность эта составляетъ существо земства, есть единственный его *raison d'être*. Но земство, если и уклонялось иногда отъ рутиннаго пониманія параграфовъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, то никакъ не въ пользу разумнѣянія истиннаго его смысла, а напротивъ, къ еще большему затемнѣнію того внутренняго, настоящаго смысла, который лежитъ въ основѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Такъ земство на мужицкія деньги основывало классическія гимназіи, женскія городскія гимназіи для дочерей (вѣроятно?) мужиковъ, давало пособія для поддержки университетскихъ каеандръ, стипендіи для обучающихся въ университетахъ, гимназіяхъ и т. д., безъ всякихъ обязательствъ въ пользу земствъ со стороны учащихся, дѣлало щедрыя пожертвованія на восточную войну, не платя при этомъ зачастую жалованья собственнымъ народнымъ учителямъ, наконецъ, пускалось даже прямо въ аферы — выхлопывая желѣзно-дорожныя концессіи, истощая земскія платежныя силы налогами платежа гарантій — аферы, которыя ни въ какомъ случаѣ и никогда не могли доставить массѣ народа ничего, кромѣ разоренія. И вдругъ земство, послѣ вчерашнихъ еще своихъ блужданій по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, кромѣ того, которое могло бы натолкнуть его на истинную дорогу, высказываетъ такой ясный и широкій взглядъ на истинный смыслъ земскихъ учреждений — задается мыслію: поставить на ноги крестьянскія земледѣльческія общины! Предположить что ли — что оно въ одну ночь выросло и созрѣло? Но такой быстрый ростъ совсѣмъ не вѣроятенъ. Да къ тому же, еслибы земство, дѣйствительно,

*

созрѣло, развѣ могло бы оно явиться съ такимъ проэктомъ? Развѣ зрѣлое земство можетъ думать, что этотъ проэктъ въ наше время не мечта, не мертворожденное дитя, которое несомнѣнно будетъ похоронено, если не въ архивѣ губернскаго земства, то въ одномъ изъ архивовъ тѣхъ многочисленныхъ комиссій, которыя, вѣроятно, будутъ его разсматривать? Въ осуществленіе подобной мечты можно вѣрить только въ «плѣнномъ мысли раздраженнѣ», что, конечно, никакъ уже не можетъ свидѣтельствовать о зрѣлости.

Но съ давняго времени извѣстно, что «тѣмъ истиннѣ намъ дороже насъ возвышающій обманъ» и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что каждая мечта увлекаетъ наши сердца и порождаетъ тѣмъ новыхъ мечтаній. Мечтою земства увлеклись всѣ, для кого земля, приобрѣтеніе ея составляетъ вѣковой идеаль всѣхъ мыслей, желаній, надеждъ, вѣрованій—и засѣданія земскаго собранія, благодаря этому, превратились въ истинное чардѣйство красныхъ вымысловъ. Въ земскомъ собраніи заговорили люди, отъ которыхъ никогда здѣсь слова недобѣшся, заговорили мужики, принявъ рѣшительное участіе въ дебатахъ. Впрочемъ, выраженіе: заговорили, относительно мужиковъ, не совсѣмъ точно. Говорили, какъ оно и подобаешь, только дворяне—говорили краснорѣчиво, бойко, съ блескомъ, украшая свою рѣчь разными учеными экономическими соображеніями и даже цитатами—а мужики просто бормотали, но бормотали настойчиво, ни на что не взирая, конечно, въ твердой увѣренности, что это ихъ бормотаніе даромъ не пропадетъ, что прибавку земельки, благодаря содѣйствію земства, они себѣ добудутъ. «Крестьянину никакъ нельзя быть безъ земли, бормочетъ одинъ.—Одна праздность насъ отягощаетъ». «Налоги крестьянъ не тяготятъ, бормочетъ другой:—а тяготитъ только праздность, что имъ должно работать, да работать не на чемъ... Дай Богъ земли скорѣе приобрѣсти, да причудить отвыкшія руки отъ работы». «Если земли будетъ достаточно, бормочетъ третій:—то я, поработавъ на ней шесть мѣсяцевъ, чтобы хлѣба было достаточно для семьи, пойду на подати зарабатывать въ остальные шесть мѣсяцевъ и заработаю; а теперь праздность одолѣла, отъ работы отвыкли, лѣнтаевъ много стало. Если будетъ больше земли, прибавляетъ онъ наивно:—то хорошо бы такую комиссію составить, чтобы она праздность въ крестьянствѣ извела, мѣтняевъ работать заставила». Видите, до чего заѣла его мечта о приобрѣтеніи клочка земли въ какия-нибудь двѣ десятины, превратилась, можно сказать, именно, въ «бредъ души больной»: дай дескать, ты мнѣ только эти двѣ желанныя десятины, а потомъ учреди особую комиссію и сѣки меня хоть каждый день, если я не буду работать!

Эхъ, вы, милые мечтатели! Напрасно вы усиливаетесь увѣрить насъ, что отъ нечего дѣлать вы уже совсѣмъ излѣнились, отвыкли отъ работы; видимъ мы очень хорошо, что у васъ съ полученіемъ свободы болѣе, чѣмъ когда-нибудь «поработать руки

чешутся»; знаемъ, что безъ земли и безъ работы у васъ и холодно и голодно. Все это мы знаемъ, а прибавки земельки черезъ содѣйствіе земства все-таки вы не получите не теперь только, а и тогда, когда на двухдесятинномъ душевомъ надѣлѣ будутъ сидѣть не то, что по 3 и по 4 души какъ теперь, а даже по 20, по 40 неревизскихъ душъ. А пометчать объ такой прибавкѣ, отчего бы не пометчать, это вамъ позволяется. Позволяется даже и побормотать въ томъ или другомъ уѣздномъ собраніи, случайно можете здѣсь иногда и побѣду одержать, какъ это случилось и теперь.

Да, я долженъ прибавить, что бормотунъ одержали побѣду въ московскомъ уѣздномъ собраніи—одержали, конечно, не краснорѣчіемъ—куда имъ!—а тѣмъ, что остались неприступны для краснорѣчія ораторовъ—дворянъ, которые хотѣли ихъ мечту-проектъ загнать для разсмотрѣнія въ особую комиссію, гдѣ, конечно, онъ и былъ бы похороненъ—стали дружно, какъ говорится, властомъ на томъ, чтобы послать его въ губернское земское собраніе, а такъ какъ ихъ числомъ было больше, то они на своемъ поставили. Дворяне-ораторы и вообще протестанты, видя неминуемое пораженіе, вовсе не явились въ засѣданіе, когда рѣшался вопросъ объ отсылкѣ проекта въ губернское земское собраніе, крестьяне же, въ количествѣ десяти, явившись въ собраніе съ пятью сочувственниками своей мечты изъ дворянъ—единогласно, кромѣ предсѣдателя собранія-протестанта, положили отправить проектъ въ губернское земское собраніе. Какъ ни незначительна эта побѣда бормотуну надъ ораторами сама по себѣ, но въ дѣлѣ земскаго развитія она также важна, какъ первая побѣда Петра надъ шведами, гдѣ на одного шведа приходилось, помнится, по 2 или даже по 3 русскихъ. Приятно видѣть, что крестьяне начинаютъ сознавать и понимать, что они не пѣшки въ земскомъ собраніи, а равноправные со всѣми другими членами, что долгъ и достоинство каждаго члена земскаго собранія состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы блистать своимъ краснорѣчіемъ, а заботиться о правомъ рѣшеніи дѣла и что дружнымъ дѣйствіемъ для одной цѣли можно и при бормотаніи прокатывать самыхъ блестящихъ земскихъ софистовъ. Но само собою разумѣется, что одержанная въ московскомъ земскомъ уѣздномъ собраніи бормотунами побѣда надъ ораторами въ сущности есть не что иное, какъ миражъ, мечта, чародѣйство красныхъ вымысловъ... А между тѣмъ, всѣ эти нечаянные побѣдители—Петры, Сидоры, Карпы, Антоны и т. д., не понимая полной ничтожности своей побѣды, разсыплются по своимъ селамъ, деревнямъ и будутъ съ восторгомъ рассказывать своимъ сватамъ, кумовьямъ, братанамъ о своемъ торжествѣ и при этомъ каждый изъ нихъ будетъ внушать своему свату, куму и т. д.: «теперь, свать, намъ, мужичкамъ, жить будетъ можно: какъ съ Божіей помощью, признавъ у земства деньжонокъ, мы прикупимъ по 4, а то и по 5 десятинокъ на брата, важнецкое это выйдетъ дѣло».—«Оно

что говорить—точно что хорошо будетъ, будетъ отвѣчать свать:—только вы, мірскіе радѣтели, не сдавайтесь, стойте за крестьянство передъ барамн до конца».—«Да ужъ объ эфтомъ что толковать; положено разъ, и будемъ стоать крѣпко до конца». И вотъ все крестьянское населеніе Московскаго уѣзда съ нетерпѣніемъ со дня на день будетъ ждать: когда это земство дастъ имъ денегъ на прикупку по 4 или по 5 десятинъ на брата, и, само собою разумѣется, никогда этого не дождется, хотя многіе годы разговоры объ этомъ будутъ идти самые оживленные, и полные самыхъ радужныхъ надеждъ и упованій.

Кончится же все это тѣмъ, что какой-нибудь горячій національ-патріотъ, видя напряженныхъ, и неудовлетворяемыхъ ожиданія крестьянскаго населенія, настрочитъ статейку въ обличеніе преступныхъ замысловъ прессы. Вотъ дескать, до чего она дошла: распространяя сколько превратныя, столько же вредныя идеи о томъ, что якобы у мужиковъ земли мало, она увлекла этими идеями даже земство, а земскихъ дѣятелей превратила въ органы своей преступной агитаціи.

«Однакожь—спроситъ меня читатель—почему вы проектируему земствомъ помощь для прикупки крестьянамъ земли считаете праздною мечтою, невозможною къ осуществленію? Не доказываетъ ли совершенно противнаго даже самая постановка вопроса объ этой помощи въ земскихъ собраніяхъ? Вѣдь, нинто не мудилъ земцевъ выдвигать подобнаго вопроса? Инициатива его принадлежитъ имъ, слѣдовательно, нельзя сомнѣваться въ искреннемъ желаніи, если не всѣхъ, то очень многихъ изъ нихъ помочь крестьянству; потому, что невѣроятнаго и въ томъ, что вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для крестьянъ смыслѣ и въ губернскомъ земскомъ собраніи, какъ это и случилось въ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, а затѣмъ представленный послѣднимъ правительству найдетъ и здѣсь благосклонный пріемъ. Какое же есть основаніе считать его неосуществимою мечтою?»

И такъ вопросъ первый: какимъ образомъ мысль, идущая въ разрѣзъ интересамъ крупнаго и средняго землевладѣнія, которыми въ земскихъ собраніяхъ принадлежитъ окончательно рѣшающій голосъ, могла явиться въ видѣ проекта въ одномъ изъ такихъ собраній, еслибы земцы не вѣрили возможности ея осуществленія, считали ее не болѣе, какъ праздною мечтою?

Непоследовательность тутъ дѣйствительно есть. Но мы рождены новиты, живемъ и движемся въ такой неослѣдовательности. Можно ли было ожидать, что дворянство наше не только безъ всякихъ возраженій, смиренно, но даже наусерднѣйшимъ образомъ стало само хлопотать объ освобожденіи своихъ крѣпостныхъ, о надѣлѣ ихъ землею изъ своихъ собственниковъ земель? А оно это дѣлало. Не будемъ пускаться въ розысканія, почему и для чего оно это дѣлало—всѣ эти розысканія, въ концѣ концовъ привели бы насъ къ одному знаменателю.

что ихъ заставляла поступать такимъ образомъ сила вещей, ихъ окружающая. Таже самая сила вещей производитъ на каждомъ шагу непослѣдовательности и въ настоящее время. Сила эта, порождаемая безчисленнымъ множествомъ элементовъ, самыхъ разнородныхъ, въ самомъ зарожденіи своемъ содержащая тьмы противорѣчій, развивающаяся и дѣйствующая по всевозможнымъ направленіямъ, неустойчивая, капризная, непрестанно измѣняющаяся не даетъ никому прочаго основанія для систематическаго, точно опредѣленнаго, всегда себѣ вѣрнаго образа дѣйствія и даже возрѣнія. Оттого либералы, радикалы рождаются у насъ въ одну ночь, какъ грибы, и на другую ночь безслѣдно пропадають, преобразаясь совершенно въ противоположныя виды. Оттого нигдѣ нѣтъ такихъ сложныхъ политическихъ организмовъ или точнѣе сказать, зародышей этихъ организмовъ, какъ у насъ. Совмѣщеніе въ одномъ и томъ же лицѣ консерватора и даже ретрограда и вмѣстѣ съ тѣмъ либерала и даже радикала — у насъ явленіе вовсе не рѣдкое. Все зависитъ оттого, какого вопроса коснешься. Есть вопросы, по которымъ сила вещей всѣхъ уравниваетъ, всѣхъ дѣлаетъ радикалами. Возьмемъ, напримѣръ, хоть бы вопросъ о нашихъ финансахъ. «Московскія Вѣдомости» не нахвалатся ихъ положеніемъ. Теперь только и настало, говорить они, истинно цвѣтущее положеніе страны — развились всякаго рода промыслы, оживилась торговля, разбогатѣлъ мужикъ и т. д. — и все это именно потому, что выпущены миллиарды или чѣмъ не консолидированныхъ бумажныхъ денегъ, и что нашъ рубль спустился до двухъ третей своей стоимости и даже ниже. Всѣ консерваторы и ретрограды желали бы отъ души вѣрять этому; но сила вещей даетъ имъ на каждомъ шагу чувствовать, что положеніе дѣлъ день ото дня становится все хуже. Заглядывая въ свои расходныя книжки, они видятъ, что цѣна на всѣ предметы потребленія сильно увеличилась — на предметы отечественнаго производства, если же на всю потерю стоимости рубля, то очень значительно, а на предметы заграничнаго производства — гораздо даже болѣе, чѣмъ насколько упалъ рубль, что дороговизна на все продолжаетъ возрастать все болѣе и болѣе, а между тѣмъ и тотъ общій источникъ, изъ котораго всѣ посредственно или непосредственно черпаютъ свои доходы, крестьяне — все болѣе и болѣе оскудѣваетъ. Одинъ изъ крестьянъ заявилъ на московскомъ земскомъ уѣздномъ собраніи, что помѣщики неохотно сдаютъ въ аренду крестьянамъ земли, потому что крестьяне становятся не въ силахъ выплачивать аренды. Въ виду такого неприятнаго и даже угрожающаго положенія дѣлъ, всѣ наши самые солидные консерваторы и даже ретрограды давно уже кричатъ о необходимости снятія налоговъ, лежащихъ на личномъ крестьянскомъ трудѣ, о введеніи общаго налога имущественнаго и даже подоходнаго. Видите ли, какъ чудодѣйственно дѣйствуетъ у насъ сила вещей, порождая либеральныхъ и даже радикальныхъ возрѣнія! Французы, даже послѣ седанскаго разгрома и уплаты нѣмцамъ

няти миллиардовъ франковъ, не могли додуматься до такихъ воззрѣній! Возьмемъ еще вопросъ—о народномъ образованіи. Тѣже «Московскія Вѣдомости» стараются увѣрить всѣхъ, что никогда система нашего народнаго образованія не была поставлена такъ хорошо и не давала такихъ плодотворныхъ результатовъ, какъ въ настоящае время. Всѣмъ, конечно, консерваторамъ и даже ретроgrадамъ желательно было бы вѣрить, что это такъ. Но сила вещей даетъ также каждодневно чувствовать, что тутъ что-то не такъ. Не будемъ говорить о содержательности самого образованія, о томъ, насколько оно приспособлено къ настоятельнымъ потребностямъ и цѣлямъ самага народа и общества. Возьмемъ одну голую цифру. Извѣстно, что изъ крестьянъ въ лучшихъ губерніяхъ обучается въ начальныхъ школахъ едва 10% дѣтей изъ всего школьнаго возраста, въ другихъ губерніяхъ и того менѣе. Число дѣвочекъ въ этомъ процентѣ самое ничтожное, такъ что можно сказать, что образованіе женское въ народѣ у насъ до сихъ поръ вовсе не начиналось. Духовенство, для дѣтей котораго въ прежнее время начальное образованіе было обязательно, а высшее образованіе было открыто во всѣхъ почти высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, теперь не знаетъ, что дѣлать съ своими дѣтьми. Со времени изданія постановленія о воспрещеніи приѣма семинаристовъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, возникъ вопросъ, куда дѣваться съ семинаристами, который озабочиваетъ не только духовенство, и публицистовъ духовныхъ журналовъ, но даже и земства разныхъ губерній.

«Создается, говоритъ «Церковный Вѣстникъ», особый классъ людей, которые и по образованію не имѣютъ правъ, могущихъ обезпечить ихъ будущность, и по своему социальному положенію не имѣютъ экономической подкладки для безбѣднаго существованія, не владѣютъ ни землей, какъ крестьяне, чтобы заниматься сельскимъ хозяйствомъ, ни капиталомъ, чтобы вести торговлю, ни позваніями, требующимися для производства ремесла. Предстоитъ опасность, что образуется особый русскій пролетаріатъ изъ дѣтей священно- и церковнослужителей. Вопросъ о томъ, какъ предотвратить эту опасность и кому слѣдуетъ объ этомъ позаботиться—никто не назоветъ вопросомъ празднымъ».

На первомъ планѣ, по мнѣнію «Церковнаго Вѣстника», стоитъ забота о томъ, чтобы семинаристы имѣли возможность получить высшее образованіе. Хорошо понимая интересы духовенства, «Церковный Вѣстникъ» вовсе не разумѣетъ подъ этимъ образованіемъ исключительно богословское, сознавая, что всѣхъ семинаристовъ, ищущихъ высшаго образованія, невозможно уплатить въ духовныя академіи, какъ доказывали это «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Итакъ, о направленіи всѣхъ семинаристовъ, жаждущихъ высшаго образованія, въ духовныя академіи не можетъ быть и рѣчи. Вѣрно понимая это, «Церковный Вѣстникъ» указываетъ способъ матеріальной и нравственной поддержки тѣмъ семинаристамъ, которые, несмотря на ограничительныя условія поступленія въ университеты, все-таки, рѣшатся домогаться этого. Въ саратовской епархіи возникла мысль производить готовящихся къ испытанію въ гимназіи семинаристамъ, въ теченіи года приготовленія, пособие въ размѣрѣ 50—100 руб. Незавѣстно, послѣдуютъ ли примѣру саратовскихъ епархіальныхъ властей другія епархіальныя власти. Въ нижегородской и херсонской епархіяхъ возникла мысль открыть для семинаристовъ ремесленные классы. Какъ ни ве-

чальна «карьеря» ремесленниковъ для людей, получившихъ среднее образованіе, однако, и такой выходъ изъ печальнаго положенія не вездѣ представляется возможнымъ. Одно духовенство не можетъ помочь горю. «Церковный Вѣстникъ» говоритъ, что на помощь духовенству должно прійти земство, и приводитъ въ примѣръ докладъ особой комиссіи, образованной въ орловскомъ земствѣ по поводу извѣстнаго правительственнаго сообщенія объ искорененіи вредныхъ идей. Комиссія, указывая въ этомъ докладѣ на значеніе духовенства, его положеніе въ обществѣ, разъясняетъ причины неправильныхъ отношеній между духовенствомъ и прихожанами и ненормальность положенія дѣтей духовныхъ лицъ. Духовенство, какъ сословіе, болѣе не существуетъ, и дѣти духовныхъ лицъ должны быть признаваемы или личными дворянами, или потомственными гражданами. Естественно имѣть нѣкоторое предпочтеніе о дѣтяхъ духовныхъ лицъ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ они приурочены по закону. Между тѣмъ, они даже по именамъ неизвѣстны: такъ называемые, личные дворяне—увѣданнымъ предводителямъ дворянства, а потомственные граждане—городскимъ головамъ. Докладъ настаиваетъ, что, по чувству нравственнаго долга, земство не должно отворачиваться отъ духовенства и отъ дѣла вспомоществованія послѣднему. Земство могло бы принять на себя нутевныя издержки по первоначальному образованію тѣхъ изъ дѣтей духовенства, которыя пожелаю бы посвятить себя труду землѣдѣльческому, приобрѣтая землю на свои средства или получивъ ее по отводу правительства. Короче сказать, возникъ вопросъ о *переселеніи семинаристовъ*.

Во всѣхъ этихъ начинаніяхъ, съ одной стороны, проглядываетъ глубокое желаніе духовенства облегчить тяжелое положеніе своего юношества, а съ другой — какая-то печальная безпомощность...

Я привожу эту довольно длинную выдержку изъ «Новостей» потому, что это едва ли не единственная изъ газетъ, которая недавно въ одномъ изъ октябрьскихъ номеровъ коснулась вопроса объ образованіи духовенства. Вопросъ же этотъ настолько важенъ, что онъ заставитъ въ послѣдствіи много и долго говорить о себѣ, если не будетъ улаженъ въ настоящее время. Возьмите, наконецъ, образованіе и другихъ привилегированныхъ классовъ общества помимо духовенства. Подумайте для многихъ ли доступно въ настоящее время образованіе даже только среднее? Если вы получаете 1500 рублей дохода, да имѣете трехъ дѣтей, то для васъ становится невозможнымъ или ваше существованіе, сколько-нибудь приличное вашему званію, или воспитаніе дѣтей. Воспитаніе каждаго вашего сына или дочери не можетъ никакъ обойтись вамъ въ годъ менѣе 300 р.—что же останется на жизнь? Всего 600 р. Скиньте съ этой суммы миліишмъ 30%, слѣдовательно 180 р., на потерю курса. Останется на прожитіе вамъ всего 420 р. Гдѣ же въ настоящее время можно жить на эти деньги не только въ столицѣ, но и въ провинціи? А много ли вы у насъ найдете чиновниковъ и помѣщиковъ, и лицъ свободныхъ профессій, получающихъ въ годъ по 1500 р.? Я уже не говорю о вдовахъ, остающихся послѣ мужей или съ половиннымъ жалованьемъ, или совсѣмъ безъ всякихъ средствъ. А между тѣмъ, нисколько не въ рѣдкость семьи, гдѣ дѣтей не три человека, а четыре. Всѣ эти причины, въ связи съ разными стѣсненіями, кроющимися въ самой постановкѣ учебнаго дѣла,

производить то, что нѣтъ такого консерватора и даже ретрограда, который не высказывалъ бы самыхъ либеральныхъ и даже радикальныхъ воззрѣній о необходимости всеобщаго свободного образованія. Примѣровъ подобнаго воздѣйствія силы вещей на порожденіе либеральныхъ и даже радикальныхъ воззрѣній въ людяхъ самыхъ консервативныхъ и даже ретроградныхъ я могъ бы привести очень много, но довольно и этихъ, чтобы видѣть, почему люди, самые консервативные, въ силу невозможности того или другаго положенія, готовы иногда отказаться отъ своего привилегированнаго положенія и идти въ разрѣзъ нѣкоторымъ изъ своихъ интересовъ, чтобы улучшить его.

Въ такомъ невозможномъ положеніи, если не находятся уже, то приближаются къ нему многія изъ нашихъ земствъ. Къ числу такихъ земствъ относится и уѣздное московское земство. Управа этого земства въ докладѣ своемъ земскому собранію говорить, что всей крестьянской удобной земли въ уѣздѣ считается приблизительно 110,843 десятины, а душъ получившихъ надѣлы — 43,010.

Такимъ образомъ, средней надѣлъ безъ лѣсовъ государственныхъ крестьянъ составляетъ 2,5 дес., а съ лѣсами 2,8 дес. на душу. Но многія сельскія общества имѣютъ земли значительно менѣе указанного размѣра, именно: 8 обществъ, въ 855 душъ, имѣютъ менѣе одной десятины душеваго надѣла; въ 34 обществахъ, въ 5,862 души, надѣлы отъ одной до полуторы десятины; въ 49 обществахъ, численностію въ 7,945 душъ, надѣлы отъ двухъ до двухъ съ половиною десятинъ, во 163 обществахъ съ 14,750 душами надѣлы отъ двухъ съ половиною до трехъ десятинъ и только въ 51 обществѣ, численностію въ 7,099 душъ, земельный надѣлъ болѣе трехъ десятинъ на душу.

Такимъ образомъ, 91 сельское общество съ 14,180 ревизскими душами и съ населеніемъ приблизительно въ 35,000 душъ обою пола (считая по 2½ души на ревизскую душу) имѣютъ надѣлы въ размѣрѣ менѣе двухъ десятинъ на душу. Никакое хозяйство при такомъ размѣрѣ надѣла немисливо, и земля не можетъ доставлять владѣющей ей семьѣ средствъ, достаточныхъ къ существованію. По страховымъ вѣдомостямъ 1876 года, въ уѣздѣ числилось 17,186 крестьянъ-домохозяевъ; на каждый дворъ приходилось 2,5 души, и при трехдесятиномъ надѣлѣ, на среднюю семью придется всего семь съ половиною десятинъ. Если же отчислить 1/3 десятины подъ усадьбу и огородъ, то у такой семьи будетъ около 2 десятинъ въ полѣ и 1 десятина покоса и выгона, т. е. такое количество, при которомъ крестьянская семья не можетъ прокормиться и въ настоящее время; съ увеличеніемъ же населенія это будетъ еще менѣе возможно, особенно если принять во вниманіе, что крестьянская земля въ Московскомъ уѣздѣ даетъ урожаи всего самъ-третьи.

А какъ быстро по мѣстамъ увеличивается населеніе, можно судить по заявленію, сдѣланному въ самомъ собраніи крестьянноты Васильевымъ: «Въ нашемъ обществѣ, говоритъ онъ (сель Косино):—по владѣнной записи 72 души, а теперь земля передѣлена на 130 душъ, чуть не на двойное количество участковъ. «Если такъ продолжится, прибавляетъ онъ:—то придется голодъ нажить».

Далѣе управа цифрами доказываетъ, что крестьяне не имѣютъ никакой возможности возвысить урожайность своей земли. По

разсчету имѣющагося въ рукахъ ихъ скота, «на одну десятину пара у нихъ приходится скота всего 1,9 головъ или 748 пудовъ навозу, тогда такъ по самому скромному разсчету на десятину требуется не менѣе 3 головъ или 1,200 пудовъ навозу». Хотя крестьяне по недостатку собственной земли и арендуютъ около 1,967 десятинъ пахатной земли, сѣножатной до 20,383 десятинъ и огородной 320 десятинъ, но и этого оказывается недостаточнымъ для покрытія расходовъ. Волостными правленіями выдается ежегодно до 18,058 паспортовъ и билетовъ (годовыхъ и полугодовыхъ, мѣсячныхъ) отправляющимся въ отхожіе промыслы; слѣдовательно, почти половина крестьянъ должна искать пропитанія на сторонѣ, преимущественно, конечно, на фабрикахъ. При этомъ управа, какъ передають «Моск. Вѣдомости», справедливо замѣчаетъ,

«что земледѣліе все-таки составляетъ главное коренное занятіе населенія и служитъ основой его благосостоянія. «Безъ земли хоть до упаду работай, снѣтъ не будешь», говорятъ крестьяне. При обработкѣ земли, крестьянинъ можетъ имѣть и корову, и овцу, и свинью, и курицу, а все это даетъ продукты для пропитанія семьи и отчасти для продажи; имѣя свою лошадь, онъ можетъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время заняться извозомъ. Но главное преимущество крестьянской семьи, занимающейся земледѣліемъ, состоитъ въ томъ, что всѣ члены семьи могутъ съ выгодой прилагать къ труду свои руки; если же крестьянская семья оставитъ обработку земли, тогда все необходимое для домашняго обихода (и молоко для дѣтей, и хлѣбъ, и картофель, и солому для крыши дома) необходимо купить, а между тѣмъ, работники являются лишь взрослые и притомъ не отвлекаемые семейными занятіями, рабочая же плата на фабрикахъ и въ мастерскихъ такъ низка, что ея едва хватаетъ на прокормленіе семьи, но на подати и домашнія надобности ничего не остается».

На основаніи всего этого, управа проситъ членовъ собранія помочь крестьянамъ расширить свои надѣлы, указывая въ своемъ докладѣ «случай, когда крестьянскія общества усиленно желали приобрести земли, но не могли этого сдѣлать, не имѣя для этого наличныхъ средствъ».

Вотъ сила вещей, которая должна необходимо наталкивать всѣхъ разумныхъ земцевъ — консервативныхъ и ретроградныхъ даже, а въ особенности, если они стоятъ у самаго дѣла въ качествѣ ли членовъ управы или гласныхъ, несущихъ спеціальныя обязанности по земству, на либеральныя и даже радикальныя мысли относительно помощи крестьянамъ въ приобретеніи земли. Разумный земецъ не можетъ не видѣть и не понимать, что эта сила вещей, такъ разрушительно дѣйствующая на крестьянское земледѣліе, въ близкомъ будущемъ не можетъ не отовратиться и на крупномъ и среднемъ землевладѣніи. Угрожающее предвѣстіе этого, какъ мы выше видѣли изъ словъ крестьянина Васильева, есть уже и теперь. Ибо теперь уже оказываются крестьяне, которые не въ состояніи выплачивать денегъ за арендованныя ими у помѣщиковъ земли. Тѣмъ не менѣе, управа, представивъ свой проектъ о помощи крестьянамъ въ покупкѣ земель въ томъ видѣ, чтобы помощь эта была оказываема только цѣлымъ крестьянскимъ

обществамъ, а не частнымъ лицамъ, никакъ не могла надѣяться, чтобы этотъ проеътъ благополучно прошелъ всѣ тѣ инстанции, разсмотрѣнію которыхъ, онъ неминуемо долженъ подвергнуться. Иное дѣло—проеътъ о помощи не только обществамъ, но и частнымъ лицамъ изъ крестьянъ. Тогда изъ этой помощи можетъ легко образоваться спекуляція, гешефтъ, равно пріятный и для продавцевъ земли, и покупателей - кулаковъ, и для посредствующей между тѣми и другими лицами земской управы.

Но помощь въ приобрѣтеніи земель только цѣлымъ сельскимъ обществамъ, это, по общепринятому взгляду, уже явное нарушеніе интересовъ средняго и крупнаго землевладѣнія. Всякій землевладѣлецъ рассчитываетъ такимъ образомъ, что чѣмъ меньше у крестьянъ земли, тѣмъ болѣе конкурентовъ на аренду земель, тѣмъ болѣе свободныхъ рукъ для найма, слѣдовательно, тѣмъ выше арендная цѣна на землю, тѣмъ дешевле цѣна рабочихъ на обрабатываемую хозяйственнымъ образомъ владѣльческую землю.—А не платежъ арендныхъ денегъ за арендуемую землю? скажетъ читатель. Конечно, бываетъ, но противъ этого есть энергическія мѣры, которыя и теперь съ пользою практикуются въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. А именно, если арендаторъ не уплатилъ арендныхъ денегъ, то немедленно съ наступленіемъ времени жатвы, снятая имъ въ аренду земля окружается стражей, которая не позволяетъ ему начать жать созрѣвшій хлѣбъ до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ всей слѣдующей съ него арендной суммы. Правда, случается, что хлѣбъ отъ этого погибаетъ на корню бесплодно для владѣльца земли и для арендатора. Но все это ни чего не значитъ для владѣльца. Это служитъ урокомъ только для арендатора, который на будущее время, не заручившись впередъ деньгами, не будетъ арендовать земли; что касается до владѣльца, то онъ возвышенною на слѣдующій же годъ арендною платою за землю, при болѣе осторожномъ выборѣ мужика-арендатора, вознаградитъ то, что онъ потерялъ въ предшествовавшей годъ. Такимъ образомъ, какъ ни оплошалъ, по словамъ Разуваева, нашъ мужикъ въ настоящее время, а «іѣнъ достанетъ» и долго еще будетъ доставать деньги для уплаты за арендуемую землю. Нужно только смотрѣть за нимъ и не опускать случая. А что потомъ будетъ, кому какое дѣло. *Après nous le déluge!* Такова вѣковая философія нашихъ землевладѣльцевъ!

Управа, конечно, не могла надѣяться поколебать ее своимъ легкомысленнымъ проеътомъ. Если управа написала свой проеътъ и дала ему законный ходъ, то единственно въ надеждѣ, что обсужденіе его въ собраніи произведетъ впечатлѣніе въ общество, въ литературѣ, вызоветъ толки и разговоры, привлечетъ, пожалуй, вниманіе кой кого изъ высшихъ сферъ, а потомъ, кто же можетъ предугадать, что изъ всего этого можетъ выйти? Очень можетъ быть, что по образцу безчисленнаго множества то и дѣло совершающихся у насъ непослѣдовательностей и на долю этого проеъта выпадетъ такая счастливая непослѣдовательность,

что онъ приметъ какой-нибудь особенный ходъ, или *по чему-нибудь* тѣже самыя земледѣльцы, которые теперь нашли бы этотъ проектъ принципиально вреднымъ для себя, въ корнѣ разрушающимъ ихъ интересы, внезапно озаренные, будутъ разсуждать объ немъ, какъ о самомъ полезномъ для нихъ, содержащемъ всѣ условія для наилучшаго успѣха и развитія ихъ хозяйства. Все это у насъ возможно!

Но, пуская свой проектъ на авось, имѣя на осуществленіе его не болѣе надеждъ, чѣмъ сколько имѣеть владѣлецъ билетовъ выигрышныхъ займовъ на выигрышъ 200,000 р., управа тѣмъ не менѣе едва ли, я думаю, ожидала, чтобъ проектъ ея на самомъ первомъ аванпостѣ т. е. въ уѣздномъ земскомъ собраніи подвергся такому ожесточенному нападенію. Нападеніе было дѣйствительно одно изъ самыхъ страстныхъ, безпощадныхъ, и, что рѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ведено не безъ искусства. И не будь у крестьянъ, бормотавшихъ за проектъ, такого искуснаго въ диалектикѣ и знающаго дѣло предводителя, какъ председатель управы, г. Скалонъ, итъ сомнѣнія, что проектъ управы былъ бы похороненъ въ архивѣ уѣзднаго земскаго собранія.

Прежде, чѣмъ я буду говорить о преніяхъ, происходившихъ въ собраніи, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе страннаго ихъ характера, на что обратили уже вниманіе «Московскія Вѣдомости», приписавъ возбужденіе множества дебатировавшихся въ собраніи вопросовъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ дѣлу, «нездоровымъ литературнымъ вѣяніямъ, вредно (якобы) тяготѣющимъ у насъ не на одномъ только земствѣ». Но, я думаю, что литературныя вѣянія тутъ рѣшительно не причесть, ибо, какъ увидимъ ниже, постановка вопросовъ, не относящихся къ дѣлу, принадлежала не защитникамъ проекта, а его противникамъ, которыхъ уже никакъ нельзя заподозрить въ увлеченіи зловреднымъ вліяніемъ литературы.

Надобно сказать, что всѣ бывшія у насъ коммиссіи, совѣщанія, собранія, по разсмотрѣнію проектовъ о поднятій благосостоянія крестьянъ, объ улучшеніи ихъ участи и быта, представляли въ существѣ своемъ всегда нѣчто странное; ибо къ участию въ обсужденіи этихъ проектовъ крестьяне никогда не приглашались, а занимались этимъ обыкновенно дворяне, или неимѣвшіе вовсе никакого понятія о земледѣліи, или только самое поверхностное, для которыхъ при томъ, какъ крѣпостныхъ владѣльцевъ, удержаніе существующаго крѣпостнаго положенія крестьянъ во всей его неприкосновенности, составляло самый существенный, самый жизненный интересъ. Такъ повелось дѣло съ Екатерининской коммиссіей по поводу «Наказа», и даже ранѣе, а со времени этой коммиссіи, дворянство, можно сказать, окончательно отвоевало у всѣхъ это право исключительно себя. Нельзя не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ по поводу этой коммиссіи, о крайне трудномъ положеніи самой императрицы. Несомнѣнно, что императрица Екатерина искренно желала — по какимъ

нужденіямъ, въ разборъ этого входить не будемъ—хоть сколько нибудь облегчить тяжелое положеніе крестьянъ. Но она очень хорошо понимала, конечно, что съ одними владѣющими людьми-дворянами она никакъ этой цѣли не достигнетъ. Въ тогдашней интеллигенціи Екатерина также не могла найти никакой поддержки. Извѣстно, какъ въ этой интеллигенціи относились къ крестьянскому вопросу и люди, сдержанно выражавшіе свое мнѣніе, какъ княгиня Воронцова-Дашкова и вполнѣ открытые, какъ Сумароковъ. Императрица рѣшилась созвать для обсуждения этого дѣла, вмѣстѣ съ другими, изложенными въ «Наказѣ», депутатовъ отъ всей русской земли, въ надеждѣ, что представители другихъ сословій взглянуть на бѣдственное положеніе крестьянъ иначе, нежели дворянство, и что изъ дебатовъ людей различныхъ воззрѣній по этому предмету и выработаются нѣкоторыя положенія въ пользу крестьянъ, которыя и послужатъ къ ихъ облегченію. Вышло, однакожь, нѣчто такое, что должно было сильно удивить императрицу. Депутаты отъ разныхъ сословій, явившіеся въ комиссію, стали хлопотать не объ освобожденіи крѣпостныхъ, а о распространеніи права владѣть крѣпостными и на другія сословія — на купеческое, приказное, духовное, казачье, однодворческое, доказывая, что и купцамъ, и приказнымъ, и т. д. безъ крѣпостныхъ крестьянъ обходиться никакъ нельзя или очень трудно, такъ что дворяне, почитавшіе владѣніе крѣпостными своимъ исключительнымъ правомъ и видѣвшіе въ подобныхъ притязаніяхъ другихъ сословій посягательство на свою честь и личный интересъ, вступились за крестьянъ, какъ свою собственность, отбили поползновеніе другихъ сословій на эту собственность, а затѣмъ приняли на себя однихъ и заботы объ улучшеніи ихъ положенія. Изъ этихъ заботъ, конечно, ничего не вышло, какъ это подробно объяснено въ богатой собранными по этому предмету свѣдѣніями статьѣ г. Семеваго, напечатанной въ нынѣшней же книгѣ въ «Отч. Зап.». Тѣмъ не менѣе, со времени екатерининской комиссіи, другія сословія уже не привлекались къ обсужденію вопроса о крестьянахъ; дѣло это было исключительно предоставлено дворянамъ. Главнымъ образомъ, дѣлалось это, конечно, изъ опасенія, чтобы не возбудить въ народѣ напрасныхъ надеждъ на освобожденіе; для видимости же подобная практика оправдывалась тою фикціею, что дворяне, какъ землевладѣльцы, знаютъ крестьянское дѣло и крестьянскій бытъ, а какъ владѣльцы крѣпостныхъ, имѣютъ личный интересъ заботиться объ ихъ лучшемъ положеніи. Фикція оставалась, конечно, всегда фикціею, и въ бытѣ крестьянъ никакихъ улучшеній не происходило и не могло произойти, еслибы крѣпостное право просуществовало еще цѣлые вѣка, ибо никакія улучшенія съ крѣпостнымъ правомъ были несомнѣнны. Кромѣ того, дворянству легко было всегда отыгрываться отъ всѣхъ требованій по этому предмету. Разъ правительство заводило рѣчь объ улучшеніи положенія крестьянъ, дворянство,

минуя свои отношенія къ крестьянамъ, ставило вопросъ прямо на политическую точку зрѣнія, какъ это было и въ екатерининской комиссіи, гдѣ, по словамъ г. Семевскаго, указывали на то, что крестьяне, избавившись отъ власти помѣщиковъ, растратятъ свое имущество, затѣмъ разбредутся врозь, отъ этого пострадаетъ земледѣліе, подати будутъ собираться менѣе успѣшно и т. п. Князь Щербатовъ замѣчалъ, что «ограниченіемъ помѣщичьей власти не развратились бы начальныя основанія нравленія, не вкоренилось бы умствованіе равенства, до самой крайности дошедшаго». Говорилось далѣе о возможности непослушанія со стороны крестьянъ, бунтовъ, даже и въ томъ только случаѣ, если имъ дано будетъ право жаловаться на помѣщиковъ. Послѣ такихъ общихъ соображеній политическаго свойства, которыя дѣйствовали на правительство устрашительнымъ образомъ, вопросъ хозяйственный объ улучшеніи положенія крестьянъ совершенно ступшевывался. Только ради приличія препровождали его въ частную комиссію на разсмотрѣніе: не найдется ли, дескать, возможнымъ что-нибудь сдѣлать для крестьянъ, но, по тщательномъ разсмотрѣніи, тутъ ничего такого не находилось — тѣмъ дѣло и кончалось.

Теперь настало другое время. Съ освобожденіемъ крестьянъ, всѣ тѣ страхи, которыми можно было пугать прежде, исчезли. Теперь нельзя говорить, что мужики разбредутся, не будутъ податей платить, заниматься земледѣліемъ, будутъ бунты производить и т. д., и т. д., Потому, когда рѣчь идетъ объ улучшеніи положенія крестьянъ, надобно орудовать сельско-хозяйственными познаніями. Оно, конечно, и это бы еще ничего, еслибы приходилось вести рѣчь въ вольномъ экономическомъ обществѣ, въ обществѣ для содѣйствія торговлѣ и промышленности и т. п. Требуемыхъ здѣсь свѣдѣній сельско-хозяйственныхъ можно нахватать и въ трудахъ самого же вольнаго экономическаго общества, и въ земледѣльческой газетѣ и т. п. Среди своего брата — благороднаго человѣка все съ рукъ сойдетъ. Но что будетъ благородный человѣкъ дѣлать съ запасомъ такихъ свѣдѣній, когда его заставятъ говорить очи на очи съ мужикомъ, какъ это было въ московскомъ уѣздномъ собраніи? Мужикъ, конечно, говорить красно не умѣетъ, онъ бормочетъ, но онъ бормочетъ о дѣлѣ, которое онъ знаетъ какъ свои пять пальцевъ. Разъ онъ отвѣтилъ на вопросъ благороднаго человѣка два три слова — благородный человѣкъ оборванъ: далѣе ему говорить нечего, слѣдовательно, стопъ машина! Высшій комизмъ бывшаго уѣзднаго московскаго земскаго собранія въ томъ и состоитъ, что благородные люди явились въ собраніе въ твердой увѣренности, что они, по примѣру своихъ предковъ, безъ всякаго труда загоняютъ непріятный вопросъ на разсмотрѣніе въ особую комиссію, или, говоря другими словами, погребутъ его въ архивъ земскаго собранія. Анъ оказалось, что времена наступили другія; прежнимъ поржомъ дѣйствовать нельзя, а новаго они не запасли. Начнутъ они говорить, желая доказать неосно-

вательность доклада управы о крестьянскомъ хозяйствѣ по существу, высказывая разныя свои соображенія, якобы собственнымъ наблюдениемъ и опытомъ добытыя—мужикъ обрываетъ ихъ своимъ бормотаньемъ на каждомъ словѣ. Начнутъ они выкладывать свою мудрость, почерпнутую изъ книжекъ — предсѣдатель управы, г. Скалонъ, самъ на этомъ зубы, что называется, съѣлъ, и обрываетъ ихъ еще горше, чѣмъ мужики. Это заставляетъ благородныхъ людей метаться изъ стороны въ сторону, перескакивать съ одного предмета на другой, въ надеждѣ, не найдется ли гдѣ уязвимой у Ахиллеса пята, т. е. такого недостатка въ докладѣ управы, на основаніи котораго можно бы было для основательнаго разсмотрѣнія вопроса учредить особую комиссію. Въ желаніи отыскать эту пату, а никакъ не въ зловердныхъ вѣяніяхъ литературы заключается причина, почему въ собраніи велись рѣчи, какъ совершенно справедливо отмѣтили «Московскія Вѣдомости», и о недостаточности крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, и о тягости лежащихъ на крестьянской землѣ податей, и объ относительныхъ выгодахъ и невыгодахъ общиннаго и частнаго землевладѣнія, и о переселеніи крестьянъ въ многоземельныя мѣстности, и о степени замкнутости крестьянской общины, и о путяхъ сообщенія, и о кустарной промышленности, и объ отхожихъ промыслахъ, и о кабацкомъ пьянствѣ, и о народномъ образованіи, и о многомъ такомъ, заключаютъ «Московскія Вѣдомости», что дѣлало пренія интересными для сторонняго слушателя, но ни мало не подвигало, а скорѣе тормозило подлежащее рѣшенію практическое дѣло».

По обилію предметовъ, которые дебатировались въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, я не имѣю возможности съ достаточною полнотою изобразить полнаго хода преній и должеи ограничиться лишь краткимъ ихъ очеркомъ.

Главными ораторами-протестантами противъ доклада управы были гласные князь Туркестановъ и г. Жуковъ.

На первомъ же засѣданіи, немедленно по прочтеніи доклада управы, князь Туркестановъ заявилъ, что, на основаніи данныхъ этого доклада, можно было бы придти къ заключенію, что «чѣмъ болѣе у крестьянъ земли, тѣмъ лучше ведется ихъ хозяйство, но въ дѣйствительности выходитъ совсѣмъ наоборотъ». Представивъ въ примѣръ, что крестьяне подмосковныхъ деревень, имѣя земли менѣе десятины на душу, находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне деревень, отдаленныхъ отъ Москвы, у которыхъ по три десятины на душу, и, опираясь на данныя самого доклада, изъ которыхъ видно, что крестьяне арендуютъ исключительно почти луга, князь Туркестановъ пришелъ къ заключенію, что крестьяне нуждаются не въ пахатной землѣ, а въ луговой, а потому и для поднятія ихъ благосостоянія нужно было бы скупать исключительно луговые земли. Гласный Жуковъ, по вопросу о увеличеніи земельныхъ крестьянскихъ надѣловъ, высказался еще радикальнѣе. «По его мнѣнію, крестья-

намъ вовсе не нужно никакой земли, потому что, пока не возрастеть цѣнность земельныхъ продуктовъ, обрабатывать землю не стоить». «Обработка земли съ выгодой возможна только въ черноземной полосѣ, гдѣ земля не требуетъ удобрения, а требуетъ только труда». «Занятіе промыслами (въ Московскомъ уѣздѣ) даетъ больше выгоды, чѣмъ земля, и такъ какъ силою обычая установилось стремленіе къ промыслу, то едва ли крестьяне займутся обработкой земли, хотя бы ихъ надѣлы и были увеличены. И малые надѣлы не обрабатываются». Въ имѣніяхъ крупныхъ подмосковныхъ уѣздовъ хозяйство или также оставляется, или идетъ безуспѣшно—и это, по мнѣнію г. Жукова, прямое доказательство, что въ Московскомъ уѣздѣ земельное хозяйство не можетъ процвѣтать». «Единственно возможное, по словамъ г. Жукова, въ Московской губерніи хозяйство—это лѣсное хозяйство: лѣсъ растетъ себѣ, и пять рублей на десятину нарастаютъ».

Надобно полагать, что гласные изъ крестьянъ съ великимъ удивленіемъ слушали эти соображенія о совершенной ненужности для крестьянина земли. Какъ никакъ, а крестьянинъ, главнымъ образомъ, все-таки вездѣ у насъ отъ земли питается и ею держится. И вдругъ образованные земцы ему говорятъ, что земля дѣло пустяковое, что на нее не стоить тратить ни силъ, ни времени! Одинъ изъ крестьянъ прямо заявилъ г. Жукову, что для нихъ земля дѣло никакъ не пустяковое, что въ Московской, совершенно безплодной по мнѣнію г. Жукова, губерніи, они могутъ пропитываться безбѣдно, что «для устройства здѣсь крестьянской семьи, состоящей изъ 6 — 8 человекъ, если въ ней есть одинъ среднихъ лѣтъ рабочій, шесть десятинъ вполне достаточно. Не будетъ семья богата, но сыты будутъ, и на подати останется».

На замѣчаніе князя Туркестанова, что крестьянамъ нужна не столько пашенная земля, сколько луговая, гласные изъ крестьянъ отвѣчали, что они нуждаются не въ луговой землѣ, а именно въ пахатной; что «покосъ можно сдѣлать на всякой землѣ», кромѣ того, покосъ можно и за тридцать верстъ нанять, и съ проѣздомъ, да провозомъ сѣно все-таки выгодно будетъ косить, а землю далеко снимать невыгодно».

Засѣданіе второе начинается заявленіемъ князя Туркестанова, что, хотя онъ и считаетъ докладъ управы одностороннимъ, такъ какъ причина упадка крестьянскаго хозяйства—не одинъ недостатокъ земли, тѣмъ не менѣе, онъ убѣжденъ въ пользѣ расширенія крестьянскаго земельного владѣнія. Онъ только сильно сомнѣвается, чтобы прозектъ управы достигъ той цѣли, которая въ немъ предположена, т. е., чтобы земли, покупаемыя при пособіи земства, остались навсегда въ рукахъ цѣлыхъ обществъ, а не перешли потомъ въ частное владѣніе, не проданы были бы по частямъ даже лицамъ, вовсе стороннимъ для этихъ обществъ. Князь говоритъ, что добыть согласіе $\frac{3}{4}$ сельскаго общества,

Т. ССXLVII.—Отд. II.

какъ то предполагено въ проэктѣ, не мудро, но потому окажется, что изъ этихъ $\frac{3}{4}$ всего только нѣсколько человѣкъ задумали купить землю, которую потомъ и раздѣлять между собою на паш, остальные же всё окажутся, только покупателями фиктивными. Такимъ образомъ, земская касса, вмѣсто цѣльныхъ обществъ, будетъ помогать частнымъ лицамъ, а общества останутся попрежнему безземельными. Князь разсказалъ, что такой именно случай былъ съ нимъ, съ его землею, которую онъ продавалъ цѣлому обществу, и которая потомъ очутилась въ многихъ рукахъ. Предсѣдатель управы отвѣчалъ на это, что хотя и есть не мало примѣровъ, когда земли, покупавшіяся и частными лицами въ сельскихъ обществахъ, поступали въ обществѣхъ обществъ пользованіе, но что произойдетъ съ землями, которыя будутъ покупаться при содѣйствіи земской кассы—онъ предсказать не можетъ: побѣдитъ ли община или отдѣльное лицо.—А вотъ видите ли, возразилъ князь:—а «я желалъ бы, чтобы было не предсказаніе только, а полное утвержденіе, безъ котораго проэктъ нельзя признать состоятельнымъ». Гласные одинаковыхъ возраженій съ княземъ Туркестановымъ, какъ то предсѣдатель собранія, князь Трубецкой, гласный Чертковъ, предложили было не слѣдить рѣшеніемъ дѣла, которое еще не горитъ, и учредить комиссію, которая въ теченіи года всесторонне разработаетъ вопросъ. Но предсѣдатель управы отвѣчалъ, что вопросъ рѣшается въ ихъ собраніи только въ принципѣ, дѣло самого устройства кассы будетъ разсматриваться въ губернскомъ земскомъ собраніи, гдѣ дескать, оно полежитъ еще, дѣлать же съ этимъ вопросомъ въ уѣздномъ земствѣ болѣе нечего. «Вопросъ этотъ не новый; онъ былъ уже на разсмотрѣніи многихъ земскихъ собраній; въ литературѣ этотъ вопросъ также достаточно разработанъ княземъ Васильчиковымъ, Ясономъ, Постниковымъ».

А! такъ вотъ почва, на которой вы стоите, начинаетъ свою рѣчь гласный Жуковъ. «Казалось бы, капиталъ и кредитъ должны являться на потребности уже высказанныя»; а вы увлекаетесь теоретическими соображеніями, которыя въ наукѣ еще не рѣшены и на нихъ хотите устроить землевладѣніе. Гласный Жуковъ перечисляетъ недостатки общиннаго землевладѣнія и говоритъ, что «слѣдуетъ распространить выдачу пособій изъ проэктируемой кассы на лицъ, которыя сами обрабатываютъ землю; чѣмъ къ земледѣлію привлечено было бы много рукъ и не стѣснялось бы его развитіе. Къ этому прибавляетъ, что, со времени крестьянской реформы протекло всего 17 лѣтъ, что «нужно дать пройти болѣшему времени, чтобы выяснитъ всё недостатки устроеннаго на новыхъ началахъ крестьянскаго хозяйства и выяснитъ средства, съ помощью которыхъ эти недостатки могли бы быть устранены». Предсѣдатель управы отвѣчалъ на это, что управѣ вовсе нѣтъ нужды ожидать послѣднаго слова науки о томъ: какое землевладѣніе лучше въ агрономическомъ отношеніи,

общинное или частное. Она разсматриваетъ общину не съ агрономической стороны, а какъ форму, рѣшающую весьма важный для управы вопросъ о томъ: какъ обезпечить массу населенія, большинство его. «Общинное владѣніе съ этой точки зрѣнія есть наилучшая форма, потому что оно обезпечиваетъ пользованіе землей за каждымъ отдѣльнымъ членомъ общества, во всякое время, несмотря на возможныя превратности въ его жизни, до поры устраняющія его отъ земледѣлія. Въ Западной Европѣ массы населенія стараются приобрести землю, но не могутъ. Положеніе Ирландіи можетъ ли быть для кого-нибудь желательнымъ? Въ виду этого откладывать рѣшеніе вопроса, чтобы выждать указаній опыта, едва ли благоразумно».

Послѣ этихъ преній предложили спросить гласныхъ изъ крестьянъ, что они думаютъ. Но гласные изъ крестьянъ твердили одно, что земля необходима, что безъ земли быть никакъ нельзя, что имъ теперь дѣлать нечего, что платить за земскую ссуду 8% они не находятъ отяготительнымъ для себя. Наконецъ, когда предполагая, вѣроятно, что крестьяне не понимаютъ, сколько придется имъ платить, князь Туркестановъ сказалъ имъ: «вы не поняли, что часть покупиной суммы нужно платить наличными деньгами», одинъ гласный изъ крестьянъ отвѣчалъ: «крестьяне поняли. Не отяготительно платить будетъ»... Засимъ, баллотировкою было рѣшено не передавать вопроса о кассѣ въ комиссію, а немедленно приступить къ его рѣшенію.

Слѣдующее засѣданіе начинается разсмотрѣніемъ проекта земской кассы для пособія сельскимъ обществамъ въ приобретеніи земли, рекомендованнаго управой. Протестанты противъ доклада уклоняются отъ этого разсмотрѣнія; тѣмъ не менѣе, проектъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, признается единогласно несостоятельнымъ. Послѣ этого ставится на баллотировку вопросъ о томъ: признаетъ ли собраніе нужнымъ оказать пособіе сельскимъ обществамъ въ приобретеніи земли посредствомъ устройства земельного банка, а потомъ ходатайствовать передъ губернскимъ собраніемъ объ учрежденіи соотвѣственнаго банка? Но вошедшіе снова въ составъ собранія протестанты требуютъ снова преній о докладѣ управы, такъ какъ, дескать, предложеніе это вытекаетъ изъ цѣлаго доклада управы. Чтобы баллотировать предложеніе, надобно имѣть въ виду причины, которыми оно обусловлено. Предсѣдатель соглашается.

Съ этого момента начинаются уже не пренія, съ цѣлію уяснить разсматриваемый вопросъ, а игра въ пренія, съ видимою цѣлію насолить неподатливому предсѣдателю управы. Съ этого же момента начинается безцѣльное перескакиваніе съ одного предмета на другой, котораго положительно ничѣмъ нельзя объяснить, какъ только личными цѣлями, къ данному вопросу не имѣющими никакого отношенія.

Да, докладъ управы намъ ничего не объясняетъ, начинается

князь Туркестановъ. Управа намъ говорить, что упадокъ крестьянскаго хозяйства зависитъ отъ недостаточности земли, а между тѣмъ, оказывается, что хозяйство иногда въ упадкѣ тамъ, гдѣ много земли, и гораздо лучше тамъ, гдѣ мало земли.—Да вотъ что, я хотѣлъ бы знать, прибавляетъ къ этому гласный Жуковъ:—допускаютъ ли крестьяне приписываться къ своимъ обществамъ стороннимъ лицамъ, съ правами пользованія общинной землей? Да, отвѣчаютъ ему гласные изъ крестьянъ.—Бываютъ такіе примѣры, но за это берутъ большія деньги, рублей по 800.—А вотъ видите ли, замѣчаетъ на это гласный Жуковъ:—хоть за дорогую цѣну, а продаютъ (!) стороннимъ лицамъ свою надѣльную землю. А вѣдь этого, конечно, не было бы, еслибы у нихъ земли было недостаточно.—А позволете узнать, спрашиваетъ гласный Жуковъ:—къ какому времени относится паденіе крестьянскаго хозяйства?—Крестьяне отвѣчаютъ, что со времени веденія уставныхъ грамотъ, съ прекращеніемъ крѣпостнаго права.—Гласный Жуковъ высказываетъ сомнѣніе, чтобы при крѣпостномъ правѣ, когда земля и трудъ принадлежали помѣщику, благосостояніе крестьянъ было лучше?—Крестьяне, думая, что всѣ эти вопросы дѣлаются *взабаву*, распинаятся за то, что тогда было лучше.— Не приведетъ ли управа, замѣчаетъ гласный Жуковъ:—данныхъ въ доказательство того, что прежде было лучше крестьянское хозяйство? На это одинъ гласный изъ крестьянъ отвѣчаетъ:—«я имѣю память слишкомъ за двадцать прошлыхъ лѣтъ. У крестьянъ амбары были, а теперь и амбары оказались ненужны, потому сберечь въ нихъ стало нечего, ну, и разобрали ихъ. Скота больше было, теперь скота меньше, и тотъ, какой еще остался, продавать приходится на подати. Солонихи меньше стало, въ навозъ нечего класть, даже строенія крыть нечѣмъ. Стоить строеніе съ дыривой крышей, глядишь, и звено сгнило, валится. Ну, и тащить его на дрова. Такъ по одному звену и разберутъ все строеніе.—«Однако, замѣчаетъ на это князь Туркестановъ:—гдѣ крестьяне до освобожденія были на оброкѣ, вся земля осталась за ними, платятъ они за нее меньше прежняго, отчего же ихъ хозяйство въ упадкѣ? Значить не недостатокъ земли, а другія условія причиной упадка хозяйства. Устраните эти условія, и хозяйство поднимется». Князь Трубецкой замѣчаетъ, что частые передѣлы содѣйствуютъ упадку хозяйства.—«Процвѣтаніе кабаковъ, прибавляетъ гласный Жуковъ:—устраивать которые прежде нельзя было безъ воли помѣщика, а теперь разрѣшеніе на нихъ даютъ сами крестьяне. Мнѣ кажется, дополняетъ онъ:—образованіе единственное средство для поднятія крестьянскаго благосостоянія, чтобы въ самомъ населеніи найти противодѣйствіе злу». Гласные изъ крестьянъ объясняютъ, что и «этотъ развратъ, т. е. кабаки, отъ праздности, отъ бездѣлья—что земли мало, не надъ чѣмъ работать—съ пути сблизисъ, ну, и идутъ въ кабаки».—«А! такъ вотъ и нужно было бы, замѣчаетъ гласный Жуковъ:—уничтожить праздность, приучить народъ къ трудолю-

бію». Гласному Жукову говорятъ, что и для того, чтобы приучить народъ къ трудолюбію, надобно дать ему средства приобрести землю, чтобы было надъ чѣмъ трудиться.—Да, отрѣзываетъ на это г. Жуковъ.—Но въ крестьянствѣ малоразвитость и отсталѣнн. Современное поколѣніе крестьянъ, какъ и ихъ бывшихъ владѣльцевъ воспиталось въ духѣ крѣпостного права, когда любовь къ труду не могла придти въ голову крестьянамъ, потому что они трудились не по своей волѣ. И вотъ воспитанное въ крѣпостномъ духѣ сельское населеніе страдаетъ отъ переданной ему крѣпостнымъ правомъ привычки мало трудиться. Будущее лежитъ въ молодомъ поколѣніи, которое воспитывается въ иномъ духѣ. Требуются десятки лѣтъ для того, чтобы изгладилась послѣдствія крѣпостного права. Еслибъ настоящее поколѣніе крестьянъ надѣлито достаточнымъ количествомъ земли, что невозможно, то при неумѣнн крестьянъ трудиться едва ли бы поднялось ихъ благосостояніе». Одинъ гласный изъ крестьянъ горячо протестуетъ противъ такого несправедливаго обвиненія крестьянъ, говоритъ, что народъ жаждетъ работы.—А тогда зачѣмъ же дѣло стало, отвѣчаетъ г. Жуковъ. По 75 коп. въ день лѣтому всегда можно найти работу.

Предлагается на баллотировку вопросъ: достаточно ли выясненъ вопросъ, выраженный въ докладѣ управы, и рѣшается утвердительно. Предсѣдатель читаетъ главные основанія предполагаемой земской кассы. Гласный Жуковъ замѣчаетъ, что предложенныя основанія обсуждать трудно, не обсудивъ проекта во всей подробности, а проектъ нужно врежде составить.—Совершенно излишне, отвѣчаетъ предсѣдатель управы, очевидно въ раздраженіи. Губернское собраніе рассмотреть вопросъ во всей подробности и, можетъ быть, передать его на разсмотрѣніе въ уѣздныя земства.—Боюсь я, замѣтилъ князь Туркестановъ:—что изъ кассы образуется спекуляція. Будутъ получать помощь не нуждающіеся въ землѣ, а болѣе состоятельныя.—Переселеніямъ помогать надо, говоритъ г. Жуковъ:—у насъ въ степяхъ земель много.—Предсѣдатель управы замѣчаетъ, что въ Московскій уѣздъ не найдется охотниковъ переселяться, а давать деньги на переселеніе въ другія губерніи земство не имѣетъ права.—Гласный Жуковъ, не обращая на слова предсѣдателя вниманія, продолжаетъ: «сто душъ въ сельскомъ обществѣ, тѣсно имъ, ну, такъ переселить ихъ въ степь. Тамъ, можетъ быть, прибавляетъ онъ ехидно, по идеѣ они устроятъ свое благосостояніе.—Кто-жъ согласится на переселеніе, замѣчаетъ одинъ изъ крестьянъ.—Свое родное мѣсто каждому дорого.—Добровольцы найдутся, успокоиваетъ гласный Жуковъ.—А кто-жъ ихъ выпустить, отвѣчаетъ на это предсѣдатель управы.—Полученные надѣлы прежде должны выкупить.

Этимъ пренія заканчиваются. Большинствомъ голосовъ собраніе рѣшаетъ приступить немедленно къ обсужденію предложенныхъ

управой основаній земской кассы. Гласные протестанты уклоняются отъ этого, и собраніе, составившееся изъ 10 гласныхъ отъ крестьянъ, одного священника и пяти землевладѣльцевъ, единогласно, за исключеніемъ одного предсѣдателя собранія, рѣшаютъ просить губернское земское собраніе объ учрежденіи при губернской управѣ земской кассы для содѣйствія крестьянамъ въ приобрѣтеніи земли.

Читатель, пробѣжавшій сдѣланный нами краткій очеркъ происходившихъ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи преній, согласится съ нами, что въ этихъ преніяхъ чувствуются не вѣянія литературы, какъ увѣряютъ «Московскія Вѣдомости», а вѣянія стараго крѣпостного духа, который не только не исчезъ, но не измѣнилъ ни на волосъ своихъ традиціонныхъ воззрѣній на мужика. Мужикъ для него какъ былъ прежде, такъ и теперь остается не человѣкомъ; онъ не допускаетъ въ немъ по прежнему возможности моральныхъ, общечеловѣческихъ основъ. Какъ въ крѣпостное время, когда заходила рѣчь объ освобожденіи мужика, объ улучшеніи его быта, землевладѣльцы хоромъ кричали, что мужикъ не способенъ пользоваться свободой, что онъ взбунтуется, излѣнится, броситъ землю, разбѣжится и т. п., такъ и нынѣшніе землевладѣльцы говорятъ, что мужикъ не развитъ, лѣнливъ, труда не любитъ, даже любить не можетъ, что сколько вы ему земли ни дайте, онъ все равно будетъ бѣдствовать отъ лѣности, какъ теперь. Крѣпостные владѣльцы еще имѣли, если не основаніе, то претекстъ говорить, что крестьянинъ трудится изъ подъ палки, изъ боязни ихъ, что не будь ихъ, крестьянинъ не сталъ бы ничего дѣлать. Но теперь прошло 17 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ. Никакой палки надъ мужикомъ нѣтъ; онъ самъ себѣ господинъ, и однакожь, онъ работаетъ съ такою ревностію, съ какою не работалъ никогда, вспахиваетъ всю и свою, и барскую землю, добываетъ такіа громадныя количества, хлѣба, о которыхъ назадъ тому 15 лѣтъ было не слыivano. И, несмотря на это, благородные гласные ему въ собраніи не затрудняются говорить въ глаза, что у него любви къ труду не только нѣтъ, но и быть не можетъ, что онъ такой лежебокъ, что сколько ему ни давай земли, ему это въ прокъ не пойдетъ. Крестьянинъ внушительно, при семъ удобномъ случаѣ, могъ бы разъяснить благороднымъ господамъ, засѣдающимъ съ нимъ въ собраніи, кто изъ нихъ лежебокъ; жаль только, что языкъ у него плохо дѣйствуетъ, пришибенность не прошла еще отъ вѣковаго рабства, да и добродушія очень много: онъ только распинается передъ благородными господами за то, что онъ не лѣнται, что у него земли мало, работать не надъ чѣмъ.

Изъ тѣхъ же дебатовъ видно, что новыя землевладѣльцы не только не приумножили своихъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній противу скудныхъ свѣдѣній земледѣльцевъ-крѣпостныхъ, но, повиданому потеряли даже и тѣ, которыя имѣли послѣдніе. У

крѣпостныхъ земледѣльцевъ всегда видна была, по крайней мѣрѣ, внѣшняя связь съ землею, не терялось понятіе о томъ, что земля въ Россіи есть главный натуральный фондъ, изъ котораго многомилліонное крестьянское населеніе, за скудостью другихъ промысловъ, только и можетъ доставать себѣ болѣе обезпеченное существованіе. Новые землевладѣльцы, благодаря замѣнѣ натурального хозяйства денежнымъ, и притомъ бумажно-денежнымъ, и господствующему вслѣдствіе этого повсюду духу спекуляціи, смотрятъ на землю, какъ на аферу, и выгоду ея разработки оцѣниваютъ не съ государственной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія сегодняшняго биржевого курса бумажнаго рубля. Когда это слышано, чтобы землевладѣльцы не въ шутку, а въ официальномъ публичномъ засѣданіи проповѣдывали крестьянамъ, что землю въ Московскомъ уѣздѣ обрабатывать не стоить, что лучше крестьянамъ всѣ свои земли бросить и идти въ наймы на фабрики или въ отхожіе промыслы, что на фабрикахъ и на такихъ промыслахъ они могутъ заработать въ лѣтнее время по 75 к. въ день!! Это ли еще не курьёзъ благородныхъ землевладѣльцевъ, считающихъ себя компетентными въ дѣлѣ устройства російскаго землевладѣнія вообще и крестьянскаго хозяйства въ частности?!

Изъ дебатовъ московскаго уѣзднаго земскаго собранія можно понять, сколько вреда нанесено было въ прежнее время крестьянскому благосостоянію именно тѣмъ, что попеченіе объ устройствѣ крестьянъ ввѣрялось исключительно благороднымъ людямъ, безъ всякаго участія въ томъ крестьянъ. Можетъ быть, и редакціонныя комиссіи времени освобожденія получили бы совсѣмъ другой взглядъ на крестьянское хозяйство и величину надѣловъ, необходимыхъ для этого хозяйства, а потому и весь крестьянскій вопросъ принялъ бы совсѣмъ иной видъ и теченіе, еслибы въ участію въ комиссіяхъ приглашены были крестьяне и выслушано было ихъ мнѣніе.

Все это должно служить урокомъ для всѣхъ радѣтелей крестьянскаго благосостоянія, не принимать никакихъ мѣръ относительно улучшенія хозяйства крестьянъ прежде, чѣмъ выслушано будетъ ихъ собственное мнѣніе о пользѣ предложенныхъ мѣръ. Поэтому и губернскія земскія собранія, гдѣ вовсе почти не бываетъ сельскихъ гласныхъ, по нашему мнѣнію, мѣста вовсе не подходящія для разсмотрѣнія вопроса объ учрежденіи земскихъ кассъ для содѣйствія крестьянскимъ обществамъ въ приобрѣтеніи земель. Все это дѣло должно быть оставлено всецѣло въ своемъ матерьяльномъ распорядкѣ въ рукахъ уѣздныхъ земскихъ собраній, т. е. они должны составлять проекты для своихъ кассъ, они должны, по своему усмотрѣнію, выдавать пособія обществамъ, которымъ они захотятъ. Такъ какъ, однакожь, у насъ и въ земскихъ уѣздныхъ собраніяхъ число гласныхъ отъ крестьянъ вездѣ почти меньше, чѣмъ отъ землевладѣльцевъ, а съ представителя-

ми городовъ и еще меньше, то необходимо, чтобы въ ту правительственную комиссію, гдѣ окончательно будутъ разсматриваться проекты кассъ, были представляемы по всѣмъ вопросамъ высказанныя въ уѣздномъ земскомъ собраніи мнѣнія большинства и меньшинства, съ изложеніемъ вмѣстѣ и мотивовъ послѣдняго. Мы полагаемъ, что правительственная комиссія будетъ необходима для этого дѣла, потому 1) что, безъ помощи правительства, само земство не въ состояніи будетъ оказать крестьянамъ пособія болѣе или менѣе удовлетворительнаго, и 2) что едва ли можно надѣяться, чтобы безъ участія правительства и пособія были повсюду распределяемы болѣе или менѣе правильно. Но въ среду правительственной комиссіи, по нашему мнѣнію, должны быть допущены гласные сельскихъ обществъ, по крайней мѣрѣ, по одному изъ каждаго уѣзднаго земства тѣхъ губерній, о земскихъ кассахъ которыхъ будетъ рѣшаться вопросъ. Что касается до земскихъ собраній губернскихъ, то на нихъ можетъ быть возложено храненіе кассовыхъ суммъ для всей губерніи, наблюденіе за правильнымъ ихъ поступленіемъ и расходомъ и отчетность по нимъ.

Въ одномъ изъ октябрьскихъ № № «Голоса» я помѣстилъ небольшую статейку по поводу появившейся въ «Петербургской Газетѣ» инсинуаціи, касавшейся отчасти и меня, при этомъ я обѣщалъ написать для помѣщенія въ «Голосѣ» же особое письмо съ подробнымъ объясненіемъ: насколько вредны для литературы и для общества то и дѣло появляющіяся въ послѣднее время въ литературѣ политическія инсинуаціи. По всей вѣроятности, письма этого мнѣ никогда бы не удалось написать. Но теперь извѣстный фельетонистъ и издатель «Новаго Времени», г. Суворинъ, принявъ подъ свое покровительство литературныя инсинуаціи, обрушился какъ на эту мою статейку, такъ и на прошедшее «Внутреннее Обзорніе», трактовавшее также о доносахъ, и изложилъ на меня за эти статьи цѣлую лохань грязи самой зловонной: однимъ словомъ, «новременской» грязи, пропитанной ругательствами, пошлостію, сплетнями. Это служить для меня вѣрнымъ ручательствомъ, что статьи мои о доносахъ не бесполезны, и налагаетъ на меня обязанность заняться и еще разъ этимъ вопросомъ. При этомъ я не премину, конечно, коснуться и тѣхъ личныхъ выходовъ, которыя дѣлаетъ противъ меня г. Суворинъ и на которыя отвѣчать можно. Что же касается остальной грязи, излитой «Новымъ Временемъ», то тронуть ее не возможно, негрязня литературы, да было бы и бесполезно. Сплетня, инсинуація, пошлость, ругательства, даже площадныя, вошли въ плоть и кровь г. Суворина и его сопублицистовъ и противъ нихъ могутъ быть дѣйствительны развѣ только нелитературныя средства, въ родѣ тѣхъ, которыя рекомендовалъ когда-то самъ же г. Суво-

ринь устами одного изъ своихъ героевъ: «Господа! говорить этотъ герой относительно одного литератора «нововременскаго» пошиба, обращаясь къ своимъ товарищамъ:—неужели не найдется никого, кто бы избилъ эту гадину, которая завелась въ литературу? Этакая паршивая гадина!»

Мнѣ кажется, вопросъ о ругательствахъ, слетныхъ и тому подобной грязи въ литературѣ, благодаря ежедневной практикѣ «Новаго Времени», давно уже настолько созрѣлъ, что его необходимо изъ частнаго превратить въ общій: ибо тутъ частными усилиями ничего нельзя сдѣлать. Весь литературный персоналъ долженъ подумать: какъ бы положить всей этой грязи въ литературѣ предѣлъ? Разъ объ этомъ уже возникала мысль. Къ сожалѣнію, она выходила изъ небольшого кружка лицъ, а главное, для регулированія литературнаго персонала придумана была неудобная форма—именно форма суда, которую вводился, во-первыхъ, элементъ неравенства, подчиненности многихъ немногимъ, и во-вторыхъ, элементъ личнаго усмотрѣнія, если угодно, впечатлѣнія, и, слѣдовательно, произвола этихъ немногихъ. Надобно поставить дѣло такъ, чтобы ничья свободная воля не стѣснялась ни въ чемъ, чтобы всякій самъ свободно принялъ извѣстныя ограниченія въ отношеніяхъ къ другимъ, самъ былъ наблюдателемъ надъ исполненіемъ этихъ правилъ и принималъ участіе въ судѣ, въ случаѣ ихъ нарушенія, само собою разумѣется, если дѣло идетъ не о его личности. Лучшая форма для этого есть форма общества. Безчисленныя безобразія происходятъ теперь въ литературѣ именно оттого, что литературный персоналъ находится въ полномъ разединеніи, подобно песку морскому. Пусть онъ соединится въ общество, хотя бы съ одною только цѣлю блюсти за чистотою литературы отъ разныхъ дрязгъ и приличіемъ, и литература приметъ немедленно другой видъ: Не говоря уже о какихъ-нибудь особенныхъ мѣрахъ, которыя найдеть нужнымъ принять для этой цѣли общество, есть нѣкоторыя положенія, такъ сказать, примитивныя, основныя, которыя въ уставахъ обыкновенныхъ обществъ не пишутся, но подразумеваются сами собою и всѣми исполняются. Никто, напримѣръ, не осмѣлится придти въ общественное собраніе нагимъ, никто не будетъ въ собраніи драться, никто не будетъ ругаться площадною и вообще неприличною бранью и тѣмъ болѣе безъ всякой причины со стороны другого. Если эти только самыя примитивныя правила относительно взаимныхъ отношеній другъ къ другу общество внесетъ въ свой уставъ, какъ обязательныя въ практикѣ литературы, то и этого уже достаточно, чтобы значительно поднять литературу надъ тѣмъ уровнемъ, на которомъ она стоитъ теперь.

Мнѣ скажутъ, что нѣкоторыя изъ газетъ не согласятся вступить въ такое общество. Я не думаю, чтобы это случилось. Но еслибы и такъ, то литературный персоналъ можетъ достигнуть предполагаемой цѣли другимъ способомъ—образованіемъ воль-

наго общества. Для этого довольно согласія четырехъ-пяти редакцій изъ повременныхъ изданій. Учрежденіемъ такого общества проведется твердая, ясно опредѣленная грань между газетами. Всѣ будутъ знать: въ какихъ газетахъ притоны «паршивыхъ, какъ выражается г. Суворинъ, гадинъ» и этимъ однимъ уже значительно понизится тотъ успѣхъ, который имѣютъ теперь эти газеты въ незнакомой съ закулисною стороною литературнаго дѣла публикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у литературныхъ спекулянтовъ отнимется охота разсчитывать на подобныя недостойныя литературы средства для собираяія пятаковъ у любителей скандаловъ. Что касается до личностей литературнаго персонала, то и въ вольномъ обществѣ они также вполне будутъ защищены противъ всякихъ гнусныхъ нападеній, потому что тогда, вмѣсто отвѣта, достаточно опубликованія только постановленія общества, чтобы всякое подобное нападеніе сдѣлать ничтожнымъ, не говоря уже о тѣхъ существенныхъ мѣрахъ, которыя общество можетъ принять лично противъ каждой «паршивой гадины», для частнаго лица или невозможныхъ, или неудобноисполнимыхъ.

ПЕРВОЕ ОКТЯБРЯ.

Для писателя нѣтъ болѣе награды, какъ имѣть публику, которая настолько ему вѣритъ, что даже отъ времени до времени удостоиваетъ его непосредственнымъ съ собою общеніемъ. Я могу считать себя однимъ изъ такихъ счастливицевъ. Говорю объ этомъ не ради хвастовства, но именно потому, что горжусь. Увѣренность, что есть существо, которое откликается на вашу мысль и волнуется вашими волненіями, которое въ вашей работѣ видитъ не балагурство, а увѣжденность, которое понимаетъ, что служеніе литературѣ есть путь трудный и до извѣстной степени даже сопряженный съ калѣчествомъ — это увѣренность, говорю я, не только пріятная, но почти равняющаяся наслажденію. Наглотавшись отъ представителей современнаго русскаго критиканства разныхъ эпитетовъ, въ родѣ «непочтительнаго хама», «балагура», «бессознательнаго шута», «ругателя» и т. д., пріятно увѣдиться, что эпитеты эти не пользуются симпатіями въ средѣ читающей публики. И я во-истину имѣлъ возможность увѣдиться въ этомъ, потому что за все время моей литературной дѣятельности отношенія ко мнѣ читателей имѣли характеръ почти исключительно благожелательный и симпатичный. Только раза два (одинъ разъ по поводу «Дворянской хандры», въ другой разъ, не помню, по какому поводу) неизвѣстные корреспонденты писали мнѣ: замолчи... бесполезный старикъ! И, помнится, я даже серьезно задумался надъ этимъ предостереженіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, не пора ли это занятіе прекратить? Вѣдь настоящаго-то слова, какъ ни бейся, все-таки не выговоришь, такъ не лучше ли по просту безъ затѣй замолчать? Но, сообразивъ всѣ доводы про и contra, я рѣшилъ иначе. Очень возможно, сказалъ я себѣ, что «старикамъ» дѣйствительно приличнѣе думать о смертномъ часѣ, нежели о собесѣдованьяхъ съ живыми людьми, но вѣдь для дѣла тогда только бываетъ полезно, что вышедшій изъ лѣтъ рабочий

снимаетъ съ себя тягло, когда на мѣсто его уже явился новый рабочій, а, пожалуй, и цѣлыхъ два. Но въ современной русской литературѣ мы видимъ явленіе совершенно противоположное: новыя рабочія силы появляются туго, а старыя сходятъ съ арены сами собою, естественнымъ путемъ. Стало быть, ежели, сверхъ того, старыя тягольники будутъ еще добровольно обрезать себя на молчаніе, то, пожалуй, литература совсѣмъ теченіе свое прекратитъ, а останется одно цензурное вѣдомство. А сверхъ того, и то еще слается, что старики не все же одни праздыя слова говорятъ. Иногда выдается что-нибудь и не бесполезное: воспоминаніе, справка, забытый, но не лишній по обстоятельству образъ и т. д. Ужели все это уже такой ненужный соръ, который заслуживаетъ только укора? Словомъ сказать, взвѣсивъ, разсудилъ и рѣшилъ дѣло въ свою пользу, то есть сталъ продолжать писать.

Но какъ ни пріятно, что читатели удостоиваютъ меня довѣріемъ, а нѣкоторые даже приносятъ жалобы и требуютъ распоряженія по онимъ, нужно сознаться, однакожь, что я не всегда и не все властенъ сдѣлать. Для меня это тѣмъ необходимѣе объяснить, что, не имѣя въ своемъ распоряженіи канцеляріи, я не могу быть вполнѣ исправнымъ корреспондентомъ, и вслѣдствіе этого рискую подвергнуться упрекамъ въ нерадивости и бездѣйствіи власти, совершенно мною незаслуженнымъ, что со мною однажды ужъ и случилось.

Я помню, въ періодъ такъ-называемаго обличительнаго правленія моею литературной дѣятельности, я былъ буквально заваленъ всякаго рода жалобами на несправедливыя и несогласныя съ интересомъ казны дѣйствія различныхъ вѣдомствъ. И жалобы эти были не голословныя, но поддерживались фактами, о которыхъ и сообщалось на предметъ «отдѣлки» въ ближайшемъ «обличеніи». Къ сожалѣнію, однакожь, я никакихъ существенныхъ распоряженій къ удовлетворенію этихъ жалобъ сдѣлать не могъ. Съ одной стороны, факты, изолированныя отъ жизненной обстановки, которая ихъ породила, представляютъ настолько скудный матеріалъ для воспроизведенія, что я совершенно не могъ воспользоваться ими для моихъ литературныхъ работъ, а съ другой—я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи подчиненныхъ, при посредствѣ которыхъ могъ бы, по произволенію, возстановить нарушенное право. Поэтому, мнѣ оставалось только указывать, что съ подобными жалобами надлежитъ обращаться не ко мнѣ, а въ правительствующій сенатъ.

Понятно, однакожь, что такого рода указаніе не могло не подѣйствовать на моихъ довѣрителей разочаровывающимъ образомъ. Вѣроятно, многіе изъ сказали себѣ: Эге! ты, видно, прытокъ, а не силенъ! а другіе прямо заподозрѣли, что я не то, чтобы не могъ, а не хочу, или, лучше сказать, берегу свою шкуру. Пошла худая молва, и хотя публика продолжала благосклонно относиться къ моимъ трудамъ, но вѣра въ могущество

обличительнаго дѣла уже прекратилась. А вмѣстѣ съ тѣмъ, временно перемежилось и непосредственное общеніе между мною и моими довѣрителями.

Наступилъ періодъ затишья, въ продолженіи котораго я очень страдалъ. Довѣрители уже не обращались въ мнѣ съ жалобами, но, по прежнему, начали кому слѣдуетъ барашка въ бумажкѣ предлагать, приговаривая: этакъ-то будетъ прочнѣе. Выходило, что я какъ-будто только спуталъ ихъ: научилъ фордыбачить и кобениться, а какъ это фордыбаченье отстоять—средствъ не преподать. Ходили даже такіе слухи, что многіе, увлеченные моими обличеніями, до такой степени оплонали, что въ послѣдствіи вынуждены были цѣлыми стадами отчуждать барановъ, лишь бы возстановить потрясенную фордыбаченьемъ репутацію. Все это, повторяю, серьезно огорчило меня, и хотя совѣсть моя оставалась сповойной, но я все-таки не счелъ себя въ правѣ не воспользо-ваться урокомъ.

Я сказалъ себѣ: до книгъ я обличалъ мздоимцевъ и казнокрадовъ, но, въ противоположность всѣмъ моимъ намѣреніямъ, произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное: обличенія не только не прекратили мзду, но даже удесятерили размѣры ея. Правда, что одновременно и экономическія условія чиновническаго быта значительно осложнились, но главную причину увеличенія мзды все-таки составляло обличеніе. Опредѣляя размѣры предстоящаго приношенія, мздоимецъ говорилъ: вотъ эта часть — по бывшимъ примѣрамъ, вотъ эта — по случаю увеличенія цѣнъ на сѣстные припасы, а вотъ эта — на случай обличенія. При чемъ, послѣдняя доля, навѣрное, равнялась семи десятымъ общей суммы приношенія. Все это прямо указывало, что мздоимцевъ слѣдуетъ оставить въ покоѣ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока между ними и обывателями не состоится полюбовное соглашеніе, которое на прочныхъ основаніяхъ установить ихъ взаимныя отношенія.

Сказано — сдѣлано. Но вопросъ: о чемъ же писать? Однажды мысль потревожена, надо дать ей пищу — какую? Вотъ тогда-то именно я и принялъ рѣшеніе, при которомъ остаюсь и до сихъ поръ: писать такъ, чтобы всѣмъ было одинаково пріятно, и мздоимцамъ, и партикулярнымъ людямъ.

Наша изба не одними мздоимцами красна; и между обывателями достаточно выжигъ найдется, которыхъ, ежели начать перебирать, то, навѣрное, читатель останется доволенъ. Деруновъ, Неугодовъ, Разуваевъ, Балалайкинь—какихъ еще героевъ надо! Отечество предають, присныхъ обездоливають, женъ и дѣвъ въ соблазнъ вводятъ—ужели такъ имъ это и простить?

А сверхъ того, и еще: очень ужъ жить тяжело становится; почти противно. И не отъ того одного, что харчи съ каждымъ днемъ дорожаютъ, а отъ того, что вообще какъ-то не по себѣ. Все думается: когда же нибудь, однако, она начнется, эта самая жизнь,

а она вмѣсто того, только пуше да пуше въ глубь уходитъ. Пожалуй, такъ, наконецъ, скоронится, что и отыскать нельзя будетъ. Какъ хотите, а это тоже сюжетъ, о которомъ, хоть и безъ пользы, но все-таки можно поговорить...

Я знаю: критиканы, обызвующіе меня балагуромъ, сейчасъ же изловятъ меня. Зачѣмъ, скажутъ, ты вкленлъ фразу «хота и безъ пользы»? вѣдь это ты сбалагурилъ? — Нѣтъ, я не сбалагурилъ; напротивъ, я совершенно искренно и серьезно убѣжденъ, что, по нынѣшнему времени, говорить можно именно только безъ пользы, то есть безъ всякаго расчета на какія-нибудь практическія послѣдствія. Но для чего-жь тогда говорить? А для того, милостивые государи, чтобы отъ времени до времени напоминать самому себѣ, что даръ слова не есть

Даръ напрасный, даръ случайный,

но дѣйствительное отличіе человѣка отъ безсловесныхъ. Только для этого.

И вотъ, настроивши лиру, я началъ бряцать. И чѣмъ больше бряцалъ, тѣмъ шире растворялись сердца и прочіе возстановлялось интимное общеніе, которое временно пошатнулось подъ вліяніемъ тшеты обличеній. Должно быть, въ сердцахъ читателей порядочно-таки наболѣло; должно быть, и имъ по горло надоѣли всѣ эти неуклонные осуществители самоновѣйшихъ принциповъ современности, эти проворные хищники, отъ которыхъ ни въ какую нору нельзя уйти, чтобы они не заползли слѣдомъ и не присосались. Да надоѣлъ и самый жизненный процессъ. Не живешь, а въ оцѣпенѣніи движешься, словно выморочное имущество, которымъ всякій встрѣчный помыкаетъ, покуда, наконецъ, не выйдетъ рѣшеніе: имущество сіе, яко выморочное, отписать въ казну.

Нѣтъ спора, что перспективы, на которыя я указываю, не весьма заманчивы, но роль скоро онѣ не отталкиваютъ, но привлекаютъ партикулярнаго человѣка, то это значить, что послѣдній самъ видитъ ихъ неизбежность, самъ болѣетъ тѣми же болями, какими болѣю и я. Нашъ недугъ общій, только онъ не для всѣхъ и не всегда ясенъ, и въ большинствѣ случаевъ, онъ выражается лишь въ смутномъ сознаніи, что человѣка какъ будто не прибываетъ, а убываетъ. Но когда причины, обусловливающія тревогу, выясняются, то это не только не раздражаетъ, но даже въ извѣстной степени смягчаетъ принимаемое недугомъ страданіе. Ибо уже въ самомъ указаніи признаковъ недуга партикулярный человѣкъ почерпаетъ для себя косвенное облегченіе. Помилуйте! донинѣ онъ изнывалъ, какъ слѣпецъ, а отчасти даже суевѣрно трепеталъ передъ обстановкой своего недуга, считая ее неизбывною, отъ вѣковъ опредѣленною — и вдругъ, благодаря объясненіямъ, смѣшенія эти устраняются! Явленія утрачиваютъ громадную пропорцію, которыя такъ давили воображеніе, и размѣщаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ имъ естественно быть

надлежить... Ужели это не утѣшеніе? ужели не утѣшеніе сказать себѣ: сначала—яность, а потомъ—что Богъ дастъ?

Въ сентябрѣ, я получилъ цѣлую массу писемъ, которыя доказали мнѣ, что публика именно съ этой точки зрѣнія относится къ моимъ посланнымъ литературнымъ трудамъ. Моя хроника «1-е августа» (см. предыдущій № «Отеч. Зап.»), повидимому, произвела свое дѣйствіе, то есть заставила даже такихъ упорныхъ противниковъ, какъ Тарасъ Скотининъ и Деруновъ, признать за моими писаніями нѣкоторую пользу. Изъ числа этихъ писемъ, я позволяю себя привести здѣсь только нѣсколько наиболее характерныхъ.

«Руку, земляк! Собственность признаешь, семейство приемлешь, государство чтить—на что лучше! Разумѣйте, языцы—и разговору конецъ!

«Такъ, сударь, и надо. Ахъ, очень нынче нужно объ собственности почаще напоминать, ибо весьма на сей счетъ въ нашей мѣстности слабо стало. Даже племянникъ мой, Митрофанъ, и тотъ онными идеями заразился, и вотъ ужъ который годъ мы оба изъ камеры мирового судьи не выходимъ, все судимся. По сей причинѣ даже въ Петербургъ сколько разъ надумывалъ ѣхать: хочется отъ хорошихъ адвокатовъ узнать, не могу ли я, какъ старшій въ родѣ, Митрофана въ смиренный домъ посадить? Сказываютъ, у васъ такіе адвокаты есть, которые могутъ доказать, что старшіе даже съчъ младшихъ право имѣютъ, но я сего ужъ не добиваюсь, а хотя бы въ смиренный домъ. Наши же пензенскіе адвокаты на сей счетъ троако говорятъ: ежели я больше дамъ, то якобы нельзя; а ежели я еще больше дамъ, то и опять выходить, что можно. Такъ что и семейный союзъ будто бы отъ того зависить, кто лишній полтинникъ дастъ!

«Да, слабо нынче вообще — это вы вѣрно, мой другъ, угадали. Съ тѣхъ поръ, какъ объявили ядовитую оную волю, и собственность и семейство — все врозь пошло, а объ государствѣ даже и не знаемъ, что сей сонъ означаетъ. Еще въ Пензѣ мы, по мѣрѣ силъ, крѣпимся, а что въ сосѣдней Саратовской губерніи и въ Войскѣ Донскомъ по сему случаю творится—даже я, Тарасъ Скотининъ, безъ слезъ взирать не могу! Ужъ на что сестрица моя, госпожа Простакова—и та съ тѣхъ поръ, какъ въ Балашовское свое имѣніе переѣхала, сейчасъ же противъ священныхъ сихъ основъ вооружилась! Начала съ того, что Митрофана проклала, а нынѣ и на меня, старшаго брата своего, войпою пошла! Имѣлъ я съ нею процессъ о землѣ и, благодареніе Богу, успѣлъ ту землю въ первой инстанціи законнымъ образомъ у нея оттягать. И что жъ бы вы думали! вмѣсто

того, чтобъ покориться волѣ Божьей, и безпрекословно мнѣ землю изъ рукъ въ руки передать, а я бы ей, всеконечно, до смерти ея въ домѣ моемъ пріютъ далъ, она подала на апелляцію, а Митрофанъ, сверхъ того, научилъ еще и прокурору заявленіе подать, будто бы съ моей стороны подлогъ въ дѣлѣ семъ совершень. И нынѣ, по апелляціи, вновь это дѣло разсматривается, а обо мнѣ слѣдствіе производится! Такъ вотъ въ какомъ положеніи находится въ Саратовской губерніи семейный союзъ!

«И такъ, по сему случаю, а равно и по другимъ подобнымъ предвижу необходимость быть въ Питерѣ. Можетъ быть, у васъ насчетъ сего покрѣпче. И непременно у тебя, землякъ, остановлюсь: авось либо въ литераторскихъ палатахъ для стараго друга уголь найдется. Вѣдь по правдѣ-то связать, мы не только земляки, но и родные: всѣ отъ одного древняго Прогорѣловскаго рода линію-то ведемъ, и всѣ одинаково съ 61-го года въ подсудимыхъ значимся!

Тарасъ Скотининъ.

«По приказанію его превосходительства г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рудина, имѣю честь Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить, что выраженные Вами въ статьѣ-хроникѣ «Первое Августа» чувства, относительно собственности, семейственности и государственности, признаются его превосходительствомъ вполнѣ съ обстоятельствами дѣла сходственными и одобренія достойными.

«Дѣлопроизводитель Лаврецкій».

Сбоку приписано рукой г. Лаврецкаго: Считаю пріятнымъ долгомъ съ своей стороны, присовокупить, что объясненія Ваши произвели столь благопріятное впечатлѣніе, что его превосходительство вызвалъ къ себѣ автора огорчившей васъ статьи «Наши охранители и наши прогрессисты», и просилъ его, въ личное для себя одолженіе, изъ списка неблагонадежныхъ элементовъ васъ исключить. На что и получено благосклонное увѣреніе, что надлежащее по сему предмету распоряженіе будетъ немедленно сдѣлано.

«Душка Щедринъ!»

«Вотъ въ чемъ дѣло, расскажу поскорѣе. Когда умеръ папаша, ничего послѣ него не осталось; даже домъ нашъ въ Миргородѣ— и тотъ оттягалъ ненасытный Довгогчхунъ. И вотъ я переѣхала на житье къ тетенькѣ Θεодуліи Ивановнѣ Собакевичевой, которая, послѣ смерти дяденьки, осталась совсѣмъ одна, потому что, во время воли, всѣ дворовые, а въ томъ числѣ и вѣрный Неуважай-Корыто, разбѣжались. И вотъ, пріѣзжаетъ къ намъ прошлою осенью Павелъ Иванычъ Чичиковъ и говоритъ, что теперь онъ дужь адво-

вать, и вѣдѣть по помѣщикамъ, разубнаеть, нѣтъ ли у кого процессовъ. И вотъ, тѣтенька ужасно ему обрадовалась и говорить: можете ли вы похлопотать, чтобы крѣпостное право хотя на тѣхъ вновь распространить, которые для прислугъ и полевыхъ работъ необходимы, а прочіе, чтобы оброкъ платили? И онъ охотно на это согласился, и довѣренность тутъ же написали, а марки онъ съ собой гербовныя возить—стѣить только послушать, и дѣлу копецъ. И вотъ, тѣтенька сорокъ рублей задатку дала, а ночевать ему отвели ту самую комнату, въ которой онъ въ 1841 году ночевалъ. И адресъ уважая онъ намъ оставилъ: «С.-Петербургъ-Москва, на станціи, спросить буфетчика Петра, а васъ, милостивый государь, прошу передать кому знаете». И какъ у насъ нѣтъ прислуги, то мы повѣрили. И вотъ, мы ждемъ. И вотъ, черезъ девять мѣсяцевъ, у меня рождается сынъ. А такъ какъ онъ взялъ впередъ сорокъ рублей денегъ, то я повѣрила, что будетъ твердо, онъ же хотъ бы строчку написалъ, а между прочимъ, на счетъ сына—развѣ это не подлость? И вотъ, теперь за меня хорошій человекъ сватается, Мижуевъ-Фетюкъ, и съ сыномъ вмѣстѣ беретъ, а я боюсь, и тѣтенька боится: вдругъ, ежели Павелъ Ивановичъ пріѣдетъ! А теперь намъ говорить, что Павелъ Ивановичъ все это на смѣхъ сдѣлалъ и адресъ будто бы фальшивый оставилъ—вѣдь это такая ужъ подлость, что мы съ тѣтенькой думаемъ: неушто и этому вѣрить? И вотъ, мы не знаемъ, какъ въ этомъ случаѣ быть, потому что мы женщины, а для женскаго пола, говорить, законъ не писанъ. Даже Неуважай-Корыто—и тотъ насъ оглашенными называетъ, и мы не возражаемъ, боимся, какъ бы не вышло хуже. И вдругъ, тѣтенькѣ мысль пришла: напишемъ, говорить, къ г. Щедрину! Онъ такъ собственность и семейство уважаетъ, что непременно за насъ вступится! А объ государствѣ, говорить, покуда, не проси! и такъ какъ-нибудь, по женской своей должности, проживемъ!

«И вотъ я беру перо.

«Душка! чудесный! голубчикъ! Нельзя ли все это въ смѣшномъ видѣ представить, но такъ, чтобы Павелъ Ивановичъ непременно прочиталъ! Я увѣрена, что если вы захотите, то онъ раскается и опять къ намъ пріѣдетъ. А комната у насъ для него готова. И ежели онъ по тѣтенькиной довѣренности ничего не выхлопоталъ, все-таки пусть пріѣзжаетъ, или, по крайней мѣрѣ, пусть хоть письмо пришлетъ, могу ли я за господина Мижуева выйти? А я какъ вамъ буду за это, голубчикъ, благодарна... вотъ увидите!

«Ваша по гробъ
Гапочка Перерѣшникова».

«Милостивый Государь.

«Прочивъ Вашу статью «Первое августа», я съ удовольствіемъ извѣстился, что Вы собственность признаете, семейство прием-
Т. ССXLVII.—Одн. II.

лете, государство чтите. Посему, ежели при известномъ свиданіи¹, въ разговорѣ на счетъ армій и флотовъ, что-нибудь ненарочно сказалось, въ томъ прошу великодушно меня извинить, отнеся оное на счетъ моей простоты.

«При семъ нелишнимъ, однакожь, почитаю представить на благоусмотрѣніе Ваше нижеслѣдующія мои соображенія:

«Пишете Вы, милостивый государь, что негоціантъ, ежели доподлинно собственность чтить, обязанъ дѣла свои въ такомъ видѣ имѣть, чтобы ежечасно быть готовымъ во всякомъ рублѣ передъ публикою чистосердечный отчетъ дать. Откуда тотъ рубль пришелъ и какъ составился? сколько въ немъ копеекъ законнаго прибытка и сколько—грабежа? Съ своей стороны, не отрицая пользы, которая отъ такового чистосердечія произойти можетъ, позволяю себѣ возразить лишь то, что, по званію нашему, одно что-нибудь: или дѣла дѣла дѣлать, или отчеты отдавать. Ибо званіе наше на этотъ счетъ довольно-таки строго, такъ что, если пужное для операций время мы станемъ употреблять для чистосердечіевъ, то операции рапустимъ, а чистосердечіями никому удовольствія не предоставимъ.

«Второе, пишете Вы, ежели который человекъ свою собственность блюдетъ, тотъ долженъ и чужую наблюдать—то и сіе весьма пріятно. Но позвольте Вамъ доложить: ежели я буду о собственности публики скорбѣть, то не послѣдуетъ ли отъ сего для меня изнуренія? а равнымъ образомъ, не дастъ ли оно партикулярнымъ людямъ такой повадки, что мы дескать будемъ праздно время проводить, а Деруновъ за всѣхъ насъ стараться станеть? А награда—на небесахъ-съ?

«И еще замѣчаете Вы, что негоціанты, по роду своихъ занятій, больше въ Кунавинѣ, нежели въ семействахъ своихъ время проводятъ, то и сіе справедливо. Думается, однакожь, что ежели мы свой родъ занятій покинемъ, то какъ бы намъ, въ ожиданіи другихъ занятіевъ, и вдвое при одномъ Кунавинѣ не остаться.

«Что же касается наставленія Вашего, что необходимо первѣе всего отечество свое любить и въ пользу оного жертвовать, то сіе безусловно вѣрно. И мы любить оное готовы, только не знаемъ, какъ. По сему, еслибы начальство насъ въ семъ смыслѣ руководствовало и прямо указывало, на какое полезное устройство жертвовать надлежитъ, то, мнѣся, великая бы отъ сего польза произошла.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть и проч.

Юсифъ Деруновъ».

«Милый cousin! Что такое ты написалъ, будто бы мыныче мужчины больше въ Кунавинѣ, нежели въ семействахъ, время

¹ См. «Благонамѣренныя рѣчи».

проводять? Что такое Кунавино? Я просила Филоею Иваныча мнѣ объяснить, но онъ говоритъ, что дамъ такихъ вещей знать не слѣдуетъ. Но отчего же? Объясни мнѣ, пожалуйста, потому что, ежели я не буду знать, то все стану бояться, что вдругъ Филоею Иванычъ уйдетъ отъ меня въ Кунавино. И я останусь одна.

«Что касается до меня, то я очень счастлива. Одно только тревожить: денегъ мало. Сколько разъ хотѣла обратиться къ тебѣ, но Филоею Иванычъ, прочитавъ твою статью, говоритъ: коль скоро братецъ объ собственности сталъ поговаривать, то едва ли онъ селонность къ одолженіямъ сохранилъ. А я такъ думаю, что совсѣмъ напротивъ... Cousin! милый! только тысячу франковъ... можно?»

«Но какъ ты это хорошо сказала: «чужую собственность блюди, а свою — соблюдай!» — именно, именно такъ! И откуда ты такія тонкія замѣчанія почерпнешь! Филоею Иванычъ прямо говоритъ: еслибы все такъ было, какъ братецъ предположилъ, то ни мы, ни другіе ни въ чемъ бы не нуждались, и у всѣхъ было бы всего довольно! Не правда ли... милый!

A toi de coeur
Nathalie».

«Прекрасно. Собственность признаешь, семейство — приѣмлешь, государство — чтинь! А о Святой Церкви и служителяхъ ея... позабылъ?»

Іерей».

Я полагаю, этихъ образцовъ достаточно. Имѣя въ свою пользу столь безспорныя свидѣтельства симпатіи, я смѣло могу смотрѣть въ глаза будущему, не опасаясь даже загадочнаго присовокупленія на счетъ церкви и ея служителей, которымъ меня почтило лицо, скрывшее себя подъ псевдонимомъ «Іерей».

Р. S. Послѣднія строки были уже написаны, какъ я прочтала въ романѣ «Братья Карамазовы», соч. писателя Достоевскаго, слѣдующую тираду, произносимую нѣкоей г-жей Хохлаковой: «Женское развитіе и даже политическая роль женщины въ самомъ ближайшемъ будущемъ — вотъ мой идеаль. У меня у самой дочь, и съ этой стороны меня мало знаютъ. Я написала по этому поводу писателю Щедрину. Этотъ писатель мнѣ столько указалъ, столько указалъ въ назначеніи женщины, что я ему отправила прошлаго года анонимное письмо въ двѣ строки: «Обнимаю и цѣлую васъ, мой писатель, за современную женщину, продолжайте». И подписалась: «мать». Я хотѣла было подписаться: «современная мать» и колебалась, но остановилась просто на матери: больше красоты нравственной, да и слово «современная» напоминало бы имъ (?). Современникъ — воспоминаніе для нихъ (?). юрькое, въ виду нынѣшней цензуры...» Такого письма я не полу-

чалъ, и вся эта «выдумка», очевидно, сочинена салоппницей Хохлаковой для того, чтобъ напомнить: былъ, дескать журналъ «Современникъ», такъ вотъ не онъ ли устами «писателя» Щедрина продолжаетъ говорить. Ахъ, эти салоппницы! То изъ старой одѣжи чего-нибудь на бѣдность просить, а то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, съязвить. Съязвить глупо, беззубо, но въ тоже время ужасно противно, хотъ форточки отворяй! Вотъ хотъ бы въ данномъ случаѣ: объ чемъ докучаетъ салоппница Хохлакова? — объ томъ, чтобъ я *продолжалъ* писать о назначеніи *современной* женщины. Но я объ этомъ-то именно предметъ всего менѣе и писалъ, а слѣдовательно, метолько не могъ «столько» уязвить г-жѣ Хохлаковой, но просто ничего. Вотъ еслибъ вы, салоппница Хохлакова, поблагодарили меня за изображеніе людей, «которые мертвыми дланями стучать въ мертвыя перси» — такой благодарности, быть можетъ, я заслуживалъ бы. Подобныхъ людей я дѣйствительно изображалъ и надѣюсь изображать и въ будущемъ безъ вашихъ просьбъ. Останетесь довольны.

Н. Щедринъ.

XI г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 г.

на иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни,

„НИВА“

выходящій еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ (болѣе 2,000 рисунковъ и чертежей и 2,000 столбцовъ текста) съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ:

«ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» и другими ПРЕМІЯМИ:

на 1880 г. двѣ большія акварели М. ЗИЧИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи, по Большой Морской, № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе «НИВЫ» съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ премій въ теченіи 1880 г.:

Безъ доставки въ С. Петербургѣ.	4 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ И. Г. Соловьева, А. Ланга и П. Н. Шапошникова.	5 р.
Съ доставкою въ Москвѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи.	6 р.

Для гг. служащихъ, какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ, допускается разсрочка за ручательствомъ гг. Казначеевъ и Управляющихъ.

Сочувствіе и довѣріе, которымъ «Нива» пользуется, выразилось въ небываломъ до сего въ русской журналистикѣ количествѣ подписчиковъ. «НИВА» имѣла въ 1879 г. 45,000 подписчиковъ. Это совершенно понятно, если припомнить весьма низкую цѣну, массу разнообразнѣйшаго чтенія и богатые преміи; программа расширяется и преміи каждаго года улучшаются въ такой степени, въ какой это возможно только при такомъ состояніи дѣла. Болѣе 2,000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и при этомъ 2,000 столбцовъ текста представляютъ годовой матеріалъ журнала, т. е. болѣе 15 томовъ обыкновеннаго формата книгъ для чтенія цѣною не менѣе 20 рублей.

«Нива» даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно изъ русской исторіи, разсказы, романы, біографіи при портретахъ замѣчательныхъ лицъ, статьи по естествознанію (особенно зоологіи), гигиенѣ (ученіи о здоровьѣ), этнографіи, путешествіямъ, технологіи, астрономіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, свѣдѣнія изъ внутренней жизни страны, ежедневное политическое обозрѣніе, смѣсь, хозяйственные совѣты, шашечныя, шахматныя и математическія задачи, загадки и проч. Большая часть статей сопровождается художественно исполненными гравюрами.

Сверхъ сего, при «НИВѢ» выдается для удовлетворенія потребностей каждой семьи (въ приготовленіи платья и бѣлья) особое бесплатное ежемѣсячное прибавленіе «Парижскія Моды» и въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 400 чертежей и выкроекъ въ натуральную величину, до 300 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ и до 400 разнообразныхъ рисунковъ буквъ вензелей и т. п. для мѣтки—словомъ, полный модный журналъ,

Для помѣщенія въ «НивѢ» въ будущемъ 1880 году мы имѣемъ, кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, какъ-то: Большой романъ изъ современной жизни въ 2 частяхъ «Купленное счастье» Н. Морскаго (автора романа «Аристократія Гостиннаго двора»).— «Иванъ да Марья» большая повѣсть извѣстнаго А. А. Потѣхина.— «Лѣсникъ» большая повѣсть въ 2 ч. Б. Маркевича.— «Кара-Джигитъ» рассказъ Н. Н. Каразина съ большими рисунками самаго автора.— «Королевичъ Владиславъ» и «Зарница» двѣ историческія повѣсти В. Политковскаго.— «Ночь» рассказъ Н. Морскаго.— Четыре рассказа Н. Боева: «Бомья Воля», «Близъ желѣзной дороги», «Три тысячи», «На крайнемъ Востокѣ».—Какъ преміи, на будущій 1880 годъ, мы дадимъ (кромѣ большого стѣннаго календаря 1880 г.) двѣ превосходныя исключительно для «Нивы» исполненныхъ, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго «Демона» Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: 1) Пляска Тамара и 2) Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными. Достоинства блестящаго таланта М. Зичи слишкомъ извѣстны. Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ. Такимъ образомъ, «НИВА» и въ будущемъ 1880 г. будетъ стараться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Желающихъ подписаться на будущій 1880 г. «НИВѢ» просятъ заблаговременно обращаться въ Главную Контору редакціи журнала «Нива» (помѣщается въ Петербургѣ: Большая Морская ул., д. № 9).

Издатель «Нивы» А. Ф. Марксъ.

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ
ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССИИ. ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО СТАТЕЙ,
РИСУНКОВЪ И ПРЕМІЙ.

Объ изданіи въ 1880 году

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА СЪ РИСУНКАМИ

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“

ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ.

Съ октябрьской книжки 1879 года журналъ перешелъ къ новой редакціи. Вступительное слово отъ имени новой редакціи помѣщено во главѣ XV-го тома (стр. 3—8). На этотъ томъ (октябрь ноябрь, декабрь) можно подписываться отдѣльно (4 р. съ пересылкою и доставкою). По этому тому желающіе могутъ ознакомиться съ новою редакціею и ея веденіемъ журнала, съ новымъ удобнѣйшимъ и сподручнымъ форматомъ, а также съ новымъ шрифтомъ, компактнымъ и четкимъ, вмѣщающимъ въ листѣ большее количество буквъ, чѣмъ было прежде.

«Древняя и Новая Россія» выходитъ ежемѣсячно книгами каждая въ размѣрѣ не менѣе тринадцати листовъ (208 страницъ въ книжкѣ), съ нѣсколькими портретами и рисунками. Изъ двѣнадцати книгъ «Древней и Новой Россіи» 1880 года составятся три тома (XVI, XVII, XVIII), каждый съ особымъ къ нему указателемъ. Въ каждомъ томѣ будетъ не менѣе 52 печатныхъ листовъ или 832 страницы. Во всѣхъ трехъ томахъ не менѣе 156 печатныхъ листовъ или 2,496 страницъ, съ пятидесятью портретами и рисунками.

Подписка на 1880 годъ принимается въ Главной Конторѣ журнала «Древней и Новой Россіи» въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ д. 46 и въ отдѣленіяхъ конторы въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и Н. Мамонтова.

Подписная цѣна: безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 12 р. съ доставкою на домъ 12 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города 13 р. 50 к.; во Францію 16 р. и въ остальную Европу 14 р.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается только по соглашенію съ Главною Конторою журнала.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ Главную Контору журнала «Древняя и Новая Россія» (Невскій, 46), на имя редактора-издателя Владиміра Ивановича Граціанскаго (на его же имя высылаются всѣ статьи, рисунки и проч.).

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры сборника «Древняя и Новая Россія» за 1875, 1876, 1877, 1878 и 1879 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ (до 150 печ. лист.) съ 50 — 60 портретами и рисунками.

Цѣна каждаго года безъ пересылки двѣнадцать руб. сер., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер. Всѣ вмѣстѣ уступаются за пятьдесятъ руб. сер. безъ пересылки, за пересылку же присылаются деньги за пудъ по разстоянію.

Редакторъ-издатель Владиміръ Граціанскій.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го января 1880 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ XII годъ (т. е. томы XXIII и XXIV) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большого двойного листа самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16 — 24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

«Всемирная Иллюстрація», благодаря своей аккуратности строгому выполненію программы, приобрѣла въ теченіи одиннадцатилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, «Всемирная Иллюстрація» стремится къ улучшенію и принимаетъ въ соображеніе желанія подписчиковъ, не останавливаясь передъ расходами и всегда давая больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что въ теченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребить всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи» на 1880 г.:

Безъ доставки въ С. Петербургъ. . . 13 р.
» » » Москвѣ 14 р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургъ. . . . 14 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города. . . 16 р.

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусства и проч., и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»

представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатныхъ страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библиотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

Цѣна первыхъ 20 томовъ «Всемирной Иллюстраціи»:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англ. календаровомъ перепл. 14 р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англійск., тисненн. золотомъ переплетѣ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній) и 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній)—по 9 р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ пересылки по 13 р.

На пересылку cadaго года слѣдуетъ прилагать 3 руб.

Главная контора редакціи «Всемирн. Иллюстр.» въ С. Петербургѣ, Бол. Садовая, д. № 16. Въ Москвѣ, Отдѣленіе Конторы редакціи на Никольской ул., домъ Славянскаго Базара (при центральномъ книжномъ магазинѣ).

Редакторъ издатель «Всемирной Иллюстраціи»,

Германъ Гоппе.

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ИЛ-
ЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Съ 1-го января 1880 года «МОДНЫЙ СВѢТЪ» нач-
нетъ XIII годъ своего существованія и будетъ издавать-
ся съ прежнею со стороны издателя заботливостью о на-
ружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» въ 1880 году будетъ
выходить также

ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре
номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ),
и будетъ заключать въ себѣ въ теченіи года:

Болѣе 3,000 политипажныхъ рисунковъ модъ и руко-
дѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и
выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг.
работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ
парижскихъ картинки для II изданія, исполненныхъ луч-
шими иностранными художниками.

36 (24 раскрашенныхъ и 12 акварельныхъ) модныхъ
парижскихъ картинъ для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ ком-
позиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ ста-
раго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ,
портреты, типы и проч.

*

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ» съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модныя журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію «МОДНАГО СВѢТА» на 1880 г.:

I изданію, съ 12 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 6 р.

II изданію, съ 24 раскрашенн. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 7 р.

III изданію, съ 24 раскрашенн. парижск. картинками, 12 раскрашенн. акварельными картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ перес. во всѣ города Россійск. Имперіи 9 р.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб.; II-му изданію 6 р. 50 к.; III-му изданію 8 р.; съ пересылкою: I-му изданію 6 р., II-му изданію 7 р. III-му изданію 9 р.

Издатель «Моднаго Свѣта» Германъ Гоппе.

Главная контора Редакціи «Моднаго Свѣта» находится, въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина № 16. Въ Москвѣ отдѣленіе конторы Редакціи на Никольской ул., домъ Славянскаго Базара (при Центральномъ Книжномъ Магазиנѣ).

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты.

О подпискѣ на 1880 годъ
НА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературы, Наукъ и Искусствъ

„ОГОНЕКЪ“,

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

52 нумера въ годъ.

ПРОГРАММА «ОГОНЬКА»:

1. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (съ рисунками къ нимъ).
2. Историческіе очерки, бытовья картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портретами).
4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: естествознанія, археологій, географій, медицины, механики и т. д., и искусствъ: скульптуры, живописи, архитектуры, музыки и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній).
5. Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. п.
6. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
7. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ.
8. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ «ОГОНЬКА» (22 тысячи подписчиковъ) въ первый же годъ изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому «ОГОНЕКЪ» обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы и 3) Точнымъ выполніемъ программы.

Въ прошломъ году въ «ОГОНЬКЪ» принимали участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: В. Г. Авсѣенко, К. Алексѣевъ, Н. П. Галлеръ, д-ръ Е. Д. Гончаровъ, Г. П. Данилевскій, В. В. Крестовскій, В. Корниевскій (псевдонимъ), К. Орловскій, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, П. Полевой, гр. Е. А. Саласъ, К. К. Случевскій, Д. И. Садовниковъ, А. Фетъ и др.

При томъ же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ, въ 1880 г. съ первыхъ номеровъ редакція начнетъ печатать: «Массоны», романъ въ 5 част. А. Ѳ. Писемскаго, «Лихо», историческая повѣсть Д. В. Аверниева и «Нуклы», сказка Я. Полонскаго.

Годовая цѣна «Огонька»: безъ доставки 4 руб.; съ доставкой въ С.-Петербургъ и съ пересылкою во всѣ города Россіи 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала «ОГОНЕКЪ», въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, №. 16. Въ Москвѣ, въ отдѣленіи Конторы Редакціи, Никольская улица, домъ Славянскаго Базара (при Центральномъ Книжномъ Магазиѣ).

Редакторъ журнала «Огонекъ» Н. П. Аловертъ.

Издатель Германъ Дмитръ Гоппе.

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностраннныя журналы и газеты.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., противъ Гостиного Двора, № 46.

БЫВШІЙ А. И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Кузнечкій мостъ, домъ Фирсанова.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

Ковалевскаго, М. Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приемы изученія исторіи права. М. Ц. 75 к.; вѣс. 1 ф.

Ушановъ, К. Систематическій сборникъ: Уставы о воинской повинности, положеніе о государственномъ ополченіи и инструкція о воинской повинности. Варшава. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Пидотти. Руководство къ усовершенствованію хлѣбопашества. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

Руководство къ токсикологін, составленное по Рабюто, подъ редакціей Е. Пеликана. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Хлѣбниковъ, Н. Изслѣдованія и характеристики. Кіевъ. Ц. 2 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.

Леванда. Исповѣдь дѣльца, романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Плещеевъ. Житейское, повѣсти и разсказы. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Марьина, В. Твердость характера, романъ изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876 — 77 гг., въ трехъ частяхъ. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Нарновича. Е. Любовь и корона, историческій романъ изъ временъ императрицы Анны Ивановны и регентства принцессы Анны Леопольдовны. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ Государей Императоровъ: Павла I, Александра I и Николая I и Императрицъ: Елизаветы Петровны, Екатерины II и Маріи Фѣдоровны. Спб. Ц. 80 к.; вѣс. 1 ф.

Льсковъ, Н. (псевдонимъ Стебницкій). Некуда, романъ. 3 т. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Салтыковъ, М. (Щедринъ). Исторія одного города, по подлиннымъ документамъ издана. Изд. 2-е. Слб. Ц. 1 р. вѣс. 2 ф.

— **Пампадуры и Пампадурши.** 2-е изд. Слб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Проказники. Юмористическіе очерки, сценки, картинки и фотографическіе снимки съ натуры Добродушнаго Юмориста. М. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Пьеръ Занонэ. Камера № 7, романъ. Слб. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Бульверъ Литтонъ. Призракъ, романъ. Слб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Дарна Даніеля. Посмертная месть, этюдъ супружеской жизни, романъ. М. Ц. 80 к.; вѣс. 1 ф.

Орда, X. За вѣру и противъ невѣрія или общепонятная защита главныхъ основаній христіанскаго вѣроученія. Киевъ. Ц. 60 к.; вѣс. 1 ф.

Мальцевъ, А. Нравственная философія утилитаризма. Историко-критическое вѣдѣніе. Слб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Бобровскій, П. Развитие способовъ и средствъ для образованія юристовъ военнаго и морскаго вѣдомствъ въ Россіи. Часть 1-я. Способы образованія и комплектованія аудиторовъ отъ преобразованій Петра Великаго до учрежденія въ 1832 году аудиторской школы. Вып. 1-й. Слб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Ландцера, О. Курсъ нормальной анатоміи человѣка. Часть 1-я. Выпускъ 1-й. Слб. Ц. 60 к.; вѣс. 1 ф.

С. Ивановъ, д-ръ. Лечение спинномозговой сухотки въ Желѣзноводскѣ. Харьковъ. Ц. 30 к.; вѣс. 1 ф.

Носенко, Д. Сборникъ рѣшеній 4 департамента и общихъ собраній правительствующаго сената по дѣламъ коммерческихъ судовъ имперіи. Т. 3-й. Вып. 1 и 2. Съ 1 іюля 1877 г. по 1 іюля 1879 г. Ц. 5 р.; вѣс. 5 ф.

Бинца. Руководство фармакологіи, клинической учебникъ, подъ редакціею и съ прибавленіемъ Н. В. Іерусалимскаго. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Томъ II. Слб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.; 2 т. 4 р.; вѣс. 4 ф.

Требованія изъ всѣхъ книги гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно.

1880. ГОДЪ XXIII 1880.

НЕВА

(52 № со множествомъ великолѣпн. худож. иллюстр.).

ЖУРНАЛЬ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

„СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ“

(50 № съ иллюстрац. къ романамъ, карриатурами, ребусами и пр.)

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(12 № съ 1,000 рисунками новѣйшихъ модъ и руководѣлій,
съ 12-ю листами приложений выкроекъ).

ДВА ТОМА БЕСПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

НАШИ ДѢЯТЕЛИ

галерея замѣчательныхъ людей.

(24 гравированныхъ на стали портрета съ біографіями).

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЗА ТРИ ИЛЛЮСТ. ЖУРН. СЪ ПРЕМІЯМИ:

4 р. 50 к., съ дост. 5 р. 50 к., съ перес. 6 р.

«Нева» состоитъ изъ трехъ иллюстрированныхъ журналовъ. 1) «Нева». Лучшія повѣсти русскихъ писателей. Политика. Литература. Наука. Искусства. Промышленность. Судебная хроника и проч., и проч. Сжатая, доступно изложенная, но подробная статья по всемъ вышеозначеннымъ отдѣламъ, обнимающая собой всѣ явленія общественной жизни, дающая возможность слѣдить за ними даже и тѣмъ лицамъ, которые почему-либо не получаютъ ежедневныхъ газетъ. Ежегодно 52 №№ 2,448 столбцовъ текста со множествомъ великолѣпныхъ художественныхъ иллюстрацій. 2) «Семейное Чтеніе». Журналъ романовъ и повѣстей, избранныхъ изъ лучшихъ произведеній современныхъ авторовъ. Ежегодно 50 №№ 1,200 столбцовъ текста съ иллюстраціями къ романамъ, карриатурами, ребусами и проч. 3) «Парижскія Моды». Войдя въ соглашеніе съ извѣстнѣйшей изъ парижскихъ редакцій, начиная съ новаго года, мы имѣемъ возможность помѣщать настоящія парижскія моды и тѣмъ самымъ дать нашимъ читателямъ изданіе, рѣзко выдѣляющееся отъ другихъ однородныхъ съ нимъ изданій. 12 №№ въ годъ, 96 страницъ модныхъ рисунковъ съ 12 листами приложений выкроекъ и руководѣлій большого формата. 4) Даровыя преміи: «Наши Дѣятели», роскошное изданіе, удостоившееся со стороны публики самаго лестнаго приѣма, а со стороны выдающихся органовъ печати—самаго одобрительнаго отзыва. Въ 1880 г. выйдутъ въ свѣтъ и разошлются безвозмездно под-

писчикамъ томы 7-й и 8-й (24 гравированные на стали портрета съ биографіями). Цѣна «Невы» за годъ 4 р. 50 к., съ доставкой 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. Кроме того, подписчики получаютъ право приобрести вышедшіе уже 6 томовъ «Дѣателей» по уменьшенной цѣнѣ. (Цѣна въ продажѣ за томъ: брошюр. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.). Для подписчиковъ за томъ: только 1 р. 25 к. брошюр., съ перес. 1 р. 50 к.; въ крас. перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 5) Премія по уменьшенной цѣнѣ. Желая угодить тѣмъ изъ нашихъ подписчиковъ, которые съ особенной благосклонностью относятся къ олеографіямъ, мы сдѣлали выборъ, который, навѣрное, удовлетворитъ ихъ. Величина картинъ равняется 35 с. ширины и 51 с. высоты (1,979 □ сантим.). Цѣна каждой только 75 к., съ тщательною упаковкою и перес. 1 р. За всѣ шесть картинъ только 4 р., съ перес. 5 р. Выборъ сюжетовъ слѣдующій: 4 копии съ знаменитѣйшихъ картинъ древнихъ мастеровъ: а) «Христосъ на крестѣ», Фанъ Дейка; б) «Ессе homo» (голова Христа) Гиндо-Рени; в) «Святое семейство», Мурильо; г) «Не возбраняйте дѣтямъ», Мурильо. 2 ландшафта извѣстнаго пейзажиста Энгельгардта: «На Бріенскомъ озерѣ»; е) «Мельница близъ Бергтесадена». По желанію подписчиковъ, къ картинамъ могутъ быть выписаны рамки черезъ насъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ 1880.

Встрѣченный публикою самымъ благосклоннымъ образомъ, ежемѣсячный сборникъ этотъ помѣщаетъ лишь замѣчательнѣйшіе романы современныхъ писателей и рядъ статей разнообразнѣйшаго содержанія съ художественными къ нимъ иллюстраціями. Въ годъ 12 №№ (1,162 столбца). Къ «Вѣстнику» мы приготовляемъ премію, которая, навѣрное, будетъ для подписчиковъ самою пріятною неожиданностью. Состоитъ эта премія изъ большого рѣзаннаго на стали портета Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича, который разошлется подписчикамъ отдѣльно и тщательно упакованный. Желающіе получить болѣе одного экземпляра благоволятъ приплатить за каждый 1 р. Для неподписчиковъ цѣна портрета безъ пересылки 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. Цѣна «Илл. Вѣстника» за годъ съ портретомъ 3 р. 50 к., съ дост. и перес. 4 р. «Нева» съ «Вѣстникомъ», съ портретомъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича 7 р. 75 к., съ дост. 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ А. БАУМАНА.

Календарь этотъ годъ отъ году пользуется все болѣе широкимъ распространеніемъ. Кроме справочнаго отдѣла, наполненнаго общими календарными свѣдѣніями въ вѣнцѣмъ году помѣщается цѣлый романъ изъ современной русской жизни полный животрепещущаго интереса и который отдѣльно будетъ продаваться по 1 р. 50 к. Цѣна календаря въ красивой папкѣ 1 р., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 50 к.; съ пересылкой въ папкѣ 1 р. 30 к.; въ переплетѣ 1 р. 80 к. Для подписчиковъ на «Неву» или «Вѣстникъ», календарь въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р. 20 к.; съ перес. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к. Сумми менѣе 1 р. могутъ быть высланы почтовыми марками. Адресовать къ Алексѣю Осиповичу Бауману, Исакиевская площ., № 6, въ С.-Петербурѣ.

Объ изданіи съ 1-го января 1880 года

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Оставивъ съ сентября мѣсяца редакцію историческаго соборника «Древняя и новая Россія», я предпринимаю съ 1-го января 1880 года, при содѣйствіи А. С. Суворина, изданіе новаго ежемѣсячнаго историко-литературнаго журнала, подъ названіемъ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

Цѣль новаго изданія - знакомить читателей, въ живой, общедоступной формѣ, съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ. На этомъ основаніи, въ программу «Историческаго Вѣстника» входятъ не одни только русскія, но и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ. къ «Историческому Вѣстнику» будутъ прилагаться портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться безъ предварительной цензуры и выходитъ ежемѣсячно книжками въ объемъ до 15 печатныхъ листовъ убористаго шрифта, что составитъ въ теченіи года три большихъ тома въ 180 — 200 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять руб. сер. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода шесть руб. сер.

Отвѣтственность за исправный выходъ журнала и аккуратность всѣхъ расчетовъ по изданію, принимаетъ на себя книжный магазинъ «Новаго Времени» (А. С. Суворина), С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 60, гдѣ находится главная контора «Историческаго Вѣстника» и куда гг. иногородные подписчики благоволятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Въ Москвѣ подписка принимается въ Московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина «Новаго Времени», Никольская, д. Ремесленной Управы.

Въ первыхъ книжкахъ «ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА» будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія, уже находящіяся въ распоряженіи редакціи, оригинальныя статьи:

Н. Я. Аристова. Прѣданія объ историческихъ лицахъ.—А. Г. Бриннера. 1. Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ произведеніяхъ иностранныхъ беллетристовъ и драматурговъ 2. Россія и Европа при Петрѣ Великомъ.—И. Д. Бьлова. Университетъ и корпорація. (Отрывокъ изъ воспоминаній). — В. И. Герье. Воспоминаніе о С. М. Соловьевѣ.—В. Н. Геттуна Записки о моей жизни. (Времена императоровъ Павла I и Александра I). — Г. П. Дамилевского. Отвергнутый Бонапартъ. Историческая повѣсть изъ временъ императора Александра I. — И. И. Дубасова. 1. Тамбовскій край въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій. 2. Генералъ-губернаторство графа Каменскаго. 3. Тяжелая година въ жизни тамбовскаго духовенства. — И. Н. Жданова. Церковно-земскій соборъ 1551 года. — И. Е. Забѣлина. Домашняя гѣтопись Петровскаго времени. — А. И. Забѣлина. Французскій плѣнный въ Россіи. Историческій рассказъ изъ эпохи 1812 года. — Д. И. Завалишина. Рассказы изъ прошлаго: 1. Декабристы М. С. Лукинъ. 2. Графъ А. И. Осгерманъ-Толстой. 3. Архимандритъ Флгій и графиня Орлова-Чесменская. 4. Министръ Ланской. — Е. П. Нарювича. Ярославскіе вѣдунники. Историческая повѣсть изъ временъ императрицы Елисаветы Петровны. — Д. А. Норсакова. Князь С. Г. Долгорукій въ ссылкѣ. Историческій очеркъ.—Н. И. Костомарова. Самозванецъ же-царевичъ Симеонъ. Историческій рассказъ. — В. В. Крестовскаго. Не бить по сеуму. Историческій рассказъ изъ временъ императрицы Екатерины II.—А. Ф. Круглова. А. Е. Лобановъ и его отношенія къ Гнѣдичу и Загоскину.—А. М. Лазаревскаго. Люди старой Малороссіи. Семья Скоропадскихъ.—Н. С. Лыскова 1. Несмертельный Голованъ. Очеркъ изъ народныхъ хроникъ смертнаго года. 2. Императоръ Александръ Благословенный въ его религиозныхъ вѣрованіяхъ.—Л. Н. Майнова. Эпизодъ изъ литературной исторіи прошлаго вѣка — В. Н. Майнова. Мертвый городокъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ).—Л. С. Мацѣвича. Сынъ Суворова—О. Ф. Миллера. Историческое значеніе Чацкого. — А. П. Милонова. Мое знакомство съ Сенковскимъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Д. Л. Мордовцева. 1. Тульскій гречезъ. Историческая повѣсть изъ временъ императрицы Екатерины II. 2. Крестьянинъ Красичовъ и дворянинъ Рыльцевъ. Историческій рассказъ. — Ф. Н. Неслуховскаго. Адамъ Мицкевичъ и его друзья.—Н. И. Петрова. Очерки изъ Украинской литературы нынѣшняго вѣка. — П. А. Пономарева. Казанская общественная жизнь въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.—Н. В. Соронина Въ пещахъ Кара-Кумъ. (Изъ путевыхъ записокъ). — В. Я. Стоюнина. Яковъ Ворисовичъ Квляжинъ. Историко-литературный очеркъ. — М. И. Сухомлинова. Эпизодъ изъ литературы пятидесятыхъ годовъ.—Ф. Ш. Уманца. Горечь современнаго положенія. — Г. А. Утробина. Императоръ Александръ I и капитанъ Коротковъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). — А. Ф. Хойнацкаго. Варлаамъ Шишацкій, архіепископъ Могилевскій.

Въ отдѣлѣ бібліографіи намъ общано участіе А. Г. Бриннеромъ, Е. А. Бьловымъ, В. И. Герье, Е. Е. Замысловскимъ, Л. Н. Майновымъ, О. Ф. Миллеромъ и А. П. Милоновымъ.

Изъ переводныхъ сочиненій будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія: Записки князя Меттерниха.—Записки госпожи Ремюза.—Воспоминанія актера Шнейдера.—Воспоминанія Армана Домерга, бывшаго режиссера французскаго театра въ Москвѣ.—Новый всемірный потопъ. Историческій романъ Роденберга.

ИЗДАТЕЛЬ-РЕДАКТОРЪ «ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА» С. И. ШУБНИНСКІЙ.

1-го ноября вышла и разослана подписчикамъ XI-я, ноябрьская, книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. Русскій Дворъ въ 1725 — 1744 гг. Замѣчанія гр. Петра Ивановича Панина на записки Манштейна о Россіи.—II. Еоленія крестьянъ въ Зауральской части Пермскаго края въ 1842—1843 гг. Записки очевидца. Сообщ. М. С. Валевскій.—III. Записки сельскаго священника: Въ духовномъ училищѣ. — Въ хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ. — Обѣздъ епархіи.—Молокане.—Въ монастырѣ.—Пресвященный Іаковт.—Въ семинаріи.—IV. Осипъ Максимовичъ Бодянской въ 1835—1850 гг. Ст. Н. А. Попова.—V. Польское возстаніе въ 1863 г. Записки Н. В. Берга. Глава IX (продолженіе): Траугутъ и новый жондъ.—Рѣчь Траугута.—Пожаръ Ратуши.—Повушеніе противъ генерала Трепова.—Бѣгство высшихъ чиновъ народной организаціи.—Странствія экспедитуръ.—Учрежденіе повстанскихъ корпусовъ.—Поляки на Черномъ Морѣ.—Гарибальди.—Военные расходы жонда.—VI. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, Глава IV: Пребываніе въ селѣ Михайловскомъ.—Переписка съ Анисю Петровною Кернъ.—П. А. Осипова, 1825—1826 гг.—VII. Историческіе матеріалы и разказы: 1. Слово Андрея Денисова надъ гробомъ кн. Мышетскаго—поборника раскола.—2. Могила историка Татищева.—3. Архіепископъ Иринея Нестеровичъ.—4. Первая холера въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губ.—5. А. С. Хомяковъ и гр. А. А. Закревскій.—6. Разказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго.—7. Исчезновеніе Историческаго Музея въ Новгородѣ. Сообщ. А. А. Васильчиковъ.—VIII. Непролгъ: С. М. Соловьевъ, † 4-го октября 1879 года.—IX. Библиографическій листокъ.

Приложенія: Портретъ архіепископа иркутскаго Иринея Нестеровича—умеръ въ 1864 г. Рисоваль на деревѣ К. О. Брожь; гравироваль въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.—II. Снимокъ съ подлиннаго письма Александра Сергѣевича Пушкина къ А. П. Кернъ, 1825-го года.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» (одиннадцатый годъ)
изд. 1880 г. принимается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, Нев-

скій проспектъ, д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіи 1880 г. непременно при каждой книгѣ) восемь руб. съ пересылкой.

Можно получить: «Русскую Старину» съ портретами: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 г. (съ десятью гравированными на мѣди и на деревѣ портретами) 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами и 1879 г. съ гравированными при каждой книгѣ портретами. Цѣна за каждый годъ 8 руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. Семеновскій.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЪ ГАВИРОВАННЫМИ ПОРТРЕТАМИ РУССКИХЪ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ,

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ,

будетъ выходить въ 1880 году на тѣхъ же основаніяхъ, въ томъ же объемѣ, 12 книгъ, и въ тѣ же сроки — 1-го числа каждаго мѣсяца.

Цѣна съ пересылкой восемь рублей.

Подписка принимается для иногородныхъ исключительно въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «РУССКОЙ СТАРИНЫ»—Большая Подъяческая, домъ № 7.

Городскіе подписчики обращаются въ конторы редакціи: въ Петербургѣ, Невскій проспектъ, магазинъ Мамонтова, д. № 46; въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова и Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. Г. МАРТЫНОВА.

(Невскій проспектъ, № 46, въ С.-Петербурѣ)

Продается новый историческій романъ

Е. П. КАРНОВИЧА.

ЛЮБОВЬ И КОРОНА

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

Императрицы Анны Ивановны и регентства принцессы
Анны Леопольдовны.

Предлагаемый публикѣ историческій романъ «Любовь и корона», Е. П. Карновича, относится къ весьма интересной, исполненной драматизма, эпохѣ нашей исторіи, когда двѣ молодыя соперницы-родственницы считали каждая себя въ правѣ обладать русскою императорскою короною, и когда приверженцы одной изъ нихъ, именно цесаревны Елизаветы Петровны, дѣйствуя смѣло и рѣшительно, лишили власти правительницу, принцессу Мекленбургскую Анну Леопольдовну, намѣревавшуюся уже объявить себя царствующею государынею. Обстоятельства, какъ прелестествовавшія этому государственному перевороту, такъ и послѣдовавшія за нимъ, а именно: положеніе Анны при дворѣ ея тетки-императрицы, любовь молодой дѣвушки къ саксонскому посланнику графу Ленару, имѣвшему на нее неограниченное вліяніе, столкновеніе принцессы съ Бирономъ, извложеніе послѣдняго, какъ регента, отношенія Анны къ Елизаветѣ, печальная судьба бывшей правительницы и ея семейства—все это доставило автору благодарный матерьялъ для подробной обрисовки не только дѣйствовавшихъ тогда лицъ, но и характера всей избранной имъ эпохи.

Въ этомъ сочиненіи г. Карновича, государственныя и дворцовыя событія, равнымъ образомъ и всѣ особые случаи, изложены съ историческою точностію, и основаніемъ для каждаго отдѣльнаго или вводнаго разсказа служили ему дѣйствительныя, а не вымышленныя событія. Если же иногда авторъ и допускалъ незначительныя отступленія отъ исторической точности, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовалъ драматизмъ разсказа, или же въ описаніяхъ, для полноты которыхъ необходимо было собирать однородныя подробности, относившіяся въ тогдашней бытовой обстановкѣ. Но и при этихъ отступленіяхъ авторъ все-таки строго придерживался сказаній того времени, наблюдая, чтобы разсказъ его постоянно сохранялъ духъ и отпечатокъ описываемой имъ исторической эпохи и чтобы въ него не вкрадывался праздный вымыселъ, чуждый дѣйствительности. При такихъ условіяхъ, предлагаемое сочиненіе г. Карновича является простымъ историческимъ повѣствованіемъ, оживленнымъ въ его частностяхъ и подробностяхъ картинами, нарисованными такими чертами и такими красками, какими авторъ только могъ пользоваться при тщательномъ и разностороннемъ изученіи изображаемой имъ эпохи и всѣхъ имѣющихся для того источниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Подобныя произведенія, увлекаая читателя романической интригой, невольно знакомятъ его и съ характеромъ дѣйствительныхъ историческихъ лицъ и событій даннаго времени.

Цѣна 2 рубля. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Оканчивается печатаніемъ и скоро поступитъ въ продажу
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

сочиненіе **Е. П. КАРНОВИЧА.**

Мальтійскіе рыцари въ Россіи

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

Царствованія Императора Павла Петровича.

сеть, Майльсъ предавался все болѣе и болѣе горю, унынію, отчаянію. Онъ рѣдко видѣлъ въ это время Адриенну, или, лучше сказать, рѣдко ходилъ къ ней, но каждый разъ, какъ онъ встрѣчался съ нею, онъ все яснѣе видѣлъ, какая произошла въ ней разительная перемяна, какъ она краснѣла и опускала глаза подъ его пронизательными взорами, какъ быстро сглаживалось въ ней то теплое сочувствіе, которое она когда-то къ нему питала. Однажды онъ увидалъ ее на улицѣ, и только-что хотѣлъ подойти къ ней, какъ его опередилъ Себастьянъ Малори, и съ улыбкой заговорилъ съ нею. Этого зрѣлища было достаточно для Майльса; съ отчаяніемъ въ сердцѣ, онъ повернулъ въ сосѣдній переулокъ. Раза два онъ говорилъ съ нею о Себастьянѣ и даже спрашивалъ у нея подробности объ ихъ прежнемъ знакомствѣ, но она только краснѣла, смущалась и ничего не отвѣчала. Все это заставило его, наконецъ, прекратить совершенно свои посѣщенія Стонгэта.

«Если она нами дорожить и сама стѣнитъ чего-нибудь, разсуждалъ онъ самъ съ собою: — то она придетъ къ намъ, чтобъ посмотрѣть хоть на Мэри. Поэтому, я ее увидаю. Если она придетъ, то я совладаю съ своимъ сердцемъ и буду довольствоваться ея дружбой. Если же она не придетъ, то я ее возненавижу, забуду и освобожусь навѣкъ отъ проклятія, тяготящаго надо мною съ той минуты, какъ я ее впервые увидалъ».

Проходили дни, недѣли, и Адриенна не показывалась въ скромномъ жилищѣ на Городскомъ Полѣ; но Майльсъ не питалъ къ ней ненависти и не забылъ ея. Проклятѣе тяготѣло надъ нимъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, и его жизнь была самая несчастная. Дни тянулись безъ конца; работа была половинная, и онъ не зналъ какъ убить свободное время. Онъ сидѣлъ дома или въ библиотекѣ, окруженный книгами, и усердно читалъ, но не понималъ ни слова.

Свое личное горе и общее бѣдствіе, разразившееся надъ всѣмъ Ланкаширомъ, не давали покоя Майльсу и поѣдомъ ѣли его сердце. Вотъ почему, идя на фабрику, въ это холодное мартовское утро, онъ молчалъ, стиснувъ зубы, и наклонивъ голову, чтобъ предохранить лицо отъ безжалостно-хлеставшаго дождя.

Мэри была такъ же несчастна и даже съ избыткомъ. Ея сердце было переполнено въ послѣднія недѣли роковымъ страхомъ, о которомъ она никому не говорила еще ни слова.

— И вѣдь надобно же, говорила она себѣ: — чтобъ это случилось именно въ такое время, когда я не могу доставить ему необходимаго покоя.

Она, однако, не унывала, ревностно исполняя свои обязанности

на фабрику, и дома, где ее трудъ былъ гораздо тяжелѣе. Она съ нѣжной улыбкой ухаживала за Эдмундомъ и старалась поддерживать мужество Майльса, мрачное отчаяніе котораго терзало ее душу. Но все-таки тайныя заботы точили ее, щеки у нея впади, губы приняли жесткую, непривычную складку, на молодомъ лбу ее показались морщины и глаза приняли задумчивый, печальный видъ. Ея лицо было всегда добрымъ, хорошимъ, а теперь оно дышало благороднымъ достоинствомъ мужественно переносящаго горя.

Войдя въ большое отдѣленіе фабрики, освѣщенное газомъ, Майльсъ пошелъ въ свою сторону, а Мэри въ свою. Какъ душно было тутъ въ сравненіи съ сырмъ холодомъ на улицѣ. Молодая дѣвушка принялась за работу и вскорѣ нѣсколько забыла свои горькія заботы и опасенія подъ оглушающій шумъ машины и говоръ своей товарки.

— Мы вскорѣ останемся безъ работы, Мэри, сказала, между прочимъ, послѣдняя: — Вильсонъ говорилъ при мнѣ, что намъ долго не продержаться.

— Что? вослинула, вздрогнувъ Мэри:—я надѣюсь, это неправда. Что мы станемъ дѣлать безъ работы?

— И еще я слышала, продолжала работница, пожимая плечами:—что если у насъ и продолжится работа, то будетъ индѣйскій хлопокъ. Я лучше останусь безъ работы, но съ этой дрянью не могу возиться.

— Мнѣ все равно, что бы ни работать, только бы имѣть кусокъ хлѣба, отвѣчала Мэри.

— Ты проработаешь съ индѣйскимъ хлопкомъ двѣнадцать часовъ и получишь всего шесть шиллинговъ въ недѣлю.

На этомъ разговоръ прервался и Мэри продолжала молча свою работу.

Въ половинѣ перваго въ дверяхъ показался Вильсонъ и громко крикнулъ:

— Потрудитесь всѣ выйти на пять минутъ на большой дворъ. Я имѣю кое-что сообщать вамъ.

Черезъ нѣсколько секундъ, толпа рабочихъ и работницъ высыпала изъ всѣхъ отдѣленій. Вильсонъ вскочилъ на какой-то ящикъ, стоявшій въ углу, и громко прочелъ слѣдующую бумагу:

«Симъ объявляю, что съ пятницы марта*** фабрика будетъ закрыта по случаю настоящаго полженія хлопчатобумажнаго дѣла вслѣдствіе американской войны. Въ то же время, желая сохранить при себѣ всѣхъ рабочихъ и спасти ихъ, насколько возможно, отъ нищеты, я беру на себя, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, и доколѣ явится возможность лучшаго, доставку

имъ средствъ пропитанія, а съ тѣхъ, которые занимаютъ у меня квартиры, не будетъ взыскиваться арендная плата до наступленія болѣе счастливыхъ дней. Каждый глава семейства сямъ приглашается пожаловать на фабрику въ понедѣльникъ въ три часа, когда объявятся условія, на которыхъ будетъ производиться помощь, и составятся списки. Искренно умоляю васъ стоять мужественно другъ за друга въ эту тяжелую годину и ревностно помогать мнѣ поддерживать порядокъ и оказать всѣмъ возможную помощь.

Себастьянъ Малори».

Наступило молчаніе; потомъ послышался говоръ и, наконецъ, попытка выразить громкое одобреніе. Нѣкоторые изъ женщинъ отирали глаза передниками, два-три работника махали фуражками. Мѣстами слышались восклицанія:

— Вотъ это хорошо!

— Молодецъ хозяинъ!

— Мы съ нимъ не пропадемъ!

Чувство живѣйшей благодарности наполняло всѣ сердца, хотя, по обычаю ланкаширцевъ, не выразалось внѣшними шумными проявленіями. Но еще болѣе благодарности овладѣло всѣми мрачное сознаніе стыда и униженія, сознаніе, что горькую чашу ничѣмъ не подсластить и что въ сущности бѣдные рабочіе ничѣмъ ея не заслужили. Себастьянъ очень благоразумно поручилъ Вильсону прочесть свое заявленіе. Рабочіе смотрѣли на Вильсона, какъ на одного изъ своихъ товарищей, и онъ самъ долженъ былъ потерпѣть отъ разразившагося бѣдствія. Униженіе было бы слишкомъ смертельно, еслибъ Себастьянъ лично объявилъ о предлагаемой имъ милостынѣ. Онъ, какъ всѣ хозяева, выручалъ значительныя прибыли въ эту первую эпоху хлопчатобумажнаго голода. Его набитыя товаромъ кладовыя быстро освобождались по выгодной цѣнѣ отъ накопившагося излишняго производства послѣднихъ лѣтъ, а невозможность получить хлопковъ, несомнѣнно хранившійся въ изобиліи гдѣ-то въ Манчестерѣ или Ливерпулѣ, позволялъ ему прекратить работу на фабрикѣ, а, слѣдовательно, платить жалованье рабочимъ. Это первое время паники было исключительно тяжелымъ для однихъ рабочихъ, капиталисты еще только увеличивали свои барыши. Однако, всякаго дальновзораго фабриканта безпокоила мысль о судьбѣ своихъ рабочихъ, ловкихъ, искусныхъ, знающихъ, умѣлыхъ, которые, однажды разбѣянные повсюду, пропали бы для него навѣки, такъ что, при открытіи снова работъ, онъ нигдѣ не нашелъ бы равныхъ имъ рукъ. Этотъ вопросъ о сохраненіи рабочихъ и объ оказаніи имъ помощи въ такой формѣ, которая не

*

слишком унижала бы и развращала ихъ, составляя самую тяжелую заботу всѣхъ благонамѣренныхъ хозяевъ и общественныхъ людей Англїи. Эта задача, надо сознаться, была благородно разрѣшена всей страной.

Однако, въ это время, хотя хлопчатобумажный голодъ быстро распространился и каждую недѣлю закрывалось все большее и большее число фабрикъ, еще не была пущена въ ходъ организованная система помощи голодающимъ, эта гигантская машина, ничего равнаго которой свѣтъ еще никогда не видалъ. Но Себастьянъ Малори, послѣ долгихъ совѣщаній съ мистеромъ Сутклифомъ, рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, самъ, личными средствами, оказать помощь своимъ рабочимъ, и слѣдствіемъ этого была бумага, которую прочелъ Вильсонъ.

Рабочіе разошлись. Мэри Гейвудъ, замѣтивъ брата у наружныхъ воротъ, подошла къ нему и вопросительно взглянула на него. Но въ ту же минуту ея взглядъ принялъ выраженіе ужаса. Майльсъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, губы его были стиснуты, глаза метали молніи. Слова замерли на устахъ бѣдной дѣвушки.

— Ступай домой, сказалъ онъ такъ тихо и спокойно, что ея сердце немного успокоилось: — у меня есть еще дѣло здѣсь, но я вскорѣ приду.

Она молча повиновалась, а Майльсъ остался ждать у воротъ, пока ушли всѣ рабочіе, и въ конторѣ остался одинъ Вильсонъ. Тогда онъ быстро направился въ столь хорошо знакомую ему комнату. Твердая, суровая рѣшимость воодушевляла все его существо.

— Это вы, Майльсъ, сказалъ Вильсонъ, поднимая голову отъ конторки: — что вамъ надо?

— Я пришелъ заявить, чтобы вычеркнули въ книгахъ мое имя и имя моей сестры. Мы не хотимъ болѣе работать на этой фабрикѣ.

— Пустяки. Это только временная прїостановка работъ. Времени поправятся, хотя теперь они и кажутся мрачными. Къ тому же Малори не скоро лопнетъ.

— Я никогда не буду работать болѣе на этой фабрикѣ, ни я, ни Мэри, повторилъ твердо Майльсъ: — пожалуйста, вычеркните наши имена изъ списка рабочихъ и помните, Вильсонъ, что если кто-нибудь придетъ ко мнѣ въ домъ съ милостыней отъ имени моего хозяина, то я выгоню его въ шею.

— Вы съ ума сошли, Майльсъ! воскликнулъ Вильсонъ: — вы не обдумали здраво то, что говорите. Какъ вы продержитесь безъ помощи? И еще въ виду такого благороднаго...

— Сдѣлайте то, что я васъ прошу, и не забудьте моихъ словъ. Я всегда держу свое обѣщаніе.

И, повернувшись, онъ ушелъ изъ конторы. Вильсонъ посмотрѣлъ въ слѣдъ этому гордому юношѣ, смертельная блѣдность котораго и мрачное отчаяніе, блестящее въ его глазахъ, произвели на него самое грустное впечатлѣніе. Потомъ онъ покачалъ головой и промолвилъ:

— Не хорошо, голубчикъ! вѣдь придется же тебѣ смирить свою буйную голову, такъ не лучше ли сдѣлать это сразу, не переноса страшныхъ лишеній?

Между тѣмъ, Майльсъ направился домой. Ему теперь дышалось гораздо свободнѣе и тѣнь румянца показалась на его щекахъ. Если теперь онъ встрѣтитъ Себастьяна Малори, то въ правѣ бросить на него какой угодно вызывающій взглядъ злобы и ненависти. Онъ чувствовалъ какую-то странную отраду въ сознаніи, что хотя лишь нѣсколько фунтовъ стерлинговъ отдѣляли его отъ нищеты, но онъ не зависѣлъ отъ Малори.

Придя домой, онъ нашелъ кухню пустой и обѣдѣ, далеко не столь обильной, какъ прежде, не готовымъ, хотя столъ былъ, по старому, чисто накрытъ. Онъ сѣлъ мрачный, съ нахмуренными бровями, и сталъ ждать. Вскорѣ Мэри сошла внизъ, очень грустная. На глазахъ ея не было слезъ, но что-то говорило въ нихъ объ искреннемъ горѣ.

— Гдѣ же Эдмундъ?

— Эдмундъ въ постели, Майльсъ.

— Въ постели! произнесъ онъ, видимо удивляясь: — что съ нимъ?

— Да онъ плохъ уже шесть недѣль. Я не знаю, что именно съ нимъ, Докторъ говоритъ, что у него изнурительная горячка.

— Докторъ? повторилъ онъ съ еще большимъ изумленіемъ: — что это все значить, Молли?

— О, Майльсъ! еслибы ты не былъ такъ задумчивъ все это время, то, конечно, замѣтилъ бы, что бѣдный Эдмундъ совсѣмъ пропадаетъ.

Она не могла окончить своихъ словъ и упала на стулъ, закрывъ лицо руками. Майльсъ посмотрѣлъ на нее съ испугомъ. Тысячи мелочей теперь воскресли въ его памяти: озабоченный видъ Мэри, пунцовыя щеки Эдмунда, его молчаливость... и онъ ничего не замѣчалъ, дикій уродъ!

— Сегодня онъ такъ слабъ, что не можетъ сидѣть, продолжала Мэри: — и я боюсь, что онъ никогда уже болѣе не поправится.

Съ этими словами она встала и начала подавать обѣдѣ,

хотя, въ сущности, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ никакого аппетита.

— Когда Вильсонъ прочелъ, что фабрика закроется въ пятницу, то сердце у меня повернулось, сказала она, думая развлечь брата:—но при послѣднихъ его словахъ, я едва не прыгнула отъ радости. Мистеръ Малори долженъ быть прекрасный человекъ, и нашъ Эдмундъ теперь не умретъ съ голода.

— Мэри! воскликнулъ онъ, вскакивая съ мѣста, и такимъ страннымъ голосомъ, что она взглянула на него и увидѣла, какъ и у воротъ фабрики, то же смертельно блѣдное лицо и тѣ же сверкавшіе ненавистью глаза:—никогда не называй при мнѣ имени этого человекъ! прибавилъ онъ, подходя къ ней и схватывая ее за руку:—я велѣлъ Вильсону вычеркнуть мое имя и твое изъ списка рабочихъ и сказалъ, что вытолкаю въ шею всякаго, кто вздумаетъ предложить мнѣ милостыню. Я умру, какъ собака, прежде чѣмъ возьму отъ него кусокъ хлѣба или позволю кому-нибудь изъ своихъ воспользоваться его милостями.

— Это даже... начала Мэри, но Майльсъ перебилъ ее.

— Молли, я отъ тебя этого не ожидалъ. Развѣ ты не понимаешь, что означаетъ эта козьякая милость? Вѣдь это значитъ, что мы, семьсотъ рабочихъ, будемъ, какъ нищіе, питаться его милостыней и ничего не работать, въ замѣнъ получаемыхъ денегъ. У тебя умъ помутился отъ излишнихъ заботъ, иначе ты никогда не согласилась бы на такое униженіе.

— Но чѣмъ же мы будемъ жить? спросила Мэри, которая понимала только, что они были рабочіе на фабрикѣ мистера Малори и что онъ, какъ великодушный хозяинъ, цѣня своихъ рабочихъ, хотѣлъ имъ помочь въ теперешнемъ несчастномъ ихъ положеніи:—ты всегда былъ противъ хозяина, но если намъ грозитъ голодная смерть, то что же намъ дѣлать?

Ни Мэри, ни Майльсъ, здѣсь встали замѣтить, не упоминали о своей матери или о возможности получить отъ нея помощь. Позднѣе, въ самые черные дни хлопчатобумажнаго голода, Мэри отправилась къ матери и объяснила ей, въ какомъ отчаянномъ положеніи они находились. Мистрисъ Гойль сухо отвѣчала, что всѣ ея деньги положены въ торговое дѣло ея мужа, и что она не имѣетъ ни малѣйшаго надъ ними контроля. Это было справедливо: она совершенно отдала свое маленькое состояніе мужу и когда въ 1863 г. мистрисъ Гойль умерла отъ неожиданной, быстро унесшей ее въ могилу болѣзни, оно навсегда перешло въ его руки.

— Мы еще не умираемъ съ голода, отвѣчалъ Майльсъ на послѣднее замѣчаніе сестры:—у меня отложено фунтовъ десять,

да и у тебя есть кое-что. Конечно, мы думали собрать эти деньги, но теперь всѣмъ рабочимъ придется употребить отложенные на черный день гроши.

— Э! голубчикъ, отвѣчала Мэри съ грустнымъ смущеніемъ: — у меня была такая бездѣлица, и я все издержала на необходимыя покупки для Эдмунда, по приказанію доктора. Я ничего тебѣ не говорила, видя, что ты чѣмъ-то очень озабоченъ. У меня осталось лишь нѣсколько шиллинговъ.

Онъ выпустилъ ее руку и отвернулся. Такъ вотъ что ему предстояло: лечить больного брата, содержать сестру и платить за наемъ дома, а на все это у него было десять фунтовъ стерлинговъ и нѣсколько шиллинговъ. Несмотря на все его мужество и силу воли, онъ печально задумался; мрачная дѣйствительность его давила.

— Я подумаю обо всемъ этомъ, Мэри, сказалъ онъ наконецъ: — десяти фунтовъ намъ хватитъ на долго, ты такая славная, экономная хозяйка.

Мэри ничего не отвѣтила. Она знала очень хорошо, какъ быстро исчезнуть эти десять фунтовъ при болѣзни Эдмунда, и правильное, еженедѣльное пособіе, отъ котораго гордо отказался Майльсъ, казалось ей теперь положительнымъ богатствомъ.

— Майльсъ, произнесла она послѣ продолжительнаго молчанія:— у тебя, можетъ быть, есть причина сердиться на хозяина, но я ничего не имѣю противъ него. Я, право, не понимаю, почему мнѣ не принять отъ него пособія ради Эдмунда. Тебѣ объ этомъ не надо и знать.

— Мэри! началъ молодой работникъ съ жаромъ, но въ то же мгновеніе одумался, поборолъ свой гнѣвный пылъ и, вполне сознавая, что не имѣлъ никакого права изъ своего личнаго каприза лишать куска хлѣба больного брата и добрую, любящую дѣвушку, готовую на всякую жертву для него, онъ спокойно прибавилъ:— я объ этомъ не подумалъ. Ты права, Молли. Бери пособіе, мнѣ будетъ это очень горько, но пришли такія тяжелыя времена, что намъ придется многое перенести. Я же, съ своей стороны, найду работу... быть можетъ, и вдали отсюда. Убхать мнѣ всего лучше. Я очень глупо дѣлаю, что остаюсь.

Эти слова, произнесенныя съ стиснутыми зубами и блѣднымъ лицомъ, обдали холодомъ Мэри. Она не понимала ихъ, но чувствовала, что ей грозило какое-то страшное несчастье. Она пристально посмотрѣла на брата; во всей его фигурѣ было что-то странное.

— Шш! Шш! воскликнула она, бросаясь къ нему на шею и горячо цѣлуя его: — ты не долженъ такъ говорить. Я скорѣе

умру какъ собака, чѣмъ возьму грошъ у человѣка, котораго ты не любишь. Я вѣдь только потому тебѣ противорѣчила, что не знаю, какъ свести концы съ концами въ это трудное время, особливо при болѣзни бѣднаго брата. Но, пожалуйста, не говори никогда, что ты уѣдешь отсюда.

Она полуулыбалась и полуплакала. Майльсъ какъ бы растаялъ подъ ея поцѣлуями, и, обнявъ ее, сталъ цѣловать ея шелковистые волосы. Онъ говорилъ себѣ, что вотъ настоящая любовь и что онъ дуракъ, если убивается ради женщины, которая никогда его не полюбитъ.

— Не принимай такъ въ сердце моихъ словъ, милая Молли, сказалъ онъ: — поступиай, какъ ты думаешь лучше и не говори мнѣ объ этомъ ни слова. У меня есть причина, по которой я никогда не приму ни гроша отъ Малори! кусокъ его хлѣба застрялъ бы въ моемъ горлѣ.

— Развѣ онъ тебя чѣмъ нибудь обидѣлъ?

— Нѣтъ, онъ мнѣ не желаетъ зла, но такъ уже сложились обстоятельства, Молли. Однако, обѣдъ совсѣмъ холодный. А потомъ я пойду на верхъ и посижу съ бѣднымъ Недомъ.

Передъ ними открывалась мрачная, безнадежная будущность, но послѣ этого разговора у нихъ было какъ-то легче на сердцѣ и они чувствовали болѣе силъ для преодоленія преградъ.

II.



Три года тому назадъ.

Вечеромъ въ этотъ памятный день, Себастьянъ Малори, мистеръ Сутклифъ и Вильсонъ имѣли продолжительное совѣщаніе о принятіи необходимыхъ мѣръ для сохраненія порядка и лучшей, наиболѣе справедливой раздачи пособій. Среди этихъ разсужденій, Себастьянъ спросилъ, сколькимъ рабочимъ надо было выдавать пособіе. Вильсонъ прежде, чѣмъ отвѣтить, просмотрѣлъ длинный списокъ именъ и адресовъ.

— Всѣхъ рабочихъ рукъ, сэръ, семьсотъ тридцать, сказалъ онъ: — но намъ придется имѣть дѣло только съ главами семействъ. Около дюжины не будутъ нуждаться въ помощи, а четверо уже вычеркнули въ нашихъ книгахъ свои имена.

— Кто это?

— Твачъ Франкъ Митчель: у него братъ въ Канадѣ; узнавъ объ остановкѣ работы, онъ тотчасъ рѣшился ѣхать къ брату,

который уже давно зоветъ его на свою ферму и даже прислалъ деньги на провѣздъ; потомъ Майльсъ и Мэри Гейвудъ...

— Эти почему? спросилъ поспѣшно Себастьянъ.

— Ну, сэръ, Майльсу Гейвуду слишкомъ тяжело принимать отъ кого бы то ни было пособіе. Онъ ужасно гордъ и не хотѣлъ слушать моихъ совѣтовъ.

— Объяснилъ онъ чѣмъ-нибудь свой отказъ?

— Нѣтъ, сэръ. Онъ мнѣ никогда не объясняетъ своихъ дѣйствій.

— Онъ въ числѣ моихъ арендаторовъ?

— Нѣтъ, сэръ. Онъ живетъ на Городскомъ полѣ, № 16.

— А, хорошо, отвѣчалъ Себастьянъ и продолжалъ свои занятія.

Въ тотъ же самый вечеръ, но гораздо позднѣе, Себастьянъ Малори отправился въ Стонгэтъ и засталъ Адриенну одну за фортепіано. Увидавъ его, она встала; лицо ея было блѣдно, а глаза грустны.

— Я надѣюсь, что вы въ добромъ настроеніи духа, сказалъ молодой человекъ:—потому что я пришелъ къ вамъ съ просьбой.

— Я очень рада, если могу вамъ быть въ чемъ-нибудь полезной.

— Вы слышали, что мы съ пятницы прекращаемъ работу.

— Прекращаете работу! Что же будетъ... съ бѣдными рабочими?

— Я думалъ... началъ Себастьянъ, но закусилъ губу.

Онъ не хотѣлъ хвастаться передъ нею своимъ великодушіемъ и перемѣнилъ тотчасъ дрожавшую на его губахъ фразу.

— Я посоветовался съ моимъ управляющимъ, мистеромъ Сутклифомъ и мы рѣшили, что всего благоразумнѣе мнѣ самому выдавать пособіе моимъ рабочимъ, по крайней мѣрѣ, на время.

— Вы оставите на фабрикѣ всѣхъ рабочихъ? спросила съ жаромъ молодая дѣвушка.

— Это лучший и самый дешевый выходъ изъ теперешняго затруднительнаго положенія, отвѣчалъ онъ:—и я хотѣлъ васъ попросить...

— Это хорошо, это великодушно и я очень рада, что вы на это рѣшились! воскликнула она, съ сверкающими глазами, и посмотрѣла на него пристальнѣе, чѣмъ въ продолженіи многихъ недѣль, хотя все-таки взглядъ ея не выражалъ полного довольства.

Себастьянъ не часто терялъ голову, но теперь онъ покраснѣлъ отъ смущенія и удовольствія.

— Я очень радъ, что вы одобряете нашъ планъ, промолвилъ онъ.

— Я вполне одобряю. Это будетъ такой прекрасный примѣръ.

— Примѣръ! ахъ, да! Но вернемся къ моей просьбѣ. Сутклифъ полагаетъ, что нельзя допустить, чтобы рабочіе оставались праздными, и мы рѣшили открыть двѣ школы, одну для мужчинъ и мальчиковъ, а другую для женщинъ и дѣвочекъ. Во главѣ каждой изъ нихъ надо поставить разумную, энергичную личность. Не возьмете ли вы въ свое завѣдываніе женскую школу?

— Но мистрисъ Малори... Можетъ быть, она захочетъ...

— Нѣтъ. Она не приметъ въ дѣлѣ никакого участія, кромѣ пожертвованія денегъ. Она, кажется, не одобряетъ моей рѣшимости и хочетъ держаться въ сторонѣ. Вы отлично справились бы съ этимъ дѣломъ, конечно, если мистеръ Блиссетъ можетъ уступить васъ на время для этого благородія. Я знаю, что вы были бы отличной начальницей школы, и вотъ почему я обратился къ вамъ съ этой просьбой.

— Если дядя не будетъ имѣть ничего противъ, я согласна, отвѣчала Адриенна своимъ обычнымъ тономъ, т. е. нѣсколько сухо и отрывисто.

— Это не будетъ игра, продолжалъ Себастьянъ, послѣ минутнаго молчанія, во время котораго онъ тщетно старался понять, почему Адриенна была съ нимъ такъ сдержанна, словно ихъ раздѣляла бѣздна: — вамъ придется тяжело работать. Если же работы будетъ слишкомъ много...

— Нѣтъ, у меня хватить силъ, отвѣчала молодая дѣвушка и въ глазахъ ея неожиданно показалось живое выраженіе; но что именно они выражали, онъ не могъ сказать: — мнѣ нужна такая работа, тяжелая, всепоглощающая. Но что придется мнѣ дѣлать? У васъ есть помѣщеніе для школы и учителя?

— Я хочу отдѣлать часть кладовой и поставлю тамъ скамейки. Это недолго устроить. Что же касается до учителей, то я думаю, что нѣкоторые изъ молодыхъ женщинъ, наиболѣе образованныя, могли бы преподавать, а потомъ... вы знаете миссъ Спенслей?

— Нѣтъ, отвѣчала Адриенна, покраснѣвъ.

— Она говоритъ, что любить трудъ и чувствуетъ въ немъ потребность, и я убѣжденъ, что она положитъ всю свою душу въ такое истинно благое дѣло. Но, можетъ быть, вы не желали бы знакомиться съ нею?

Адриенна задумалась. Могла ли она распространять свое прѣзрѣніе къ Фредрику Спенслею на всѣхъ его родственниковъ и мѣшать успѣху самаго дѣла изъ личныхъ антипатій?

— Нѣтъ, сказала она: — если вы думаете, что помощь миссъ

Спекслей будетъ полезенъ, то я съ удовольствіемъ буду работать съ нею.

— Конечно, вы будете главою, и этимъ устранятся всѣ затрудненія.

— Если вы мнѣ дадите списокъ именъ и адресовъ рабочихъ, сказала Адриенна:—то я пойду сама къ нимъ и увижу, что можно сдѣлать. Вѣроятно, Мэри Гейвудъ сообщитъ мнѣ свѣденія о многихъ изъ нихъ.

— Да, встаетъ! Майльсъ Гейвудъ, по той или другой причинѣ, отказался отъ всякаго пособія. Онъ вычеркнулъ свое имя и имя сестры изъ списка моихъ рабочихъ и гордо удалился съ фабрики.

Говоря это, онъ бросилъ на Адриенну пронизательный взглядъ. Она вспыхнула, встрѣтивъ его взглядъ, встала и, молча подойдя къ камину, стала поворачивать уголь.

— Позвольте, я распоряжусь съ каминомъ, сказалъ учтиво Себастьянъ, взявъ изъ ея рукъ кочергу, и, замѣтивъ на ея лицѣ сильное волненіе, прибавилъ съ сердцемъ: — не правда ли, это очень глупо? Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ имѣть сбереженный капиталъ, а работы теперь достать негдѣ.

— Онъ прекрасно поступилъ, сказала Адриенна, смотря прямо въ глаза молодому человѣку.

— Прекрасно? повторилъ онъ съ изумленіемъ, и приподнятая имъ въ эту минуту кочерга таеъ и осталась въ воздухѣ.

— Да, и я ему за это благодарна. Еслибъ онъ смиренно принялъ милостыню отъ васъ или отъ кого бы то ни было... то я ему этого никогда не простила бы.

— Можетъ быть, онъ это и зналъ, промолвилъ Себастьянъ самымъ мягкимъ тономъ и спокойно положилъ кочергу на мѣсто.

— Онъ не могъ это знать, отвѣчала поспѣшно Адриенна:—я съ нимъ не говорила уже нѣсколько недѣль. А еслибъ я и говорила... еслибъ онъ и зналъ...

— Онъ все же могъ это знать, перебилъ ее Себастьянъ.—Подумали ли вы серьёзно объ этомъ вопросѣ, миссъ Блиссетъ? Я знаю, что Гейвудъ вашъ другъ...

— Да, онъ мой другъ и большой, отвѣчала Адриенна рѣшительно.

Хладнокровный, наблюдательный глазъ Себастьяна примѣтилъ и неожиданный румянецъ на блѣдныхъ щекахъ, и блескъ глазъ, словно она собиралась съ силами, чтобъ встрѣтить какую-то опасность.

— Вы должны очень осторожно пользоваться своимъ вліяніемъ на него, сказалъ Себастьянъ.

— Я не вмѣю на него никакого вліянія. У него слишкомъ много характера и силы воли, чтобъ на него могла имѣть вліяніе такая дѣвчонка, какъ я.

Себастьянъ саркастически улыбнулся.

— Извините, но я думаю, что вы не совсѣмъ правы. Я убѣжденъ, что вы вліяете на него, и потому хорошо ли съ вашей стороны поддерживать въ немъ чувства, противорѣчащія его интересамъ?

— Его прямой интересъ не брать милостыни. Мистеръ Малорн! страшно подумать, чтобъ Майльсъ Гейвудъ былъ принужденъ просить милостыню. Мысль объ этомъ переворачиваетъ мое сердце, но я увѣрена, что онъ никогда до этого не дойдетъ. Бѣдный! какъ я его сожалею!

— Рако или поздно, а этимъ кончѣтся. Но вы говорите обо мнѣ такимъ тономъ, словно я поступилъ съ нимъ, какъ богачи, высокомерно бросающіе мѣдный грошъ бѣдняку и хвалящіеся своимъ благодѣаніемъ. Неужели вы думаете, что я на это способенъ?

Эти слова Себастьянъ, обыкновенно столь спокойный и тихій, произнесъ съ глубокой горечью и оживленіемъ.

— Нѣтъ, я этого ни мало не думала, отвѣчала Адриенна, все еще замѣтно взволнованная: — я не такъ несправедлива. Но я очень, очень рада, что онъ отказался отъ всякой милости. Я надеюсь, что онъ найдетъ себѣ какую-нибудь другую работу. Я даже надеюсь, что теперешнее бѣдственное положеніе послужитъ ему на пользу, заставляя его взяться за какое-нибудь занятіе, болѣе достойное, чѣмъ ручной трудъ на фабрикѣ, хотя бы и на вашей, прибавила молодая дѣвушка съ улыбкой.

— Конечно, онъ могъ бы занять гораздо высшее мѣсто. Вы были бы рады, еслибъ ему доставили такое мѣсто?

— Да, очень.

— Даже еслибъ для этого ему пришлось уѣхать отъ своихъ друзей и изъ своего родного города? продолжалъ Себастьянъ ironically.

— Д...даже и въ этомъ случаѣ.

— Ну... можетъ быть... ваше желаніе и исполнится.

Весь этотъ разговоръ далеко не удовлетворялъ Себастьяна. Мѣсяцъ тому назадъ, онъ нисколько не предполагалъ, чтобъ Майльсъ Гейвудъ занялъ въ его мысляхъ и заботахъ такое преобладающее мѣсто. Онъ перемѣнилъ разговоръ и, порѣшивъ съ Адриенной нѣкоторые практическіе вопросы относительно школы, удалился. Но, выходя изъ Стоугэта, онъ былъ вполне убѣжденъ, что Майльсъ Гейвудъ былъ его могущественный соперникъ и

это убѣжденіе возбудило въ немъ совершенно новое, чуждое для него чувство. Во всю свою жизнь онъ привыкъ спокойно рѣшать всякой вопросъ и потомъ такъ же спокойно исполнять свое рѣшеніе. Но теперь, къ его величайшему изумленію, онъ колебался между увѣренностью и сомнѣніемъ. Возвращаясь домой отъ Адриенны, онъ вспоминалъ всю исторію своей любви къ этой молодой дѣвушкѣ, и впервые спросилъ себя съ недоумѣніемъ, чѣмъ окончится эта исторія.

Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ нею познакомился. Въ Кобленцѣ былъ концертъ, исключительно посвященный классической музыкѣ. Адрианъ Блиссетъ игралъ на скрипкѣ, а его дочь на фортепiano, и Себастьянъ находился въ числѣ немногочисленныхъ слушателей, потому что обитатели Кобленца не отличаются особымъ пристрастіемъ къ классической музыкѣ. Быть можетъ, по причинѣ ихъ малочисленности, слушатели тѣмъ сочувственнѣе отнеслись къ концерту и его исполнителямъ; по крайней мѣрѣ, Себастьянъ Малори просидѣлъ два съ половиной часа, ни мало не скучая, и мысль уйти не пришла ему даже въ голову. По окончаніи концерта, онъ подошелъ къ двери маленькой комнаты, куда удалились артисты, и постучался; ему сказали войти. Извиняясь за беспокойство и назвавъ себя по имени, онъ выразилъ желаніе узнать, справедливо ли было его подозрѣніе, что нѣкоторыя изъ сыгранныхъ пьесъ сочиненіе самого ихъ исполнителя, хотя въ программѣ этого и не упомянуто. Онъ былъ правъ и, такъ какъ эти пьесы показались ему очень интересными по какой-то оригинальной, дикой красотѣ, то онъ вступилъ по этому предмету въ продолжительный разговоръ съ мистеромъ Блиссетомъ, которому онъ очень понравился своей, повидимому, искренней любовью къ музыкѣ.

Такъ началось это знакомство. Музыкантъ, всегда очень мрачный и несообщительный, былъ необыкновенно любезенъ и откровененъ съ Себастьяномъ. Онъ позволилъ Себастьяму навѣщать его и дочь. Адриенна сыграла ему нѣсколько пьесъ; онъ разговаривалъ съ нею и нашелъ ее прелестной.

Изъ Кобленца они отправились въ Вецларъ въ тщетной надеждѣ найти тамъ болѣе многочисленныхъ слушателей, а слѣдовательно и болѣе матеріальный успѣхъ. Однако, предполагаемый концертъ не состоялся, но за то случилось кое-что другое, Себастьянъ Малори послѣдовалъ за ними и провелъ цѣлую недѣлю въ обществѣ Адриенны. Они катались въ лодкѣ по тихой, сонной рѣкѣ среди луговъ и рощей, взлѣзали на колокольню стараго собора, откуда открывался великолѣпный видъ, и сидѣли

не раз на городской стѣнѣ, надъ Гётевскомъ колодецъ, смотря какъ дѣвушки приходили за водою.

— Мнѣ кажется, я вижу, какъ Германъ подходитъ къ Доротей и помогаетъ ей нести кувшинъ съ водою, сказала однажды Адриенна, погруженная въ поэтическія мечтанія.

— И я такъ же вижу, отвѣчалъ Себастьянъ, но въ сущности онъ видѣлъ совершенно иное и смотрѣлъ не на колодезь, а на молодую дѣвушку.

Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе влюблялся въ нее. Она была блестящей жемчужиной въ плохой оправѣ. Ея нѣжность, благородное достоинство среди лишений и горя, ея мужество въ борьбѣ съ жизнью возбуждали въ немъ искреннее уваженіе. Случайные проблески веселаго юмора, доказывавшіе, чѣмъ бы она могла быть, еслибъ солнце счастья пригрѣло ее своими лучами; ея умъ, граціозность, независимость и гордое, спокойное обращеніе съ нимъ, какъ съ равнымъ, словно она не знала его богатства и положенія въ свѣтѣ—все это приводило его въ восторгъ, и недѣля, проведенная имъ въ Вецларѣ, запечатлѣлась въ его памяти, какъ самая свѣтлая страница въ его жизни. Однажды утромъ, придя къ Адриеннѣ, онъ засталъ ее очень встревоженной. Она была одна и, послѣ долгихъ просьбъ, рассказала ему о своемъ горѣ. Одинъ изъ кредиторовъ ея отца очень тѣснилъ ихъ требованіемъ платежа по векселю, срокъ котораго уже давно вышелъ. Но не это одно обстоятельство привело ее въ отчаяніе, а, главное, мрачное настроеніе отца; онъ говорилъ, что лучше освободиться отъ жизни, когда она даетъ лишь страданія и лишенія. Онъ заперся въ свою комнату и не хотѣлъ ни видѣть ее, ни говорить съ нею. Это очень ее пугало и Себастьянъ видѣлъ впервые, что обычное мужество покинуло ее.

— Что мнѣ дѣлать? спрашивала она, ломая себѣ руки и смотря на него полными слезъ глазами.

— Предоставьте это мнѣ, миссъ Блиссетъ, я все устрою, отвѣчалъ онъ и, взявъ ее за руку, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что она еще болѣе смутилась.

Онъ всталъ и пошелъ къ мистеру Блиссету. Дѣло устроилось очень просто. Себастьянъ просилъ, чтобы мистеръ Блиссетъ взялъ у него въ займы триста талеровъ, которые ему были необходимы, и музыкантъ легко на это согласился, говоря, что онъ лучше желалъ быть должникомъ порядочнаго человѣка, чѣмъ ростовщикъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Себастьянъ возвратился къ Адриеннѣ и сказалъ, что все благополучно кончено.

Слезы брызнули у нея изъ глазъ, но, тотчасъ поборовъ свое волненіе, она промолвила:

— Нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы я для васъ не сдѣлала.

— Такъ пойдѣте покататься въ лодкѣ, отвѣчалъ онъ.

Они отправились на живописный берегъ Лана и только деликатность удержала молодого человѣка, во время этой прогулки, сдѣлать предложеніе. Но онъ рѣшился отложить это не на долго и на слѣдующій же день объясниться съ ея отцомъ.

Дѣйствительно, на другое утро, онъ пошелъ съ этой цѣлью въ квартиру музыканта, но хозяйка встрѣтила его словами:

— Они уѣхали съ первымъ поѣздомъ. Вчера ночью старикъ говорилъ очень сердито съ своей дочерью. Она плакала и я слышала, какъ она промолвила: «Это будетъ такъ неблагодарно». Но ея отецъ возражалъ, что онъ не можетъ перенести такого бремени и что необходимо уѣхать. Потому они уложились и были таковы.

— Куда они поѣхали? спросилъ Себастьянъ, пораженный, какъ громомъ.

— Почему я знаю. По всей вѣроятности, въ Франкфуртъ, потому что утренній поѣздъ идетъ прямо туда; но говорятъ, что изъ Франкфурта можно ѣхать куда угодно, даже въ Африку.

Себастьянъ былъ убѣжденъ, что причиной этого неожиданнаго отъѣзда была не Адриенна, а болѣзненная гордость ея отца, который не могъ переносить общество человѣка, оказавшаго ему благодѣяніе. Онъ тотчасъ отправился въ слѣдъ за ними, но всѣ его поиски ни къ чему не привели. Старый музыкантъ и его дочь исчезли.

Однако, любовь молодого человѣка нисколько не уменьшилась отъ этой насильственной разлуки; напротивъ, она стала только глубже и сильнѣе. Вполнѣ убѣжденный, что только она одна на свѣтѣ могла составить его счастье, онъ не сомнѣвался, что рано или поздно она будетъ его женою и ждалъ терпѣливо этой радостной минуты. Адриенна была для него идеаломъ женщины, нѣжной, искренней, безупречной, умной, скромной, очаровательной.

Въ подобномъ настроеніи онъ возвратился домой, гдѣ его ожидали не очень удовлетворительныя отношенія къ матери, заботы о своихъ рабочихъ, по случаю хлопчатобумажнаго голода, знакомство съ Еленой Спенслей, и неожиданная встрѣча съ Адриенной Блиссетъ, которая, конечно, еще болѣе усилила его убѣжденіе, что она вскорѣ будетъ его женою. Рядомъ съ Еленой, Адриенна казалась фіалкой подлѣ розы. Елена была блестящей красавицей, но она представляла; полнѣйшій контрастъ со всѣмъ, что въ теченіи трехъ лѣтъ онъ считалъ самымъ прелестнымъ и достойнымъ уваженія въ женщинѣ. Однако, онъ все-таки думалъ объ Еленѣ. Она была моложе Адриенны, менѣе образо-

вана, отличалась дикимъ пыломъ, пристрастными мнѣніями, вспыльчивой натурой.

— Но она очаровательна, говорилъ самъ себѣ Себастьянъ и тотчасъ прибавлялъ наивно:— вотъ Гюгъ въ восторгѣ отъ нея и это понятно, онъ молодъ и не любилъ въ теченіи трехъ лѣтъ Адриенны Блissetъ.

Увидавъ Адриенну въ Стонгэтѣ, Себастьянъ рѣшился сдѣлать ей предложеніе, но никакъ не могъ найти для этого удобной минуты. Онъ никакъ не могъ себѣ объяснить, почему, оставаясь часто наединѣ съ молодой дѣвушкой, которая обходилась съ нимъ очень мило, радушно и любезно, онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы затронуть вопросъ, отъ котораго зависѣло счастье всей его жизни. Адриенна его ставила въ тупикъ. И, однако, онъ готовъ былъ покланяться, что нѣкогда она его любила. Теперь же ему казалось, что между ними всегда стояло красивое, смуглое лицо Майльса Гейвуда, хотя въ тотъ единственный разъ, когда Себастьянъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ, Майльсъ далеко не походилъ на счастливаго влюбленнаго. Нѣтъ, онъ рѣшительно ждалъ только удобнаго случая для объясненія своей любви, и мысль о сверкающихъ глазахъ Адриенны и о рѣзкомъ поступкѣ Майльса не выходила у него теперъ изъ головы.

III.

Попытка Себастьяна.

На слѣдующій день, въ восемь часовъ вечера, Мэри Гейвудъ и Эдмундъ сидѣли въ своей кухнѣ. Бѣдному больному было легче, лихорадка какъ бы ослабла; Майльсъ снесъ его на рукахъ внизъ, и онъ теперь лежалъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на ситцевомъ диванѣ подъ окномъ. Его лицо, однако, такъ исхудало и было такъ блѣдно, что онъ казался восковой куклой, а подъ глазами виднѣлись большіе черные круги. Его почти прозрачныя руки лежали неподвижно на прикрывавшемъ его пледѣ и книга, которую онъ еще не начиналъ читать, валялась на его колѣняхъ. Мэри постаралась придать кухнѣ веселый видъ, чтобъ Эдмундъ не заподозрилъ, какія лишенія они должны были претерпѣвать для доставленія ему всего, что прописывалъ докторъ. Конечно, огонь подъ очагомъ былъ не такъ великъ, какъ въ прежнія времена, и въ шкапу хранилось мало провизіи, но все въ кухнѣ было чисто и опрятно.

— Мэри, отчего миссъ Блиссетъ никогда болѣе къ намъ не ходить? спросилъ неожиданно Эдмундъ.

— Да, она давно уже здѣсь не была, вѣроятно, у нея много занятій, отвѣчала Мэри.

— Я не могу понять, отчего она прекратила свои посѣщенія. Мнѣ очень хотѣлось бы ее видѣть. А куда пошелъ Майльсъ?

— Въ библиотеку. Я рада, что онъ туда ходить. Многіе изъ рабочихъ шлѣются цѣлый день, словно не зная, что съ собой дѣлать. Право, я боюсь, что эта праздность кончится какой-нибудь бѣдой.

Въ эту минуту послышался стукъ въ парадную дверь. Мэри поспѣшила ее отворить и, такъ какъ на улицѣ было темно, а она вышла изъ свѣтлой комнаты, то не могла сразу признать фигуру, стоявшую на крыльцѣ.

— Здѣсь живетъ Майльсъ Гейвудъ? спросилъ голосъ, который она гдѣ-то слышала и нашла очень пріятнымъ.

— Да, только его нѣтъ дома.

— Очень жаль. А я думалъ, что навѣрное застаю его вечеромъ. Онъ, можетъ быть, скоро вернется.

— Неудобно ли вамъ взойти и минутку подождать. Онъ, вѣроятно, сейчасъ придетъ. Вы, кажется, мистеръ Малори?

— Да. Мнѣ очень нужно его видѣть.

Мэри приняла гостя изъ одного чувства гостепримства, и, зная недоброжелательство Майльса къ нему, надѣялась, что молодой работникъ долго не вернется, а хозяинъ, посидѣвъ немного, уйдетъ.

По правиламъ этикета, надо было бы провести столь знатнаго гостя въ гостиную, но Мэри вспомнила, что тамъ не было огня въ каминѣ, и что часть мебели была продана, а потому пошла съ нимъ прямо въ кухню.

— Я надѣюсь, что я вамъ не помѣшалъ, произнесъ Себастьянъ очень любезно.

— О, нѣтъ! сдѣлайте одолженіе, садитесь, отвѣчала какъ можно радушиѣ молодая дѣвушка:—мы сидѣли одни съ Недомъ и болтали. Вотъ Недъ, сэръ. Вы его, кажется, еще не видали?

Эдмундъ не зналъ о ненависти Майльса къ его хозяину, а только слышалъ его презрительное о немъ мнѣніе, какъ о модномъ франтѣ, непригодномъ для такого рабочаго города, какъ Тансопъ. Отличаясь врожденной склонностью къ красотѣ и изяществу, бѣдный больной съ восхищеніемъ смотрѣлъ на красиваго, блестящаго и изящнаго молодого человѣка, который съ любезной улыбкой протянулъ ему руку, говоря:

— Вы, кажется, больны?

— Я былъ боленъ, но теперь мнѣ лучше.

— Вы, вѣроятно, братъ и сестра Майльса Гейвуда? продолжалъ Себастьянъ.

— Да, отвѣчали въ одинъ голосъ молодые люди съ замѣтной гордостью.

— Вы, вѣроятно, знаете, сказалъ Себастьянъ, садясь на стулъ подлѣ дивана и обращаясь къ Мэри:— что вашъ братъ вычеркнулъ изъ списка моихъ рабочихъ ваше и свое имя?

— Да, отвѣчала Мэри, покраснѣвъ отъ смущенія, а Эдмундъ, слыша объ этомъ теперь впервые, взглянулъ на сестру съ удивленіемъ.

— Это было ваше желаніе покинуть такъ неожиданно мою фабрику?

— Нѣтъ, я ничего не знала, Майльсъ самъ распорядился. Вѣроятно, онъ сдѣлалъ къ лучшему.

— Но вы, продолжалъ нѣжнымъ тономъ Себастьянъ:— развѣ вы ни за что не хотите принять въ такую критическую минуту маленькую помощь отъ... я не скажу отъ хозяина, вы здѣсь не любите это слово, но отъ нанимателя, второму, какъ мнѣ извѣстно, вы такъ долго и хорошо служили. Подумайте объ этомъ серьезно. Вѣдь теперешнее бѣдствіе совершенно необыкновенное, и ни я, никто другой въ Тансопѣ не могли его предотвратить. Вѣдь нѣтъ никакого стыда...

— Я никогда этого не думала, отвѣчала Мэри, недоумѣвая, что могъ имѣть Майльсъ противъ такого хорошаго хозяина:— я заплакала отъ радости, услыхавъ ваше предложеніе о пособіи, но когда Майльсъ мнѣ сказалъ...

— Но вѣдь онъ не запретилъ вамъ пользоваться?... это было бы...

— О, нѣтъ! воскликнула Мэри:— нашъ Майльсъ не такой человекъ. Онъ лично не хочетъ взять отъ васъ ни гроша, мистеръ Малори, я, право, не знаю почему. Я видѣла по его лицу, что ему будетъ большое горе, если я и братъ будемъ ѣсть чужой кусокъ хлѣба, однако онъ все-таки сказалъ мнѣ: «Ты можешь, Молли, дѣлать что хочешь, теперь настали такія тяжелыя времена». Но голосъ его былъ такой печальный, словно онъ говорилъ: «Мнѣ надо отрубить правую руку, подай топоръ».

И она залилась слезами. Все ея существо дышало такой любовью и преданностью къ брату, что Себастьянъ не могъ этого не замѣтить.

— А! это болѣе на него походить, сказалъ онъ съ жаромъ:— я очень радъ, что ошибался. Но неужели ничего не можетъ васъ убѣдить согласиться на мое предложеніе? Вѣдь эта помощь такая бездѣлица, что, право, вы не хорошо дѣлаете, отказываясь

отъ нея. Подумайте о вашемъ больномъ братѣ. Онъ не можетъ переносить такъ легко лишенія, какъ вы и вашъ Майльсъ.

— Вы очень добры, о! вы очень добры! отвѣчала Мэри, смотря на него съ теплой благодарностью: — мы воздержимся отъ помощи до послѣдней крайности, но когда станетъ не въ терпѣжь, то я обращусь къ вамъ. Вы правы, тутъ нѣтъ никакого стыда.

— Вы даете слово?

— Да.

— Благодарю васъ. Еслибъ теперь только вернулся вашъ братъ, то я...

Задняя дверь отворилась и послышались тяжелые шаги.

— Вотъ и онъ! воскликнула Мэри, но голосъ ея выражалъ скорѣе смущеніе, чѣмъ удовольствіе.

— Я очень радъ, сказалъ Себастьянъ: — по крайней мѣрѣ, я самъ поговорю съ нимъ.

— Послушай, Молиа, воскликнулъ Майльсъ, входя въ комнату, веселымъ тономъ; но онъ умолеъ и улыбка тотчасъ исчезла съ его лица, когда онъ увидѣлъ, кто сидѣлъ въ кухнѣ.

Первое его побужденіе было сказать грубо: «На кой чортъ вы сюда пожаловали», но чувство гостепріимства, присущее всякому ланкаширцу, остановило его, и онъ молча посмотрѣлъ на Себастьяна.

— Я надѣюсь, что вы не сочтете мое посѣщеніе неприличнымъ вторженіемъ въ вашу домашнюю жизнь, сказалъ Малори, очень любезно протягивая ему руку: — мнѣ нужно съ вами поговорить, а ваша сестра была такъ добра, что позволила подождать васъ здѣсь.

Майльсъ не могъ не признать, что Себастьянъ поступилъ очень любезно, явившись самъ къ нему, а не пославъ за нимъ, какъ сдѣлалъ бы всякій хозяинъ на его мѣстѣ; притомъ же Мэри сама пригласила его въ домъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, онъ не могъ не оказать ему обыкновенной учтивости.

— Не угодно ли вамъ сѣсть, сказалъ Майльсъ, пожавъ ему руку, пододвигая стулъ и самъ садясь рядомъ, съ спокойной, гордой осанкой: — вечеръ очень холодный и вы вѣрно устали. Мы живемъ далеко отъ васъ.

— Благодарю васъ. Я пришелъ къ вамъ по дѣлу; мистеръ Сутклифъ сказалъ мнѣ, что вы вычеркнули свое имя въ спискѣ моихъ рабочихъ.

— Да, произнесъ Майльсъ, нахмуривъ брови.

— Не думайте, что меня побуждаетъ простое любопытство. Я спросилъ у мистера Сутклифа, есть ли у васъ другая работа,

*

и онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Поэтому я заключилъ, что вы отказались по причинѣ закрытія фабрики, не желая получать пособія безъ соотвѣтственной работы. Правъ ли я?

— Да.

— Мнѣ очень хорошо извѣстно, что работу, особливо выгодную работу, очень трудно найти въ теперешнія трудныя времена. Вы не скоро принцете себѣ занятія, а я случайно знаю два мѣста, вполне для васъ пригодныя, и если вы желаете, то я хлопочу за васъ. Вотъ для чего я и пришелъ сюда.

— Вы очень добры, отвѣчалъ Майльсъ тѣмъ же безцвѣтнымъ, напряженнымъ тономъ:—благодарю васъ, но я не нуждаюсь ни въ чьей помощи.

Слова эти были сказаны такъ, что Себастьянъ не могъ распространяться далѣе о своемъ предложеніи. Но постоянно ощущаемое имъ въ присутствіи Майльса желаніе приобрести уваженіе и довѣріе молодого работника еще болѣе усилилось, когда онъ увидѣлъ въ немъ столько хорошихъ и благородныхъ чертъ, которыя имѣли особую цѣну въ его глазахъ. Себастьянъ въ тайнѣ всегда жаждалъ быть любимымъ извѣстнаго рода лицами и пользоваться вліяніемъ на нихъ. Онъ чувствовалъ, что Майльсъ Гейвудъ, еслибъ полюбилъ кого-нибудь, то его любовь отличалась бы самой пламенной преданностью, и ему хотѣлось всей душой, чтобъ глаза молодого человѣка, обращаясь на него, не имѣли такого мрачнаго, недовольнаго выраженія, и чтобъ пожатіе его руки было дружескимъ, сердечнымъ.

Неужели Себастьянъ Малори, побѣдившій столько сердце женскихъ и мужскихъ, внушившій капризной, артистической натурѣ Гюго самую горячую, преданную любовь, видѣвшій нѣкогда въ глазахъ Адриенны Блиссетъ болѣе, чѣмъ благодарность, и сознававшій, что ему стоило только захотѣть, и гордая Елена будетъ у его ногъ—неужели онъ не счумѣетъ подчинить своему чарующему вліянію простого, необразованнаго рабочаго? Неужели всѣ его усилія окажутся тщетными и Майльсъ будетъ держать его всегда на почтительномъ разстояніи?

— Э, Майльсъ! подумай хорошенько, провизнесла Мэри со слезами на глазахъ:—подумай, въ какомъ мы отчаянномъ положеніи. Я забочусь не о себѣ, а объ Эдмундѣ и о тебѣ. Я не могу себѣ представить, чтобъ ты находился въ такомъ униженіи.

— Милая Молли, не мучь меня, отвѣчалъ Майльсъ съ упрекомъ.

Мэри замолчала и, сидя на своемъ креслѣ, тихо плакала. Майльсъ отвернулся, чтобъ не видѣть ея горя.

— Я очень сожалѣю, сказалъ Себастьянъ, вставая:—что вы не хотите мнѣ позволить сдѣлать для васъ что-нибудь; вы совер-

шенно ошибаетесь, если считаете для себя униженіемъ принять подобную помощь.

— Я никогда этого не говорилъ, отвѣчалъ холодно Майльсъ.

— Вы не безъ самолюбія, продолжалъ Себастьянъ, уставляясь своими глазами на Майльса, щеки котораго покрылись румянцемъ, хотя голова была попрежнему опущена: — человекъ безъ самолюбія не стоитъ ни гроша. Еслибъ вы мнѣ позволили, то я вамъ указалъ бы путь къ удовлетворенію вашего самолюбія. Конечно, тутъ потребовалась бы борьба, но вы одинъ изъ тѣхъ людей, которые именно созданы для борьбы; вы ее любите. Нѣсколько лѣтъ отсутствія изъ Англій и тяжелой работы въ должности, вполне вамъ соотвѣтствующей, дали бы вамъ возможность вернуться потомъ сюда совершенно новымъ человекомъ, способнымъ достигъ всего, чего бы вы желали. Не забывайте, что для человека мужественнаго и съ твердой волей *нѣтъ ничего невозможнаго*. Неужели васъ это не соблазняетъ? Или вы предпочитаете остаться въ Тансопѣ въ своемъ безысходномъ положеніи безъ всякой надежды улучшить свою судьбу и судьбу вашихъ сотоварищей-рабочихъ? Я никакъ не могу этому повѣрить.

Почти безсознательно Себастьянъ сбросилъ съ себя свою обычную маску равнодушія и говорилъ съ жаромъ. Онъ подошелъ къ Майльсу и положилъ ему руку на плечо. Глаза ихъ встрѣтились. Майльсъ былъ пораженъ до глубины сердца словами Себастьяна, которыя вполне согласовались съ его желаніями, еще болѣе усиленными его любовью и сознаніемъ ея неосуществимости. Уѣхать изъ Тансопа и получить занятіе, которому онъ могъ бы предаться со всей своей энергіей, было бы самымъ лучшимъ исходомъ изъ теперешней насильственной праздности, тяготявшей его душу. Притомъ, въ Англій онъ могъ проложить себѣ дорогу и завоевать себѣ положеніе въ обществѣ, онъ могъ вернуться совершенно инымъ человекомъ, съ большимъ состояніемъ или, по крайней мѣрѣ, со средствами и тогда онъ былъ бы въ возможности, наконецъ, открыться въ своей любви къ Адриеннѣ. Но въ это время она могла уже быть женою Себастьяна Малори и въ такомъ случаѣ помощь, оказанная ему Себастьяномъ, только увеличила бы его горе, униженіе и отчаяніе. Поэтому, съ саркастическимъ, принужденнымъ смѣхомъ онъ оттолкнулъ руку Себастьяна и произнесъ почти сердитымъ тономъ:

— Вы никогда меня въ этомъ не убѣдите. Это потерянный трудъ.

— Отчего вы такъ упрямы? воскликнулъ Себастьянъ, выведенный изъ себя отъ гнѣва: — имѣете вы какія-нибудь личныя причины?

— Да, отвѣчалъ Майльсъ, смотря ему пряму въ глаза.

Себастьянъ открылъ ротъ, но слова, которыя онъ хотѣлъ произнести, замерли на его устахъ. Онъ замолчалъ съ непріятнымъ сознаниемъ претерпѣнной неудачи.

— Ну, если вы рѣшительно не хотите, то и разговоръ конецъ, произнесъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія:—но я увѣренъ, что вы не правы и что вы вскорѣ раскаетесь. Если это случится, если вы измѣните свое мнѣніе, то дайте мнѣ знать. Я никогда не беру назадъ своего слова и всегда буду радъ исполнить свое обѣщаніе.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Майльсъ съ улыбкой, почти презрительной, и слегка наклонилъ голову.

Въ глубинѣ своего сердца онъ говорилъ себѣ, что скорѣе умереть, чѣмъ принять какую-нибудь услугу отъ своего соперника, всю могучую силу котораго онъ только теперь вполнѣ понял. Онъ откровенно сознавалъ, что въ обращеніи Малори было что-то привлекательное, а, главное, во всей его натурѣ нѣчто такое, что возбуждало въ самомъ предубѣжденномъ противъ него человѣкѣ уваженіе и восторгъ. Если онъ, столь враждебный Себастьяну чувствовалъ его вліяніе, то что же должно быть съ лицами, расположенными въ его пользу? Тѣмъ болѣе ему, простому, необразованному работнику, слѣдовало придерживаться своего пути. Но въ тоже время, онъ пересталъ питать къ нему недружелюбныя чувства. Себастьянъ не подозрѣвалъ, какой громадный шагъ онъ сдѣлалъ въ подчиненіи себѣ этой гордой натуры.

— Я не хочу болѣе беспокоить васъ, сказалъ онъ: — надѣюсь, что вы понимаете побужденіе, руководящее мною, и не сердитесь на меня?

— Конечно, отвѣчалъ Майльсъ, протягивая свою руку безъ малѣйшаго колебанія: — если я былъ немного грубъ, то прости-те меня. Это моя манера. Но я ни мало не хотѣлъ оскорбить васъ.

— Я вполнѣ въ этомъ увѣренъ. Мистеръ Эдмундъ! прощайте, миссъ Гейвудъ.

— Прощайте, сэръ, отвѣчала Мэри, поднявъ глаза, полныя слезъ.

Проводивъ Себастьяна, Майльсъ возвратился въ кухню. Эдмундъ очень усталъ и Майльсъ отвелъ его навѣрхъ. Потомъ онъ снова пришелъ въ кухню и сѣлъ. Онъ и Мэри молчали; она не упрекала его, онъ не защищался. Но когда она встала, чтобъ идти спать, Майльсъ, нѣжно поцѣловавъ ее, промолвилъ:

— Не осуждай меня, Молли. Я, какъ честный человѣкъ, не могу поступить иначе.

— Я и не думала тебя осуждать, голубчикъ, отвѣчала Мэри и удалилась въ свою комнату.

Майльсъ остался одинъ въ кухнѣ, погруженный въ тяжелую думу: Онъ вспоминалъ свое объясненіе съ Адриенной въ памятное воскресеніе, когда онъ чуть было не высказалъ ей своей любви, а она сказала:—«Еслибы я полюбила этого человѣка, еслибы онъ меня полюбилъ и предложилъ свою руку, то я сказала бы да и любила бы его и служила бы ему до послѣдняго издоха».

— О, радость моя! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ въ глубинѣ своего сердца:—но ты меня не любишь, а еслибы и любила, то я былъ бы недостоинъ тебя достигнуть твоей руки не честными средствами.

IV.

БОРЬБА СЪ ГОЛОДОМЪ.

Въ продолженіи шести недѣль, т. е. отъ начала марта до середины апрѣля, Адриенна, Елена, мистеръ Сутклифъ, Гюго, Себастьянъ и другіе, работавшіе вмѣстѣ съ ними, или скорѣе подъ ихъ руководствомъ, энергично трудились въ двухъ школахъ, открытых мистеромъ Малори. Сначала пришлось побороть много затрудненій; нѣкоторые изъ рабочихъ горько жаловались, что ихъ насильно гнали въ школу, отказывая иначе въ пособіи, которое само по себѣ казалось имъ очень скуднымъ въ сравненіи съ получаемой ими прежде заработной платой; но доброта и тактъ главныхъ дѣятелей: Себастьяна, Адриенны и мистера Сутклифа, а также дружное содѣйствіе, оказываемое имъ ихъ помощниками, скорѣ стали производить чудеса. Мало по малу, рабочіе стали убѣждаться, что они находились въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ ихъ товарищи, хозяева которыхъ не сочли себя обязанными выдавать пособія и которые были потому обязаны пользоваться общественной помощью. Учиться читать, писать, считать или шить было, по мнѣнію всѣхъ рабочихъ, болѣе благороднымъ трудомъ, чѣмъ тесать камни или строить дороги и во всякомъ случаѣ болѣе подходящимъ для нѣжныхъ пальцевъ и привычекъ рабочихъ на бумагопрядильняхъ. Мало по малу, они привыкли къ своимъ мѣстамъ и знали, что ихъ ждуть, что замѣтять ихъ отсутствіе, если они не явятся. Большая владовая была натоплена, освѣщена и гостеприимно отворяла передъ ними свои две-

ри. Вскорѣ «Малорійскія школы» стали извѣстны всему городу и посѣщавшіе ихъ рабочіе сдѣлались предметомъ зависти для всѣхъ остальныхъ.

Завѣдываніе этими школами, какъ Себастьянъ говорилъ Адриеннѣ, было не шуткой, а тяжелой работой. Введенная рутина была скучная, монотонная, дисциплина самая строгая, но за то самъ глава всего дѣла первый подчинялся слѣпо всѣмъ правиламъ, а потому естественно, что и другіе слѣдовали его примѣру. Мистеръ Блиссетъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что Адриенна никогда его такъ не ласкала, не цѣловала, какъ въ это время, изъ благодарности, какъ она выражалась, за позволеніе помогать бѣднымъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Она теперь гораздо рѣже сидѣла съ нимъ и, быть можетъ, поэтому не замѣчала, какъ быстро угасали его силы и какъ съ каждымъ днемъ онъ становился блѣднѣе, истощеннѣе. Онъ же, по той или другой причинѣ, скрывалъ отъ нея близость своей смерти. Одному только Себастьяну, сдѣлавшемуся близкимъ, надежнымъ другомъ старика, онъ говорилъ объ этомъ.

Адриенна и Елена работали отъ всего сердца и дружно шли рука въ руку. Теперь не было времени на ревнивыя выходки или мелкіе личные расчеты. Даже вражда между различными церквями и сектами была забыта, и всѣ думали только объ оказаніи помощи страдающему народу. Въ рабочіе часы Адриенна совершенно забывала, кто такая Елена и видѣла въ ней только энергичную помощницу, умную, живую, добрую, трудолюбивую дѣвушку, для которой никакое занятіе не казалось слишкомъ труднымъ, или скучнымъ. Относительно же Елены, нельзя было сказать того же. Она догадалась, сама не зная какъ, что Адриенна была та лучшая на свѣтѣ дѣвушка, о которой ей говорилъ Себастьянъ, и глаза ея вѣчно критически устремлялись на нее. Каждое ея слово, движеніе, дѣйствіе было взвѣшено, и доселѣ вѣсь оказывался всегда полный, законный. Сама Елена, воплотивъ незамѣтно для нея, быстро измѣнялась. Несмотря на нѣкоторое довольно смутное, безпокойное чувство на сердцѣ, она никогда въ жизни не была такъ счастлива, какъ теперь. Она предалась со всей своей обычной энергіей этому новому дѣлу, а ежедневныя столкновенія съ настоящей, практической стороною жизни, со всѣми ея трудностями, лишеніями и бѣдствіями не могли не дѣйствовать на ея впечатлительную натуру. Вообще въ эту печальную годину не одни рабочіе выигрывали отъ оказываемой имъ помощи, но и тѣ деликатныя дамы и молодыя дѣвушки, которыя посвящали все свое время этому благородному дѣлу, которое,

увы! только на время, уничтожало искусственные преграды, отдѣляющія богатыхъ отъ бѣдныхъ, хозяевъ отъ рабочихъ.

Адриенна и Елена напрягали до послѣдней степени свои умственные и физическія силы, но ни та, ни другая не думала бросить начато дѣло. Для Адриенны это было исполненіе священнаго долга и она вполне сознавала какъ свою тяжелую отвѣтственность, такъ и всю важность настоящаго кризиса. Напротивъ, Елена работала безъ устали, но едва ли понимала, что она дѣлала и зачѣмъ. Конечно, она сожалѣла о бѣдныхъ рабочихъ и всѣми силами старалась помочь въ ихъ бѣдственномъ положеніи, но она думала болѣе о Себастьянѣ и Адриеннѣ, чѣмъ о бѣдномъ народѣ.

Въ своей семейной жизни она не была счастливѣе прежняго. Поведеніе Себастьяна, въ отношеніи его рабочихъ, было громко осуждаемо ея отцомъ и братомъ. Ей было очень хорошо извѣстно, что только благодаря богатству и высокому положенію въ Тансопѣ Себастьяна, ей позволяли принимать участіе въ безумной выходкѣ Малори. Оба Спенслея, отецъ и сынъ, иначе не называли Себастьяна, какъ дуракомъ, сумасшедшимъ. По ихъ словамъ, было дурно и грѣшно представлять такой примѣръ, въ силу котораго каждый фабрикантъ въ Тансопѣ, будто бы, долженъ содержать своихъ рабочихъ, пока продлится эта провлятая война.

— Нѣтъ, не всѣ, обыкновенно отвѣчала Елена съ сверкающими глазами:—многіе изъ нихъ люди недостаточные; но тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ на это средства, конечно, обязаны такъ поступить; это ихъ прямой долгъ и тогда въ газетахъ не появлялось бы столько писемъ, умоляющихъ объ оказаніи помощи самому богатому графству въ богатѣйшей странѣ всего свѣта.

Ей на это отвѣчали, что она ничего не понимаетъ и что ей дозволили содѣйствовать подобному безумію только изъ боязни, чтобъ она не сдѣлала худшей глупости, если она не будетъ чѣмъ-нибудь занята.

— А главное, думала она съ улыбкой:—потому что Себастьянъ Малори богатый, вліятельный человѣкъ и я вижу съ нимъ ежедневно.

Послѣ одного изъ подобныхъ разговоровъ, отецъ Елены началъ распространяться о приготовленіяхъ къ великолѣпнымъ празднествамъ, которыми онъ намѣревался ознаменовать наступившій вскорѣ день ея совершеннолѣтія. Со слезами на глазахъ молодая дѣвушка умоляла не бросать денегъ на пустые праздники, а пожертвовать хоть половину или четверть этой суммы въ комитетъ мистера Малори, но отецъ отказалъ ей наотрѣзъ, говоря что она не понимаетъ что истинно полезно ей самой

и рабочимъ. А Фредъ торжественно прибавилъ, что у дураковъ деньги долго не держатся и его сестра быстро бы разбросала по вѣтру громадное состояніе, еслибъ оно попало ей въ руки.

— Конечно, только такіе изящные джентльмены, какъ ты, умѣютъ расходовать деньги благоразумно, отвѣчала съ горькимъ сарказмомъ Елена:—но увѣряю васъ обоихъ, что вскорѣ весь городъ будетъ съ презрѣніемъ указывать на васъ. Вы, богатѣйшіе люди, пожертвовали только пять фунтовъ стерлинговъ на помощь своимъ голодающимъ рабочимъ!

— Я сдѣлался богатѣйшимъ человѣкомъ въ Тансопѣ не потому, что вложилъ свои деньги въ карманы рабочихъ, произнесъ ее отецъ.

— Фу! фу! воскликнула съ жаромъ Елена и, надѣвъ перчатки, отправилась въ школу на вечерній урокъ.

Была вторая половина марта и когда она подходила къ кладовой, гдѣ помѣщалась школа, Себастьянъ и Адриенна, сидѣвшіе у окна, увидели ее издали.

— Какая она хорошенькая и граціозная! сказала Адриенна, съ восторгомъ любясь ее высокой, стройной фігурой:—я, право, удивляюсь, что она дочь такихъ родителей.

— Въ ее натурѣ какой-то южный пылъ, отвѣчалъ Себастьянъ:— посмотрите какъ ее брови нахмурены, губы сжаты и глаза блестятъ.

— Да, но это гнѣвное выраженіе очень рѣдко появляется на ее лицѣ. Я, право, удивляюсь, что съ нею.

Черезъ минуту Елена влетѣла въ комнату въ очень воинственномъ настроеніи.

— Что съ вами, миссъ Спенслей? спросила Адриенна:—вы, кажется, разстроены?

— Разстроена! повторила молодая дѣвушка, гнѣвъ которой усиливался чѣмъ болѣе она обдумывала свое положеніе:— всѣ мнѣ говорятъ, что мой отецъ богатѣйшій человѣкъ въ Тансопѣ и что я современемъ буду имѣть груды золота. Современемъ! А теперь я не могу добиться пяти фунтовъ, чтобъ помочь бѣдному народу. У меня теперь за душой шесть шиллинговъ и до конца мѣсяца мнѣ не дадутъ болѣе. Неужели вы находите, что такъ слѣдуетъ поступать съ женщиной, которая когда-то будетъ имѣть пять тысячъ ежегоднаго дохода? Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сказалъ отецъ. Считаете ли вы это хорошей подготовкой къ тяжелой отвѣтственности, которая будетъ возложена на нее обладаніемъ такого значительнаго состоянія?

Говоря это, она неожиданно и почти сердито обернулась къ Себастьяну.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, видя, что ея губы дрожали отъ негодованія и чувства стыда:—но пока, милая миссъ Спенслей, мы пользуемся вашимъ личнымъ трудомъ, и вопросъ о деньгахъ, которыя вы могли бы пожертвовать, не имѣетъ никакого значенія.

— Не говорите мнѣ этого, воскликнула она съ жаромъ:—на что годенъ мой трудъ? Я ни на что не способна.

— Вы несправедливы къ себѣ, сказала Адриенна:—я право не знаю, что бы я дѣлала безъ васъ. Вы иногда имѣете вліаніе на этихъ женщинъ и дѣвушекъ, тогда какъ я отказываюсь отъ нихъ съ отчаяніемъ. Вы можете ихъ когда угодно заставить смѣяться, а на меня онѣ смотрятъ только вытараща глаза.

— Притомъ, ваше участіе въ нашей школѣ примиряетъ съ нею мою мать, прибавилъ Себастьянъ съ улыбкой:—наконецъ, еслибъ васъ тутъ не было, вѣроятно и Гюго пересталъ бы сюда ходить, а его помощь мнѣ необходима въ мужской школѣ. Ради Бога, не бросайте насъ!

— Такъ молодыя дѣвушки, значить, на что-нибудь способны! воскликнула она просіявъ, и улыбка торжества показалась на ея еще за минуту передъ тѣмъ нахмуренномъ лицѣ.

— У меня передъ глазами два блестящія доказательства этого факта, отвѣчалъ Себастьянъ, смотря на обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Да, да, промолвила холодно Елена и ея улыбка тотчасъ исчезла.—Помогите мнѣ снять ротонду. Благодарю васъ. А! вотъ мистеръ Гюго фонъ-Бирхенау и первый отрядъ нашихъ ученицъ. Что мы сегодня дѣлаемъ, миссъ Блиссеть?

Она быстро надѣла большой полотняный передникъ съ карманами и привязала на тесемкѣ вокругъ талии ножницы. Адриенна сдѣлала тоже. Елена остановила нѣсколькихъ изъ дѣвочекъ и дала имъ снести въ кладовую груды коленкору. Приподнявъ шляпу, Себастьянъ удалился, а молодыя дѣвушки принялись за работу.

Половина кладовой была очищена отъ товара и уставлена скамьями и дюжиной большихъ дубовыхъ столовъ. Въ этотъ вечеръ приходился урокъ кройки, который продварительно Елена утромъ взяла у своей матери. Обѣ молодыя дѣвушки и съ полдюжины ихъ помощницъ, явившихся тотчасъ послѣ Елены, разобрали ученицъ по группамъ и урокъ начался. Послѣ кройки слѣдовала пригонка отдѣльныхъ частей сшитыхъ предметовъ бѣлья. И все вмѣстѣ это продолжалось болѣе двухъ съ половиною часовъ. Наконецъ, раздался звонокъ, работа была сложена и ученицы разошлись. Адриенна и Елена, очень утомившіяся

отъ постоянныхъ объясненій, повтореній и указаній, встали у дверей и считали громко выходявшихъ.

— Триста пять! воскликнули онѣ въ одинъ голосъ и стали снимать свои передники.

— Миссъ Блиссетъ, пойдѣте ко мнѣ, мы выпьемъ чаю и поболтаемъ, сказала Елена, которая уже повторяла нѣсколько разъ это приглашеніе и всегда получала одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Благодарю васъ, но я никакъ не могу.

— Вы всегда мнѣ это говорите, произнесла Елена, пристально смотря ей въ глаза:— всѣ мои попытки сойтись съ вами поближе не удаются. Я васъ вижу только здѣсь, гдѣ мы не имѣемъ времени перемолвить словечка.

— Мнѣ очень жаль, отвѣчала Адриенна:—но, увѣряю васъ, мнѣ необходимо поскорѣе вернуться къ дядѣ. Ему что-то нездоровится въ послѣднее время; извините меня.

— Ну, дѣлать нечего, извиняю, хотя неохотно, сказала Елена, отворачиваясь, и замѣтно недовольная.

Въ эту минуту въ комнату вошли Себастьянъ и Гюго, держась за руки.

— Миссъ Спенслей, воскликнулъ Гюго, поспѣшно подходя къ ней:—уже темнѣетъ, могу я васъ проводить?

— Да, если желаете, отвѣчала Елена небрежно.

Она въ эту минуту съ любопытствомъ прислушивалась къ разговору между ея сотоварищами по занятіямъ.

— Миссъ Блиссетъ, сказалъ Себастьянъ:— вашъ дядя очень просилъ, чтобъ я пришелъ къ нему сегодня вечеромъ. Я пойду съ вами въ Стонгэтъ, если позволите.

— Отлично. Онъ будетъ вамъ чрезвычайно радъ. Знаете, мистеръ Малори, мнѣ иногда кажется, что онъ долго не проживетъ.

— Да, врядъ ли его жизнь будетъ очень продолжительна, замѣтилъ уклончиво молодой человѣкъ.

— Однако, такіе больные, какъ онъ, при хорошемъ уходѣ, долго могутъ протянуть. Онъ не старъ, и не страдаетъ такимъ недугомъ, который можетъ грозить мгновенной опасностью.

— А вы очень боитесь его смерти? спросилъ Себастьянъ, укутывая ее въ шаль.

— Да, я боюсь отчасти и за себя. Потерявъ его, я останусь одна на свѣтѣ.

— Вы — одна? Конечно, если вы этого непременно захотите, произнесъ Себастьянъ почти съ упрекомъ.

Между тѣмъ, Елена надѣла, съ помощью сіявшаго счастьемъ Гюго, свою ротонду на мѣху, обшитую соболемъ, которая рельефно

выставляла ея красоту. Дѣйствительно, англійскія красавицы гораздо прелестнѣе на чистомъ воздухѣ съ румянцемъ на щекахъ отъ быстраго движенія, чѣмъ въ тепличной атмосферѣ большой залы. Однако, теперь на щекахъ Елены не было румянца.

— Пойдемте, Гюго, мнѣ пора; пусть другіе запираютъ школу, сказала она усталымъ голосомъ юношѣ, который съ самаго начала пристроился къ ней въ качествѣ пажа, не простирая далѣе своихъ надеждъ и мысленно смотря на нее, какъ на жену своего обожаемаго друга.

— Я готовъ и жду вашихъ приказаній, *mein gnädiges Fräulein*.

— Не говорите со мною на иностранныхъ языкахъ. Вы забыли, что Греткенъ сказала Фаусту, когда онъ называлъ ее *Fräulein*.

— «Благодарю васъ, я дойду до дому и одна». Это было бы ужасно и я никогда болѣе не рискну навлечь на себя такое горе.

— Прощайте! вдругъ громко воскликнула Елена, небрежно взглянувъ черезъ плечо на Себастьяна и Адриенну, которые совершенно забыли, что они были не одни.

И она, въ сопровожденіи Гюго, вышла на улицу, гдѣ уже быстро наступала холодная, зимняя ночь. Фонари зажигались, многія изъ лавокъ были заперты и на тротуарахъ встрѣчалось мало прохожихъ; фабрики безмолвствовали и облака дыма не застилали блестящихъ на небѣ звѣздъ.

— Какъ трогательно видѣть такіа двѣ сродныя души, какъ мистеръ Себастьянъ Малори и миссъ Адриенна Блиссетъ, начала неожиданно Елена съ замѣтной горечью въ голосѣ и съ принужденнымъ смѣхомъ:—онъ любитъ женщину, пропитанную розовой водой и считающую его лучше и умнѣ себя, а ей нравится мечтательный, непрактическій мужчина, раскусивъ которую, вы наполняете себѣ ротъ сладкой, приторной водичей. Вѣдь вотъ онъ какой человѣкъ, этотъ Себастьянъ Малори!

— О, какое сравненіе! воскликнулъ Гюго, почти обидясь:—вы иногда очень жестоки, миссъ Спенслей. Себастьянъ—мечтательный и непрактическій человѣкъ! *Ja wohl!* Я тоже думалъ одно время, но потомъ убѣдился, что подъ шелковой перчаткой кроется желѣзная рука.

— Ну, продолжайте, я не очень высокаго мнѣнія о мистерѣ Малори, какъ вы уже, конечно, замѣтили, и желала бы узнать, какія у него есть хорошія качества.

— *Herr Gott!* Онъ совершенство!

— Ха, ха, ха!

— Миссъ Спенслей...

— Онъ пристрастный, узкій тори и консерваторъ, несмотря на его радикальныя фразы. Напрасно мистрисъ Малори такъ беспокоится. Какъ онъ тамъ себя ни называй, но онъ ненавидеть прогрессъ.

— Я ничего не знаю о радикалахъ и консерваторахъ, вообще я не смыслю ни юты въ политикѣ, началъ было Гюго съ добродушной улыбкой, но Елена его перебила:

— Боже милостивый, кто вамъ говорить о политикѣ. Но, прибавила она, конфиденціально понижая свой голосъ: — вы знаете кое-что другое.

— Да, я знаю, что вы прелестны и очень добры ко мнѣ, и знаю, что вы очаровательно поете англійскіе романсы.

— Вы знаете такъ же, что мистеръ Малори и миссъ Блисетъ влюблены другъ въ друга по уши. Посмѣйте это отрицать.

Гюго ничего не отвѣтилъ.

— Ага, вы не смѣете? воскликнула Елена съ торжествомъ.

— Ни тотъ, ни другой мнѣ въ этомъ не признавался, промолвилъ онъ.

— Да и не нужно ихъ собственнаго признанія, это и такъ видно. Ай, ай, прибавила Елена, вздрагивая и открывая зонтикъ: — снѣгъ идетъ. Я испорчу свою ротонду. Другой разъ въ такую дурную погоду я не пойду такую даль.

— А поѣдете въ экипажѣ? замѣтилъ наивно Гюго.

— Какой вы смѣшной! А далеко отъ фабрики до Стонгэта?

— Разстояніе тоже, какъ и къ вамъ, только въ противоположную сторону.

— О! я совсѣмъ не знаю той части города. Ну, какъ бы то ни было, мы имѣли очень пріятный разговоръ. Войдите къ намъ, Гюго, сыграйте мнѣ что-нибудь.

Гюго съ удовольствіемъ повновался и они исчезли въ сѣняхъ роскошнаго дома.

V.

С М Е Р Т Ъ.

Адриенна и Себастьянъ шли въ «противоположную сторону», но ихъ прогулка доставила имъ не болѣе счастья, какъ подобная же прогулка Еленѣ и Гюго. Въ этотъ вечеръ Адриенна была очень утомлена физически и нравственно. Какое-то неопредѣленное, тревожное чувство угнетало ее въ продолженіи

нѣсколькихъ недѣль, а въ этотъ день облако, застилавшее ея лицо, было еще мрачнѣе прежняго. Она видѣла, что Себастьянъ Малори все болѣе и болѣе снискивалъ любовь ея дяди, что онъ окружалъ ее самымъ вѣжливымъ вниманіемъ, что, находясь въ ея обществѣ, онъ не спускалъ съ нея глазъ, что встрѣчаясь съ нею взглядами, онъ сіялъ блаженствомъ и въ разговорѣ съ нею голосъ его звучалъ мягче, сердечнѣе. Она знала, что, онъ хорошій человѣкъ, добрый, умный, красивый и богатый. Ей извѣстны были всѣ его добродѣтели и она высоко цѣнила ихъ. Она любила его общество и чувствовала большое удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ. Она вспоминала съ глубокой, пламенной благодарностью его доброту, внимательность и деликатность въ то тяжелое время, когда борьба съ бѣдственнымъ положеніемъ при жизни отца становилась ей не подъ силу. «Я все сдѣлаю для васъ», сказала она и готова была тогда исполнить свое обѣщаніе. А теперь? Какъ неожиданно, непонятно все измѣнилось!

Размышляя подобнымъ образомъ она шла тихо, съ опущенной головой, по Блэкъ Стриту. Дойдя до калитки Стонгэта, Себастьянъ остановился; въ эту минуту Адриеннѣ показалось при лунномъ свѣтѣ, что передъ нею стоитъ Майльсъ Гейвудъ, который точно такъ же, съ годъ тому назадъ, остановился у этой калитки и отворилъ ее. Сердце ея тревожно забилось и что-то залокотало въ ея груди.

— Майльсъ не былъ здѣсь уже нѣсколько недѣль, подумала она:— мнѣ надо сходить къ нимъ, узнать, что тамъ дѣлается и спросить, не обидѣла ли я его чѣмъ-нибудь.

По словамъ стараго слуги, мистеру Блиссету очень нездоровилось и онъ легъ въ постель, но просилъ проводить въ его спальню мистера Малори, когда онъ придетъ.

Себастьянъ послѣдовалъ за слугой, а молодая дѣвушка прошла въ гостинную и машинально опустилась въ кресло.

Себастьянъ долго сидѣлъ у постели мистера Блиссета, и разговоръ ихъ былъ очень продолжительный. Наконецъ, мистеръ Блиссетъ прибавилъ:

— Я васъ назначилъ однимъ изъ моихъ душеприкащиковъ. Я надѣюсь, что вы не имѣете ничего противъ этого. У меня такъ мало друзей.

— Я польщенъ вашимъ довѣріемъ и готовъ съ радостью служить вамъ.

— Благодарю васъ. Конечно, я все оставилъ Адриеннѣ. Она будетъ вполне обеспечена, потому что она, какъ и я, не отличается чрезмѣрными требованіями. Но я желалъ бы, чтобъ она

имѣла вѣрнаго друга и мой выборъ остановился на васъ. Хотите быть ея другомъ?

— Это мое пламенное желаніе. Но такъ какъ мы коснулись этого вопроса, то позвольте мнѣ сказать вамъ всю правду. Я люблю вашу племянницу уже нѣсколько лѣтъ и намѣренъ просить ея руки при первой возможности. Имѣете ли вы что-нибудь противъ?

— Вы меня сдѣлали счастливѣйшимъ человѣкомъ, отвѣчалъ мистеръ Блиссетъ, горячо пожимая руку молодого человѣка: — теперь мнѣ нечего тревожиться.

— Да, но я не увѣренъ, что она согласится выйти за меня замужъ, произнесъ Себастьянъ съ печальной улыбкой.

— Ну, я полагаю, что вы можете быть въ этомъ отношеніи совершенно спокойны. Бѣдное дитя! она теперь будетъ не одна и передъ нею откроется будущность, которой можетъ позавидовать любая женщина.

Черезъ нѣсколько минутъ, Себастьянъ удалился, не взглянувъ даже къ Адриеннѣ. Спустя немного времени, молодая дѣвушка вошла въ комнату дяди и предложила ему читать въ слухъ.

— Нѣтъ, благодарю тебя, мнѣ теперь не до чтенія. Твои скучныя, монотонныя обязанности окончились.

— Что вы хотите сказать, милый дядя?

— Я умираю, вотъ и все.

— О, дядя! воскликнула Адриенна, цѣлуя его руку:— не говорите этого! Я васъ такъ люблю и вы такъ добры ко мнѣ, что я не могу потерять васъ.

— Твоего мнѣнія по этому вопросу не спросать, милая, сказалъ онъ съ странной улыбкой:— а право, Адриенна, когда люди жили такъ долго, какъ я, то имъ не очень грустно разстаться съ землею. Но пойдѣ теперь спать, а завтра докажу тебѣ, что моя смерть будетъ къ лучшему для всѣхъ.

Но онъ ошибался: на другой день онъ не могъ ничего доказать. Рано утромъ, его уже не стало.

VI.

Чаша переполнилась.

Веселый май мѣсяцъ въ 1862 году и въ той части владѣній ея величества королевы, которая извѣстна подъ названіемъ пфальцграфства Ланкастерскаго, имѣлъ менѣе улыбающійся и болѣе холодный характеръ, чѣмъ обыкновенно. Несмотря на луче-

зарное солнце и необыкновенно благоприятныя обстоятельства для природы, которая могла выказаться во всей своей красотѣ, за отсутствіемъ дыма—все было безмолвно, грустно, мрачно. На улицахъ не слышно было веселаго говора, крика, смѣха и громкаго топота тысячъ рабочихъ, спѣшившихъ на фабрики.

Торговля остановилась. Царь-Хлопокъ былъ развѣчанъ; его подданные стали нищими, просящими Милостыню или, во всякомъ случаѣ, бѣдняками, живущими на пособія со стороны. Образовалась громадная организація, преимущественно поддерживаемая неоплаченнымъ добровольнымъ трудомъ для разысканія истинно немущихъ и оказанія имъ помощи. Тансопъ находился въ ряду городовъ, отрывшихъ комитеты для раздачи пособій, и школы Себастьяна вошли въ составъ болѣе обширныхъ учреждений на общественный счетъ. Они, однако, служили образцомъ, и другія школы были образованы по ихъ плану. Самъ же Себастьянъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ комитета, а Елена и Адриенна, благодаря ихъ прежней опытности, стояли во главѣ дамской комиссіи, хотя она и состояла официально подъ высшимъ завѣдываніемъ мистрисъ Понсонби и двухъ или трехъ мѣстныхъ знатныхъ дамъ.

Но въ то время, когда эта громадная, сложная машина работала съ такой удивительной правильностью, что подѣлывали тѣ, для пользы которыхъ она была пущена въ ходъ? Что происходило въ тысячахъ жилищъ, обитатели которыхъ, застигнутые въ располкъ великимъ бѣдствіемъ, были принуждены отказаться отъ всѣхъ своихъ благородныхъ традицій?

Въ началѣ этого мѣсяца, въ свѣтлое, солнечное утро, въ жилищѣ, занимаемомъ Гейвудами, не видно было огня на очагѣ. Мэри и ея сосѣдка, мистрисъ Митчель, теперь по очереди разводили огонь въ своихъ кухняхъ и готовили другъ для друга кушанья, которыя были гораздо скуднѣе прежняго. Въ это утро очередь была за мистрисъ Митчель, и кухня Мэри Гейвудъ, за отсутствіемъ огня, была еще холоднѣе обыкновеннаго, хотя, какъ всегда, сіяла чистотой и опрятностью. Молодая дѣвушка сидѣла у окна и шила. Майльсъ помѣщался за большимъ столомъ среди комнаты; передъ нимъ лежало нѣсколько открытыхъ книгъ, которыя онъ будто бы читалъ, но въ сущности его глаза смутно блуждали по страницѣ, а лицо выражало самое мрачное отчаяніе.

Мэри по временамъ искоса поглядывала на него и ея сердце обливалось слезами. Во все это время, она и Эдмундъ жили на еженедѣльную сумму, которую Себастьянъ Малори выдавалъ каждому изъ своихъ рабочихъ. Майльсъ помогалъ имъ изъ своего маленькаго капитала, не желая, чтобъ больной нуждался въ чьей-

нибудь необходимо, но Мэри знала, что этот капитал уже нѣсколько дней изсякъ и недоумѣвала, чѣмъ пытался Майльсъ въ эти страшные дни. Онъ отказывался ѣсть то, что она готовила дома, потому что провизія покупалась на деньги Себастьяна Малори. Онъ молча улыбался, когда она умоляла его поѣсть или взять у нея немного денегъ и потомъ ей уплатить. Онъ не жаловался и былъ очень спокоенъ, но эти дни были самыя ужасныя во всей жизни Мэри. Она знала, на что онъ надѣялся, но боялась, что эта помощь явится слишкомъ поздно, чтобъ спасти его отъ обращенія за общественной милостыней, что она считала величайшимъ униженіемъ. Недѣли двѣ передъ тѣмъ, комитетъ для раздачи пособій вызывалъ желающихъ занять мѣста двухъ конторщиковъ, при чемъ было объявлено, что будетъ оказано предпочтеніе кандидатамъ изъ рабчихъ. Майльсъ заявлялъ свое желаніе получить одно изъ этихъ мѣстъ, но отвѣтъ долженъ былъ прійти только черезъ два дня. Наканунѣ, Мэри встрѣтила мистера Малори и умоляла его употребить все его вліяніе, чтобъ Майльса приняли, но подъ условіемъ, чтобъ онъ этого никогда не узналъ, а то онъ могъ сдѣлать Богъ знаетъ что. Себастьянъ обѣщалъ, но все же оставалось еще два ужасныхъ дня неизвѣстности, а тамъ, можетъ быть, несмотря на хлопоты, Майльсъ получить отказъ.

Поэтому, она въ это утро посматривала на брата съ мрачнымъ замираніемъ сердца. Неужели дѣло дошло уже до послѣдней крайности? Неужели ему, ея брату, которымъ она такъ гордилась, придется направить свои шаги къ тѣмъ роковымъ дверямъ, на которыхъ красуется надпись громадными буквами: «Комитетъ выдачи пособій?» Онъ не завтракалъ въ это утро и она не знала, когда и что онъ ѣлъ въ послѣдній разъ. Лицо его ужасно исхудало и сильныя, мускулистыя руки висѣли какъ плети. Во всей его фигурѣ чувствовалось утомленіе, глаза были мутныя, губы поджаты. Что онъ сдѣлаетъ? Двери комитета открывались ровно въ одиннадцать часовъ; было уже безъ десяти одиннадцать, а контора комитета находилась довольно далеко. Если онъ хотѣлъ идти, то пора...

Она вдругъ вздрогнула. Майльсъ оттолкнулъ отъ себя книги и всталъ. Какая страшная перемена произошла въ его лицѣ и во всей его фигурѣ.

— Я ужоу, Молли, сказалъ онъ, взявъ со стѣны свою фуражку.

— Да, отвѣчала она глухимъ голосомъ и бросила на него такой страждущій, но покорный взглядъ, что Майльсъ послѣшила прибавить:

— Ничего, Мэри. Такъ ужъ суждено. Но ты напрасно думаешь, что это худшее. Гораздо хуже то, что ты мнѣ совѣтовала.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Путь ему предстоялъ довольно далекий, въ гору и подъ гору. Онъ чувствовалъ ужасное утомленіе и болѣе чѣмъ утомленіе; его желудокъ былъ пустъ, его мучилъ и терзалъ голодь, настоящій, всепожирающій голодь, о которомъ онъ часто читалъ, но котораго доселѣ никогда самъ не испыталъ. Въ головѣ у него мутлось, въ глазахъ темнѣло, онъ ничего не понималъ и не сознавалъ, кромѣ сосавшаго, точившаго его голода. Наконецъ, онъ достигъ, машинальной, медленной поступью, до единственнаго мѣста во всемъ Тансолѣ, гдѣ въ эти тяжелыя времена подерживалась бойкая, лихорадочная дѣятельность.

Передъ дверьми стояла толпа людей, старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ. Выраженіе ихъ лицъ было самое разнообразное; одни дышали сознаниемъ стыда и мрачнымъ отчаяніемъ, другіе обнаруживали легкомысленное хладнокровіе, дерзкое безстыдство и желаніе воспользоваться даровымъ кускомъ хлѣба.

Къ этой толпѣ присоединился и Майльсъ Гейвудъ, блѣдный отъ истощенія и душевной тревоги; губы его были стиснуты, впалые глаза мрачно прятались подъ насупленными бровями. Онъ не смотрѣлъ ни направо, ни налево, но, прислонясь къ стѣнѣ, засунувъ руки въ карманы и ждалъ. Передъ дверьми былъ устроенъ деревянный заборчикъ, такъ что проходили по одному человѣку и Майльсъ, какъ всѣ, долженъ былъ ждать своей очереди въ хвостѣ.

Каждый человѣкъ разъ или два въ своей жизни проходитъ черезъ дурную минуту, но рѣдко кто испыталъ такую болѣзненную, гнетущую сердце горечь, какъ Майльсъ Гейвудъ въ продолженіи тѣхъ минутъ, которыя онъ провелъ передъ дверьми комитета. Какая-то женщина его узнала и замѣтила, что никогда не ожидала его тутъ встрѣтить. Онъ отвѣчалъ что-то машинально и очень спокойно, но лицо покрылось багровымъ румянцемъ стыда. Въ эту минуту кто-то пихнулъ его сзади и онъ двинулся впередъ.

Наконецъ, онъ вошелъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими въ большую комнату, среди которой за столомъ сидѣли около дюжины джентльменовъ. Но какъ только онъ вступилъ на порогъ и увидалъ устремленные на него съ удивленнымъ социальнымъ глаза Себастьяна Малори, ему показалось, что въ комнатѣ было всего два человѣка, онъ и его соперникъ. Странно сказать, онъ совершенно забылъ, что Малори былъ одинъ изъ вліятельнѣй-

*

шихъ членовъ этого комитета. Теперь онъ это понималъ и чувствовалъ умомъ, сердцемъ, душой. Униженіе, ярость и отчаяніе едва не свели его съ ума.

Однако, благоразуміе взяло верхъ надо всѣмъ. Онъ видѣлъ ясно, что при совершенномъ недостаткѣ средствъ и терзавшемъ его голодѣ, ему не оставалось другого средства спасенія. Онъ не бѣжалъ изъ этой роковой комнаты. Онъ остался, но какъ онъ подошелъ къ господину, допрашивавшему желающихъ пособія, какъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы—все это осталось для него тайной. Послѣ этого допроса записали его адресъ и объявили, что будетъ сдѣлана повѣрка его заявленій. Майльсъ нисколько не обидѣлся этому недоверію къ его словамъ, потому ли, что онъ навѣки смирилъ свою гордость, или потому, что отъ волненія и голода не понималъ смысла полученнаго имъ отвѣта. Онъ молча отошелъ, недоумѣвая, сколько времени онъ еще выдержитъ безъ ѣды, но вдругъ Себастьянъ Малори поднялъ голову съ бумаги, которая, казалось, дотошъ сосредоточивала на себѣ все его вниманіе, и сказалъ спокойно:

— Нечего беспокоить инспектора повѣркой этихъ свѣдѣній, мистеръ Вайтекеръ. Я ручаюсь за ихъ справедливость. Вы могли бы тотчасъ выдать билетъ и деньги.

И онъ снова принялся за свое дѣло.

— А, въ такомъ случаѣ, все въ порядкѣ, произнесъ мистеръ Вайтекеръ и началъ писать билетъ.

Майльсъ запатался и, чтобы не упасть, схватился за спинку одного изъ стульевъ, стоявшихъ вокругъ стола. Вся комната заплескала въ его глазахъ, и онъ почувствовалъ, что не былъ болѣе Майльсомъ Гейвудомъ, а какимъ-то презрѣннымъ нищимъ, не заслуживающимъ даже милостыни.

— Вы, кажется, больны, молодой человѣкъ? произнесъ джентльмэнъ, сидѣвшій на стулѣ, на спинку котораго оперся Майльсъ:— пойдите со мною. Я вамъ покажу, гдѣ выдаютъ деньги.

Онъ взялъ билетъ у Вайтекера и повелъ Майльса за руку въ сосѣднюю маленькую комнату, гдѣ, вынувъ изъ шапка, подалъ ему кусокъ хлѣба и стаканъ краснаго вина.

— Подкрѣпите свои силы, сказалъ онъ съ доброй улыбкой:— а то вы не дойдете до дома. Вы слишкомъ долго постились. Вамъ слѣдовало придти ранѣе. Когда вы ѣли въ послѣдній разъ?

— Вѣроятно, прошло больше сутокъ, отвѣчалъ Майльсъ и посмотрѣлъ на джентльмена.

Это былъ пасторъ Понсонби, «радикальный пасторъ», какъ его называли. Этотъ человѣкъ былъ достойнѣе занимать мѣсто

перваго министра, чѣмъ провинціального ректора, но въ этой скромной должности онъ пользовался болѣею любовью и уваженіемъ, чѣмъ любой первый министръ.

— Вы хорошій человѣкъ, сказалъ онъ мягкимъ голосомъ:— я васъ знаю. Ваша сестра посѣщаетъ мою приходскую церковь, а вы...

— Я свободный мыслитель.

— А! Ну, все равно, дайте мнѣ вашу руку. Я очень бы желалъ имѣть такую овцу въ своемъ стадѣ.

— Еслибы что нибудь на свѣтѣ могло сдѣлать меня овцой, то это мысль, что вы будете моимъ пастыремъ, сэръ, отвѣчалъ Майльсъ, чувствуя отъ хлѣба и вина пріятную теплоту во всемъ тѣлѣ.

— Вотъ деньги за недѣлю, на которыя вы имѣете право по вашему билету, сказалъ пасторъ:—не трудитесь ходить въ контору. Прощайте. Очель радъ, что васъ видѣлъ. Да хранитъ васъ Господь.

И добрый старикъ дружески протянулъ свою руку. Тронутый его добротою, Майльсъ крѣпко сжалъ ее и не могъ промолвить слова отъ волненія. Пасторъ указалъ ему маленькую заднюю дверь, изъ которой онъ могъ выйти незамѣченный толпою. Онъ снова очутился на улицѣ съ бѣлымъ билетомъ и маленькой суммой денегъ въ рукахъ. Послѣ утѣшительныхъ словъ пастора Понсонби, онъ пересталъ ощущать страшную агонію стыда, но чувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ и безпомощнымъ.

Машинально идя домой, онъ поворачивалъ въ рукахъ деньги. Вдругъ ему пришла въ голову мысль, что ему надо на эти деньги купить себѣ пищи. Какъ, пищи для себя? Это ему показалось страннымъ и смѣшнымъ, но онъ все-таки вошелъ въ лавку и купилъ хлѣба и сыра. Потомъ онъ продолжалъ свой путь.

Проходя мимо двери одного дома, онъ увидалъ маленькую дѣвочку, которая, сидя на ступени, горько плакала.

— Что съ тобою, дитя? спросилъ онъ, останавливаясь.

— Мнѣ... ѣсть хочется, отвѣчалъ ребенокъ, всхлипывая.

— ѣсть хочется! произнесъ онъ вдругъ, сознавая, что не даромъ, не для одного себя перенесъ ужасную пытку:— ты не завтракала?

— Нѣтъ.

— А почему?

Въ эту минуту въ дверяхъ показалась очень худощавая и бѣдно одѣтая, но опрятная женщина съ младенцемъ на рукахъ.

— Ступайте домой, сэръ, сказала она:—стыдно такой боль-

шой барышнѣ плавать на улицѣ! Твой отецъ принесетъ что нибудь поѣсть. Ступай въ комнату и не плачь.

— Я... ѣсть хочу! повторила маленькая дѣвочка.

— Не слушайте ее, молодой человѣкъ, сказала женщина, обращаясь къ Майльсу: — мой мужъ пошелъ сегодня въ комитетъ. Мы дошли до этого и, вѣроятно, къ ночи что-нибудь поѣдимъ.

— Но такому маленькому ребенку очень трудно долго ждать, произнесъ Майльсъ: — если вы повѣрите ее мнѣ, то я дамъ ей позавтракать. Я самъ иду домой завтракать.

— Вы очень добры, благодарю васъ, отвѣчала женщина дрожащимъ голосомъ и отворачиваясь отъ Майльса.

— Ну, пойдемъ, голубушка, сказала нѣжно молодой человѣкъ, и, взявъ на руки маленькую Сару, понесъ ее въ свое скромное жилище на Городскомъ Полѣ.

Въ кухнѣ онъ посадилъ ребенка на кресло и, объяснивъ сестрѣ, что эта малютка голодна, а слѣдовательно, ее надо накормить, онъ отрѣзалъ ломоть хлѣба и кусокъ сыра и съ пламеннымъ интересомъ смотрѣлъ пока она ѣла. Онъ вдругъ почувствовалъ себя почти счастливымъ. Еслибы онъ сегодня не бросился въ огонь, то бѣдной Сарѣ пришлось бы голодать до ночи.

— Вкусно! Вкусно! промолвила дѣвочка, поѣвъ вдоволь.

И она, смѣясь, слѣдила за Майльсомъ, который самъ медленно принялся за ѣду.

— Послушай, замѣтилъ онъ: — ты можешь найти сюда дорогу завтра?

— Да, это не очень далеко.

— Такъ если ты будешь приходить каждое утро, слышишь, каждое утро, то для тебя всегда будетъ готовъ завтракъ.

— Но я могу очень много съѣсть, когда я голодна.

— Ничего, на тебя хватить.

— Хорошо, я буду приходить, воскликнула дѣвочка, хлопая въ ладоши, и, бросившись къ Майльсу, поцѣловала его.

Въ настоящее время въ Таисопѣ живетъ черноокая молодая женщина, лѣтъ двадцати-четырехъ, съ мужемъ и нѣсколькими дѣтьми. Когда дѣти пристають къ ней, требуя скорѣе завтрака или обѣда, она останавливаетъ ихъ, говоря, что они не знаютъ настоящаго голода, а для примѣра рассказываетъ имъ, какъ съ хлопчато-бумажнаго голода она однажды плакала и блѣдный молодой человѣкъ съ добрыми глазами отнесъ ее къ себѣ домой и накормилъ, а потомъ каждый день онъ или сестра ждали ее съ завтракомъ.

— Сколько же времени это продолжалось, мама?

— Три мѣсяца, дитя мое, изо дня въ день. И такъ они всегда были добры ко мнѣ.

— Онъ еще живъ?

— Конечно, и...

Но молодая женщина обыкновенно такъ растягиваетъ свой рассказъ, что эти мелкія подробности не могутъ интересовать читателей.

Спустя два дня послѣ этого памятнаго утра, Майльсъ получилъ приглашеніе явиться въ центральную контору комитета для раздачи пособій, такъ какъ онъ принятъ конторщикомъ, съ жалованьемъ въ двадцать шиллинговъ въ недѣлю.

! Такимъ образомъ, худшее время для Майльса Гейвуда материально миновало, но горечь испитой чаши въ этотъ роковой день не скоро изгладилась изъ его памяти.

VII.

Наслѣдница.

Когда Майльсъ началъ свою работу въ конторѣ комитета, одинъ изъ главныхъ членовъ дамской комиссіи временно отсутствовалъ. Адриенна Блиссетъ была тогда занята подробнымъ ознакомленіемъ съ своими собственными дѣлами, очутившись неожиданно въ положеніи очень богатой, какъ ей казалось, наслѣдницы. Она постоянно говорила Себастьяну Малори, который, въ качествѣ душеприказчика, часто находился въ Стонгэтѣ, распоряжался всѣмъ и объяснялъ ей въ чемъ состояли ея новыя обязанности, что эта страшная перемена въ жизни ей кажется невѣроятнымъ сномъ. Неужели всѣ эти деньги были ея собственностью и она могла распорядиться ими, какъ хотѣла, хотя не заработала и не заслужила ихъ ничѣмъ.

— Какая у васъ мысль непременно заработать все, чѣмъ вы пользуетесь, воскликнулъ онъ однажды:— требуете ли вы услуги отъ всякаго, кому вы оказываете услугу?

— Я право васъ не понимаю. Я удивлялась только, что у меня вдругъ явилось состояніе въ шестьсотъ или семьсотъ фунтовъ въ годъ, котораго я ничѣмъ не заслужила.

— Но вы теперь можете заслужить, хорошо расходуя свои деньги, отвѣчалъ онъ серьезно.

Кромѣ капитала, Адриенна получала еще аренду Стонгэта, уплаченную впередъ за два года. Приведа все это въ извѣстность и внутренно сожалея, что ей не съ кѣмъ было дѣлить своего

богатства и не съ вѣмъ посовѣтоваться о достойномъ его расходованіи, она въ одно прекрасное утро явилась въ свою школу, въ черномъ платьѣ, грустная, удрученная одиночествомъ, блѣдная, худая. Лица, съ которыми она познакомилась во время своей благотворительной дѣятельности, тотчасъ ее обрुжили и хотя прямо не поздравляли ее съ полученнымъ наслѣдствомъ, но выражали надежду, что она займетъ теперь среди нихъ принадлежащее ей мѣсто и будетъ поддерживать съ ними знакомство. Грустно и какъ-то неопредѣленно отвѣчала она на всѣ эти предложенія дружбы, и, вдругъ поднявъ голову, увидала какую-то высокую фигуру, проходившую мимо окна. Это былъ Майльсъ Гейвудъ, отправлявшійся въ контору.

Въ послѣдніе три мѣсяца имя Адриенны сдѣлалась хорошо извѣстнымъ во всемъ Тансопѣ, въ которомъ, какъ во всякомъ провинціальномъ городѣ, каждый зналъ даподлинно все, что дѣлалось у сосѣдей. Мистрисъ Малори очень не нравилось, что ея сынъ впутался въ дѣла мистера Блиссета, и миссъ Блиссеть, и, какъ умѣла, объясняла это странное событіе своимъ друзьямъ, которые съ любопытствомъ спрашивали, кто была эта миссъ Блиссеть, и что все это значило. По ея словамъ, Себастьянъ былъ очень добръ и не могъ ни кому ни въ чемъ отказать, а потому она была увѣрена, что онъ когда-нибудь попадетъ въ прсакаъ. Что же касается миссъ Блиссеть, то она ее знала, но не была въ дружескихъ съ нею отношеніяхъ. Вообще Себастьянъ согласился быть душеприказникомъ мистера Блиссета по добротѣ душевной, изъ сожалѣнія къ бѣдному старику, который, повидимому, не имѣлъ вовсе друзей. Вотъ и все.

Но, несмотря на всѣ усилія мистрисъ Малори, вскорѣ всѣ узнали, что ея сынъ и молодая, прелестная особа, недавно получившая наслѣдство, были большіе друзья. Елена Спенслей съ особымъ злорадствомъ распространялась о дружескихъ отношеніяхъ между молодыми людьми, такъ что мистрисъ Малори съ удовольствіемъ отодрала бы ей уши, еслибъ можно было драть уши наслѣдницѣ ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, имя Адриенны стало извѣстнымъ и совершенно въ иномъ слобѣ общества, среди рабочихъ. Они считали ее знатной, благодѣтельной особой и прежде, а тѣмъ болѣе съ тѣхъ поръ, какъ она получила наслѣдство и была окружена друзьями. Она была очень занята и Майльсъ, сидя за своей конторкой, видѣлъ, какъ она каждый день проходила мимо оконъ конторы, направляясь въ дамскій комитетъ. Она теперь была богатая наслѣдница, за которой многіе ухаживали, а онъ простой кон-

торщикъ, съ которымъ она едва имѣла случай вымолвить два слова въ цѣлую недѣлю.

VIII.

Въ комитетѣ.

Мистеръ Спенслей, миліонеръ, богатѣйшій человекъ въ Тансопѣ, находился въ числѣ тѣхъ хлопчатобумажныхъ лордовъ, которые, къ своему вѣчному стыду и униженію, рѣшились во время этого тяжелаго кризиса не оказать ни малѣйшаго пособія бѣднымъ своимъ рабочимъ, пока, наконецъ, общественное негодованіе не принудило ихъ применить къ комитету.

Долгое время мистеръ Спенслей довольствовался тѣмъ, что осматривалъ грубой брашью несчастныхъ, голодающихъ людей, торжественно спрашивалъ, отчего они всѣ не эмигрировали и клялся, что онъ не броситъ на нихъ ни одного пенса. Себастьяна Малори онъ всюду называлъ за глаза дуракомъ, сумасшедшимъ расточителемъ, хотя лично съ нимъ былъ очень учтивъ и любезенъ.

Когда открылся общественный комитетъ о раздачѣ пособій и всѣ богатые и бѣдые, старые и молодые жертвовали каждый сколько могъ, главный обитатель Тансопа долженъ былъ обязательно принести свою лепту. Онъ позволилъ себя записать въ число членовъ комитета, внесъ сто фунтовъ и довѣрилъ сыну ѣздить за себя на засѣданія комитета. Онъ самъ, несмотря на дурныя времена, былъ такъ занятъ, что не могъ найти свободнаго времени на такія пустяки.

Поэтому Фредъ Спенслей по временамъ являлся въ комитетъ, несмотря на жестокой урокъ, полученный имъ въ самое первое его появленіе.

Онъ пришелъ въ комитетъ на засѣданіе, вполне убѣжденный, что все это была безтолочь. Помѣщеніе комитета заключалось изъ трехъ комнатъ: первая была отведена подъ дамскую комиссію, вторая подъ контору, гдѣ занимался Майльсъ Гейвудъ съ своимъ помощникомъ, и третья подъ главный комитетъ, гдѣ и происходили общія собранія три раза въ недѣлю, а иногда и чаще, когда того требовали обстоятельства.

Являсь впервые на одно изъ такихъ собраній, Фредрикъ Спенслей вошелъ въ первую комнату, гдѣ нѣсколько отдѣльныхъ группъ разговаривали. Никто не обратилъ на него вниманія, но, осмотрѣвшись, онъ увидалъ у одного изъ оконъ Себастьяна Малори, котораго онъ искренно неавидѣлъ, какъ всякой негодяй

порядочнаго человѣка. Подлѣ него стояли двѣ дамы, одна вся въ черномъ была повернута къ нему спиной, а другая была его сестра Елена, очень взволнованная, съ блестящими глазами. Онъ прямо подошелъ къ послѣдней и, положивъ ей руку на плечо, спросилъ очень милостиво:

— Ну, голубушка, въ чемъ дѣло?

— Ахъ, это ты, Фредъ! Какъ ты меня перепугалъ. Ты пришелъ на собраніе?

— Да. Конечно, ни кому не будетъ пользы отъ моего присутствія, ни мнѣ самому, ни другимъ, но отецъ...

— Я знаю. По погоди. Ты знаешь мистера Малори? Миссъ Блиссеть, позвольте мнѣ...

— Извините меня, миссъ Спенслей, перебила ее холоднымъ, рѣшительнымъ голосомъ Адриенна, блѣдная, гордая, полная презрѣнія:—я не желаю знакомиться съ этимъ джентльменомъ.

Сказавъ это, она отвернулась и, присѣвъ къ конторкѣ, стала смотрѣть въ окно. Фредъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва, Себастьянъ былъ вмѣстѣ удивленъ и не удивленъ, а Елена сгорѣла отъ стыда. Она хорошо знала своего брата и была убѣждена, что онъ неприлично обошелся съ миссъ Блиссеть, которая безъ серьезной причины не сдѣлала бы такой дерзкой неучтивости. Она теперь поняла, почему Адриенна постоянно отказывалась отъ посѣщенія ея. Она не знала, что дѣлать. Себастьянъ вывелъ ее изъ этого затруднительнаго положенія. Послѣ минутнаго молчанія, во время котораго Фредъ Спенслей удалился, Себастьянъ сказалъ, словно ничего не случилось:

— Я сегодня доложу комитету эту бумагу, миссъ Спенслей, и увѣренъ, что на нее обратятъ должное вниманіе.

Елена посмотрѣла ему прямо въ глаза и еще болѣе побагровѣла.

— Вы очень добры, сказала она тихимъ, дрожащимъ голосомъ:—но вы не можете уничтожить факта, что я должна краснѣть за моихъ ближайшихъ родственниковъ.

Съ этими словами она отошла и Себастьянъ нашелъ, что всего лучше въ этихъ обстоятельствахъ—это послѣдовать за Фредрикомъ Спенслеемъ въ комнату, гдѣ уже начиналось собраніе.

Мистеръ Спенслей былъ въ самомъ гнѣвномъ настроеніи и съ радостью вымѣстилъ бы на комъ или на чемъ-нибудь свою злобу. Какъ на зло, проходя въ комитетъ, онъ увидѣлъ во второй комнатѣ, за конторкой, того дерзкаго рабочаго, который, десять мѣсяцевъ тому назадъ, задалъ ему публично страшную порку въ бильярдной влуба. И Майльсъ даже теперь взглянулъ на него съ презрительной улыбкой. Сердце оскорбленнаго, оплеваннаго

франта закипѣло ненавистью и жадной мести. Чтò ему было дѣлать, какъ отомстить, онъ самъ не зналъ, но поклялся въ глубинѣ своей души, что, такъ или иначе, найдетъ средство воздать съ лихвою за все проклятому рабочему. Обуреваемый этими гнѣвными мыслями, онъ вошелъ въ третью комнату, куда за нимъ явился и Себастьянъ.

Засѣданіе открылось. Конечно, Фредрикъ Спенслей не обратилъ никакого вниманія на докладъ комитету нѣкоего Джемса Гойля, которому поручили осмотрѣть нѣсколько трущобъ въ отдаленныхъ частяхъ города, куда многіе рабочіе должны были удалиться, не имѣя средствъ платить за наемъ порядочной квартиры. Мистеръ Гойль самъ предложилъ себя для этого дѣла, какъ лицо вполне компетентное, въ качествѣ проповѣдника, привыкшаго къ низкой средѣ и страннымъ сценамъ. Его отчетъ былъ очень ясенъ и заключалъ въ себѣ такіе удовлетворительные результаты, что комитетъ просилъ его продолжать начатое дѣло, увѣдомляя почаще о своихъ изслѣдованіяхъ.

Выразивъ искреннее удовольствіе, что онъ могъ принести сильную помощь великому, святому дѣлу, мистеръ Гойль поклонился членамъ комитета, избѣгая недовѣрчивыхъ, проникательныхъ взглядовъ Себастьяна и пастора Понсонби и вышелъ изъ комнаты. Въ дверяхъ онъ на минуту остановился и изъ-подлобья пристально посмотрѣлъ на гнѣвное, сумрачное лицо Фредрика Спенслея.

Прошло двѣ недѣли; май былъ на исходѣ. Съ каждымъ днемъ бѣдствія рабочихъ усиливались и средства для оказанія имъ помощи требовались все въ большемъ и большемъ размѣрѣ. Люди, посвятившіе себя этому дѣлу, удесятерили свою энергію, а за Атлантическимъ океаномъ борьба по прежнему свирѣпствовала. Лѣто и голодъ приближались, держа другъ друга за руку, быстрыми, роковыми шагами.

IX.

За деньги.

Во вторникъ было назначено засѣданіе комитета. Пламенное воззваніе было обращено ко всѣмъ вліятельнымъ лицамъ окологда. Пасторъ Понсонби подписалъ первый на листѣ пожертвованій пятьдесятъ фунтовъ, что для него было болѣе, нежели пять тысячъ для Спенслея. Около полудюжины крупныхъ фабрикантовъ жертвовали разныя суммы, отъ ста до пятисотъ фунтовъ. Потомъ въ

спискѣ стояло: «С. М. пятьсотъ фунтовъ», «Мистрисъ Малори пять фунтовъ». Мистрисъ Малори увѣряла, что она не могла дать болѣе, такъ какъ иначе она вышла бы изъ ежегоднаго ея бюджета на добрыя дѣла.

— Но вѣдь и ежегодная сумма народныхъ бѣдствій увеличилась, промолвилъ ея сынъ, продолжая читать списокъ:— «Г. фонъ В.—пять фунтовъ».

— Изъ нашего же кармана, подумала гнѣвно мистрисъ Малори, качая головой.

«Е. С. десять фунтовъ»—гласилъ далѣе списокъ. Эта запись относилась къ Еленѣ Спенслей, которая, отдавая деньги Себастьяну, сказала съ улыбкой торжества:

— Вы никогда не отгадаете какъ я ихъ достала.

— Выпросили, заняли или украли? спросилъ онъ, такъ же засмѣявшись.

— Ни то, ни другое, ни третье. Это не подарокъ и не находка, какъ прежніе пять фунтовъ, которые я случайно отыскала въ своемъ письменномъ столѣ. О, вы никогда не узнаете, какъ я достала эти деньги.

Однако, онъ узналъ отъ Адриенны эту тайну.

— Отецъ не хотѣлъ дать ей ни пенса, сказала Адриенна:— онъ рѣшился самъ пожертвовать двадцать пять фунтовъ, хотя очень въ нихъ нуждался и находилъ, что этого было слишкомъ достаточно. Такъ чтѣ же бы вы думали сдѣлала Елена?

— Не могу придумать.

— Она продала свои платья, бѣдняжка, за безцѣнокъ. Подумайте! она оставила себѣ только полдюжины, а остальной гардеробъ продала за десять фунтовъ. Ее ужасно обманули, но она очень рада этимъ десяти фунтамъ, словно они сто.

— Какъ тѣ, которыя пожертвовала другая особа?

— Какая особа?

— Вы думаете я не знаю, кто это написалъ? сказалъ Себастьянъ, указывая на запись въ списокъ: «Жизнь намъ дорога— 100 ф.».

— Но вы никому не скажете?

— А! вы сознались. Нѣтъ, я не скажу, если не представится къ тому необходимости въ вашемъ интересѣ.

— Пустяки. Но, не правда ли, эта молодая дѣвушка очень добра и великодушна!

— Да, конечно, произнесъ Себастьянъ, не спуская глазъ съ его любимой надписи.

Пресловутыя двадцать пять фунтовъ Спенслея были переданы Фредрику, съ порученіемъ отлатъ ихъ Себастьяну Малори. Моло-

дой франтъ, повидимому, не столь занятой, какъ отецъ, направился въ комитетъ; но было еще рано и засѣданіе должно было открыться только черезъ четверть часа. Ему пришлось подождать. Въ первой и второй комнатѣ не было никого, но въ третьей у окна стоялъ мистеръ Джемсъ Гойль съ кипой бумагъ подъ мышкой.

Спешлей подошелъ къ другому окну и сталъ смотрѣть на улицу. Потомъ полумашинально вынулъ изъ кармана и сталъ считать золотыя на подоконникѣ. Мистеръ Гойль съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ за нимъ и нетерпѣливо желалъ, чтобъ онъ поскорѣе окончилъ счетъ денегъ и снова принялся бы за болѣе невинное зрѣлище — глазѣны въ окно. Черезъ нѣсколько минутъ, молодой человѣкъ дѣйствительно опять устремилъ на улицу лѣнивый, небрежный взглядъ. Но вдругъ онъ оживился и все его вниманіе сосредоточилось на фигурѣ, тихо спускавшейся съ горы на разстояніи двухсотъ ярдовъ. Она была въ черномъ платьѣ, которое рельефно выставляло ея блѣдное лицо и русыя волосы. Онъ ненавидѣлъ ее по многимъ причинамъ, и потому, что она была такъ прелестна, и потому, что она со всѣми была любезна, а только съ нимъ холодна, какъ ледъ, а главное потому, что онъ ошибся въ ней и еслибы только отгадалъ съ разу, что она за существо, то никогда не подумалъ бы ее оскорбить, а, напротивъ, постарался бы снискать ея благосклонность. Онъ и теперь этого пламенно желалъ, но она не хотѣла ему дозволить раскаться и загладить свое прошедшее, хотя въ сущности онъ вовсе не раскаивался. Всѣ женщины одинаковы, думалъ онъ, или онъ хуже чорта, или слишкомъ чисты и невинны, чтобы взглянуть даже на такого человѣка, какъ онъ. Но она производила на него какое-то чарующее вліяніе и, несмотря на свою ненависть, онъ не могъ не сознаться въ ея прелести и не сводилъ теперь съ нея глазъ. Она медленно шла по улицѣ, не поднимая головы, но у самыхъ воротъ вздрогнула: тамъ стоялъ Майльсъ Гейвудъ, который пришелъ съ противоположной стороны, какъ уже давно замѣтилъ хитрый мистеръ Гойль.

Они встрѣтились. Адриенна протянула руку Майльсу съ слабой улыбкой, и послѣ минутной тѣни волненія, пробѣжавшей по ея лицу, она стала еще спокойнѣе и блѣднѣе прежняго. Молодой человѣкъ снялъ фуражку и пожалъ ея руку. Они заговорили, но очевидно было, что Адриенна, а не Майльсъ началъ разговоръ. У наружной двери во вторую комнату они расстались. Адриенна вошла въ дамской комитетъ.

— Чортъ ихъ возьми, проклятыя! промолвилъ въ слухъ Фред-

дрикъ Спенслей, съ любопытствомъ слѣдившій за молодыми людьми и совершенно забывшій, что въ комнатѣ былъ посторонній человѣкъ.

Но въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что кто-то положилъ руку на его плечо. Это былъ мистеръ Гойль.

— Зачѣмъ вы меня пугаете! воскликнулъ онъ: — что вамъ нужно отъ меня?

— Извините, сэръ, я смотрѣлъ въ окно на этого человѣка, Майльса Гейвуда...

— Его такъ зовутъ, разбойника?

— Да, сэръ. Онъ мой пасынокъ. Однако... нѣкоторыя молодыя дамы выбираютъ себѣ странныхъ друзей, не правда ли?

Спенслей хотѣлъ было спросить грубо, какое ему до этого дѣло, но пристальный, хитрый взглядъ мистеръ Гайля удержалъ его.

— Можетъ быть, отвѣчалъ онъ:—такъ что же?

— А вотъ что. Его мать, теперь моя жена, и я знаю хорошо, что это за человѣкъ. Я такъ же знаю кое-что о молодой дѣвушкѣ. Еслибъ факты, истинные факты о нихъ обоихъ были узнаны, то она не находилась бы въ такой чести у всѣхъ, а онъ...

Мистеръ Гойль разсмѣялся.

— Продолжайте, продолжайте! воскликнулъ Спенслей, затмивъ дыханіе.

— Я не думаю, чтобы его дуракъ хозяинъ...

— А кто его хозяинъ?

— Малори.

— А... а!

— Онъ питаетъ къ нему необыкновенное пристрастіе и досталъ ему тепершнее его мѣсто. Но онъ не знаетъ фактовъ. Знай онъ факты, онъ не сталъ бы покровительствовать Майльсу, а погубилъ бы его.

— Факты... какіе факты?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что обнаруженіе этихъ фактовъ потребовало бы денегъ.

— А вы убѣждены, что эти факты, однажды обнаруженные, имѣли бы желаемый результатъ?

— Т. е. какой?

— Что они были бы разлучены и она осталась бы несчастной.

— Конечно, онъ уѣхалъ бы отсюда, а она выплакала бы свои глаза.

— А сколько бы это стоило?

— Сто фунтовъ, и мнѣ потребовалось бы тотчасъ двадцать пять фунтовъ, а остальные по его отъѣздѣ.

— Вотъ двадцать пять фунтовъ, сказала Спенслей, отдавая ему деньги: — я выдамъ комитету чекъ. Но если вы меня обманете...

— Клянусь честью, сэръ! воскликнулъ съ жаромъ мистеръ Гойль:—вы можете на меня положиться. Это дѣло столько же мое, сколько ваше. А между тѣмъ, если вы услышите какіе-нибудь странные рассказы о ней, то не отвергайте ихъ; я вамъ уже сказалъ, что я знаю о нихъ обоихъ факты.

Не успѣлъ мистеръ Гойль получить деньги, какъ въ комнату вошли пасторъ Понсонби, Себастьянъ Малори и другіе члены комитета. Мистеръ Гойль углубился въ свои бумаги, а Фредъ Спенслей обернулся къ окну. Сердце его билось отъ опасенія, чтобы сдѣланное имъ не навлекло на него непріятности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, жажда мести еще болѣе усилилась въ немъ теперь, когда была надежда на ея удовлетвореніе.

Х.

О в ъ я с н е н і е .

Однажды за завтракомъ, мистрисъ Малори сказала, обращаясь къ сыну:

— Я съ большимъ сожалѣніемъ, Себастьянъ, слышала очень странныя вещи о... молодой дѣвушкѣ... какъ ее зовутъ... въ дѣла которой тебя какъ-то вмѣшалъ ея дядя.

Гюго, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, вспыхнулъ, но Себастьянъ спросилъ очень спокойно:

— Вы говорите о миссъ Адриеннѣ Блиссетъ?

— Блиссетъ... да, о миссъ Блиссетъ. Она, повидимому, принимаетъ большой интересъ въ раздачѣ пособій.

— Не повидимому, а дѣйствительно, если только тяжелый, ежедневный трудъ можно считать доказательствомъ.

— Она, кажется, выбираетъ себѣ очень странныхъ друзей.

— Напримѣръ, меня.

Война между матерью и сыномъ теперь была объявлена. Волненіе выражалось на лицѣ мистрисъ Малори, но Себастьянъ оставался по прежнему спокойнымъ, хотя Гюго замѣтилъ, по непонятнымъ для другихъ признакамъ, что его другъ былъ разстроенъ и очень непріятно.

— Я надѣюсь, что ты не въ числѣ ея близкихъ друзей, продолжала мистрисъ Малори, не подозрѣвая, какую грозу она навела на себя:—если ты не желаешь стоять на одномъ уровнѣ

съ безнравственными, атеистическими работниками, подонками низшихъ классовъ.

— Такъ рассказываютъ, что миссъ Блиссеть выбираетъ своихъ друзей изъ подонковъ низшихъ классовъ? спросилъ утливо Себастьянъ.

— Это не одни рассказы, а фактъ. Ея отецъ имѣлъ очень странныя идеи, а она доводитъ ихъ до крайностей, какъ всегда бываетъ съ женщинами, которыя воспитывались мужчинами и много таскались по свѣту.

Себастьянъ слегка улыбнулся, играя вилкой.

— Потому? промолвилъ онъ.

— Она познакомилась съ молодымъ человѣкомъ, о которомъ чѣмъ меньше говорить, тѣмъ лучше. Она его нашла въ библиотекѣ, куда ходила *по вечерамъ* (слово это мистрисъ Малори произнесла такимъ тономъ, котораго передать невозможно). Она пригласила его къ себѣ и онъ ходилъ къ ней часто; это социалистъ, атеистъ и вообще самый безнравственный человѣкъ. Какъ далеко зашла ихъ дружба, я не могу сказать, но знаю, что Фредрикъ Спенслей, который не отличается очень строгой нравственностью...

— О, нѣтъ!

— Фредрикъ Спенслей не захотѣлъ съ нею знакомиться, запретилъ своей сестрѣ говорить съ нею и поспѣшно увелъ ее изъ комнаты, въ которой была эта дѣвушка.

— Вы почерпнули эти свѣдѣнія изъ вѣрнаго источника?

— Совершенно вѣрнаго и благонадежнаго. Я не могу сказать имени того лица, отъ котораго я это слышала, но должна замѣтить, что эти факты вполне соответствуютъ моимъ предположеніямъ. Я всегда говорила...

— Извините, все равно, что вы говорили и что говорятъ другіе. Я вамъ скажу правду изъ первыхъ рукъ. Молодой человѣкъ, о которомъ вы столько слышали лестнаго, былъ моимъ рабочимъ, но со времени закрытія фабрики онъ отказался. Онъ достоинъ всякаго уваженія и пользуется самой лучшей репутаціей. Еслибъ Фредрикъ Спенслей былъ въ сотую долю такимъ джентльмэномъ, какъ Майльсъ Гейвудъ, то для него было бы это величайшимъ счастьемъ. Гейвудъ—другъ миссъ Блиссеть и этотъ фактъ дѣлаетъ честь имъ обоимъ. Я встрѣтилъ его разъ въ домѣ ея дяди и бывалъ у него самого. Я его очень уважаю. Что же касается до второй половины вашего рассказа, т. е. отказа Фредрика Спенслея отъ знакомства съ миссъ Блиссеть, то я, право, удивляюсь, какъ вы, съ вашимъ знаніемъ свѣта, повѣрили такому вздору. Я, какъ нарочно, присутствовалъ

при этомъ случаѣ. Миссъ Спенслей хотѣла представить своего брата миссъ Блиссетъ, но послѣдняя отказалась, и я знаю, что она имѣла на это вѣскія причины. Я пожалѣлъ отъ всего сердца миссъ Спенслей, которая настолько же выше своего брата, насколько небо выше земли. Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что вы не будете рассказывать ничего дурного о миссъ Блиссетъ, потому что я хочу жениться на ней и сдѣлаю ей сегодня же предложеніе, если найду удобную минуту.

Мистрисъ Малори съ видимымъ неудовольствіемъ слушала рѣчь сына, произнесенную съ необыкновеннымъ жаромъ, но послѣднія его слова просто вывели ее изъ себя. Она вскочила со стула очень блѣдная и непремѣнно разразилась бы рыданіями, еслибъ гордость ей это дозволила.

— Нѣтъ существъ неблагодарнѣе, какъ дѣти, промолвила она холодно:— съ самаго твоего возвращенія, ты всячески старался унижить меня и сдѣлать все, что можно противъ меня, а теперь ты меня оскорбляешь, отыскавъ какую-то...

— Не говорите дурного объ этой вполне достойной молодой дѣвушкѣ, перебилъ ее Себастьянъ:— это не приведетъ къ добру и вы только сами потомъ раскаетесь.

Она молча вышла изъ комнаты, а Себастьянъ тихо затворилъ за нею дверь.

Несмотря на все желаніе, Себастьянъ не могъ найти удобной минуты, чтобъ осуществить свое намѣреніе. Онъ былъ заваленъ работой, такъ что долженъ былъ остаться въ комитетѣ послѣ ухода Адриенны, которая отправилась домой одна. Это очень его беспокоило. Три мѣсяца тому назадъ, онъ былъ бы убѣжденъ, безъ всякаго излишняго самолюбія, что его предложеніе встрѣтитъ удовлетворительный отвѣтъ, но теперь онъ сомнѣвался въ результатѣ. Однако, неприятная сцена съ матерью побудила его не ждать долѣе, а въ этотъ же самый день рѣшить свою судьбу.

Возвратясь домой, онъ рано пообедалъ одинъ, и, зная, что Адриенна обыкновенно бываетъ дома около половины восьмого, отправился въ семь часовъ въ Стонгэтъ.

Ближайшій его путь лежалъ черезъ городской паркъ, и, войдя въ него, онъ замѣтилъ, что тамъ не было почти никого: одна нянька съ дѣтми находилась близъ поляны для крокета и на скамейкѣ подъ деревомъ сидѣлъ какой-то человѣкъ, согнувшись и закрывъ лицо руками. Наконецъ, съ противоположной стороны парка приближалась женская фигура. Сердце Себастьяна дрогнуло: это была Адриенна Блиссетъ.

Онъ поспѣшилъ къ ней на встрѣчу.

— Вы здѣсь, мистеръ Малори, и въ такое время? воскликнула молодая дѣвушка:—это что-то необыкновенное.

— Я шелъ къ вамъ, надѣясь въ это время застать васъ дома. Я очень радъ, что увидѣлъ васъ хоть здѣсь.

— Я такъ же очень рада. Я шла къ Мэри Гейвудъ и, вѣроятно, долго засидѣлась бы у нея. Я уже очень давно не была тамъ. Но не вернуться ли намъ домой?

— Нѣтъ, не ради меня, т. е. если вы не устали и не имѣете ничего противъ небольшой прогулки по этой террасѣ.

— Нисколько. Какой прекрасный вечеръ! Какъ живописно краснѣютъ на сѣверѣ эти холмы. Мнѣ часто хотѣлось взобраться на нихъ. Чтò бы я отсюда увидѣла, какъ вы думаете?

— Йорнширъ и еще холмы до безконечности. Но не смотрите теперь на пейзажъ и выслушайте меня. Я хочу у васъ кое-что спросить.

— Да? отвѣчала Адриенна, повернувшись къ нему съ улыбкой.

Но ея улыбка мгновенно исчезла. Его глаза были пристально устремлены на нее и въ этихъ глазахъ ясно выразалось, о чемъ онъ хочетъ говорить. Она вспыхнула.

— Я тщетно поджидалъ удобнаго случая, сказалъ онъ, нѣжно взявъ ее за руку:—приходится его создать самому. Я долженъ сегодня узнать свою судьбу. Я не могу долѣе ждать. Адриенна, я васъ люблю съ того несчастнаго дня, когда вы уѣхали изъ Вецлара. Я тогда уже понялъ, какъ страстно любилъ васъ и съ тѣхъ поръ моя любовь только все усиливалась. Любите ли вы меня? Можете ли... когда-нибудь быть моей женою?

— Вы... мнѣ очень жаль, промолвила Адриенна едва слышно:— О! мистеръ Малори...

— Мистеръ Малори! повторилъ онъ, чувствуя, что по всему его тѣлу пробѣжалъ холодъ:—Адриенна, я вижу, какой будетъ вашъ отвѣтъ. Но подумайте. Не торопитесь. А мнѣ казалось..., неужели же я такой слѣпой, самолюбивый дуракъ! Нѣтъ, отложимъ до завтра вашъ отвѣтъ. Подумайте.

— Нѣтъ, сказала Адриенна дрожащимъ голосомъ, но съ твердой рѣшительностью:— я знаю, чтò я чувствую и буду вѣчно чувствовать. Я васъ очень уважаю—о, ужасно!—и вы мнѣ чрезвычайно дороги. Я питаю къ вамъ самую нѣжную привязанность. Вы были такъ добры ко мнѣ (слезы выступили на ея глазахъ), но я не могу выйти за васъ замужъ. О! не смотрите такъ мрачно! Боже мой! какъ я сожалею! какъ я сожалею!

— Вы увѣрены въ этомъ? спросилъ Себастьянъ очень тихо:— неужели я снискалъ только равнодушiе отъ...

— Я никогда не питала къ вамъ равнодушія, и даже было время...

— Когда? спросилъ, притаивъ дыханіе, молодой человѣкъ.

— Когда я думала... мнѣ казалось...

— Что вы можете... что вы меня любили?

Она наклонила голову.

— И это было во время моего отсутствія. Отчего же вы не можете меня любить теперь, моя радость? Еслибъ вы только позволили мнѣ доказать вамъ мою любовь и вы сами... мало по малу...

— Нѣтъ, не говорите мнѣ объ этомъ. Это невозможно. Я знаю теперь свое сердце.

И она взглянула на него умоляющими, безпокойными, дикими глазами.

— И въ вашемъ сердцѣ нѣтъ мѣста для любви ко мнѣ?

— Да, для такой любви—нѣтъ. О, Боже мой, какое несчастье, что я должна вамъ это сказать. Но вы сами подумайте серьезно. Вамъ нужна совсѣмъ иная жена; красивая, богатая. Вы поймете это, когда полюбите достойную васъ женщину, которая будетъ любить васъ такъ, какъ вы этого заслуживаете.

— Это плохое утѣшеніе, когда женщина, которую я люблю, не сочувствуетъ мнѣ.

— Только потому, что я люблю другого, промолвила Адриенна, едва слышно, и отворачивая свое зардѣвшееся лицо.

Наступило молчаніе.

— Простите меня, сказалъ онъ, наконецъ:—я вижу, что мнѣ не остается никакой надежды. Я никогда болѣе не упомяну объ этомъ.

— Простите и вы меня, отвѣчала Адриенна, глубоко тронутая: — я должна была... но нѣтъ, я не могла... я...

— Не упрекайте себя. Я все понимаю. (Они въ это время медленно шли по террасѣ, мимо скамейки, на которой сидѣлъ человѣкъ съ закрытымъ руками лицомъ). Мнѣ нечего болѣе говорить. Мы будемъ встрѣчаться, какъ прежде. Могу я васъ иногда называть Адриенной?

— Всегда, если желаете.

— Забудьте этотъ разговоръ и не сердитесь на меня.

— Какъ могу я сердиться на васъ?

— Тогда всѣ клеветы умолкнуть, уничтожатся всѣ недоразумѣнія и между нами будетъ все ясно.

Онъ не могъ себя побороть разомъ и голосъ его звучалъ очень нѣжно.

— Да, совершенно ясно, какъ и должно быть, отвѣчала Адриенна дрожащимъ голосомъ.

Онъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ. Человѣкъ на скамейкѣ не пошевелинулся, а они ничего не видѣли, чувствуя, что прощаются на вѣки.

— Я пойду домой, теперь я не въ силахъ идти далѣе, сказала Адриенна, подойдя къ воротамъ парка.

— Я васъ оставлю. Прощайте.

— Прощайте, промолвила она, подавая ему руку, но не смотря на него.

Но онъ такъ долго держалъ ея руку, что она, наконецъ, подняла голову.

— Милый Себастьянъ, я...

— Вотъ я этого только и хотѣлъ, произнесъ онъ съ слабой улыбкой. — Прощайте, да хранитъ васъ Господь, дорогое дитя!

Адриенна вышла изъ дома съ твердымъ намѣреніемъ пойти къ Мэри Гейвудъ. Но встрѣтившъ Себастьяна, она уже не исполнила своего намѣренія.

XI.

Анонимное письмо.

Жизнь Майльса Гейвуда стала еще мрачнѣе и невыносимѣе прежняго. Сердце его раздиралось отъ мучительныхъ страданій. Онъ совершенно пересталъ посѣщать Адриенну. Свиданіе съ нею только возбуждало въ немъ томительное, безпокойное чувство. Но онъ слѣдилъ за нею издали и грустно отвѣчалъ въ своемъ сердцѣ каждый день, проходившій въ ожиданіи ея посѣщенія. Прежде, она ходила очень часто въ скромный домъ на Городской улицѣ, а теперь почти совершенно прекратила свои посѣщенія. Онъ зналъ, какъ всѣ въ Тансонѣ, что ея дядя умеръ и что она успѣлась его единственной наслѣдницей. Онъ такъ же слышалъ не разъ толки о томъ, что она выйдетъ замужъ за Себастьяна Малори и считалъ эти слухи очень вѣроятными, но пойти къ ней и лично узнать отъ нея объ ея свадьбѣ было сверхъ его силъ.

Майльсъ прежде презиралъ Себастьяна Малори, а потомъ ненавидѣлъ его. Теперь же все это измѣнилось и онъ самъ удивлялся, какъ долго онъ отъ этого не избавился. Сталась эта неприязнь. Онъ теперь смотрѣлъ на своего счастливаго соперника съ холоднымъ, спокойнымъ равнодушіемъ. Его единственнымъ желаніемъ, когда

онъ чего-нибудь желалъ, было, чтобъ все это поскорѣе окончилось и произошла бы какая нибудь радикальная перемѣна.

Утромъ, въ тотъ самый день, когда Себастьянъ Малори, послѣ разговора съ матерью, рѣшился объясниться въ любви Адриеннѣ, Майльсъ Гейвудъ получилъ письмо. Написано оно было незнакомымъ ему почеркомъ и, вмѣсто подписи, стояло «доброжелатель-христианинъ». Съ большимъ удивленіемъ онъ прочелъ слѣдующее.

«Знаете ли вы, въ какомъ находитесь положеніи? Знаете ли, кому вы обязаны своимъ мѣстомъ? Вашему другу, мистеру Себастьяну Малори. Спросите его и онъ самъ скажетъ, что его голосъ и голосъ пастора Понсонби, котораго онъ расположилъ въ вашу пользу, доставили вамъ это мѣсто. А я думалъ, что вы рѣшились ничѣмъ не быть ему обязаннымъ. Знаете ли вы, что, несмотря на всѣ его прекрасныя увѣренія, онъ подкапывается подъ васъ и если вы не овладѣете совершенно извѣстной молодой особой или не откажетесь отъ нея окончательно, вы вскорѣ останетесь въ дуракахъ? Я говорю это потому, что всѣмъ извѣстно, какими большими друзьями вы были съ этой особой. Спросите кого угодно въ Тансопѣ о томъ, что говорятъ про васъ обоихъ и вы увидите, что все, написанное мною, чистая правда. Вамъ остается одинъ способъ выйти изъ этого затруднительнаго обстоятельства — это уѣхать отсюда. Я живо интересуюсь вами и совѣтую вамъ этотъ исходъ, предполагая, что вамъ горько думать, что, по вашей милости, объ ней такъ говорятъ. Конечно, вы вольны принять мой совѣтъ или нѣтъ, но я думаю, что нѣтъ сомнѣнія, который изъ этихъ двухъ путей самый благородный и истинно христианскій.

«Доброжелатель».

Прочитавъ письмо, Майльсъ положилъ его на столъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Онъ не старался отгадать, кто написалъ письмо. Многое въ немъ казалось ему справедливымъ. Значитъ, любовь Себастьяна къ Адриеннѣ не была иллюзіей, плодомъ его разстроенной фантазіи. Ничего не говорилось противъ нея, а только осуждалось его поведеніе и намекалось на скандальныя толки о ней. Ему совѣтовали провѣрить свѣдѣнія, сообщаемыя письмомъ и самому убѣдиться въ истинѣ; этотъ вызовъ былъ вполне правильный и честный.

Тотъ фактъ, что онъ былъ обязанъ своимъ мѣстомъ Себастьяну Малори, уже теперь не могъ, какъ прежде, вывести его изъ себя. Мысль, что Себастьянъ Малори подкапывался подъ него, показалась ему столь комичной, что онъ улыбнулся, несмотря на свое мрачное состояніе. Если Себастьянъ хотѣлъ ухаживать за

Адриенной, а она хотѣла допустить это ухаживаніе, то кто же могъ помѣшать имъ? По крайней мѣрѣ, онъ не имѣлъ на это никакого права. Все это были пустяки и онъ на этихъ пунктахъ долго не останавливался, но остальная часть письма возбудила въ немъ ужасъ, отвращеніе, ярость. Какъ! за нимъ и Адриенной слѣдили, ихъ дружескія отношенія истолковывались въ дурную сторону и про нее ходили скандальныя слухи? Это привело его въ тупикъ. Онъ думалъ, что находится во снѣ и что его душитъ страшный кошмаръ. Его сердце и безъ того тревожно ныло, но этотъ ударъ его окончательно сразилъ.

Однако, ему надо было идти на работу, и, сунувъ письмо въ карманъ, онъ направился въ комнату комитета. Какъ онъ исполнилъ свои обязанности, онъ не сумѣлъ бы сказать. По счастью, Адриенны тамъ не было, а то онъ не вынесъ бы своихъ страданій.

Въ двѣнадцать часовъ онъ возвратился домой. Проходя по Городскому Полю, онъ встрѣтилъ Гарри Ашворта. Это былъ красивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, получавшій до погрома хорошее жалованье, и большой другъ Майльса и Эдмунда. Онъ часто посѣщалъ ихъ и Мэри очень любила его общество, хотя разговаривать съ нимъ было очень тяжело, потому что онъ былъ почти совсѣмъ глухъ. Сосѣди иногда поговаривали о Гарри, какъ о будущемъ женихѣ молодой дѣвушки, но доселѣ между ними не было еще никакихъ объясненій въ любви.

— Майльсъ, что съ вами? спросилъ Гарри, пораженный болѣзненнымъ видомъ своего товарища.

— Ничего, отвѣчалъ Майльсъ, но вдругъ въ головѣ его блеснула мысль о повѣркѣ письма и онъ прибавилъ: — нѣтъ, я лгу, меня кое-что очень тревожитъ. Скажите, Гарри, вы мой другъ?

— Еще бы, Майльсъ!

— Такъ докажите мнѣ это на дѣлѣ. Пойдемте ко мнѣ, я вамъ кое-что покажу.

Черезъ нѣсколько минутъ, они уже сидѣли въ гостиной скромнаго дома, которая теперь была лишена большей части мебели и украшеній, нѣкогда составлявшихъ гордость Мэри.

— Вотъ прочтите, сказалъ Майльсъ, подавая Гарри анонимное письмо:— и потомъ скажите мнѣ, знаете ли вы, о комъ тутъ говорится.

Лицо молодого человѣка, во время чтенія, выражало смущенное удивленіе, а дойдя до послѣдней строчки, онъ произнесъ, не смотря на Майльса, который все время пристально слѣдилъ за нимъ:

— Странно! Очень странно!

— Ну, голубчикъ, можете вы отгадать, на какую женщину здѣсь намекаютъ? спросилъ Майльсъ, возвышая голосъ, но такъ, чтобъ его не слышали сестра и братъ.

— Я кое-что слышала о васъ и объ этой молодой дѣвушкѣ, промолвилъ съ значительнымъ смущеніемъ Гарри.

— Назовите ее.

— Нѣтъ, зачѣмъ?

— Я хочу; ради Бога, назовите ее! воскликнулъ съ отчаяніемъ Майльсъ.

— Не забывайте, что я передаю только слова другихъ. Кажется, ее зовутъ миссъ Блоссетъ.

— Вы говорите, что вы мой другъ, Гарри, произнесъ Майльсъ дрожащимъ голосомъ:— скажите же мнѣ все, что вы слышали.

— Ну, ходять слухи, что до смерти дяди она была влюблена въ васъ и что вы часто говорили объ этомъ. Но вы понимаете, другъ мой, что я этому не вѣрю.

— Я говорилъ, что она въ меня влюблена? повторилъ Майльсъ глухимъ голосомъ.

— Да, такъ рассказываютъ и прибавляютъ, что вы ходили къ нимъ въ домъ не для того, чтобъ видѣть старика, но...

— Довольно! воскликнулъ Майльсъ и отвернулся, пылая негодованіемъ и будучи не въ силахъ промолвить ни слова отъ волненія.

— Право, Майльсъ, не изъ-чѣго такъ тревожиться, прибавилъ Гарри:— это, вѣроятно, написалъ кто-нибудь, желающій васъ удалить и занять ваше мѣсто. Это видно по совѣту анонимаго автора. Но, слава Богу, вы не такой человекъ, который обратитъ вниманіе на...

— Совѣтъ хорошъ и, вѣроятно я ему послѣдую, отвѣчалъ Майльсъ:— не знаете ли вы, кто пустилъ въ ходъ этотъ разсказъ?

— Этого никто не знаетъ, произнесъ Гарри:— всѣ повторяютъ его, не вѣдая, откуда онъ взялся.

— Ну, я теперь доволенъ, мнѣ болѣе ничего не нужно, только я попрошу васъ, если вы дорожите мною и моими, не говорите никогда объ этомъ предметѣ.

— Вотъ вамъ моя рука, отвѣчалъ Гарри:— до конца моей жизни не вымолвлю ни слова.

Они разстались. Прежде чѣмъ уйти, Гарри зашелъ на кухню и предложилъ Мэри прайти вечеромъ и посидѣть съ Эдмундомъ которому въ послѣдніе дни стало гораздо хуже. Молодая дѣ-

вупка приняла это предложеніе съ благодарностію и Гарри удалился.

Завтракъ былъ очень мрачный. Майльсъ ничего не ѣлъ и молчалъ. Мэри вела себя точно также, вслѣдствіе безпокойства и грустныхъ предчувствій насчетъ брата.

Послѣ завтрака Майльсъ возвратился въ контору, которая стала ему ненавистной. Съ какимъ отвращеніемъ смотрѣлъ онъ на длинное зданіе фабрики; ему казалось, что каждое знакомое лицо и даже самыя стѣны глядѣли на него подозрительно, указывали на него пальцемъ.

Въ этотъ день у него было очень много работы и онъ вышелъ изъ конторы только въ шесть часовъ. Когда онъ вернулся домой, то не засталъ сестры въ кухнѣ, она была наверху у Эдмунда. Майльсъ посидѣлъ немного, погруженный въ мрачную думу, потомъ всталъ, вышелъ изъ дверей и побрѣлъ по улицѣ, самъ не зная куда. Наконецъ, онъ очутился въ городскомъ паркѣ, который очень любилъ съ дѣтства, но теперь смотрѣлъ на все, словно ничего не замѣчая. Походивъ машинально по аллеямъ, онъ сѣлъ на скамейку подъ деревомъ на террасѣ и, закрывъ лицо руками, глубоко задумался. Вся его будущность представлялась ему мрачной, безнадежной; горе и отчаяніе наполнили его сердце.

— Мнѣ здѣсь нельзя оставаться, говорилъ онъ самъ себѣ: — если я уѣду, то всѣ клеветы умолкнуть сами собою и потомъ есть другой человекъ, который защититъ ее. Онъ можетъ ходить къ ней сколько угодно и никто не скажетъ объ этомъ ни одного дурного слова.

Сколько времени онъ оставался на этой скамьѣ, онъ самъ не зналъ. Онъ забылъ о всемъ окружающемъ, какъ вдругъ услыхалъ приближавшіеся голоса и шаги. Онъ не пошевелился, никто не обратилъ на него вниманія. Еще менѣе двинулся онъ съ мѣста, когда подъ самыми его ушами раздался голосъ Себастьяна Малори, говорившій:

— Тогда клеветы умолкнуть, уничтожатся всѣ недоразумѣнія и между нами все будетъ ясно.

Въ голосѣ его слышалась глубокая, нѣжная любовь.

— Да, совершенно ясно, какъ и должно быть, отвѣчалъ дрожащій женскій голосъ, отъ котораго перевернулось сердце Майльса.

Они прошли мимо. Несчастный юноша скрылъ еще болѣе свое лицо руками. Онъ слышалъ, какъ Себастьянъ поцѣловалъ руку Адриенны и потомъ, какъ замерли ихъ шаги. Тогда онъ поднялъ голову. Его изумляла происшедшая въ немъ перемѣна и страш-

ная апатія, повидимому, овладѣвшая всѣмъ его существомъ. Онъ только-что слышалъ слова, которыя, казалось, должны были отравить ему всю жизнь и, однако, онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, и его пульсъ не бился сильнѣе, его дыханіе не захватывало. Онъ потерялъ все, что считалъ для себя потеряннымъ и все, что, повидимому, приобрѣлъ Себастьянъ, но не ощущалъ ни жгучихъ страданій, ни особаго гнѣва.

Однако, когда онъ всталъ съ инстинктивнымъ намѣреніемъ направиться домой, онъ созналъ, что это было невозможно. Ему страшно было подумать, что онъ войдетъ въ домъ и увидитъ кого-нибудь.

— Отчего мнѣ не идти домой? разсуждалъ онъ: — тамъ мнѣ лучше всего съ Мэри и Недомъ. Мнѣ надо пойти къ нему, онъ такъ боленъ. Но нѣтъ, это невозможно. Я знаю, что мнѣ нужно сдѣлать большую прогулку по холмамъ, подалѣе отъ этой дымной трущобы. Нѣтъ ничего лучше, какъ свѣжій горный воздухъ, чтобы прогнать изъ головы болѣзненные фантазіи. Гарри часто прибѣгалъ къ этому лекарству въ тяжелыя минуты, а онъ часто бывали у бѣднаго Гарри!

И онъ улыбнулся при мысли, что онъ сожалѣлъ своего друга съ бѣльшимъ чувствомъ, чѣмъ то, которое вызывало въ немъ его собственное несчастье.

Очень довольный своимъ планомъ, онъ быстрыми шагами направился на сѣверъ, но прежде чѣмъ вышелъ изъ города, онъ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ, на привѣтствія которыхъ отвѣчалъ машинально. Потомъ, проходя мимо извѣстнаго кабака «Паноретникъ» въ предмѣстьѣ Бриджерольдъ, онъ услышалъ чей-то голосъ, громко кричавшій:

— Эй, Майльсъ! Вы ли это!

Онъ обернулся и увидалъ въ дверяхъ кабака своего стараго товарища, который работалъ вмѣстѣ съ нимъ на фабрикѣ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ переехалъ въ Россендаль.

— Войдите, пріятель, продолжалъ рабочій, сильно пьяный: — ужь если мы встрѣтились, то надо выпить. Я заплачу. Чего хотите?

И онъ насильно потащилъ Майльса въ кабачекъ, гдѣ около полудняиныи человекъ громко его привѣтствовали.

— Что пить? Все равно, что вы сами пьете, отвѣчалъ Майльсъ, здороваясь со всѣми, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на ихъ веселыя, и повидимому, беззаботныя лица.

Онъ сѣлъ за столъ, говоря себѣ съ какой-то дикой яростью, что много было на свѣтѣ удовольствій, и что если одно, ему не

удается, за то доступны другія. Черезъ минуту служанка подала ему стаканъ горячаго грога.

— Ну, воскликнулъ его старый товарищ:—за ваше здоровье Майльсъ! За наше второе свиданіе!

— За наше второе свиданіе! повторилъ Майльсъ, поднося стаканъ къ губамъ, но вдругъ, какъ бы очнувшись, поставилъ стаканъ на столъ и вышелъ изъ кабачка, несмотря на гнѣвные крики товарищей.

— Фуй! провзнесъ онъ, очнувшись на свѣжемъ воздухѣ: — я еще не дошелъ до этого.

Солнце уже садилось и Майльсъ направился къ окрашеннымъ пурпурнымъ цвѣтомъ холмамъ. Онъ шелъ, по его понятіямъ, не долго, но въ сущности прошло нѣсколько часовъ, и когда онъ сталъ сознавать окружающіе предметы, то уже была ночь, звѣзды блестя на безоблачномъ небѣ и онъ былъ въ двадцати или тридцати миляхъ отъ Тансопа.

Онъ стоялъ на холмѣ, покрытомъ верескомъ, и сѣлъ, чтобы отдохнуть. Но мягкое, эластичное ложе показало ему столь соблазнительнымъ, что онъ растянулся и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ, спасительнымъ сномъ.

XII.

Перемѣны.

Мэри Гейвудъ просидѣла весь этотъ день съ больнымъ Эдмундомъ; изнурительная горячка повинула его, но слабость была такъ велика, что молодая дѣвушка боялась, что онъ долго не протянетъ. Онъ нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ и все спрашивалъ Майльса. Однако, прошелъ обычный часъ его возвращенія и о немъ не было ни слуха, ни духа. Наконецъ, дверь хлопнула внизу и Мэри послѣнно сбѣжала по лѣстницѣ. Это былъ Гарри Ашвортъ. Мэри въ изнеможеніи опустилась на стулъ и горько зарыдала.

— Что съ вами, Мэри? спросилъ Гарри, нѣжно взявъ ее за руку.

— Майльсъ не возвращается, я не знаю почему, а бѣдному Неду не долго придется жить, отвѣчала она, продолжая плакать:—но вы, Гарри, вы меня не оставите.

Въ эту минуту глаза ихъ встрѣтились и что-то во взглядѣ молодой дѣвушки дало Гарри смѣлость, которую онъ такъ долго тщетно звалъ къ себѣ на помощь. Истинативно они нагнулись

другъ къ другу и губы ихъ встрѣтились, словно они искали въ поцѣлуѣ утѣшенія и новыхъ силъ.

— Я бы хотѣлъ никогда тебя не оставлять, Мэри, сказалъ Гарри Ашвортъ, обнимая ее:—но часто я спрашиваю себя, можешь ли ты вынести такого калѣку, какъ я. Мнѣ кажется, что это невозможно; ну, разрѣши же разомъ всѣ мои сомнѣнія.

— Я уже давно рѣшила, что сдѣлать, если вы когда-нибудь сдѣлаете мнѣ предложеніе, отвѣчала наивно Мэри.

— А имонно?

— Очень просто — взять тебя обѣими руками, промолвила она съ улыбкой; но, вспомнивъ объ ужасномъ положеніи брата, тотчасъ прибавила:—я очень счастлива, но намъ надо подумать о бѣдномъ Недѣ. Пойди къ нему и расскажи, что ты здѣсь надѣлалъ. Онъ будетъ очень радъ; онъ давно это подозрѣвалъ. А я сбѣгаю за докторомъ.

Неожиданное извѣстіе о томъ, что его сестра выходила замужъ за такого хорошаго и близкаго всей семьѣ человека, какъ Гарри Ашвортъ, дѣйствительно, обрадовало больного. Онъ улыбнулся, нѣжно пожалъ руку Гарри, но не могъ произнести ни слова отъ слабости, и снова мрачное облако смерти отуманило его лицо. Вскорѣ явился докторъ, человекъ очень занятой. Онъ остался у больного лишь нѣсколько мгновений и, выходя, сказалъ съ добродушной откровенностью провожавшей его Мэри:

— Ну, вамъ надо собраться съ силами, моя милая. Я не могу вамъ обѣщать, что онъ доживетъ до утра.

Едва удерживая слезы, Мэри возвратилась къ больному и, вмѣстѣ съ Гарри, просидѣла у его изголовья всю ночь. Смерть приближалась тихими, но вѣрными шагами, а Майльса все не было. Часы шли за часами и, наконецъ, стало свѣтать. Больной вдругъ открылъ глаза и попросилъ открыть окно. Мэри исполнила его желаніе. Было три часа.

— Вотъ онъ! воскликнулъ Гарри, смотря на улицу, и черезъ нѣсколько минутъ Майльсъ вошелъ въ комнату.

Эдмундъ жадно схватилъ его за руку и, окруженный всѣми, которые ему были дороги на свѣтѣ, онъ вскорѣ тихо, едва замѣтно пересталъ дышать. Первые лучи солнца ярко освѣтили неподвижное лицо умершаго и горько рыдающую Мэри.

Въ первую минуту горя, никто не замѣтилъ блѣднаго, изнуреннаго лица Майльса, но утромъ Мэри спросила его, что съ нимъ и отчего онъ такъ поздно вернулся.

— Конечно, мой уходъ могъ показаться страннымъ и даже грубымъ, отвѣчала онъ:—но, право, Мэри, я въ этомъ не вино-

вать. Со мною случилось нѣчто очень важное, но я не могу тебѣ этого объяснить.

Съ своей стороны, Мэри и Гарри Ашвортъ послѣшили сообщить ему, что случилось съ ними.

— Я согласна выйти за него замужъ, если ты не имѣешь ничего противъ, прибавила Мэри.

— Что же я могу имѣть противъ? произнесъ Майльсъ: — я очень радъ. У васъ, Гарри, будетъ лучшая жена не только въ Тансопѣ, но и во всей Англии, а васъ я знаю такъ хорошо, что, не задумываясь, отдамъ вамъ ее. Я тѣмъ болѣе доволенъ, что, по всей вѣроятности, мнѣ придется уѣхать отсюда, и мнѣ было бы больно оставить Мэри безъ покровителя. Ну, будьте счастливы, и да благословитъ васъ Господь.

Онъ пожалъ руку Гарри и поцѣловалъ сестру, но не могъ заставить себя улыбнуться. Они видѣли, что извѣстіе объ ихъ бракѣ радовало его, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не замѣтить, что на сердцѣ его было какое-то страшное горе, которое отуманивало эту радость.

Часовъ въ восемь вечера, въ этотъ же день, Майльсъ Гейвудъ отправился въ Акепродъ. Онъ никогда еще въ жизни не бывалъ тамъ и еслибъ ему сказали мѣсяць тому назадъ, что онъ войдетъ въ этотъ домъ и еще по такому дѣлу, то онъ гордо сказалъ бы, что никакія обстоятельства не могли бы его къ этому побудить. Но случилось такое стеченіе обстоятельствъ, какого онъ никогда не предвидѣлъ и которое побудило его рѣшиться на все, чтобъ только выйти изъ невыносимаго положенія, а путь былъ открытъ передъ нимъ только одинъ и онъ, по необходимости, вступилъ на этотъ путь.

Остановившись на минуту передъ парадной дверью богатаго дома, Майльсъ тяжело перевелъ дыханіе и позвонилъ. На вопль мальчишка, отворившаго дверь, что ему надо, онъ назвалъ себя и объяснилъ, что имѣетъ важное дѣло до мистера Малори. Слуга, послѣ минутнаго колебанія, провелъ его въ бібліотеку и пошелъ доложить о странномъ гостѣ своему господину.

— Здравствуйте, сказалъ Себастьянъ, входя въ комнату черезъ нѣсколько минутъ: — извините, что я васъ заставилъ ждать.

— Полноте! отвѣчалъ Майльсъ.

Они пристально посмотрѣли другъ на друга и едва не вскрикнули отъ удивленія. Каждый считалъ своего соперника счастливымъ обладателемъ Адриенны и не могъ понять, почему онъ былъ такъ мраченъ и грустенъ.

— Я замѣтилъ, что вы не приходили сегодня въ контору,

продолжалъ Малори: — надѣюсь, что у васъ все благополучно дома?

— Нѣтъ, у насъ случилось несчастье. Мой бѣдный братъ сегодня утромъ умеръ послѣ долгой болѣзни.

— Очень, очень жаль. Конечно, вамъ нечего теперь приходить въ контору и...

— Я не для того пришелъ, чтобы отказаться отъ работы, отвѣчалъ Майльсъ спокойнымъ, но нѣсколько принужденнымъ тономъ: — безъ всякаго сомнѣнiя, смерть брата — большое для меня горе, но не къ чему объ этомъ говорить. Я пришелъ къ вамъ по дѣлу.

— Объясните, въ чемъ я могу быть вамъ полезенъ.

Майльсъ прикусилъ губу. Но дѣлать нечего, надо было говорить.

— Вы, можетъ быть, найдете это очень страннымъ, но я пришелъ просить у васъ одолженiя, началъ онъ, но Себастьянъ его тотчасъ перебилъ:

— Что же тутъ страннаго? Я буду очень радъ оказать вамъ услугу.

— Вы, можетъ быть, не знаете, что я часто говорилъ о васъ очень рѣзко, но вы во всякомъ случаѣ помните, что я обошелся съ вами грубо.

— Да, не очень любезно, согласился Себастьянъ съ улыбкой, не смѣя еще вѣрить, чтобы онъ, наконецъ, одержалъ столь давно желанную побѣду надъ молодымъ работникомъ.

— Я имѣлъ дурное, пристрастное объ васъ мнѣнiе и громко выражалъ его. Еслибъ меня не посѣтило несчастье, то, можетъ быть, я никогда не перемѣнилъ бы своего мнѣнiя. Но глаза мои открылись. Я вижу теперь, что я былъ совершенно неправъ. Вы доказали на дѣлѣ, что вы далеко не такой человекъ, какимъ я себя представлялъ васъ, и прошу извиненiя за все, что я говорилъ противъ васъ.

— Но, любезный другъ, не смотрите на это такъ трагически. У всякаго человека есть свои предрассудки и у меня у перваго. Но я долженъ сознаться, что ваше дурное обо мнѣ мнѣнiе меня очень огорчало. Я очень желалъ побороть ваше неприязненное чувство и подружиться съ вами. Если я могу сказать себѣ теперь, что вы мой другъ, то это будетъ большой для меня побѣдой.

— Мистеръ Малори, я никогда болѣе не буду вашимъ врагомъ. Болѣе я не могу ничего сказать. Вы умнѣе и великодушнѣе меня, но вамъ помогаютъ въ этомъ и обстоятельства. Я

пришелъ сюда сегодня напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи достать мнѣ мѣсто въ Тансопа, даже въ Англій.

— Да, я очень хорошо помню объ этомъ и готовъ исполнить свое обѣщаніе, еслибъ вы измѣнили свое мнѣніе.

— Я измѣнилъ свое мнѣніе, и если вы можете достать мнѣ это или какое-нибудь другое мѣсто какъ можно далѣе отсюда, то я буду вамъ очень благодаренъ.

— Я могу это сдѣлать, отвѣчалъ Себастьянъ, пристально поглядывая на изнуренное, полное отчаянія лицо Майльса:—но я очень сожалѣю, что вы хотите покинуть Тансопа.

— Я долженъ уѣхать изъ Тансопа. Но будетъ ли работа на предлагаемомъ вами мѣстѣ трудная? Я именно хочу тяжелой, очень тяжелой работы.

— Это мѣсто будетъ совершенно по васъ. Работы тамъ много и не очень легкая. Вамъ придется ѣхать въ Германію на бумагопрядильню при большихъ угольныхъ копяхъ. Хозяинъ мистеръ Сусмейеръ большой мой пріятель. Онъ столько же англичанинъ, сколько нѣмецъ, и у него много англійскихъ и ирландскихъ рабочихъ. Онъ нуждается въ управляющемъ англичанинѣ, работающемъ, энергичномъ человѣкѣ. Вы вѣдь немного знаете по-нѣмецки? Кажется, васъ учила миссъ Блиссетъ.

— Да, отвѣчалъ сухо Майльсъ.

— А тамъ вы скоро усовершенствуетесь. По вечерамъ вамъ нечего будетъ дѣлать и вы займетесь основательнымъ изученіемъ нѣмецкаго языка. Этимъ путемъ у васъ будетъ вдоволь занятія. Что же касается меня, то я вамъ дамъ самую лучшую рекомендацію.

— Вы засвидѣтельствуете, что я всегда учтивъ, любезенъ и приличенъ съ своими начальниками и ничѣмъ никогда не обижаюсь? замѣтилъ Майльсъ съ грустной улыбкой.

Себастьянъ такъ же засмѣялся и, присѣвъ къ столу, поспѣшно написалъ письмо, запечаталъ его и на конвертѣ поставилъ адресъ: *«Господину Густаву Сусмейеру, въ Ейзендорфъ, Вестфалія, Пруссія»*.

— Я знаю, что мѣсто еще вакантное, сказалъ онъ, подавалъ письмо Майльсу:—и вы его тотчасъ получите. Впрочемъ, я еще напишу сегодня моему другу и предупрежу его о вашемъ пріѣздѣ. Вѣроятно, вы захотите вскорѣ ѣхать?

— Да, черезъ нѣсколько дней, какъ только похороню бѣднаго Неда и устрою Мэри.

— Вы оставите сестру здѣсь?

— Да, по очень хорошей причинѣ. Она выходитъ замужъ.

— Могу я спросить за кого?

— За моего друга, Гарри Апворта, который ее давно любит, сказала Майльс, даже не удивляясь, что онъ рассказываетъ Себастьяну о своихъ семейныхъ дѣлахъ.

— Я очень радъ это слышать и желаю имъ всякаго счастья.

— Вы думаете, что я могу ѣхать когда хочу?

— Конечно, но прежде отъѣзда зайдите ко мнѣ. Я вамъ расскажу всѣ подробности объ Эйзендорфѣ и укажу ближайшую туда дорогу. А такъ какъ это мѣстечко въ довольно уединенномъ углу Германіи, и туда пробраться довольно дорого, то...

— Вы очень добры. Но у моего друга Гарри есть деньги и я возьму у него въ займы до перваго жалованія. Послѣ завтра будутъ похороны и Мэри переѣдетъ къ матери Гарри. Могу я зайти къ вамъ послѣ завтра вечеромъ?

— Послѣ завтра... завтра балъ у мистрисъ Спенслей, произнесъ Себастьянъ, какъ бы про себя: — да, послѣ завтра вечеромъ я свободенъ.

— А черезъ три дня я уже уѣду, воскликнулъ Майльс и на лицѣ его показалась тѣнь удовольствія.

Себастьянъ взглянулъ на него. Онъ не былъ очень доволенъ своей побѣдой. Все, чего онъ желалъ въ отношеніи Майльса, случилось. Онъ призналъ себя виновнымъ, извинился за свою грубость, унижился до просьбы оказать ему милость и выразилъ свою смиренную благодарность за оказанное одолженіе. И, однако, въ результатѣ Себастьянъ нисколько не торжествовалъ.

— Вы очень желаете уѣхать поскорѣе? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да, это мое единственное теперь желаніе, отвѣчалъ Майльс вставая.—Прощайте. Я не могу достаточно выразить вамъ мою благодарность. Вы имѣли бы полное право принять меня совершенно иначе.

— Нѣтъ, я не имѣлъ бы этого права, воскликнулъ Себастьянъ, и еще болѣе созвалъ всю пустоту одержанной побѣды, потому что, въ дѣйствительности, несчастныя обстоятельства сломили Майльса, а не вліяніе Себастьяна измѣнило его.

— Гейвудъ, прибавилъ онъ съ искреннимъ чувствомъ: — не скрываете ли вы еще чего-нибудь отъ меня? Неужели я могу быть вамъ полезенъ, только содѣйствуя вашему бѣгству изъ Тансопа, который, повидимому, вамъ сталъ ненавистенъ? Я это спрашиваю не изъ пустого любопытства, а изъ искренняго желанія быть вашимъ другомъ, если это только возможно?

Майльс покачалъ головой.

— Я не могу ни съ кѣмъ подѣлиться своимъ горемъ, но все-

таки я вамъ очень благодаренъ, отвѣчалъ онъ, протянувъ руку, которую Себастьянъ крѣпко пожалъ, и вышелъ изъ комнаты.

Во весь этотъ вечеръ и ночь, блѣдное лицо и грустные, мрачные глаза Майльса Гейвуда не выходили изъ головы Себастьяна Малори.

XIII.

СОВЕРШЕННОЛѢТІЕ ЕЛЕНЫ.

Балъ въ честь совершеннолѣтія Елены Спенслей только что начался, когда мистрисъ Малори съ сыномъ и Гюго вошли въ блестяще освѣщенную гостинную, посреди которой стояла мистрисъ Спенслей въ блестящемъ и дорогомъ, но слишкомъ бросающемся въ глаза туалетѣ. Она была одна и казалась очень взволнованной. Ея мужа нигдѣ не было видно, а сынъ находился немного поотдалъ и помогалъ матери принимать гостей.

— Я очень рада васъ видѣть, мистеръ Малори, сказала она, когда Себастьянъ подошелъ къ ней въ слѣдъ за своей матерью, и поздравилъ ее съ днемъ рожденія дочери:—я надѣюсь, что вы весело проведете время. Мы сдѣлали все, что могли для увеселенія нашихъ гостей. Но не правда ли очень досадно, что Спенслей еще не вернулся?

— Онъ уѣхалъ по дѣламъ?

— Да, ужъ эти гадкія дѣла. Я ему говорила: если дѣла въ такомъ нерѣшительномъ положеніи, намъ не слѣдуетъ давать такіе блестящіе балы, хотя... я очень рада васъ видѣть и надѣюсь, что вы будете веселиться. Ему пришлось уѣхать сегодня утромъ въ Ливерпуль и онъ обѣщалъ вернуться до бала. Но его все еще нѣтъ.

— Его, вѣроятно, что-нибудь задержало.

— Вѣроятно; мы живемъ въ тревожныя времена, и никто не знаетъ, чѣмъ все это кончится, произнесла съ безпокойствомъ мистрисъ Спенслей. — Однако, мистеръ Малори, отчего вы не танцуете? Я увѣрена, что множество дамъ были бы рады такому кавалеру. Вонъ посмотрите сидитъ маленькая Фанни Кей, вы ее знаете?

— Да, благодарю васъ. Но я не расположенъ теперь танцовать. Я желалъ бы прежде всего поздравить миссъ Спенслей, но ее, кажется, здѣсь нѣтъ.

— Она въ бальной залѣ. Она должна была открыть балъ, вѣдь онъ дается въ ея честь, а многіе желали поскорѣе начать танцы.

Но, право, очень неловко, что Спенслей не вернулся. Вы, вѣроятно, тотчасъ найдете Елену. Она сказала, что вернется сюда по окончаніи первой кадрили.

— Я пойду посмотрѣть, танцуютъ ли она еще, сказалъ Себастьянъ и направился въ бальную залу.

Въ дверяхъ онъ встрѣтилъ Елену съ ея кавалеромъ. Она оперлась на руку пожилаго господина, одного изъ знатныхъ гражданъ Тансопа, на долю котораго выпала честь открыть съ нею балъ. Повидимому, Еленѣ было очень скучно, да и ея кавалеръ также не очень забавлялся. Они направлялись въ гостинную съ цѣлью поскорѣе отдѣлаться другъ отъ друга.

Елена не сразу замѣтила Себастьяна, и потому онъ могъ на свободѣ разглядѣть, какъ она была блѣдна и печальна, хотя еще прелестнѣе обыкновеннаго. Въ эту минуту къ ея кавалеру, мистеру Расону, подошелъ какой-то знакомый, и онъ, очевидно, очень желалъ поговорить съ нимъ наединѣ. Поэтому, мистеръ Малорн, воспользовавшись случаемъ, подошелъ къ нимъ.

— Здравствуйте, миссъ Спенслей, сказалъ онъ.

Елена вздрогнула и поспѣшно обернулась къ нему.

— Мистеръ Расонъ, продолжалъ онъ: — я вижу, что васъ ждетъ знакомый, позвольте мнѣ проводить до гостинной миссъ Спенслей.

Мистеръ Расонъ съ удавольствіемъ передалъ молодому человѣку свою даму.

— Ему гораздо умѣстнѣе общество пріятелей его возраста чѣмъ ваше, сказалъ Себастьянъ, взявъ руку Елены: — я не пришелъ васъ въ гостинной и потому пошелъ отыскивать, чтобъ принести вамъ мои искреннія поздравленія.

— Ужъ очень ли искреннія? Вы говорите такъ торжественно, что я начинаю сомнѣваться въ вашей искренности. Къ тому же, зачѣмъ меня поздравлять?

— Вотъ вопросъ. Я всегда понималъ, что вы смотрите на достиженіе двадцати одного года, какъ на минуту освобожденія, когда васъ перестанутъ водить на помочахъ, когда вы получите возможность высказывать открыто свое мнѣніе мужчинамъ, которыхъ вы такъ мало уважаете, и...

— Не лучше ли прекратить эту болтовню, она меня нисколько не забавляетъ, и я въ ней не вижу ничего остроумнаго.

— Остроумнаго! Да я ни мало не гоняюсь за остроуміемъ, я говорю вполне искренно. Я прошу позволенія поздравить героиню сегодняшняго дня и пожелать ей всего хорошаго.

— Я не героиня, и сегодня менѣе, чѣмъ когда либо, приличны поздравленія.

Испытаніе.

12

Ея обычное блестящее остроуміе, повидимому, исчезло; но Себастьяну показалось, что серьёзный, задумчивый видъ придавалъ ей еще болѣе прелести. Ея платье было проще и не столь блестяще, какъ обыкновенно, но за то болѣе воздушно и свѣжо. Легкій бѣлый тюль, усѣянный розовыми бутонами, какъ бы окружалъ ее серебристыми облаками. На ея роскошной шеѣ красовалась нитка жемчуговъ и ея блѣдность только съ болѣею рельефностью выставила ея красоту.

— Очаровательное созданіе! подумалъ Себастьянъ, смотря на серьёзное выраженіе ея лица и наспуленные брови.

— Вы не героиня, повторилъ онъ:—нѣтъ, вы должны быть героиней сегодня вечеромъ, все равно хотите ли вы этого или нѣтъ. Что же касается до поздравленій, то я могу привести сотни причинъ, по которымъ слѣдуетъ васъ поздравить, но остановился на одной: вы — Елена Спенслей. Неужели вы думаете, что это не достаточный поводъ къ поздравленію?

Въ эту минуту они вошли въ одну изъ маленькихъ гостинныхъ, гдѣ не было никого. Елена взглянула на него со слезами на глазахъ.

— Вы напрасно трудитесь, вы меня сегодня не разсердите, сколько ни будете смѣяться надо мною. Но если вамъ можетъ доставить удовольствіе сознаніе, что ваши слова меня огорчили, то утѣштесь, вы этого достигли.

— Елена... миссъ Спенслей! промолвилъ онъ въ смущеніи, потому что нимаго не хотѣлъ оскорбить ее, а только не понималъ, что она была въ тревожномъ настроеніи: — если я васъ обидѣлъ, то прошу прощенія. У меня не было и въ мысляхъ намѣренія, которое вы мнѣ приписываете, и если вы не желаете, чтобы васъ поздравляли, то я беру назадъ свои слова. Но позвольте мнѣ остаться при моихъ добрыхъ пожеланіяхъ.

— Да, если они искренны, отвѣчала холодно Елена:—но если вы вспомните, какъ различны наши мнѣнія и взгляды на жизнь, то, вѣроятно, прекратите ваши витіеватыя фразы.

— Вы очень строги, и я лучше не скажу болѣе ни слова по этому предмету, отвѣчалъ Себастьянъ и прибавилъ, тономъ почти нѣжнаго участія:—но отчего же вы такъ грустны въ день вашего совершеннолѣтняго бала?

Этотъ вопросъ былъ предложенъ такъ просто, что Еленѣ онъ не показался страшнымъ, и она сочла себя обязанной отвѣтить:

— Какъ могу я быть иначе? Этотъ балъ такой вздоръ. Къ чему онъ? Мнѣ не надо бала. Я каждый день хожу изъ дома въ домъ и вижу, какъ умираютъ съ голода люди гораздо лучше

меня, и потомъ, возвратась домой, вижу, что бросается столько денегъ на глупый балъ, потому только, что такая важная особа, какъ я, удостоилась прожить двадцать одинъ годъ въ этомъ отвратительномъ, скучномъ, бессмысленномъ свѣтѣ. Я готова отъ злости разорвать это платье, цѣну котораго мнѣ стыдно объявить, вспоминая, что сегодня передъ обѣдомъ я видѣла женщину, которая горько плакала, неся въ закладъ праздничную одежду своихъ дѣтей. И когда я потомъ надѣла это противное платье, выписанное изъ Парижа, прибавила съ жаромъ Елена:—то почувствовала, что надѣваю саванъ.

— Извините, вы опять на меня разсердитесь, но прошу васъ, не смотрите на жизнь такъ мрачно. Теперь все измѣнится. Вы теперь будете пользоваться своимъ собственнымъ состояніемъ, и если захотите, то вмѣсто блестящаго платья надѣнете власяницу.

— Да, я это знаю, отвѣчала съ отчаяніемъ Елена:—но горе въ томъ, что я люблю дорогія вещи и ненавижу простыя, грубыя. Я начинаю думать, что я совсѣмъ не создана для того, чтобы распорядиться большимъ состояніемъ. Въ послѣднее время я слышала много о денежныхъ дѣлахъ и нахожу, что ими не такъ легко управлять, какъ я думала.

— Вамъ поможетъ миссъ Мерветеръ, замѣтилъ съ улыбкой Себастьянъ.

— Не говорите мнѣ никогда о миссъ Мерветеръ, воскликнула съ жаромъ Елена:—она меня жестоко обманула. Я никогда такъ ужасно не разочаровывалась, какъ въ ней.

— Что же она сдѣлала?

— Она вышла замужъ.

— Вышла замужъ! Она будетъ прекрасной женой, если ей понадобится хорошій мужъ. При первомъ взглядѣ на нее, я подумалъ, что она была бы на своемъ мѣстѣ во главѣ большого учрежденія...

— Неужели вы это подумали? сказала Елена съ удивленіемъ:—ну, вы отгадали вѣрно. Она вышла замужъ за пастора, который содержать большую школу для мальчиковъ.

— Именно, это ей и надо. Когда вы будете ей писать, то передайте мои сердечныя поздравленія и пожеланія ей счастья, т. е. если она меня не забыла.

— Я съ ней не въ перепискѣ. Я написала разъ, получивъ извѣстіе объ ея свадьбѣ, и сказала, что не могу быть болѣе ея другомъ послѣ ея низкой измѣны нашимъ убѣжденіямъ.

— Что же она отвѣчала?

— Ахъ, промолвила Елена, покрасѣвъ:—я получила отъ нея очень глупое письмо.

*

- Можете вы мнѣ передать его сущность?
 — Нѣтъ, оно слишкомъ пошло.
 — Можеть быть, она написала: «подождемъ и увидимъ, что ты сама сдѣлаешь», или что-нибудь въ этомъ родѣ?
 — Она... но вотъ Гюго. Я ему обѣщала этотъ вальсъ.
 — А, у васъ есть еще свободный вальсъ? Хотя едва ли я могу надѣяться. Вы, вѣроятно, уже давно ангажированы на весь вечеръ.

— Такъ зачѣмъ же вы спрашиваете? отвѣчала Елена нѣсколько вызывающимъ тономъ. Но глаза ихъ встрѣтились, и она снова поникла головой.

— Можеть быть, на мое счастье и осталось что-нибудь, сказалъ онъ, отрывая ея записную табличку:—а! вотъ одинъ вальсъ... вотъ и другой. Вотъ судьба-то! Можно?..

И онъ взглянулъ на нее вопросительно, держа въ рукахъ карандашъ.

— Два вальса! промолвила наивно Елена:—это, должно быть, ошибка. Только-что мистеръ Констердинъ ангажировалъ меня и я сказала, что всѣ танцы у меня разобраны.

— Такъ ему и надо было отвѣтить, произнесъ серьезно Себастьянъ:—теперь ми сейчасъ это приведемъ въ порядокъ. Вотъ: «С. М.—6», «С. М.—10». Очень, очень вамъ благодаренъ.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Гюго и, поздравивъ Елену, увелъ ее въ залу, а Себастьянъ сталъ терпѣливо дожидаться вальса № 6. Времени оставалось довольно и онъ началъ съ любопытствомъ изучать окружавшую его блестящую толпу. Вскорѣ для него стало очевиднымъ, что не одно только лицо Елены было отуманено мрачнымъ облакомъ, а оно омрачало все и всѣхъ. Балъ былъ великолѣпный, обстановка роскошная, освѣщеніе ослѣпительное. Все: мебель, цвѣты, прислуга, буфетъ, сервировка, все, казалось, кричало: «На насъ не жалѣли денегъ, деньги для хозяина пустое дѣло». Вся эта чрезмѣрная, рѣзавшая глаза роскошь, была бы очень забавна, еслибы эта комичная сторона не ступевывалась мрачнымъ облакомъ, уныло парившимъ надо всѣмъ. Что означало это облако? Не могло же оно возникнуть вследствие одного отсутствія хозяина, которое, напротивъ, должно было бы еще оживить балъ.

Однако, онъ не являлся и мистрисъ Спенслей все сохраняла смущенный видъ. Мало по малу, Себастьянъ сталъ замѣчать, что и Фредрикъ Спенслей начинаетъ бросать вокругъ себя подозрительные взгляды; повидимому, и его что-то беспокоило. Что-то въ домѣ не ладно, подумалъ Себастьянъ, выходя, чтобы освѣжиться въ парадныя сѣни послѣ своего перваго вальса съ Еле-

ной. Танцуй съ нею, онъ старался веселой болтовней разогнать ея смущеніе, и былъ даже удивленъ блестящимъ успѣхомъ своихъ усилій. Елена вскорѣ стала улыбаться и даже краснѣя почти созналась, что нарочно сохранила для него два вальса.

— Она прелестна и есть что-то чарующее въ ней, сказалъ онъ самъ себѣ во второй разъ въ этотъ вечеръ, сожалѣя, что ему приходилось такъ долго ждать вальса № 10.

Было часовъ 11 и въ залѣ танцовали кадрили. Сѣни были пусты и въ нихъ не было никого, кромѣ Себастьяна. Онъ подошелъ къ большому зеркалу, передъ которымъ устроена была роскошная клумба цвѣтовъ и тропическихъ растений. Въ зеркалѣ отражалась лѣстница и часть галлерей второго этажа. Увидавъ случайно и свое лицо, Себастьянъ удивился, что оно было такое серьезное, потому что въ эту минуту ему казалось, что послѣднее свиданіе съ Адриенной Блissetъ было какимъ-то давнишнимъ сномъ, и что ея фигура незамѣтно отступала на задній планъ, заслоненная другимъ лучезарнымъ, плѣнительнымъ образомъ.

Вдругъ по зеркалу пробѣжала тѣнь и, взглянувъ на верхнюю его часть, гдѣ отражалась лѣстница, Себастьянъ увидалъ, что какой-то человѣкъ тихо, неслышно пробирался наверхъ, спасаясь бѣгствомъ отъ лучезарнаго свѣта люстръ и веселой музыки, которая гремѣла въ залѣ.

XIV.

КАКЪ МИСТЕРЪ СПЕНСЛЕЙ ВЫШЕЛЪ ИЗЪ СВОЕГО ЗАТРУДНИТЕЛЬНАГО ПОЛОЖЕНІЯ.

Первой мыслью Себастьяна было, что это воръ пробрался въ домъ, надѣясь незамѣтно стащить что-нибудь въ спальняхъ и скрыться среди толпы. Въ такомъ случаѣ, онъ считалъ себя обязаннымъ предупредить слугъ; но только что онъ хотѣлъ это сдѣлать, какъ поднимавшаяся по лѣстницѣ фигура остановилась на площадкѣ второго этажа и посмотрѣла внизъ. Это былъ человѣкъ, который менѣе всѣхъ въ этомъ домѣ долженъ былъ скрываться. Именно, самъ мистеръ Спенслей.

Себастьянъ не двинулся, словно онъ ничего не видалъ, и сталъ разсматривать находившуюся передъ нимъ куртину цвѣтовъ; въ головѣ его тотчасъ блеснула мысль, что, вѣроятно, коммерческія дѣла мистера Спенслея пришли въ разстройство. Въ послѣднее время ходили слухи о томъ, что его фирма шатается, ж, вѣроятно, въ нихъ была доля правды. Онъ самъ лично ни-

когда не имѣлъ дѣла съ Спенслеемъ, такъ какъ ихъ торговныя операціи были различныя, но онъ часто слышалъ отъ другихъ, что отецъ Елены ведетъ слишкомъ рискованную игру. Въ ту критическую эпоху много крупныхъ состояній было составлено смѣлыми спекуляціями, но еще большее количество погибло, благодаря этой жаднѣ наживы. Себастьянъ вспомнилъ, что въ этотъ самый день Елена должна была вступить во владѣніе не всѣмъ своимъ состояніемъ, что могло случиться лишь по смерти ея отца или по случаю замужества, но частью, которая все же дѣлала ее богатой невѣстой. Но дѣйствительно ли получить она какое-нибудь состояніе?

Невольно всѣ его мысли сосредоточились на молодой дѣвушкѣ, съ которой онъ только что танцевалъ. Весь этотъ шумный балъ, съ его мишурнымъ блескомъ, былъ данъ въ ея честь! Все было для нея! Онъ вспоминалъ розовые бутоны, усѣивавшіе ея платье, ея драгоценный туалетъ, ея жемчуга, окружавшую ее толпу обожателей, подносившихъ ей среди поздравленій великолѣпные букеты, преимущественно изъ розъ, этихъ символовъ любви и торжества. И среди этой улыбающейся, веселой картины вдругъ появлялась таинственно крадущаяся фигура старца. Себастьянъ вздрогнулъ отъ какого-то мрачнаго предчувствія и поспѣшилъ въ залу. Въ дверяхъ мимо него пролетѣла въ вихрь вальса Елена, весело смѣявшаяся съ своимъ кавалеромъ Гюго.

Время шло, а мистеръ Спенслей по прежнему не являлся. Себастьянъ слышалъ, какъ мистрисъ Спенслей продолжала извѣщать его отсутствіе слѣхими дѣлами, отозвавшими его въ Ливерпуль, и какъ гости, изъ приличія, выражали свое сожалѣніе; онъ видѣлъ, что лицо бѣдной женщины становилось все сумрачнѣе, а взгляды Фреда принимали все болѣе и болѣе тревожное выраженіе. И страшно сказать, онъ одинъ могъ вывести всѣхъ изъ неумѣнія, указавъ на лѣстницу со словами: «Пойдите, и увидите разгадку».

При первыхъ аккордахъ десятаго вальса, онъ увидѣлъ, что Фредъ вдругъ бросилъ даму, которую велъ въ залу, и ясно слышалъ, какъ молодой франтъ торопливо промолвилъ: «Извините, я сейчасъ вернусь» и, посадивъ ее на кресло, выбѣжалъ на лѣстницу. Себастьянъ, идя подъ руку съ Еленой, посмотрѣлъ въ слѣдъ быстро удалявшемуся юношѣ. Онъ поднялся во второй этажъ. Даже танцуя съ прелестной царицей бала, Себастьянъ продолжалъ думать о томъ, что происходило въ одной изъ верхнихъ комнатъ. Было ли дѣло черезчуръ плохо? Былъ ли исходъ изъ этого, очевидно, критическаго положенія?

— Что съ вами, мистеръ Малори, вы стали какой-то мрач-

ный и молчаливый, замѣтила Елена:—а когда я танцевала съ Гюго, вы какъ-то странно смотрѣли на меня. Чтѣ случилось?

— О, ничего! Миссъ Спенслей! когда вы видѣли въ послѣдній разъ вашего отца?

— Сегодня, очень рано. Вы знаете, мы, дѣловые люди, завтракаемъ въ восемь часовъ. Онъ мнѣ подарилъ эти жемчуга и, хотя я вовсе не желала такого роскошнаго подарка, но, по своей глупой слабости, была въ восторгѣ; они такіе чудные. Папа сказалъ, что онъ долженъ ѣхать въ Ливерпуль и, можетъ быть, оттуда пройдетъ въ Манчестеръ, но все-таки обѣщалъ вернуться къ балу. Однако, его все нѣтъ, а между тѣмъ поздно.

Вальсъ кончился и всѣ гости направились въ столовую къ ужину. Въ дверяхъ послышались громкіе голоса молодыхъ людей:

— Фредъ? гдѣ онъ?

— Не видали ли Спенслея?

— Куда онъ пропалъ? Гдѣ намъ садиться?

— Мистрисъ Спенслей желаетъ ему что-то сказать.

— Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ Фредъ? произнесла Елена, обращаясь къ Себастьяну:—какъ странно, что онъ ушелъ именно въ такую минуту, когда ему надо распорядиться и размѣстить всѣхъ.

Они стояли въ эту минуту у двери, выходившей изъ балльной залы въ корридоръ, который велъ въ биллиардную и далѣе въ буфетъ, кухню и т. д. Вдругъ одна изъ внутреннихъ дверей отворилась, и молодая служанка, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ, подбѣжала къ Еленѣ, громко восклицая:

— О, миссъ Спенслей! Гдѣ бырния? какое несчастіе!

— Что случилось? спросила Елена твердымъ голосомъ.

— О! о! Хозяинъ...

— Тише, не шумите! произнесъ повелительнымъ тономъ Себастьянъ, взявъ за руку служанку. — Подождите меня минутку, миссъ Спенслей.

И, выведя служанку за дверь, онъ послѣшно спросилъ:

— Ну, что случилось? Хозяинъ вернулся? Я его видѣлъ. Что онъ, боленъ?

— О, сэръ, воскликнула служанка съ истерическими рыданіями:—онъ умеръ. Онъ лежитъ на диванѣ въ своей комнатѣ и...

— Умеръ! повторилъ Себастьянъ и тотчасъ все понялъ. — Гдѣ мистеръ Фредъ? Тамъ онъ?

— Нѣтъ, сэръ. Я его не видѣла. Я думала, что онъ здѣсь.

Подозрѣвая, что трагедія принимаетъ все болѣе и болѣе роковой характеръ, Себастьянъ приказалъ служанкѣ подождать ее и вернулся къ Еленѣ. Онъ не могъ сдѣлать ничего другого. Фредъ уѣхалъ: онъ еще не хотѣлъ сказать—бѣжать—но черное

подозрѣніе вралось въ его умъ. Безчеловѣчно было бы прямо передать такія вѣсти бѣдной мистрисъ Спенслей, а потому оставалась Елена, на плечи которой необходимо было взвалить это ужасное бремя.

Онъ нашелъ ее на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставилъ. Она была, повидимому, спокойна, но глаза ея, устремленные на Себастьяна, ясно выражали, что она предчувствовала катастрофу.

— Пойдемте со мною, сказалъ онъ, взявъ ее за руку, и поведи въ корридоръ къ служанкѣ, которая все еще плакала, но значительно успокоилась:—Поведите насъ въ комнату, гдѣ вашъ хозяинъ, и молчите, прибавилъ онъ, обращаясь къ ней.

Елена поблѣднѣла, но не дрогнула и не произнесла ни слова. Всѣ трое поднялись по лѣстницѣ и остановились на площадкѣ, на которую выходили двери спальныхъ.

— Которая комната вашего хозяина? спросилъ снова Себастьянъ.

Служанка указала пальцемъ на одну изъ дверей и еще болѣе заплакала. Елена стиснула зубы. Лицо ея становилось съ каждой минутой все блѣднѣе.

— Вы видѣли вечеромъ мистера Фреда? продолжалъ Себастьянъ.

— Я видѣла, сэръ, какъ онъ побѣжалъ на верхъ по лѣстницѣ и потомъ сошелъ въ свою комнату. Но теперь его тамъ нѣтъ.

— Хорошо, можете идти, но не говорите ничего о случившемся. Понимаете?

— Да, сэръ, я никому не скажу ни слова, отвѣчала служанка, отирая глаза передникомъ.

Себастьянъ обернулся къ Еленѣ. Онъ чувствовалъ, что далѣе отълаживать роковой вѣсти было невозможно.

— Елена! сказалъ онъ, и въ голосѣ его слышалось нѣжное состраданіе: — вы мужественная дѣвушка, и сегодня потребуетъ все ваше мужество.

— Скажите скорѣе, что случилось. Не мучьте меня.

— Извините, но я прошу васъ подождать меня здѣсь минуту, пока я схожу въ комнату вашего отца.

— Да, смиренно отвѣчала Елена, опускаясь на стулъ.

Себастьянъ отворилъ дверь, и представившееся ему зрѣлище вполне подтвердило его опасенія. Мистеръ Спенслей отравился. Онъ принялъ яду и лежалъ мертвый на диванѣ, подлѣ своей кровати. У ногъ его валялся лоскутъ бумаги. Себастьянъ его поднялъ и прочелъ:

«Милая Мэри, я раззорился и не могу этого перенести. Я никогда не доставлялъ тебѣ истиннаго счастья, и теперь лучше

всего погнунуть тебя. Я не знаю, что вамъ останется послѣ меня, но во всякомъ случаѣ, деньги твои и Нелли, которые я...

Этими словами обанчивалась записка и, очевидно, тутъ застала его смерть. Во всей комнатѣ не было никакихъ доказательствъ, чтобы Фредъ бѣжалъ или даже зналъ о роковой судьбѣ отца. Себастьянъ понялъ, что ему надо представить неожиданное отсутствіе молодого человѣка въ лучшемъ свѣтѣ, и онъ затаилъ въ глубинѣ сердца свое подозрѣніе. Онъ взялъ бумагу, вышелъ изъ комнаты и, заперевъ дверь, положилъ ключъ въ карманъ. Елена слѣдила за всѣми его движеніями, но не сказала ни слова.

— Елена, началъ онъ:—я боюсь, что вашъ отецъ совершенно раззорился.

— Только-то? сказала Елена, свободно переводя дыханіе.

— Нѣтъ. Это самая незначительная часть поразившаго васъ несчастья. Подумайте, какой это ударъ для вашего отца. Успѣхъ и богатство были для него источникомъ жизни.

— Вы хотите сказать, что горе убило его? спросила молодая дѣвушка съ необыкновеннымъ спокойствіемъ.

— Я долженъ вамъ все сказать изъ сожалѣнія къ вашей матери. Раззореніе его убило, т. е. онъ не могъ жить послѣ этого. Бѣдное дитя мое, вашъ отецъ отравился.

— Онъ... о! промолвила Елена и устремила на Себастьяна такой страшный взглядъ безпомощнаго отчаянія, что онъ вздрогнулъ.

Ея щеки, лобъ, губы были теперь такъ же мраморно бѣлы, какъ и ея воздушное платье. Долго впослѣдствіи изъ головы Себастьяна не выходилъ этотъ образъ блѣдой молодой дѣвушки, которая какъ бы замерла въ своемъ бальномъ костюмѣ, сіявшемъ жемчугами и розами.

— Подумайте о вашей матери, сказалъ Себастьянъ, взявъ ее за плечи и сажая на стулъ.

— О, бѣдная мама! промолвила, наконецъ, Елена, не выходя изъ своего оцѣпенѣнія:—еслибъ ее можно было оставить въ невѣдѣніи!

— Я боюсь, что она многое подозрѣвала.

— А гдѣ Фредъ?

— Онъ уѣхалъ, отвѣчалъ Себастьянъ:—вѣроятно, онъ отпра-
вился узнать, какъ велико раззореніе... и нельзя ли что спасти.

— Да, вѣроятно, отвѣчала Елена машинально, и ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія не отуманила ея сердца.

— Вотъ письмо, продолжалъ Себастьянъ, подавая ей лоскутокъ бумаги:—я счелъ себя вправѣ его прочесть. Теперь, всего

лучше бы вамъ пойти въ свою комнату; я сейчасъ приплю къ вамъ мистрисъ Спенслей, а всѣхъ гостей попрошу разѣхаться. Вы позволите мнѣ распорядиться?

— Вы очень добры, отвѣчала спокойно Елена.

— Вы скажете мистрисъ Спенслей о случившемся какъ можно осторожно, прибавилъ онъ: — вы сдѣлаете это лучше всякаго другого. Ради нея, вы будете мужественны и спокойны.

— Да, а потомъ?

— Не беспокойтесь. Я обо всемъ позабочусь до возвращенія вашего брата. Я останусь здѣсь всю ночь. Вамъ же нечего выходить изъ своей комнаты до завтра.

Елена, молча, встала, бросила на него знаменательный взглядъ и пошла въ свою комнату. Въ дверяхъ она остановилась, губы ея зашевелились, она хотѣла что-то сказать, но не могла. Черезъ минуту, дверь за нею затворилась и Себастьянъ поспѣшно направился въ столовую, откуда доносились веселый говоръ, смѣхъ и шумъ посуды.

Онъ прямо подошелъ къ мистрисъ Спенслей и попросилъ ее пойти къ дочери въ ея комнату. Она побагровѣла отъ страха и молча повиновалась. Кто-то изъ гостей проводилъ ее до лѣстницы. Между тѣмъ, Себастьянъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, громко сказалъ, что мистрисъ и миссъ Спенслей очень извиняются, но онѣ принуждены покинуть своихъ гостей, получивъ извѣстие о страшномъ несчастіи. Фредрикъ Спенслей принужденъ былъ немедленно отлучиться и, прибавилъ Себастьянъ: — чѣмъ скорѣе мы всѣ отсюда уберемса, тѣмъ будетъ пріятнѣе бѣднымъ хозяевамъ.

Всѣ встали изъ-за столовъ и быстро разѣхались среди шумнаго говора, предположеній, подозрѣній и всевозможныхъ толковъ. Черезъ часъ, въ домѣ все затихло и Елена, мало по малу, сказала бѣдной матери всю правду, т. е. насколько она сама ее знала.

ХУ.

Безъ гроша.

Только въ обѣду на слѣдующій день, Себастьянъ, не забывавшій о свиданіи съ Майльсомъ, могъ вернуться домой.

Этотъ день былъ страшенъ для гордой Елены и бѣдной плачущей мистрисъ Спенслей; съ каждой минутой все болѣе и болѣе раскрывались безчестныя продѣлки отца и сына. Конечно,

несчастная старуха совершенно потеряла голову и только повторяла, что она говорила мужу: «нельзя давать балы, когда дѣла идутъ плохо; это окончится дурно». И вслѣдъ за этимъ она постоянно спрашивала среди горькихъ рыданій:

— Мы вѣдь здѣсь не останемся, Елена? Что намъ дадутъ кредиторы? Все ли придется продавать?

Елена, блѣдная, но спокойная и твердая, старалась ее утѣшить, какъ могла.

Естественно, что ей пришлось вынести всю тяжесть горя и безчестья. Встрѣтивъ ее утромъ, Себастьянъ тотчасъ спросилъ ее, не могъ ли онъ вызвать кого-нибудь изъ ихъ родственниковъ и передать компетентному лицу всѣ необходимыя распоряженія, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого права повелѣвать въ домѣ.

— А Фредъ? спросила Елена, ничего еще не подозревая:— онъ, конечно, вернется изъ Манчестера съ однимъ изъ первыхъ поѣздовъ.

— Не думаю. Во всякомъ случаѣ, еслибъ онъ и вернулся, то все же не слѣдуетъ такъ долго скрывать отъ родственниковъ посѣтившаго васъ несчастья; наконецъ, я долженъ же передать въ вѣрныя руки всю отвѣтственность въ этомъ печальномъ дѣлѣ.

— Я знаю одного только родственника, брата мамы, дядю Роберта; онъ, правда, былъ въ ссорѣ отцомъ, но я увѣрена, что онъ тотчасъ прійдетъ.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ Манчестерѣ. Я вамъ дамъ его адресъ.

Себастьянъ тотчасъ телеграфировалъ мистеру Роберту Бамфорду, прося его прійхать какъ можно скорѣе по дѣлу, не терпящему отлагательства. Вскорѣ пришелъ отвѣтъ, что мистеръ Бамфордъ будетъ черезъ нѣсколько часовъ. Себастьянъ остался поджидать его и, сидя съ Еленой въ библиотекѣ, старался объяснить ей обстоятельства, которыя могли привести къ разоренію ея отца. Молодая дѣвушка напрягала всѣ свои силы, чтобы понять всѣ коммерческія тонкости, но рѣшительно не могла. Ея грустное, серьезное лицо выражало недоумѣніе и являлось страннымъ контрастомъ съ той блестящей, гордой Еленой Спенслей, которую зналъ дотошъ Себастьянъ.

— Вы видите, сказала она, наконецъ, пыталась улынуться:— вы имѣли полное право смѣяться надо мною, когда я хвалилась своими дѣловыми способностями. Я теперь вижу, что нельзя быть невѣжественнѣе меня насчетъ дѣла.

— Это очень естественно, отвѣчалъ онъ иѣжно:— люди, имѣя чекovou книжку и текущій счетъ у банкира, считаютъ, что они вполне понимаютъ дѣла. Впрочемъ, это все равно. Еслибъ вы

знали всѣ тайны биржевой игры, то не могли бы предотвратить этого несчастья.

— Конечно. Я думаю, что Фредъ вернется съ дядей Робертомъ. Онъ, вѣроятно, поѣхалъ къ нему посоветоваться. Какъ вы полагаете?

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, вашъ дядя расскажетъ намъ что-нибудь о немъ.

— Какъ бы я желала, чтобъ все это скорѣе окончилось, продолжала Елена съ видимымъ утомленіемъ: — и чтобъ мы перѣехали въ наше новое жилище, гдѣ-нибудь въ скромномъ захолустьѣ Манчестера.

— Можетъ быть, дѣло не кончится такъ дурно.

— Я не говорила, что тамъ будетъ дурно, сказала Елена, закрывая лицо руками.

Себастьянъ смотрѣлъ на нее съ глубокимъ сердечнымъ сожалѣніемъ. Она столько уже перенесла, а ей суждено было еще болѣе перенести.

Въ эту минуту слуга доложилъ:

— Мистеръ Робертъ Вамфердъ.

Это былъ человѣкъ пожилой, грубый и простой на взглядъ. Онъ вошелъ въ комнату тяжелой поступью, взглянулъ на Себастьяна своими пронизательными, черными глазами и, не дожидаясь, чтобъ ихъ познакомили, кивнулъ головой.

— Здравствуйте, сэръ, произнесъ онъ и потомъ, обращаясь къ своей племянницѣ, прибавилъ: — ну, Елена, славныя у васъ дѣла, нечего сказать!

— Все очень грустно, дядя, отвѣчала молодая дѣвушка, пристально смотря на него: — но я думаю, что намъ лучше постараться поправить дѣло, чѣмъ осуждать уже то, что случилось.

— Ну, теперь уже ничего не подѣлаешь съ тѣхъ поръ, что сбѣжалъ вашъ драгоценный братецъ.

— Что? промолвила Елена, еще болѣе поблѣднѣвъ и опираясь обѣими руками на столъ: — Фредъ сбѣжалъ? Что вы хотите этимъ сказать? Онъ отправился разузнать, въ какомъ положеніи дѣла отца. Я думала, что онъ вернется вмѣстѣ съ вами. Что онъ сдѣлалъ?

Въ ея словахъ не слышно было прежняго вызывающаго тона, а, напротивъ, звучало уже подозрѣніе чего-то недобраго.

— Что онъ сдѣлалъ? воскликнулъ мистеръ Вамфордъ, рассказывая взадъ и впередъ по комнатѣ: — что? Онъ просто взялъ все, что могъ деньгами и документами, и сбѣжалъ, можетъ быть, въ Америку, но во всякомъ случаѣ къ чорту.

— Хотите ли вы сказать, что Фредъ поступилъ безчестно? спросила Елена, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Безчестно ли? Да развѣ вы ничего не знаете? Всему Манчестеру уже извѣстна эта исторія. Ну, голубушка, всякій знаетъ, что нужно думать, когда люди отравляются и удираютъ, оставляя женъ, сестеръ и кредиторовъ.

— Но мой отецъ... вѣдь это несчастье... онъ не...

— Чѣмъ меньше говорить о дѣйствіяхъ твоего отца за послѣднія шесть недѣль, тѣмъ лучше.

— Пожалуйте миссъ Спенслей, сэръ, произнесъ Себастьянъ, который не могъ долѣе смотрѣть на страданія Елены и воспладалъ ненавистью къ жестокости мистера Бамфорда.

Елена отвернулась, закрыла лицо рукой, какъ человѣкъ, который пораженъ тяжелымъ ударомъ; это былъ жестъ скорѣе свойственный мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ. Она не застонала и не заплакала, но Себастьянъ видѣлъ, что въ сердце ея вонзили кинжалъ. Она переносила самыя ужасныя нравственныя страданія, какія только выпадаютъ на долю человѣка. Себастьянъ это понималъ и ея красота казалась ему въ эту минуту гораздо болѣе облагороженной и возвышенной.

— Этотъ ударъ и то для нея тяжелъ, продолжалъ онъ:—и я же знаю, зачѣмъ еще ее огорчать...

— Она должна узнать правду и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣчалъ рѣзко мистеръ Бамфордъ:—если она молодая дѣвушка съ характеромъ, то не захочетъ, чтобъ ее обманывали, да и во всякомъ случаѣ, вся ея жизнь измѣнится, такъ какъ ей надо будетъ поплатиться за грѣхи отца.

— Вы очень добры, мистеръ Малори, сказала Елена очень спокойно, но лицо ея приняло вдругъ очень изнуренное, какъ бы старческое выраженіе:—я желаю узнать сразу самое худшее. Я все снесу. Я не подозрѣвала, что тутъ было нѣчто безчестное. Продолжайте, дядя. Я ничего не боюсь и мнѣ надо знать что объяснить матери.

— Чортъ возьми, этой барышнѣ мужества не занимать! произнесъ мистеръ Бамфордъ:—теперь, я убѣдился въ ея силѣ воли и постараюсь объяснить ей положеніе дѣлъ.

— Значитъ, я могу васъ оставить, сказалъ Себастьянъ:—миссъ Спенслей передастъ вамъ какія я принялъ мѣры. Я вскорѣ явлюсь, въ надеждѣ, что могу вамъ понадобиться, прибавилъ онъ обращаясь къ Еленѣ:—вы позволяете?

— Вы очень добры, отвѣчала она все съ тѣмъ же спокойствіемъ и протянула ему руку:—я всегда буду рада васъ видѣть. Мо-

жить быть, въ другой разъ я буду въ состояніи лучше поблагодарить васъ за вашу доброту ко мнѣ.

— Пожалуйста, не благодарите, это совершенно излишне, произнесъ Себастьянъ, выходя изъ комнаты.

— Ну, я васъ слушаю, дядя Робертъ, сказала Елена.

— Кто этотъ молодой человѣкъ?

— Мистеръ Себастьянъ Малори.

— Молодой Малори изъ Аденрода, который, возвратясь изъ за-границы, разыгрываетъ роль филантропа?

— Тотъ самый.

— Онъ твой близкій другъ?

— Нѣтъ, отвѣчала холодно Елена:—онъ случайно первый узналъ вчера о смерти отца и такъ какъ здѣсь не было никого другого, то онъ былъ такъ добръ, что взялъ на себя распорядиться всѣмъ въ домѣ за меня. Я очень мало его знаю.

— Гм! Ну, перейдемъ къ дѣламъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ мистеръ Бамфордъ познакомилъ ее съ случившимся и съ тѣмъ, что ее впредь ожидало. Онъ полагалъ, что ея братъ скрылся, утачивъ съ собою тысячи двѣ фунтовъ стерлинговъ. Что же касается ея отца, то основная его ошибка состояла въ томъ, что онъ не умѣлъ сократить себя, какъ только дѣла его пришли въ разстройство, то есть не могъ «унизить себя въ глазахъ свѣта».

Елена молча выслушала его и потомъ показала ему письмо отца, которое нашелъ Себастьянъ.

— Да, да, произнесъ мистеръ Бамфордъ:—твой долгъ имѣю...

— Я очень рада это слышать, сказала молодая дѣвушка почти злобно:—но еслибъ онѣ и были на лицо, то я не тронула бы ни пенса.

— Всѣ деньги, долженствовавшія идти вашей матери, такъ же въ дѣлѣ. Онѣ погибли вмѣстѣ съ другими.

— Я и этому рада. Никто, по крайней мѣрѣ, не скажетъ, что мы вышли сухи изъ воды, когда столько людей пострадало.

— Конечно, ваши драгоценности и гардеробъ останутся за вами, а у тебя, Елена, и у твоей матери должно быть драгоценностей на значительную сумму.

— Мы все продадимъ.

— Дѣлайте какъ знаете. Конечно, ваша мать продастъ свои драгоценности, но вырученныя деньги будутъ принадлежать ей, а вы не вмѣшивайтесь въ дѣла, которыхъ не понимаете.

— Я понимаю, что честно и что безчестно, и поступлю какъ мнѣ подскажетъ моя совѣсть.

— Эге, она съ духомъ! промолвилъ дядя.

Потомъ онъ объяснилъ, что имъ придется уѣхать изъ Тансона и что Еленѣ лучше всего поискать себѣ какихъ нибудь занятій. Конечно, пока она ничего не прищеть, онъ приютитъ ее у себя, а мистрисъ Спенслей можетъ жить у него сколько ей угодно. Если она захочетъ, она можетъ заняться его хозяйствомъ, но если она вздумаетъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, то онъ постарается прискать ей мѣсто.

— Болѣе этого вы, кажется, не можете и ожидать, прибавилъ онъ добродушно.

— Конечно, отвѣчала Елена совершенно спокойно:—мы не имѣли право ожидать и этого, и должны бы быть счастливы, что нашли въ васъ друга.

Оставшись наединѣ, она припомнила, что всегда желала работы, настоящей, нужной работы, а не пусташной комедіи, которую богачи называютъ работой. И вотъ теперь ей предстояло столько труда, сколько она желала, и мысль объ этомъ ее нисколько не радовала. Но все-таки она желала какъ можно поскорѣе бѣжать отъ всей этой ложной роскоши, ложнаго богатства, и скрыться подальше отъ свѣта и Себастьяна, въ мракъ неизвѣстности и нищеты, не ложныхъ, но дѣйствительныхъ.

XVI.

Безъ поворота.

— Прощайте, Гейвудъ, сказалъ въ тотъ же вечеръ Себастьянъ, разставаясь съ Майльсомъ:—желаю вамъ успѣха и увѣренъ, что вы везете успѣхъ съ собою. Вы вернетесь въ Англію не дюжаннымъ человѣкомъ.

— Я надѣюсь, что никогда не вернусь, отвѣчалъ Майльсъ:—и нисколько не думаю объ успѣхѣ. Я хочу работать, все равно съ успѣхомъ или нѣтъ.

— Полноте, время все измѣнить и вы когда-нибудь захотите вернуться въ Англію.

Майльсъ покачалъ головой съ грустной, недовѣрчивой улыбкой. Какъ могъ онъ желать вернуться туда, гдѣ живетъ Адриенна, жена Себастьяна Малори!

— Прощайте, произнесъ онъ, протягивая руку:— благодарю васъ.

Онъ вышелъ изъ Авенрода и быстрыми шагами направился домой.

Въ суматохѣ, заботахъ и приготовленіяхъ, которыми были на-

полнены послѣдніе два дня, онъ какъ бы нашелъ свою прежнюю энергію. Онъ не чувствовалъ себя довольнымъ или счастливымъ, не находилъ, что жизнь, отрывавшаяся передъ нимъ, была очень веселой, но сознавалъ, что надо было жить. Онъ поставилъ себя это задачей и полагалъ, что чѣмъ скорѣе онъ сброситъ съ себя прежнюю жизнь, какъ изношенный сюртукъ, тѣмъ лучше. Онъ зналъ, что предстояшіе ему трудъ и борьба были во сто разъ выше тѣхъ, которые доселѣ выпадали на его долю. Одна мысль о тѣхъ трудностяхъ, которыя ему предстояло побороть, возбуждала его силы, хотя то, что онъ долженъ былъ покинуть, казалось ему тѣмъ драгоценнѣе и желательнѣе, чѣмъ болѣе оно скрывалось во мракѣ. Теперь уже поворотъ былъ немислимъ; и онъ всего болѣе боялся, чтобы его отъѣздъ какъ-нибудь не отсрочился. Его пламенное желаніе какъ можно скорѣе покончить съ своимъ прошедшимъ придавало ему видъ, что онъ съ энтузіазмомъ оставлялъ свою родину, и это еще болѣе огорчало Мэри, хотя нисколько не удивляло ее.

Идя теперь по улицамъ Тансона, онъ съ уловольствіемъ говорилъ себѣ, что онъ въ послѣдній разъ шагаетъ по этимъ тротуарамъ. Какъ онъ прежде любилъ этотъ прозаическій, грязный промышленный городъ! Сколько воспоминаній соединяло его съ этимъ городомъ! Тутъ онъ провелъ свое дѣтство среди людей, которыхъ любилъ всѣмъ сердцемъ, тутъ онъ юношей работалъ, боролся и одерживалъ не одну побѣду, тутъ, наконецъ, онъ почувствовалъ впервые и блаженство и жало любви, мало по малу овладѣвшей всецѣло его сердцемъ. Все это онъ пережилъ въ мрачномъ, дымномъ Тансонѣ, среди постоянного рева машинъ. Онъ чувствовалъ, что ему нигдѣ не будетъ такъ хорошо, какъ здѣсь и, однако, ощущалъ горькую радость при мысли, что покинетъ завтра Тансонъ.

Занятый подобными размышленіями, онъ незамѣтно достигъ своего дома. Мэри была въ кухнѣ. Она сидѣла въ креслѣ съ заплаканными глазами.

— Чтѣ съ тобою, Молли? спросилъ Майльсъ.

— Ничего. Я только думала о томъ, что мнѣ говорила миссъ Блиссетъ.

— Миссъ Блиссетъ! повторилъ онъ, пристально смотря на нее:— развѣ она была здѣсь?

— Да. Она только сегодня утромъ услышала о смерти Неда и пришла выразить намъ свое соболѣзнованіе. Но она очень измѣнилась и стала такой тихой, что право странно на нее смотрѣть. Она довольно долго сидѣла; мнѣ было столько ей разсказать о себѣ и Гарри, о бѣдномъ Недѣ и о твоёмъ отъѣздѣ.

цѣ.—II. Литературныя новости: нѣсколько словъ объ Эмиль Золя и его новомъ романѣ: «Нана». — «Марта», романъ Гюисманса. — Появленіе «Новаго Обозрѣнія». Людовика.	21
X. — НОВЫЯ КНИГИ. Первая борьба. В. Крестовскаго. — Графъ Салиасъ. Мадонна. — Твердость характера. В. Марьина. — Проказники. Добродушнаго Юмориста.	44
XI. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. М.	58
XII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Крестьянскія мечты о землѣ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собра- ніи. — Сила вещей, производящая различныя непо- слѣдовательности въ русской жизни. — Докладъ мос- ковской земской управы съ проектомъ земской кас- сы для вспомошествованія цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ въ приобрѣтеніи земли. — Характеристика нашихъ совѣщаній комиссій и собраній по кре- стьянскимъ дѣламъ. — Очеркъ дебатовъ, бывшихъ въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи по этому предмету. — Заключение. — Отвѣтъ г. Суворину.	82
XIII. — ПЕРВОЕ ОКТЯБРЯ. Н. Щедринъ	107

Объявленія: Объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» въ 1880 году, а также объ изданіи въ томъ же году журналовъ: «Всемирная Иллюстрація», «Модный Свѣтъ», «Огонекъ», «Нива», «Нева», «Историческій Вѣстникъ», «Древняя и Новая Россія», о выходѣ въ свѣтъ ноябрьской книги журнала «Русской Старины», книги Е. П. Карновича «Любовь и Корона», отъ книжныхъ магазиновъ Н. И. Мамонтова.

Для всѣхъ иногородныхъ подписчиковъ при семъ номерѣ прилагается каталогъ газетъ и журналовъ на 1880 годъ книжнаго магазина Э. Мелье въ Петербургѣ, а также объявленія объ изданіи въ 1880 году журналовъ «Дѣло», «Ваза»; газеты «Новости» и отъ Книжной Торговли для Иногородныхъ Н. П. Карбасникова.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1879 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ *С.-Петербурѣ* безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкой: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТЪПЕТЕРБУРГѢ: Въ Главной Конторѣ Редаціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Вульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».

Поступила въ продажу новая книга: „Изъ памятной книжки“. Очерки и рассказы *Г. Иванова* (Г. Успенскаго). Цѣна 1 р. 25 к.

Поступила въ продажу новая книга *С. Н. Кривенко*: „Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія“. Цѣна 1 руб. 50 коп. Съладъ изданія: въ кн. магазинѣ М. Стасюлевича. Спб., В. О. 2-я л., 7.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются сочиненія *Н. К. Михайловскаго*. Томъ I. Цѣна 2 рубля. Иногородные, обращающіеся въ главную контору „Отечественныхъ Записокъ“, за пересылку не платятъ. Съладъ у автора: Басейная, № 33.

Соч. *Н. Н. Златовратскаго*: „Среди народа“ (рассказы и очерки), ц. 1 р. 50 к. „Золотыя сердца“ (повѣсть), ц. 50 к. Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ при типографіи Демакова (Спб. Новый пер. д. № 7.)

Выписка „Стихотвореній *Н. А. Некрасова*“ черезъ Главную Контору „Отечественныхъ Записокъ“ прекращена, за распродажей имѣвшихся въ конторѣ экземпляровъ.





